

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES**

Salias de Turnemir
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГРАФА
Sobranie sochinenii
Е. А. САЛІАСА.

Томъ XIII.

~~~~~

**БРИГАДИРСКАЯ ВНУЧКА.—КРУТОЯРСКАЯ ЦАРЕВНА.—
ДОНСКІЕ ГИШПАНЦЫ.**

—————
—————

Издание А. А. Карцева.

—————
—————

МОСКВА.

Типо-Литографія Г. И. ПРОСТАНОВА, Петровка, домъ № 17, СавостьяновоѲ.

1895.

БРИГАДИРСКАЯ ВНУЧКА.

Московская быль.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ель 1771 годъ. Юль мѣсяць былъ на исходѣ и въ Москвѣ стояла очень жаркая лѣтняя погода.

Первопрестольная переживала тяжелый, страшный въ лѣтописи ея существованія годъ. Еще зимой появились первые признаки, а весной разразилась надъ городомъ страшная кара Господня. Это былъ, по выраженію народа, бичъ Божій. На Москвѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе.

Чума вырывала жертвы свои ежедневно и ежечасно, усиливаясь съ каждымъ днемъ. Начавъ весною съ десятковъ, теперь въ лѣтніе мѣсяцы она уносила людей почти сотнями въ день.

Въ столицѣ была полная неурядица. Все, что было людей съ достаткомъ, не только дворяне, но и богатое купечество, зажиточные мѣщане—все еще съ весны бѣжало изъ Москвы. Оставался преимущественно простой народъ.

Многія изъ властей московскихъ тоже бѣжали. Примѣръ показалъ самъ генераль-губернаторъ, фельдмаршалъ Салтыковъ. Старикъ, почти восьмидесяти лѣтъ, ради страха смерти уѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе, Марѣино, самовольно покинувъ свой постъ.

За его отсутствіемъ, власть принялъ въ свои руки сенаторъ Еропкинъ, человекъ дѣятельный, энергичный, смѣлый и умный. Онъ раздѣлилъ тотчасъ столицу на участки, назначилъ вездѣ

отдѣльныхъ временныхъ начальниковъ или комиссаровъ. Началась правильная, упорная борьба съ „матушкой чумой“. Но видно она уже давно расходилась не на шутку, время было упущено и теперь стало не подь силу бороться съ ней.

Всѣ подмосковные монастыри стали карантинными, куда отправляли людей изъ зачумленныхъ домовъ. Вездѣ, гдѣ оказывался чумовой покойникъ, всѣхъ жильцовъ запирали въ домъ, запрещая имъ всякія сношенія. Въ случаѣ непослушанія, отправляли ихъ насильно въ карантинъ.

Народъ волновался все болѣе. Всякіе нелѣпые слухи, ходившіе въ городѣ, легко поднимали чернь на всякое буйство. Болѣе всего были озлоблены москвичи на докторовъ, а равно и на властей, якобы потворствовавшихъ докторамъ. Говорили, что не чума виновата, а доктора подкушены кѣмъ-то, чтобы морить православный народъ.

Предположеніе это, въ которое твердо вѣрила вся московская чернь, основывалось главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что въ эти дни въ Москвѣ почти не было русскихъ врачей. Всѣ наличные медики въ первопрестольной были исключительно нѣмцы, поляки или жида. Даже главныя медицинскія власти города—и тѣ были почти безъ исключенія иноземцы всевозможныхъ странъ. Главный докторъ всей Москвы, начальникъ всѣхъ больницъ, „штатъ-физикусъ“, былъ нѣмецъ фонъ-Риндеръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы были уже нѣкоторыя улицы и переулки заставлены рогатками, такъ какъ все населеніе ихъ вымерло, всѣ дома были заколочены, а проѣздъ среди зачумленныхъ домовъ изъ предосторожности запрещался. Разумѣется, были дома и домики, изъ которыхъ населеніе все выѣхало или бѣжало. Были и такіе, гдѣ умерло не болѣе двухъ человѣкъ, а всѣхъ остальныхъ забрали и отправили въ карантинныя за городъ.

Такъ или иначе, но всѣ улицы стояли пустынные, дома съ закрытыми ставнями, ворота и калитки заколоченныя досками.

Въ одномъ изъ переулковъ близъ Арбата было, именно, полное безлюдье, хотя рогатокъ еще не поставили, такъ какъ въ числѣ двухъ десятковъ домовъ, уже заколоченныхъ, еще оставалось домовъ пять, гдѣ жили обыватели.

Посреди этихъ немногихъ уцѣлѣвшихъ, въ ярко выкрашенномъ голубою краской домикѣ съ расписными ставнями, жило

еще цѣлое семейство, которое матушка-чума до сихъ поръ обходила. Небольшой деревянный домикъ съ четырьмя оконцами на улицу, съ десяткомъ такихъ же оконцевъ во дворъ и въ маленькій садикъ, принадлежалъ арбатскому купцу-лавачнику.

Домъ этотъ нанималъ уже года три офицеръ въ отставкѣ, поручикъ Артемій Никитичъ Филисовъ, съ женой, семнадцатилѣтнею дочерью и пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. При нихъ было человѣка три-четыре дворовыхъ людей.

Поручикъ Филисовъ былъ въ исключительномъ положеніи, и не смотря на бѣдную обстановку, на мѣщанскій бытъ, его знала вся Москва, и вельможная, и чиновная.

Его родной отецъ, бригадиръ Никита Артемьевичъ Филисовъ, былъ хорошо извѣстенъ не только всей Москвѣ, но и Петербургу. Бригадиръ жилъ широко и открыто, на боярскій ладъ, въ собственныхъ своихъ палатахъ у Никитскихъ воротъ.

Единственный же сынъ его, поручикъ Артемій Филисовъ, съ двумя дѣтьми ютился въ маленькой квартиркѣ въ переулкѣ. Здѣсь, въ пяти горницахъ, размѣстился кое-какъ самъ Филисовъ, жена его, дочь, сынъ и люди. А тамъ, въ большомъ каменномъ домѣ бригадира былъ онъ одинъ, да при немъ жила его двоюродная сестра, пожилая, но красивая вдова. Тамъ въ домѣ было до двадцати-пяти пустыхъ покоевъ и горницъ.

Разумѣется, поручикъ Филисовъ былъ извѣстенъ всѣмъ ради своего отца. Филисовы отецъ и сынъ были теперь если не въ полной ссорѣ, то въ размолвкѣ. Причина этой размолвки была по времени и обычаямъ очень серьезна.

Поручикъ Филисовъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, безъ позволенія и безъ благословенія родительскаго обвинчался съ дѣвушкой, которую полюбилъ. Дѣвушка эта была дочерью просвирни сосѣдняго прихода. Послѣ такого срамнаго событія бригадиръ, конечно, не пожелалъ видѣть сына и объявилъ его лишеннымъ наслѣдства.

Въ теченіе шести лѣтъ Филисовы не видались между собой. Бригадиръ, несмотря на хлопоты и совѣты всѣхъ друзей и знакомыхъ простить молодого офицера, упорно продолжалъ не допускать къ себѣ ни сына, ни его семью.

Наконецъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ своей свадьбы Филисовъ-сынъ, окончательно погибая безъ средствъ къ жизни, почти нищенствуя, обратился съ просьбой къ начальству.

Генераль-губернаторъ заинтересовался судьбой молодого человека. Снова принялись всё за бригадира—и тотъ уступилъ. Онъ повидался съ сыномъ и невѣсткой, позволилъ имъ приѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми. Всѣ пробыли у бригадира часа два, не болѣе. Никита Артемьевичъ объяснилъ сыну, что будетъ давать ему на прожитокъ четыреста рублей въ годъ, то-есть средства къ безбѣдному существованію. Затѣмъ бригадиръ подарилъ невѣсткѣ Агафѣ Филипповнѣ дворовую женщину въ мамушки для дѣтей, а сыну двухъ дворовыхъ людей, лѣтъ по двадцати, для услугъ.

Видаться съ сыномъ и его семьей бригадиръ не изъявилъ согласія и объяснилъ, что когда будетъ какая нужда, то сынъ можетъ заглянуть, свое дѣло пояснить.

Съ этого дня Филисовы, нанявъ квартиру попросторнѣе, жили бѣдно, но по крайней мѣрѣ были сыты и одѣты. Разумѣется, изъ года въ годъ, пока подростали дѣти, Филисовы надѣялись, что отецъ положить гнѣвъ на милость; каждый годъ мечтали они, что переѣдутъ въ большой и богатый домъ бригадира.

Но годы шли, въ палатахъ Никиты Артемьевича распорядилась всѣмъ красивая двоюродная сестрица, „соломенная“ вдова, а Филисовъ со своей семьей кое-какъ существовалъ, перебивался, кочуя изъ одной наемной квартирки въ другую.

Когда дочери Филисова, Клеопатрѣ, которую всё звали уменьшительнымъ „Клѣна“, минуло двѣнадцать лѣтъ, бригадиръ предложилъ сыну отдать внучку къ нему въ домъ, дабы возможно было дать ей дворянское воспитаніе. Но Филисовъ на это не согласился, и Клѣна осталась въ домѣ родителей.

— Отецъ будетъ нищенствовать, а дочь въ золотыхъ каретахъ кататься! сказалъ онъ.—Это не рука.

И поручикъ, наоборотъ, предложилъ отцу взять сынишку, мальчугана умнаго и шустрого; но бригадиръ отказалъ въ свою очередь. До него уже доходили слухи, что мальчуганъ-внукъ въ мѣщанской обстановкѣ своихъ родителей велъ такую жизнь, вращался въ такой средѣ, что сталъ совсѣмъ шатунъ-мальчишка, умѣвшій только озорничать на улицѣ и на сосѣднихъ дворахъ и огородахъ.

Не смотря на стѣсненные средства, Филисовы все-таки сумѣли дать кое-какое воспитаніе своей дочери. Клѣну учили грамотѣ приходскій дьячокъ. Дѣвочка была отъ природы чрез-

вычайно способная, умная, смѣлая, даже, пожалуй, черезчуръ бойка. Въмѣстѣ съ тѣмъ она была очень красива и умѣла нравиться всѣмъ.

II.

Такъ прошло время. Теперь Клѣнѣ пошелъ уже семнадцатый годъ и она уже сама съумѣла составить себѣ въ Москвѣ кругъ знакомыхъ.

Поручикъ Филисовъ и его жена, за послѣднее время совершенно болѣзненные, сидѣли безвыходно дома. Самъ Филисовъ, которому было около тридцати восьми лѣтъ, казался на видъ гораздо старше. Ему можно было дать около пятидесяти. Жизнь тяжелая, скучная, съ безвыходною бѣднотой, а главное, полная униженій, конечно, повліяла на него. За послѣднее время у него появился даже тотъ порокъ, который часто является у русскаго человѣка отъ горя, праздности или незадачи въ жизни. Филисовъ началъ пить и на него изрѣдка нападали запой.

При этомъ всѣ знакомые и сосѣди отъ души жалѣли поручика, объясняя его порокъ несчастной обстановкой и вина во всемъ богача и упрямаца бригадира.

Агафья Филипповна Филисова вслѣдствіе своихъ недуговъ проводила большую часть дня въ постели. Только часа по два въ день она сидѣла у окошечка, занимаясь оглядываніемъ прохожихъ и проѣзжихъ. Лѣтомъ при отворенномъ окнѣ она останавливала всякаго идущаго опросами. Такимъ образомъ вскорѣ Агафья Филипповна знала въ лицо и по имени не только всю свою улицу, но и прилегающіе переулки. Въмѣстѣ съ тѣмъ она знала все, что творится во всемъ околоткѣ, кто какъ живетъ, кто съ кѣмъ хлѣбъ-соль ведетъ или враждуетъ, кто на что надѣется.

Въ то же время мальчуганъ, которому было теперь уже пятнадцать лѣтъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ изъ дому, бывая Богъ вѣсть гдѣ, якаясь Богъ вѣсть съ кѣмъ. Родные часто журили сына, иногда запирали его на дворѣ въ чуланъ, но добиться ничего не могли. Определить его куда-либо на службу было еще рано, да и тотъ экзамень, который требовался для поступленія хотя бы въ полкъ, юноша сдать, конечно, не могъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Тотъ мѣстный дьячокъ, который обучалъ чему могъ барышню Кле-

опатру Артемьевну, давно уже отказался отъ ея брата, Филиппа Артемьевича, объясняя, что онъ, кромѣ гоньбы голубей, игры въ бабки и свайку или швырянья каменье въ чрезъ сосѣдскіе заборы, ничѣмъ не въ состояніи заняться. Филиппъ началъ съ тринадцати лѣтъ дружитья и водиться со всякимъ подозрительнымъ людомъ. Въ послѣднее время городскія власти уже два раза обратили вниманіе его отца на какіе-то неблаговидные поступки. Наконецъ, чума и смутные дни въ Москвѣ должны были окончательно разнуздать молодца.

Одновременно Клена съумѣла понемножку завести себѣ много знакомыхъ. Она была пріятельницей многихъ барышень, своихъ сверстницъ, часто бывало во многихъ московскихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ гостила по нѣскольку дней, изрѣдка навѣдываясь домой. Вслѣдствіе этого за послѣдній годъ Клена среди совершенно мѣщанской, бѣдной и грязной обстановки своихъ родителей казалась какъ бы чужою для нихъ, личною барышней, дочерью родовитыхъ дворянъ. Даже всѣ сосѣди въ улицѣ съ почтеньемъ звали ее „бригадирская внучка“, какъ бы игнорируя ея родныхъ.

Знакомые же Клены предпочитали изъ тщеславія назвать или представить ее кому-либо подъ этимъ именемъ бригадирской внучки, чтобы не сказать, что она дочь полуннцаго поручика полевой команды, женатаго вдобавокъ на „просвиренской“ дочкѣ.

Братъ и сестра не были дружны. Филиппъ, хотя былъ мо- ложе Клены на два года, пользовался, разумѣется, гораздо большею свободою. Но на него бѣдная обстановка, отсутствіе всякаго воспитанія и сѣренькое житье-бытье подѣйствовали губительно. Теперь между братомъ и сестрой не было уже ничего общаго, и дѣвушка гнушалась мальчугана.

Клена вела себя примѣрно, скромно и разумно, какъ подобало бригадирской внучкѣ и родовитой дворянкѣ по происхожденію; братъ же становился совсѣмъ уличнымъ озорникомъ и шалуномъ. Няня звала его: Полуночникъ.

Лѣтомъ Клену часто приглашали ея друзья къ себѣ въ деревню, подъ Москвою или далѣе, и чѣмъ дольше гостила дѣвушка, тѣмъ, конечно, тяжелѣе ей было возвращаться въ родительскій домъ. Тѣсно и тоскливо казалось ей въ трехъ маленькихъ горницахъ, гдѣ лежала больная мать, какъ-то отупѣвшая и отъ обстановки, и отъ образа жизни, и гдѣ, съ другой стороны, изрѣдка бывалъ пьяный отецъ, являвшійся

изъ сосѣдняго питейнаго дома, лохматый, испачканный, въ растерзанномъ видѣ.

Вмѣстѣ съ Кленой, постоянно сопровождаая ее повсюду, бывала и мамушка, подаренная когда-то бригадиромъ и теперь обожаемая ею Ариша или Арина Матвѣевна. Умная женщина, насколько могла и умѣла, обучала уму-разуму свое дитяtko и наставляла какъ вести себя въ обществѣ.

Благодаря именно вліянію Арины Матвѣевны, ея постояннымъ хлопотамъ, Клена и могла завести свой кругъ знакомства. Когда Кленѣ исполнилось еще только четырнадцать лѣтъ, Арина Матвѣевна уже вездѣ, всѣми правдами и неправдами, старалась, чтобы ея ненаглядное дитяtko проникло въ какой-нибудь хорошій дворянскій домъ. Арина Матвѣевна отправлялась впередъ развѣдчикомъ, знакомилась съ людьми, съ мамушками, дружилась, и затѣмъ уже начинала свои подкопы, свою атаку, добиралась до барина или до барыни, печаловалась на судьбу семьи Филисовыхъ, жаловалась на скареда и кровопійцу бригадира, горевала надъ судьбою своей питомицы.

Кончалось тѣмъ, что заинтересованные разказами Арины Матвѣевны дворяне желали повидать барышню, а затѣмъ уже Клена легко могла „постоять за себя“. Черезъ мѣсяць послѣ того, что дѣвушка въ первый разъ переступала порогъ какого-нибудь дома, ее уже всѣ любили въ немъ и приглашали постоянно.

Случалось даже раза три, что нѣкоторыя семьи дворянскія совѣтовались съ Ариной Матвѣевной, нельзя ли какъ высвободить Клену изъ ея семьи, переманить къ себѣ и взять на воспитаніе. Но это было невозможно. Филисовъ продолжалъ надѣяться, что когда-нибудь бригадиръ смирится духомъ, проститъ ихъ окончательно, и если Клена найдетъ хорошаго и выгоднаго жениха, то бригадиръ, какъ бы лишившій сына всего состоянія, удѣлитъ что-нибудь на приданое своей ни въ чемъ неповинной внучкѣ.

Такъ подошелъ страшный чумовой годъ.

Среди весны, на Пасхѣ, съ Кленой, гостившею въ одномъ богатомъ боярскомъ домѣ, гдѣ она была особенно близко знакома и любима, случилось маленькое происшествіе, весьма много значившее въ жизни бригадирской внучки. На одной изъ вечеринокъ Клена встрѣтилась съ молодымъ офицеромъ, звенигородскимъ помѣщикомъ.

И до сихъ поръ были молодые люди, которые ухаживали

за Кленой, которые даже отчасти нравились ей самой, но однако никогда еще ничего не случилось, какъ казалось ей, „особеннаго“. Тутъ же, при знакомствѣ съ молодымъ офицеромъ, Клена сразу почувяла что-то, прочла нѣчто въ его глазахъ. Вдругъ и ей, а равно и ему самому сказалося въ ихъ отношеніяхъ нѣчто особенное.

— Суженные! говорить въ этихъ случаяхъ народъ.

— За послѣднее время Клена чаще всего бывала въ семьѣ Зиновьевыхъ, гдѣ была лишь одна дочь, дѣвочка, гораздо моложе Клены.

Хотя маленькая Катя Зиновьева не могла по годамъ своимъ быть ей пріятельницей, тѣмъ не менѣе Клена сдумѣла добиться того, что дѣвочка полюбила ее до страсти.

Въ данномъ случаѣ схитрившая дѣвушка поступала по совѣту своей умной няни Арины Матвѣевны.

Изъ всѣхъ домовъ московскихъ, за которыми теперь ухаживали москвичи, особенно выдавались двѣ семьи: графа Ивана Григорьевича Орлова и Зиновьева, женатаго на Орловой. Такъ какъ госпожа Зиновьева приходилась родною теткою могущественнымъ вельможамъ Орловымъ, то знакомство съ нею было полезно для всякаго. Умная мамушка Арина Матвѣевна сообразила, что для Клены весьма важно сдѣлаться любимицей въ домѣ Зиновьевыхъ.

Объясняя это своему дитяткѣ, Арина говорила:

— Ужь когда-когда, а гляди, будетъ отъ этого прокъ. Мало ли что въ жизни приключиться можетъ. А они люди въ Москвѣ знатные и черезъ своихъ петербургскихъ вельможныхъ сродственниковъ люди сильные.

Когда подошло лѣто, Клена, бывавшая у Зиновьевыхъ всю зиму, уже стала первой любимицей госпожи Зиновьевой. И вотъ однажды у нихъ она встрѣтила молодого красиваго офицера Напольнаго полка.

Николай Козляниновъ, такъ звали молодого офицера, былъ средней руки дворянинъ, помѣщикъ Звенигородскаго уѣзда. Всей родни на свѣтѣ была у него только старая мать, жившая безвыѣздно въ своемъ домѣ въ Звенигородѣ.

Козляниновъ былъ малый красивый, добрый и немного робкій въ обращеніи, будучи отъ природы тихаго дѣвичьяго нрава. Это послѣднее обстоятельство отражалось, впрочемъ, далеко не благопріятно на его вѣѣшности: онъ былъ высокаго роста и плечистъ, а скромное дѣвичье личико, бѣлое и ру-

мяное, при его мощной фигурѣ, придавало ему смѣшной, отчасти даже глуповатый видъ.

Бойкая чернобровая Клена, слегка худощавая и небольшого роста, была совершенною противоположностью этого офицера. Быть можетъ, именно благодаря этому внѣшнему и внутреннему различію они и должны были быстро и легко сойтись.

Козлянинова въ домѣ Зиновьевыхъ принимали радушно, считая его даже дальнимъ родственникомъ. Онъ явился въ Москву весной, въ отпускъ изъ своего Напольнаго полка, стоявшаго въ одномъ изъ уѣздовъ московскихъ, и хлопоталъ по дѣлу. У его матери была долготѣнная тяжба.

Зиновьевы своимъ авторитетомъ въ Москвѣ помогали молодому человѣку и дѣло ладилось. Онъ долженъ былъ выиграть тяжбу. Но съ того дня, что онъ встрѣтилъ въ домѣ родственниковъ хорошенькую „бригадирскую внучку“, какъ ее всѣ называли, Николай Козляниновъ пересталъ заниматься своимъ тяжбынымъ дѣломъ. Сразу и всецѣло побѣдила его дѣвушка и онъ былъ поглощенъ заботами не судейскими, а любовными, думая все время о томъ, какъ бы опять гдѣ-либо встрѣтиться или провести вечеръ съ Клеопатрой Артемьевной Филисовой.

Послѣ нѣсколькихъ такихъ вечеровъ Козляниновъ, не скрывая своего чувства отъ Зиновьева, попросилъ совѣта: какъ быть въ этихъ неожиданныхъ для него и новыхъ обстоятельствахъ.

— Что же, отозвался Зиновьевъ, — дѣло хорошее. Филисовы живутъ въ бѣдности, почитай въ нищетѣ, но дѣдушка Клены богачъ, другъ графа Ивана Орлова и сосѣдь его. Какъ онъ не вертись, а въ концѣ концовъ все его состояніе перейдетъ двумъ внукамъ, Кленѣ и ея брату.

Собравъ всѣ свѣдѣнія о семьѣ Филисовыхъ, объ ея родныхъ, а равно и объ ихъ дѣдѣ-бригадирѣ, Козляниновъ съѣздилъ въ Звенигородъ и объяснился съ матерью.

Старушка очень обрадовалась, что ея единственный обожаемый сыночекъ собирается жениться на московской барышнѣ.

— Если у ней мать просвирненская дочь, то за-то дѣдушка бригадиръ!

Разсудивъ такимъ образомъ, Анна Ивановна Козлянинова дала свое согласіе и благословеніе, и общала даже пріѣхать въ Москву сама сватать своего сына.

Козляниновъ порѣшилъ прежде всего познакомиться съ

Филисовыми, побывать у нихъ нѣсколько разъ въ домѣ, а затѣмъ, уже зная навѣрно, что родители Клены взглянуть на его намѣреніе благопріятно, выписать старуху-мать.

Однажды Клена объявила своимъ родителямъ, что тотъ самый молодой офицеръ, котораго она видала у Зиновьевыхъ и о которомъ мамушка Арина Матвѣевна успѣла уже кое-что передать барынѣ, желаетъ явиться къ нимъ въ гости.

Филисовы, конечно, были очень рады, что выискался наконецъ женихъ для дочери, дворянинъ, офицеръ и вдобавокъ дальній родственникъ извѣстнаго въ Москвѣ Зиновьева.

Въ тотъ вечеръ, когда Козляниновъ долженъ былъ въ первый разъ явиться въ гости, нѣсколько часовъ сподрядъ въ маленькой квартиркѣ совершенно опустѣвшаго переулка шла нѣкотораго рода сумятица. Филисовы прибирались, чистились, готовились кое-какъ угостить ожидаемаго посѣтителя. Они побаивались отчасти, что молодой офицеръ, увидавъ ихъ бѣдную обстановку, пожалуй раздумаетъ. Арина Матвѣевна одна не боялась этого.

— Не изъ таковскихъ онъ, говорила она постоянно и Филисову и барынѣ.— Ужъ я его какъ хорошо знаю!

Дѣйствительно, Козляниновъ былъ давно первымъ другомъ Арины Матвѣевны. Съ ней онъ видался еще чаще, чѣмъ съ Кленой.

Арина Матвѣевна нашла возможнымъ уже съ мѣсяцъ бывать въ гостяхъ у молодого офицера, который занималъ одну комнату у какого-то чиновника на Знаменкѣ.

Мамушка выдумала себѣ какое-то дѣло, о которомъ, конечно, не давала никакихъ объясненій, и ради этого дѣла ей приходилось часто проходить мимо квартирки офицера. Каждый разъ она заходила къ нему отдохнуть и просиживала часокъ, бесѣдуя съ Николаемъ Ивановичемъ.

Разумѣется, предметомъ всѣхъ бесѣдъ бывала всегда Клена. Мамушка съ первыхъ разовъ пояснила офицеру, что ея дитяткѣ о замужествѣ и думать нечего: и рано, и обстоятельства такія особыя. Убѣдивъ молодого человѣка, что она и ея дитятко совсѣмъ не думаютъ о замужествѣ, мамушка, уже не стѣсняясь, бесѣдовала о своей питомицѣ какъ бы о совершенно постороннемъ человѣкѣ или какъ бы съ женатымъ человѣкомъ.

Арина Матвѣевна распѣвала соловьемъ. По ея словамъ,

конечно, не было на свѣтѣ подобнаго божества, какъ ея Клена. И красавица, и умница, и сердце золотое.

Разумѣется, Арина-мамушка прежде всѣхъ узнала и убѣдилась, что чувство Козлянинова къ ея дитятку совершенно серьезно.

Теперь, когда ожидали въ домѣ Филисовыхъ гостя и намѣченнаго жениха, Арина Матвѣевна имѣла право сказать:

— Ужь я его знаю, какъ своего роднаго. Онъ не изъ таковскихъ, чтобы напужаться вашимъ горькимъ и тѣснымъ состояніемъ. Ему денегъ и не нужно, онъ самъ Звенигородскій помѣщикъ. И опять-таки онъ знаетъ, что дѣдушка Никита Артемьевичъ не безсмертный, прости Господи. Когда-нибудь да протянетъ ноги и все, что у него есть, вамъ достанется.

III.

Наконецъ предъ вечеромъ Козляниновъ явился въ квартиру Филисовыхъ. Если бы онъ былъ нѣсколько дальновиднѣе, то конечно увидѣлъ бы, что за исключеніемъ Клены вся семья ея была для него въ качествѣ жениха не находкой. Неказиста была эта семья и съ виду.

Самъ отставной офицеръ Филисовъ, на видъ почти старикъ, отъ своего несчастнаго порока, казался человѣкомъ совершенно спившимся, болѣзненнымъ и глупымъ. Его красноватое лицо было какъ-то безжизненно. Онъ сидѣлъ вѣчно согнувшись, часто по нѣсколько минутъ сподрядъ глядѣлъ не сморгнувъ мутными бѣлесоватыми глазами и разиня ротъ, какъ бы не сознавая окружающаго. Изрѣдка онъ оживлялся— и въ немъ проглядывалъ прежній Филисовъ, сынъ порядочной и богатой семьи, прежній болѣе или менѣе блестящій офицеръ. Но затѣмъ снова спина его стибалась, голова, замѣтно облысѣвшая, наклонялась на грудь, и снова смотрѣлъ онъ на Козлянинова бессмысленными глазами человѣка, изнуреннаго запоемъ.

Козляниновъ слышалъ отъ Арины Матвѣевны, конечно вскользь и не въ подробностяхъ, что Филисову случалось пить по цѣлой недѣлѣ запоемъ, хотя пьянство его никогда не приводило къ буйству.

Мать Клены тоже была женщина на видъ невзрачная, не красивая, и хотя теперь, при сравненіи съ мужемъ, она ка-

залась приличною барыней, но въ ней также изрѣдка проглядывало и сквозило что-то прежнее.

Когда оживлялся Филисовъ, въ немъ сказывался прежній благовоспитанный дворянинъ. Когда оживлялась Филисова, въ ней сказывалась прежняя умная, разбитная, самоувѣренная просвирненская дочка, получившая воспитаніе въ оградѣ приходской церкви, гдѣ и зиму и лѣто игрывала она съ дѣвчонками и мальчишками всего околотка. Благодаря именно этой бойкости, она сумѣла обворозить когда-то молодого Филисова и выйти за него замужъ.

Иногда при бесѣдѣ съ Филисовой недалъновидный Козляниновъ все-таки замѣчалъ, что барыня, вѣроятно, прежде была ухарь-дѣвица, но не изъ благоприличныхъ. Во всякомъ случаѣ, крѣпостная мамушка Арина была гораздо приличнѣе самой госпожи Филисовой.

Наконецъ, третій членъ семьи, пятнадцатилѣтній малый, казавшійся на видъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, грубоватый Филиппъ, сильно не понравился офицеру.

Онъ явился на нѣсколько минутъ въ гостиную, гдѣ всѣ сидѣли, развалился около матери, которая его обожала, ничего не говорилъ, не участвовалъ въ общей бесѣдѣ, но только по очереди смотрѣлъ каждому говорившему въ лицо смѣлымъ, отчасти нахальнымъ взоромъ. При этомъ онъ то зѣвалъ, то потягивался на креслѣ, какъ въ постели, то начиналъ насвистывать какую-то кабацкую пѣсенку. Нѣсколько разъ прерывалъ онъ бесѣду Филисовыхъ съ гостемъ и сдѣлалъ два-три совершенно неумѣстные вопроса.

Такъ, въ ту минуту, когда Филисовъ разговаривалъ съ Козляниновымъ о новыхъ распоряженіяхъ Еропкина по поводу карантинновъ для зачумленныхъ, молодой Филисовъ вдругъ прервалъ ихъ разговоръ вопросомъ:

— А что, онъ часто собирается бывать у насъ? выговорилъ онъ, показывая пальцемъ на Козлянинова.

— Если ваши родители позволяютъ, отвѣчалъ Козляниновъ, нѣсколько смущаясь.

Но Филиппъ перебилъ его словами:

— Чего же не позволить! Вотъ у насъ дѣвка невѣста, надо же ее сбыть кому. Мы рады всякому, кто не женать, а холостъ.

Разумѣется, вся семья смутилась отъ этой грубоватой откровенности малаго; но, по счастью, онъ тотчасъ же, зѣвнувъ

нѣсколько разъ, надѣлъ свой картузь, подошелъ къ окну, побарабанилъ по стеклу и, засвиставъ что-то, вышелъ изъ горницы.

Только одна Арина Матвѣевна, сидѣвшая въ той же комнатѣ въ уголку, вздохнула и головой покачала. Она одна изъ всѣхъ не боялась дурныхъ послѣдствій отъ свиданія Козлянинова съ семействомъ.

За то Клена боялась болѣе всѣхъ. Ей казалось, что Козляниновъ, по мѣрѣ того какъ сидѣлъ у нихъ и бесѣдовалъ, становился задумчивѣе. Умной Кленѣ чудилось, что молодой человѣкъ настолько непріятно пораженъ всею ихъ обстановкой, что Богъ вѣсть, выдержитъ ли его чувство эти испытанія.

Однако, къ великой ея радости, Козляниновъ попросилъ позволенія, придравшись къ какому-то пустому случаю, прійти вновь на другой день.

Съ этого дня молодой офицеръ сталъ бывать у Филисовыхъ очень часто. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Арина Матвѣевна сѣумѣла такъ устроить, что молодые люди видались постоянно и въ церкви, и на бульварахъ, и на гуляньяхъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ перваго посѣщенія Козлянинова, онъ прямо объявилъ своей возлюбленной, что посылаетъ гонца за матерью, прося ее прійхать и официально сватать его.

Но вмѣсто этого Клена должна была просить своего „Колу“ обождать нѣкоторое время, такъ какъ ея мать хворала уже нѣсколько дней.

— Когда выздоровѣетъ, сказала Клена, — тогда ужъ отпишите вашей матушкѣ. А то маменька и принять ее не можетъ, лежитъ въ постели.

Въ эти страшные дни, когда моровая язва свирѣпствовала съ ужасающей силой по всей Москвѣ, постоянно можно было наблюдать одно и то же удивительное обстоятельство.

Одни боялись черной смерти до безумія, до полной потери разума и смысла, бѣжали отъ чумы изъ города или, не имѣя возможности покинуть Москву, суетились и метались изъ конца въ конецъ, ожидая смерти при малѣйшемъ нездоровьи, при легкой головной боли и при легкой коликѣ. Иному, отъ страха, простое утомленіе казалось уже прицѣпившеюся къ нему чумою. Многіе отъ страха чумы заболѣвали и умирали не чумой.

Но именно вмѣстѣ съ этимъ, рядомъ съ подобнаго рода

людьми, были совершенно другіе, смотрѣвшіе кругомъ себя ребячески наивно.

Въ числѣ такихъ людей была и семья Филисовыхъ.

Въ ихъ переулкѣ уже оставалось не болѣе трехъ-четырехъ домовъ, гдѣ жили обыватели; все остальное было пусто и заколочено. Ихъ переулокъ получилъ уже новое названіе; москвичи называли его „Мертвымъ“ и имя это долженствовало остаться за нимъ на вѣки. А между тѣмъ, одна Арина Матвѣевна изрѣдка качала головой и говорила господамъ:

— Нехорошее у насъ мѣсто, проклятое, чтоль. Больше чѣмъ гдѣ-либо мрутъ здѣсь. Что бы вамъ собрать кое-какіе пожитки, да перебраться куда въ другой околотокъ. Вѣдь на нашихъ глазахъ вся улица умерла или разбѣжалась. Кто на томъ свѣтѣ, кто за заставой Московской, а кто въ карантинѣ. Право бы, лучше убраться вамъ.

Но на эти совѣты и замѣчанія Филисовъ тупо, съ полусонными глазами, отвѣчалъ мамушкѣ вопросомъ:

— Куда? какъ? зачѣмъ?

И мамушка должна была повторять сотый разъ все тѣ же резоны.

Барыня, съ своей стороны, на увѣщанія няни махала рукой и говорила:

— Полно, матушка, все судьба. Отъ смерти не уйдешь, куда ни бѣгай. Вона тутъ сколько народу перемерло, весь переулокъ пустой, а мы вотъ ничего.

Наконецъ, въ тѣ дни, когда Козляниновъ собирался уже посылать гонца за своей матерью, Филисова заболѣла и лежала въ постели въ сильномъ жару. Вскорѣ начался бредъ, а семья, наблюдая за больной, удивлялась.

Всякій изъ нихъ повторялъ вопросительно:

— Что это такое приключилось? Должно быть зазнобилась, аль холоднаго квасу испила.

Если бы не лѣтнее время, то пожалуй тотъ же Филисовъ свалилъ бы болѣзнь жены на угаръ.

Живя въ зачумленномъ городѣ, гдѣ мерли сотни людей въ день, въ переулкѣ, который былъ почти пустъ и назывался „Мертвымъ“, вся семья въ теченіе нѣсколькихъ дней не подумала, никому на умъ не пришло, что у Филисовой та же самая чума.

Только черезъ недѣлю послѣ того, что барыня слегла въ постель и лежала уже вся въ темныхъ пятнахъ, безъ сознанія,

съ тяжелымъ, горячимъ дыханіемъ, Арина Матвѣевна первая догадалась и ахнула. Она не произнесла слова „чума“, еще менѣе могла произнести московское прозвище „черная смерть“, но объявила Филисову и Клентъ:

— Не хорошо, ахъ, не хорошо! И до насъ она добралась! Разумѣется, открытіе поразило всѣхъ.

Болѣе всѣхъ перепугалась молодая дѣвушка и въ то же время ей стало стыдно за то чувство, которое сказалось на душѣ. Она испугалась, потому что мать въ опасности, почти при смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась еще болѣе мысли, что въ случаѣ ея смерти они будутъ считаться зачумленными. Тогда они должны будутъ запереться въ своемъ домѣ, прекративъ всякія сношенія съ окружающимъ міромъ, по строгому приказу начальства, или же отправляться въ карантинъ, куда-нибудь въ подмосковный монастырь.

Такъ или иначе, свиданія съ Козляниновымъ должны будутъ прекратиться.

Филисовъ, убѣдившись, что жена въ чумѣ и кончается, былъ страшно пораженъ и совершенно потерялъ рассудокъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ около кровати жены и лицо его было бессмысленнѣе чѣмъ когда-либо.

Арина Матвѣевна предлагала барину послать за докторомъ, но Филисовъ отмахивался и говорилъ:

— Что тутъ! Какой докторъ! Докторъ уморить.

На предложеніе послать за священникомъ Филисовъ тоже отмахивался и говорилъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ. Что священникъ? Да онъ и не пойдетъ. Они нынче боятся къ умирающимъ ходить.

Разумѣется, не прошло еще двухъ дней, какъ Филисова перестала дышать и была уже страшнымъ чумовымъ мертвецомъ.

Арина Матвѣевна прежде всего озаботилась сдѣлать то, что дѣлали всѣ москвичи, то-есть скрыть настоящую болѣзнь, отъ которой умерла барыня. Но это ей не удалось. Молодой барченокъ изъ какихъ-то своихъ невѣдомыхъ видовъ первый объявилъ въ участкѣ о смерти матери отъ моровой язвы.

Тотчасъ появилась въ домѣ полиція, а вмѣстѣ въ ней два мужика, одѣтые въ засмоленную одежду. Эти были такъ называемые „моргусы“, которые, не притрогиваясь руками къ чумовому покойнику, крючьями стаскивали его съ кровати въ подставленный гробъ. Если это былъ бѣднякъ, то его трущъ

крючьями выволакивался даже изъ дому на улицу, втаскивался въ телѣгу и увозился безъ гроба.

Послѣ ужасной процедуры похоронъ чумового покойника, которая наводила ужасъ на всѣхъ обывателей, семейству зачумленной было предложено или устроить свой собственный карантинъ въ домѣ, запершись и не выходя ни съ кѣмъ въ городъ, или отправляться въ карантинъ въ Донской монастырь.

Филисовы предпочли остаться въ своей квартирѣ. Къ нимъ былъ приставленъ солдатъ, который долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы они не выходили изъ дома и никого къ себѣ не пускали.

Разумѣется, несмотря на этотъ объявленный домашній арестъ и приставленнаго солдата, Филисовы продолжали изрѣдка отлучаться изъ дому, а равно и впускали къ себѣ всѣхъ, кто не боялся войти въ домъ.

То же самое происходило во всей Москвѣ. Всѣ мѣры, которыя принимались властями противъ распространенія моровой язвы, не вели ни къ чему. Всѣ эти мѣры безъ исключенія встрѣчали противодѣйствіе въ населеніи. Не только никто не соблюдалъ карантиновъ, но даже когда кто заболѣвалъ въ домѣ чумой, то это тщательно скрывали отъ властей. Наконецъ, когда заболѣвшій умиралъ, то ради самоохраненія, чтобы не попасть въ карантинъ, чумового покойника хоронили тайкомъ, въ огородѣ или въ подвалѣ, и въ случаѣ огласки клялись и божились, что у нихъ въ домѣ покойника никогда не бывало и что исчезнувшее лицо выѣхало изъ Москвы.

При этомъ большею частью ссылались на одну изъ заставъ, гдѣ пропускъ изъ столицы былъ свободенъ, по дорогѣ на городъ Ростовъ.

Всякій разъ, когда обыватели заявляли объ исчезнувшемъ лицѣ, что онъ выѣхалъ въ Ростовъ, начальство знало, что человекъ этотъ умеръ и гдѣ-нибудь тайкомъ похороненъ. И выраженіе: „выѣхалъ въ Ростовъ“ осталось на вѣки въ языкѣ, сохранивъ свой особый подразумѣваемый смыслъ.

IV.

На другой же день послѣ похоронъ жены, Филисовъ, поднявшись рано утромъ, одѣлся въ свое лучшее платье, прибрался и, осмотрѣвъ тщательно себя въ зеркалѣ, отправился

къ Никитскимъ воротамъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ считалъ долгомъ являться съ докладомъ къ своему отцу.

Когда бригадирю доложили о прибытіи „молодого барина“, какъ продолжали звать стараго на видъ поручика, онъ принялъ сына какъ всегда, спокойно, строго, холодно, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ презрѣнія.

— Здорово, Артемій Никитичъ, — произнесъ бригадиръ, когда сынъ его вошелъ въ кабинетъ. — Садись.

Бригадиръ зналъ, что сынъ, котораго онъ не видалъ уже мѣсяцевъ пять, никогда не является безъ особо важной причины.

— Что? Денегъ что ли тебѣ понадобилось? — произнесъ бригадиръ, окидывая сына взглядомъ. Осмотрѣвъ его съ головы до пятъ, онъ невольно подумалъ:

„Не долго протянешь. Весь сгорѣлъ отъ вина. Вонъ она, судьба-то. Дворянинъ Филисовъ, родной сынъ — пропойца. Пьетъ не хуже какого приказнаго стрекулиста отъ Иверскихъ воротъ“.

Дѣйствительно, видъ у поручика Филисова былъ болѣе чѣмъ когда-либо болѣзненный, изнуренный и жалкій. Артемій Никитичъ сидѣлъ и глядѣлъ какъ пришибленный. Лицо съ лиловатымъ оттѣнкомъ, сонные глаза и пунцовый носъ ясно доказывали, что этотъ человекъ совершенно отравленъ спиртомъ. Голова его слегка тряслась на плечахъ, руки и ноги тоже изрѣдка какъ бы подергивало.

— Что же, не хватаетъ что ли денегъ? — повторилъ бригадиръ вопросъ и едва замѣтно вздохнулъ, думая про себя:

„Денегъ-то не жаль. Да на что? На кабакъ!“

— Нѣтъ, батюшка-родитель, я не на счетъ сего. Денегъ хоть и немного, а есть. Что изволите отпускать намъ, почитай, хватаетъ на все.

— Да вѣдь на вино изъ нихъ много, сынокъ, уходитъ, — отозвался бригадиръ безъ малѣйшей укоризны въ голосъ.

Филисовъ сынъ вмѣсто отвѣта глубоко вздохнулъ и молчалъ.

— Что? Скажешь, хворость. Правда, говорятъ такъ, что запой хворость. Только я, сынъ, этому не вѣрю. Кабы твоя жизнь потрафилась инако, женился бы на иной какой дѣвицѣ изъ нашего дворянскаго состоянія, да жилъ бы у меня въ домѣ, такъ никогда бы пить не сталъ. Вѣдь, пойдѣ, все шибче зашибаешь?

— Пью, — кратко и съ какимъ-то грустнымъ оттѣнкомъ въ

голосѣ произнесъ Филисовъ-сынѣ, какъ если бы на вопросѣ доктора: „болень-ли онѣ“, онѣ отвѣчалъ: „болѣю“.

— По какому же дѣлу ты нынѣ являешься? Что новаго? Дочка здорова?

— Слава Богу. А вотъ жена моя, Агафья Филипповна...

— Ну, съ Агафьей Филипповной, Богъ съ ней!—махнулъ рукой бригадиръ, не давая сыну досказать.—А вотъ Клена какъ?

— Здорова.

— Ну и хорошо. А сынишка что? Озорничаетъ, безпутствуетъ? Пора, любезный, озаботиться. А то, избави Богъ, вырастетъ изъ него чудодѣй, который всю нашу фамилію осрамить. Что онѣ дѣлаетъ?

— Да ничего-съ. Пропадаетъ.

— Изъ дому пропадаетъ? Такъ чего же ты смотришь?

— Да что же я могу?

— А то: могу... Позови двухъ солдатъ, нарѣжь свѣжихъ березовыхъ, да отстегай. Да коли будешь стегать такъ каждый день или хоть черезъ день, онѣ черезъ мѣсяцъ и оспенится. Дѣло-то простое! Кабы меня не пороли или тебя не пороли, такъ и мы тоже чудили бы. А ты вотъ живешь съ дѣтьми безъ розогъ. Ну вотъ у тебя все кверху ногами и трафится. Ужъ кажется, не мудреное дѣло имѣть розги въ домѣ, да стегать. А ты и этого не можешь. Эхъ, да что съ тобой?

И бригадиръ махнулъ рукой, потрянулъ головой и, отвернувшись, сѣлъ почти бокомъ къ сыну.

— Да что розги,—заговорилъ Филисовъ-сынѣ.—Вѣдь кому, батюшка-родитель, какъ что показуется. Вѣдь вотъ, къ примѣру сказать, эту самую стѣну или дверь не будете вы стегать, потому что розги обхлестаете, а толку не будетъ никакого. Такъ-то вотъ и Филиппка мой. Его хоть палачу отдать подъ плети—и то, полагательно, ничего не будетъ. Все ему трънь-трава! Вѣдь вотъ теперь опять родная мать все-таки умерла, а ему и горюшка мало. Онѣ на нее и не поглядѣлъ. А вѣдь ужъ какъ она его любила, какъ она его завсегда...

Но бригадиръ прервалъ сына.

— Что? Что? Умерла?

— Такъ точно-съ.

— Твоя жена?

— Ужъ и похоронили.

— Такъ что же ты не говоришь?
 — Да я собственно за этимъ и явился доложить вамъ, что Агафья Филипповна отдала Богу душу.

— Когда?

— Третій день уже.

— Что же такое съ ней приключилось?

— Да все она же-съ... Самая эта болѣзнь... нонѣшняя.

— Что?—вскрикнулъ бригадирь—чума?

— Чума-съ,—вѣжливо доложилъ Филисовъ.

Наступило молчаніе. Бригадирь сидѣлъ вытаращивъ на сына глаза и даже разинувъ ротъ.

— Отъ чумы... умерла? Отъ моровой язвы?—переспросилъ онъ, какъ бы не вѣря.

— Точно такъ-съ...

Бригадирь вдругъ поднялся со своего кресла, отступилъ шага на два назадъ и крикнулъ:

— Да что ты ошалѣлъ что ли? Очумѣлъ, какъ сказываютъ нынѣ? Какъ же ты, дурья твоя голова, лѣзешь къ намъ? У тебя чумовой покойникъ, ты долженъ быть въ карантинѣ, а ты прямо шастъ ко мнѣ въ кабинетъ. Меня что ли хочешь уморить? Вѣдь ты намъ домъ зачумить сразу можешь. Вѣдь, можешь, ты ее, треклятую, ужъ и занесъ, баранья твоя голова!

— Да я исключительно желалъ, батюшка-родитель...—началъ Филисовъ глухимъ голосомъ.

Но бригадирь замахалъ рукой и закричалъ еще громче:

— Ступай, уходи. Ну тебя! Вотъ дуракъ-то. Уходи скорѣе. Гей, люди! Гей, кто тамъ? Черти! началъ кричать бригадирь изо всѣхъ силъ.

Въ ту же минуту въ двухъ дверяхъ, заразы, показалось нѣсколько человекъ лакеевъ.

— Отворяй всѣ окна! А ты уходи скорѣй. Ахъ дурья голова!— снова воскликнулъ бригадирь.—А вы живо, обратился онъ къ людямъ,—берите, унесите это... показалъ онъ на то кресло, гдѣ сидѣлъ передъ тѣмъ его сынъ.—Унесите его, забросьте на огородъ, да изрубите на мелкіе кусочки, чтобы не попало кому. Проводите барина до крыльца. Всѣ окошки растворить! А домъ, чтобы сейчасъ пришли изъ аптеки, да весь окурили. Ахъ ты, Создатель! закончилъ бригадирь и, махнувъ отчаяннымъ жестомъ на сына, вышелъ изъ кабинета въ свою спальню.

Въ то же время Филисовъ, съ какимъ-то глупо изумлен-

нымъ лицомъ, двинулся въ другія двери и, медленно пройдя по богато убраннымъ горницамъ отцовскаго дома, вышелъ на крыльцо и тихо побрелъ домой.

— Выгналъ, произнесъ онъ тихо, уже за воротами. — Выгналъ! какъ пса какого, онъ такъ меня выгоняетъ. Жестоко-сердный! Не будетъ ему счастья на землѣ и не будетъ ему упокоенія на томъ свѣтѣ за его злодѣйство со мною.

Поручикъ Филисовъ медленно подвигался къ Никитскимъ воротамъ и мысль его тупо вертѣлась все около одного и того же слова: „выгналъ“.

При этомъ онъ глубоко и сильно чувствовалъ жестокое якобы оскорбленіе, которое ему было нанесено сейчасъ отцомъ. Его больному уму представлялось уже теперь что-то, чего въ дѣйствительности никогда не было. Ему чудилось, что тому назадъ нѣсколько мгновеній холопы его отца выгнали его изъ дома, чуть не въ шею. Ему чудилась теперь воображаемая боль въ спинѣ и затылкѣ.

— Стало быть, они меня колотили, выпроваживая? соображалъ онъ.

И вдругъ слезы показались на глазахъ Филисова. Онъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ и выговорилъ:

— Вонъ оно что. Бьютъ. А я все-таки офицеръ, все-таки я твой сынъ, а ты бригадиръ. Вонъ оно что!

Въ эту самую минуту взоръ тихо двигавшагося Филисова упалъ на небольшую дверь подъ вывѣской, куда постоянно входилъ народъ или выходилъ, громко говоря и крича. Наконецъ появилась оттуда фигура полуголая, и, покачиваясь, прислонилась къ стѣнѣ.

Филисовъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Что-то особенное произошло во всемъ его существѣ. Вдобавокъ изъ этой двери пахнуло чѣмъ-то, и всѣ жилки, казалось, въ немъ дрогнули. Запахъ, который заставилъ бы другого удалиться отсюда, его потянулъ неудержимою силой.

Филисовъ вдругъ громко зарыдалъ на всю улицу и, колотя себя кулакомъ въ грудь и въ голову, заговорилъ вслухъ, хрипя и всхлипывая:

— Бьютъ дворянина. Сына родного бьютъ. Одинъ конецъ. Да и опять... что же? Я немножко, да и домой. Ей Богу, немножко. Я не пьяница какой...

И Филисовъ исчезъ въ тѣхъ же дверяхъ.

Черезъ полчаса времени онъ вышелъ оттуда уже въ растег-

нумомъ сюртукѣ, безъ картуза, безъ палки съ серебрянымъ набалдашникомъ, даже безъ шелкового платка на шеѣ. Всѣ эти предметы, за неимѣніемъ денегъ, остались въ кабацѣ.

Въ первый разъ въ жизни Филисовъ напился не на чистыя деньги, а оставивъ вещи какъ бы въ залогъ. Онъ плелся по улицѣ, едва передвигая ноги. Изрѣдка онъ ударялъ себя въ грудь кулакомъ, силился что-то произнести, но ничего не выходило и только раза два съ губъ его едва внятно сорвалось слово:

— Убили, убили!

Когда ввечеру Филисовъ вернулся домой, Клена и Арина Матвѣевна съ ужасомъ встрѣтили его. Онъ вышелъ съ утра, принарядясь въ свое лучшее платье, а теперь возвращался совершенно раздѣтый, не только безъ мундира, но и безъ сапогъ. Одна нога была въ носкѣ, другая даже босая.

Разумѣется, пьяный отецъ не былъ новостью для Клены. Но до сихъ поръ Филисовъ тратилъ деньги, какія жена давала ему изрѣдка; ему было достаточно нѣсколькихъ гривенъ на цѣлый день. Теперь же, послѣ похоронъ, денегъ въ домѣ не было—и онъ сразу, въ одинъ день, лишился платья и вещей, на очень крупную сумму.

Смирно, виновато и молчаливо пройдя въ свою горницу, Филисовъ легъ и тотчасъ же заснулъ мертвецкимъ сномъ.

— Бѣда теперь, выговорила Арина Матвѣевна.—Покойница его воздерживала, а вотъ теперь всего сутки какъ похоронили, а онъ ужъ все свое платьишко дворянское спустилъ. Вѣдь у него и палка была съ собой. Вѣдь это, поди, всего рублей на тридцать въ одинъ день ухнулъ. Вѣдь онъ, Кленушка, теперь весь домъ растащить. Коли пошелъ человѣкъ пить не на деньги, а на разную рухлядь, на всякій скарбъ, то прощай весь домъ. Крышу сниметь, коли она его собственная, и ту стащить въ кабацъ. Что же тутъ дѣлать-то? Подумать надо.

— Что, няня, думать? отозвалась Клена грустно.—Ничего тутъ не придумаешь.

Однако Клена съ мамушкой рѣшили по возможности наблюдать за отцомъ и не давать ему уходить со двора съ какими бы то ни было вещами. Съ этого дня, несмотря, конечно, на солдата, Филисовъ выходилъ изъ дому ежедневно и всякій разъ умѣлъ перехитрить дочь и няньку, что-нибудь стащивъ изъ дома.

Почти каждый день ввечеру появлялся къ дѣвушкамъ молодой Козляниновъ, и всѣ ихъ бесѣды сводились къ тому, какъ быть, что предпринять. По совѣту Арины Матвѣевны, молодые люди рѣшили, не смотря на недавнюю кончину матери Клены, все-таки какъ можно скорѣе вѣнчаться.

Черезъ недѣлю Козляниновъ рѣшилъ отправиться въ Звенигородъ къ матери, объяснить съ ней и, ради смутнаго времени на Москвѣ, обойтись безъ соблюденія всяческихъ обычаевъ, необходимыхъ при сватовствѣ и вѣнчаніи.

— Какія тутъ обыкности, когда отецъ запыль, а братъ пропаль безъ вѣсти. Если матушка согласится, рѣшилъ Козляниновъ,—то просто пріѣдете вы обѣ въ Звенигородъ, да тамъ мы и обвѣнчаемся.

V.

Прошло болѣе недѣли съ отъѣзда молодого офицера, и Клена ждала съ минуты на минуту гонца и хорошей вѣсти. Она считала часы и минуты и отъ зари до зари думала только объ одномъ, когда вырвется изъ дому.

Филисовъ, уже раза два не ночевавшій дома, вдругъ однажды, уйдя со двора ввечеру, не вернулся и на утро. Прошло такъ дней пять, а о немъ такъ же, какъ о Филиппѣ, не было ни слуху, ни духу. Клена посылала горничную во всѣ дома, гдѣ могъ бы оказаться ея отецъ; но отовсюду горничная приносила извѣстіе, что господа уже мѣсяца съ два или три какъ не видали Артемія Никитича; или же она приносила извѣстіе, что и самый домъ-то пустъ и господа давно уѣхали изъ Москвы.

Арина Матвѣевна вздыхала, но говорила:

— Пуцай его, Богъ съ нимъ. Что же намъ? Какой онъ отецъ? Онъ только обуза.

Но Клена не могла успокоиться при мысли, что отецъ, среди чумы, ратующей по всей Москвѣ, пьяный бродитъ или валется гдѣ-нибудь на улицѣ.

На шестой день по исчезновеніи отца, Клена умолила Арину Матвѣевну пойти на Божедомку, гдѣ въ большомъ зданіи содержали всѣхъ больныхъ, неимѣющихъ пристанища или подобранныхъ на улицѣ.

— Не можетъ онъ тамъ быть, говорила Арина Матвѣевна.— Привезли бы его туда, почувствовался бы онъ, сказалъ свое званіе и свое мѣстожителство, его бы и препроводили къ намъ.

Тамъ, Кленушка, остается только голытьба, бродяги, Ивановы-помнящіе-родства. Не можетъ тамъ быть родитель твой.

Однако, не смотря на сопротивленіе мамушки, Клена упростила ее отправиться на Boжедомку.

Арина Матвѣевна собралась на утро и отправилась на дальній конецъ Москвы, чуть не черезъ весь городъ. Мамка ушла изъ дому, качая головой, какъ бы говоря:

— Вѣдь вотъ какое баловство. Что ни надумаешь, все я выкладывай. Всякую твою причуду тотчасъ бѣгу исполнить.

Но часа черезъ три послѣ этого, Арина Матвѣевна прибѣжала домой съ платкомъ на боку и, завидя Клену, замахала руками. Она такъ шибко бѣжала домой черезъ весь городъ, что окончательно задохнулась и не могла произнести ни слова.

Отдышавшись, мамка заговорила:

— Нѣту, нѣту его, померъ. Да какъ ужасно, ужасно!

И Арина Матвѣевна передала Кленѣ подробно все, что съ ней произошло.

— Вотъ не чаяла, не гадала объ этакоемъ услышать, не только своими глазами увидеть.

Оказалось, что когда Арина Матвѣевна подходила къ большому дому, гдѣ умирали отъ чумы подобранные на улицахъ обыватели, съ этого же двора съѣзжала телѣга, нагруженная, почти верхомъ, покойниками. Такъ какъ гробовъ не хватало, да и были они дороги, то всѣхъ чумовыхъ бродягъ хоронили просто въ общихъ ямахъ, на дальнемъ отъ Москвы, отдѣльномъ кладбищѣ. Съ Boжедомки чумовыхъ покойниковъ ежедневно отвозили въ телѣгахъ по полудюжинѣ за-разъ, прикрытыхъ лишь рогожей.

И въ этой телѣгѣ, которую увидала Арина Матвѣевна, ей сразу бросилась въ глаза голова мертвеца, хорошо ей знакомая. Такъ какъ она подходила къ этому дому съ мыслью о баринѣ Артеміи Никитичѣ, то понятное дѣло, что при взглядѣ на одного изъ кучи покойниковъ, которыхъ навалили въ телѣгу, матушка сразу признала своего барина. Желтый камзолъ съ оборваннымъ галуномъ, оставшійся на немъ, окончательно убѣдилъ Арину Матвѣевну, что одинъ изъ этихъ страшныхъ покойниковъ, наваленныхъ въ телѣгѣ, ни кто иной какъ Филисовъ.

Арина Матвѣевна хотѣла было остановить телѣгу, заявивъ о томъ, что признаетъ одного изъ покойниковъ и желаетъ взять его на-домъ, чтобы дать честное погребеніе. Двое сол-

дать, стоявшихъ у воротъ, подняли женщину только на смѣхъ.

— Это баринъ мой! Дворянинъ! Поручикъ Филисовъ! обьяснила мамка.

— Вотъ дура выискалась, чего просить! Если мы будемъ этакъ кажинной изъ васъ прохожей дурѣ дарить по покойничку, яко бы родственнику, такъ этимъ дѣламъ конца не будетъ. Поручикъ! Дворянинъ! Ишь брешешь-то! Попалъ бы въ Божій домъ дворянинъ! Къ намъ попадаетъ голытьба безродная. Аль тебѣ приглянулся покойничекъ-то? Ужь выбрала бы какого помоложе!

Арина Матвѣвна настолько опѣшила, встрѣтивъ на свою просьбу только шутки и прибаутки, что не знала, что и дѣлать.

Между тѣмъ, пока мамка соображала, какъ ей быть, телѣга уже исчезла изъ виду и была, пожалуй, за версту отъ дома.

— Что же, перекрестилась вдругъ Арина Матвѣвна, — царство ему небесное. Не все ли равно, какъ въ мать сыру землю зарюють, въ гробъ аль безъ гроба.

И Арина Матвѣвна пустилась изъ всѣхъ силъ бѣжать домой, объявить Кленѣ паразительную вѣсть.

Разумѣется, теперь на душѣ мамки все-таки сказывалось какое-то чувство, говорившее ей, что нѣтъ худа безъ добра. Теперь безъ отца, тащившаго все изъ дому ради своего запоя, въ домъ станетъ покойнѣе. Клена становится прямой наслѣдницей своего дѣда.

Клена отнеслась къ смерти отца довольно спокойно. За послѣднее время ея личная жизнь шла какъ-то особенно, даже стала въ разрѣзъ съ существованіемъ ея родныхъ. Минувшей зимой и весной Клена даже мало видала отца и мать. Кромѣ того, ей уже давно сдавалось, она чувствовала сердцемъ, что между ней и родными легла какая-то пропасть.

Теперь же прибавилось вдобавокъ нѣчто новое. Былъ чело-вѣкъ на свѣтѣ, недавно еще чужой, который сталъ ей дороже всего въ мірѣ.

И вотъ черезъ два дня пришло извѣстіе изъ Звенигорода — и оно поразило молодую дѣвушку гораздо болѣе, нежели вѣсть о смерти спившагося отца.

Козляниновъ сообщалъ черезъ солдата, что онъ получилъ приказаніе не отлучаться ни на одинъ день отъ полка, который выступаетъ въ командировку къ границѣ Тверской губерніи, для содержанія кордона между Москвою и Петербургомъ.

Николай Ивановичъ прибавлялъ, что какъ только кончится его командировка, онъ тотчасъ явится въ Москву вмѣстѣ съ матерью, чтобы вѣнчаться.

Клена, а равно и Арина Матвѣевна, обѣ были смущены. Обѣимъ казалось, что командировка и кордонъ только предлоги, только выдумка. Козляниновъ просто отказывается. Или мать не дала согласія своего на бракъ, или его самого испугала мысль взять жену изъ такой семьи, какъ Филисовы.

— Да и мало ли что! воскликнула Клена съ отчаяніемъ.— Мало ли какія причины! На пути изъ Москвы въ Звенигородъ могъ онъ повстрѣчать какую красавицу и разумъ отъ нея потерять.

— Ну, это ужъ, прости, дѣвичьи привередничанья! сказала мамка.

Но Клена въ первый разъ въ жизни была поражена въ въ самое сердце. Не переставая, проплакала она весь день и всю ночь. Только на утро она успокоилась, потому что Арина Матвѣевна, тоже чуть не съ ума сходящая въ мысляхъ, какъ помочь горю, наконецъ-таки надумала диво-дивное. Она заявила своему дитяткѣ, что сегодня же сама отправится въ Звенигородъ прямо къ Николаю Ивановичу и лично узнаетъ и выпытаетъ: вправду ли назначенъ онъ въ кордонъ, или просто отлыниваетъ отъ брака.

Клена, не отвѣчая ни слова, только кинулась въ восторгѣ на шею своей нянѣ, и чуть не задушила ее въ своихъ объятіяхъ.

Черезъ часъ послѣ этого, Арина Матвѣевна уже выходила изъ дому, босоногая, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ. Она только наказала Кленѣ, что если явится „изъ бѣговъ“ братъ, то дѣйствовать съ нимъ смѣло и рѣшительно и пугнуть жалобой самому бригадиру.

— Ты ему объясни, дитятко, что теперь, съ кончиной его родителей, вся власть надъ нимъ въ рукахъ дѣдушки. А онъ съ нимъ не пошутитъ, до смерти запереть. Вечеру, родная, притворяйся крѣпко, и калитку и ставни сама оглядывай. Людшкамъ не довѣрай. И носу изъ дому не можь казать, пока я не вернуся. Нонѣ времена лихія. Ну, прости, дитятко!

VI.

Между тѣмъ въ Москвѣ начались самые бурные дни. Къ чумѣ прибавился народный бунтъ, безпричинный и бессмысленный.

Моровая язва, усилившись въ лѣтніе мѣсяцы, распространилась все болѣе и косила обывателей безощадно. Въ іюнѣ было около тысячи умершихъ отъ чумы, въ іюлѣ тысяча семьсотъ, въ августѣ семь тысячъ слишкомъ, наконецъ, въ сентябрѣ умирало по семисотъ человѣкъ въ день и умерло всего за мѣсяць болѣе двадцати тысячъ человѣкъ.

Москвичи, обезумѣвшіе отъ страха „черной смерти“, уже не жили по домамъ, а бродили и слонялись по улицамъ и день и ночь—по тогдашнему выраженію, на вѣки оставшемуся въ языкѣ,—какъ „очумѣлые“.

Полная безурядица въ городѣ, отъ массы умершихъ и ежеминутно умирающихъ, даже на улицѣ, на ходу... Отсутствіе страха предъ закономъ, предъ карой людскою, когда за спиной ходитъ кара Господня—черная смерть... Очень много слуховъ, одинъ другого невѣроятнѣе, которые бѣгали по городу... Много отчаяннаго народа во всѣхъ кабакахъ, выпущеннаго изъ остроговъ ради нужды въ людяхъ, которымъ чумовые покойники не страшны и которыхъ одѣли „мортусами“, заставляя хоронить умершихъ... Наконецъ много выморочныхъ квартиръ, пустыхъ и заколоченныхъ, гдѣ можно было грабить безнаказанно не только ночью, но и днемъ, пропивать награбленное и опять итти на добычу... Все вмѣстѣ разнуздало московскую чернь... Въ концѣ августа уже начались малые бунты и открытое сопротивленіе властямъ въ разныхъ фабричныхъ кварталахъ. Случилась крупная свалка на Разгуляѣ, гдѣ едва не убили и не растерзали доктора Шафонскаго, главнаго директора Введенскаго госпиталя... Наконецъ, все созрѣло къ настоящему бунту, какихъ не бывало со временъ стрѣлецкихъ на Москвѣ.

Бунтъ начался у Варварскихъ воротъ, гдѣ было всегда страшное скопленіе народа около чудотворной иконы Боголюбской Божіей Матери. Отсюда толпа бросилась въ Кремль, разграбила Чудовъ монастырь, затѣмъ бросилась, въ поискахъ за архіереемъ Амвросіемъ, въ Донской монастырь. Ненавидимаго чернью и духовенствомъ Амвросія нашли и убили среди монастырской ограды. На другой день начались побоища между бунтарями и Великолуцкимъ полкомъ въ Кремлѣ и на Красной площади. Конечно, вскорѣ все было усмирено...

Но во всѣхъ этихъ „очумѣлыхъ“ подвигахъ московской черни участвовалъ, увлеченный своими друзьями, Филиппъ Филисовъ, сынъ поручика и внукъ бригадира.

Явившійся въ Москву въ октябрѣ графъ Григорій Орловъ, а за нимъ морозы — прекратили чуму... и стали судить бунтарей и убійцъ архипастыря, погибшаго мученическою смертію.

Филиппъ, отличавшійся въ бунтѣ, при грабежѣ Чудова монастыря, при битвѣ съ солдатами на Красной площади, попалъ, конечно, въ острогъ и, въ ожиданіи наказанія срамнаго для семьи, ничего не далъ знать о себѣ ни сестрѣ, ни дѣду-бригадиру. Онъ отрезвился, быстро измѣнился нравомъ, даже переродился, сидя въ острогѣ... Но было поздно. Судьи разбирали его подвиги, а до его душевнаго состоянія имъ не было дѣла. Въ качествѣ недоросля его присудили не на каторгу, а на поселеніе въ Сибирь.

Между тѣмъ няня побывала въ Звенигородѣ и вернулась вскорѣ послѣ страшнаго бунта. Она нашла Клену почти больною отъ перенесеннаго перепуга.

Арина Матвѣевна познакомилась со старухой Козляниновой и вернулась къ своему дитяткѣ съ добрыми вѣстями. Однако Клена все-таки загрустила, узнавъ все...

Оказалось, что няня застала старушку Анну Ивановну въ сборахъ въ дорогу. Она покидала Звенигородъ ради страха чумы и сѣхала въ Клинь. Самого же Козлянинова няня уже не нашла даже, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ со своей командой наряженъ по службѣ на границу Московской губерніи, гдѣ организовался кордонъ изъ пикетовъ и рогатокъ.

Дѣйствительно, въ виду все усиливавшагося мора, было строжайше указано изъ Петербурга запереть чуму, елико возможно на маломъ пространствѣ, и крѣпчайше наблюдать, чтобы она не перешла въ другія губерніи. Наипаче надо было преградить страшной посѣтительницѣ путь изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ была императрица. Разумѣется, въ южныя губерніи чумѣ было пробраться легко вмѣстѣ съ бѣгущими дворянами и холопами; но на сѣверъ, по дорогѣ на Тверь и Новгородъ, — было указано подѣ страхомъ смерти не пропускать никого. Козляниновъ, со своей командой, изъ Звенигорода попалъ въ Клинь, а затѣмъ на границу Тверской губерніи.

И наступила невольная тягостная разлука для влюбленныхъ.

Офицеръ исполнялъ свой долгъ по службѣ въ кордонѣ, верстъ за полтора отъ Москвы, а въ стѣнахъ ея оставалась его дорогая Клена, отъ которой только разъ, черезъ полтора мѣсяца, получилъ онъ извѣстіе, да и то не изъ

первыхъ рукъ. Онъ узналъ, что родители Клены уже умерли отъ чумы, а Филиппъ окончательно пропалъ безъ вѣсти.

Клена съ няней не остались на той квартирѣ, а наняли другую, изъ боязни, что дѣдъ велитъ имъ итти къ себѣ. Но они дали свой адресъ Козлянинову и были вскорѣ увѣдомлены посланнымъ солдатомъ, что Николай Ивановичъ попрежнему любить свою желанную, кланяется ей и крѣпко надѣется, что, когда минуетъ столицу кара Господня, то они, если будутъ живы и невредимы, снова свидятся и соединятся на-вѣки.

Затѣмъ цѣлый мѣсяцъ не было вѣстей отъ Козлянинова и послѣ этого пришло отъ него обстоятельное посланіе, въ которомъ онъ подробно рассказывалъ, какъ едва не умеръ.

Дѣйствительно, молодому человѣку суждено было заплатить за задержаніе кордона, гдѣ часто задерживали чумовыхъ, пробиравшихся по деревнямъ, чтобы умереть на родинѣ.

Когда въ Москвѣ уже начинало стихать моровое повѣтріе и начинались свѣжіе дни и морозцы по утрамъ, когда всѣ чуяли, что бѣды проходятъ и черная смерть сама помираетъ, тогда-то вдругъ и разнемогся кордонный офицеръ. Сначала онъ предполагалъ, да и всѣ думали, что у него простая простуда, но вдругъ оказалось нѣчто такое, что всѣ кругомъ, и товарищи, и солдаты, отшатнулись и разбѣжались отъ него. Остался ходить за нимъ одинъ солдатъ-деньщикъ, давно привязанный къ барину какъ вѣрный песъ.

У Козлянинова оказалась хотя и не очень сильная, но все-таки моровая язва.

Послѣ цѣлаго лѣта всюду свирѣпствовавшей чумы, не только хорошій докторъ, но всякій фельдшеръ, даже всякій мужикъ-знахарь уже умѣли и могли отличать „тетку моровую“ отъ всякой другой болѣзни. Главные ея признаки: жаръ, безпамятство, бредъ, багровыя пятна на глѣбѣ и нарывы—все появилось у офицера. Самъ Николай Козляниновъ, приходя въ себя на мгновенье, не сталъ себя обманывать напрасною надеждою, что у него горячка, а понималъ, что у него. Онъ собрался смиренно, кротко, но безъ слабодушія и боязни—умереть по христіански. Онъ снарядилъ тотчасъ двухъ гонцовъ къ матери и къ невѣстѣ.

Солдатъ, отправленный въ Москву, не розыскалъ барышни Филисовой. Другой донесъ вѣсть въ Звенигородъ и передалъ старушкѣ, что ея сынъ при послѣднемъ издыханіи.

Разумѣется, Козлянинова тотчасъ же собралась къ сыну; но съ трудомъ дѣлая отъ старости по 20 версть въ сутки по страшной непролазной грязи, по болотамъ и гатямъ маленькаго проселка, не скоро добралась къ сыну въ Тверскую губернію.

Когда старушка обняла больного, то фельдшеръ, лѣчившій его, заявилъ, что всякая опасность давно миновала. Но увѣреніе его не столько успокоило Козлянинову, сколько бодрый видъ сына.

— Да, былъ, матушка, на волосокъ отъ смерти, а теперь чую, что живъ останусь, не умру... заявилъ Козляниновъ, улыбаясь.

Оправившись отъ болѣзни, офицеръ узналъ, что солдатъ, посланный къ Кленѣ, вернулся, не разыскавъ ее.

— И слава Богу! Умница, что дуракъ! пошутилъ Козляниновъ.

И онъ тотчасъ снарядилъ другого гонца къ барышнѣ Филисовой съ письмомъ, которое написалъ ему товарищъ.

Клена была страшно поражена этимъ извѣстіемъ.

Хотя опасность для ея возлюбленнаго уже миновала, тѣмъ не менѣе она проволновалась нѣсколько дней и рѣшила наконецъ отправиться въ Клинь.

Матушка сначала сопротивлялась, но затѣмъ, конечно, уступила. Онѣ наняли крытую повозку и пару лошадей и весело двинулись въ путь.

„Можетъ быть, тамъ и всѣмъ бѣдамъ нашимъ конецъ“, думали обѣ про себя. „Достать священника сговорчиваго, надѣть подвѣнечное платьѣ... и все...“

Въ Клину не оказалось ни старушки, ни офицера. Онъ, едва оправившійся отъ болѣзни, былъ снова куда-то командированъ, а мать вернулась въ Звенигородъ... Тутъ только Арина Матвѣевна сообразила все свое легкомысліе... Онѣ пріѣхали въ чужой городъ съ послѣдними деньгами и у нихъ оставалось не болѣе семи рублей. Обсудивъ свое положеніе, онѣ рѣшились итти въ Звенигородъ пѣшкомъ. Ходить для Клены было дѣломъ непривычнымъ, и чрезъ тридцать версть ноги ея уже опухли и заболѣли... Но главная бѣда была не въ этомъ.... Всѣ дороги подъ Москвой были переполнены страннымъ, сомнительнымъ и опаснымъ людомъ, бѣглецами послѣ бунта, острожниками и душегубами...

Много страха натерпѣлись въ пути и молодая дѣвушка, и

ея мамка, но однако благополучно добрались до Звенигорда.

Разумѣется, старушка Анна Ивановна обрадовалась возлюбленной своего дорогого Коли... Она приютила ее у себя, ласкала и миловала, но послѣ перваго же откровеннаго объясненія обо всемъ съ мамушкой, заявила твердо, что „такъ не приличествуетъ дворянамъ“ дѣйствовать. Козлянинова говорила, что она не можетъ согласиться на бракъ своего сына съ дѣвицей безъ разрѣшенія, согласія и благословенія ея родныхъ...

— Ты, моя пташка, теперь въ волѣ бригадира-дѣда, сказала Козлянинова.—Къ нему ты и должна немедля итти, повиниться, что замедлила, и попросить прощенія. Какъ всѣ бѣды моровыя пройдутъ, сынокъ приѣдетъ въ Москву, я приѣду и начнемъ мы благоприлично свататься.

Не смотря ни на увѣренія Клены, что дѣдъ, быть можетъ, воспротивится ея счастью, не смотря на просьбы и слезы ея—старуха твердо стояла на своемъ.

Кончилось тѣмъ, что Козлянинова стала снаряжать свою „пташку“ въ Москву, обѣщаясь приѣхать съ сыномъ при первой же возможности.

— Пойми, пташка, что дѣдушка-богачъ за этакое дѣло можетъ тебя лишитъ наслѣдства. А пойдешь ты теперь къ нему, да выйдешь замужь отъ него, все твое будетъ! сказала Козлянинова.

Съ этимъ послѣднимъ доводомъ согласилась и умная Арина Матвѣевна, поступившая неразумно лишь изъ слабости характера и любви къ питомицѣ.

Клена понемногу тоже одумалась и согласилась, что Анна Ивановна права. Теперь, послѣ всего ею пережитаго, видѣннаго и перечувствованнаго, она глядѣла на окружающее уже не глазами полуробенка, какъ еще недавно. Она испытала уже и горе, и страхъ, и нужду. Намыкалась и намаялась довольно. Ей самой захотѣлось скорѣе въ большущія палаты дѣдушки-бригадира.

VII.

Наконецъ однажды, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ полдень Клена и ея мамка приближались со страхомъ къ пресловутому дому у Никитскихъ воротъ.

Близъ палатъ, гдѣ жилъ именитый графъ Иванъ Григорье-

вичь Орловъ, братъ родной любимца царицы, стоялъ въ глубинѣ большого двора яркосиній и расписной домъ дворянина и исконнаго москвича Никиты Артемьевича Филисова, уроженца и старожила Никитской. Было время, когда этотъ домъ былъ въ околоткѣ самый большой и „знатный“ всякому москвичу. Но времена перемѣнчивы... Домъ Филисова все оставался въ томъ же видѣ, каковымъ былъ еще при „первомъ“ императорѣ, а рядомъ, гдѣ стоялъ тогда домишко мѣщанина-сыромятника, выстроился во время царицы Анны небогатый дворянинъ Григорій Ивановъ Орловъ и зажилъ съ большой семьей, состоящей все изъ сыновей... Прошло еще двадцать пять лѣтъ. Пришли времена Великой Екатерины и вмѣсто „благоприличнаго“ дворянскаго домика средней руки—нагромоздились вдругъ цѣлыя палаты, въ которыхъ зажилъ уже не простой дворянинъ, а именитый и богатый графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ. Палаты же Филисовыхъ, хоть были все тѣ же, казались теперь уже не палатами, а домикомъ около домины Орлова. А садъ дворянина смахиваетъ на палисадникъ или огородъ возлѣ Орловскаго сада, вновь разбитаго на заморскій ладъ съ ручейками, мостиками, фонтанами, павильонами, гдѣ среди зелени, къ довершенію соблазна, виднѣются повсюду бѣлыя куклы на постаментахъ, и мужскія, и женскія. Да еще какія? Почти всѣ голыя!..

Въ домѣ бригадира Филисова послѣ чумы стало вдвое веселѣе. Бригадиръ не поддался общему страху и не бѣжалъ изъ столицы, подобно другимъ дворянамъ. Онъ не только остался въ зараженной Москвѣ, но поступилъ на службу комиссаромъ въ комиссію Еропкина, истиннаго покорителя моровой язвы. Послѣдствіемъ доблестнаго поведенія Филисова было то, что, будучи безъ прошенія отставленъ при воцареніи государыни, въ числѣ прочихъ „малоспособныхъ“, теперь онъ вновь былъ принятъ на службу и награжденъ вмѣстѣ съ другими немногими воителями-покорителями чумы.

Никита Артемьевичъ преобразился вслѣдствіе царской милости. Насколько онъ бывалъ угрюмъ, живя отставнымъ бригадиромъ, настолько теперь былъ веселъ, горделиво счастливъ и со всѣми привѣтливъ. И дворовые его теперь зажили веселѣе.

До появленія страшной смертоносной гостыи въ Москвѣ, Филисовъ, человѣкъ уже лѣтъ подъ шестьдесятъ, но молодой и бодрый, и по внѣшности, и по образу жизни—мирно

проживаль вдвоемъ съ дальнею родственницею, приходившейся ему двоюродною сестрой. Марья Евграфовна Толбухина была однако лѣтъ на двадцать моложе „братца“, какъ она его называла. Она была уже давнымъ-давно, съ 17-лѣтняго возраста, „соломенною“ вдовой и такъ давно жила у Филисова, проживъ за-мужемъ только годъ, что весьма многіе и не знали про ея замужество, а считали старою дѣвицею. Досужіе и злоязычные знакомые и пріятели заподозрѣвали конечно дружбу бригадира и его родственницы. Сорокалѣтняя Толбухина и теперь была еще недурна лицомъ и стройна станомъ, а когда во времена оны появилась соломенная вдова въ домъ секундъ-майора Филисова, то была настоящей красавицей.

— Просто картина! говорили тогда всѣ, любуясь на нее. Но откуда явилась Толбухина, есть ли у нея свое состояніе, живъ ли безвѣстно пропадающій мужъ и что дѣлаетъ—никто ничего не зналъ.

Именно этой соломенной вдовы, распорядившейся въ домѣ дѣда полной хозяйкой, всего болѣе и боялась теперь Клена.

Собираясь къ дѣду, Клена съ радостью думала о новой жизни у бригадира, который всегда былъ чрезвычайно ласковъ съ ней и только жалѣлъ зачастую, что ее воспитываютъ не по-дворянски и позволяютъ шатанье одной-однихонькой по чужимъ людямъ. Бригадиръ, за послѣдній годъ изрѣдка вспоминающая о внучкѣ, подумывалъ о томъ, что если Клена выйдетъ хорошо замужъ, то онъ сдѣлаетъ ее своей наслѣдницей, мнѹя ея отца.

Сударыня-чума все это упростила, унесла родителей этой внучки, почти унесла и вертопраха-брата, а дѣвушку поставила въ положеніе какъ бы родной дочери и единственной наслѣдницы.

Бригадиръ искренно обрадовался появленію Клены, такъ какъ онъ, зная, что дѣвушка покинула квартиру своихъ родителей, думалъ, что она погибла такъ же, какъ ея братъ. О Филиппѣ бригадиръ уже имѣлъ вѣрныя вѣсти, что онъ „доигрался“ до острога и находится подъ судомъ. Поэтому появленіе Клены было неожиданнымъ и утѣшительнымъ сюрпризомъ. Она оказалась жива, невредима и не „загубила“.

— Что жъ? Стало быть, такъ Богу угодно! рѣшилъ онъ, принимая въ домъ внучку-сироту съ ея няней.

Было совершенно понятно, что Филисовъ не можетъ сожалѣть о потерѣ сына, съ которымъ былъ въ холодныхъ отно-

шеніяхъ. Даже Арина Матвѣевна была тоже, повидимому, довольна тѣмъ, какъ распорядилась чума съ ея господами. Сама Клена на первыхъ порахъ повеселѣла въ новой, богатой и вполне дворянской обстановкѣ дѣда. Домъ—палаты, дворовыхъ десятки, лошади и экипажи, именитые гости, даже самъ митрополитъ бываетъ разъ въ годъ съ поздравленіемъ въ день Святого Никиты великомученика. Дѣдъ же сталъ еще любовнѣе къ внучкѣ и тотчасъ нашилъ ей цѣлую кучу бѣлья и платьевъ, подарилъ золотыя сережки и выписалъ изъ Питера для забавы бѣлую болонку.

Бабушка, какъ стала звать Клена Марью Евграфовну, была тоже нѣжна къ ней, хотя менѣе дѣда, и съ первыхъ же дней подолгу, по часамъ цѣлымъ, обучала ее „свѣтскости и людскости“, учила ходить, присѣдать и говорить, даже учила смѣяться смѣло и просто, по-дворянскому, не закрывая ротъ пригорошней. Однажды, замѣтивъ, что внучка и сморкаться прилично не умѣетъ, а „трубитъ въ платокъ на весь околотокъ“, она и сморкаться стала учить внучку—„безпримѣтно“.

Клена выслушивала эти наставленія, но при этомъ недоумѣвала. Какъ же прежде-то она бывала во многихъ богатыхъ и важныхъ домахъ и ее нигдѣ не находили мужичкой, а любили и хвалили всегда и за поведеніе, и за обращеніе. А теперь у бабушки—все не такъ!

Побаяваясь Марьи Евграфовны Толбухиной, Клена конечно слушалась приказаній ея, исполняла все, какъ умѣла, но наединѣ съ обожаемой няней Аришей разсуждала на свой ладъ:

— Какъ же это, Ариша?

Ариша какъ-то ежилась въ отвѣтахъ.

— Неужели же я совсѣмъ мужичка, какъ она сказывается? говорила Клена.

— Оставь ее... Пушай... Вѣдь не худому учить.

— Да я не про то, не худому... А больно ужъ прицѣпляется... И чхнуть—наука нужна, говорить.

— Она это со скуки. Дѣлать ей нечего, объясняла Арина.— Вотъ учительствомъ время и убиваетъ. Всѣхъ учить. Такъ всегда, сказываютъ люди, у нея было, объясняла няня.— Не ты одна у нея для время-препровожденья. Она холоповъ сама, бываетъ, обучаетъ, какъ по горницамъ ходить, за обѣдомъ служить. Коровницъ и тѣхъ обучаетъ, какъ коровъ доить. Сама я разъ видѣла, какъ она съ бадьей подъ корову

лазила и доила. Что жь? Есть такія-то на свѣтѣ учительницы! Что ни сдѣлай, все не по ихнему. Ну и Богъ съ ней! Пускай утѣшается. Она все-таки же барыня добрая.

Однако няня Арина Матвѣевна, называя Толбухину доброю, все-таки про себя рѣшила, что Марья Евграфовна „добра-то по своему“. Людей она не поретъ и не изводитъ, какъ другія барыни-лиходѣйки, но есть въ ней что-то, за что ее люди не любятъ, зовутъ заглазно: „пила“.

VIII.

Черезъ мѣсяць послѣ того, что няня и дитятко ея явились и зажили въ домѣ бригадира, въ двухъ отдѣльныхъ горницахъ, въ мезонинѣ или на вышкѣ,—обѣ онѣ, и 40-лѣтняя женщина и 17-лѣтняя дѣвушка, каждая про себя, смутно почувяли что-то новое. Боясь признаться вслухъ другъ другу, онѣ обѣ начали съ инымъ чувствомъ вспоминать простую и бѣдную жизнь въ квартирѣ покойныхъ Филисовыхъ, начали будто жалѣть прежнее свое житье и словно томиться въ богатой обстановкѣ бригадира. Однако ни няня, ни дѣвушка ни разу не обмолвились вслухъ объ этомъ тайномъ чувствѣ, которое стало копошиться у обѣихъ на душѣ. Онѣ понимали, разумѣется, другъ друга, чуяли обоюдныя одинакія чувства и помыслы, но заговорить не хотѣли, какъ бы боясь, что отъ этого признанья приключится для нихъ еще горшее, т. е. станеть имъ еще тяжелѣе.

„Можетъ, это мнѣ такъ сдается по глупости, а она—ничего, довольна!“—думала каждая изъ нихъ, или вѣрнѣе обманывала самое себя.

Однако, помимо постоянной „строгости“ въ домѣ бригадира, какой-то якобы дворянской сдержанности даже въ весельи, даже въ смѣхѣ, помимо вѣчныхъ поученій сладкорѣчивой и многорѣчивой барыни-бабушки — были и еще причины для нихъ обѣихъ скучать по прежней жизни.

Дѣвушка оказалась вдругъ какъ бы взаперти, какъ бы птицей въ золотой клѣткѣ. Зима проходила, а ее никуда не пускали; подругъ и пріятельницъ своихъ она еще не видала ни разу у себя и къ нимъ не могла отправиться въ гости.

Бригадиръ и Толбухина не отказывали прямо, а говорили: „хорошо“ и „ладно“, или „обожди“ или „увидимъ“.

Клосна терялась въ догадкахъ, ждала и скучала...

Аринѣ же Матвѣевнѣ пришлось во многомъ измѣнить своимъ привычкамъ. Въ домѣ покойныхъ господъ она была первое лицо, какъ бывшая кормилица дѣтей и мамка, обожаемая ими. Она распоряжалась во всемъ домѣ и въ хозяйствѣ больше, чѣмъ сама барыня. Теперь же она была не только не первую, но послѣднюю спицей въ колесницѣ.

Арина Матвѣевна тоже не понимала, почему баринъ Никита Артемьевичъ никуда не выпускаетъ ея дитятко.

„А вѣдь въ Москвѣ-то опять веселье!“ думала няня.

Послѣ пережитыхъ страшныхъ дней, первопрестольная матушка-Москва дѣйствительно хотя не сразу, а потихоньку, но все-таки возвратилась къ своей всегдашней мирновеселой жизни.

Начало зимы и ноябрьскіе морозы, обычные въ это время, явились теперь какъ благодать, встрѣчались какъ милость Божья всѣми жителями.

Эти морозы совершенно прекратили въ городѣ моровое поветріе, изгнали страшную гостью, воевавшую втеченіе всего 1771 года, но особенно свирѣпствовавшую за шесть мѣсяцевъ лѣта и осени, какъ истинная кара Господня, какъ Египетская казнь надъ грѣшными людьми.

Москва, обезумѣвшая лѣтомъ и осенью отъ страха черной смерти, наполовину вымершая или разбѣжавшаяся, теперь снова приняла прежній видъ.

Только нѣкоторыя улицы и переулки, прегражденные рогатками, а въ нихъ ряды домовъ, у которыхъ окна и двери были заколочены наглухо досками—напоминали еще о недавней гостѣ, которая тутъ пошировала, убравъ на тотъ свѣтъ всѣхъ обывателей до единого.

Много, часто и всячески поминали теперь Москвичи пережитые ужасы и радовались за себя, что уцѣлѣли. Страшнымъ рассказамъ и конечно привираиью не было конца. Рѣдкая семья могла похвалиться и воздать хвалу Богу, что она вся на лицо. Наоборотъ, нѣкоторые старые и молодые очутились бобылями, тогда какъ еще недавно, съ полгода назадъ, были членами большихъ семей, нынѣ лежащихъ по разнымъ чумнымъ погостамъ вокругъ города.

Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, время все уноситъ, старая былъ новымъ быльемъ зарастаетъ; хорошее ли, худое ли, въ памяти людской тоже не долговѣчно...

Горе тоже умираетъ въ сердцѣ—изживается...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ первопрестольная столица уже шумѣла и гудѣла по старому... Разбѣжавшійся людъ вернулся; дворяне, разбѣжавшіеся по своимъ дальнимъ вотчинамъ, снова наполняли свои родовые дворы и палаты, и снова, растворивъ настежь ворота, зазывали гостей на пиры.

Въ иномъ домѣ еще шумнѣе стало, веселились наслѣдники, у которыхъ „сударыня чума чумовна“ унесла черезчуръ скаредныхъ или строгихъ родителей... Вѣдь нѣтъ на свѣтѣ худа безъ добра. Иной москвичъ теперь тайно на душѣ похвалялъ „сударыню черную гостью“, что она на побывкѣ своей въ стѣнахъ Бѣлокаменной прихватила и унесла инога постылаго или стѣснительнаго человѣка, жену, мужа, свекра, тещу...

Придя въ домъ дѣда, Клена тоже радовалась сначала и ждала съ нетерпѣніемъ спасительныхъ морозовъ.

„Пройдетъ чума, утихнетъ все, явится въ Москву Козляниновъ и сдѣлаетъ свое предложеніе дѣдушкѣ“, такъ думала часто Клена, думала и Арина.

Однако вотъ уже прошелъ и ноябрь мѣсяцъ, а объ Козляниновѣ не было ни слуху, ни духу. Клена горевала и боялась. Не мало народу и въ сосѣднихъ городахъ съ Москвой перемерло также, какъ и въ столицѣ.

Въ концѣ ноября мѣсяца, однажды утромъ, Арина Матвѣевна, выходявшая со двора, вернулась бѣгомъ въ мезонинъ, гдѣ были ихъ отдѣльныя горницы, и заявила своему дитяткѣ, запыхавшись, раскраснѣвшись отъ волненія... Николай Ивановичъ въ Москвѣ! очень похудѣлъ и измѣнился. Но по прежнему любить Клену и явился въ Москву женихомъ. На-дняхъ благоприлично познакомится онъ съ бригадиромъ и, по обычаю, свата зашлетъ.

Страстно захотѣлось Кленѣ повидаться со своимъ возлюбленнымъ, котораго она такъ давно не видала, но никакія ухищренія ни ея, ни Арины не привели ни къ чему. Клена уже не была свободна, какъ прежде. Она уже не могла выхъять или выйти изъ дому одна съ няней. Ее выпускали только по дворянскому въ каретѣ, да и при этомъ съ ней всегда отправлялась Толбухина или самъ бригадиръ.

Свидѣться, слѣдовательно, гдѣ-либо—было невозможно.

Единственное, что могла устроить Арина, было не великою радостью. Въ назначенный часъ, всякій день Козляниновъ проходилъ или проѣзжалъ мимо воротъ дома бригадира, а

Клена становилась у окна, чтобы мелькомъ увидѣть его. Она могла видѣть буквально одну секунду, какъ мелькнетъ кто-то въ мундирѣ въ воротахъ. Такъ какъ домъ Филисова стоялъ въ глубинѣ большого двора, то до воротъ, мимо которыхъ могъ пройти или проѣхать Козляниновъ, было по крайней мѣрѣ, саженой 20. Подойти ближе къ окнамъ, значило войти во дворъ,—а это было конечно невозможно.

Но если по пословицѣ „голь на выдумки хитра“, то любовь на выдумки еще хитрѣе. При помощи Арины Матвѣевны, возлюбленнымъ удалось наконецъ повидаться. Но это свиданіе было при такой ужасной и опасной обстановкѣ, отъ которой морозъ по спинѣ пробиралъ Клену и волосъ дыбомъ становился на головѣ няни.

Однажды, въ темнотѣ сумерекъ, онѣ обѣ прошли тайкомъ по огромнымъ сугробамъ въ садъ бригадира, и по колѣна въ снѣгу, съ замираніемъ сердца, пугливо озираясь, какъ преступницы, черезъ силу добрались въ дальній край сада. А здѣсь черезъ заборъ появился Козляниновъ.

Многочисленная дворня бригадира, вымуштрованная Толбухиною, доносила ей о малѣйшемъ случаѣ, обо всякой мелочи въ домѣ. Поэтому было конечно опасно и даже безумно рѣшиться на подобнаго рода свиданіе.

Но этой одной встрѣчи для молодыхъ людей оказалось достаточно. Они условились во всемъ, и черезъ нѣсколько дней Козляниновъ долженъ былъ обыкновеннымъ приличнымъ образомъ объясниться съ бригадиромъ относительно своихъ намереній.

Но тутъ-то и началось нѣчто ужасное для Клены...

На заявленіе черезъ знакомыхъ прапорщика Козлянинова о желаніи его представиться бригадиру, Никита Артемьевичъ объявилъ, что не видитъ никакой нужды имъ знакомиться, такъ какъ между молодымъ офицеромъ и имъ-старикомъ нѣтъ ничего общаго. А что есть, т.-е. внучка невѣста—это бригадиру какъ бы и на умъ не приходило.

Разумѣется, рѣшиться итти къ бригадиру, чтобы объяснять, что этотъ Козляниновъ почти нареченный женихъ—ни у внучки, ни у няни не хватило храбрости.

Арина Матвѣевна, выходявшая со двора, хотя съ позволенія Толбухиной, но довольно часто, каждый разъ отправлялась на совѣщанія къ Николаю Ивановичу. Но время шло и не приносило ничего новаго.

Послѣ отвѣта бригадира, что нѣтъ никакой нужды знакомиться—Козляниновъ не зналъ, что и дѣлать. Засылать отъ себя свата къ бригадиру, въ качествѣ еще незнакомаго ему человѣка—было не въ обычай, да и не привело бы ни къ чему.

Бригадиръ прогналъ бы свата и разсердился бы еще болѣе.

И вотъ теперь Клена, а равно и ея няня, начинали уже прямо раскаиваться въ томъ, что явились добровольно въ эту кабалу, въ эту крѣпостную зависимость къ дѣду.

— Ну, да авось еще, Богъ милостивъ! все повторяла мамушка своей питомицѣ; но сама думала про себя: „Нѣтъ, не милостивъ къ намъ Господь. Почитала я обузой родителей Кленушки и грѣшила... Вотъ нѣту ихъ—а стало намъ еще хуже и мудренѣе...“

IX.

Въ эти же самые дни, когда Козляниновъ и Клена отчаявались въ своемъ дѣлѣ, Никита Артемьевичъ тайно принималъ свои мѣры, о которыхъ не знала даже и Толбухина.

Однажды утромъ, когда бригадиръ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ предъ столомъ и разглядывалъ три книги большого формата въ красивомъ переплетѣ, за его спиной у дверей стоялъ почтительно вошедшій высокій человѣкъ. Бригадиръ весь погрузился во французское иллюстрированное изданіе Телемака, такъ какъ чуть-чуть „мараковалъ“ по-французски, научившись за послѣднее время отъ своей родственницы и друга. Толбухина владѣла этимъ языкомъ въ совершенствѣ, но бригадиръ читать свободно не могъ и только понималъ разговорный языкъ.

Бригадиръ конечно и не читалъ книгу, а переглядывалъ гравюры и разбиралъ ихъ подписи. Часто случалось однако, что и тутъ попадались ему незнакомыя слова и онъ только по догадкѣ или сюжету могъ знать, что изображаетъ рисунокъ. Эти иллюстраціи бригадиръ только что получилъ изъ Петербурга для подарка своей „сестрицѣ“.

Наступилъ день ея рожденья, который справлялся всегда шумно и парадно, такъ что въ домѣ бывалъ „пиръ на весь міръ“, съ угощеньемъ не только всей дворни, но и всякаго, кто шелъ въ ворота... прохожихъ, нищихъ, странниковъ, даже мѣщанъ сосѣднихъ. Этотъ обычай, стойвшій конечно дорого и отъ котораго приходилось накладно, начиналъ уже

исчезать въ Бѣлокаменной. Кормили и поили теперь только нищихъ и странниковъ, а простыхъ прохожихъ и незнакомыхъ хозяину сосѣдей изъ мѣщанъ уже не считали нужнымъ угощать.

Бригадирь, какъ человѣкъ очень богатый, соблюдалъ этотъ обычай, лестный для самолюбія дворянина. У него угощенье бывало—на славу. „Встрѣчному и поперечному. Приходи, ѡшь медвѣдь, коза и барабанщикъ!“

Теперь Филисовъ уже готовился всячески къ празднованію дня рожденія Марьи Евграфовны. Великолѣпная брилліантовая звѣзда, которая въ видѣ шпильки должна была украсить голову и прическу Толбухиной—была уже заказана датчанину-ювелиру, жившему на Неглинной рѣчкѣ, а иллюстраціи уже прибыли изъ Петербурга. вмѣстѣ съ тѣмъ въ домѣ, въ кладовыхъ, въ погребахъ и на кухнѣ—замѣчалось еще большее движеніе. Пекли, жарили, солили, варили всякую-всячину и для гостей барина, и для народа, что будетъ угощаться на дворѣ.

Бригадирь, занятый картинами, не замѣтилъ, когда дверь его кабинета отворилась, а на порогѣ появился человѣкъ большого роста и атлетическаго сложенія. Вошедшій сталъ у притолки и не двигался, а равно не произносилъ ни слова, ожидая, когда бригадирь самъ обернется и увидитъ его. Простой кафтанъ синяго сукна, черные шаровары въ высокихъ смазныхъ сапогахъ и усы съ бородкой свидѣтельствовали, что пришедшій былъ или изъ мѣщанъ, или изъ крѣпостныхъ людей. По лицу, умному и смѣлому, по манерѣ держаться, а главное, по пронизательно бойкому взгляду большихъ сѣрыхъ глазъ, незнакомецъ смахивалъ скорѣе на „вольнаго“ человѣка, а не на крѣпостного холопа.

Пока баринъ сидѣлъ, уткнувшись въ рисунокъ, изображавшій морскую бурю и корабль, заливаемый волнами—богатырь, стоявшій на порогѣ, оглядѣлъ всю горницу и бригадира съ книгами, и по губамъ его скользнула улыбка, хитрая, самодовольная и отчасти презрительная...

Бригадирь, переглядѣвъ наконецъ всѣ картины, будто почувялъ присутствіе посторонняго въ комнатѣ, обернулся и увидѣлъ стоящаго у дверей богатыря.

— А-а! воскликнулъ онъ съ довольствомъ въ голосѣ.— Герасимъ! А я и не примѣтилъ...

— Здравствуй, Никита Артемьевичъ! отозвался тотъ, кланяясь въ поясъ.

— Ну что, Герасимъ? Справилъ все?.

— Какъ указывать изволилъ. Все.

— До-чиста всю подноготную принесъ? весело спросилъ бригадиръ.

— Какъ есть до-чиста! усмѣхнулся самодовольно Герасимъ и головой тряхнулъ.

— Ну, рассказывай... Да подойди ближе...

Бригадиръ повернулся въ креслѣ лицомъ къ стоявшему теперь передъ нимъ богатырю и съ видимымъ любопытствомъ глядѣлъ на него.

— Когда изъ Звенигорода вышель?

— Вчерась послѣ вечерни...

— Двадцать часовъ шель? Ну ужъ скороходъ! Этакъ и я пройду.

— Гдѣ же двадцать, Никита Артемьевичъ. Меня ночь и мятель восемь часовъ держали на дорогѣ, да и пришелъ я не сейчасъ. Я ужъ пообѣдалъ, да приодѣлся—къ твоей милости почище явиться.

— Ну и ладно. Это я вѣдь къ слову. Тутъ спѣха не было. Могъ и двое сутки итти. Что городъ хорошій—Звенигородъ?

— Хорошій. Древній городъ! Храмовъ довольно. Обывателей немного, но съ виду городъ, что тебѣ губернія! развязно, но важно произнесъ Герасимъ.

— Губернія? Скажи на милость! усмѣхнулся бригадиръ.— Какія слова подбираетъ, самыя ученыя. Ну рассказывай.

— Да что жъ, Никита Артемьевичъ, почитай новаго и мало. Важно только, что все это, что вы изволили полагать—подтвердилось. Помѣщики они, но не важные. Барыня—вдова отъ трехъ мужьевъ.

— Отъ трехъ мужьевъ?

— Дѣтей же одинъ этотъ, стало быть.

— Офицеръ. Прапоръ?

— Такъ точно, пѣшей команды прапоръ и за моровое повѣтріе служилъ при рогаткахъ у графа Брюссова, но награды ни самомалѣйшей не получилъ. За то самъ, сказываютъ, чуть не померъ. Кто говоритъ отъ моровой болѣлъ онъ, а кто—не отъ чумы, а такъ... Теперь живутъ они всегда со вдовой, а въ чуму жили врозь... Онъ при рогаткахъ въ Тверской губерніи находился, а она, барыня, ѣздила все...

— Какъ ѣздила? Куда?

— Отъ чумы то-ись ѣздила.

— А да! Понимаю... Какъ шалая отъ чумы бѣгала! По крайней мѣрѣ убѣгла, аль нѣтъ?

— Какъ убѣгла? не понялъ Герасимъ.

— Не болѣла?

— Нѣтъ, не болѣла... Да она все равно и такъ должна бы давно помереть. Барынька старѣющая, скрюченная, сморчокъ личикомъ. Въ чемъ только душа держится! Живутъ они въ своемъ доподлинно домѣ и на хорошей улицѣ.

— А домъ?

— Что домъ!.. На дрова годится. Его строилъ, сказываютъ, дѣдушка барыньки, когда ея и на свѣтъ не было. Она въ немъ родилась, въ этомъ домѣ. Сколько жъ ему-то годовъ, когда ей все семьдесятъ, а то можетъ и восемьдесятъ.

— А имѣніе... Вотчина?

— Въ домѣ имѣнія десятка два столовъ, шкаповъ, да стульевъ. А вотчина ихняя—такъ поселочекъ махонькой.

— Врешь.

— Ей-Богу... Душъ ста нѣтъ...

— Сто душъ все-таки...

— Нѣту, говорю ихъ. А душъ шестьдесятъ, либо семь десятковъ есть. И оброкъ ихъ самый гривенный, потому землѣ мало, да и та негодная.

Герасимъ замолчалъ, а бригадиръ сидѣлъ задумавшись. Наступила пауза. Наконецъ Филисовъ очнулся и вымолвилъ:

— Ну, а какъ насчетъ чувствъ прапора и насчетъ, т. е. нашей барышни? Было у нихъ, правда, все покончено? Былъ сговоръ?..

— Люди ихъ всего этого доподлинно не знаютъ, отвѣчалъ, Герасимъ,—а что былъ, говорятъ, слухъ у нихъ, что молодой баринъ женихъ нѣкоей московской барышни, только будто бы богатѣющей барышни... Такъ что не поймешь о комъ такой былъ слухъ. Объ Клеопатрѣ Артемьевнѣ или о другой какой. Но полагаательно, что объ ней, о нашей барышнѣ.

— Вѣстимо объ ней. На мое иждивеніе глаза закидывали! Да что жъ? Оно и правильно. Она наследница и есть и была тогда. Ну... А теперь какъ же? Теперь-то что?

Герасимъ усмѣхнулся многозначительно.

— И теперь, стало быть, то же... Всѣ люди ждутъ молодую барышню къ себѣ. Сказываютъ, отъ чумы отсрочка вышла. А теперь скоро, молъ, обвиняется молодой баринъ и привезетъ хозяйку въ Звенигородъ.

— Врешь ты, Герасимъ, иль и въ правду такъ?

— Какъ я смѣю, Никита Артемьевичъ. Сказываю, что узналъ. Да и одни не холопы такъ-то говорятъ, а и въ лавочкѣ около дома тоже мнѣ объясняли. Молодой-то баринъ живетъ здѣсь, а не тамъ въ Звенигородѣ.

— А служба-то?

— Этого ужъ я знать не могу. А что онъ давно, какъ въ Москвѣ... и будто...

Герасимъ заикнулся, не рѣшаясь говорить.

— Ну?

— Будто, сказываютъ, ладить.

— Что ладить?

— Свое дѣло. Свадьбу...

Герасимъ вымолвилъ это слово, глядя съ любопытствомъ въ лицо барина, чтобы прочесть, какое впечатлѣніе произведетъ оно. Лицо бригадира сразу омрачилось и стало тревожно...

— Ну поди себѣ... Спасибо... Все хорошо, толковито... Да я зналъ, что ты справишь; недаромъ грамотѣй и скороходъ. Спасибо! Ступай.

Богатырь поклонился слегка и вышелъ изъ горницы, а бригадиръ тихо вздохнулъ.

— Плохо... Возня будетъ... Что жъ, повозимся! проворчалъ онъ себѣ подъ носъ.

Х.

Около полудня, за часъ до обѣда, т. е. въ положенное время для бесѣды о дѣлахъ, бригадиръ явился въ горницу къ Толбухиной, которая сидѣла за пяльцами.

Опустившись медленно въ покойное кресло, Филисовъ вымолвилъ какъ бы докладъ начальству:

— Сестрица. Дѣло у меня...

— Ну-съ! отозвалась Марья Евграфовна, какъ отзывается не грозный, но все-таки строгій начальникъ.

Она откинулась отъ палецъ, надъ которыми сидѣла нагнувшись, и, заткнувъ иглу въ канву, прикрыла работу кускомъ полотна. При этомъ она взглянула на свои стѣнные часы: не виновенъ ли бригадиръ въ несвоевременномъ появленіи для бесѣды о дѣлахъ. Оказалось, что бригадиръ виновенъ на десять минутъ.

— Еще нѣтъ двѣнадцати часовъ, Никита Артемьевичъ. Могли бы вы меня отъ работы не отнимать...

— Ну, послѣ доработаешь! нетерпѣливо отозвался Филисовъ.

И сестрица удивленно поглядѣла на бунтующаго подчиненнаго. Бригадиръ говорилъ Марьѣ Евграфовнѣ „ты“ только въ минуты особой нѣжности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ минуты досады и гнѣва.

— И такъ можно... Да путаница выходитъ. Что жъ такое у васъ? Важное?

— То-то важное... И смѣхотворное, и важное. Помните ли вы, матушка-сестрица, какъ офицерикъ Козлятиновъ знакомился хотѣлъ съ нами?

— Ну-съ!

— Эта вишь козлятина въ женихи лѣзетъ къ Кленѣ. У него штаны да рубаха всего имущества — онъ вотъ и подъѣзжаетъ къ внучкѣ бригадира Филисова.

— Фамилія его Козляниновъ, а не Козлятиновъ, и я слышала—у него есть вотчина и домъ въ Звенигородѣ, отозвалась важно Толбухина, какъ бы говоря: „Видишь, не удивилъ, я больше твоего знаю“.

— Да, имѣннишко въ шестьдесятъ душъ и домишко въ семь комнатъ съ огородомъ. Коли для васъ это большущимъ издвѣньемъ и несмѣтнымъ богатствомъ кажетъ—тогда, пожалуй, зовите его новымъ словомъ: миллинеромъ.

— Миллинеромъ, желаете вы сказать, батюшка-братецъ, поправила собесѣдника Толбухина.

— Такъ вотъ-съ этотъ Козлятиновъ, продолжалъ упрямо бригадиръ, какъ бы не слушая,—намъ можетъ надѣлать хлопотъ. Онъ давно, съ прошлой весны еще, влѣпилъ въ Клену, а она тоже отъ него безъ памяти. Будь живы сынъ съ невѣсткой—они были бы уже обвѣнчаны.

— Почему же вы это думаете?

— Не думаю, а знаю.

— Отъ кого же?

— Отъ солдата прохожаго... если ужъ вамъ, сестрица, нужны нарочитыя улики и послылки судейскія. Ну, вотъ я, сославшись на сего солдата, и говорю вамъ, что Козлятиновъ долженъ былъ уже вѣнчаться съ Кленой, когда открылась морская въ городѣ и поставила все вверхъ ногами, а въ томъ числѣ и ихъ сборы къ вѣнцу. Понимаете вы, матушка-сестрица, что изъ этого слѣдуетъ? Чего теперъ ждать намъ?

— Нѣтъ. Простите. Не знаю. Темно говорите.

Филисовъ, нѣсколько оживившись, передалъ Толбухиной свои предположенія, что если молодые люди влюблены другъ въ друга и еще недавно, по согласію родителей, съ обѣихъ сторонъ, должны были вѣнчаться, то теперь они сочтутъ себя въ правѣ дѣйствовать рѣшительнѣе. А эта „любовишка“ ихъ конечно причинить не мало хлопотъ.

— Не знаю. Не понимаю, отозвалась Толбухина спокойно. — Что жъ они? Самокруткой что ли обвѣнчаются? Безъ вашего согласія?

— А почему бы и нѣтъ?

Толбухина дернула плечами и промолчала.

— Уйдетъ она съ нянькой, какъ пришла сюда. Тѣмъ же порядкомъ. Убѣжить къ его матери, да въ Звенигородѣ и повѣнчается! горячѣе воскликнулъ бригадиръ.

— А вы ее лишите наслѣдства! умышленно спокойнымъ голосомъ какъ бы добавила Толбухина.

Бригадиръ разсмѣялся насмѣшливо, но не сердито:

— Что жъ я отъ этого выиграю, что мое имѣніе родовое мимо рукъ родной внучки пойдетъ? На богадѣлокъ, на Божедомку, въ монастыри дармоѣдамъ!.. Хороша прибыль!

Бригадиръ замолчалъ, ожидая, что скажетъ „сестрица“, но Толбухина сидѣла и молча глядѣла на стѣну, гдѣ висѣлъ портретъ ея отца въ дворянскомъ мундирѣ.

— Ну-съ, что же-съ? вымолвилъ наконецъ Филисовъ.

— Дайте подумать... сказала Марья Евграфовна, смягчившись. — Можетъ что и надумаю. А прежде надо бы вамъ съ ней самой поговорить. Можетъ быть, она теперь, будучи въ вашемъ домѣ, не пожелаетъ этого жениха, пожелаетъ кого-нибудь почище да и чиномъ повыше простого прапора.

— Что вы дѣвицей-то не были что ли, что такъ неосновательно разсуждаете. Дѣвицамъ что прапоръ, что фельдмаршалъ—все едино. Лишь бы глазки у него масляные были, да хватомъ былъ. А вы вотъ что, сестрица, поговорите съ Кленой. Узнайте, какъ она чувствуетъ.

— Извольте. Сегодня же все узнаю отъ нея и если есть что и впрямь, то разговору.

— Ну, вотъ. Вы на это вѣдь мастерица! вкрадчиво и льстиво произнесъ бригадиръ.

Никита Артемьевичъ вѣрилъ въ мастерство Марьи Евграфовны на всѣ руки. Кому же лучше сѣмъ „разговорить“

кого-либо, какъ не ей, владѣющей рѣчью въ совершенствѣ, яко бы подѣ-стать какому проповѣднику изъ духовенства. Никита Артемьевичъ, говоря о хлопотахъ, какія можетъ причинить ему „любовишка“ внучки, не проронилъ однако ни слова о главной причинѣ, почему подобное замужество Клены могло ему быть неприятно. Но бригадиръ зналъ, что сестрица догадывается. И дѣйствительно, она не только догадывалась, а знала навѣрное, въ чемъ дѣло.

А дѣло было вмѣстѣ и простое, и мудреное. Это была затѣя бригадира, и затѣя, по мнѣнiю Толбухиной, такая, у которой „нѣтъ ни головы, ни хвоста“.

Съ точки зрѣнiя самого Филисова, предпрiятiе это являлось самымъ обыкновеннымъ житейскимъ расчетомъ. Онъ хотѣлъ выдать внучку по своему выбору, за близкаго человека, имъ уже намѣченнаго. Съ точки зрѣнiя сестрицы Толбухиной, затѣя эта могла представляться дѣломъ мудренымъ и даже пагубнымъ, ибо женихъ, бригадиромъ избранный, былъ человекъ лѣтъ на сорокъ старше Клены.

Это былъ давнишнiй прiятель и однокашникъ Филисова по Шляхетскому корпусу, гдѣ они еще школьниками дѣлили и пироги, и перья, и радости, и печали, и даже розги... Иначе говоря, они изъ дружбы обоюднo брали на себя вину другого, когда за недѣлю у кого-либо изъ нихъ приключалось двѣ шалости или двѣ вины и предстояло въ субботу, „экзакуционный“ день, получить двойную порцiю розогъ.

Послѣ выпуска друзья были сослуживцами въ одномъ и томъ же полку карабинеровъ, а затѣмъ, когда Филисовъ получилъ, не прося, отставку по прошенiю или „абшидъ“ и вышелъ въ „чистую“ съ чиномъ бригадира, его другъ перешелъ въ „рябчики“, т. е. въ гражданскiе чины. Теперь онъ былъ статскимъ совѣтникомъ и засѣдателемъ въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ.

Другъ этотъ, Геннадiй Ивановичъ Братолюбцевъ, былъ старый холостякъ, когда-то богатый, но теперь разорившiйся, сильно нуждавшiйся и часто бравшiй денегъ у друга Филисова.

Происхожденiе Братолюбцева было темное въ томъ смыслѣ, что фамилiя его была сочиненная и отецъ его до 30-ти лѣтъ—какъ помнилъ хорошо самъ онъ—носилъ совершенно иную фамилию, даже не русскую, а нѣмецкую.

Бригадиръ ни слова ни разу не сказалъ Марѣ Евгра-

фовнѣ о своей затѣѣ обвѣнчать обожаемаго имъ, Богъ вѣсть за что, друга-пріятеля съ появившеюся въ домѣ внучкой; но Толбухина слишкомъ хорошо знала братца, чтобы не догадаться тотчасъ, о чемъ началъ мечтать онъ.

Никита Артемьевичъ обладалъ одною весьма рѣдкой чертой характера. Онъ былъ способенъ на безпримѣрное постоянство и безусловную слѣпую преданность тѣмъ, кого онъ разъ полюбилъ. Его 20-ти-лѣтняя привязанность къ Толбухиной и 50-ти-лѣтняя почти за всю жизнь привязанность къ другу-однокашнику Братолубцеву, могли подвигнуть его на всякую жертву, на всякій подвигъ до самозабвенія. Захоти Толбухина, все его состояніе давно бы принадлежало ей по дарственной. Много разъ предлагалъ бригадиръ сестрицѣ передать ей все при жизни и жить на ея иждивеніи. Ему была по сердцу мысль, что онъ будетъ у сестрицы на хлѣбахъ, а не она у него.

Будь на мѣстѣ Толбухиной женщина безчестная, бригадиръ былъ бы вѣроятно давно нищимъ, на улицѣ. Точно также не разъ собирался Никита Артемьевичъ подарить половину своего состоянія разорившемуся другу. Но опять-таки на свое счастье попалъ на честнаго человѣка, который на такое предложеніе однокашника и сослуживца отвѣчалъ смѣхомъ и шутками.

— Называться бы тебѣ не Никитой, а Кузьмой или Даміаномъ. И впрямь безребренникъ! отвѣчалъ другъ.—Какъ это тебя при этой добротѣ никто еще не объегорилъ. Марья Евграфовна не дала! Спасибо ей, умницѣ. А то бы давно пошелъ ты по міру.

Теперь у незлобиваго, причудливаго мечтателя Филисова, съ появленіемъ внучки въ домѣ, явилась новая сильная привязанность. Онъ начиналъ шибко любить ее, но на свой ладъ, и мечталъ устроить ея судьбу тоже на свой, а не на ея ладъ. Соединить судьбу обожаемаго друга съ судьбой любимой внучки, назвать товарища своихъ дѣтскихъ игръ своимъ внукомъ и видѣть внучку женою этого однокашника стало вдругъ для бригадира его сладчайшею мечтою. Все состояніе родовое и благопріобрѣтенное имъ пошло бы въ прямой родъ, въ линію и въ то же время... Да, въ то же время досталось бы и другу-пріятелю. И не въ видѣ подарка и подачки на бѣдность, а по обычаю и закону.

XI.

Неудача молодого офицера, невозможность не только свататься, но даже и познакомиться съ бригадиромъ, привела конечно къ тому, что его мать, Анна Ивановна Козлянинова, явилась снова въ Москву.

Эта была женщина уже лѣтъ 60-ти, а на видъ еще старше, слабая и болѣзненная старушка, вѣчно скрипящая, какъ говорятъ про хворающихъ людей. Ея знакомые дивились, да и сама она добродушно удивлялась, что все живетъ и не умираетъ. Вокругъ ея умираютъ здоровые да молодые, а она все на ладанъ дышетъ—и все жива! За послѣднее страшное время моровая язва унесла вокругъ старушки тысячи людей, богатыхъ, молодыхъ, здоровыхъ юношей и дѣтей, а ее не тронула, только напугала до полусмерти и заставила еще болѣе посѣдѣть и похирѣть.

Единственный ея сынъ былъ и единственнымъ ея ребенкомъ, но уже отъ третьяго брака. Старушка пережила трехъ мужей. Всѣ трое жаловались, что у нихъ хилая жена, а всѣ трое ушли на тотъ свѣтъ прежде нея.

Старушка добродушно шутила, что не мудрено ей спутаться, какъ себя назвать по фамили. Четырьмя разными фамиліями называлась она за всю свою жизнь—одною дѣвическою, да тремя мужними.

Первые два брака ея были бездѣтны и только отъ третьяго уже, когда было ей 40 лѣтъ, неожиданно-негаданно родился обожаемый ею Коля.

Трудно было представить себѣ, насколько старушка боготворила своего юнаго, красиваго и добраго Колю. Въ особенности услаждалась она мыслью, что его всѣ любятъ... Стало быть, хорошій малый.

Дѣйствительно, Николай Козляниновъ былъ любимцемъ и товарищемъ, и начальства, и сосѣднихъ дворянъ Звенигородскаго уѣзда. Не мало барышенъ по сосѣдству съ удовольствіемъ пошли бы за него замужъ. Все у него было: и дворянство, и состояніе, и офицерскій мундиръ, и статная фигура, и доброе сердце, и ласковая улыбка, и большіе, будто бархатные, голубые глаза.

Онъ былъ отъ природы чрезвычайно застѣнчивъ, особенно почитателенъ со всѣми и, вообще, какъ-то особенно мягокъ

въ обращеніи. Былъ у него одинъ большой недостатокъ, но его никто какъ бы не замѣчалъ. Ни его родная мать, ни друзья, ни знакомые, никто не хотѣлъ его замѣчать, или вѣроятнѣе не могъ замѣтить.

Николай Козляниновъ былъ отъ природы недалеко умомъ, даже, какъ говорятъ, простоватый малый. Отъ этого природнаго малоумія и происекалъ быть можетъ его чрезвычайно мирный и тихій нравъ.

— Звѣздъ съ неба не хватаетъ, говорили про него нѣкоторые,—за то сердце золотое, да и собой красавецъ.

Только разъ, въ самый разгаръ чумы, начальникъ всего кордона и всѣхъ рогатокъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ столицы, чтобы не пропустить чуму въ Петербургъ,—полковникъ, графъ Брюссъ, посудилъ Козлянинова прямо и откровенно.

— Вотъ дуракъ-то отчаянный... повторялъ Брюссъ, сносясь по дѣламъ службы съ молодымъ офицеромъ. — Что ни укажешь—все перевернетъ... Отпѣтый дуракъ!..

Эта оцѣнка начальника, человѣка добраго и справедливаго, нѣсколько озадачила молодого офицера, когда онъ о ней узналъ. И Козляниновъ добродушно сталъ самъ себя спрашивать:

— А ну, какъ я и впрямь отпѣтый дуракъ?.. Отчего же прежде, ни матушка, ни друзья-пріятели это не замѣчали?

Теперь, когда страшное моровое повѣтріе прекратилось, все стихло, только говоръ народный да рассказы бабъ остались отъ страшныхъ дней—всѣ дѣятели времени чумы получили повышение и награды, начиная отъ сенатора генерала Еропкина и кончая послѣднимъ сержантомъ. Лишь Козляниновъ въ числѣ немногихъ не получилъ никакой награды. Это его сначала нѣсколько опечалило. Старушка-мать рѣшила, что это все произошло отъ зависти и недоброжелательства враговъ.

А между тѣмъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей чумныхъ дней, тотъ же графъ Брюссъ, часто теперь вспоминалъ въ Петербургѣ:

— Былъ у меня, въ чуму на Москвѣ, подъ командой одинъ прапоръ, изъ себя видный и малый сердечный. Гдѣ его съ командой ни поставишь кордономъ—такъ смотришь, черезъ недѣлю матушка-чума уже и перелѣзла дальше. И опять раздвигай кордонъ шире и захватывай мѣсто, куда она перелѣзла. Четыре раза перемѣнялъ я его и гонялъ съ одного мѣста на

другое. Разъ поставилъ кордономъ вдоль берега широкой Оки; авось, думаю, здѣсь мой отпѣтый дуракъ вмѣстѣ съ рѣкой чуму уберегутъ и не пропустятъ... Анъ нѣтъ! Не прошло двухъ недѣль, какъ разъ насупротивъ его стоянія, за рѣкой, въ деревушкѣ объявилась гостыя и пошла народъ морить. И тутъ не уберегь! Даль сударынѣ-чумѣ черезъ рѣчку перескочить или переплыть.

Вотъ этотъ-то самый, по мнѣнію графа Брюсса, отпѣтый дуракъ, если не былъ годенъ для государственной службы, то во всякомъ случаѣ могъ быть годнымъ семьяниномъ и гражданиномъ.

Теперь, въ Москвѣ, Козляниновъ испугался, узнавъ, что его возлюбленная въ домѣ бригадира-дѣда.

Смутное предчувствіе сказало ему, что онъ болѣе не женихъ. И дѣйствительно, послѣ перваго же свиданія съ няней Ариной Матвѣвной, Козляниновъ увидѣлъ, что ему приходится бросить мысль о женитьбѣ.

Окончательно не зная, что дѣлать и съ какого конца взяться, чтобы умилостивить гордаго бригадира, молодой человѣкъ рѣшилъ вызвать въ Москву свою старуху-мать. Ей, какъ женщицѣ, да еще старухѣ, было легче дѣйствовать въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ сватовство.

Анна Ивановна, старѣвшая не по днямъ, а по часамъ, была послѣ всѣхъ тревожныхъ, путешествій и „бѣганій“ отъ чумы еще дряхлѣе на видъ. Хотя и черезъ силу, но она тотчасъ двинулась въ Москву и, ночевавъ два раза на разстояніи семидесяти верстъ, прибыла къ сыну на помощь.

Старушка сначала не могла въ толкъ взять, отчего „такое помѣшательство“ приключилось, отчего бригадиръ Филисовъ упорствуетъ не только согласіемъ на бракъ внучки, но даже горделиво отозвался, что и знакомиться не желаетъ.

— Да ничего ты худого въ Москвѣ не учинилъ? спросила она наконецъ сына съ тревогой.

Молодой человѣкъ даже сразу и не понялъ вопроса старухи.

— Не вышло ли у тебя или не приключилось ли какое срамное обстоятельство, которое дошло до ушей бригадира и сдѣлало его нашимъ супротивникомъ?

— Что вы, матушка, Господь съ вами...

— Ну, не оклеветали ли тебя, не очернили ли въ его мысляхъ къ тебѣ? Въ столицѣ люди злы...

— Кому же было клеветать? Нѣтъ, не думаю. А просто не хочеть онъ выдавать за меня Клену.

— Отчего? Чѣмъ ты ей не женихъ? Лучше тебя и сыскать нельзя. Днемъ съ огнемъ не найдешь!

— Желаетъ онъ видно сосватать Клену за какого-либо именитаго человѣка, сановнаго и богатаго, за полковника что ли... Я почему знаю... А не хочеть онъ меня—и все тутъ.

— Удивительно, развела руками Козлянинова.—Попробую, да попытаю я сама—можетъ, вся притча и разъяснится.

ХП.

Козляниновы прежде всего наняли небольшое, но приличное помѣщеніе на Моховой улицѣ. Ни старуха, ни офицеръ понятія не имѣли о томъ, что первый этотъ шагъ—былъ уже промахъ. На Моховой не жило ни единаго дворянина, ибо по близости протекала мутная и вонючая Неглинка и близъ ихъ квартиры торчали двѣ мукомольныя мельницы. Козляниновы не чуяли, что бригадиръ, когда узнаеть объ кварталѣ, гдѣ они поселились, назоветъ офицера „женихомъ съ болота“.

Въ новую квартиру прибыло изъ деревни полдюжины дворовыхъ людей, которыхъ пришлось тотчасъ „обшивать“. У кого изъ нихъ былъ кафтанъ „дранъ-раздранъ“, у кого сапоги „каши просили“. У другого шапки не было „ни само-малѣйшей“, ибо дома онъ шлыкомъ обходился и гололобый бѣгалъ. У третьяго совсѣмъ ничего не было. Синяя рубаха, да тулупъ! А какой же дворовый человѣкъ — въ овчинѣ ходить! Столичные люди осмѣютъ.

Послѣ дворни и „обшивки“ ея явились многія другія хлопоты и траты. У самой Анны Ивановны городской салоги оказался двухъ цвѣтовъ. Правая сторона лиловая, а лѣвая пола и пол-спины—будто бланжевыя. Матерія не выдержала и полиняла. Вѣроятно, она готовилась служить вѣрой и правдой лѣтъ пятнадцать, а пришлось служить и всѣ сорокъ лѣтъ. Когда Анна Ивановна была дѣвицей-невѣстой, салоги былъ одноцвѣтный. Она это хорошо помнила. Вѣдь онъ былъ темно-лиловый...

— Удивительно! говорила она теперь, качая головой.

— Полинялъ, матушка, шутка ли сколько ему, объяснялъ сынъ смѣясь.

— То-то полинялъ. Обманщикъ нынѣ купецъ сталь! на-
ровить всякаго надувомъ взять.

— Не нынѣ матушка... А тогда, когда его покупали или
шили... А нынѣшніе кушцы тутъ не при чемъ! шутить Козля-
ниновъ.—Такъ ли, этакъ ли,—а нуженъ вамъ новый салопъ.
Въ этакомъ ѣхать къ бригадиру — избави Боже! Здѣсь
Москва!

Старушка волей-неволей и скрѣпя сердце, занялась наря-
дами. Помимо новой покрышки на салопъ, пришлось и платье
новое шить, которое щеголиха-портниха посовѣтовала и взя-
лась шить изъ новой, самой всѣмъ любезной матеріи... Ко-
злянинова называла эту матерію по своему и никакъ не могла
запомнить ея настоящее заморское названіе... Старуха ахала
и въ себя не могла прійти отъ того новаго положенія, въ
какое попала.

— Вотъ до чего дожила! До искушенія людей! Надо не
нынѣ—завтра въ гробъ ложиться, а я себѣ платья изъ „гар-
латура“ шью... Одинъ грѣхъ!

Иногда же Козлянинова называла матерію и совсѣмъ по
своему.

— Какъ только мое платье изъ „гордолера“ поспѣветъ,
такъ тотчасъ поѣду свахой къ гордецу Никитскому. Не по-
спѣветъ онъ намъ отказать...

Наконецъ самая большая трата, на которую приходилось
Козляниновымъ рѣшиться, была покупка кареты. Не только
для барыни-помѣщицы, дворянки и старухи, нужна была въ
Москвѣ своя карета-рыдванъ, но даже послѣдній, почти не-
имущій чиновникъ „рябчикъ“ или прапорщикъ, если только
онъ былъ изъ столбовыхъ дворянъ, долженствовалъ имѣть
карету какую бы то ни было.

„Дворянину пѣшкомъ ходить по городу не приличествуетъ!
Дворянинъ, да пѣшій!“

Эти слова говорились стариками въ поученіе и какъ благой
совѣтъ молодымъ людямъ, сынамъ и внукамъ, которые уже
начинали понемногу рѣшаться на подобный соблазнъ для
жителей.

„Дворянинъ, да пѣшій!“ звучало имъ во слѣдъ съ укоризной.

Большая карета желтая съ голубымъ чехломъ на козлахъ—
появилась тоже у Козляниновыхъ.

Жаль было старухѣ денегъ! Но когда рыдванъ, величе-
ственно качаясь на своихъ стоячихъ рессорахъ—якобы ко-

рабль на волнахъ морскихъ—появился громахая на дворѣ, то старушка ясною улыбкою встрѣтила экипажъ...

— Никогда намъ твой Никитскій не откажетъ!—произнесла она увѣренно, обращаясь къ сыну.

Развѣ можно не отдать за молодца дѣвицу замужъ, когда его мать во мнѣ вѣдетъ на дворъ!“ будто сказалъ старушкѣ этотъ желтый рыдванъ.

Разумѣется, къ каретѣ понадобился и цугъ лошадей, но онѣ нашлись по счастью въ деревнѣ. Хотя цугъ былъ разномастный, но кони были не въ примѣръ столичнымъ, сытые и шустрые, тогда какъ въ Москвѣ на десятокъ цуговъ болѣе половины были изъ коней заморенныхъ. Бѣдный дворянинъ, держа и гоняя свой цугъ, исполнялъ строгій обычай, а не франтилъ. Если лошади были тощи отъ худого корма и гоньбы, то иной владѣлецъ ихъ и самъ бывалъ не всегда накушавшись вплотную, а если и сытъ, то въ гостяхъ.

По мѣрѣ того что всѣ хлопоты и заботы, всѣ обмены и затраты приходили къ концу и приближался роковой день поѣздки старушки къ бригадиру, Анна Ивановна болѣе робѣла и трусила.

— Вѣдь и мы дворяне столбовые! Царю Ивану Васильевичу твой дѣдъ правду въ глаза рѣзалъ!—говорила старуха сыну вдругъ, безъ всякаго вопроса съ его стороны, и тѣмъ какъ бы выдавала свою тайную робость, свои опасенія и тревогу души.

— Я по дѣвичеству генеральская дочка!—говорила старуха въ другой разъ, забывая, что при ея рожденіи генераловъ на Руси еще не существовало, за исключеніемъ нѣсколькихъ, да и то больше заморскихъ, изъ любимцевъ Великаго Петра.

Внутренняя тревога и сомнѣніе въ успѣхѣ въ теченіе многихъ дней привели къ тому, что когда карета, цугъ коней, кафтаны и ливрен людей, новый лиловый салопъ и платье изъ „горлодера“ были готовы, старушка не выдержала и слегла въ постель. Она ничѣмъ не болѣла, но встать не могла и лежала, говоря сыну:

— Что Филисовы, что Козляниновы—все едино. Тѣ же дворяне!

Наконецъ, однажды, въ воскресный день, барыня Анна Ивановна, помолясь усердно въ приходѣ за обѣдней, рѣшилась ѣхать къ „Никитскому“ боярину, какъ называла она Филисова.

Съ той минуты, что Козлянинова вѣхала во дворъ дома бригадира и о ней побѣжали доложить, и до той минуты, что старушка, подсаживаемая четырьмя лакеями, снова сѣла въ свой рыдванъ—время показалось ей и мигомъ, и вѣкомъ. Все, что собственно произошло и было говорено и бригадиромъ и ею—все заволокло какимъ-то туманомъ.

Плотный, высокій, суровый лицомъ хозяинъ съ сѣдыми, топырящимися, какъ усы, бровями, встрѣтилъ гостью поспѣшно и любезно въ залѣ, проводилъ въ диванную и усадилъ. Онъ былъ чрезвычайно почтителенъ и привѣтливъ.

Анна Ивановна объявила, что слышала отъ знакомыхъ и родственниковъ, что бригадиръ продаетъ вотчину въ сорокъ душъ... Ей бы очень желательно было узнать всѣ подробности, какъ и что?.. Бригадиръ, ухмыляясь, заявилъ, что ничего не продаетъ, но знакомству радъ... Старуха стала говорить о томъ, что имѣеть сына-офицера, что молодымъ людямъ надо жениться рано, скорѣе „степенство“ прійдетъ.

— А то бѣда! — сказала она. — Холостая жизнь погубительная... Такъ ли, государь мой?

— Истинно!—отозвался бригадиръ.

Описавъ подробно свои обстоятельства, знакомыхъ и жизнь въ Звенигородѣ, даже описавъ свое троекратно вдовство, Козлянинова рѣшилась спросить заикаясь: былъ ли бригадиръ женатъ и имѣеть ли дѣтей...

— Былъ и имѣлъ!—кратко отозвался Филисовъ.

— Были?—переспросила старушка.—Овдовѣли...

Бригадиръ молча наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— А дѣти ваши?

— Теперь никого, сударыня, нѣтъ, кромѣ дѣвицы-внуки—однозвучно произнесъ бригадиръ, будто говоря: „тебѣ это нужно, ну такъ—вотъ!“

— Это очень утѣшительно, пріятно,—сказала старуха.

— Что? Дѣтей потерять?

— Какъ-то-ись?—не поняла Анна Ивановна придирки хозяина, но тотчасъ прибавила вопросомъ:

— Дѣвица невѣста?

— Да-съ! на возрастѣ.

— Замужъ пора...

— Нѣтъ, еще не пора!—отрѣзалъ бригадиръ.

— Отчего же?..

— Жениховъ нѣтъ!—опять отрѣзалъ бригадиръ.

— Въ Москвѣ... да нѣтъ жениховъ... стараясь хитрить, вымолвила Козлянинова, изображая удивленіе и лицомъ, и голосомъ.

— Въ Москвѣ-то ихъ, сударыня, непочатой уголь, но для внуки моей ни одинаго нѣтъ.

Бригадиръ произнесъ эти слова такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Анна Ивановна не знала, какъ продолжать бесѣду. Но вдругъ счастливая мысль пришла ей на умъ.

— Очень бы желала я познакомиться съ вашей дѣвицей!—сказала она.

— Вы уже, сударыня, знакомы съ ней... насколько мнѣ извѣстно, сказалъ бригадиръ.

Слова эти какъ громомъ поразили старуху... Она совсѣмъ растерялась... До сихъ поръ все еще шло хорошо, какъ подобаетъ въ щекотливыхъ обстоятельствахъ. Она глаза отводила бригадиру и бесѣдовала „обинякомъ“. Онъ тоже, какъ водится, не выводилъ ничего „на чистоту“. Дѣло какъ будто шло наладъ и какъ по маслу. И вдругъ бухнулъ онъ такое сразу слово, что все зданіе, сооруженное старухой, будто рухнуло и рассыпалось...

Анна Ивановна оторопѣла, съ трудомъ переводила дыханіе и не знала совершенно, что дѣлать и что сказать.

„На чистоту хватилъ“, повторяла она мысленно. „Что жъ теперь?..“

Она собиралась было сейчасъ „обинякомъ“ познакомиться съ Кленой, которая придетъ въ диванную, а онъ говоритъ, что онъ уже знакомы!..

Старушка окончательно потерялась и не знала, какъ поступить и что дѣлать. Бригадиръ досталъ табакерку изъ кармана и, подавая, спасъ гостью однимъ словомъ, сказаннымъ привѣтливо:

— Нюхать не изволите?

— Бросила... Бросила!—оживилась Козлянинова, находя предметъ для бесѣды...

Бригадиръ сталъ черезчуръ весело, смѣясь, доказывать, что нюхательный табакъ великое изобрѣтеніе для рода человѣческаго, безъ котораго была бы суцая тоска жить на свѣтѣ.

Съ этой минуты бригадиръ, удивительно разболтавшись и какъ-то чудно усмѣхаясь, не далъ Аннѣ Ивановнѣ произнести ни одинаго слова. Три раза старушка разѣвала ротъ, чтобы снова начать „обинякомъ“ бесѣду объ дѣвицѣ-внуцѣ... Но

бригадиръ повѣствовалъ ей о Москвѣ, объ Иванѣ Великомъ, объ Иванѣ Грозномъ, объ Иванѣ дурачкѣ, о чумѣ, о Туркѣ, о галерномъ флотѣ, о путешествіи господина Телемака, которое совершенно было имъ болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ.

— И что вы! Господь съ вами! сообразила старуха.— И съ Рождества Христова двухъ тысячъ годовъ не прошло.

— Оный Телемакъ, царскій сынъ, жилъ еще до Рождества Христова.

— И полноте грѣшить! Нешто это возможно! — ахнула Козлянинова.

Бригадиръ громко разсмѣялся и опять заболталъ всякую околесную.

И густымъ, непроницаемымъ туманомъ заволокло мысли старушки. Она сидѣла какъ опьянѣлая и въ глазахъ ея начало рябить и тоже все путалось, и прыгало, и гудѣло. И сынъ, и турки, и Иванъ Великій, и Клена, и Телемакъ, и галерный флотъ...

И невѣдомо какъ, будто чудомъ какимъ, вдругъ очутилась Анна Ивановна въ своемъ рыдванѣ и уже ѣхала домой. А какъ очутилась, она почти и не знала... Встали, помнится, они съ мѣсть своихъ, посмотрѣтъ цвѣты заморскіе въ горшкахъ, что стояли на окнахъ залы... А послѣ осмотра какихъ-то розановъ очутились въ передней. А здѣсь ея лакеи, какъ только завидѣли барыню, бросились къ ней, накинуги на нее новый салопъ. А бригадиръ все ее привѣтливо провожалъ, въ передней даже помогаль одѣться, даже самъ приказаль карету поближе къ крыльцу подать.

По мѣрѣ того, что старушка ѣхала домой, туманъ сгущался въ ея мысляхъ... Вышло что-то такое путаное, безъ начала и конца... Или будто задавилъ ее звѣрь какой безъ головы и безъ хвоста.

— Ну что? Что, матушка? — встрѣтилъ старуху сынъ на подъѣздѣ.

— Да ничего... Съѣздила!.. — отозвалась Анна Ивановна, входя въ домъ.

Козляниновъ быстро освободилъ мать отъ салопъ, теплой шляпы, платка и всякой всячины, провелъ въ гостиную, усадилъ и уже нетерпѣливо спросилъ:

— Ну-съ... Ну-съ... Что же?

— Да ничего!

— Какъ ничего!?

- Все слава Богу.
 — Видѣлись съ Кленой?
 — Нѣтъ...

Не скоро, при помощи всякихъ и многихъ разспросовъ, но наконецъ молодой человѣкъ вполне понялъ, къ чему привела поѣздка матери къ бригадиру.

XIII.

Обѣщаніе „сестрицы“ своему сожителю повліять на внучку и „разговорить“ ее, заставило Толбухину готовиться и собираться съ мыслями ради пущей удачи.

Въ день посѣщенія Козляниновой, Марья Евграфовна и за столомъ, и послѣ обѣда, была особенно ласкова со внучкой. Въ сумерки онѣ вмѣстѣ поѣхали ко всенощной, а вечеромъ Толбухина долго разсуждала съ Кленой объ шитьѣ ей новаго платья къ праздникамъ. Это было предисловіемъ или вступленіемъ, которое Толбухина мысленно назвала: *avant-propos*. Но о дѣлѣ, по порученію бригадира, она не проронила со внучкой ни слова.

Толбухина, умственно приготавливаясь къ походу на внучку, обдумывала каждое слово предстоящей рѣчи, или, лучше сказать, своей проповѣди внучкѣ. Эта нравоучительная и убѣдительная проповѣдь должна была подѣйствовать, по ея мнѣнію, на Клену на столько сильно, чтобы дѣвушка сама отказалась отъ всякой мысли собираться замужъ за своего возлюбленнаго.

Цѣль Толбухиной заключалась не въ томъ, чтобы приготовить Клену къ противодѣйствію со стороны дѣда, а именно въ томъ, чтобы все обошлось и уладилось какъ бы по желанію самой дѣвушки. Впрочемъ, она сочиняла свою рѣчь, приготавливаясь говорить, и больше думала о томъ, какое впечатлѣніе внѣшнее произведетъ ея красивая рѣчь, чѣмъ о послѣдствіяхъ ея. Лишь бы красиво вышло, умно, игриво, однимъ словомъ красно, а убѣдить ли она внучку или нѣтъ, объ этомъ Толбухина какъ будто не заботилась. Ужъ очень она любила свое искусство словоизверженія.

На другой день, конечно, около полудня, въ горницахъ Клены, которыя помѣщались наверху въ мезонинѣ и окнами выходили въ занесенный сугробами садъ, появилась Марья

Евграфовна. Видѣ у нея былъ особенно торжественный; лицо улыбалось привѣтливо, но глаза смотрѣли многозначительно и загадочно. Даже костюмъ на ней былъ не простой, буднич- ный, а поверхъ платья изъ драдедама была накинута цѣнная бѣлая турецкая шаль, которую она когда-то получила еще въ приданое, при выходѣ замужъ за своего нынѣ безвѣстно пропадающаго мужа.

При видѣ бабушки, Клена даже оторопѣла и смутилась. Если бы бабушка собиралась выѣхать вмѣстѣ съ нею, то предупредила бы ее, и она тоже бы одѣлась. Очевидно, что Марья Евграфовна разрядилась для какого-то особеннаго выѣзда. Но зачѣмъ тогда лѣзть къ ней на вышку по крутой лѣстницѣ? Толбухина вообще крайне рѣдко заглядывала въ горницы внучки, а въ парадномъ туалетѣ—ея появленіе было уже чрезвычайнымъ происшествіемъ.

Войдя въ горницу, Марья Евграфовна, хотя уже видѣлась поутру съ внучкой, снова торжественно расцѣловалась съ нею и прибавила:

— Я къ тебѣ. Въ гости. Сядемъ, побесѣдуемъ о важномъ дѣлѣ.

Марья Евграфовна сѣла въ большомъ креслѣ, но не опер- лась на спинку, а какъ бывало всегда, выпрямилась, сложила руки на колѣняхъ и, немножко закинувъ голову назадъ, при- вѣтливо-торжественно смотрѣла на внучку.

Въ этой позѣ пріодѣтая Марья Евграфовна была еще очень недурна собою; слѣды прежней красоты еще не исчезли и теперь ясно сказывались. Вздернутый вверхъ подбородокъ правильныхъ очертаній открывалъ красивую полную шею, вокругъ которой лежало бѣлое тюлевое монисто. У Толбухи- ной еще не было морщинъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ маленькихъ на лбу и на вискахъ, которыя, какъ ниточки, про- ходили по ровной чистой кожѣ ея бѣлаго лица. Большіе кар- ріе глаза съ слегка опущенными вѣками, когда она закидывала голову, и какъ бы слегка прищуренные, придавали ей фигурѣ почтенно-кокетливый видъ.

Всякій, кто въ такую минуту поглядѣлъ бы на сестрицу бригадира, „соломенную“ вдову, понялъ бы какъ легко было бригадиру двадцать лѣтъ тому назадъ подпасть подъ полную зависимость къ этой женщинѣ и до сей поры оставаться ей вѣрнымъ. Хотя и была она ему двоюродною сестрою, но будь она женою не пропадающаго, а умершаго человѣка, то, быть

можетъ, съ разрѣшенія архіерейскаго, Марья Евграфовна называлась бы теперь бригадиршей Филисовой.

Клена, усѣвшаяся противъ Марьи Евграфовны, невольно засмотрѣлась на нее и вымолвила наивно:

— Какая вы, бабушка,—еще красивая! Какъ принарядитесь—просто прелесть!.. Краше иной молодой.

Марья Евграфовна, видимо польщенная, улыбулась, и два ряда диковинно сохранившихся зубовъ заблестѣли какъ жемчугъ.

— Удивительно!... проговорила полушепотомъ Клена, какъ бы себѣ самой.

— Я къ тебѣ, внучка, по дѣлу пришла. Хотя я, какъ ты говоришь, молода на видъ, но духомъ я старая старуха и старше меня по духу не найдешь ты во всей столицѣ. Послушай меня, внемли всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумомъ своимъ тѣмъ рѣчамъ, которыя я поведу, ради разъясненія тебѣ, ради уразумѣнія тобою, того священнаго долга, коимъ ты обязалась передъ своимъ дѣдомъ, переступивъ порогъ очага его семейнаго. Вѣдаешь ли ты, моя милая, и понимаешь ли ты всю святость тѣхъ обязанностей, кои, такъ сказать, еще съ сотворенія міра Господь опредѣлилъ, указавъ людямъ...

Толбухина запнулась и передохнула.

Въ это время раздался тяжелый вздохъ въ углу горницы. Марья Евграфовна быстро обернулась.

Тамъ, сгорбившись, опершись на колѣни локтями и уставивъ на барыню умные глаза, сидѣла Арина Матвѣевна.

Няня, слышавшая весь приступъ къ проповѣди бабушки, невольно прошептала:

— Ну, начала отчитывать!... И при этомъ она вздохнула.

Слова не долетѣли до слуха Толбухиной, но тяжелый, непритворный и краснорѣчивый вздохъ достигъ до нея.

Толбухина кротко обратилась къ ней и выговорила...

— Ну, Арина Матвѣевна, тебѣ не слѣдъ меня слушать. Ты выйди, побудь тамъ, а когда я поговорю съ внучкой—тогда можешь вернуться.

Много на это могла бы отвѣтить Арина Матвѣевна, которая для Клены за всю ея жизнь значила больше чѣмъ родная мать. Но умная женщина никогда, ни единымъ словомъ не противорѣчила барынѣ. И теперь, ни слова не вымолвивъ, няня покопалась умышленно въ вещахъ, потомъ послушно

пошла изъ горницы, но успѣла украдкой глянуть раза три на дѣвушку. И глаза ея сказали Кленѣ:

„Пушай! Что жь? На вѣрѣ не повиснетъ. Полаеть, а вѣтеръ унесетъ“.

Слишкомъ знали другъ друга женщина-мамка и ея дорогое дитяtko, чтобы въ секунду, только глянувъ другъ другу въ глаза, не перемолвиться краснорѣчивыми взглядами.

На многозначительный взглядъ Арины Матвѣвны Клена своимъ тревожнымъ взглядомъ какъ бы отвѣтила нянѣ:

„Тутъ чѣмъ-то пахнетъ... Она пришла не проста!“

„Такъ смотри, берегися! Съумѣй защитить себя и даромъ не сдавайся!“ какъ бы отозвалась няня.

И сразу волшебствомъ набралась Клена храбрости въ добрыхъ любящихъ глазахъ обожаемой няни.

Послѣдствіемъ этого было то, что когда Арина Матвѣвна скрылась за дверь, то Клена сидѣла передъ бабушкой ужъ не смущенная, и хотя немного тревожная, но не боявшаяся того, что она услышитъ.

Марья Евграфовна снова заговорила, и такъ какъ она начала съ сотворенія міра, то долго звучалъ ея голосъ въ горницѣ, произнося пропасть словъ очень длинныхъ и замысловатыхъ, которыхъ Клена даже не понимала, хотя чуяла, что это были русскія слова, а не заморскія.

Но скоро рѣчь бабушки стала приближаться къ чему-то хорошо понятному Кленѣ и близкому, къ чему-то, что она оберегала въ сердцѣ своемъ отъ всякаго глаза и чужого слова.

Понемногу Клена начинала чувствовать, что рѣчь заходитъ о томъ, что ей дороже всего въ мірѣ.. Ей стало казаться, что эта сладкая бабушкина рѣчь приближается къ этому сердечному ея сокровищу, какъ волкъ среди ночи мягко и беззвучно приближается къ мѣсту, гдѣ сейчасъ будетъ у него жертва, раздастся стонъ и прольется на снѣгъ алая кровь.

Клена сидѣла уже оробѣвшая и румяная, хотя имя „его“ еще не было произнесено. Она уже не слушала бабушки и не понимала, что та говоритъ. Голосъ Толбухиной звучалъ въ горницѣ, какъ журчитъ ручей, безъ смысла и безъ перерыва, а Клена слушала не ручей, а самое себя, слушала то, что происходило у нея на душѣ. И слышала она только одинъ вопросъ, который въ тысячный разъ повторяло ей ея собственное сердце:

— Что ей отвѣчать?.. Что отвѣчать?..

Наконецъ голосъ Марьи Евграфовны оборвался. Въ комнатѣ стало тихо. Клена пришла въ себя и увидѣла, что бабушка вопросительно глядитъ на нее и какъ бы ждетъ отвѣта.

— Что же?.. произнесла Марья Евграфовна.

— Что?.. совершенно робѣя повторила Клена.

— Скажи же мнѣ, что я спрашиваю.

Клена не знала, что бабушка спрашиваетъ, но на ея счастье порывъ краснорѣчія еще не прошелъ совсѣмъ и Марья Евграфовна вновь торжественно, но и съ чувствомъ повторила то, чего не слыхала внучка.

— Предпочтешь ли ты, спрашиваю я, изъ родной семьи итти въ чужую, мужнину, изъ богатства въ бѣдность, и жить всю свою жизнь безъ благословенія, если не родительскаго, то тѣхъ, кто замѣняетъ тебѣ покойныхъ родителей?..

У Клены, которая еще недавно пользовалась полною свободой, не могло теперь сорваться съ языка отъ смущенія слово „нѣтъ“, т. е. не могло сорваться слово согласія. Но съ другой стороны у нея не хватило духу сказать рѣзко и прямо этой привѣтливой бабушкѣ, что она способна на такой поступокъ, который та порочить и казнить. И среди наступившей тишины Клена выговорила откровенно, наивно, даже простодушно:

— Я, бабушка, право не знаю.

Марья Евграфовна, обдумывавшая въ эту минуту свою, уже сказанную рѣчь, создалась про себя:

„А хорошо я все это описала и разъяснила“.

Слова внучки въ отвѣтъ на эту рѣчь какъ бы разбудили ее.

— Что ты говоришь? произнесла она, и красивое лицо ея омрачилось сразу.

— Не знаю... повторила Клена просто.

— Какъ!.. Ты полагаешь возможнымъ выйти замужъ за кого-либо безъ согласія твоего дѣдушки, который тебя любить, который тебя, круглую сироту, принялъ въ домъ!.. Что ты! Опомнись!.. Я кажется достаточно пояснила тебѣ! какой великій и тяжкій грѣхъ неповиновеніе родителямъ или лицамъ, вмѣсто ихъ посланнымъ Богомъ. Ну, да, впрочемъ, что жъ тутъ разсуждать издалека... Давай говорить попросту: много ли ты знаешь этого прапора Козлятинова? Небось какое у него прозвище смѣхотворное—таковъ онъ и весь... А

состояннице самое маленькое, едва хватающее на одежду приличную.

Зачѣмъ Толбухина, подражая бригадиру, умышленно коверкала фамилію офицера, она сама не знала.

А между тѣмъ этотъ пустякъ оказался важнымъ обстоятельствомъ. Клена вспыхнула, обидясь за своего возлюбленнаго.

— Фамилія его, бабушка, Козляниновъ. Старинная дворянская. Не хуже нашей... А вотчина у нихъ въ Звенигородѣ. Какая, не вѣдаю... А сказываютъ—иждивеніе достаточное. А каковъ онъ изъ себя, вы, бабушка, судить не можете, потому что вы не пожелали его видѣть. Повидаете его и, право, боюсь я вамъ, измѣните свои мысли.

И въ голосѣ Клены вдругъ зазвучало нѣчто, о чемъ Толбухина не имѣла никакого понятія: зазвучалъ нравъ, свой, дѣвичій, хоть бы и ребяческій, но все-таки нравъ, которому препятствовать будетъ нѣсколько мудрено.

Оказывалось ясно, что вся длинная и красная рѣчь Марьи Евграфовны была на этотъ разъ что объ стѣну горохъ.

Толбухина задумалась и долго молчала.

— Слушай, внучка, вновь заговорила она,—дѣдушка Никита Артемьевичъ никогда не согласится на твой бракъ съ этимъ прапоромъ, потому что, какъ я имѣю нѣкоторыя предположенія,—онъ нашелъ тебѣ достойнаго супруга.

На этотъ разъ Клена снова измѣнилась въ лицѣ и стала уже не румяная, какъ нѣсколько мгновений назадъ, а сидѣла блѣдная, и глаза ея сверкали и испугомъ, и гнѣвомъ.

— Чего же ты оробѣла? спросила Толбухина, замѣтивъ переизмѣну.—Подумаешь, что я тебѣ сказала, что тебя, вотъ сейчасъ, окрутятъ, да за колдуна какого стараго замужъ и отдадутъ. Ты не знаешь, кого тебѣ могъ дѣдъ выбрать и кто можетъ быть твоимъ нареченнымъ.

— Мнѣ все равно, бабушка, глухо произнесла Клена,—кто бы онъ ни былъ, хоть королевичъ заморскій... Мнѣ все равно... Если не Коля—то хоть Сиволдай какой.

— Сиволдай? Что такое?

— Не знаю. Такъ сказывается... Ну, уродъ... Страшилице! Если не Коля Козляниновъ, мой нареченный, мой любимый, то мнѣ все едино кто... Все едино пропадать!

— Не благоприличествуетъ, милая моя, чужого человѣка называть ласковымъ именемъ. Онъ тебѣ не Коля, а Николай...

и какъ тамъ его по батюшкѣ... Слыкала я—Ивановичъ, кажется.

— Я Колей привыкла его называть... Я такъ называла его еще при жизни покойныхъ родителей. Вамъ няня Ариша можетъ засвидѣтельствовать, что Николай Ивановичъ былъ не только моимъ нареченнымъ, но если бы не разныя помѣхи и проволоочки — то мы бы успѣли еще лѣтомъ повѣнчаться при жизни моихъ родителей.

— Ну, что было, то и былъемъ поросло, голубушка; объ этомъ мы и говорить не будемъ, а будемъ сказывать, что должно быть... Ты нынѣ не на Арбатѣ, въ хибарочкѣ у своихъ неимущихъ родителей, а въ дворянскихъ палатахъ бригадира Филисова, спокойно вразумительно и даже ласково произнесла Толбухина.—Если преждекакой-нибудь ходящій пѣшкомъ прапоръ могъ быть твоимъ нареченнымъ, то теперь ему наши ворота не по пути... Его съ нашего двора въ зашеи прогонять.

На глазахъ Клены появились слезы и она начала плакать.

— Ты подумай... Нечего плакать, нечего слезы лить... Подумай хорошенько, поразсуди обо всемъ. Разсуди всѣ эти обстоятельства и все, что я тебѣ говорила, и всѣ твои теперешнія мысли и желанія покажутся тебѣ самой глупствомъ. Черезъ сутки ты сама придешь ко мнѣ посмѣяться надъ своей прошлой блажью.

XIV.

Ласково расцѣловалась Марья Евграфовна со смущенною и озадаченною внучкой, и уйдя, тотчасъ изъ приличія выѣхала со двора, чтобы этимъ выѣздомъ объяснить свой незаурядный праздничный костюмъ. Она не хотѣла, чтобы люди знали, что одѣвалась она собственно не для гостей, а для торжественной проповѣди внучкѣ.

Толбухина выѣхала со двора въ Кремль въ красивой каретѣ, качавшейся на высокихъ стоячихъ рессорахъ, съ двумя гайдуками на запяткахъ, цугомъ сѣрыхъ коней съ красивыми фореяторами впереди. Бдучи теперь по улицамъ Москвы, Марья Евграфовна все думала о внучкѣ и о своемъ объясненіи. Она была довольна собой, своей рѣчью и своимъ внѣшнимъ видомъ. Недаромъ внучка въ простотѣ души высказалась, удивленная красивой внѣшностью своей не настоящей,

а лишь нареченной бабушки. Дѣйствительно, сорока-лѣтняя Марья Евграфовна казалась на этотъ разъ очень моложавою. Съ ней бывали эти перемѣны; она была по французскому выраженію *journalière*. Иной день она казалась даже старше своихъ лѣтъ, а въ другое время моложава и красива, какъ если бы ей было въ дѣйствительности всего 30 лѣтъ отъ роду.

„Она пойметъ, что, поступая по моимъ указаніямъ, поступитъ правильно“, думала Марья Евграфовна. — „Поплачетъ, погорюетъ, но передумавъ все, что я ей такъ хорошо сказала, она убѣдится, что нужно бросить мысль о бракѣ съ офицерикомъ“.

Перейдя мысленно къ затѣѣ бригадира относительно брака внучки съ 60-лѣтнимъ его другомъ Братолюбцевымъ, Толбухина невольно созналась себѣ самой, что эта затѣя совершенно нелѣпая. Она сама въ ея годы не пошла бы за друга и кума бригадира. Онъ былъ человѣкъ добродушный и веселый, но „пустовать“ и, какъ говорится, „до старости щенокъ“ по своимъ мыслямъ, привычкамъ и внѣшнему виду. И Клена конечно будетъ съ нимъ несчастлива. Это было бы грѣшно допустить.

„Это грѣхъ! Ей Богу грѣхъ. И на моей душѣ былъ бы этотъ грѣхъ!“ думала Толбухина.

Черезъ часъ времени, возвращаясь домой, она уже рѣшила, что должна твердо противодѣйствовать затѣѣ бригадира, ибо ея совѣсть повелѣваетъ это.

— И за Звенигородскимъ прапоромъ ей не бывать, но и за стараго холостяка крутить ее грѣхъ! разудила и рѣшила она.

Справедливость къ людямъ и правильность въ жизни — были какъ бы девизомъ Толбухиной.

Марья Евграфовна была женщина степенная, во всемъ хладнокровная и вѣроятно поэтому справедливая. Въ повседневной жизни, она любила чистоту, тишину и порядокъ, т. е. тоже „правильность“ во всемъ. Ей бы хотѣлось, чтобы все человѣчество жило такъ же правильно, какъ существуетъ міръ Божій—солнце, земля и твердь небесная. Всякому человѣку слѣдовало бы, по убѣжденію Толбухиной, жить, чувствовать и мыслить, подобно часамъ. Она находила, что всѣ животныя живутъ правильнѣе человѣка. Всякія треволненія, сомнѣнія, колебанья, порывы, пылъ, увлеченіе, раскаяніе и

сотни другихъ атрибутовъ человѣческой природы — все это было чуждо Марьѣ Евграфовнѣ и даже иногда не понятно.

— Это все люди на себя напускають. Это все блажь одна! часто объясняла Толбухина какое-нибудь обыкновенное явленіе людской жизненной суеты.

Слѣдовательно, печали и радости людскія, горе и счастье ихъ, для нея были блажью.

— Какъ же это я вотъ... Никогда я еще смолоду ни отъ какой радости не прыгала, никогда ничему особенно не радовалась, никогда ни о чемъ черезчуръ не горевала. А бывали же и у меня обстоятельства и радостныя, и печальныя. А отчего? Нужна правильность въ чувствованіяхъ. Теленокъ только можетъ этакъ, безъ всякаго повода и безъ причины, вдругъ задравъ хвостъ, начать по деревнѣ прыгать. А человѣкъ свое человѣческое и дворянское достоинство соблюдай. Звѣрь, птица и букашка живутъ правильно. Холопъ можетъ жить во всякихъ тревоженіяхъ: онъ не себѣ принадлежитъ, а дворянину. Онъ хоть и съ душой, но холопской. Онъ „продажная“ душа. Его на базаръ выводятъ и продають рядомъ съ коровой, съ овощами, съ сѣномъ и всякой живностью. А человѣкъ, т.-е. дворянинъ съ душой благородно рожденной, долженъ жить правильно, собой владѣть и себя якобы коня на уздѣ держать.

И Толбухина „воздерживалась во всемъ“, т.-е. жила методически. Проводила она день свой такъ же правильно, какъ шли большіе стѣнные часы въ столовой. Она вставала и ложилась, кушала, вышивала въ пальцахъ, раскладывала пасьянсъ, выслушивала сплетни, доносы и переносы своей главной ключницы Степаниды, собранныя со всего околотка, бесѣдовала объ суетѣ міра сего или о дѣлахъ и хозяйствѣ съ бригадиромъ—все въ положенные часы дня.

Когда бригадиръ въ забывчивости сунется вдругъ говорить съ сестрицей объ какомъ дѣлѣ, во время стола или найдя ее за пальцами; то Марья Евграфовна вмѣсто отвѣта и бесѣды скажетъ правоучительно:

— Я теперь кушаю! Я теперь вышиваю!

И бригадиръ отложить разговоръ до предназначеннаго для такихъ бесѣдъ часа, т.-е. до семи вечера или до двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня.

Если люди въ домѣ прозвали барыню „пилой“ за ея склонность къ поученіямъ, правоученіямъ и обученію ихъ всему,

что ни случалось, то въ кругу знакомыхъ своихъ Толбухина заслужила иное наименованіе. Московское дворянство считало ее чрезвычайно умною въ рѣчахъ и называло философомъ.

— Барыня-филозовъ, говорили про нее. — Всегда высоко парить мыслями.

Однако были тоже москвичи, которымъ чудилось, что рѣчи Марьи Евграфовны, хотя высокопарны, но будто пустозвонны. Она хорошо и складно говорить, подбираетъ слово къ слову, какъ бисеръ нанизываетъ на нитку или будто иглой крестики шерстяные кладетъ по канвѣ. Но прослушать ее цѣлыхъ два часа — и ничего въ головѣ не останется, ничего полезнаго отъ нея не узнаешь и не запомнишь.

При этомъ Толбухина за всю свою жизнь въ домѣ бригадира никогда никому ласковаго слова не сказала, никогда ни отъ одной чьей-либо бѣды не ахнула, какъ многіе люди, бываетъ, дѣлаютъ. Всякому бываетъ „вчужь жалко“, а Марья Евграфовнѣ была, казалось, даже „своя рубашка къ тѣлу“ не бливка.

— Нутра въ ней нѣту! давно рѣшили про нее холопы. — Истуканъ изваянный! говорили и знакомые. Красивая и привѣтливая, а улыбнется алыми устами, будто тебя студеной водой обольетъ.

И хотя Толбухина не сдѣлала зла никому никогда, а доброю все-таки не слыла. И никто ее помимо бригадира не любилъ. На вновь поселившуюся въ домѣ молодую внучку она производила тяжелое впечатлѣніе своимъ невозмутимымъ, но будто ледянымъ прекраснодушіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, будто на смѣхъ своей природѣ и своему черствому нраву, Толбухина любила „играть въ нѣжныя чувства“, по выраженію перваго друга бригадира — Братолюбцева.

— Зналъ я одного воеводу, разсуждалъ умный и острый другъ бригадира, который вѣки-вѣчные жаловался на зубную боль. То ночь не спалъ онъ отъ боли, то онъ трое сутокъ безумствовалъ отъ зубовъ. А у него еще съ молодости отъ какого-то знахарскаго снадобья всѣ зубы цѣликомъ съ корнями вывалились въ двѣ недѣли, такъ что съ двадцати лѣтъ онъ вставилъ себѣ фальшивые. Вотъ и Марья Евграфовна хвастаетъ нѣжностью сердца, кое у нея тоже давно изъ нутра вывалилось или коего у нея и съ рожденія не бывало.

Братолюбцевъ однако ошибался въ одномъ отношеніи: Толбухина не хвасталась своею нѣжностью и чувствительностью

предъ другими людьми, а какъ бы рисовалась предъ самой собою, даже скрывая многое предъ посторонними.

Такъ, между прочимъ, Толбухина обожала извѣстный родъ живописи, новую школу, процвѣтавшую въ ея время и во главѣ которой сталъ навѣки знаменитый Вато. Въ горницѣ Марьи Евграфовны были четыре большія картины, изображавшія пастушковъ, пастушекъ, маркизь и маркизовъ... На этажеркахъ, горкахъ и на тумбахъ стояли кучки фарфоровыхъ бездѣлушекъ, изображавшихъ все тѣ же сюжеты, что и картины. На большой тумбѣ у средняго окна стояла дорогая севрская группа, изображавшая двухъ обнявшихся подъ деревомъ. Надъ влюбленной четой сидѣлъ въ вѣтвяхъ амуръ и стрѣлой указывалъ на дощечку, привѣшенную къ дереву, гдѣ золотая надпись гласила:

„Serment d'aimer, et puis... aimer, et après tout... aimer!“

Вмѣстѣ съ пастушками, амурами и маркизами было въ горницѣ Толбухиной и много книгъ, исключительно французскихъ, такъ какъ языкъ ея любимыхъ пастушковъ Марья Евграфовна знала до тонкостей, какъ, быть можетъ, никто во всей Москвѣ. Но любимаго автора у ней не было. Она равно любила и Мариво, и Лафонтена, и Мармонтеля.

— Лишь бы по французски было написано... На этомъ языкѣ все хорошо, часто говорила она, — такъ же какъ на русскомъ все грубо выходить.

Особенное презрѣніе чувствовала Толбухина къ Новикову и его изданіямъ и книгамъ. По поводу этого бывали у ней частыя столкновенія съ бригадиромъ, изъ которыхъ она однако всегда выходила побѣдоносно, ибо умѣла спорить и „заговаривать“.

XV.

Клена, оставшись одна, послѣ визита бабушки, сидѣла не шелохнувшись нѣсколько минутъ.

„Вотъ оно недоброе!“ думалось ей. Вотъ оно, что давно чужалось ея сердцу. Въ какой незадачливый часъ рѣшилась она итти къ дѣду жить! Какой роковой шагъ былъ тотъ, которымъ она переступила порогъ этого дома!.. Но неужели же все пропало, всему милому и дорогому конецъ? Нѣтъ! Какъ онѣ сюда съ няней пришли, такъ могутъ и уйти. Да. Но вѣдь прійти было легко, а уйти будетъ трудно. Дѣдъ — человѣкъ

властный. Захоти онъ, то можетъ ее и ея милого въ тюрьму засадить.

Дѣвушка понурилась, и слезы заструились по ея лицу. По счастью, тотчасъ за исчезновеніемъ красивой и расфранченной бабушки въ горницѣ Клены появилась на рысяхъ ея утѣшительница-няня.

— Ну что?.. Такъ! Такъ! Вижу... До слезъ отчитала, будь ей пусто! воскликнула Арина Матвѣвна.

— Ахъ, Ариша!.. Ариша! воскликнула въ свою очередь дѣвушка и, бросаясь на шею къ мамушкѣ, залилась слезами еще пуще.

— Что? Что такое? Аль и впрямь новость какая? Да говори. Не томи...

Клена въ короткихъ словахъ передала все, что слышала отъ бабушки насчетъ рѣшенія бригадира относительно Козлянинова и насчетъ ея собственныхъ подозрѣній, что у дѣда есть на примѣтѣ свой женихъ.

— И Богъ вѣсть еще какой! сказала няня.—Пожалуй еще такой же старый, какъ и онъ самъ! вѣрно угадала она.

— Ахъ, няня, не все ли мнѣ равно какой!

— Какъ, родимая, можно! Молодой или старый—это дѣло первѣющее. Ты глупа—не понимаешь.

— Да мнѣ-то все едино! И молодой, да другой, а не Коля—мнѣ все тѣмъ же кашеємъ будетъ. Ахъ умру я! Вотъ что. И зачѣмъ это чума меня не убрала вслѣдъ за батюшкой съ матушкой!?

— Полно ты грѣшить! Несказанное прилетать.

— Няня, что же дѣлать? Подумай. Нельзя же такъ покориться имъ. Что же дѣлать-то мнѣ?

— Ничего, дитятко мое. Ничего.

— Какъ ничего?

— Да такъ. Ничего.

— Соглашаться на предательство Коли? Выходить за ихъ жениха?

— Зачѣмъ! Богъ съ тобой! Сначала ничего не будемъ дѣлать, никакимъ то-исъ голосомъ не откликаться. Будто все это не про насъ. И пронесетъ Господь бѣду. Образумятся наши привередники. А придетъ коли намъ солоно отъ нихъ—тогда мы...

И Арина Матвѣвна смолкла.

— Что тогда? Что?

— Тогда видно будетъ, голубка. Что, не глядя на святцы, да трезвонъ заводитъ! Увидимъ. А придетъ часъ—мы такой съ тобой трезвонъ подыдемъ, что и дѣдушка на попятный пойдетъ. Онъ вѣдь насъ не знаетъ. Какія мы, ты да я,—шустрыя. Мы себя рвать не дадимъ, тоже кусаться умѣемъ.

— Ахъ, няня, все это ты зря болтаешь, отчаянно вымолвила Клена.

— Не обижай человѣка попусту...

— Разлюбила ты меня... Теперь въ богатствѣ, въ сытости, тебѣ не до меня. Тебѣ что за дѣло, что я пропаду. Тебѣ нравится здѣсь у дѣдушки въ хоромахъ. Ты рада, что родители мои на томъ свѣтѣ, а мы въ золотѣ...

— Ахъ ты языкъ ножевый! Скажи на милость, что она тутъ отрѣзала. А? изумилась Арина Матвѣвна.—Что ты, дитятко, мыслими что ли рѣшилась? Или ехидничаешь?

— Нѣтъ. Я правду говорю! плакала Клена.

— Хороша твоя правда. Клеветничанье одно. Да еще на кого же, на свою мамку, коя за тебя животь свой положить всегда готова

— Да... Говорится такъ. А вотъ теперь...

— Что теперь? Ничего и теперь...

— Вотъ сколько я просила тебя: устрой мнѣ повидаться опять съ Колей. А ты что? Ты въ отвѣтъ: „Нѣтъ да нѣтъ!“ А вотъ они пока ладятъ свадьбу мою съ вѣдунюмъ какимъ-то. Мнѣ хоть бы разъ повидать Колю.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Вотъ спрашиваетъ!

— Да, спрашиваю. Зачѣмъ? Кой толкъ изъ того будетъ, что вы повидаетесь? Кой прокъ?

— Сговоримся что дѣлать.

— Сговоритесь, а тамъ ты и на попятный. А его предашь. Знаю я тебя...

— Вотъ тебѣ Богъ Господь, няня. Я на все пойду.

Клена перекрестилась на образъ, висѣвшій въ углу горницы, и глаза ея сразу высохли и заблестѣли. Арина Матвѣвна поглядѣла и ничего не отвѣчала, но, помолчавъ нѣсколько мгновеній, выговорила:

— Ну и не кручинься! Сиди да жди. Я за тебя буду сторожить. И ничего я не проморгаю. Когда нашъ часъ придетъ—все я сдѣлаю. Николая Ивановича не токмо въ садъ, въ сугробы, а хоть сюда на вышку къ тебѣ приведу.

— Какъ? Что ты... По воздуху?

— Хоть бы и по воздухамъ... А про себя я тоже тебѣ скажу... Я тебя сюда къ дѣдушкѣ привела, къ затѣйнику, прости Господи, и чудодѣю... Ну, я же тебя отсюда и уведу, коли онъ отъ старости твое злополучіе замыслилъ. Довольно съ тебя этого, корительница?

Клена, съ влажными отъ слезъ глазами, горячо обняла свою мамку, снова почувавъ сердцемъ, — какъ часто бывало, — что эта Ариша единственный человѣкъ въ мірѣ, который любить ее до самопожертвованія.

„Она вотъ... и онъ... Двое только у меня — дорогихъ“, думала Клена. „Но онъ — совсѣмъ иное дѣло. Та любовь будто изъ огня вся. Жжетъ и палить — и разумъ, и сердце... А эта любовь тихая, ясная, но хорошая тоже и будто солнышко грѣеть...“

Няня весь день просидѣла сумрачная и задумчивая. Клена чула сердцемъ, что „ея Ариша“ обсуждаетъ мысленно, что дѣлать.

„Семь-ко я опять навѣдаюсь къ моей барынѣ дорогой!“ рѣшила Арина Матвѣевна ввечеру. „Можетъ, что новенькаго принесу моей Кленушкѣ. А она мнѣ рада будетъ“.

„Дорогая“ барыня, какъ называла няня старуху Козлянинову, дѣйствительно всегда съ особымъ удовольствіемъ и искреннею радостью встрѣчала няню возлюбленной сына. Да и няня тоже обожала этого обожаемаго ею сына, — слѣдовательно, уже этого одного обстоятельства было достаточно, чтобы Арина Матвѣевна была желанною гостьей для Козляниновой. Къ тому же, это былъ единственный въ Москвѣ человѣкъ, съ которымъ Анна Ивановна могла отвести душу въ бесѣдѣ. Знакомыхъ у старухи въ городѣ не было, вновь знакомиться она не хотѣла, да и не съ кѣмъ было, а поболтать, порядить и посудить ей иногда сильно хотѣлось.

Въ Звенигородѣ у Козляниновой были двѣ-три пріятельницы, барыни, съ которыми она постоянно видѣлась. Хотя все давнымъ-давно было переговорено между барынями и каждая изъ нихъ по одному взгляду, по одному выраженію лица другой — знала, что та хочетъ сказать, однако онѣ все-таки охотно убивали время, переливая изъ пустого въ порожнее, перетрачивая соръ своего житья-бытья.

Рано утроешь, но однако отстоявъ уже заутреню и раннюю обѣдию у Вознесенья на Никитской, няня двинулась въ гости къ своей „дорогой барынѣ“.

XVI.

Поселившись поневолѣ въ Москвѣ, Анна Ивановна скучала теперь невообразимо и по цѣлымъ днямъ отъ тоски дремала. Сынъ былъ плохимъ собесѣдникомъ, а теперь ходилъ скучный, угрюмый. Да съ нимъ, молодымъ офицеромъ, и нельзя было бесѣдовать о многомъ такомъ, что интересовало старуху, такъ какъ ему все это было совсѣмъ не любопытно, а иное важное казалось смѣхотворнымъ. Такъ не разъ случилось.

Однажды Козлянинова съ пріятельницами звенигородскими была цѣлую зиму въ нѣкоторомъ волненіи, куда дѣвался царскій пѣтухъ, подаренный матушкѣ соборной попадѣ однимъ капитаномъ.

„Быль пѣтухъ! Вотъ быль и ходилъ! И всѣ его видѣли! Наканунѣ въ сумерки еще Агашка видѣла, около дровъ! И нѣтъ его! Сгинулъ! И вся зима проходила, а пѣтухъ не проявлялся! И дѣло не разъяснялось! Удивительно!... Прямо—колдовство!“

Когда Козлянинова передала однажды сіе происшествіе съ царскимъ пѣтухомъ матушки-попадѣ своему сыну—молодой человѣкъ много и долго смѣялся. И оказалось, что это онъ не надъ пѣтухомъ смѣется, а надъ охотой такимъ дѣломъ любопытствовать и заниматься..

— Ну пропалъ и чортъ съ нимъ! рѣшилъ онъ.

— Знаю—пропалъ. Эко умникъ сказалъ. Всѣ знаютъ. А ты разсуди это умомъ!—Вотъ что. Гдѣ онъ дѣвался?

— Ну, подохъ.

— Нѣтъ. Подохъ, такъ нашли бы колѣлаго на дворѣ, аль на улицѣ.

— Ну, украли...

— Некому украсть. Совсѣмъ некому. Улетѣть онъ тоже не могъ... Вотъ ты умомъ и раскрой!.. Удивительно!

Скоро однако Козляниновъ смѣхомъ, шутками и несочувствіемъ своимъ къ звенигородскимъ происшествіямъ—отбилъ у старухи-матери всякую охоту бесѣдовать съ нимъ.

Умная няня, конечно, тоже нисколько не сочувствовала многому, что занимало разумъ старой барыни; но Арина Матвѣевна, преслѣдуя свои личныя цѣли, вела себя хитро, дальновидно и ловко. Ей надо было войти въ довѣріе, полю-

биться барынь, чтобы затѣмъ подчинить ее себѣ, ради собственныхъ кровныхъ надеждъ и желаній. Арина Матвѣевна хотѣла во что бы то ни стало заставить барыню согласиться на то, въ чемъ она упорно отказывала обожаемому сыну. Няня надѣялась на побѣду, хотя и не легкую, въ дѣлѣ брака самокруткой ея сына и Клены. Но няня ошиблась.

Заставить старуху Козлянинову согласиться на бракосочетаніе ея сына съ бригадирскою внучкой съ ея благословенія, но безъ такового со стороны бригадира—было такъ же трудно, какъ заставить старуху итти воровать по сосѣдству. Такъ она и выражалась:

— Братъ дѣвицу въ жены изъ дворянскаго дома безъ согласія или благословенія ея родителей или тѣхъ „кто въ ихъ мѣсто“—вотъ все то же, что выйти на базаръ да начать воровать изъ лукошекъ, съ лотковъ, да прилавковъ.

Однако Арина Матвѣевна не унывала и твердо вѣрила въ успѣхъ своего предпріятія, какъ вѣрила вообще въ свое искусство подчинять себѣ волю другихъ людей.

— Авось уломаю въ концѣ концовъ—концы мои будутъ! утѣшала себя няня послѣ каждаго посѣщенія Козляниновой и новаго отказа старой барыни „итти воровать на базаръ“.

На этотъ разъ Козлянинова особенно обрадовалась, увидавъ няню.

— Охъ, рада я тебѣ, мама. Радымъ-рада! встрѣтила старуха гостью.

— Спасибо на ласкѣ, Анна Ивановна, отозвалась Арина.

— Не благодарствуй. Правду говорю. Тебѣ ли, кому ли, всякому въ моемъ одиночествѣ рада будешь. Одурѣла я, мать моя, сидѣмя въ этой Москвѣ, одна какъ перстъ. Я здѣсь, что грибокъ подъ лопухомъ въ дремучемъ бору. Ни мнѣ не видать никого, ни меня никому не видно. Ну садись, говори, рассказывай. Побольше, золотая, побольше. Что на умѣ ни есть—все выкладывай. Я охотница слушать. Мнѣ хошь и глупое послушать—все едино, очень любопытно. Смерть люблю слушать. Только бы не грѣховное, что искустель на усь себѣ намотать можетъ, да душу потомъ загубить. А то все хорошо... Говорю тебѣ—одурѣла я отъ одиночества. Инъ бываетъ сдается, что я въ монастырѣ какомъ и схиму принала.

— А Николай-то Ивановичъ, нешто отсутствуетъ все?... удивилась няня.—Въ гостяхъ да уѣздахъ?

— Нѣтъ, куда ему уѣзжать! Все дома сидить то же. Да оттого и бесѣдовать съ нимъ нельзя, что онъ ничего не знаетъ, что на Москвѣ новаго приключается. Да и кой прокъ отъ него теперь? Онъ и глядитъ, да не видитъ, и слухаетъ, да не слышитъ. У него одна твоя Клена и на умѣ, и на языкѣ, и во всѣхъ чувствіяхъ. Ну сказывай, что случилось въ городъ-столицѣ. Пожаръ, что ль?.. А? Драка? Убивство? Обокрали кого? Сбѣжалъ чей холопъ?

— Да ничего, матушка Анна Ивановна. Ничего такого особеннаго въ городѣ не случилось, сказала няня наобумъ.— Все слава Богу...

— Обидно! искренно сожалѣя о такой невзгодѣ, отозвалась старуха.—Какъ же это? Городъ большой, жителей многія множества, улицы народомъ кишмя кишать... Да можетъ быть и случилось что, да ты, мама, не знаешь. Такъ идя сюда, прохожихъ бы опросила и мнѣ принесла... А то, что жъ такъ, съ пустыми руками идешь! укоризненно закончила Козлянинова.

— У насъ, родная моя и дорогая барыня, тоже укоризненно, но серьезно выговорила няня,—своихъ бѣдъ-бѣдовыхъ полны руки, такъ гдѣ ужъ тутъ любопытствовать насчетъ чужихъ бѣдъ, происхожденій и приключеній!

И сразу вмѣсто пустой болтовни няня перевела бесѣду на свое кровное дѣло и заставила старуху говорить о бракѣ сына.

— Все въ рукахъ твоего Никитскаго боярина. А мы тутъ ничего не можемъ! сказала Козлянинова.

Няня стала говорить прямо о печальной необходимости вѣнчаться молодежи безъ согласія бригадира.

Старуха махнула рукой и даже слегка отвернулась отъ собесѣдницы.

— Что жъ, матушка-барыня, коли инако нельзя.

— Самокрутка—не дворянское дѣло!

— Съ вашего согласія материнскаго... А они вѣдь не родители. Онъ—дѣдъ, а она даже и не бабка, а чужая совсѣмъ для Кленушки. А вы мать родная...

Няня краснорѣчиво и долго убѣждала старуху дать свое согласіе, какъ нравственную поддержку и сыну, и его невѣстѣ... Козлянинова молчала, вздыхала, охала... Такъ старуха и отмолчалась. Няня собралась домой...

— Наши дворянскія правила и обычности крѣпко въ насъ

сидять, мама золотая, сказала Козлянинова нянѣ на прощанье и въ видѣ извиненія.—Крѣпко-накрѣпко во мнѣ иное обыкновенье сидить, недаромъ его съ мальства розгой, аль плеткой родители и учителя вхлестывали. Я бы и воровать могла, да какъ вспомню, что мнѣ единожды, годовъ десяти отъ роду, за уворованную антоновку было, такъ сразу и ошибеть. Двѣ недѣли, помнится, сидѣть не могла, ходила каракатицей, а спать на бочекъ ложилась...

Арина Матвѣевна угрюмая вернулась домой и лицо ея было настолько озабочено и темно, что первый попавшійся ей на дворѣ бригадира челоуѣкъ съ любопытствомъ опросилъ няню:

— Аль приключилось что тебѣ, Арина Матвѣевна? Не солоно хлѣбавши, идешь, сдается.

Задумавшаяся глубоко путемъ-дорогою няня пришла въ себя. Предъ ней стоялъ ея новый пріятель, почти вѣрный другъ, съ которымъ она за послѣднее время все болѣе сходилась. Это былъ скороходъ бригадира Герасимъ Морковниковъ.

Няня конечно отозвалась, что ничего у нея особливаго нѣтъ на умѣ.

— Такъ... Ломаеть меня. Застудилась должно...

— Ахъ, не ври... Не меня словами пустыми взять. Я наскрозъ всякаго челоуѣка вижу! сказалъ богатырь.—Твое дѣло! Не сказываешься, ну и помочь тебѣ нельзя. А будетъ тебѣ нужда, ты прійди, да Герасиму все и повѣдай. Онъ не дуракъ. Рѣзаное да рубленое склеивать приходилось.

Эти нѣсколько словъ скорохода, должно быть, попали въ цѣль или были сказаны въ особую минуту, важную и трудную для мамушки.

Сама не зная, какъ и зачѣмъ, а въ тотъ же вечеръ няня сошла съ скороходомъ въ пустой горенкѣ въ нижнемъ этажѣ, около людской, и повѣдала ему все свое и барышнинно горе.

— Хотите вы за молодого офицера. А нашъ гнетъ за другого, за какого. Что жъ?... Завсегда такъ было на свѣтѣ. Тутъ—чья возьметъ? Подумаемъ, мамушка, погадаемъ. Можетъ, я что и надумаю вамъ въ помощь, а себѣ въ разживу. Дай мнѣ сроку денька три...

Няня послѣ этой дружеской и откровенной бесѣды повеселѣла. Герасимъ тоже соглашался, что надо прибѣгнуть къ

лукавству и обману, ибо ни бригадира, ни Козляниновой не переупрямишь.

Умная няня попалась, однако, какъ старый воробей на мякинѣ.

Черезъ часъ послѣ бесѣды скорохода съ мамой, онъ былъ уже въ кабинетѣ бригадира, явившись безъ зова барина, а по собственному почину. При первыхъ же словахъ любимца, бригадиръ вскочилъ съ кресла, а затѣмъ, ни слова не вымолвивъ, опустился снова, но побагровѣлъ въ лицѣ.

— Самокруткой... прошепталь онъ наконецъ.— Увезить, украдаты будетъ. Украдаты?!

— Такъ точно... Тайкомъ изъ дому уведеть...

— Да вѣдь за это... если я его накрою... я его убить могу. Мнѣ законъ житейскій разрѣшаетъ его убить... Тебѣ прикажу, другому кому, Антону, Петру... Видишь молъ... офицеръ... крадетъ внучку мою... Клади его, какъ пса... Чѣмъ попало...

Бригадиръ едва говорилъ, задыхаясь отъ гнѣва.

— Ну и не тревожь себя. Такъ мы и знать будемъ! побобостранно вымолвилъ Герасимъ.—Нарвется на кого изъ насъ, хоть на меня, мы его и ухлопаемъ. Да это дѣло и не скоро у нихъ склеится... Еще мѣсяца три прособираются... Я только упредить счелъ своимъ вѣрнымъ долгомъ.

— Спасибо, Герасимъ. Я тебѣ это зачту! воскликнулъ Филисовъ съ чувствомъ.—Ты да Степанида, только двое вѣрныхъ людей у насъ и есть.

И Герасимъ вышелъ, радостно улыбаясь.

XVII.

Морковниковъ и Степанида были дѣйствительно главные лица въ домѣ бригадира.

Барская барыня, женщина уже пожилая, шарообразнаго вида, маленькая, толстая, съ заплывшимъ отъ сна и обильной пищи лицомъ была любимицей Толбухиной и ненавидима всѣми въ домѣ. Она была отъ природы женщина не злая, но обязанность ея, или прямой, такъ сказать, долгъ совѣсти состоялъ въ томъ, чтобы наущничать, подсматривать, подслушивать и доносить все барынѣ-хозяйкѣ.

Степанида была слишкомъ лѣнива и тяжела на подъемъ,

чтобы пронырой всюду пролѣзть и все разузнать... А барыня требовала отчетности, ради порядка въ домѣ. Поэтому, Степанида, не злая и не лгунья отъ природы, чтобы доказать свое рвеніе и дѣятельность, должна была поневолѣ сочинять и взводить то на одного, то на другого холопа всякія небылицы.

Барыня считала долгомъ, вполне довѣряя своей любимицѣ, наказать ослушника или ослушницу... Отсюда происходила путаница и куча несправедливостей. То и дѣло наказывался кто-нибудь болѣе или менѣе строго за поступокъ, котораго никогда не дѣлалъ. Вотъ за это сочинительство и ненавидѣли Степаниду. А она въ свой чередъ сочиняла не ради любви къ клеветѣ и не ради природной злости, — а ради того, чтобы казаться усердной въ исполненіи своей обязанности соглядатая.

Съ этою Степанидой съ перваго дня вступленія въ домъ добрая и правдивая Арина Матвѣевна какъ-то само собою стала во враждебныя отношенія. Будь Степанида злокой, — няни барышниной, вѣроятно, не было бы уже давно въ домѣ, ибо Арина Матвѣевна постоянно противорѣчила Степанидѣ, выговаривала ей въ глаза, осуждала за клеветничество и лганье и вообще взяла подъ свою защиту всѣхъ дворовыхъ.

Впрочемъ, положеніе няни было отчасти исключительнымъ въ домѣ. Хотя она когда-то и была крѣпостною бригадиромъ, но подаренная имъ формально, документомъ, покойной невѣсткѣ, теперь считалась крѣпостною холопкою молодой барышни, перейдя къ ней, какъ бы по наслѣдству отъ матери. Ариной помѣщицей была Клена, и такимъ образомъ, бывшая крѣпостная бригадиромъ теперь ему совершенно не принадлежала по закону.

Это обстоятельство объяснилъ нянѣ самъ же бригадиръ и добродушно, и толковито.

— Ты теперь не моя. Я съ тобой ничего подѣлать не могу, хотя ты мнѣ сейчасъ начни грубить... Только выпнать изъ дому тебя могу. Ты барышнина холопка и она одна можетъ сотворить съ тобою, что захочетъ.

Правдивая Арина Матвѣевна рѣшилась стать въ непріязненныя отношенія къ Степанидѣ, видя и понимая какъ умная женщина, что и бригадиръ, и его Толбухина — люди собственно добрые. Въ обоихъ всегда было можно, если смѣло дѣйствовать, найти правду и правдивый судъ. Къ тому же, дитятко ея настолько ее любило, что никогда бы не дало даже дѣду

въ обиду. Наконецъ у смѣлой Арины Матвѣевны появилось страшное оружіе противъ Степаниды.

Она знала за барской барыней одинъ грѣхъ, который и другіе знали, но всѣ эти другіе никогда бы не рѣшились прійти и рассказать тайну господамъ. Единственнымъ человекомъ, способнымъ на это, была полунезависимая въ домѣ мама барышни.

Грѣхъ, который водился за Степанидой, — были ея отношенія къ Герасиму Морковникову.

Огромнаго роста, силачъ и богатырь съ виду, умный, но двоедушный и лукавый, этотъ Герасимъ, отчасти избалованный бригадиромъ, правилъ въ домѣ должностью, которая имѣлась во всякомъ богатомъ дворянскомъ быту. Онъ былъ скороходомъ. Иначе говоря, онъ былъ лакеемъ, который не имѣлъ въ самомъ домѣ никакого отдѣльнаго занятія, не служилъ за столомъ и не сидѣлъ въ прихожей, какъ другіе лакеи, по цѣлымъ днямъ, съ одною обязанностью встать, когда кто-либо изъ господъ пройдетъ или гости прійдутъ.

Вообще онъ не дѣлалъ ничего по дому. Его обязанность состояла исключительно въ томъ, чтобъ исполнять порученія бригадира и быть на посылкахъ. Онъ слонялся вѣкъ по городу, то съ письмомъ, то съ вещью по знакомымъ барина или по лавкамъ и магазинамъ, иногда отправлялся и въ уѣздъ.

Названіе его, конечно, не соотвѣтствовало быстротѣ исполненія этихъ порученій. Отъ прежней мудреной должности оставалось лишь одно прозвище.

Въ прежнія времена были у бояръ и дворянъ дѣйствительно настоящіе скороходы, которыхъ иногда посылали въ страшную даль, и въ вотчину, и въ иной губернской городъ, хотя бы за триста верстъ. И скороходъ скоро ходилъ. Теперь же оставались въ домахъ дворянъ люди, на обязанности которыхъ было исполненіе порученій и вообще гонки по Москвѣ... Но ходили они такъ же, какъ и прочіе простые смертные.

Самъ бригадиръ шутилъ часто насчетъ своего Герасима, а равно и другихъ скороходовъ своихъ знакомыхъ:

— Какіе это, чортъ, скороходы теперь!.. Вывелась ихъ порода. Помню я, при Екатеринѣ Алексѣевнѣ, первой императрицѣ, да и при Аннѣ Ивановнѣ бывали такіе быстроходы... А знатнѣе всѣхъ водились они въ царствованіе Великой дщери Петровой. У графовъ Разумовскаго и Бестужева были такіе, что по пятнадцати верстъ въ часъ отхватывали. Лучше

всякой ямской лошади... А этот теперь народъ иной— черепашей породы. Ихъ бы теперь слѣдъ звать: долгоходы.

Часто бригадиръ такъ и обращался къ своему Герасиму:

— Ну, ты, долгоходъ, снеси вотъ писулю. Тутъ вотъ за угломъ домъ-то... Авось къ ночи вернешься.

Такъ какъ посылки эти по городу случались не часто, то Герасимъ, собственно говоря, былъ свободенъ по цѣлымъ днямъ. И остальнымъ людямъ занятія было мало въ домѣ, но все-таки каждому что-нибудь да случалось дѣлать. Герасимъ же проводилъ день во снѣ, въ болтовнѣ, или въ ѣдѣ всего того, чѣмъ угощала его пріятельница, полномочная въ домѣ ключница и барская барыня.

Герасимъ, какъ большинство богатырей и силачей, былъ человѣкъ собственно добродушный, и если когда-либо вмѣшивался въ какую ссору или драку въ домѣ или на дворѣ, то всегда за тѣмъ, чтобы мирить враждующихъ и отдуть въ крайнемъ случаѣ того, кто налѣзалъ и шумѣлъ больше, не соглашаясь на мировую.

Герасима любили въ домѣ, несмотря на ненависть къ его пріятельницѣ.

Единственное существо, которое скороходъ считалъ какъ будто долгомъ разъ въ недѣлю легонечко поколотить — была именно Степанида. Но это происходило, такъ сказать, по дружбѣ. Какъ всякій мужъ жену свою долженъ учить изрѣдка колотушками, — такъ и Герасимъ считалъ долгомъ изрѣдка поучить уму-разуму свою пріятельницу, чаще всего за ея лѣнь и распущенность тѣлесную.

Богатырь-скороходъ еще отличался кромѣ того отъ всѣхъ другихъ дворовыхъ людей бригадира еще и тѣмъ, что могъ, хоть не бѣгло, прочесть Псалтырь и Часословъ. Равно могъ онъ нацарапать что-нибудь не очень мудреное для господъ, или приказъ въ вотчину старостѣ, или счетъ, или смѣту товара, который надо закупить въ лавкахъ.

Герасимъ очень гордился своею грамотностью и поэтому, часто, съ высоты своего величія, говорилъ про дворню:

— Темные люди, что съ нихъ взять.

Во времена, когда не всякій дворянинъ былъ обученъ грамотѣ и большинство сановниковъ умѣло только правильно подписать свое имя и фамилію, — человѣкъ, имѣвшій возможность написать цѣлую страницу болѣе или менѣе разборчи-

ваго письма, былъ знаменательнымъ и совершенно исключительнымъ явленіемъ.

Хотя бригадиръ и называлъ Герасима „долгоходомъ“, но за то съ гордостью и съ удовольствіемъ рекомендовалъ его знакомымъ:

— Это мой скорописецъ.

То, что называлось новымъ словомъ „скоропись“, только въ эти дни, въ половинѣ царствованія Екатерины Великой, начало входить въ общее употребленіе среди грамотныхъ людей.

До того времени замысловатые значки и крючки писанной азбуки не давали возможности даже вполнѣ грамотному человѣку писать быстро.

Такъ какъ бригадиръ при всякомъ дѣлѣ въ Верхнемъ и Нижнемъ Судахъ всегда посылалъ своимъ ходатаемъ Герасима, то его скороходъ имѣлъ уже много знакомыхъ среди подъячихъ, которыхъ былъ цѣлый легіонъ у Воскресенскихъ воротъ, близъ образа Иверской Божьей Матери.

Въ средѣ этихъ подъячихъ и стрекулистовъ, Герасиму, грамотному человѣку, видному съ лица, видному ростомъ, умѣвшему разумно бесѣдовать, было легко завести друзей.

Часто случалось ему по какому-либо дѣлу отправляться въ трактиръ и опорожнить цѣлый самоваръ насчетъ приглашающаго, а иногда и на свой собственный, а время проходило въ поучительныхъ и любопытныхъ бесѣдахъ про законы, про суды, про власти и про многое иное...

Изрѣдка, не болѣе раза въ мѣсяцъ, Герасимъ позволялъ себѣ выпить, но, вернувшись домой, тщательно скрывался, чтобы никто его въ нетрезвомъ состояніи не видалъ. Деньги у скорохода, разумѣется, водились, хотя жалованья онъ никакого не получалъ, какъ крѣпостной человѣкъ.

Ясно, что источникъ дохода былъ не чистый. Но въ данномъ случаѣ виновнымъ былъ не Герасимъ: онъ только бралъ эти деньги и тратилъ. Приобрѣтались онѣ хитрыми путями, его пріятельницей—барской-барыней.

Герасимъ и Степанида уже издавна были первыя лица въ домѣ бригадира. Теперь только завелось третье лицо, которое выдѣлялось среди прочихъ дворовыхъ—няня барышни, Арина Матвѣвна.

Упрямо-правдивая женщина стала однако въ странныя отношенія къ обѣимъ любимцамъ въ домѣ: со Степанидой она была врагомъ, а съ Герасимомъ почти въ дружбѣ.

— Онъ умный, а она дура, разсуждала няня.—Онъ многое знаетъ, чего не всѣ господа разумѣютъ. Она ничего, кромѣ перины да варенья, и знать не хочетъ. Лукавъ онъ, глаза у него хитрые, не смотрятъ прямо... Да что жъ мнѣ до этого...

Арина Матвѣевна не могла не отнестить съ особеннымъ уваженіемъ къ тому, что Герасимъ могъ, „куная“ перо въ чернила, царапать на бѣлой бумагѣ такіе крючечки, изъ которыхъ человѣческая рѣчь производилась; а другой по этимъ крючечкамъ могъ всякое дѣло узнать.

Умной нянѣ Аринѣ грамота казалась не только дѣломъ страшно мудренымъ, но даже отчасти дѣломъ таинственнымъ. Она была въ душѣ увѣрена, что эта грамота хотя и полезна, а все-таки навѣрно врагомъ человѣческимъ изобрѣтена. А тотъ, кто можетъ хорошо владѣть грамотой, непременно колдунъ и съ нечистой силой можетъ имѣть сношенія, если захочетъ.

Съ человѣкомъ, какъ Герасимъ, ей надо было, слѣдовательно, состоять въ дружбѣ. Полная неудача въ тайномъ предпріятіи заставило умную Арину упасть духомъ, искать поневолѣ и безсознательно помощи извнѣ. А ловкій и хитрый Герасимъ будто волею судьбы вдругъ теперь подвернулся ей подъ руку.

„Что ему старый баринъ!“ разсудила няня, пойдя на свиданіе и откровенную бесѣду со скороходомъ. „Умреть онъ, Клена будетъ наслѣдницей всего имущества и всѣхъ холоповъ. Всякому человѣку выгодно теперь ей услужить. Герасимъ ужъ конечно это понимаетъ!“

ХVIII.

Разумѣется, Арина Матвѣевна ни слова не повѣдала своему дитяткѣ ни о новомъ своемъ посѣщеніи старухи Козляниновой, ни объ откровенной бесѣдѣ со скороходомъ.

„Что зря смущать ребенка!“ думалось нянѣ.

Прошло дня два. Клена отъ зари до зари сидѣла молча, какъ истуканъ, не двигаясь и глубоко задумавшись, или бродила, какъ привидѣніе, по своимъ двумъ горницамъ. Арина Матвѣевна пробовала утѣшать дитятко, просила не горевать и увѣряла, что „еще Богъ милостивъ“. Клена при этомъ бессмысленно взглядывала на няню, какъ бы не понимая, что

она говорить, или же вздыхала и, не отвѣтивъ, задумывалась еще пуще. Изрѣдка только она произносила вслухъ, но какъ бы себѣ самой:

— Я его видѣть хочу! Видѣть!

Наконецъ, на третій день, въ сумерки, дѣвушка, сидѣвшая противъ няни у окна, заговорила:

— Няня... Такъ нельзя... Мнѣ хоть руку на себя наложить... Такъ нельзя...

— Вѣдаю, что нельзя. Да что же?.. Ничего не подѣлаешь.

— Бѣжать намъ надо къ Аннѣ Ивановнѣ.

— Что проку... Она насъ не приметъ или тотчасъ привезетъ обратно къ дѣдушкѣ.

— Богъ съ тобой!

— Такъ. Вѣрно, дитятко. Я ужъ съ ней надъсь толковала. Она сказываетъ: „лучше горевать, чѣмъ срамиться“.

— Такъ зачѣмъ же ты молчишь? Не скажешь, что и послѣдняя-то надежда сгинуть должна и что мнѣ теперь...

Дѣвушка не договорила и понурилась, какъ бы окончательно сраженная.

— Надо ждать. Да надо тоже съ Николаемъ Ивановичемъ мнѣ завести рѣчь. Съ нимъ съ однимъ, чтобы и матушка его ничего не знала. Онъ инако посудить. Молодцы самокрутокъ не боятся.

— Я-то... Я-то когда же его увижу? Вѣдь я его чуть не годъ не видала. Пойми это. Когда онъ былъ далеко, да и въ чуму—все какъ-то легче сдавалось. А теперь, когда я знаю, что онъ на подачу руки близко, что ты вотъ отъ него приходишь, меня томить.

— Надъсь видѣлись въ саду.

— Видѣлись? На минуту! Въ ночи! Въ снѣгу... Ни объ чемъ не переговорили. Мнѣ надо видѣть его, разглядѣть, побесѣдовать, сговориться что дѣлать. Няня! Слушай!

Клена поднялась съ своего мѣста и, измѣнившись въ лицѣ, со сверкающими глазами подошла и встала предъ Ариной Матвѣвной.

— Слушай! повторила она дрожащимъ голосомъ.—Я больше не могу. Я истомилась... Сдѣлай мнѣ, что я тебя буду просить. Не сдѣлаешь, я удавлюсь. Я знаю, какъ это удавляються, видѣла. Помнишь, у насъ въ сараѣ на крюкѣ повѣсилъ фореиторъ.

— Ну тебя... Тыфу!.. Что вспоминаешь и какія рѣчи вѣдешь—не дѣвичьи.

— Не болтай пустого, Ариша... Я, не въ шутку. Вотъ тебѣ Господь Богъ, что я удавлюсь, если ты не исполнишь моего прошенія.

— Да что же? Чего тебѣ?

— Обѣщайся. Поклянись, что исполнишь.

— Какъ же мнѣ, дитятко, обѣщать, не зная, о чемъ ты просишь. Можетъ быть, несказанное что выдумала.

— Да, несказанное, мудреное, погибельное. Да вѣдь мнѣ семь бѣдъ,—одинъ отвѣтъ. Да! Я страшное надумала, да нешто моя смерть лучше тебѣ. Вотъ тебѣ Матерь Божья свидѣтельница, что коли ты не сдѣлаешь по моему—я удавлюсь. И какъ ты меня не стереги—я тебя обману. Найдешь ты меня на бичевѣ въ петлѣ.

— Полно! Полно! Ну нешто такія рѣчи говорятъ. Морозъ даже по кожѣ подираетъ! воскликнула Арина Матвѣевна.

— На вотъ, гляди...

Клена вытащила изъ кармана пучокъ тонкой и длинной бичевы и показала нянѣ. Та, только ротъ разинула и руками всплеснула.

— Вчера въ ночь,—вотъ тебѣ крестъ,—я совсѣмъ собралась ужъ было давиться, пока ты спала... Да меня спасла вдругъ...

Клена смолкла и, комкая бичеву въ карманъ, стояла задумавшись.

— Кто? Кто? произнесла нѣсколько разъ Арина Матвѣевна.— Говори же, оглашенная. Кто спасъ?

И няня заплакала вдругъ отъ страха и ужаса, который ее обуялъ при видѣ бичевы съ прилаженной на концѣ петель.

— Спасла меня лѣстница, глухо вымолвила Клена.

— Лѣстница. Богъ съ тобой, дитятко. Путаешь...

— Да, лѣстница. Вотъ эта. Гляди. Видишь.

Клена показала нянѣ въ окно, за которымъ рисовалась отчетливо въ небѣ длинная лѣстница, приставленная изъ сада къ крышѣ дома. Безъ такой лѣстницы не было ни единого двора въ Москвѣ, а у палатъ бригадира ихъ было три. Одна вела на крышу съ главнаго двора, другая—съ боку дома съ задняго двора, а третья изъ саду. Эту послѣднюю конечно заносило зимой сугробами и по ней лазили на чердакъ только лѣтомъ.

— Вот по этой лѣстницѣ... ночью... можно влѣзть... Пробравшись въ садъ черезъ заборъ!.. А съ чердака къ намъ рукой подать. Я про Колю это...

— Что-о? протянула Арина Матвѣвна, пораженная.

— Ничего другого, няня, выдумать я не съумѣла. А это дѣло я весь день переворачивала на мысляхъ. И одно я тебѣ сказываю: или ты устроишь мнѣ это, по-видаю я Колю, сговорюсь, что дѣлать намъ, или руки на себя...

— Гдѣ же? Куда же?.. Сюда ему лѣзть! Господь съ тобой! Въ чужой домъ? Къ дѣвицѣ? Ночью?

Наступила пауза. Клена отошла и сѣла на свое мѣсто, вопросительно и упорно глядя на Арину Матвѣвну.

— Не гляди такъ страшно! отмахнулась а. — Нешто я могу такое...

— Няня... Ты ему скажи. Это его дѣло. Онъ ни единой минуты не усумнится. Что ему стоитъ ночью перемахнуть изъ переулка заборъ, пройти сугробы, влѣзть на чердакъ, а чрезъ дверку прямо къ намъ въ горницы. Тутъ мы однѣ наверху и никто его не увидитъ... Это стократъ проще, чѣмъ когда мы вечеромъ сами ходили въ сугробы. Насъ могли увидѣть, какъ мы лазили въ снѣгъ, вмѣсто того, чтобъ ходить по расчищенной дорожкѣ. Нѣтъ легче этого дѣла! Меня Господь спасъ, постановивъ подъ глаза эту лѣстницу. Я сразу будто все поняла. Сразу мнѣ будто кто шепнулъ: „Ахъ, моль, ты безумная! Да вотъ какъ вамъ повидаться! Хоть всякій день видайтесь! И никто не узнаетъ!“

— А изъ нижнихъ оконъ кто увидитъ?

— Ночью-то? Изъ гостиной, да изъ диванной? Кто же тамъ бываетъ ночью-то? А ихъ опочивальни, да горницы всѣ во дворѣ. Ихъ обоихъ.

— А сюда кто заглянетъ. Да у насъ найдетъ. Тогда, гдѣ я буду? Въ Сибири? А ты? На тебя покоръ людской!

— Ночью никто къ намъ не пойдетъ.

— Да грѣхъ это и срамота. Порочить себя...

— Такъ тебѣ лучше чтобы я окаянною смертью померла? Ну, что жъ, хорошо... Спасибо! Помни это... Будешь меня въ гробъ класть, опознаешься, да поздно будетъ...

Голосъ Клены задрожалъ, и она заплакала. Няня бросилась къ ней, сѣла около нея и, обнявъ крѣпко, прижала къ себѣ и начала цѣловать.

Черезъ нѣсколько минутъ Арина Матвѣевна произнесла полушепотомъ:

— Озадачила! Дай мнѣ съ мыслями собраться. Вотъ я завтра къ ранней пойду, свѣчу поставлю угоднику Николѣ, да помолюся... А тамъ подумаю, что Богъ на душу положить. Можно коли, то я... Я ему скажу. Какъ онъ знаетъ. Пролѣзть-то нѣтъ ничего легче. Такъ все само подладилось. Да не хорошо. Молодцу къ дѣвицѣ, ночью, въ горницу... Не хорошо. И не увидятъ, да совѣсть-то заѣстъ.

— Онъ не чужой какой, тихо вымолвила Клена.—Онъ мой женихъ съ благословенія родительскаго.

Арина Матвѣевна вздохнула и мысленно повторила себѣ то же самое.

„Что жъ. Правда все это“, подумала она наконецъ.—„И какъ чудно потрафилось. И лѣстница изъ саду. И мы-то однѣ у чердака на вышкѣ... Семь-ко я заутро пойду къ ранней... Помолюся въ придѣлѣ угоднику Галактіону—узъ рѣшителю...“

XIX.

Въ тѣ же дни бригадиръ мысленно волновался, собираясь поговорить серьезно и окончательно со своимъ другомъ.

Онъ уже нѣсколько разъ за послѣдній мѣсяцъ намекалъ другу о томъ, что имѣетъ до него очень важное дѣло.

Когда однажды Братолюбцевъ, смѣясь, спросилъ: ужъ не хочетъ ли другъ заразъ получить всѣ тѣ деньги, которыя онъ у него понемногу забралъ взаймы, то бригадиръ даже разсердился. Онъ назвалъ друга „шалымъ чортомъ“, у котораго всякія „непутныя гадости“ на умѣ. Но затѣмъ Филисовъ объяснилъ, что дѣло его крайне важное и на дняхъ подробно объяснится.

Появленіе въ Москвѣ молодого Козлянинова заставило Филисова спѣшить. Волей-неволей приходилось теперь отправляться къ другу и объясняться.

Геннадій Ивановичъ Братолюбцевъ, статскій совѣтникъ, кавалеръ и засѣдатель Верхняго Земскаго Суда, хотя и разѣзжалъ по Москвѣ въ желтой каретѣ цугомъ, но позолота на рыдванѣ давно полиняла, а цугъ лошадей былъ настолько заморенъ не ѣдой, а скудной пищей, что многіе, глядя на проѣзжающаго барина, догадывались, что всѣ его денежки „куры склевали“.

Жилъ Братолюбцевъ когда-то въ собственномъ домѣ, и въ саду своемъ тоже разводилъ канавки, фонтаны и мостики. Затѣмъ онъ продалъ садъ, на которомъ широко выстроился какой-то чиновникъ, а затѣмъ вскорѣ продалъ и домъ. Теперь Братолюбцевъ помѣщался на маленькой квартирѣ, близъ Москвы-рѣки. Квартира его была изъ самыхъ плохихъ и къ тому же отъ нея было недалеко до той суконной фабрики, гдѣ началась еще недавно и распространилась по всему городу моровая язва. Помѣщеніе вообще было далеко не дворянское.

Судьба странно связала дружбой Филисова съ Братолюбцевымъ. Между ними не было ничего общаго. Насколько бригадиръ былъ порядливъ, экономенъ и за все свое существованіе приумножилъ родительское достояніе, а не уменьшилъ — настолько же Братолюбцевъ былъ человѣкъ безпорядочный и легкомысленный.

Бригадиръ съ рѣдкимъ постоянствомъ скромно жилъ послѣднія 20 лѣтъ, проводя время въ бесѣдахъ съ Толбухиной, а Братолюбцевъ за это время прошелъ и огонь и воду и мѣдныя трубы.

Теперь, когда ему тоже было около 60 лѣтъ, онъ продолжалъ вести почти ту же безтолковую холостую жизнь. Все состояніе его большею частью погибло отъ страсти къ карточной игрѣ. Теперь проигрывать было нечего. Но проигравъ когда-то большія суммы, теперь Братолюбцевъ продолжалъ проигрывать послѣдніе гроши. Часто, въ бесѣдахъ съ другомъ-бригадиромъ, онъ восторженно мечталъ о томъ, что если бы онъ получилъ какое-либо наслѣдство, то сейчасъ бы отыгрался.

Бригадиръ только головой качалъ.

Несмотря на то, что этотъ другъ былъ сомнительнаго русскаго и дворянскаго происхожденія, что отецъ его когда-то назывался совершенно иной, шведской, фамиліей, и не смотря на его безпорядочность — бригадиръ все-таки, будто толкаемый слѣпою судьбою, рѣшался теперь предложить этому другу руку и сердце молоденькой внучки и все свое сбереженное состояніе.

Подобныя нелѣпости и противорѣчія въ жизни людей необъяснимы, а случаются сплошь и рядомъ.

Бригадиръ утѣшалъ себя, разумѣется, мыслью, что онъ спасетъ друга, что женитьба его остепенитъ. При этомъ Никита

Артемьевичъ былъ убѣжденъ, что Клена будетъ счастлива съ Геннадіемъ Ивановичемъ, потому что онъ человѣкъ веселый, забавникъ, шутникъ. Всякой молодой дѣвушкѣ съ нимъ должно житья легко и весело, а стало быть, и счастливо.

Когда бригадиръ явился на квартиру друга, гдѣ безпорядокъ царилъ во всемъ, гдѣ безтолковая жизнь холостяка и его неряшливость сказывались повсюду — онъ нашелъ друга за интереснымъ занятіемъ. Хотя около него лежали кипой служебныя бумаги, самъ онъ былъ занятъ совершенно инымъ.

На подоконникѣ, у котораго онъ сидѣлъ, прыгаль въ клѣткѣ ученый чижики, и засѣдатель Верхняго Суда, отложивъ дѣла на ближайшій стулъ, занимался тѣмъ, что обучалъ чижику таскать на веревочкѣ маленькую телѣжку съ кормомъ, хитро вырѣзанную изъ бумаги. Чижики, отъ великаго ли разума, или вѣрнѣе отъ великаго голода, очень забавно и хитроумно клювомъ и лапками притаскивалъ себѣ телѣжку съ кормомъ.

— Чудакъ ты человѣкъ! выговорилъ Филисовъ, найдя друга за этимъ занятіемъ.

Затѣмъ бригадиръ попросилъ друга бросить все, и судебскія бумаги, и чижа и, собравъ всѣ свои мысли и чувства, приготовиться выслушать то, что онъ ему повѣдаетъ.

Когда Филисовъ, сначала смущаясь и заикаясь, а потомъ горячо и съ увлеченіемъ объяснилъ другу, что онъ хочетъ женить его на своей внучкѣ и отдать ему все свое состояніе, то Геннадій Ивановичъ вытаращилъ на пріятеля глаза.

— Нынѣ не святки и не 1 апрѣля... произнесъ онъ. — Или у тебя какое помраченіе вышло въ головѣ?..

— Затѣмъ помраченіе... Просвѣтлѣніе... отшутился Филисовъ.

— Въ своемъ ли ты разумѣ, Никитка?

— Въ своемъ всегдашнемъ, Генька!..

Филисовъ заговорилъ горячо — и Геннадій Ивановичъ пересталъ понемногу удивляться, сталъ слушать внимательнѣе, а черезъ нѣсколько времени заявилъ уже, что худого тутъ нѣтъ ничего, только, по его мнѣнію, Клеопатра Артемьевна за него замужъ никогда не пойдетъ, лучше захочетъ въ монастырь постричься.

— Вѣдь ты ей дѣдъ, а я тебѣ ровесникъ. Пойми ты это, сказалъ онъ, растерявшись.

— Извѣстное дѣло, придется сначала и приневоливать, отозвался бригадиръ. — Нельзя и требовать, чтобы молодая

дѣвица въ тебя врѣзалась, якобы въ какого рыцаря диковинной красоты. Но Клена дѣвушка разумная и благоправная, сначала поартачитъся, а потомъ и образумится... А тамъ уже по пословицѣ: „Стерпится—слюбится“.

Братолюбцевъ, тронутый до глубины души, облобызавъ друга и вымолвилъ взволнованнымъ голосомъ, что онъ всегда знаетъ, какого истиннаго друга имѣетъ въ Филисовѣ.

— Но все-жъ-таки, дай мнѣ немножко подумать... прибавилъ онъ.—Страшно мнѣ больно... Она совсѣмъ молоденькая, а я ужъ скоро перевалю на седьмой десятокъ. Было время—и я шибко женскому полу нравился, но всему своя пора... Теперь оно поди ужъ и невозможно... Я опасаюсь, другъ любезный, и знаешь ли чего?.. многозначительно вымолвилъ Братолюбцевъ.

— Чего?

— А того, что твоя внучка, узнавъ, какого ты ей жениха выискалъ, не говоря ни слова, убѣжить да и бултыхъ въ прорубь въ Москву-рѣку.

Братолюбцевъ весело и добродушно разсмѣялся.

Затѣмъ онъ отошелъ отъ Филисова, приблизился къ зеркалу, внимательно и молча осматрѣлся и, показывая другу на свое отраженіе, вымолвилъ:

— Да, отъ этакого-то жениха, пожалуй, что всякая дѣвица побѣжить въ Москву-рѣку... Ну, да это дѣло не такое, что таять-ляпъ да и корабль... Увидимъ!.. Только предупреждаю тебя, другъ сердечный, что насильно я съ твоей внучкой вѣнчаться не стану. Пускай она идетъ по доброй волѣ, а не такъ, чтобы подъ вѣнцомъ меня отъ всего сердца и ко всѣмъ чертямъ посылать!.. Изъ этого счастья никакого не выйдетъ, а только погубленіе, и ея собственное, и мое...

— Ну, это все дѣло мое... глубокомысленно замѣтилъ бригадиръ.—Я Клену знаю... Вотъ увидишь, какое происхожденіе изъ всего у насъ будетъ.

Вернувшись домой, бригадиръ удивилъ свою сожительницу яснымъ лицомъ и веселымъ духомъ.

— Ужъ не награду ли какую, батюшка-братецъ, изволили получить?.. встрѣтила его Толбухина.—Ужъ больно вы, Никита Артемьевичъ, расцвѣли лицомъ.

— Воистину, матушка-сестрица, награду... Только не царскую, а награду судебную!

— Изъ суда?

— Что вы! Судь никакихъ наградъ не даетъ. А меня судьба наградила. Судьба. Все такое, сестрица, чего такъ прямо я сболтыхнуть вамъ не могу. Вотъ на сихъ дняхъ изложу вамъ все. И такъ же, какъ вы любите, въ подробной рѣчи! Якобы протоіерей какой съ амвона въ высокаторжественный день.

Ровно черезъ сутки, бригадиръ уже объяснилъ все сестрицѣ. Толбухина не удивилась ни мало, къ его удивленію, такъ какъ давно знала, въ чемъ заключаются тайные планы своего сожителя насчетъ внучки.

Давно уже Марья Евграфовна не говорила и не бесѣдовала съ бригадиромъ такъ, какъ ей пришлось теперь... А пришлось ей, не заготовивъ никакихъ рѣчей и умныхъ словъ, еще горячѣе и, быть можетъ, еще умнѣе и краснорѣчивѣе сразиться со своимъ братцемъ. Забыла даже Марья Евграфовна сидѣть чинно и порядливо, выпрямившись въ креслѣ и закинувъ голову назадъ. Забыла видно, что гнѣвъ — вѣдь та же одна блажь людская. Она волновалась, двигалась въ креслѣ, размахивала руками... Вспомнивъ вдругъ о своемъ неправильномъ поведеніи, она принимала позы, но черезъ мгновение снова забывала и снова горячилась и двигалась.

Она доказывала бригадиру, что его затѣя лишь одно непозволительное и слабоумное мечтаніе; къ тому же и грѣшное предпріятіе.

— Я женщина не молодая, а за вашего Братолюбцева не согласилась бы выйти замужъ. А гдѣ же дѣвочки въ семнадцать лѣтъ, да выходить за такого! Закабалить себя съ пустозвономъ и картежникомъ... Вы, братецъ... извините... мечтатель!

Бригадиръ при этомъ словѣ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и побагровѣлъ.

— Что съ вами? произнесъ онъ едва слышно. — Двадцать лѣтъ прожили въ одномъ домѣ — и я отъ васъ ни единого худого слова не слыхалъ. Неужто черезъ двадцать лѣтъ въ нашихъ бесѣдахъ такія ругательства окажутся?

— Я не ругаюсь, батюшка-братецъ. Это не бранное слово.

— Нѣтъ, бранное, сударыня... Въ приложеніи ко мнѣ, бригадиру царской службы и 60-ти-лѣтнему человѣку—подобное слово есть ругательство. Вы, сударыня! Вы—мечтательница!! Вы и въ пальцахъ-то все пастушковъ съ овечками вышиваете! И кофе-то пьете изъ чашечки съ голымъ амуромъ! И книжки-то французскія ваши все про разныя любовныя

похожденія и предосудительныя исторіи рассказываютъ... Такъ не вамъ меня называть этимъ словомъ... Вотъ что, сударыня!..

И это слово „сударыня“, нѣсколько разъ произнесенное, означало гораздо болѣе, нежели гнѣвный голосъ и грозный взглядъ бригадира.

Ни онъ, ни его сестрица не помнили, когда въ послѣдній разъ онъ назвалъ ее „сударыней“ вмѣсто слова „сестрица“.

Филисовъ всталъ и быстрыми шагами вышелъ изъ горницы.

Когда, вскорѣ послѣ этого, дворецкій доложилъ, что подано кушать, то бригадиръ приказалъ доложить барынѣ, что она можетъ садиться за столъ, а что онъ покушаетъ у себя въ кабинетѣ одинъ.

И въ этотъ день, въ первый разъ съ минуты появленія Клены въ домъ, она обѣдала вдвоемъ съ бабушкой.

Бригадиръ, сидя одинъ, старался занять себя посторонними предметами и мыслями, но въ ухахъ его неотступно звучало слово: „Мечтатель!“

XX.

Поклонница Вато и Мариво была задѣта за живое неповиновеніемъ своего братца и тѣмъ, что онъ вдругъ взбунтовался, оскорбился простымъ словомъ, ею сказаннымъ, да, вдобавокъ, сдѣлалъ на ея счетъ нѣсколько замѣчаній, которыя „не вырubiшь топоромъ“, хотя они и не были написаны, а были лишь сказаны и запечатлѣлись въ ея памяти.

Картинки, куколки и книжки Толбухиной вдругъ оказались двусмысленными и негодными предметами.

Впрочемъ Марья Евграфовна была слишкомъ „прекраснодушна“, чтобы долго волноваться и сердиться, и тѣмъ болѣе— быть способною на злопамятство или на мщеніе. Она была только удивлена сценой съ бригадиромъ и особенно смутило ее то обстоятельство, что сама она измѣнила себѣ, что она взволновалась.

— Какъ могла я волненію души предаться? укоряла она теперь себя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главное, что всколыхнуло спокойствіе и миръ будничной жизни сестрицы бригадира, было его упрямство. Марья Евграфовна слишкомъ привыкла къ безусловному повиновенію своего братца и теперь была озадачена.

Дѣло, казалось, было уже вовсе не въ Кленѣ, не во внучкѣ

и не въ однокашникѣ и другѣ Филисова. Дѣло было во внезапномъ проявленіи воли бригадира, да еще въ такомъ бурномъ видѣ.

И Богъ вѣсть, какое чувство вдругъ заставило Толбухину дѣйствовать... Упрямство ли, желаніе ли поставить на своемъ, какъ было всегда, и доказать сожителю свое превосходство, — или же дѣйствительно жалость къ юной внучкѣ, желаніе ее спасти отъ тягостной судьбы и постылаго брака съ пожилымъ холостякомъ. Что собственно руководило Толбухиной, она и сама не знала. Быть можетъ—къ ея великому изумленію и негодованію—сердце руководило ею, женское, нѣжное, отзывчивое...

Такъ ли, иначе ли, но Марья Евграфовна, зная навѣрное, что черезъ день бригадиръ уѣдетъ изъ дому съ утра и пробудетъ нѣсколько часовъ по своимъ дѣламъ въ городѣ, послала челоуѣка съ запиской къ Братолюбцеву, въ которой она просила его явиться къ ней для разговора о важныхъ предметахъ, нетерпящихъ отлагательства.

Толбухина въ своей цидулѣ, на „грубомъ“ русскомъ нарѣчьи (по-французски она писала изящно), изъяснялась въ торжественныхъ выраженіяхъ. Братолюбцевъ могъ сразу догадаться, что дѣло идетъ положительно о серьезномъ вопросѣ.

Веселый, безпечный, остроумный и подчасъ колкій на слово, засѣдатель тотчасъ же обѣщаль быть, а себѣ обѣщаль позабавиться надъ сожительницей друга, поднимая на смѣхъ ея торжественность и высокопарность, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Въ назначенный день Геннадій Ивановичъ явился. Бригадира не было уже дома—и Толбухина, встрѣтивъ гостя, попросила его къ себѣ въ горницу. При взглядѣ на нее обычная и вѣчная веселость Братолюбцева сразу пропала. Лицо Толбухиной поразило его. Онъ ожидалъ картинныхъ жестовъ, пѣвуче-важнаго голоса, торжественно-величественнаго выраженія на лицѣ. На дѣлѣ оказалось нѣчто противоположное. Толбухина очевидно была смущена. И лицо, и голосъ, и вся ея фигура говорили ясно, что она робѣетъ, смущается, и что дѣло, за которое она взялась, будто пугаетъ ее.

Толбухина имѣла видъ растерянный...

— Что за притча?!“ подумалъ Братолюбцевъ и почему-то вдругъ самъ смутился.

Пройдя за хозяйкой въ ея комнату и усѣвшись противъ

нея на диванчикѣ, около севрской группы, которая клялась аймер и аймер вѣки-вѣчные, Геннадій Ивановичъ, вѣчно подшучивающій надъ этой фарфоровой четой любовниковъ, теперь и не поглядѣлъ на нее. Онъ всматривался нѣсколько озабоченно въ лицо хозяйки, которая, робѣя до очевидности, усаживалась противъ гостя и, не глядя ему въ глаза, слегка покраснѣла.

„Создатели! Творцы мои!“ мысленно воскликнулъ Братолюбцевъ, какъ всегда во множественномъ числѣ, ради шутки и остроловія. Но въ сущности настроеніе его было далеко не шуточное.

— У меня до васъ, Геннадій Ивановичъ, очень важное дѣло, выговорила хозяйка.

„Вижу, чую, осязаю всѣми чувствіями, что важное“, не сказалъ, а подумалъ Братолюбцевъ.—„Заговори ты своимъ проповѣдническимъ голосомъ, вопіющимъ въ пустынь, торжественно, запой ты,—я бы зналъ, что дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ... Но твоя роба и на меня страхъ нагнала..

Братолюбцевъ откашлянулся и произнесъ:

— Что прикажете? Я вашъ слушатель и слуга...

— Вамъ Никита Артемьевичъ сватаетъ внучку? Клену хочеть за васъ выдать? выговорила Толбухина, какъ бы выпалила.

— Да-съ.. То-ись онъ... это только его прожекты. А я то-ись... это такъ-съ... Это... Это...

И Братолюбцевъ смолкъ. Быть можетъ, въ первый разъ за цѣлый годъ онъ почувствовалъ, что краснѣеть.

„Ты, да женихъ! Да еще семнадцати-лѣтней дѣвочки?“ будто шепнулъ ему кто-то на ухо, будто эта же самая севрская группа; будто она въ свой чередъ теперь его на смѣхъ подымаетъ.

Толбухина, какъ всѣ люди, любящіе красныя рѣчи и приторный фальшиво-торжественный тонъ въ пустыхъ случаяхъ, теперь не умѣла и не могла исподволь, понемногу, привести бесѣду къ главному вопросу... Она чувствовала въ себѣ только достаточно храбрости, чтобы начать и довести до конца простой судейскій допросъ.

„Давай Богъ, хоть и этакъ-то... Лишь бы договорить свое, все выложить“... думала она.—„А гдѣ ужъ тутъ о красотѣ рѣчи и ораторствѣ помышлять“.

И собравшись съ духомъ, Толбухина начала отрывочный

допросъ, на который Геннадій Ивановичъ отвѣчалъ конфузясь, какъ школьникъ.

— Бригадирь вамъ сваталъ Клену?.. Говориль?..

— Говориль-съ. На сихъ дняхъ первые...

— Что жъ вы отвѣтствовали? Дали свое согласіе?..

— Нѣтъ-съ.

— Отказались наотрѣзь? Отшутились по обычаю своему смѣшными словами?

— Нѣтъ-съ... Не... Ничего не... Ничего-съ.

— Подумать хотите?

— Да-съ. Такое дѣло, что... Тутъ нужно... Этакое дѣло...

— Да. Геннадій Ивановичъ. Это такое дѣло, въ которое ни мой братецъ, ни вы, умный и просвѣщенный человѣкъ, — сами не вдумались какъ слѣдуетъ, и какъ дѣти малыя съ огнемъ забавляетесь. И опасное затѣяли, и грѣшное...

И Толбухина, вовсе не собиравшись быть краснорѣчивою, на этотъ разъ дѣйствительно краснорѣчиво, горячо, съ увлеченіемъ, убѣдительно и толково разъяснила Братолюбцеву всю нелѣпость и грѣховность затѣи бригадира и все самолюбивое ребячество его самого. Гость слушалъ, опустивъ глаза на коверъ и даже опустивъ голову... Много неприятнаго для его самолюбія услышалъ онъ, а тѣмъ не менѣе, слушая, мысленно повторялъ:

„Правда! И это правда! Опять правда! И опять правда!“

Когда Марья Евграфовна кончила свою рѣчь заявленіемъ, что внучка — огонекъ, о который они съ другомъ опалятъ свои крылышки (все-таки не могла Толбухина обойтись безъ красоть рѣчи), она прибавила ласково, дружески:

— Простите меня... Я не обижать васъ хотѣла. Я спасти бѣдную сироту отъ гибели хочу. А можетъ быть и васъ отъ срама и несчастія убережъ. Клена изъ такихъ дѣвицъ, кои громовыя.

— Какъ? спросилъ Братолюбцевъ. — Громовыя?

— Да. Она мужу постылому дорого обойтись можетъ... Вы и братецъ ее не знаете. А я уже знаю...

Братолюбцевъ не отвѣчалъ и наступило молчаніе.

Хозяйка тревожно ждала результата своего объясненія; она уже жалѣла, что „не готовилась“ и сказала не заученную рѣчь, а „такъ, по просту“ объяснилась.

— Пожалуйте вашу ручку, выговорилъ Братолюбцевъ взволнованнымъ голосомъ. — Спасибо стократы! На всякаго

мудреца много на свѣтѣ простоты! Никита Артемьевичъ оказался пѣтый дуракъ! А другой-то, его пріятель, Братолюбцевъ Геннадій,—осина! Хуже осины.... Чучело огородное!...

— Такъ вы покидаете мысли о женитьбѣ на Кленѣ?

— Стыдиться буду вспоминать объ этой глупости. Обижаться буду, коли вы когда опять напомните... Дуракъ дурака съ панталыку сбиль! Вотъ! Чего вамъ еще? Козлятина ослатину подговорила огородъ городить!... Ну, и нагородили! Простите... Я домой! Совѣстно на васъ смотрѣть. Завтра заѣду.

Братолюбцевъ простился съ хозяйкой и быстро вышелъ изъ горницы, слегка румяный и смущенный.

— Ну, слава Богу! произнесла вслухъ Толбухина. — А почему успѣшно такъ потрафилось?.. Хорошій онъ человѣкъ! Вотъ почему! И сердце, и разумъ есть!..

XXI.

Кленина няня ходила между тѣмъ темнѣе ночи, сама на себя не похожа.

— Не дамъ я пропадать моему дитяткѣ. Лучше въ Сибирь пойду... Лучше на томъ свѣтѣ въ аду кромѣшномъ мнѣ быть...

Въ тотъ день, когда бригадиръ съ сестрицей повздорили, Арина Матвѣевна была особенно скучна. Затѣмъ она всячески проволновалась цѣлую ночь, не смыкая глазъ, и поднявшись еще до разсвѣта, при первомъ ударѣ въ колоколь въ сосѣднемъ храмѣ, отправилась къ обѣднѣ.

Въ церкви няня молилась мало и продолжала мысленно спорить сама съ собою.

— Наложить на себя руки я ее не допущу. Коли я привела ее на грѣхъ къ чудодѣю-дѣдушкѣ, то я же ее должна и упасти отъ всѣхъ бѣдъ. Быть ей за Николаемъ Ивановичемъ. Божбу даю я вотъ предъ престоломъ Божьимъ, что быть ей его супругою. Но что жъ подѣлать? Надо же что придумать. Сложь руки досидишься до того, что ее выдадутъ замужъ за кокого постылаго...

И задавая себѣ вопросъ, какъ поступить, Арина Матвѣевна поневолѣ должна была сознаться, что остается одинъ путь спасенія: уговориться скорѣе во всемъ съ молодымъ Козляниновымъ.

Прежде няня мечтала устроить дѣло иначе: она рѣшалась бѣжать со своимъ дитяткомъ изъ дому бригадира къ Аннѣ Ивановнѣ. А разъ Клена на свободѣ — все дѣло само собою сладится. Баринъ Никита Артемьевичъ обидится, обозлится и махнетъ рукой на супротивницу-внучку.

„А намъ только того и нужно!“ мечтала няня.— „Сейчасъ мы и за свадебку честнымъ пиркомъ, а не силкомъ. А казны то своей и вотчины лишитъ дѣдушка Клену, такъ что-жь дѣлать! Богъ съ нимъ! И сквозь золото слезы льются. Лучше съ алтыномъ за милымъ, чѣмъ въ жемчугахъ съ постылымъ“.

Теперь, по прѣздѣ Анны Ивановны, была новая помѣха. Няня должна была бросить мысль о побѣгѣ въ домъ барыни. Козлянинова и слышать не хотѣла о томъ, чтобы ея Коля самокруткой женился и „выкрадывалъ“ невѣсту.

— Мы не татары какіе, прости Господи! объяснила она.— Татарва выкрадываетъ невѣсту и калымъ платитъ. Это грѣхъ и срамъ! заявляла старуха.

Анна Ивановна просила обождать, умилостивить бригадира и „благородно“ жениться по людски и по Божьему. Она почему-то надѣялась на перемѣну образа мыслей „Никитскаго боярина“, какъ звала она бригадира.

Стало быть, теперь вся надежда Арины Матвѣевны была на одного Козлянинова. Его надо подбить дѣйствовать рѣшительнѣе.

Приходилось молодежи стовориться, какъ дѣйствовать, и конечно тайно и отъ бригадира, и отъ Козляниновой.

— Какъ повѣнчаются, то и бухнутся въ ноги: „Виноваты, простите!“ Никита Артемьевичъ—кремневый, устоитъ и прогонитъ. А барыня-мамаша одинъ денекъ поплачетъ, поохаетъ и вѣстимо проститъ! рѣшила няня.

Выходя изъ церкви послѣ обѣдни, няня мысленно приготовилась окончательно дѣйствовать и къ тому же неотложно. Первымъ дѣломъ конечно должно быть свиданіе молодыхъ людей.

— Ась-ко я подумаю объ лѣстницѣ? Пораскладу на мысляхъ! Лѣстница эта и впрямь чудно притрафляется къ нашему дѣлу.

Вернулась няня домой и разбудила свое дитятко и дала ей вынутую за ея здоровье просвирку—скушать натошакъ.

Затѣмъ, когда полусонная Клена кушала просвирку, потягиваясь въ постели, няня подошла къ окну и стала молча глядѣть, да разглядывать...

„Чудно!“ думалось ей.— „Лѣстница эта и впрямь искушеніемъ какимъ въ глаза лѣзетъ. Ишь вѣдь торчитъ... А садъ-то занесенъ сугробами и никогда въ немъ никого, даже Жучка со двора сюда не заглядываетъ, боится увязнуть... А вонъ рядомъ и заборъ въ проулокъ глухой. А дверь-то съ чердака рядомъ съ нашею дверью. Стало быть барченку въ ночь темную изъ проулка въ нашу свѣтелку только шагнуть молодецки. Съ полдюжины разовъ шагнуть—и тутъ онъ! У насъ! И никто не видалъ и не слыхалъ. А счастье-то имъ какое, повидаться, да побесѣдовать на раздольи!“

— Вотъ! Вотъ! уже шептала няня.—Прійти въ проулокъ—разъ, черезъ заборъ—два, по сугробамъ—три, на лѣстницу—четыре, на чердакъ—пять... Да къ намъ въ горницу—шесть. Полдюжины разовъ! шутила уже няня, глядя на искусительницу-лѣстницу. Но вдругъ она прибавила, перекрестившись:— Охъ, Господи, прости и помилуй!

Арина Матвѣвна потому ахнула и перекрестилась, что рѣшилась окончательно исполнить просьбу дитятки.

— Чего ты охаешь, да крестишься? спросила Клена, полугрустно, полу-лѣнливо.

— Закрестишься! воркнула няня.

— А что?

— Ничего...

— Аль увидала что въ саду?

— Нѣту. Чего тамъ видѣть? Ворону на березѣ развѣ увидишь, весело отозвалась Арина Матвѣвна.

— Такъ чего же?

— Своимъ мыслямъ я, дитятко, охаю, да и тому, что ты надумала просить.

— Какъ знаешь, няня, отозвалась Клена тихо и спокойно, понявъ слова по своему.—Какъ знаешь, такъ и дѣлай. Не хочешь, не надо. Но пожалѣешь. Мое слово крѣпко.

— Полно ты... Глупая ты голова...

— Арина Матвѣвна подошла къ кровати дѣвушки, обняла ее и стала цѣловать.

— Охъ, глупая голова, страшаетъ туда же свою Арину.

— Я не стращаю. Мнѣ жизнь постыла, сама знаешь. Одинъ конецъ.

— Да нешто виданное дѣло, чтобы мамка какая свое дитятко бросила въ бѣдѣ или злымъ людямъ на потѣху предала? Нешто у меня тебѣ былъ когда въ чемъ отказъ? Глупая твоя

голова! Вотъ грѣхъ и погибельное дѣло надумала ты, а мамка разводила, разводила мыслями и что жъ...

Клена по улыбающемуся ласково и весело лицу няни увидѣла и поняла ея рѣшеніе итти на это „погибельное“ дѣло.

— Няня! воскликнула Клена, и крѣпко обнявъ Арину, она страстно прижалась къ ней.

— Что жъ дѣлать! И впрямь другого ничего не надумаешь... Да и правду сказать... Чудно!

— Что чудно?

— Эта лѣстница... Чудно!

— Что? Я не пойму.

Няня объяснилась и кончила словами:

— Будто на смѣхъ ее тутъ приладили изъ проулка къ намъ въ горницы.

— На счастье, а не на-смѣхъ! сіяя радостью, воскликнула Клена, садясь на постели.—Это стало быть такова воля Божія, а не грѣхъ!

— А искушеніе дьяволово?

— Что ты! Христось съ тобой, Ариша!

— Вѣрно сказываю, дитятко. Искушеніе врага человѣческаго, сказываютъ люди, точію такъ бываетъ, какъ еслибъ самъ Господь устроялъ. Ты знаешь, единожды было, что дьяволъ во образѣ священника являлся одной красавицѣ, чтобы ее погубить. Она было исповѣдаться къ нему, глядитъ, а у духовнаго-то отца клубукъ на бекрень надѣтъ, по ямщицки, и одинъ рогъ торчитъ наружу. Оба-то не влѣзли въ клубукъ. Она глядь ему на ноги, а у него конское копыто. Чуть онъ ее не погубилъ...

— Мало что рассказываютъ, няня. А вотъ говорятъ тоже, что его и нѣту совсѣмъ, и никто никогда не видалъ.

— Охъ, слышала я это, дитятко. И отъ тебя, и отъ господь. Это все озорничество барское—этакія мысли въ себѣ держать. Это, дитятко, съ господскаго, сытаго корму все такъ говорится. Жисть барская—масляница, вотъ господа дворяне и не знаютъ, что выдумать. И болтаютъ всякое непотребное. Вотъ у нихъ и его, прости Господи, дьявола, нѣту теперь на свѣтѣ. А я тебѣ вотъ расскажу. Разъ было въ Кіевѣ...

— Ну, няня, брось... прервала Клена мамку.—Богъ съ нимъ съ Кіевомъ. Скажи лучше: когда?.. заискивающе прибавила дѣвушка, ласкаясь къ женщицѣ.

— Что?

— Когда? Когда?.. Ну... Въдь ты устроишь?.. Скажешь? Приведешь?..

— Нѣтъ, ужь пускай самъ молодець лазаеть! усмѣхнулась Арина Матвѣвна.—Мое дѣло его только надоумить. А онъ ужь самъ въ проулокъ приходи и черезъ заборъ валяй, да по лѣстницѣ шагистѣ махай на чердакъ.

— Когда же? Когда?

— Да вотъ сегодня схожу къ Аннѣ Ивановнѣ. Перемигнуса съ нимъ, да уйдя съ глазъ барыни—перемолвимся. Я все ему разъясню. А онъ себѣ на усъ наматаетъ... А ввечеру попозднѣ пушай и прибудеть...

— Нынче?

— Нынче! Коли ему будетъ время.

— Охъ, ему-то будетъ время! воскликнула Клена.

— И я такъ-то думаю! размѣялась Арина Матвѣвна.

— Няня! Милая! Радость моя! Дорогая!.. Соколикъ мой!..

И долго дѣвушка ласкалась всячески, не зная, какъ лучше выразить нянѣ свое счастье.

— Глупое ты, неразумное дитятко, бурчала Арина Матвѣвна,—будто не видишь, что твоя мама, для тебя, хоть на казнь торговую и лютую пойдетъ!..

XXII.

Братолюбцевъ вызвалъ тотчасъ же къ себѣ друга и кума для важнаго объясненія.

Филисовъ удивился, отправился и явился съ недоумѣвающимъ лицомъ.

— Чего тебѣ надо? сказалъ онъ входя.

— Нужда.

— Знамо нужда, коли зовешь въ свою конуру. Да что?

— Важнѣющее дѣло. Объясниться намъ надо.

— Объяснимся, другъ.

— И подобаетъ побесѣдовать, какъ взрослымъ и почитай старикамъ, а не какъ ребятамъ какимъ, вотъ какъ въ прошлый разъ было.

— Какой прошлый разъ?

— А вотъ, когда ты меня тутъ засталъ съ чижомъ.

— Тогда я приѣхалъ къ тебѣ сватомъ... Что ты городишь?.. Поясни.

И бригадиръ уже тревожно глядѣлъ на друга.

— Ну да, вотъ въ тотъ самый разъ, мы съ тобой, какъ малые ребята болтали, и дурашное, да еще пагубное дѣло затѣяли.

— Женитьбу твою?

— Женитьбу.

— И это ты именуешь...

— Пагубнымъ дѣломъ.

— Что ты?

— И дурашнымъ!

— Да что ты?..

— Ничего я, дружище... Ты вотъ все ли въ добромъ здоровьи?.. Самъ спятилъ и меня было уже рѣшилъ умомъ.

— Да ты бѣлены объѣлся.

— Объѣлся съ тобой, Никитка. Въ тотъ разъ ты угостилъ. А теперъ мнѣ полегчало.

— Ты не хочешь жениться на Кленѣ? закричалъ бригадиръ уже внѣ себя.—Говори толкомъ. Не хочешь?

— Не хочу.

— Отчего?

— Я ей не пара. Я ей въ дѣды гожусь, а не въ мужья.

— Ты дуракъ! заоралъ бригадиръ.

— Нѣтъ. Есть дуракъ... да не я!

— Дуракъ... Дуракъ... Своего счастья...

— Не понимаешь, моль... Ладно! Только я тебѣ сказываю, ты эту глупую забаву изъ головы выброси...

— А-а... Понялъ! Тебя Марья Евграфовна разговорила? Признайся. Все равно ее я заставлю сказать.

Братолюбцевъ сознался тотчасъ, что Толбухина, какъ женщина разумная, ему глаза открыла. А затѣмъ онъ началъ усовѣщевать друга бросить затѣю и сталъ довѣрчиво доказывать всю несообразность такого брака.

— Я, братецъ мой, остался до старости щенокъ въ иныхъ дѣлахъ. Я заднимъ умомъ крѣпонецъ, а переднимъ совсѣмъ плохъ. Другой бы тебѣ тогда же смѣхомъ отвѣтилъ на твое предложеніе, а я съ дуру согласіе далъ. Теперъ вотъ, спасибо Марья Евграфовнѣ... я очухался.

Братолюбцевъ говорилъ долго, холодно и толково.

Бригадиръ молчалъ, какъ убитый, затѣмъ молча поднялся, и не прощаясь пошелъ.

— Что же? Молчишь? То-то! сказалъ Братолюбцевъ другу, особенности нрава котораго зналъ съ дѣтства.

Бригадиръ не отозвался ни единымъ звукомъ и быстро вышелъ въ прихожую.

— Ну и слава Богу! добавилъ Братолюбцевъ. — Такъ-то лучше... Я такъ и вѣрилъ.

Молчаніе бригадира означало всегда, что онъ согласенъ, убѣжденъ и не хочетъ вслухъ сознаться.

Вернувшись домой, Никита Артемьевичъ прямо пошелъ на вышку къ внучкѣ.

Клена изумилась и испугалась появленія дѣда въ ея горницахъ. Это посѣщеніе означало что-нибудь особенно важное.

— Здравствуй, внучка. Я къ тебѣ въ гости, выговорилъ Филисовъ, стараясь казаться веселымъ, хотя по лицу его еще видно было, что онъ озабоченъ.

— Слушай, Клена, сказалъ бригадиръ, садясь на диванъ, — хочешь замужъ итти?

Клена оторопѣла и молчала.

— Не хочешь?

— Какъ прикажете! вырвалось у Клены испуганно и торопливо.

— Это приказывать можно, да страшно... Отвѣчай мнѣ по душѣ, по совѣсти, не лги, хуже будетъ... ласково проговорилъ Филисовъ. — Шибко ты любишь своего прапора Козлятинова?

— Дѣдушка! воскликнула Клена и, ярко вспыхнувъ, затрепетала всѣмъ тѣломъ.

— Любишь... Видать... Стало быть, за другого какого тебя и не сватай?

— Избави Богъ за другого! воскликнула Клена невольно, но спохватившись, прибавила: — На то ваша воля!

— Пойдешь ты за Геннадія Ивановича? произнесъ Филисовъ внятно, съ разстановкой и внимательно пытливо глядя въ лицо внучки.

Клена измѣнилась въ лицѣ — и, за минуту пунсовая, трепетная и радостная, замерла на мѣстѣ и какъ-то осунулась точно пришибленная.

Глаза ея, широко раскрывшись, выражали одинъ неподдѣльный безконечный ужасъ, какъ еслибы дѣдъ принесъ ей вѣсть, самую потрясающе-страшную.

— За Геннадія Ивановича, моего друга и кума, пойдешь? повторилъ бригадиръ.

У Клены не было силъ отвѣчать... Она старалась что-то

вымолвить; губы ея шевелились, но не могли ничего произнести.

Бригадиръ всталъ, подошелъ молча, взявъ дѣвушку обѣими руками за голову и поцѣловалъ въ лобъ.

— Это я такъ... Не пужайся... Я ради шутки...

И бригадиръ быстро вышелъ отъ внучки. У него что-то творилось на сердцѣ, чего онъ не хотѣлъ выдать нечаянно помимо воли.

Дѣдъ смягчился сердцемъ.

„Ну, Богъ съ вами! Будь по вашему!“ рѣшилъ онъ про себя.

XXIII.

Конечно Аринѣ Матвѣевнѣ не трудно было все устроить. Часовъ въ десять вечера, въ глухомъ переулкѣ, вдоль котораго тянулся заборъ большого сада бригадира, появился проѣзжій въ простыхъ саняхъ въ одну лошадь и остановился тамъ, гдѣ ветхій заборъ примыкалъ къ высокой каменной оградѣ. Здѣсь кончался садъ бригадира и была граница его владѣній. За новою каменною оградю начиналась земля его сосѣда, именитаго графа Орлова.

— Ну стой тутъ, Семень, приказалъ молодой человекъ, одѣтый въ простое русское платье, обращаясь къ возницѣ.— Если кто проѣдетъ да будетъ тебѣ опросъ чинить — не сказывай чей ты и ничего не говори. Обругайся.

— Слушаю-съ. А спросить кто: зачѣмъ ночью у забора стою? отозвался мужикъ.

— Говорять: отругайся на всѣ спросы.

— А коли здѣсь шалать, да на меня наскочутъ головоуѣзды, Николай Ивановичъ? Тутъ мѣсто вишь какое „единенное“, да глухое. Отъ головоуѣздовъ ругней не отбоярисься.

— Ну, ужъ это твое дѣло! усмѣхнулся молодой Козляниновъ.— Угони что-ль отъ нихъ.

— А тамъ опять вертай сюда же?

— Вѣстимо.

— Хорошо, коли у нихъ не здѣсь сидѣнье. А коли здѣсь насижено—опять къ нимъ прямо въ лапы вертай.

— Ну такъ что жъ? Инако-то какъ же? Вѣдь не отпустить же мнѣ тебя и пѣшкомъ ночью домой итти.

— Вѣстимо нельзя. Да я инако надумалъ. Вы долго ль пробудете тутъ?

— Съ часъ, а то съ два...

Умный мужикъ предложилъ барину лучше уѣхать постоять у рогатки, близъ Никитскихъ воротъ, чтобы уберечь и себя и лошадь, а затѣмъ въ положенное время явиться на мѣстѣ.

— Здѣсь стоять, такъ безпрѣмѣнно все такъ потрафится, что вамъ пѣшкомъ домой итти придется, да холопа и коня лишится. По моему лучше, если вы ослобонитесь, да выйдете, а еще меня нѣтъ, вы за заборомъ малость обождете.

— Ладно.

Мужикъ ударилъ по лошади и тотчасъ скрылся среди темноты. Молодой человекъ прошелъ вдоль забора и затѣмъ выбралъ мѣсто, гдѣ нанесло большой примерзшій сугробъ и гдѣ перелѣзать было удобнѣе. Онъ легко и ловко вскочилъ, сѣлъ на заборъ и живо спрыгнулъ съ противоположной стороны съ садъ бригадира.

— Славно! шутя проворчалъ онъ, очутившись по поясъ въ рыхломъ снѣгу.

И съ трудомъ, увязая и барахтаясь въ сугробахъ, Козляниновъ сталъ подвигаться на огонекъ, мерцавшій въ верхнихъ окнахъ дома сквозь оголенные вѣтви деревьевъ.

„Это у нея свѣтъ. То-то небось радуется и ждетъ не дождется“, подумалъ онъ.

Арина Матвѣевна, конечно, подробно условилась съ молодымъ бариномъ и все толково разъяснила ему. Козляниновъ разыскалъ среди тьмы, почти ощупью, лѣстницу; живо, ловчѣ всякаго трубочиста или кровельщика, поднялся по ней и въ одинъ мигъ былъ въ слуховомъ окнѣ и на чердакѣ. Няня, которая загодя вынула раму слухового окна, была конечно здѣсь же. Шагнувъ навстрѣчу фигурѣ, появившейся съ лѣстницы, няня произнесла тихо:

— Николай Ивановичъ—вы?..

— Нѣтъ, не я, веселымъ шепотомъ отозвался Козляниновъ.—Ну, веди скорѣе. Сердце такъ прыгаетъ, что боюсь выскочить совсѣмъ.

— Тише, тише. Я впередъ войду въ сѣнцы, да прислушаюсь. Помилуй Богъ...

— Небось. Да и всѣ спать, поди...

— Спать, да на грѣхъ мастера нѣтъ. Вы обождите минуту. Я сейчасъ.

Арина Матвѣевна тихонько отворила дверку съ чердака въ сѣнцы, куда упиралась лѣстница, ведущая изъ низу, и гдѣ

была дверь въ горницы барышни. Прошло минуты двѣ и няня снова пріотворила дверку, просунула въ темнотѣ руку и, взявъ молодого человѣка за рукавъ кафтана, потянула за собой.

Черезъ мгновеніе Козляниновъ былъ въ комнатѣ Клены. Огонь свѣчи ослѣпилъ его; онъ невольно прищурился, но въ ту же секунду небольшая женская фигура стремительно бросилась къ нему, обхватила его шею руками и стала почти душить.

— Коля! Коля! чуть слышно повторяла дѣвушка, и лицо ея стало мокро отъ радостныхъ слезъ.

Няня оставила молодежь и, тоже утирая слезы рукавомъ, вышла снова въ сѣнцы стоять на часахъ про всякій случай.

Не скоро выпустила Клена изъ объятій своего дорогого, нареченнаго, котораго не видала вблизи безконечно давно. А между тѣмъ ее разлучили съ нимъ обстоятельства всего за нѣсколько дней до предполагавшейся свадьбы.

— Ты похудѣлъ, дорогой... Похудѣлъ! Но такой же красавецъ! говорила Клена, ненасытно оглядывая его съ ногъ до головы.

— Я что? А вотъ ты, бѣдная, похудѣла. И глаза не тѣ у тебя. Печальные глаза.

— Да вѣдь мнѣ смерть въ этомъ домѣ. Еслибъ Ариша тебя не взялась привести—я бы на себя руки наложила. Ну, да что объ этомъ! Теперь мы сговоримся, какъ намъ быть. Ты на завтра прійдешь опять?

— Вѣстимо. И завтра и послѣ-завтра! съ восторгомъ говорилъ Козляниновъ.—Всякій вечеръ буду лазить, пока ты не соберешься въ путь со мной по этой же лѣстницѣ. А скажи, на случай, если кто придетъ, гдѣ вы меня укроете. Подумали вы объ этомъ?

— Вотъ тутъ, въ сосѣдней горницѣ, въ шкафу платяномъ.

— Покажи. Пойдемъ. Это надо видѣть загодя, чтобы знать, куда прямо бѣжать.

Молодые люди весело перешли въ сосѣднюю горницу, которая была просторнѣе, но помимо дивана, стола и стульевъ, была заграждена большимъ платянымъ шкафомъ и шестью большими сундуками.

Клена, держа свѣчу, подняла руку—и красные, расписные сундуки ярко и какъ-то странно засверкали своею оковкою кругомъ молодого человѣка.

— Фу! Помилуй Богъ! Ишь вѣдь... произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

Эти сундуки какъ-то зловѣще сверкнули кругомъ него.

— Что ты?

— Да эти сундуки! Ишь какъ... Чума вспомнилась мнѣ. Вечеру гробами выглядятъ.

— Богъ съ тобой, Коля! Когда же гробы красные бьются...

— Смотри, прищурься. Ей Богу точно гробы. Что жъ? Это, поди, все приданое тебѣ напасено?

— Да. Съ самаго чуть ли не съ перваго дня ихъ здѣсь поставили и все кладутъ да кладутъ всякое такое. Теперь только два остались пустыхъ. А эти полны.

— Ну это все имъ и останется, коли дѣдушка не проститъ насъ за самокрутку.

Козляниновъ отворилъ дверку шкафа и глянулъ въ него.

— И тутъ полно?

— Да. И тутъ.

— Наколочено плотно. Въ случаѣ тревоги и нужды прятаться тутъ сразу-то и не пролѣзешь... размѣялся офицеръ.

— Небось. Такъ сдается. А со страху живо влѣзешь, пошутила Клена.—А не то въ сундукъ пустой. Еще того лучше.

— Это вѣрно.

Козляниновъ поднялъ за скобку крышку крайняго сундука и снова размѣялся.

— Ишь вѣдь... Этакихъ полдюжины добромъ наполнить! Видно, много денегъ у дѣдушки. Матушка говорила, что у нея всего одинъ сундукъ былъ, когда она замужъ шла.

— А у моей матушки, когда она выходила, и ни одного не было, весело сказала Клена.—А прожила съ батюшкой счастливо. Вмѣстѣ и на тотъ свѣтъ ушли. Такъ-то вотъ и мы съ тобой! Пойду я за тебя безъ единого сундука приданого, за то счастья и любви я столько тебѣ за собой принесу, что въ ста сундукахъ не уложится.

Молодые люди вернулись въ первую горницу и, снова усѣвшись рядомъ, заговорили шепотомъ, но уже серьезно, о своемъ дѣлѣ.

Клена рассказала своему Колѣ все, что слышала отъ дѣда, приходившаго къ ней, и свое недоумѣніе, вынесенное изъ разговора съ нимъ.

Козляниновъ передалъ своей возлюбленной, что его старуха-мать тоже противъ его вѣнчанія, если оно будетъ безъ согласія бригадира. Но молодой человѣкъ прибавилъ:

— Это не помѣха. Не забота. Какъ приведу тебя къ намъ, да скажу: „Вдемте, моль, скорѣе въ Звенигородъ вѣнчаться!“ то матушка всѣ свои резоны позабудетъ, заплачетъ, расцѣлуетъ и на все согласится...

Козляниновъ пробылъ болѣе часу съ Кленой и сталъ собираться.

— Завтра же все налажу, приготовлю, разузнаю и опять буду къ тебѣ, тѣмъ же путемъ. Жди, милая.

— Ты пораньше бы, сказала Клена.—Какъ стемнѣеть. Внизу подъ лѣстницей всѣ окна изъ диванной выходятъ, гдѣ никто и днемъ-то не сидитъ, не только вечеромъ. За то дольше у меня побудешь.

— Раньше? Я бы и радъ. А какъ кто сюда придетъ на вышку! отозвался молодой человѣкъ.

— Некому. Никогда почитай никто не приходитъ. Развѣ Степанида. А случись такое, няня насъ сторожить. Ты сейчасъ шастъ въ шкафъ. И сиди тамъ смиренхонько, пока не уйдутъ.

— Вѣрно! Ну прости, до завтрава, радость моя.

Долго прощались молодые люди.

— Господи! шептала Клена.—И когда и подумаю, что не будь чумы, давно бы ужъ мы съ тобой были мужъ съ женой.

— Да. Видно такъ нужно. Все, сказываютъ, къ лучшему творится.

— Охъ, все ли... Не вѣрю я... Чего бы лучшаго тогда-то... А теперь бѣги, крути, серди дѣдушку, по городу соблазнъ пушай, толки, да пересуды. Охъ, нѣтъ. Лучше бы Коля, тогда...

— Ну, того не вернешь. Теперь-то вотъ давай Богъ все справить безъ промаха. Прости родная...

XXIV.

Весь слѣдующій день Козляниновъ употребилъ на всякія хлопоты и заботы, а главное разузнавалъ, найдется ли священникъ въ Москвѣ, который согласится его вѣнчать съ бѣглянкой безъ обычнаго обыска и безъ „письменности“, т.-е. документовъ. Оказалось, что бригадира въ столицѣ побаивались изъ-за его близкихъ сношеній съ генераломъ-губернаторомъ. Козлянинову пришлось поэтому всѣ свои надежды воз-

ложить на одного звенигородскаго священника, который, будучи многимъ обязанъ его покойному отцу, скорѣе согласится прійти къ нему на помощь и покривить, если не душой и совѣстью, то закономъ и обрядомъ церковнымъ.

Вечеромъ, молодой человекъ, точно такъ же, какъ и наканунѣ, по своимъ старымъ слѣдамъ миновалъ садъ, лѣстницу и чердакъ и снова провелъ около трехъ часовъ со своею нареченною; Арина же Матвѣевна снова просидѣла на-сторожѣ за дверью.

И чуть не пришлось вдругъ Козлянинову спастись и прятаться, такъ какъ Марья Евграфовна прислала вдругъ наверхъ бойкую дѣвушку спросить у внучки краснаго шеманскаго шелку.

Няня спохватилась во-время, не пустила въ горницу шустрю дѣвку, рысью влетѣвшую наверхъ по лѣстницѣ. Она сказала, что сама спросить и принесетъ барынѣ требуемое. Но молодежь, вдругъ услышавшая въ сѣнцахъ разговоръ, уже перетрусилась.

Козляниновъ бросился зайцемъ со своего мѣста и сталъ на порогѣ двухъ горницъ, готовый спрятаться вмигъ, въ случаѣ необходимости.

Прощаясь на этотъ разъ съ дѣвушкой, офицеръ вдругъ грустно задумался и глубоко вздохнулъ.

— Что ты?—спросила Клена съ удивленіемъ.

— Ничего. Такъ. Вдругъ сгрустнулось. Будто кто мнѣ шепнулъ, что я тебя болѣе не увижу.

— Полно! Господь съ тобой! испугалась Клена.— Зачѣмъ такое думать. Да и почему?.. Что же можетъ случиться? Пролокъ нашъ правда глухой, но въ немъ головорѣзы боятся очень-то шалишь! Орлова-графа боятся. Пожалуется самой царицѣ...

— Нѣтъ, я не то... Да вѣдь я же нынѣ офицеромъ и при саблѣ. Я ее у лѣстницы оставилъ, чтобы не гремѣть. Я не про переулокъ говорю или шалуновъ. А такъ вдругъ взгрустнулось. Ты можешь меня разлюбишь... Мысли свои перемѣнишь... прибавилъ онъ вопросительно, но шутя и улыбаясь.

— Да, вотъ это иное дѣло—это пожалуй возможно, пошутила и Клена.—Я вотъ завтра соберусь вдругъ замужъ. За кого... Ну, хоть бы за дѣдушкина пріятеля, Кашея Ивановича Братолюбцева. Жениховъ у насъ въ домѣ—онъ одинъ. Ты сюда прилѣзешь, а няня тебѣ и скажетъ: „барышни

нѣту-съ! Барышня обвинчалась и уѣхала въ Нѣмецію или Швецію къ его родственникамъ!“ весело болтала Клена.— Онъ вѣдь не русскій и прозываетъ себя кличкой, а не родовымъ прозвищемъ.

И молодые люди, пошутивъ еще, простились, но когда Козляниновъ снова перелѣзъ черезъ заборъ и, найдя свои сани въ концѣ переулка, отъѣхалъ, то снова грусть заползла ему въ сердце.

„Чудно!“ подумалось ему.— „Бѣду со свиданья съ милой, а самъ припечалился. Аль сердце ноетъ предъ невѣдомой задачей. Неужто и звенигородскій батюшка отказомъ мнѣ отвѣтитъ? Что тогда дѣлать?.. Ну чтожь? Поѣдемъ по Россіи искать согласника. Хоть въ Муромскіе лѣса поѣдемъ. Тамъ живутъ попы бѣглые въ скитахъ... Есть между ними иные святой жизни, почище городскихъ. Богъ дастъ, еще только мнѣ раза два и слазать сюда. А тамъ и Клену за собой по лѣстницѣ спущу бережно.“

— Баринъ, а баринъ? давно уже окликалъ задумчиваго Козлянинова кучеръ Семень.

— Ну? Что?

— А тутъ проходили мимо двое головорѣзовъ. Съ дубьемъ. Одинъ шаркнулъ по мнѣ, да мимо.

— Врешь.

— Ей Богу... Такъ дернулъ, что не увернися я, какъ есть въ лепешку бы обратилъ; окаянный.

— Что же ты? Какъ спасся-то?..

— Угналъ, вѣстимо. Бѣжали за мной по проулку сажень сорокъ и отстали. Ужь какъ мнѣ баринъ неохотно было опять вертать сюда за вами. Думалось: „а ну они опять тутъ сидятъ.“ Нѣтъ. Гулящіе были, а не сидящіе. И какъ это ихъ много развелось на Москвѣ! А все отъ чумы это окаянство пошло.

— Чума-то причемъ же?..

— Такъ сказываютъ! рѣшилъ Семень.

На слѣдующее утро, Николай Козляниновъ былъ ранехонько разбуженъ дворовымъ человѣкомъ, который, тайно отъ барыни и по приказанію молодого барина, ѣздилъ въ Звенигородъ. Онъ привезъ хорошія вѣсти. Священникъ, духовникъ семьи, отвѣчалъ на словахъ, что для Николая Ивановича все сдѣлаетъ— и что можетъ и чего не можетъ.

Молодой человѣкъ ребячески весело и бодро вскочилъ съ

постели, быстро одѣлся и отправился къ матери, которая, не смотря на свои годы и болѣзненность, встала съ восходомъ солнца въ силу привычки.

„Надо еще попытать матушку“, подумаль молодой человекъ.

И поздоровавшись со старухой-матерью, Николай Козляниновъ тотчасъ, какъ бывало всякій день за послѣднее время, завелъ бесѣду о Кленѣ и о намѣреніи во что бы то ни стало жениться на ней, вопреки всѣмъ помѣхамъ, вопреки упрямству бригадира и матери.

— Твое дѣло. Ты ужъ не махонькой... отвѣчала Анна Ивановна, пригорюнясь. — А я на грѣшное происхождение брака не могу дать своего согласія. Какъ я тебя ни люби, а Господа Бога изъ-за тебя обманывать не стану.

Это была постоянная угроза старухи за послѣдніе дни, которую она повторила сыну разъ сто.

— Да вы поясните, матушка, тоже въ сотый разъ спрашивалъ Козляниновъ, — какой же это обманъ предъ Богомъ? Тутъ обманъ бригадира, а не Господа.

Но пояснить того, что ясно понимала сама Анна Ивановна, — она не могла.

На этотъ разъ старуха даже отмахнулась рукой, покачала головой и вздохнула, какъ бы говоря: „самъ знаешь, что я хочу сказать“.

Черезъ минуту, однако, она заговорила.

— И серденько мое шепчетъ мнѣ, что ты, сынокъ, начудешишь препогибельно. И происхождение всего будетъ горестное. Да. Ты не думай, что мать стара да глупа отъ лѣтъ становится, такъ ничего и не смыслить. Я не вижу — подслѣповата, и слышу плохо — тугоуха стала отъ хворостей, да отъ лѣтъ. За то у меня сердце все видитъ и слышитъ. А мнѣ оно сказываетъ, что быть бѣдѣ. Стало быть, ты предприимствуешь — что мнѣ не сказываешь. Вечерось загадала я, отходя ко сну... Вѣрное, стародавнее гаданіе и не грѣшное... Не карты ваши — антихристова выдумка! А гаданіе молитвенное... Загадала я: ложусь, молъ, я на Сіонскихъ горахъ, три ангела у меня въ головахъ! Одинъ-то, молъ, все видитъ, а другой-то все слышитъ, а третій-то пушай мнѣ всю правду скажетъ... И вотъ вижу я, сидишь ты въ стихарѣ голубомъ, да въ митрѣ и такъ ты говоришь мнѣ: „Матушка, иди что-ль подъ мое благословенье. Я митрополить!“ — А я тебѣ: „Почему, молъ, ты въ стихарѣ? Пономарь ты, а не митрополить!“ — А ты и плюнь

на меня, да такую рожу скорчилъ, что гляжу я, ужъ ты—не ты. А сидитъ предо мной козелъ съ рогами и оретъ благимъ матомъ: „забодая! забодая!“ Я бѣжать да кричать... Да такъ проснумшись, чуть съ кровати не свалилась. А очухалась и давай плакать... Дурень сонъ сей и дурнѣ нѣту его.

— Сны, матушка, пустое... проворчалъ Козляниновъ, чувствуя поневолѣ нѣчто неприятное на душѣ, тѣмъ болѣе что ему какъ-то нездоровилось съ утра.

— У васъ нынѣ все пустое, тринь-трава все... вздохнула Анна Ивановна.—Вотъ въ Ростовѣ одинъ сынъ своихъ отца съ матерью, три года тому назадъ будетъ, убилъ до смерти... Да еще чѣмъ? Киркой!

Козляниновъ разсмѣялся украдкой. Онъ уже лѣтъ пятнадцать какъ слышалъ отъ матери про Ростовскій случай, а Анна Ивановна продолжала все считать три года.

— Да неужто же матушка, заговорилъ онъ, помолчавъ,—вы сможете меня съ женой молодой прогнать — если мы къ вамъ придемъ и въ ноги бросимся прощенья просить.

— Мало, что я прощу... Я стара, да и глупа стала.... Я прощу всякое твое безобразіе. Да Богъ-то не проститъ и обоихъ накажетъ. И тебя, и меня!

— А вы-то, простите? А? Простите? приставалъ молодой человѣкъ, полупушта, полутревожно.

— Отвяжись ты, отчаянный. Тебѣ двухъ бы отцовъ имѣть, да строгихъ, а не мать старую. Они бы тебя въ чуланъ сажали... А я что могу!

Молодой человѣкъ разсмѣялся, нѣжно расцѣловалъ мать и весело вышелъ изъ горницы.

Черезъ часъ, выѣхавъ изъ дому, онъ былъ уже въ Гостиныхъ рядахъ и радостный, но тоскливо-радостный, ходилъ по лавкамъ, выбирая золотыя обручальныя кольца. Эта тоскливость или скорѣе усталость на его лицѣ было послѣдствіемъ недомоганья, которое онъ чувствовалъ въ себѣ все явственнѣе...

„Вечеру полѣзу въ мезонинъ, — почитай въ послѣдній разъ“, думалъ онъ. — „Завтра ужъ сама Клена будетъ спускаться. А я встрѣчу ее ужъ на лѣстницѣ, да подсоблять буду, чтобы не свалилась“.

И молодой человѣкъ, выбравъ и купивъ кольца, не зналъ, что дѣлать. Онъ сталъ разчитывать, сколько еще времени остается до свиданія съ милой.

— Страсть! До семи часовъ еще девять часовъ ждать остается. Куда бы сунуться—время убить?

И онъ вспомнилъ вдругъ, что на вѣнчальныхъ кольцахъ его отца и матери были вырѣзаны ихъ имена.

„И я такъ-то сдѣлаю“... рѣшилъ онъ, и не смотря на то, что голова его слегка горѣла и въ ней сказывалась тупая боль, онъ весело сталъ разыскивать по Тверской рѣзчика, нѣмца родомъ. Найдя его, онъ передалъ ему кольца, требуя, чтобы тотъ немедленно сѣлъ за работу и при немъ рѣзаль два имени: „Клеопатра“ и „Николай“.

Нѣмецъ сѣлъ за работу, а Козляниновъ усѣлся около него и до вечера, хотя чрезъ силу, слѣдилъ за его руками и рѣзцомъ.

„Чудно!“ думалось ему. — „Вѣдь у меня лихоманка: такъ весь и горю. Ну, да врешь ты, хвороба. Все-таки я Клену повидаю сейчасъ, хотя бы минуту одну“.

XXV.

Ровно черезъ сутки, вечеромъ, у бригадира въ гостяхъ сидѣлъ его другъ. Геннадій Ивановичъ былъ особенно веселъ за весь день, а теперь „въ ударѣ“ шутить, балагурить и острить. Филисовъ и Толбухина невольно смѣялись его прибауткамъ.

Согласіе Филисова бросить пустыя мечтанья о бракѣ его съ внучкой дѣлали Братолюбцева довольнымъ и веселымъ. Кромѣ того, онъ былъ отчасти гордъ тѣмъ, что не поддался на искушеніе.

— Гдѣ же бригадирская внучка, какъ называютъ въ Москвѣ вашу красавицу? воскликнулъ онъ наконецъ.

— Она у себя. Мы за ней пошлемъ, сказалъ Никита Артемьевичъ и приказалъ просить барышню внизъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ явился камердинеръ самого барина, Антонъ, и доложилъ, что барышня „отвѣтствуютъ“, что имъ не по себѣ и онъ сойти не могутъ“.

— Что такое? Захворала? встревожился бригадиръ. Но въ ту же минуту вошла въ горницу Степанида съ подносомъ, на которомъ было варенье и смоква для гостя.

— Что такое съ барышней, не знаешь? спросила Толбухина у любимицы.

— Ничего-съ. А что же собственно? отозвалась барская барыня.—Почему изволите спрашивать?

— Хворой сказывается...

— Э, матушка. Балуется, шутить. Какая хворость. Я сейчас слышала изъ корридора, какъ она соловьемъ заливадается тамъ у себя на вышкѣ, хохочетъ чему-й-то до упаду. Знать мамка представляетъ что смѣхотворное.

— Такъ вотъ оно какъ! воскликнулъ Братолюбцевъ. — Мы же ее проучимъ. Ну-т-ко, Никитка, и вы, Марья Евграфовна, идемъ на приступъ цитадели! Пойдемъ сами къ ней въ гости. Я никогда не бывалъ! Хоть и не гоже къ дѣвицамъ мужчинамъ хаживать, да мнѣ старику можно.

— Вѣстимо. Ты свой человекъ. Что жъ! Пойдемъ. И мы ея смѣху посмѣемся, да и проучимъ. Пушай насъ угощаетъ.

— Ну, а я слуга покорный лазить! заявила Марья Евграфовна.

Чрезъ нѣсколько мгновений бригадиръ и его другъ поднялись вдвоемъ по лѣстницѣ и вошли въ горницу Клены.

— Вотъ вы какъ, сударушка. Жалуется на хворость, когда здоровехоньки! заговорилъ Братолюбцевъ.—Такъ мы сами къ вамъ. Извольте насъ угощать.

Клена сильно смутилась при появленіи незваныхъ гостей, краснѣла, потуплялась и тщетно старалась что-либо вымолвить; она стояла бормоча безсвязно и безсмысленно.

Няня Арина Матвѣевна тоже была видимо встревожена.

— Ну, здравствуйте, обѣ! И старая, и молодая. Растерялись! сказалъ бригадиръ.—Что за важность, что Геннадій Ивановичъ сюда пришелъ. Онъ мнѣ другъ, а стало быть и внукъ—не чужой. Ну, ну... Полно краснѣть-то, сажай гостей и вели сюда снизу нести подносъ со сладями.

Гости сѣли къ столу. Клена, все еще смущенная, тоже опустилась на стулъ около дѣда. Арина Матвѣевна побѣжала внизъ за угощеньемъ, но по дорогѣ на лѣстницѣ охала и вздыхала.

Братолюбцевъ, между тѣмъ, болталъ безъ умолку; и вскорѣ всякими шутками и прибаутками развеселилъ и Клену. Дѣвушка посмѣлѣла, оживилась и по какой-то необъяснимой для бригадира причинѣ быстро перешла отъ своего смущенія къ дерзкому веселію. Въ ней сказывалось даже что-то вызывающее и какъ будто неестественное. Нѣчто „неблагопристойное въ дѣвицѣ“, какъ думалось ея удивленному дѣду.

Дѣйствительно, Клена стала раздражительно весела, черзчуръ громко вскрикивала безъ видимой причины.

Братолюбцевъ, накушавшись вдоволь смоквы, которую обо-жалъ, и истощивъ запасъ своихъ остротъ, потребовалъ карты у няни и началъ показывать дѣвицѣ всякіе замысловатые фокусы. Клена много смѣялась, но раздраженіе не покидало ее, а няня заявила уже раза три, среди фокусовъ барина-гостя, что у ея барышни „и въ самъ-дѣлѣ ровно лихорадка. И головка болитъ. Отъ смѣха пуще разболится. Ей надо скорѣе въ постельку.“

— Ну, ладно. Коли гоните гостей по-турецкому, то гости уйдутъ! рѣшилъ наконецъ Братолюбцевъ, вставая уже при третьемъ замѣчаніи няни.—Насильно милъ не будешь, хошь разорвися.

И гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, смѣясь надъ тѣмъ, что ихъ выгоняютъ силкомъ, ушли и спустились внизъ.

Когда бригадиръ, идя впереди, достигъ своего кабинета, а Братолюбцевъ пріостановился въ залѣ провѣрить свои карман-ные часы по большимъ стѣннымъ часамъ, что онъ дѣлалъ постоянно — Марья Евграфона вышла въ залу отъ себя и, улыбаясь, собиралась что-то спросить у гостя...

Въ этотъ мигъ наверху въ мезонинѣ раздались ужасные, дикіе, душу раздирающіе крики. Это былъ, судя по голосу, крикъ няни, повторившійся нѣсколько разъ. Но еще сильнѣе и громче раздался лишь одинъ разъ отчаянный, пронзитель-ный вопль Клены...

Всѣ, конечно, бросились по лѣстницѣ снова на верхъ, но Арина Матвѣевна выскочила къ нимъ на встрѣчу въ сѣнцы и на площадкѣ лѣстницы упала на полъ, крича, какъ поте-рянная:

— Покойникъ! Покойникъ!

Бригадиръ, а за нимъ и гость, не понимая ничего, почти перепрыгнули черезъ упавшую няню и вбѣжали къ Кленѣ.

Здѣсь они увидѣли молодую дѣвушку, растрепанную на полу, безъ чувствъ и безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Сумятица несказанная поднялась тотчасъ въ домѣ. Брига-диръ приказалъ поднять внучку и нести на кровать, но люди на повторяемый бариномъ приказъ: „Несите! Несите!“ понесли барышню внизъ.

Братолюбцевъ хотѣлъ остановить людей, но услышалъ голосъ Марьи Евграфовны на лѣстницѣ:

— Давайте. Скорѣе. Ко мнѣ. У меня оттиранья есть. Несите сюда.

И двое людей, спустивъ осторожно по лѣстницѣ безчувственную барышню, снесли и положили ее на кровать ея бабушки.

— Покойникъ? Покойникъ? Какой покойникъ? повторилъ бригадиръ; повторяли и всѣ люди въ домѣ...

Многіе обступили съ этимъ вопросомъ няню Арину Матвѣевну, но та, хотя и была въ сознаниі, глядѣла и двигалась, но дико озиралась и не хотѣла произнести ни слова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ домѣ бригадира Филисова была такая смута, о которой знали весь околотокъ.

Весь домъ былъ перепуганъ на смерть тѣмъ, что въ мезонинѣ появились и ходять мертвые. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Дворовые втихомолку обвиняли барина въ томъ, что онъ при жизни сына и невѣстки круто поступалъ съ ними, какъ бы изгналъ изъ-подъ родительскаго крова, и будучи богатъ, не помогаль имъ.

— Не будь они въ такомъ нищенскомъ состояніи, говорили теперь всѣ,—можетъ быть и чума бы ихъ не захватила. Вотъ теперь, не живши въ домѣ при жизни, душеньки ихъ и пришли къ намъ на житье... Теперь домъ отъ нихъ и испорченъ... Какое же житье въ домѣ, гдѣ ходять покойники!

Клена пролежала двое сутокъ въ постели, въ горницѣ около спальни бабушки.

На всѣ разсужденія Марьи Евграфовны, что стыдно и грѣхъ бояться покойниковъ и привидѣній, а еще сугубый грѣхъ бояться своихъ родителей—Клена не отвѣчала ничего и вообще за все время не произнесла ни единого слова. Она была цѣлыхъ два дня въ такомъ состояніи, что казалась близкою къ умопомѣшательству. Она стонала, плакала, металась, но молчала и дико озиралась.

Арина Матвѣевна была тоже сама не своя, хотя и была

на ногахъ, но тоже сурово и испуганно молчала, и тоже странно глядѣла на всѣхъ. Она не отходила ни на шагъ отъ своего дитятки, сидѣла сгорбившись около ея кровати и такъ оставалась и на ночь. Она иногда дремала, но вздрагивала—просыпаясь при малѣйшемъ звукѣ.

Въ первую же ночь Толбухина вставала два раза и приходила къ внучкѣ; оба раза она застала Клену и ея няню не спящими. Онѣ перешептывались о чемъ-то, и смолкали тотчасъ же, когда она появлялась. Третій разъ, уже подъ утро, Толбухина прислушалась прежде чѣмъ войти, и до ея слуха донесся опять шепотъ внучки и няни. Когда же она вошла въ горницу, то обѣ притворились крѣпко спящими.

„Удивительно это“, подумала Толбухина.

Бригадиръ отнесся ко всему происшествію со смѣхомъ, обозвалъ всѣхъ дурнями, внучку — глупенькой дѣвочкой, Ари-ну — шалою дурой, а сестрицѣ Никита Артемьевичъ прибавилъ шутя:

— И хорошее дѣло, коли мертвецы ходять. Стало быть и мы съ тобой когда помремъ, то ходить будемъ. Оно много лучше и веселѣе, чѣмъ все лежать да лежать до второго пришествія.

Марья Евграфовна суевѣрно отмахнулась отъ брата и перекрестилась.

Однако, одновременно съ сумятицей отъ привидѣній въ домѣ бригадира, случилась нѣкотораго рода смута и въ московскомъ обществѣ.

На утро, послѣ того что барышнѣ Филисовой съ няней привидѣлся покойникъ въ мезонинѣ, посланецъ отъ госпожи Козляниновой явился въ домъ бригадира съ вопросомъ: „не знаетъ ли чего баринъ и домочадцы о молодомъ ихъ баринѣ Николаѣ Ивановичѣ, который, выгъхавъ изъ дому уже болѣе сутокъ, не является домой“.

Когда доложили бригадиру о посланцѣ, онъ пожалъ плечами и велѣлъ позвать лакея Козляниновой.

— Чего тебѣ нужно? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Барыня меня послала опросить, не вѣдомо ли вамъ что объ нашемъ молодомъ баринѣ. Не знаемъ, куда онъ запропалъ.

— Да я-то почему могу это знать?..

— Барыня насъ всѣхъ разсылаетъ по всей Москвѣ, всѣхъ спрашивать. Вотъ и къ вамъ меня послала.

Бригадиръ снова пожалъ плечами и произнесъ:

— Молодой человекъ мало ли гдѣ можетъ пропадать. Изъ-за этого не приличествуетъ разсылать по городу и дѣлать ему худую славу, что онъ дома по суткамъ не ночуетъ и невѣдомо гдѣ пропадаетъ... А у насъ-то и подавно нечего спрашивать, такъ какъ онъ у насъ никогда не бывалъ.

— Точно такъ-съ, отозвался дворовый,—да ужъ барыня-то очень убивается.

Черезъ сутки до бригадира дошла вѣсть, которая интересовала и занимала всю Москву. Всѣ говорили о безслѣдной пропажѣ молодого офицера.

Шель уже четвертый день послѣ того, что онъ выѣхалъ изъ дома ввечеру, и куда онъ дѣвался—не было и слѣда.

Анна Ивановна черезъ силу отправилась сама къ оберъ-полиціймейстеру, побывала, еле таская ноги, и у генералъ-губернатора. Власти московскія отнеслись къ дѣлу съ сочувствіемъ—и послѣдствіемъ этого было много разговоровъ, но дѣла и толку не было.

По всей полиціи было дано знать, что безъ вѣсти пропалъ молодой офицеръ, господинъ Козляниновъ. Полиція стала по всей Москвѣ разузнавать и разыскивать: и въ городѣ, и въ окраинахъ, въ трактирахъ и кабакахъ, и во всякихъ вертепахъ. Оберъ-полиціймейстеръ самъ ѣздилъ на Разгуляй, главный притонъ воровъ и разбойниковъ. Говоръ пошелъ по всей Москвѣ, но собственно розысковъ въ настоящемъ смыслѣ—не было никакихъ.

А между тѣмъ, одновременно нѣкоторые изъ московскихъ жителей стали навѣдываться къ бригадиру, толковать съ нимъ, о чемъ толковала вся Москва, а онъ одинъ не зналъ, и въ разговорѣ дѣлать Филисову странные, какъ ему казалось, вопросы.

— Да вамъ-то ничего невѣдомо? говорилъ одинъ.

И бригадиръ удивляясь отвѣтствовалъ:

— Да мнѣ-то почему же можетъ быть извѣстно больше, чѣмъ кому-нибудь другому!.. Что онъ былъ когда-то знакомъ съ внучкой—такъ изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы знали, какую онъ велъ жизнь и гдѣ ему голову проломилъ, или гдѣ онъ утопъ.

Одинъ близкій человекъ и пріятель пріѣзжалъ посоветовать бригадиру вызвать кучера господина Козлянинова и дать ему денегъ.

— Зачѣмъ это?! изумлялся бригадиръ.

— Да все лучше.

И больше пріятель ничего не сказалъ.

Двое другихъ знакомыхъ побывали у бригадира и многозначительно вставили въ свою бесѣду слова о томъ, что дѣло это хлопотливое такъ не останется; что оно дойдетъ до Питера и до государыни.

Слова были простыя, но тонъ и взглядъ собесѣдниковъ не понравились бригадиру.

— Я-то тутъ при чемъ же?! разводитъ онъ руками.

II.

Прошло еще двое сутокъ и бригадиръ былъ вытребованъ къ генераль-губернатору. Еропкинъ въ бесѣдѣ глазъ-на-глазъ объяснилъ Филисову, чтобы онъ вызвалъ къ себѣ кучера безъ вѣсти пропавшаго молодого человѣка и далъ ему на чай, дабы прекратить его злостное вранье и опасное разглашеніе, вредное для имени бригадира.

Изъ этой бесѣды Филисовъ уже узналъ, что кучеръ пропавшаго Козлянинова доложилъ барынѣ своей, а она рассказываетъ всѣмъ, что въ ту ночь, когда молодой баринъ исчезъ, онъ его довозилъ до переулка, прилегающаго къ саду бригадира. Здѣсь баринъ, по его словамъ, приказалъ ему стоять до его возвращенія и на вопросы прохожихъ не говорить, чей онъ и чьи сани. До утра простоялъ тутъ кучеръ, не дождавшись барина, и вернулся домой одинъ.

Бригадиръ вынесъ изъ этой бесѣды то, что и слѣдовало: онъ понялъ, что судейскіе крючки, съ которыми вѣроятно барыня Козлянинова уже совѣтовалась, желаютъ запутать его въ дѣло совершенно до него не касающагося, ради того, чтобы попользоваться его деньгами.

„Ну, это шалишь“ ... думалъ бригадиръ, возвращаясь домой.— „Не на таковского напали, чтобы притянуть меня къ глупому приключенію. Изъ-за того, что онъ хотѣлъ свататься, не слѣдуетъ ничего. И никакой моей прикосновенности къ дѣлу быть не можетъ“.

Въ подобныхъ случаяхъ, когда кто-либо имѣлъ несчастье оказаться прикосновеннымъ къ дѣлу и былъ въ то же время человѣкъ съ состояніемъ, слѣдовало, по обычаю, выработанному опытомъ, осторожно держаться въ сторонѣ и гордо мол-

чать, оставляя дѣло итти своимъ чередомъ и никакъ не давати ни единаго гроша никому. Въ данномъ случаѣ не слѣдовало, конечно, призывать кучера Козляниновой и давать ему что-либо на чай. Помимо этого, практика выработала другой спасительный обычай: тотчасъ же, не жалѣя денегъ, а жалѣя себя, большими кушами сразу прекратить все или „замазать“ дѣло.

Братолюбцевъ, до котораго дошли, конечно, городскіе слухи, тотчасъ же явился къ Филисову, и въ качествѣ чиновника Верхняго Земскаго Суда, близко знающій судейскіе порядки, явился на помощь къ бригадиру.

— Дѣло глупѣйшее, распротупѣйшее, сказалъ онъ.— Коли ты причастенъ къ пропажѣ молодца, такъ и я причастенъ, и вся Москва виновата... Да не въ томъ дѣло. Въ такихъ обстоятельствахъ темныхъ и диковинныхъ не виновный бываетъ виноватъ, а всегда правый. Съ самаго начала повернулось все очень диковинно. „Гласъ народа—гласъ Божій“, сказывается по пословицѣ, а я скажу: „гласъ народа—гласъ завидующихъ“. И надо скорѣе сему гласу заткнуть глотку. Этотъ проклятый кучеръ своимъ враньемъ все дѣло направилъ совсѣмъ особенно.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ бригадиръ.

— Давай денегъ. Купь... Давай тысячи двѣ, а то и три. Я сейчасъ начну походъ, и въ три дня все переверну. У насъ въ Судѣ надо замазать двухъ отчаянныхъ кровопійцъ, которымъ это обстоятельство—манна небесная. Кучера Козляниновскаго вызову, ему дамъ рублей двѣсти. И черезъ два-три дня все будетъ въ порядкѣ. А такъ, съ этой болтовней, по всѣмъ московскимъ закоулкамъ долго ли до грѣха. Ты знаешь, какъ въ нынѣшнія времена царица къ такимъ дѣламъ слухъ прилагаетъ, какія строгости пошли. Чего добраго, обнесутъ тебя въ Питерѣ враги—и пропадешь.

— Да я-то тутъ при чемъ же?!. воскликнулъ внѣ себя бригадиръ.—Что жъ я его убилъ что ли?

— Голубчикъ ты мой, не сердися, а разсуждай. Въ сердцѣ проку мало... Ты мнѣ скажи: знамо ли тебѣ, что Каинъ убилъ Авеля? Отвѣчай!

— Что жъ ты шутовствуешь? Тутъ дѣло, а онъ балуется.

— Нѣтъ, я не балуюсь... А ты отвѣтствуй: убилъ ли Каинъ Авеля?

— Ну, убилъ.

— Говорить ли весь міръ, съ сотворенія міра, что Каинъ убилъ...

— Говорить, нетерпѣливо отвѣчалъ бригадиръ.

— Ну вотъ, видишь ли ты. Весь міръ говорилъ и будетъ говорить... А правда ли это — невѣдомо: свидѣтелей у сего убійства не было.

— Какъ не было?!

— Да такъ. Кто же могъ быть свидѣтелемъ? Адамъ съ Евой ничего не видали, а другихъ людей и на свѣтѣ не было... Вотъ видишь ли ты, къ чему я веду. Коли молва кого сдѣлаетъ воромъ или душегубцемъ, хотя бы совершенно безвиннаго—то изъ этого можетъ произойти, что онъ виновнымъ все-таки останется... Такъ вотъ, давай-ка лучше денегъ, а въ случаѣ чего ты въ сторонѣ, а я въ отвѣтъ: я прикрывалъ, а не ты. Да, впрочемъ, виноватыхъ и не будетъ. На твой карманъ запустили завидующіе глаза кое-кто изъ нашихъ крючковъ... Ну вотъ, мы ихъ и удовлетворимъ. Все и устроится.

Дѣйствительно, Братолюбцевъ взялъ у друга двѣ тысячи рублей для „замазыванія“ и черезъ нѣсколько времени толки въ Москвѣ начали слабѣть. Отчасти надоѣло всѣмъ толковать все объ одномъ и томъ же. А кромѣ того прошелъ слухъ, что кучеръ повинился барынѣ въ своемъ лганьѣ и заявилъ, что онъ молодого барина никогда въ переулокъ къ забору сада бригадира не возилъ. „Быль онъ въ ту ночь выпимши и ему оно померещилось“.

III.

Однажды, въ тѣ же дни, около полуночи, по глухому переулку вдоль забора, отдѣлявшаго переулокъ отъ бригадирскаго сада, двигался медленно молодой парень въ рваномъ тулупѣ, со шлыкомъ на косматой головѣ и въ стоптанныхъ лаптяхъ. Одинъ лапоть, совершенно растрепанный, шлепалъ по ногѣ при всякомъ шагѣ...

Парень оглядѣлся и взмахнулъ на заборъ... Онъ прислушался съ забора—все было тихо... Спрыгнувъ въ садъ, онъ полѣзъ по сугробу и выбрался на дорожку, расчищенную и усыпанную пескомъ.

— Алеха... Ты?.. тихо послышалось въ кустахъ.

— Я, такъ же отозвался парень.

Изъ чащи вышелъ чловѣкъ огромнаго роста и вымолвилъ громче:

— Ну, Алеха... Тутъ брать не воровать тебѣ надо... Тебя надули, кто послалъ...

— А что же? оробѣвъ отозвался парень.

— Мертвое тѣло изъ-подъ сугроба вырыть и тащить надо! Отсюда за заборъ, въ сани и увози... Я вырою—приволоку сюда, а ты волоки за Москву.

— Куда? Что вы это?

— Куда знаешь, твое это дѣло. Увезешь, получишь полста рублей...

— Это не наше дѣло. Мы этого не можемъ... жалостливо заговорилъ парень.—Помилуйте! Отродясь такого не знали...

Богатырь началъ убѣждать парня, уговаривать, но малый упрямо и боязливо стоялъ на своемъ.

— Это не наше дѣло. Мнѣ сказывали итти сюда слизнуть ящикъ съ добромъ... А мертвое тѣло... намъ на какой же прахъ. Кака-така разжива! Ни чуточки не нужно.

Богатырь взялъ парня за плечи и выговорилъ:

— Ну, это ты балуешь. Я тебя заставлю.

Парень, мгновенно шаркнувъ отъ собесѣдника, бросился къ забору, быстро перелѣзъ обратно и былъ таковъ...

— Что жъ я теперь буду дѣлать? растерянно вымолвилъ богатырь, т. е. Герасимъ.

IV.

Между тѣмъ прошло уже 10 дней съ исчезновенія молодого офицера, и объ немъ не было ни слуху, ни духу.

Дворовые старушки Козляниновой уже рѣшились, по совѣту приходскаго священника, служить панихиды по убиенномъ боляринѣ Николаѣ.

— Коли пропасть, то стало быть померъ, а коли померъ молодой человѣкъ, то вѣстимо не собственной кончиной, такъ разсуждалъ священникъ.

Анна Ивановна, и безъ того болѣзненная и слабая, свалилась окончательно. Она лежала въ постели въ полудремотѣ стараго, слабаго и съ каждымъ часомъ слабѣющаго существа. И день и ночь она тихо плакала и вздыхала, или лежала въ полузабытѣ и бредила, называя и призывая своего Колю.

Наконецъ, однажды снова появился во дворѣ бригадира посланецъ отъ барыни Козляниновой по важному дѣлу.

Бригадиръ рассердился, даже топнулъ ногой и крикнулъ на весь домъ:

— Гони его въ шею!.. Когда я развяжусь съ этой козлятиной поганой? Какое мнѣ дѣло до нихъ!

— Онъ сказываетъ, что барыня его помираетъ, ужъ причащалась и исповѣдывалась, заявилъ камердинеръ Антонъ.

— Да мнѣ-то что до этого! Помретъ послѣ исповѣди, а про меня опять на всю Москву пустятъ, что померла отъ моего отвѣта и огорченія, которое я ей нанесъ... Гони его вонъ!..

Когда Антонъ вышелъ изъ кабинета, Никита Артемьевичъ, подумавъ немного, всталъ и быстрыми шагами двинулся вслѣдъ за лакеемъ.

— Антонъ! крикнулъ онъ.—Зови его!..

Присланный посланецъ барыни Козляниновой объявилъ бригадиру, что барыня „слезно и рабски“ (такъ приказала она доложить) просить боярина Никиту Артемьевича дозволить ей повидаться съ молодой барышней.

— Зачѣмъ!?! удивился бригадиръ.

— Не могу знать-съ. Но только барыня Анна Ивановна, такъ сказываютъ, что онѣ помираютъ. Завтра, либо послѣ-завтра безпремѣнно, сказываютъ, собираются помереть. А по сему случаю желательно имъ повидать барышню Клеопатру Артемьевну, чтобы съ ними распрощаться. Приказали такъ: стань на колѣни и ползай въ ногахъ у барина, пока не позволитъ онъ барышнѣ сѣсть въ карету и ѣхать.

Лакей замолчалъ, а бригадиръ стоялъ въ нерѣшительности, пыхтѣлъ и думалъ:

„Помираетъ... Что жъ, вѣдь не вретъ... Она тоже не при чемъ. У нея сына единственнаго убили... Клена считалась чуть не невѣсткой ея. Пускай повидаются, расцѣлуются... Можетъ, старухѣ отъ этого кончина спокойнѣе да тише будетъ. Богъ съ ней... Пускай. Просьбу умирающаго завсегда слѣдуетъ исполнять“.

Подумавъ про себя, бригадиръ объявилъ лакею, что барышня сегодня же въ сумерки прійдетъ къ госпожѣ Козляниновой, но не болѣе какъ часа на полтора-два времени.

Когда Марья Евграфовна, посланная бригадиромъ, объявила Кленѣ о положеніи и просьбѣ старушки Козляниновой и о томъ, что дѣдъ отпускаетъ ее проститься со старухой, Клена вскочила, сѣла на кровать и произнесла порывисто, какъ если бы слово это вырвалось у ней помимо воли:

— Ни за что!

Толбухина смутилась и даже отступила на шагъ.

— Ни за что!.. ни за что!.. никогда! заговорила Клена.—Избави Богъ!.. Не могу я видѣть, не хочу прощаться...

Толбухина сѣла около дѣвушки и стала ее успокаивать и уговаривать. Клена ничего не отвѣчала, или отвѣчала уклончиво, и наконецъ начала плакать.

— Ничего и не поймешь, произнесла Толбухина.—Богъ тебя знаетъ! Можно ли было изъ-за пустого миража такъ разстраиваться. Положимъ, что теперь ты разстроена извѣстіемъ о безвременной гибели своего предмета... Но все-таки я не пойму, какъ же не желать увидѣться съ его матушкой, которая при смерти... Вѣдь она сердцемъ къ тебѣ расположена.

Клена заявила наконецъ, что желаетъ подумать и дать отвѣтъ черезъ часъ.

Когда Толбухина вышла отъ нея, дѣвушка перетолковала съ няней своей и затѣмъ вскорѣ прислала ее доложить бабушкѣ, что она согласна ѣхать и поѣдетъ вмѣстѣ съ Ариной Матвѣвной.

Въ сумерки, какъ было указано бригадиромъ, карета съ Кленой и съ няней выѣхала со двора. Бригадиръ не хотѣлъ, чтобы экипажъ его, болѣе или менѣе извѣстный въ Москвѣ, видѣли днемъ у подъѣзда дома Козляниновой.

— Опять въ Москвѣ болтать начнутъ. И коли старуха умретъ, опять меня припутаютъ къ этимъ Козляниновымъ, рѣшилъ бригадиръ.—А ночью меньше народа болтается по улицамъ... Можетъ быть, никто кареты и не увидитъ.

На этотъ разъ расчеты бригадира не оправдались. Снова пошли по Москвѣ толки и пересуды о свиданіи бригадирской внучки съ Козляниновой.

Свиданіе молодой дѣвушки и старухи происходило сначала глазъ-на-глазъ, а потомъ въ присутствіи одной няни Арины Матвѣвны.

Пожилая женщина ключница, сидѣвшая безотлучно около отходящей барыни, была выслана изъ комнаты. Люди госпожи Козляниновой во время бесѣды ея съ пріѣзжей гостьей толпились за двѣ комнаты въ прихожей, разсуждая о своихъ бѣдахъ и о пропажѣ барина или его убіеніи. Людей смущало то обстоятельство, что не нынѣ завтра они будутъ, какъ говорилъ судейскій повытчикъ, людьми вольными за отсутствіемъ наслѣдниковъ и родственниковъ у барыни Козляниновой.

— Будемъ мы всѣ моровые, говорили они, и только одна ключница поправляла и говорила:

— Чего врете!.. Какіе моровые? Выморочные.

Но бесѣда барыни съ гостьей кончилась сумятицей въ домѣ. Съ барышней приключился обморокъ у самой кровати Анны Ивановны и ее вынесли на диванъ въ гостиную.

Съ ней сдѣлался припадокъ, сдѣлались корчи и судороги. Нянюшка ея тоже тряслась всѣмъ тѣломъ, вѣроятно отъ перепуга и ужаса, а барыня у себя повторяла безъ конца:

— Божеское наказаніе... Погубители!.. Я до царицы дойду!

Когда барышня Филисова пришла въ себя и хотѣла снова пойти проститься съ барыней, то Анна Ивановна замахала руками и заявила ключницѣ:

— Не хочу, не хочу... Богъ съ нею, съ лиходѣйкой!.. Не нужно...

Эти слова были переданы Кленѣ. Она, плача и дрожа всѣмъ тѣломъ, усѣлась въ карету со своей няней и уѣхала обратно. А слово барыни: „лиходѣйка“, ея нежеланіе проститься съ барышней, которую она сама же вызвала, смутили всѣхъ домочадцевъ. Вѣсть эта выбѣжала на улицу, пробѣжала по околотку, а черезъ два дня ужъ вся Москва, переначивая и перевирая случай, разносила по всему городу.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда бригадирской внучки, Анна Ивановна приказала готовить карету и лошадей, укладывать вещи, собираясь ѣхать въ Петербургъ.

— Куда вамъ, матушка, Господь съ вами! уговаривала ее ключница.—Нешто можно вамъ ѣхать...

Но Анна Ивановна твердымъ голосомъ приказывала все, что слѣдовало къ отъѣзду, назначенному на утро. Ей повидимому было гораздо лучше, она даже просидѣла около получаса въ постели, приказала подать шкатулку, сосчитала наличныя деньги, и рѣшила, что хватить на поѣзду въ Питеръ и обратно.

Зачѣмъ она вдругъ собралась—Анна Ивановна не сказала ни слова, но повторяла безпрестанно:

— Я это такъ не оставлю!.. Я постою за бѣднаго Колю. Я до царицы дойду!

Въ домѣ и на дворѣ поневолѣ стали собираться. Карету осматривали, мазали, подвинчивали; лошадямъ задали двойной кормъ, а въ домѣ въ двѣ важи укладывали платья и кое-какія вещи.

Вечеръ и ночь Анна Ивановна пролежала спокойно, никого не тревожа изъ людей, и на вопросы, нѣсколько разъ обращенные къ ней ключницей,—не отвѣчала ничего.

Ключница легла въ своемъ углу на тюфякъ, брошенномъ на полу, а когда проснулась—уже разсвѣтало. Ей почудилось, что барыня кличетъ ее. Кличница, чувствуя себя виновною, что проспала безъ просыпу чуть не цѣлую ночь, бросилась къ барынѣ со словами: „что прикажете?“.

Но Анна Ивановна ничего не приказывала и приказывать не могла.

Въ то время, когда на дворѣ уже выкатили карету и прилаживали одну вазу, какъ надо уложенную и запертую, Анна Ивановна ужь отправилась въ болѣе дальній путь, изъ котораго не возвращаются.

О смерти барыни ахнули всѣ дворовые; кое-кто принялся выть и причитать; другіе побѣжали за батюшкой и за гробовщикомъ. А одинъ изъ людей счелъ долгомъ, по собственной охотѣ, броситься оповѣстить всѣхъ къ бригадиру.

На похоронахъ старушки не было буквально ни единого человѣка, такъ какъ родни у ней не было, а знакомыхъ она еще въ Москвѣ не приобрѣла. Только посторонніе прохожіе толпились около домика при выносѣ тѣла, а затѣмъ кое-кто изъ любителей зашелъ помолиться въ приходъ на отпѣваніе.

И всюду, снова, съ пущею силою заговорили о чрезвычайномъ случаѣ, о невѣдомомъ убіеніи молодого офицера и о послѣдовавшей затѣмъ кончинѣ бѣдной старушки-матери. При этомъ все-таки молва народная, будто у ней чутье какое, припутывала и упоминала бригадира Филисова и бригадирскую внучку.

— Кучера-то барыни Козляниновой закушилъ бригадиръ, говорили одни.— Онъ прямо показывалъ, что баринъ его запропалъ около его дома.

— Бригадирская внучка повинилась нашей барынѣ-то, что дѣдушка ейный поймалъ молодца въ саду и приказалъ холопамъ его бить! говорили люди покойной. — Били, били его бѣднаго и забили до смерти... А опосля того тѣло и сбыви съ рукъ.

— А что, братцы, да если онъ живъ? соображали нѣкоторые. — Такъ себѣ живьемъ-живехонекъ, да скрылся, въ бѣгахъ что ль...

— Кто жь его знаетъ... Мертвымъ никто его не видалъ!

— Да, это дѣло темное, все происхожденіе сомнительно, говорилось и въ дворянскихъ домахъ.—Какъ угодно, а этакъ нельзя позволять пропадать. Они не иголки! Что жь это такое будетъ, если этакъ начнутъ дворянскіе сынки пропадать, а тамъ за ними и старые да почтенные люди. Поѣдешь вотъ въ гости, да и пропадешь. На что похоже!..

V.

Прошла недѣля послѣ смерти барыни Козляниновой, прошла другая, миновали святки, праздники и Новый годъ, которые отвлекли вниманіе Москвы на всякія затѣи, катанье съ горъ, гаданье, веселые вечера и вечеринки у именитыхъ московскихъ дворянъ.

Странное и загадочное приключеніе съ молодымъ офицеромъ, конечно, позабылось. Не только друзей, но и близкихъ знакомыхъ не было въ Москвѣ у безъ вѣсти пропавшаго, и поэтому некому было особенно вспоминать о немъ.

Въ домѣ бригадира все пошло по старому, снова было мирно и тихо; бригадиръ радовался, что дурацкая исторія позабыта и что его, вслѣдствіе показаній пьянаго кучера, не сдѣлали причастнымъ къ дѣлу.

— Спасибо, другъ вѣрный. Хорошій далъ совѣтъ. Двумя тысячами заткнулъ голодные глотки.

Марья Евграфовна снова вышивала въ пальцахъ, читала французскія книжки, но обращалась съ бригадиромъ нѣсколько сурово, какъ бы протестуя молчаливо противъ его намѣреній и плановъ.

Бригадиръ какъ человѣкъ добродушный и безхарактерный въ жизни, но способный какъ бы поневолѣ упереться козломъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, снова вернулся къ своимъ мечтамъ и опять часто толковалъ съ другомъ о его женитьбѣ на внучкѣ. Братолюбцевъ отмалчивался или отшучивался. Поэтому Филисовъ рѣшилъ пока оставить дѣло, но мѣсяца черезъ полтора, Великимъ постомъ, заговорить снова съ молодой дѣвушкой, а къ Красной горкѣ отпраздновать свадьбу.

Но если въ Москвѣ и въ домѣ бригадира все пошло, повидимому, на старый, мирный ладъ, то бригадирская внучка и ея няня были исключеніемъ. Имъ жилось, повидимому, по-прежнему мудро.

Клена бывала молчалива, грустна по цѣлымъ днямъ, но— что удивляло особенно Толбухину—не столько печальна, сколько озабочена. Казалось, что она не горюетъ и не плачетъ о безслѣдно и загадочно потерянномъ предметѣ своей любви, а проводить день-деньской въ какомъ-то безпокойствѣ, будто бѣда какая у нея надъ головой висить.

То же самое, хотя нѣсколько иначе, выражалось и въ нянѣ Аринѣ Матвѣевнѣ. Женщинѣ было тоже какъ-то не по себѣ. Прежнюю веселость и говорливость какъ рукой сняло. Она тоже по цѣлымъ днямъ сидѣла задумчивая, какъ ея дитятко.

Арина Матвѣевна не печалилась, а какъ-то сурово озлобившись, казалось, на весь міръ Божій, грызлась, по выраженію людей, со всѣмъ домомъ. Прежняя простодушная ласковость Арины Матвѣевны, готовность услужить каждому—исчезли. Теперь она привязывалась ко всѣмъ и бранилась со всѣми.

Единственнымъ ея собесѣдникомъ, съ которымъ она за послѣднее время какъ будто сошлась гораздо ближе — былъ Герасимъ. Вслѣдствіе этого, борьба между двумя женщинами—няней и барской барыней, еще усилилась. Теперь Степанида уже начинала прямо ревновать Арину къ своему возлюбленному.

Наибольшая перемѣна, происшедшая въ домѣ, сказалась въ поведеніи скорохода и богатыря Герасима. Любимецъ барскій уже два или три раза навлекъ на себя гнѣвъ барина за ослушаніе и своеволие.

Скороходъ, со времени странной исторіи съ Козляниновыми, сталъ жить совсѣмъ иною жизнью. Онъ больше отлучался изъ дома, чаще ворочался навеселѣ, а нѣсколько разъ бывалъ и сильно пьянъ. Онъ исполнялъ всѣ порученія бригадира неохотно, непорядливо, ругался со всѣми такъ же, какъ и Арина Матвѣевна. Но при этомъ онъ грозился и хваталъ, говоря, что ему на все и на всѣхъ наплевать, что онъ своему нраву хозяинъ и если захочетъ, то откупится на волю, что самъ баринъ его не посмѣетъ не отпустить.

Вмѣстѣ съ этимъ у скорохода постоянно замѣчали люди то, что было наименѣе возможно скрыть—деньги.

Дворовый человѣкъ того времени, въ качествѣ крѣпостного, не получалъ жалованья; слѣдовательно, всякій алтынъ, который являлся у него въ рукахъ, могъ быть только изъ подозрительнаго источника. У Герасима бывали не алтыны въ ру-

какъ: у него видали заразъ по нѣскольку рублей. Наконецъ, про него узнали, что онъ вмѣстѣ съ новыми пріятелями кутить по сосѣднимъ трактирамъ, что компанія его не простая, не холопы сосѣднихъ господъ, а чиновники, пономари, дяконы, судейскіе повытчики. Въ томъ числѣ самъ дворецкій графа Орлова не гнушается водить компанію со скороходомъ бригадира Филисова.

Однажды слухъ о деньгахъ и кутежахъ Герасима дошелъ и до бригадира.

Никита Артемьевичъ вызвалъ къ себѣ холопа, не кричалъ на него, а хладнокровно потребовалъ объясненія. Герасимъ объяснилъ барину, что дѣйствительно виноватъ, выдается кое-къмъ изъ друзей въ трактирахъ и тратитъ деньги, но что деньги эти заработаны имъ не предосудительнымъ образомъ, и онъ проситъ у барина позволенія и впредь такъ же зарабатывать себѣ.

На вопросъ бригадира, какая-токая работа, Герасимъ отвѣчалъ, что его одинъ изъ друзей-стрекулистовъ обучилъ писать просьбы и такъ какъ его скоропись чистая и красивая, то у него очень много заказчиковъ.

— Чуть не каждый день,—прибавилъ онъ,—какой-либо мѣщанинъ проситъ написать куда-либо въ судъ прошеніе или челобитную.

— Вотъ какъ!.. — воскликнулъ бригадиръ. — Молодецъ... Пиши!.. Богъ съ тобой.

И бригадиру Филисову почему-то понравилось, что его крѣпостной холопъ попалъ чуть не въ дяки судейскіе.

Одновременно однако съ этимъ заявленіемъ Степанида увѣряла барыню, что Герасимъ вретъ, что никакихъ челобитныхъ онъ писать не въ состояніи и что деньги онъ достаетъ Богъ вѣсть откуда.

— Это дѣло поганое. Хорошо было бы барину вступиться и не позволять сего. Сказываютъ люди: я ворую, да ему даю. Вотъ Богъ святъ—не я! Да и гдѣ же мнѣ такія большія деньги взять!

Марья Евграфовна рѣшила, что ея любимица наушничаетъ на скорохода изъ ревности, такъ какъ она сердита на него и ревнуетъ его къ нянѣ. Марья Евграфовна была убѣждена въ томъ, что у няни Арины Матвѣевны, женщины еще не старой, явились новыя отношенія съ красивымъ скороходомъ.

Въ подобнаго рода дѣла господа не вмѣшивались, считая

это неблагопристойнымъ. Лишь бы все было на видъ прилично; а что творится въ людскихъ и на дворѣ—до того барину имени-тому дѣла нѣтъ.

Дворъ всякаго барина не монастырь, а самъ онъ не настоятель-игуменъ. Лишь бы дѣло дѣлали дворовые люди и не носили своихъ господъ въ сосѣдяхъ. На послѣднее обращалось наибольшее вниманіе. А чѣмъ большую свободу давать холопамъ въ извѣстныхъ проявленіяхъ ихъ существованія—тѣмъ больше любятъ они господъ и тѣмъ менѣе разносятъ дурную славу объ нихъ.

„И пускай ихъ“, думала Марья Евграфовна про Герасима и про няню. „Можетъ быть, послѣ Великаго поста, если Клена согласится замужъ выйти, мы эту свадьбу сыграемъ“.

Но однажды Марья Евграфовна должна была, къ своему великому удивленію, убѣдиться, что ея подозрѣнія ни на чемъ не основаны. Озлобленная на весь міръ Божій, няня все больше грызлась со всѣми въ домѣ, все чаще бесѣдовала съ Герасимомъ, но за глаза начала относиться объ немъ съ особенною злобою. Вмѣстѣ съ этимъ Арина все больше и больше молилась Богу, все чаще ходила въ церковь ко всѣмъ службамъ. Кромѣ того, она отпрашивалась часто изъ дому и посѣщала всѣ московскіе монастыри, а затѣмъ отпросилась у господъ къ Троицѣ и вернулась черезъ недѣлю потише нравомъ, какъ бы успокоившись. На другой же день, явившись къ барынѣ Марьѣ Евграфовнѣ, няня бросилась ей въ ноги и объявила, что у нея есть „великая“ просьба до барыни.

— Будьте милостивы! не откажите!

— Что такое?! удивилась Толбухина.

— Испросите у барина мнѣ грѣшной разрѣшеніе итти въ монастырь.

Марья Евграфовна настолько изумилась, что и ротъ разинула.

— Какъ то-ись? отозвалась она.

— Да такъ. Отпустите душеньку мою на покаяніе. Я буду за васъ за всѣхъ молиться ежедневно и еженощно. И себя спасу, и ваши грѣхи замолю... Отпустите... Доложите барину.

— Да ты вѣдь Никитѣ Артемьевичу не крѣпостная. Ты по закону Кленина. Какъ она... Она тебя не захочетъ отпустить. Ей безъ тебя покажется еще скучнѣе.

— На это барышня согласна... А вы барина попросите все-таки. Безъ него нельзя.

— Изволь. Только, признаюсь, чудно мнѣ, няня, все это...
И съ чего это вдругъ?

— Да такъ, ужъ тяжело больно.

— Отчего тяжело?

— Сама не знаю... опустивъ глаза вымолвила няня.—Ужъ такъ тяжело, что и жить нельзя. Опустите.

— Чудно... Была ты веселая, болтливая, смѣхотливая, и вдругъ съ того самаго раза, что почудился тебѣ покойникъ-баринъ на вышкѣ, заскучала и вотъ чѣмъ кончила. Вѣдь это съ того раза пошло.

— Да! со вздохомъ произнесла Арина Матвѣвна.—Съ того раза. Все съ того раза пошло... Тяжело! Такъ будьте мать родная, попросите барина.

— Изволь, изволь. Помѣхи тебѣ не будетъ... Что же, дѣло хорошее. Только не зря ли ты собралась? Подумай.

— Ахъ, нѣтъ, матушка! Какое зря. Я ужъ давно собиралась.

— И барышня это знала?

— Вѣстимо знала.

— И ничего противъ этого не имѣеть?

— Что же ей? Она сама рада бы въ монастырь..

Толбухина изумленно поглядѣла на няню, но потомъ сообразила въ чемъ дѣло.

— Это изъ-за брака со старымъ Братолюбцевымъ? Это дѣвичьи сборы! Это она пугаетъ монастыремъ, а никогда не пойдетъ... Да это дѣло еще вилами на водѣ писано. Можетъ Богъ дать при моемъ сопротивленіи Никита Артемьевичъ совсѣмъ перемѣнить мнѣніе. Можетъ мы выдадимъ ее за такого офицера, который будетъ почище вашего, безъ вѣсти пропавшаго... А чудное это дѣло, какъ вспомнишь!... Удивительное дѣло! Какъ это онъ и куда пропалъ? вымолвила Толбухина.

Арина Матвѣвна, смотрѣвшая спокойно въ лицо барынѣ, вдругъ опустила глаза, даже измѣнилась слегка въ лицѣ и молчала.

— Правду ли я сказываю, вѣдь удивительное дѣло!

— Да, глухо отозвалась Арина Матвѣвна.

— Какъ ты полагаешь, няня... Теперь дѣло прошлое. Знаешь ли ты, что болталъ кучеръ Козляниновой?

— Знаю, глухо отозвалась Арина Матвѣвна.

— Вѣдь онъ говорилъ, что подвозилъ будто бы молодого барина къ переулку нашего сада.

Няня молчала.

— Ну, что же ты молчишь? Знаешь ты это?

— Знаю.

— Что жь ты про это скажешь?

Няня измѣнилась въ лицѣ и вымолвила глухо:

— Ничего не скажу.

И вдругъ то озлобленіе, которое часто прорывалось наружу, сказалось въ эту минуту въ пожилой женщинѣ. Она злобно взглянула въ лицо барыни и произнесла совершенно инымъ голосомъ, грубымъ, и дерзкимъ:

— Чего жь вы меня-то пытаете? Что жь я его убила что ли, или зарѣзала?

Марья Евграфовна была невольно удивлена этой перемѣной и не сразу отвѣчала.

— Что ты!... Богъ съ тобой!... Чего это ты вдругъ такъ?

— Я ничего... А нечего, говорю, меня пытаетъ.

— Да ты остервенилась.

— Остервенишься!... со страннымъ смѣхомъ произнесла Арина Матвѣевна.— Да, ужь именно ваше слово святое: остервенишься! Осатанѣешь!

Но вдругъ она вздохнула, провела рукой по лбу, какъ бы отгоняя какія мысли, и вымолвила:

— Ну, такъ попросите барина... Могу я надѣяться?

— Вѣстимо, сказано ужь тебѣ.

Няня поклонилась въ поясъ и быстро вышла вонъ изъ горницы барыни.

— А странная перемѣна въ этой женщинѣ, думала Марья Евграфовна.— „Просто какъ загадка какая... Озлобилась, стала изрѣдка грубить, чего никогда съ ней не бывало. Переругалась со всѣмъ домомъ, а вмѣстѣ съ этимъ все Богу молится и изъ-за чего-то въ монастырь собралась постригаться. Чисто чудеса въ рѣшетѣ!..“

Черезъ два дня послѣ этого объясненія съ барыней, Арина Матвѣевна еще болѣе удивила всѣхъ домохозяевъ.

VI.

Однажды вечеромъ, когда бригадира не было дома, Марья Евграфовна сидѣла въ своей горницѣ и разсуждала со Степанидой о хозяйствѣ. А вверху въ мезонинѣ сидѣли вдвоемъ няня съ чулкомъ въ рукахъ и Клена безъ дѣла, сложивъ

беспомощно руки на колѣняхъ и глядя какъ бы безсознательно куда-то въ темное окно. Онѣ о чемъ-то поговорили, затѣмъ замолчали, и каждая думала свою думу.

Блѣдное и похудѣвшее личико Клены, освѣщенное одной сальной свѣчой, съ которой обѣ позабыли снять нагарь, казалось еще болѣе истомленнымъ, чѣмъ когда-либо. Взглядъ ея красивыхъ глазъ, затуманенный печалью въ первое время послѣ загадочной исторіи съ ея нареченнымъ и возлюбленнымъ,—теперь чаще вспыхивалъ такимъ же огонькомъ, какой бывалъ во взорѣ Арины. Клена тоже стала порою какъ бы озлобляться по примѣру своей няни.

Часто среди своихъ докучливыхъ думъ, Клена повторяла шепотомъ едва слышно нянѣ или себѣ самой одну и ту же фразу:

— Такъ жить нельзя. Лучше удавиться.

Среди тишины, царившей въ горницѣ, скрипнула дверь,— на порогъ появился богатырь Герасимъ и сталъ у притолки, тихо притворяя за собою двери.

Обѣ женщины шелохнулись; Клена вздрогнула и отвернулась порывистымъ движеніемъ, а няня сразу, будто по мановенію жезла волшебника, выпрямилась и, какъ говорится, окрысилась или остервенилась.

— Ну, опять? вымолвила она тѣмъ злобнымъ тономъ, которымъ она часто говорила теперь.

— Да, опять... повторилъ скороходъ, стоя у двери, и при этомъ запустилъ свои огромныя руки въ полы своего кафтана.

Наступило молчаніе.

— Злодѣй!.. проворчала Арина Матвѣвна.—Нѣтъ на тебя ничего! Ни дубины, ни ножа! Хотя бы ты подохъ гдѣ въ трактирѣ... Прирѣзалъ бы тебя кто...

— Покорнѣйше благодаримъ, Арина Матвѣвна. Зачѣмъ же-съ... Да я не изъ махонькихъ дворянчиковъ-прапорщиковъ, кои слабѣе мухи... Ко мнѣ смерть-то придетъ, такъ прежде чѣмъ взять меня, еще поломается со мною. А вотъ чахлый офицерикъ...

Клена вдругъ обернулась на это слово. Лицо ея горѣло, одинъ гнѣвъ сказывался во всѣхъ чертахъ ея красиваго лица, а въ глазахъ стояли слезы, но тоже слезы озлобленія, а не печали.

— Наконецъ я къ дѣдушкѣ пойду!.. Я скажу дѣдушкѣ... проговорила она съ отвращеніемъ и злобой, мѣряя съ головы

до ногъ скорохода, который дерзко стоялъ у двери, выставивъ одну ногу впередъ и подбоченясь.

— Къ дѣдушкѣ? произнесъ онъ вопросительно.

— Да. Если такъ, я пойду прямо, сама все ему на чистоту...

— Пожалуйте, барышня... Милости просимъ. Говорите! Это ваше дѣло. Прикажите и я скажу... А вы лучше, барышня, по добротѣ своей не слушайте этой глупой бабы и не сердчайте. Что же дѣлать?.. Нужда. Я бы васъ беспокоить не сталъ.

— Да нѣтъ же у меня!.. Нѣтъ! И когда же конецъ? проговорила Клена.

— Ахъ, дьяволь! Вотъ дьявольское отродье! выговорила Арина Матвѣвна. Изъ-за тебя я въ монастырь иду, дьяволь! Лучше въ монастырь, чѣмъ въ Сибирь. Лучше постригуся и буду монахиня, чѣмъ въ сѣромъ халатѣ съ арестантами воровкой да мошенницей гулять по городу.

— Это твое дѣло, Арина Матвѣвна. Въ монастырь ли, въ Сибирь ли, куда ты пойдешь, мнѣ совсѣмъ не занимательно. А вотъ ты барышню не смущай, и опять-таки, ея волѣ желательно — ты и повинуйся. Приказываетъ она вамъ — вы исполняйте.

— Да развѣ она приказываетъ, дьявольское отродье! Ты видишь, что она сама побѣжала бы къ барину жаловаться... Говори же ты, когда же конецъ-то будетъ?..

— Конецъ?.. размѣялся Герасимъ. — Какой же конецъ? Я о семъ обстоятельствѣ мыслями не раскидывалъ... А полагаю такъ, по правдѣ разсудить, что вотъ ты въ монастырь, Аринушка, уйдешь. Меня туда къ тебѣ не пустятъ, да и взять будетъ съ тебя нечего. Барышню, слышно, прочать за Геннадія Ивановича. Къ ней тоже никогда не сунешься. Братолюбцевъ-то — самъ засѣдатель въ Верхнемъ, самъ крючокотворъ судейскій. Такъ вотъ покедова ты не въ монастырѣ, да и покедова барышня только невѣста, такъ вотъ я и пользуюсь... А тамъ ужъ конецъ моей масляницѣ, придетъ чистый поне-дѣльникъ и зубы на полу. Такъ вотъ по то мѣсто, вы ужъ меня утѣшите, не прекословьте.

— Няня, выговорила Клена, — поди поскорѣ... Избавь меня отъ него... Видѣть его не могу... Поскорѣ!..

Арина Матвѣвна встала, зажгла свѣчу, вышла въ другую комнату и оттуда слышался ея голосъ и ворчанье.

— Сатана... Самъ сатана. Наказаль насъ Господь.

Пока няня была въ другой комнатѣ, Клена оперлась на столъ руками и отвернулась, чтобы не видѣть фигуры, которая производила на неѣ гнетущее впечатлѣніе.

Скороходъ стоялъ, какъ истуканъ, не двигаясь, на томъ же мѣстѣ, и переводилъ глаза съ барышни на дверь, растворенную въ другую горницу, гдѣ копошилась няня. Но вдругъ онъ произнесъ, хотя полупшепотомъ, но достаточно громко, чтобы Клена могла слышать:

— Спасибо, замужъ выдають. Бога молитесь! А то бы я не того востребоваль! Все бы у меня какъ по щучьему велѣнію исполнялось! Чего бы я ни хотѣлъ. Все ты мнѣ вынь, да положи... Хоть бы себя самое... Вотъ что, барышня!.. А есть во мнѣ христіанство... Другой бы не то. Другой бы...

— Молчи! всѣкликнула Клена.

Голосъ дѣвушки оборвался отъ избытка негодованія и гнѣва.

— Я вѣрно сказываю.

— Молчи!.. громче вскрикнула Клена, ступила на два шага къ скороходу и прибавила:—Только слово еще одно... я брошусь внизъ къ дѣдушкѣ и все расскажу.

И видно въ звукѣ этихъ словъ и во всей позѣ дѣвушки, Герасимъ увидѣлъ такую рѣшительность, такой порывъ, что предпочелъ повиноваться и замолчалъ. Но въ ту же минуту на голосъ своего дитятки выскочила Арина Матвѣевна съ узломъ въ рукахъ и вымолвила:

— Что еще?.. Что такое?..

Клена махнула рукой, отошла, сѣла снова на свое мѣсто и понурилась. Арина Матвѣевна швырнула узелъ на полъ къ ногамъ Герасима и прибавила:

— Тащи, хамово отродье!

— Зачѣмъ! такъ мы не согласны, проговорилъ Герасимъ.— Въ послѣдній разъ ты меня, Аринушка, поддѣла ловко, одного тряпья всякаго наклавши. А я, вотъ, теперь прежде освидѣтельствую, что тутъ.

Герасимъ нагнулся на полъ, взялъ узелъ, развязалъ его, вытаскалъ оттуда разную мелочь, бѣлье, одно женское платье, какой-то цвѣтной шелковый платокъ, и, сидя на полу на корточкахъ, проговорилъ, обращаясь къ нянѣ:

— Нѣтъ, Аринушка. Нынѣ дешево не купишь. Мы дороже стали. Принеси-тко ты мнѣ платьеце шелковое. У васъ вѣдь, поди, ихъ заготовлено не мало.

— Что?!.. воскликнула няня.

— Такъ, такъ говорю... Тащи скорѣе, а то до ночи не кончимъ разговоровъ. Давай самое лучшее изъ шелковыхъ и съ фалборами, да съ бахромами, чтобы мнѣ за него рублей десять отсчитали... А то вишь наклала дряни всякой... Ну, ну... живо!

Арина Матвѣевна стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Герасима и тряслась всѣмъ тѣломъ; злоба душила ее.

— Не артачься, Аринушка. Чего окрысилась... Со злости, смотри, лопнетъ у тебя что внутри. Тащи ты скорѣе платьице хорошенькое, да еще парочку шелковыхъ платочковъ въ придачу. Вотъ тогда обѣщаю я тебѣ—цѣлыхъ двѣ недѣли не понавѣдуюсь. Слышишь ли? Цѣлыхъ двѣ недѣли не увидишь ты меня здѣсь.

Арина быстро, уже безъ свѣчи бросилась въ сосѣднюю горницу, какъ бы внѣ себя, и черезъ мгновение стукнула крышкой сундука. Такъ же порывисто почти выскочила она назадъ и швырнула въ голову скорохода голубое шелковое платье, обшитое кружевами.

— Вотъ хорошо! Только ты напрасно все швыряешься.

Герасимъ сложилъ платье, сталъ завязывать узелъ, но вдругъ прибавилъ:

— А парочку платочковъ-то позабыла?

— Ну! грозно крикнула Арина Матвѣевна.

— Парочку, говорю, платочковъ.

— Ну!! на весь домъ заорала Арина Матвѣевна, какъ бы теряя сознание и, бросившись кошкой на все еще сидѣвшаго на полу передъ узломъ богатыря, она вцѣпилась ему въ волосы.

Клена вскочила, бросилась къ нянѣ съ криками, но въ это время богатырь сильнымъ ударомъ кулака отшибъ отъ себя женщину. Она упала на полъ и Герасимъ быстро вышелъ. Няня вскочила съ пола, кинулась вслѣдъ за нимъ, нагнала его на лѣстницѣ и снова съ крикомъ и визгомъ схватила его за волосы. И снова богатырь машистымъ ударомъ кулака въ грудь отбилъ отъ себя, какъ ребенка, плотную и сильную женщину.

Но за то на ея отчаянный крикъ поднялся на ноги весь домъ, и все праздное населеніе прибѣжало на лѣстницу.

Герасимъ обозлился, и, вмѣсто того, чтобы спускаться, бросился вверхъ, къ горницѣ Клены.

— Чортъ этакій! проговорилъ онъ. — Куда теперь съ узломъ-то!

И круто повернувъ отъ дверей горницы барышни, богатырь бросился къ дверкѣ, выходявшей на чердакъ, и скрылся за нею. Арина Матвѣевна лежала на лѣстницѣ. Ударъ въ грудь, ею полученный, былъ такъ силенъ, что она не могла стать на ноги, тяжело дышала и стонала.

Сбѣжавшаяся дворня поднялась по лѣстницѣ, обступила няню съ разспросами. Были нѣкоторые голоса, спрашивавшіе, не привидѣлись ли ей опять покойница или покойникъ, но Арина Матвѣевна, охая, отвѣчала одной только жесточайшею бранью на все и на всѣхъ. Проклинала весь міръ Божій.

— Уходите всѣ къ дьяволу! повторяла она. — И съ чего вы прилѣзли, черти?.. Что вамъ нужно? Ничего у меня не болитъ... Просто оступилась, да и упала... Уйдите всѣ къ дьяволу, хамово отродье!

На голосъ барыни снизу: „въ чемъ дѣло и что случилось“, няня отвѣтила вполголоса:

— Ишь дозоромъ ходить, лѣпшій.

Черезъ нѣсколько минутъ мамка поднялась на ноги, вернулась въ горницу Клены, а люди разошлись по дому, удивляясь, до чего можетъ человѣкъ измѣниться. „Была такая привѣтливая, да добрая Арина Матвѣевна, а стала совсѣмъ злыдень. Грызется, ни къ селу, ни къ городу, со всѣми. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ монастырь собирается, инокиней хочеть быть“.

VII.

Марья Евграфовна была права, когда сказывала, что въ домѣ у нихъ происходятъ чудеса въ рѣшетѣ. Каждый день приносилъ новый сюрпризъ.

Вскорѣ послѣ того дня, когда дикіе крики не перепуганной, а лишь оступившейся на лѣстницѣ и упавшей няни подняли на ноги весь домъ, одинъ изъ домочадцевъ, отличавшійся прежде примѣрнымъ поведеніемъ за нѣсколько лѣтъ, явился откуда-то пьянымъ, исколотилъ двухъ человѣкъ, избилъ барскую барыню, а затѣмъ громко на дворѣ и въ людской кричалъ:

— Наплевать мнѣ на всѣхъ: и на барина, и на барыню. А барышня мнѣ все равно, что щенокъ дворной. И про

всѣхъ я знаю такое дѣло, что скажи я только одно слово начальству—всѣ они въ Сибири будутъ.

Такъ ораль громко въ пьяномъ видѣ скороходъ Герасимъ Морковниковъ. Все это уже пришлось довести до свѣдѣнія Марьи Евграфовны.

На другое утро, проспавшись, онъ кланялся въ ноги барынѣ, прося не доводить до свѣдѣнія барина ничего, и отказывался отъ своихъ словъ, говоря, что такой безсмыслицы и чепухи онъ не могъ говорить.

Марья Евграфовна простила, общала ни слова не говорить бригадиру и запретила другимъ докладывать о буйствѣ. Но такъ какъ она не повѣрила ему, а вѣрила людямъ, то слова скорохода смутили ее.

— И дѣло это, матушка-барыня, несообразное. Я вотъ крѣпостной холопъ, и что же такое я могу знать, за что вы въ Сибирь можете итти. Все это на меня со злобы напели.

„Малый не глупый“, думала она. „А у пьянаго, что на умѣ, то и на языкѣ... Что же это значитъ?! Просто чудеса!..

Вслѣдъ за Герасимомъ явилась няня Арина Матвѣевна и тоже повалилась въ ноги, молила, чтобы ей позволили, не медля ни мало, хоть завтра постричься въ монастырь.

— Не терпится, матушка-барыня, поскорѣе душеньку свою спасать.

— Да почему же спѣхъ такой? Не такое это дѣло...

— Нѣтъ, матушка... Ради Создателя дозволю... Или я завтра поутру пойду къ игуменіи Вознесенскаго монастыря, или въ Москву-рѣку топиться.

— Господь съ тобой, няня... Съ тѣхъ поръ, что свѣтъ стоитъ, такого не видано, чтобы человѣкъ такъ думалъ и рассуждалъ, либо монастырь, либо рѣка. Ты послушай меня: коли твое состояніе души находится въ этакое смутное видѣ, что ты думаешь объ утопленіи—то тебѣ въ монастырь не подобаешь. Если же ты хочешь богоугодною жизнью заслужить на томъ свѣтѣ—то какъ же можешь ты въ то же время думать о грѣховномъ погубленіи себя?

Марья Евграфовна, давно уже за послѣднее время не говорившая своихъ проповѣдей и никого не отчитывавшая, принялась теперь съ особеннымъ удовольствіемъ отчитывать няню, на тему постриженія и утопленія.

Арина Матвѣевна смиренно выслушала все. Изрѣдка лицо ее выражало внутреннюю кипучую злобу отъ нетерпѣнія или

отъ чего другого. Но въ концѣ концовъ Толбухина все-таки обѣщала, что на утро Арину Матвѣевну отпустить въ монастырь и можетъ она постригаться, хотя бы немедленно.

„Удивительное дѣло!..“ думала оставшись одна Марья Евграфовна. „Стала женщина совсѣмъ ехидная, и лицо и глаза злые, и припадки какіе-то пошли. Тотъ разъ на лѣстницѣ орала, валялась на ступенькахъ точно бѣснующаяся... И впрямь будто въ нее нечистая сила влѣзла и она бѣсомъ одержима... Авось ее монастырская жизнь исправить!..“

Наконецъ черезъ день было новое удивительное явленіе въ домѣ.

Послѣ стола, за которымъ внучка все молчала, но видимо волновалась, она заявила бригадиру и Толбухиной, что хочетъ съ ними поговорить объ важномъ дѣлѣ.

Толбухина хотѣла было отложить объясненіе до назначеннаго для бесѣды часа, но Клена настаивала объясниться тотчасъ же, и бригадиръ удивляясь вымолвилъ:

— Вѣстимое дѣло. Сейчасъ пойдемъ ко мнѣ и говори, что хочешь. Это Марья Евграфовна завела распорядокъ по часамъ, когда говорить, когда молчать, когда думать... Удивительно, матушка-сестрица, какъ это нѣтъ у васъ еще опредѣленнаго часа сморкаться или иное что дѣлать.

И выйдя изъ-за стола, всѣ трое отправились въ кабинетъ бригадира.

И здѣсь, при первыхъ словахъ волновавшейся, то краснѣвшей, то блѣднѣвшей дѣвушки, Марья Евграфовна всплеснула руками, а бригадиръ ахнулъ и оторопѣлъ.

Клена заявила о своемъ желаніи тоже постричься въ монастырѣ вмѣстѣ съ няней. Единственный человѣкъ, котораго она любила и за котораго собиралась выходить замужъ, погибъ, и жизнь ея слишкомъ стала тягостна. Единственное спасеніе—монастырь.

Бригадиръ заволновался такъ, какъ давно съ нимъ не бывало. Глаза его стали влажны, какъ если бы слезы прошибли его; голосъ его упалъ, сталъ какой-то дряблый и хрипливый, чувство сказывалось въ каждомъ словѣ, которое онъ произносилъ. Уговаривая внучку, успокоивая ее, бригадиръ взялъ ее за руки, нагнулся, поцѣловалъ въ лобъ и вдругъ выговорилъ:

— Дѣлай что хочешь... Иди куда пожелаешь. Но коли ты оробѣла, что я тебя прочу за Геннадія Ивановича, то Богъ

съ тобой... Этого не будетъ... Не бойся, что я тебя невольтъ стану! Выбирай, кого хочешь. Кого полюбишь, за того и пой-
дешь. Я слова не скажу противнаго.

Клена удивилась и голосу, и виду, и словамъ дѣдушки. Все это схватило ее за сердце, тронуло до глубины души, и она порывисто припала къ рукамъ бригадира и стала цѣловать ихъ. Но черезъ минуту она изумила и его, и бабушку.

— Нѣтъ, вы не такъ поняли меня. Я не отъ того прошусь въ монастырь, что не хочу итти за Геннадія Ивановича. Если онъ согласится, то я не пойду въ монастырь, а за него съ охотой пойду.

И дѣдъ и бабушка ахнули вмѣстѣ.

— Да, продолжала Клена.—Я пойду за него хоть сейчасъ, и Богъ дастъ, коли онъ будетъ со мною ласковъ, мы не будемъ несчастливы. Что жъ? Онъ человѣкъ добрый, я не боюсь... Но только одинъ уговоръ, дѣдушка: дозвольте мнѣ съ Геннадіемъ Ивановичемъ побесѣдовать глазъ-на-глазъ. Есть у меня... Но нѣтъ духу у меня вамъ сказать... Есть у меня что ему сказать, чего бы я вамъ не желала сказать. Дозвольте мнѣ съ нимъ объясниться. Если онъ послѣ этого захочетъ вѣнчаться со мной—то я буду рада. И тогда объ монастырѣ и думать забуду.

Разумѣется, бригадиръ съ радостью согласился на такого рода предложеніе. Но тотчасъ же, подумавъ, поневолѣ онъ изумился той доли загадочности, которая была въ этомъ поведеніи и въ словахъ внучки.

На его разспросы Клена отвѣчала уклончиво или отзывалась прямо:

— Нѣтъ, не скажу. Что вамъ за дѣло! Мы съ Геннадіемъ Ивановичемъ всю жизнь вмѣстѣ проживемъ... Ему я и скажу это, ему и поясю.

Наступило молчаніе, послѣ котораго бригадиръ, нѣсколько озадаченный, отпустилъ внучку, но уже глядѣль на нее изподлбья, а не съ прежнимъ чувствомъ и волненіемъ. Марья Евграфовна развела руками и снова повторила вполголоса:

— Чудеса въ рѣшетѣ! Какъ есть чудеса!

— А рѣшето оное—поганое! глухо добавилъ бригадиръ.

Толбухина не поняла и уставилась на брата своего.

— Вы сказываете: чудеса въ рѣшетѣ... Ну, я добавляю, что рѣшето это поганое... Сдается мнѣ... Ну, да что толковать! Лучше молчать!

И бригадиръ отчаянно махнулъ рукой.

VIII.

Когда Клена вернулась отъ дѣда къ себѣ на вышку и объяснила своей нянѣ, что вскорѣ, быть можетъ даже на утро, у нея будетъ съ Геннадіемъ Ивановичемъ объясненіе, то Арина Матвѣевна вздохнула и вымолвила:

— Какъ же, дитятко мое? За что же ты меня-то губишь? Зачѣмъ ты сказалась? Уговоръ былъ у насъ, что ты объявишься, когда я буду монахиня, а теперь завтра же придетъ Геннадій Ивановичъ, объяснишь ты ему все, схватятся за меня, а я еще не монахиня... И быть мнѣ въ Сибири, вмѣсто монастыря.

— Нѣтъ, милая. Не можетъ этого быть. Онъ добрый... Посмотри, что онъ ничего не скажетъ. Онъ даже, вѣроятно, поможетъ намъ, какъ все дѣло обдѣлать, чтобы ни дѣдушка, ни бабушка ничего не узнали... Онъ добрый. А ты все-таки завтра утромъ ступай, разузнай, когда тебѣ постригаться. Можетъ оно тотчасъ же совершится, а я подожду сутки объясняться съ Геннадіемъ Ивановичемъ, скажусь хворою.

На утро Арина Матвѣевна встала, одѣлась, подошла къ кровати Клены и, чтобы не разбудить ее, стала цѣловать край одѣяла, который свисъ къ полу. Но затѣмъ няня не выдержала, начала плакать, всхлипывать, а черезъ минуту неудержимыя рыданія огласили горницу и разбудили дѣвушку.

Въ просонкахъ Клена вскочила, сѣла на кровати и выговорила испуганно:

— Что?.. Что такое?.. Что случилось?..

— Ничего, дитятко мое, черезъ силу произнесла няня, — проститься хотѣла, не хотѣла будить тебя, да вотъ разревѣлась!.. Прощай! Я уже не вернусь... Я останусь въ монастырѣ. Можетъ, завтра и постригутъ. Я не дворянка какая... церемоній-то никакихъ не будетъ. Долго ли нашу сестру холонку постричь да шапку нахлобучить... Прощай, дитятко!

Клена бросилась на шею няни и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ обѣ молча плакали, цѣловались и опять плакали.

— За что же это насъ Богъ наказалъ? произнесла только полупшепотомъ Клена. — Чѣмъ мы виноваты были?

Арина Матвѣевна почти вырвалась изъ объятій своего дитятки, почти бѣгомъ спустилась внизъ, вышла на крыльцо, и быстрыми шагами направилась къ Никитскимъ воротамъ.

Няня болѣе не возвращалась въ этотъ день, и Кленѣ было понятно, что игуменья приняла Аришу, оставила въ монастырѣ, а вскорѣ надо ждать и постриженья.

Дѣйствительно, черезъ два дня послушница изъ монастыря пришла на дворъ бригадира, чтобы передать барышнѣ порученіе отъ ея няни.

Арина Матвѣевна, съ дозволенія матери игуменьи, просила свое дитятко прибыть на утро въ монастырь, чтобы присутствовать при ея постриженіи.

Въ тотъ же день прѣхалъ въ домъ Братолюбцевъ, собираясь побесѣдовать съ Клеопатрой Артемьевной. Клена вышла къ нему, но отказалась отъ объясненія подѣ предлогомъ того, что ей нездоровится, не по себѣ, и мысли ея заняты постриженіемъ няни. Причина была вполне уважительная. Братолюбцевъ, разумѣется, сіялъ отъ счастья, узнавъ о бесѣдѣ Клены съ дѣдомъ.

— Вы сами, сударушка моя дорогая, пожелали со мною перетолковать, сказалъ Геннадій Ивановичъ, — оттого я и явился. А когда вы соизволите—тогда мы и побесѣдуемъ... Это ваше дѣло, а не мое... Да и вообще говоря, знайте, сударушка моя, что всякое ваше желаніе для меня приказаніе. Не думайте, что я не понимаю вашихъ чувствъ... Вѣдь я не стою васъ. И первымъ дѣломъ почту себя обязаннымъ заслужить вашу любовь и изъ постылага сдѣлаться, если возможно, коли не милымъ, то хотя бы не совсѣмъ отвратнымъ для васъ... Вотъ моя задача будетъ... Такъ съ нынѣшняго дня, красавица моя, извольте приказывать. Желаете бесѣдовать въ другой день—отложимъ. Когда прикажете, тогда и явлюсь.

— Какъ няню постригутъ, успокоюсь, такъ мы съ вами и побесѣдуемъ, заявила Клена.

— Извольте, моя красавица.

Въ монастырѣ, при обрядѣ постриженія своей мамы, Клена не только сама плакала навзрыдъ на всю церковь, но своимъ внѣшнимъ видомъ заставила расплакаться и многихъ монахинь.

Игуменья, умная женщина, дальновидная, слышавшая о бригадирѣ и его домочадцахъ, знавшая исторію страннаго исчезновенія молодого офицера, смутно чужала теперь, что у этой няни, собравшейся въ монастырь, и у этой дѣвушки, помимо горя, есть что-то затаенное, загадочное.

Клена вернулась домой совершенно разбитая и надломленная и физически, и нравственно. Она тотчасъ же легла въ

постель, но потомъ, при звукахъ чыхъ-то шаговъ на лѣстницѣ, вздрогнула, вскочила и, бросившись къ дверямъ, заперлась на ключъ. Потомъ она прислушалась, къ ея двери подошелъ кто-то и кашлянулъ, затѣмъ взялся за замокъ и хотѣлъ отворить. При видѣ запертой двери, стоявшій за нею, какъ почудилось Кленѣ, размѣлся. Ей слышались слова: „ишь ты, пряткая“. Затѣмъ ужъ она ясно услышала слова, сказанныя вполголоса:

— Барышня, отворите... Это я. Дѣльце есть... Барышня! Это былъ голосъ скорохода.

Клена съ гнѣвнымъ лицомъ отошла отъ двери къ кровати, легла и произнесла злобно:

— Нѣтъ, сатана. Теперь моя дверь будетъ всегда заперта. Черезъ недѣли двѣ я буду тоже въ монастырѣ, либо буду женою судейскаго, къ которому ты не полѣзешь.

Все это Клена не подумала про себя, а прошептала.

Въ то же время ручка двери продолжала шевелиться и слова вполголоса повторялись громче:

— Барышня, жалѣть будете. Не артачьтесь... Отворите... Сейчасъ уйду, только дѣльце малое.

Но Клена, лежа на спинѣ, заложивъ руки подъ голову, съ сухимъ и румянымъ отъ гнѣва лицомъ, не только не двигалась, но даже не шевелила глазами.

Черезъ нѣсколько минутъ снова слышались шаги на лѣстницѣ. Герасимъ ушелъ.

Въ тотъ же день Клена объявила дѣду, что желала бы тотчасъ безотлагательно поговорить съ Геннадіемъ Ивановичемъ.

Бригадиръ послалъ карету за другомъ, но самъ тоже торопился и какъ-то смущался. Ему очень хотѣлось, чтобы объясненіе внучки съ другомъ произошло какъ можно скорѣе, чтобы разгадать скорѣе загадку и узнать въ чемъ дѣло.

Всю прошлую ночь бригадиръ проспалъ плохо, чего давно не бывало съ нимъ. Внучка не выходила у него изъ головы, и если бы Клена и ея няня знали, что подозрѣвалъ бригадиръ, чѣмъ смущался, чѣмъ сокрушался—то няня и дѣвушка удивились бы, а няня несказанно оскорбилась бы.

Къ досадѣ бригадира, карета вернулась назадъ, и гайдукъ доложилъ, что Геннадія Ивановича нѣтъ дома и гдѣ онъ въ гостяхъ—невѣдомо. А писуля барина была оставлена у него на квартирѣ.

Въ тотъ же вечеръ Клена умоляла бабушку позволить ей спать около нея, въ сосѣдней горницѣ внизу, чтобы не быть ночью одной на вышкѣ.

Марья Евграфовна вспомнила исторію о привидѣніяхъ и согласилась тотчасъ же.

— Да переходи совсѣмъ. Чтожь тебѣ тамъ одной... Меня не стѣснишь. Возьми себѣ маленькую горницу, да и переѣзжай въ нее. Кое-что оставь наверху, а что понужнѣе съ собой возьми. А днемъ, гдѣ хочешь сиди... И внизу, и наверху у себя.

Кленѣ именно такъ и хотѣлось устроиться; она радостно поблагодарила бабушку и въ ту же минуту, при помощи нѣсколькихъ горничныхъ, перенесла кое-что сверху внизъ, а затѣмъ люди спустили по лѣстницѣ ея кровать и кое-что изъ мебели.

— Опасается навожденья! шептались люди.

Ложась въ горницѣ, рядомъ съ бабушкой, Клена оглядѣлась, тяжело вздохнула и горько улыбнулась.

— Вотъ какъ бываетъ, прошептала она.— Было время, радовалась я обстоятельству, что живу наверху отдѣльно, а теперь рада, что здѣсь внизу. И будь я спервоначала здѣсь— не случилось бы ничего. Можетъ даже и все бы иначе потрафилось. И дѣдушка бы свое согласіе далъ. И Коля бѣдный не погибъ бы такъ страшно... Господи, какъ страшно! Закроешь глаза и видишь его!

IX.

На слѣдующій день, еще до полудня пріѣхалъ Геннадій Ивановичъ, а черезъ нѣсколько минутъ засѣдатель Земскаго Суда и красавица-дѣвушка сидѣли глазъ-на-глазъ и бесѣдовали. Бесѣда эта продолжалась недолго.

Клена спросила у Геннадія Ивановича, согласенъ ли онъ съ нею вѣнчаться, но не на Красной Горкѣ, до которой еще далеко, а сейчасъ, какъ можно скорѣе.

Геннадій Ивановичъ изумился, развелъ руками и отвѣчалъ:

— Если Никита Артемьевичъ будетъ согласенъ, такъ по мнѣ хоть завтра же. Но только, сударушка моя, зачѣмъ же такой спѣхъ? Будь я молодецъ да красавецъ, будь я каковъ когда-то былъ, тому лѣтъ съ тридцать — такъ я бы понялъ

поспѣшность вашу. Проистекала бы она отъ чувствій вашихъ. А теперь, воля твоя, красавица моя, не пойму я, зачѣмъ вамъ такой спѣхъ?

— Такъ мнѣ хочется. Причина есть, но простая, какой не стоитъ и вамъ говорить. Но это, Геннадій Ивановичъ, мое первое условіе, а иначе позвольте ужь лучше и я постригуся.

— Зачѣмъ дѣло стало? Извольте. Пойдемъ къ другу моему, объяснимъ все и хоть черезъ недѣлю вѣнчаться.

— Даже скорѣе, вымолвила Клена.

— Ну и скорѣе... немножко прежде. Я радъ, говорю, хоть сейчасъ въ храмъ.

— Теперь второй уговоръ, Геннадій Ивановичъ... И это тотъ самый мудреный и есть. Я бы и говорить не стала, но знаю, что вы добрѣйшей души человѣкъ, вамъ можно сказать... Вы меня спасете... И меня, и няню. Скажите, захотите ли вы меня и няню мою погубить или спасти?

— Какъ же, конечно... Что вы... Не пойму я... Конечно... Да въ толкъ я не возьму!.. произнесъ, разводя руками и даже вытаращивъ глаза, Братолюбцевъ.

— Я буду молить васъ, чтобы вы, по добротѣ души своей, пошли со мной вмѣстѣ въ обманъ. Намъ надо обмануть дѣдушку и бабушку. Хоть и грѣхъ это, а надо, надо.

— Да какъ? Что вы... Да вы поясните... А то я совѣмъ опѣшилъ, растерянно произнесъ Братолюбцевъ.

И дѣйствительно, 60-ти лѣтній балагуръ и „пустозвонъ“, какъ называла его Марья Евграфовна, совершенно растерялся. Ему тоже ужь начинало мерещиться Богъ знаетъ что. И такъ уже онъ за послѣднее время взиралъ на Клену, какъ на дѣвицу отчасти сомнительную. Много въ ней чего-то непонятнаго. Даже немножко какъ будто страшно на такой жениться. А тутъ примѣшалось еще и объясненіе по ея вызову. Теперь же прямо дѣвушка говорить, что нужно ее спасти отъ бѣды и нужно обмануть бригадира и Толбухину.

— Вы поясните, красавица моя. Меня даже страхъ пробирать начинается. Можетъ такое дѣло непокладное, что я ничего не могу. Говорите же. Что же?! Грѣхъ что ли съ вами какой былъ? Съ вашимъ прежнимъ предметомъ произошло что-нибудь?.. Ну тотъ, что пропалъ безъ вѣсти, или убіенъ... Съ нимъ что ли какой грѣхъ? Такъ вы, сударыня моя, извольте знать, что есть на свѣтѣ такія обстоятельства, коихъ чест-

ной человѣкъ распутать не въ состояніи. И радъ бы, да дворянство ему помѣхой.

Клена изумленнымъ взглядомъ поглядѣла въ лицо Братолюбцева и произнесла въ свою очередь:

— Что вы? Мнѣ невдомекъ, о чемъ вы изволите говорить. Оставьте его... Царство ему небесное... И зачѣмъ о немъ поминать!.. Тутъ объ нянѣ дѣло, да обо мнѣ.

— Такъ говорите, говорите!.. нетерпѣливо воскликнулъ Братолюбцевъ.—А то путаемся только. Говорите!.. Я на кострѣ сию...

— Вамъ вѣдомо, Геннадій Ивановичъ, что съ тѣхъ поръ какъ я пришла въ домъ къ дѣдушкѣ, онъ сталъ готовить мнѣ, по обычаю, приданое. Этого приданого уже накопилось много сундуковъ всякихъ платьевъ, да бѣлья, да накидокъ, только два сундука еще пустые и ихъ теперь собираются наполнить. Знаете ли вы это?

— Слышалъ. Такъ что же? Что же вы про тряпье-то заговорили?

— Знаете, такъ слушайте. Сундуки эти — мое приданое. Вы поставите дѣдушкѣ условіемъ, что выставлять приданого въ день вѣнчанія или загодя, какъ всегда бываетъ, не будутъ, что вы сего не желаете. Да это стало выводиться у именитыхъ дворянъ, одни купцы да мѣщане раскладываютъ всякіе чепцы да юбки по всѣмъ горницамъ. Вы скажете дѣдушкѣ, что возьмете сами сундуки и такъ запертыми и увезете къ себѣ. А людей пришлете за ними своихъ и накажете имъ крѣпко-на-крѣпко снести по лѣстницѣ сундуки, не удивляться, не ахать и, увозя, ни слова не говорить никому.

Братолюбцевъ снова развелъ руками и выговорилъ:

— Дѣло простое и исполнимое, а вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ загадку. И глупое дѣло, и тревожное дѣло... Вы какъ себя чувствуете? Головка у васъ не болитъ?

— Нѣтъ. Что вы?

— Какъ вы себя чувствуете? Вы все тревожились, плакали, да убивались... Можеть, и хвораете малость?

— Нѣтъ, немножко голова болитъ... такъ нездоровится.

А между тѣмъ Братолюбцевъ думалъ про себя: „Создатель мой! Не спятила ли она отъ гореванія, да спятивши-то, свихнувшись-то и собирается за меня замужъ поскорѣй да поскорѣй“.

— А коли все слава Богу, заговорилъ онъ вслухъ,—такъ вы поясните мнѣ, разгадайте мнѣ загадку. Что же это за при-

ключеніе съ сундуками? Почему же не вскрывать ихъ? Да, своихъ людей посылать, чтобы увозить.

Клена потупилась и произнесла тихо:

— Я вамъ все скажу и эту загадку разгадаю... Но дайте мнѣ ваше дворянское слово, въ случаѣ вашего несогласія, вы ничего не скажете дѣдушкѣ и не будете губить мою няню.

— Вѣстимо, вѣстимо... но зачѣмъ несогласіе... Дѣло простое, только загадками, непонятное...

— Такъ слушайте, Геннадій Ивановичъ: въ этихъ сундукахъ приданаго нѣтъ и половины: больше половины разворовано.

— Какъ то-ись это!?

— Такъ, половины нѣтъ. Самыхъ дорогихъ платьевъ шелковыхъ нѣтъ, шубки нѣтъ, платковъ шелковыхъ нѣтъ... Говорю я вамъ, разворовано все.

— Да кѣмъ же?

Клена собралась отвѣтить, но голосъ у нея оборвался, она замолчала, потомъ снова собралась говорить, но какъ-то загнулась. Послѣ мгновеннаго молчанія она опять хотѣла сказать, но слово опять осталось на языкѣ... Видно было, что произнести это слово было ей невозможно.

— Что же?.. Какъ же это?.. Кто же вороваль-то все?

— Няня... глухо произнесла Клена.

И въ ту минуту когда Братолюбцевъ съ пренебреженьемъ пожалъ плечами, Клена вдругъ отчаянно зарыдала.

— Голубушка моя, сударушка, красавица ты моя, стыдно-ста, да и грѣхъ объ тряпкѣ плакать!.. Мы сто другихъ платьевъ нашьемъ... А что няня согрѣшила противъ васъ—такъ Богъ съ ней. Она васъ выходила, сколько ночей небось не спала надъ вами... Ну, вотъ и попользовалась теперь, Богъ съ ней. Не жалѣйте.

Отъ этихъ словъ и увѣщаній Братолюбцева, молодая дѣвушка зарыдала еще сильнѣе, но болѣе уже не вымолвила ни слова.

— Такъ вотъ и все ваше объясненіе... произнесъ наконецъ Братолюбцевъ.

— Да, да, черезъ силу выговорила Клена.

— Все?!..

— Все.

— Какъ есть таки все? Больше ничего? приставаль уже удивляясь Братолюбцевъ.

— Какъ есть все.

— Ей Богу?

— Ей Богу же. Что же вы?.. Почему же не вѣрите?.. Больше ничего, да поскорѣ свадьбу. Не губите няню. Она хоть и монахиня, судить ее поздно теперь, да все-таки, не говорите ничего дѣдушкѣ.

— И это все, красавица моя? повторилъ Братолюбцевъ, взявъ за руку дѣвушку.

— Да все же, все.

— Ахъ я... Создатель мой... Ахъ я телятина!.. Ахъ я свинья этакая!.. Простите вы меня?

И Геннадій Ивановичъ, совсѣмъ спутавшись въ своихъ мысляхъ, вдругъ бухнулся на колѣни передъ молодой дѣвушкой, поцѣловаль ея руку, а потомъ, захвативъ край ея платья, сталъ цѣловать какую-то оборку. Послѣ этого онъ выпрямился, сталъ на ноги и произнесъ, почти прокричалъ:

— Такая свинья, какихъ нѣтъ на свѣтѣ... А есть еще другая свинья—это вашъ дѣдушка.

— Но вдругъ Братолюбцевъ спохватился и прибавилъ:

— Простите, глупости я говорю... Не годится такъ... И дѣдушка-то вашъ, старый филинъ, придумаль что... Такъ будь по вашему, сударыня моя... Прикажу людей моихъ прислать за вашими сундуками, прикажу, чтобы подлецы всю дорогу охали, какъ тяжело нести имъ. Будь сундуки совсѣмъ пустые, я прикажу, людямъ дѣлать видъ и сказывать, что они самое тяжелое тащатъ и увозятъ... Ну, простите. Я побѣгу къ Никитѣ Артемьевичу, да и вы идите поскорѣ. Надо ему пояснить, что я на всѣ ваши уговоры согласенъ и свадьбу поскорѣ строить.

И не дождавшись отвѣта, Братолюбцевъ выбѣжалъ изъ горницы, а Клена съ грустнымъ лицомъ и со смутнымъ страхомъ на душѣ отъ своего рокового рѣшенія, опустила голову, закрыла лицо руками и погрузилась въ нерадостную думу.

И долго просидѣла она такъ, не сознавая, гдѣ она и не слыша ничего, какъ бы въ дремотѣ.

„Невѣста?! Я—невѣста!... И чья?..“ думалось ей. „Я счастлива должна быть, что хоть старый меня беретъ за себя. Господи! Да за что же все это такъ обернулось...“

X.

Хорошъ мой бригадирь! А я еще того лучше! Козлятина ослатину пригласила огородъ городить! шепталъ Братолюбцевъ на ходу.

Геннадій Ивановичъ разумѣется ногъ подь собой не слышалъ; сіяющій и счастливый ворвался онъ вихремъ въ кабинетъ къ своему другу, и тотчасъ прежде всего началъ дружески, хотя и крѣпкими словами, ругать бригадира. Филисовъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, понялъ, что брань происходитъ, судя по лицу Братолюбцева, отъ хорошихъ вѣстей.

— Да ты поясни прежде, а потомъ ужъ ругайся, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, брешешь, ваше высокородіе... Прежде я тебя отругаю какъ нельзя хуже, а потомъ и поясню.

Разумѣется, Братолюбцевъ передалъ все другу подробно и не скрывъ ничего.

То, что было для Клены страшною тайною и серьезно озадачило и смутило ея дѣда, объясненное теперь Братолюбцевымъ, заставило бригадира взять себя за голову и произнести:

— Слава Тебѣ Создателю! Правда твоя. Да, я дурафья порядочная. Не сообразилъ того, что иная дѣвочка изъ мухи слона сдѣлаетъ, и этимъ-то слономъ зря тебя и пугаетъ. А присмотришься, глядь крохотальная мушка... И самъ въ дуракахъ, да еще въ свиньяхъ очутишься.

— Ну, прости меня, Никита Артемьевичъ, меня ты такъ огорошилъ, что я при ней, при Клеопатрѣ Артемьевнѣ, и тебя и себя въ свиньи поставилъ.

— И хорошее дѣло... смѣясь отозвался бригадирь.— Но какова же бестія нянька-то!.. Какова бестія! Вотъ вамъ и довѣренный человекъ.

— Нѣтъ, ужъ ты брось объ этомъ и не поминай, выговорилъ Братолюбцевъ серьезно.— Не даромъ я ей слово давалъ объ этомъ умолчаніи... И коли я этому слову измѣнилъ, то ради собственно мысли, внучку передъ тобой оправдать, чтобы ты зналъ, что все это муха, а не слонъ. А объ нянкѣ ты и заикаться не смѣй.

— Вѣстимо... Я такъ это сказываю. Все же она бестія воровка— и не будь она въ монастырѣ, я бы ее, грѣшный человекъ, раньше ли, позже ли поймалъ бы и засудилъ. А теперь она въ монастырѣ пушай бестія спасается... Надо будетъ приданое новое дѣлать.

—, Нѣтъ ужъ, предоставь это мнѣ. Мы сами пополнимъ сундуки, когда они у меня будутъ.

— А вѣдь хитрая каналья, прибавилъ Филисовъ. — Она изъ-за этого въ монастырь пошла, что ее въ монастырскомъ одѣяніи въ судъ нельзя притянуть, игуменья не дасть. Коли заполучила воровку, то скроетъ это, чтобы монастырь не срамить. Прехитрая каналья!

Затѣмъ друзья развеселились при мысли, что имъ надо будетъ вмѣстѣ обмануть Марью Евграфовну и ничего не говорить ей о томъ, что приданое, которымъ она такъ усердно занималась, все разворовано.

— Понесутъ сундуки твои молодцы, смѣялся бригадиръ, — будутъ охать отъ тяжести, а Марья-то Евграфовна будетъ сердцемъ радоваться, сколько своей внучкѣ накроила дашила...

Разумѣется, бригадиръ согласился съ радостью на условіе внучки какъ можно скорѣе назначить свадьбу, а теперь тотчасъ же сдѣлать вечеринку для объявленія о бракѣ внучки.

— Созову къ себѣ на сговоръ всю матушку Москву! воскликнулъ Никита Артемьевичъ.

И тотчасъ же былъ посланъ человѣкъ заявить приходскому священнику для совершенія обыска и оповѣщенія прихожанъ.

Со слѣдующаго же дня домъ бригадира какъ бы преобразился. Среди мирной, будничной, незатѣйливой жизни московскаго дворянства всякое семейное празднество: свадьба, крестины, или чей-либо день рожденія, являлись поводомъ выйти всѣмъ домочадцамъ изъ обычной и скучной колеи.

Утромъ Марья Евграфовна объявила барской барынѣ, что скоро въ домѣ вечеръ, гости и „сговоръ“ барышни, а затѣмъ и свадьба. И весь домъ зашумѣлъ, всѣ радовались и суетились, хотя радоваться было нечему, а суетиться и подавно.

Всякій изъ домочадцевъ бригадира понималъ, что барышня выходитъ замужъ при печальныхъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, потерявъ чуднымъ образомъ своего прежняго жениха и возлюбленнаго, а затѣмъ выходитъ замужъ за человѣка, который лѣтъ на сорокъ старше ея.

Геннадій Ивановичъ былъ бодръ и молодежавъ съ виду, брился по обычаю времени настолько часто и тщательно, что сѣдина не выступала на его лицѣ, полною и румяною; голова была всегда закрыта щегольскимъ напудреннымъ парикомъ; мундиръ былъ всегда какъ бы съ иголочки. Вообще 60-ти-лѣтній засѣдатель настолько занимался своей особой и

франтиль, былъ настолько всегда подвиженъ и веселъ, что казался лѣтъ на двадцать моложе бригадира. Тѣмъ не менѣе одна его дружба, однокашничество съ бариномъ Филисовымъ доказывали, что онъ самъ ужъ годится Кленѣ въ дѣдушки, а не въ мужья.

День свадьбы былъ уже назначенъ, и до него оставалось нѣсколько дней.

Клена, повидавъ своего нареченнаго, просила его какъ можно скорѣй исполнить свое обѣщаніе, т. е. прислать за сундуками. При этомъ она передала Братолюбцеву ключи отъ сундуковъ, такъ какъ опасалась, конечно, основательно, что Марья Евграфовна передъ отпускомъ приданнаго захочетъ провѣрить его.

Братолюбцевъ смѣясь взялъ связку ключей, смѣясь показалъ ихъ бригадиру и увезъ домой.

Черезъ два дня явились молодцы, дворовые Геннадія Ивановича, и должно быть былъ имъ какой приказъ отъ барина, потому что они чудно ухмылялись. Когда кто-то изъ людей бригадира вызвался помогать сносить сундуки по лѣстницѣ, то главный камердинеръ Братолюбцева объяснилъ, что ни подъ какимъ видомъ онъ его не допуститъ: баринъ приказалъ всѣ сундуки имъ самимъ сносить по лѣстницѣ на телѣги, не безпокая никого изъ дворовыхъ бригадирскаго дома.

Люди Братолюбцева исполнили приказаніе свято. Сундука два снесли они по лѣстницѣ, переглядываясь между собою, и одинъ изъ нихъ вымолвилъ вполголоса:

— Ну, не очень-то пусто.

Но затѣмъ, когда пришлось нести и спускать еще три сундука, то между молодцами пошелъ смѣхъ, говоръ и прибаутки.

— Руки обломаешь, шутиль одинъ.

— Ой, ой! Спина трещить, приговариваль другой.

— Тихе, тихе, вы!.. Вырвется изъ рукъ, убьетъ до смерти, прибавлялъ смѣясь третій.

Клена, присутствовавшая при томъ, какъ сносили сундуки, нѣсколько оживилась: лицо ея было веселѣе; она видѣла, что обѣщаніе Братолюбцева исполняется вѣрно. Онъ помогать ей спасти честь дорогой Ариши, единственнаго человѣка на свѣтѣ, котораго она теперь любила всей душой.

Клевета, возведенная ею на няню, оставалась клеветой только по отношенію къ самому Братолюбцеву. Кромѣ него, никто

ничего не зналъ и не считалъ ея Арину Матвѣвну воровкой.

Когда сундуки увезли изъ дома, Клена, почти счастливая, насколько она могла быть въ ужасныхъ обстоятельствахъ ея жизни, вернулась въ свою горницу внизу около спальни Марьи Евграфовны и подумала:

„Сегодня же отправлюсь въ монастырь сказать нянѣ, что все слава Богу“..

За все это время былъ въ домѣ одинъ человѣкъ, который не радовался будущему замужеству барышни, ходилъ не въ духѣ, озабоченный, ворчалъ и бранился, и часто говорилъ самъ себѣ:

— Надо поспѣшить. Одинъ хорошій кушъ сорву и чортъ съ ней.

Это былъ Герасимъ Морковниковъ.

Когда носили сундуки, Герасимъ стоялъ молча въ числѣ прочихъ людей и страннымъ взоромъ провожалъ каждый сундукъ. Онъ замѣтилъ, что послѣдніе сундуки тащатъ почти пустые, замѣтилъ шутки и смѣхъ дворовыхъ людей Братолюбцева, и хотя былъ уменъ, а сообразить - таки ничего не могъ. „Должно быть чуютъ, что пустые ящики, чуютъ да опа-саются, помалкиваютъ. Ихъ дѣло сторона“, думалъ онъ. „Да, не мало прошло черезъ мои руки этой дряни, тряпья разнаго... А много ли я выручилъ... Ста рублей не выручилъ. Иное что бригадиру полъ-ста рублей стоило, у меня псы-прижиматели за три да за четыре рубля брали, да еще грозились, что ворованное продаю. Нѣтъ, я не воръ, а что другихъ воровать заставляю, такъ то мое счастье. Какой же человѣкъ не станетъ своимъ счастьемъ пользоваться“.

Посидѣвъ немного въ прихожей, Герасимъ вымолвилъ себѣ подъ носъ:

— Да... Неча время терять. Одинъ кушъ сорву съ нея— и чортъ съ ней!

XI.

Замѣтивъ особенную тишину, наступившую въ домѣ послѣ отъѣзда людей Братолюбцева, Герасимъ сообразилъ, что надо пользоваться тѣмъ временемъ, когда бригадиръ занимается или отдыхаетъ у себя въ кабинетѣ, а барыни Марьи Евграфовны нѣтъ дома. Онъ быстро всталъ, и усмѣхнувшись лу-

кавою и злобной улыбкой, направился къ горницѣ, гдѣ была барышня.

Его появленіе въ комнатѣ среди тишины и безъ зова заставило Клену вскочить съ мѣста и вспыхнуть.

— Ну?!.. выговорила она рѣзко, подобно своей нянѣ, вызывающе подходя къ дворовому.

— Къ вамъ, барышня, выговорилъ Герасимъ.

— Да вѣдь ты видѣлъ! рѣзко воскликнула Клена. — Ты видѣлъ, все увезли... озлобившись засмѣялась Клена. — Что же я могу теперь дать?.. Съ себя все снятъ, или кресло какое отдать тебѣ?.. На вотъ, тащи диванъ...

— Вы не сердчайте, барышня, а послушайте, что я вамъ скажу, вполголоса заговорилъ Герасимъ.

— Нечего мнѣ слушать.

— Послушайте, барышня. Я въ послѣдній разъ можетъ быть къ вамъ прихожу... Понимаете—въ послѣдній. Больше я васъ тревожить не стану. Разсудите сами. Хоть и безпокоилъ я васъ, хоть много всякой дряни Арина Матвѣевна мнѣ передала, но что же вы полагаете, за такое дѣло, какъ мое, отплатили вы по совѣсти? Ахъ, барышня, грѣхъ это! За такое дѣло мало дать сто червонцевъ, а вы что дали мнѣ?.. Разныя юбки да платочки. Только за одинъ платокъ да за одно платьѣ получилъ я всего рублей съ двадцать, а остальное все за гроши сбывалъ. По совѣсти, барышня, вы мнѣ не отплатили, какъ бы слѣдовало, по христіански. Другой бы на моемъ мѣстѣ и ни вѣсть что съ вами сдѣлалъ бы. Скрутилъ бы васъ, какъ сказывается, по рукамъ и по ногамъ... Шутка ли сказать, какое дѣло!.. Страшнѣющее дѣло! Сибирью да каторгой пахнетъ, плетями оно для васъ пахнетъ. Клейменое дѣло! За него клейма ставятъ на лбу каленымъ желѣзомъ. „Убийца, душегубъ“, такъ и выжгутъ на лбу... А вы тряпками хотите отдѣлаться.

Пока Герасимъ говорилъ, Клена отступила, сѣла на стулъ и снова стала озлобленна и блѣдна.

— Думаете ли, барышня, что я лгу, что за это въ Сибирь не гоняютъ? спросилъ Герасимъ и полупрезрительно глядѣлъ на Клену.—Скажите: лгу я?

— Нѣтъ, черезъ силу выговорила Клена.

— Вѣдь знаете вы сами, что я васъ отъ плетей и отъ Сибири упасъ... Вѣдь знаете вы это? Вѣрите, что оно доподлинно такъ?

— Да... да... выговорила Клена нетерпѣливо, чуя, что если она не отвѣтитъ, то Герасимъ снова повторить тотъ же вопросъ.

— Ну, такъ вотъ, изволите ли видѣть, не грѣхъ бы вамъ предъ замужествомъ отплатить мнѣ какъ подобаетъ по совѣсти, по христіанству. Я вѣдь изъ-за васъ въ убійцахъ состою... Думаете вы, что легко на себя чужую вину брать... Такъ вотъ я и пришелъ въ послѣдній разъ сказать вамъ: отплатите мнѣ какъ слѣдуетъ по христіанству хорошимъ кушемъ, я васъ и беспокоить, вотъ какъ передъ Богомъ, больше не буду.

— Да гдѣ же я денегъ возьму?.. отчаянно воскликнула Клена.

— Потихе, барышня... услышать могутъ... Вы не гнѣвитесь... беспокоясь проговорилъ Герасимъ.

Богатырь-сороходъ прислушался къ шагамъ въ сосѣдномъ корридорѣ, и когда они стихли, сдѣлавъ два шага впередъ, приблизился къ Кленѣ и, слегка нагнувшись, проговорилъ:

— Денегъ у васъ никакихъ нѣтъ, и взять не у кого... Но вы можете меня отблагодарить иначе, и я васъ научу какъ. Только согласіе ваше нужно. У барина на столѣ, а инъ бываетъ въ правомъ ящикѣ стола, лежитъ завсегда перстенекъ съ краснымъ камушкомъ. Никита Артемьевичъ при мнѣ хвасталъ имъ одному барину, сказывая, что цѣны нѣтъ перстеньку. За двѣсти рублей, говоритъ, не продамъ. А баринъ тотъ спрашивалъ: „что это подарокъ чей или память чья;“ а Никита Артемьевичъ въ отвѣтъ ему отмолвилъ: „нѣтъ, какая память, — купилъ. Мнѣ на него наплевать, а такъ вотъ сказываю, что его развѣ за триста рублей можно отдать...“ Поняли вы, барышня? Стало быть перстень тотъ деньги стоитъ большія, а привязанности къ нему бариновой нѣтъ никакой. Ну, вотъ вы меня и отблагодарите. И больше я васъ беспокоить не буду.

Клена подняла глаза на выпрямившагося снова Герасима, и лицо ея выражало одно удивленіе.

— Я ничего не пойму!.. Такъ что же мнѣ сдѣлать?

— А вы возьмите этотъ перстенекъ, да мнѣ и отдайте.

— То-есть, стало быть украсть его?

— Взять, да мнѣ и передать.

— Украсть... Воровать!.. Вѣдь это, стало быть, надо своровать его у дѣдушки!

— Ну, тамъ какъ знаете. Не воруйте, просто возьмите.

— Какъ такъ возьмите? Что ты ума рѣшился! Вѣдь его своровать надо.

— Попросите у дѣдушки, чтобы онъ вамъ подарилъ, а не захочетъ—возьмите. Только, барышня, на мой толкъ лучше не просить его подарить. Неровень часъ бригадиръ откажетъ, не дастъ, и послѣ того вамъ будетъ мудрено его взять. На васъ же онъ и подумаетъ. А вы ужъ лучше прямо такъ и берите его. Господа никоимъ образомъ на васъ не подумаютъ, скажутъ—кто-либо изъ людей своровалъ, пошумятъ, посерчаютъ, да и бросятъ это дѣло. Кто укралъ невѣдомо, а весь домъ нельзя въ Сибирь сослать изъ-за одного вора... Ну-съ... Какъ же, барышня?..

Клена, задумавшаяся, какъ бы пришла въ себя и произнесла:

— Обожди. Выйду замужъ—я у Геннадія Ивановича попрошу денегъ и тебѣ отдамъ...

Герасимъ улыбнулся.

— Нѣтъ, ужъ позвольте. Я не махонькой. Какой же это супругъ, да еще старый, молоденькой женкѣ дать двѣсти рублей, невѣдомо на что? Вы, замужняя, и нехотя, меня обманете. А мнѣ тогда на васъ руки коротки будутъ. Донеси я тогда на васъ, судейскую барыню, въ вашъ же судъ. Меня Геннадій же Ивановичъ съ другими товарищами спрячутъ въ Сибирь безъ суда. Полноте, барышня. Сами знаете, что пустое обѣщаете. Нѣтъ-съ. Надо теперь вамъ до свадьбы расплатиться со мной. Госпожа Братолюбцева на меня и посмотрѣть не захочетъ!

Наступило молчаніе; Клена снова опустила голову и сидѣла какъ бы въ забытіи, недвижна, какъ статуя.

— Что же, барышня, проговорилъ наконецъ Герасимъ, услыхавъ снова шумъ шаговъ въ домъ и боясь, что его застанетъ въ горницѣ вернувшаяся Марья Евграфовна.

— Уходи! вымолвила Клена.— Ты ума рѣшился... Меня обворовалъ, а теперь посылаешь у дѣдушки воровать... Не могу я!.. Уходи!..

— Ну, какъ знаете, барышня. Жаль мнѣ васъ! Быть вамъ завтра въ острогъ да въ арестантскомъ халатѣ, а то и въ кандалахъ... размѣялся Герасимъ.

Клена вздрогнула и взглянула въ лицо Герасиму; оно было спокойно и насмѣшливо.

Должно быть тревожное и блѣдное лицо Клены выражало какой-либо вопросъ, потому что Герасимъ пожалъ плечами и какъ бы отвѣтилъ:

— Что же мнѣ-то?.. Сами вы посудите! жалѣть васъ?.. Да что же вы мнѣ? Богъ съ вами!.. Вы мнѣ не родственница какая, не дочь родная... Съ чего я буду молчать. Я изъ-за васъ себя подставлялъ, могъ теперь угодить въ Сибирь давно, а вы мнѣ не хотите перстенежъ у дѣдушки со стола взять да отдать... Воровка вишь! Такъ вамъ въ воровки итти вишь не охота, а мнѣ въ случаѣ огласки итти въ злодѣи да въ убійцы была охота.

— Ты крѣпостной холопъ, а я дворянка! съ негодованіемъ воскликнула Клена.

— То-то вы дворянское сѣмя... вдругъ озлобившись прошипѣлъ Герасимъ.—Разсуждаете вы всегда такъ: мнѣ моль не приличествуетъ воровать—я дворянка. А тебѣ моль, холопу, приличествуетъ, будучи христіаниномъ, убійцей себя ставить, да еще за другихъ и задаромъ, здорово живешь. Нѣтъ, сударушка моя, я вотъ сейчасъ этимъ самымъ шагомъ пойду къ бригадиру нашему, да ему все и выложу, какая такая у него любимѣйшая внучка въ домѣ проживаетъ, коя съ нянюшкой своей смертоубійствомъ занимаются. Прощайте! Вы завтра же въ кандалахъ въ острогъ будете препровождены. Честь имѣю заранѣе поздравить и поклонъ низжайшій...

Герасимъ двинулся, но Клена вскочила какъ ужаленная, бросилась къ богатырю и, ухвативъ его за рукавъ кафтана, остановила и другой рукою схватила себя за голову.

— Стой!.. едва слышно произнесла она.—Стой!.. Я подумаю... Я устрою. Гдѣ ящикъ въ столѣ?.. Я подумаю...

— Ну, вотъ такъ-то лучше. До завтрашняго утра... А то ужъ, извольте, изъ жалости я до завтрашняго вечера буду ждать. А коли завтра ввечеру не дадите вы мнѣ того перстенка—то ужъ... извините... Халать вамъ сѣрый, цѣпи, кандалы, клейма, ермолку и пожалуйте въ острогъ. Такъ помните! Цѣлый вамъ день, цѣлую ночь, и опять цѣлый день и на думанье и на дѣйствованіе... Да и дѣло-то, барышня, плевое, посмотрите, дѣдушка пошумитъ часика два, да и плюнетъ, а кто взялъ—канетъ то дѣло на дно рѣчки. Никому, николи, ничего въ этомъ не будетъ, а я все-таки буду съ наградой отъ васъ по христіанству.

— Уйди! Уйди! съ судорогой въ горлѣ глухо отозвалась Клена.

— Согласны стало?..

— Уйди!.. Да... Согласна! только уйди! съ глазъ долой скорѣе...

Герасимъ, ухмыляясь отчасти насмѣшливо и презрительно, вышелъ изъ горницы.

XII.

Молодая дѣвушка опустила въ кресло и схватила себя за голову. Сначала она тяжело и порывисто дышала, гнѣвно бормотала вслухъ невнятные слова, но потомъ слезы заструились по лицу ея. Она успокоилась и постепенно стихла со всѣмъ. На лицѣ ея вдругъ появилась грустная и тоскливая улыбка.

— Да, такъ, конечно... вымолвила она вслухъ,—сдѣлаю все... Такъ и слѣдуетъ. Такова судьба... Господь Богъ хочетъ, чтобы такъ было по справедливости. Она изъ-за меня въ воровки пошла, изъ-за того же ворованія въ монастырь пошла, вмѣсто того, чтобы жить со мною... Ну, вотъ и я тоже. Только моя доля тяжелѣе. Ариша не воровала, а съ моего вѣдома и при мнѣ брала и этому злодѣю отдавала... А я вотъ и впрямь должна итти на воровство... тайкомъ отъ дѣдушки. Да... мы съ тобою ровня теперь, прибавила Клена, грустно улыбаясь.—Ровня... И я, и ты—воровки... Только ты съ однимъ именемъ этимъ, а я и впрямь буду настоящая воровка.

Между тѣмъ до слуха Клены достигъ шумъ въ домѣ. Она прислушалась. Громче всѣхъ звучалъ голосъ Марьи Евграфовны, и затѣмъ прозвучалъ добродушный, веселый и раскатистый смѣхъ дѣдушки. Въ то же время явилась Степанида и позвала барышню въ залу.

Клена вышла, украдкой отирая лицо, но уже спокойная, рѣшившаяся на невольный проступокъ.

Она нашла въ залѣ Марью Евграфовну, которая кипятилась, горячилась и волновалась, какъ никогда въ жизни ея не бывало. Бригадиръ стоялъ съ веселымъ лицомъ и хихикалъ.

— Что же это ты, обернулась Марья Евграфовна ко внучкѣ. Нешто это возможное дѣло! Отпустили приданое безъ счета, безъ накладной, не пересмотрѣли, не уложили какъ слѣдуетъ.

Какъ все было наверху, кое-какъ, въ разныхъ сундукахъ,— такъ все и потащили къ жениху. Вѣдь это срамъ!

— Что дѣлать!.. какъ бы играя комедію, разводилъ руками бригадиръ и смѣялся.

— Какъ же ты допустила, Клена! Ты бы сказала, что меня дома нѣтъ, приѣду и приготовлю все и отпустимъ.

Клена пробормотала что-то. Ее занималъ вопросъ, почему дѣдушка относится къ этому обстоятельству какъ-то странно, не только не сердится, но даже ухмыляется какъ-то хитро. Какъ будто онъ знаетъ что-нибудь.

— Да и гдѣ же это видано, продолжала Марья Евграфовна,— чтобы сундуки съ приданымъ увозили чуть не за сто лѣтъ до свадьбы... Вѣдь это по-турецки, по-персидски, а не по русскому обычаю. Приданое идетъ послѣ вѣнчанія, либо за нѣсколько часовъ до вѣнчанія, въ домъ жениха. А вдругъ свадьба разстроится, прибавила Толбухина. — Что же, тогда назадъ везти?

— Тьфу! Типунъ тебѣ на языкъ, прибавилъ бригадиръ, и лицо его сдѣлалось серьезно.—Что ты, сестрица, каркаешь?.. Дюжина тибѣ типуну на языкъ... Разстроится? Нешто можно въ такихъ дѣлахъ такія слова говорить!

Бригадиръ сердито повернулся на каблукахъ и быстро вышелъ изъ залы въ свой кабинетъ.

— Негодно... Нехорошо... Стыдно... Срамъ... И тебѣ срамно, Клена, обратилась Марья Евграфовна ко внучкѣ. — Должно было меня подождать, а не тащить сундуки, не переглядѣвъ, не пересчитавъ всего.

И Марья Евграфовна также, махнувъ отъ гнѣва хвостомъ своего длиннаго атласнаго платья, вышла въ другія двери и направилась къ себѣ.

Люди, присутствовавшіе при этой сценѣ, стали тоже расходиться. Скоро Клена осталась одна въ большой залѣ, сѣла на стулъ у окна, выходящаго на дворъ, и глянула на ворота, настѣжъ растворенныя въ улицу. И вдругъ вспомнилось бѣдной дѣвушкѣ, какъ еще не такъ давно она сиживала на этомъ стулѣ, а тамъ въ воротахъ, вдали, долженъ былъ промелькнуть по уговору военный мундиръ на одно мгновеніе. И этимъ она бывала тогда и счастлива, и несчастлива. А между тѣмъ, если бы дѣдъ не держалъ ее взаперти, позволялъ выѣзжать со двора, далъ бы возможность повидаться съ ея Колей — никогда бы никакого несчастья не произошло. Была бы она

теперь его женой и, хотя лишенная наслѣдства и состоянія дѣдушки, все-таки была бы счастлива. Онъ былъ бы живъ, а она не сдѣлалась бы женой старика.

Долго просидѣла Клена на этомъ стулѣ. Она не понимала ничего и была какъ бы въ забытьи; шаги бригадира разбудили ее и привели въ себя.

— Ну, прости, внучка, подошелъ къ ней дѣдъ. — Я со двора! Надо для вечеринки нашей столѣтняго венгерскаго вина поискать купить. А ты поди бабушку урезонь. Разобидѣлась она за отпускъ приданого и не знаетъ, почему мы такъ дѣло спроворили.

Клена съ удивленіемъ поглядѣла въ лицо дѣда и невольно подумала:

„Стало быть, онъ знаетъ, стало быть, ему все расказалъ Братолюбцевъ“.

Но бригадиръ, будто обмолвившись нечаянно, поспѣшно поцѣловалъ внучку въ лобъ и вышелъ. Онъ сѣлъ въ поданный экипажъ и выѣхалъ со двора.

Клена проводила его глазами, повернулась и пошла было къ себѣ, но вдругъ среди залы она стала на мѣстѣ какъ вкопаная. Дверь, настѣжь растворенная въ сосѣднюю комнату, диванную, за которой былъ кабинетъ дѣда, остановила ее и какъ бы сказала ей: „Забыла? Вотъ я растворилась какъ бы сама собой, приглашая тебя итти скорѣе. Пользуйся временемъ, а то еще раздумаешь, испугаешься, въ бѣду попадешь потомъ... Поскорѣе!.. Не стой!.. Чего медлишь! Сейчасъ Антонъ прибирать кабинетъ придетъ, а при немъ нельзя будетъ. А тамъ ночь, а тамъ завтра днемъ минуты пожалуй не выберется удобной... Да ну, скорѣе... Скорѣе!.. Ахъ, погубишь ты себя!..“

И все это слушала и хорошо слышала Клена, словно не она сама думала или говорило что въ ней самой, а какъ бы дѣйствительно говорила эта дверь.

Клена быстрыми шагами, почти бѣгомъ, бросилась въ кабинетъ дѣда, пугливо озираясь и дрожа всѣмъ тѣломъ—не отъ боязни, что ее найдутъ здѣсь, а отъ другого чувства, вдругъ сказавшагося во всемъ ея существѣ. Она часто бывала въ этой горницѣ въ отсутствіе дѣда и иногда сидѣла здѣсь, читала. Если кто и придетъ, то нисколько не удивится, что она зашла сюда.

Почему же тряслась она? Почему лицо ея блѣднѣло, а въ глазахъ становилось какъ-то темно?

Потому что это дѣло, за которымъ она пришла сюда, сейчасъ переменить все. Она другая будетъ; она будетъ тѣмъ, на что люди пальцемъ показываютъ — или жалѣя, или презирая.

Клена быстрымъ взоромъ окинула письменный столъ дѣда, гдѣ была куча всякой мелочи. Перстня не было. Она знала его хорошо и знала, что онъ дѣйствительно стоитъ дорого, такъ какъ на немъ былъ большой рубинъ, окруженный бриллиантами, и поэтому дѣдъ прячетъ его въ ящикахъ.

„Въ правомъ ящикѣ“, вспомнилось ей. Она стала отворять ящикъ, испуганно взглядывая на растворенную дверь; руки ея полусознательно шарили въ ящикѣ, отбрасывая всю мелочь, которая попадалась подъ пальцы.

Наконецъ, въ глубинѣ она увидѣла маленькую зеленую коробочку и вспомнила, что въ ней всегда лежитъ перстень. Она взяла ее и, вынувъ перстень, бросила коробочку на только что начатое бригадиромъ письмо, гдѣ лежало еще сырое, съ чернилами перо.

Сжимая перстень судорожно въ рукѣ, она пошатываясь и пылая какъ въ огнѣ, вышла изъ кабинета дѣда, не сознавая, гдѣ она и куда идетъ.

Очутившись у себя въ горницѣ, она вспомнила, что все ею сдѣланное было сдѣлано какъ бы въ полуснѣ или полумглѣ умственной.

Вернувшись, дѣдушка сейчасъ замѣтитъ и брошенную пустую коробочку на столѣ, и даже ящикъ, оставленный отпертымъ. И Клена чуть не бѣгомъ бросилась опять въ кабинетъ дѣда, но на порогѣ его встрѣтила камердинера Антона.

— Что вы, барышня? Дѣдушки нѣтъ. Выгѣхали... сказалъ лакей.

— Выгѣхаль... повторила Клена. — Мнѣ... карандашъ хотѣлось попросить, солгала она и тотчасъ вспыхнула.

Антонъ замѣтилъ смущеніе барышни и подивился.

— Помилуйте. Карандаши всякіе на столѣ есть. Выбирайте любой... Есть красные, желтые, всякіе... У дѣдушки все такое есть...

Клена вошла и вдругъ остановилась среди комнаты. Ящикъ стола былъ вдвинутъ, коробочки, изъ которой она вынула перстень, не было на столѣ. Антонъ прибралъ и спряталъ.

„Но вѣдь онъ увидѣлъ, что коробочка пуста?“ возникъ вопросъ въ ея умѣ.

Взявъ карандаши, Клена вернулась къ себѣ и долго повторяла тотъ же вопросъ: „Видѣлъ онъ или нѣтъ?“

Если Антонъ видѣлъ, что перстня нѣтъ, то вѣрно подумалъ, что дѣдушка взялъ его уѣзжая и бросилъ коробочку на столъ!“ рѣшила Клена.

Въ это мгновеніе дверь отворилась и на порогѣ ея комнаты появился Герасимъ. Послѣ отъѣзда барина, онъ изъ прихожей видѣлъ все.

— Что же, готово?.. вымолвилъ скороходъ.

— Вотъ! произнесла Клена черезъ силу и протянула, не глядя на вошедшаго, свою дрожащую руку, въ которой было судорожно сжато украденное.—Бери!.. уйди!..

И отдавая перстень, Клена испытывала то же чувство стыда, какъ если бы краля второй разъ. Герасимъ заговорилъ что-то.

— Уйди! уйди! отчаянно произнесла Клена.

ХІІІ.

Между тѣмъ наступилъ день праздника, давно всѣми въ домѣ жданнаго съ волненіемъ и радостною тревогой,—день, назначенный для празднованія „сговора“ бригадирской внучки за бригадирскаго же друга, засѣдателя верхняго земскаго суда.

Вся Москва дворянская, знавшая Филисова, уже знала по слухамъ и толкамъ городскимъ о томъ, что бригадиръ—чудакъ и упрямецъ—выдаетъ свою молоденькую внучку за пріятеля, который дѣвушкѣ въ дѣды годится. Но официальное объявленіе о бракѣ должно было произойти на вечеринкѣ Филисова.

Бригадиръ, сзывавшій гостей на вечеринку, тайнѣ готовился устроить цѣлое торжество. Въ саду готовилась иллюминація, а на дворѣ даровое угощеніе всѣмъ, кто пожелаетъ войти въ растворенныя настежь ворота. Въ людскихъ же предполагалось угощеніе дворовыхъ людей, которые пріѣдутъ съ господами.

Никита Артемьевичъ заранѣе, за цѣлую недѣлю, сталъ сзывать гостей. Онъ жилъ настолько мирною и замкнутою жизнью за послѣдніе годы, что со многими почти совсѣмъ раззнакомился. Пришлось ѣздить по Москвѣ, заискивать и любезничать, дабы быть увѣреннымъ, что всѣ приглашенные

дѣйствительно пріѣдутъ на вечеръ. Впрочемъ, Филисовъ пользовался теперь, послѣ своей дѣятельности во время чумы и царской милости, большимъ уваженіемъ среди москвичей.

Нѣкоторые знакомые бригадира поговаривали, что современемъ, и скоро можетъ быть, Филисовъ сдѣлается генераломъ, а пожалуй въ одинъ прекрасный день замѣнитъ новаго генераль-губернатора Москвы—Еропкина.

— Петръ Дмитриевичъ Еропкинъ, говорили они, — былъ такой же никому незнаемый человѣкъ, простой дворянинъ московскій, а сталъ внезапно, по одному слову царицы, генераль-губернаторомъ на мѣсто фельдмаршала Салтыкова. И почему знать, черезъ пять или шесть лѣтъ помретъ или выйдетъ въ отставку Еропкинъ, а на его мѣсто назначатъ повелителемъ Москвы генерала Филисова.

Вслѣдствіе хорошей репутаціи и общаго уваженія, бригадиру было не трудно сразу возобновить прерванное знакомство однимъ-двумя визитами и быть увѣреннымъ, что вся Москва пріѣдетъ на его праздникъ.

Въ назначенный для сговора день, съ утра въ домѣ и на дворѣ было особенное оживленіе, движеніе и гуль. И баринъ съ барыней хлопотали, распоряжались, и вся дворня до послѣдней бабы, недавно привезенной изъ вотчины, тоже суетились, да еще вдобавокъ съ веселымъ шумомъ. Всякій радостно дѣлалъ свое дѣло; а дѣла было много. Во всемъ домѣ было лишь одно существо, которое оставалось какъ бы безучастнымъ къ окружающему движенію.

Это была, конечно, сама невѣста.

— Слава Тебѣ Господи! воскликнула она, оставшись одна и крестясь торопливо.—Слава Тебѣ Господи, что наконецъ я вырвусь изъ этого мытарства. Буду женою Братолюбцева, буду въ другомъ домѣ, избавлюсь отъ моего мучителя.

Но при этомъ на лицѣ Клены не было и простой радости, не только восторженнаго счастья невѣсты. Напротивъ, слезы часто выступали на глазахъ.

Часовъ въ шесть вечера домъ бригадира весь засіялъ. Не было горницы, въ которой не горѣло бы десятка три свѣчей въ люстрахъ и канделябрахъ. Въ парадныхъ гостиныхъ ярко свѣтились новыя диковинки—выписанныя черезъ Петербургъ заморскія лампы, гдѣ горѣло масло. А нарочито откомандированный къ нимъ офиціантъ изрѣдка приходилъ заводить ихъ ключомъ, какъ часы. Немало найдется москвичей, которые

въ этотъ вечеръ въ первый разъ увидятъ эту любопытную диковинку.

Вскорѣ и передній, и задній дворы бригадира, какъ ни были велики, стали покрываться вплотную рыдванами и колымагами. Конечно вскорѣ не хватило мѣста, и вереницы экипажей начали становиться вдоль всего переулка. Экипажи запоздавшихъ гостей должны ужь были отъѣзжать чуть не къ Никитскимъ воротамъ.

Въ домѣ и во всѣхъ горницахъ была сплошная толпа гостей. Въ числѣ прочихъ, съ особымъ почетомъ и любезною предупредительностью, встрѣтилъ хозяинъ генераль-губернатора Еропкина, оберъ-полиціймейстера князя Грузинскаго и со-сѣда своего, графа Ивана Григорьевича Орлова.

Одновременно съ пріѣздомъ гостей загорѣлись шкалики во всемъ саду.

Послѣ перваго обношенія всякими лакомствами, когда почетные гости сидѣли въ большой гостиной на главномъ диванѣ, наступила важная минута. Явились официанты съ подносами, на которыхъ стояли стаканы съ пѣнистымъ виномъ. Бригадиръ, обращаясь къ самымъ именитымъ гостямъ, слегка смущаясь, отчасти нескладно, объявилъ, что его внучка Клеопатра стоворена за господина Братолюбцева.

Всѣ гости съ виномъ въ рукахъ приподнялись съ мѣстъ, другіе явились изъ сосѣднихъ горницъ, и всѣ взоры обратились къ виновницѣ торжества.

Клена, сидѣвшая въ углу среди нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ она почти не знала, поднялась съ мѣста и по обычаю встрѣтила пожеланія низкими поклонами. Послѣ невѣсты всѣ поздравляли жениха. Геннадій Ивановичъ Братолюбцевъ, неосторожный на языкъ, теперь платился за свои прежнія острыя словечки. Его поздравляли. Онъ радостно сіялъ. Но затѣмъ повсюду, во всѣхъ горницахъ и за его спиной, москвичи оплачивали ему за его прежнія шпильки и булавки. Почти всѣ безъ исключенія посмѣивались между собой надъ тѣмъ, что старый холостякъ выдумалъ жениться на молоденькой дѣвочкѣ.

Послѣ угощенія сластями и фруктами, съ которыми снова явилась вереница официантовъ, обходившая всѣ горницы, хозяинъ попросилъ всѣхъ въ большую залу. Въ ней былъ сюрпризъ: долженъ былъ показать свое искусство пріѣзжіе въ Москву иностранный фокусникъ.

Братолюбцевъ, самъ любившій фокусы, не могъ утерпѣть, чтобы въ день своего сговора не угостить москвичей своимъ любимымъ искусствомъ.

Гости усѣлись рядами на стульяхъ, а заморскій чудодѣй, полу-нѣмецъ, полу-жидъ, въ красномъ халатѣ, вышитомъ золотыми звѣздами и въ высокому остромъ, золотомъ колпакѣ, сталъ передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и уставленнымъ всякаго рода загадочными предметами. Фокусникъ началъ свои финты-фанты при полномъ молчаніи.

Хозяева—бригадиръ и его сестрица—воспользовались тѣмъ временемъ, когда вниманіе гостей было поглощено любопытными штуками кудесника, чтобы отправиться хлопотать и распорядиться насчетъ ужина.

Въ то же самое время внизу, во всѣхъ людскихъ горницахъ, гдѣ жила многочисленная дворня бригадира—шло тоже обильное угощеніе. Приѣзжихъ холоповъ было конечно болѣе чѣмъ гостей, даже болѣе чѣмъ вдвое, такъ какъ самый небогатый дворянинъ, приѣхавшій съ женой на вечеръ, все-таки привезъ съ собою по крайней мѣрѣ четырехъ дворовыхъ: двухъ лакеевъ, кучера и фореитора. А иная старая барыня, приѣхавшая одна-одинѣхонька, привезла съ собой четырехъ гайдуковъ на запяткахъ рыдвана, кучера и двухъ фореиторовъ,—и на одну гостью въ горницахъ хозяина угощалось въ людскихъ семь человекъ.

Разумѣется и кучера и фореиторы являлись угощаться по очереди и возвращались скорѣе къ лошадямъ, которыхъ пока оберегали люди бригадира. Но масса лакеевъ безпечно угощалась вволю. Весь нижній этажъ былъ биткомъ набитъ гостями въ разноцвѣтныхъ ливреяхъ, съ вычурными украшеніями. Всѣмъ завѣдывали и распоряджались внизу: барская барыня, любимецъ бригадира Герасимъ Морковниковъ и камердинеръ Антонъ съ женой.

Герасимъ былъ чрезвычайно доволенъ и счастливъ. Казалось, что, помимо должности главнаго распорядителя среди дворни всѣхъ московскихъ дворянскихъ домовъ, онъ былъ доволенъ еще чѣмъ-то другимъ. Дворовые Филисова никогда не видали скорохода Морковникова болѣе торжествующимъ и самодовольно важнымъ.

Разумѣется, здѣсь внизу также всякихъ яствъ и всякаго питья было вволю.

Герасимъ, угощавшій всѣхъ всякими медами, ягодными

сбитными и простымъ виномъ, поневоля долженъ былъ показать примѣръ, выпивать и самъ. И вѣроятно богатырь хватилъ черезъ край, или же былъ чрезъ мѣру чѣмъ-то ошастливленъ. Вскорѣ, когда наверху господа были еще заняты фокусами, Морковниковъ былъ уже сильно навеселѣ, громко хохоталъ и крикливо болталъ со своими гостями. Умнаго красная слухали холопы московскіе, разиня ротъ. Недаромъ скороходъ бригадира водился съ чиновниками и подьячими всякихъ вѣдомствъ. Онъ былъ, конечно, разумомъ много выше всей этой полудикой оравы. Одна грамота ставила его выше не только холоповъ, но и многихъ дворянъ.

Барская барыня Степанида, хлопотавшая и внизу, и вверху, была озабочена поведеніемъ Герасима, раза три подходила къ своему другу и однажды шепнула ему на ухо:

— Смотри, не угостися въ мертвецкую!

— Чтожь... Мертвецы инъ бываетъ счастье приносятъ! громко расхохотался Герасимъ.

Озадаченная этимъ отвѣтомъ Степанида опѣшила...

XIV.

Наконецъ однажды, забѣжавъ внизъ, барская барыня увидѣла, что ея пріятель, уже очень крѣпко подкутившій, громко и сердито спорить о чемъ-то, стучить кулакомъ по столу, а гости его или слушаютъ удивляясь, или подсмѣиваются. Степанида остановилась и услышала слова, которыя совсѣмъ ее встревожили.

— Сказываю я, что всѣ у меня въ почтеніи ходятъ. Да вотъ она... Иди сюда!.. Говори! воскликнулъ Морковниковъ, увидя Степаниду: И рѣзко откачнувшись на лавкѣ, онъ крикнулъ во все горло:—Иди, старый чортъ!.. Слушай!

Степанида боязливо подошла.

— Говори имъ... Не вѣрятъ, олухи. Сказываю, что у меня господа, вотъ какъ, въ почтеніи. Что захочу, то съ ними и подѣлаю!.. И Никита Артемьевичъ самъ мое слово цѣнить, и Марья Евграфовна моимъ совѣтомъ не брезгуетъ. А барышня, внучка ихъ, такъ и совсѣмъ въ моей волѣ. Что я захочу, то съ ней и подѣлаю. Вотъ захочу, чтобъ сговору не быть и свадьбѣ не быть... И не будетъ ни шиша!

— Что ты... опалѣлъ что ли? прошептала Степанида, смущенная пьяной выходкой.

— Нѣтъ, ты опалѣла!.. заораль Герасимъ.—Я что скажу барышнѣ, то мое слово свято. Прикажу вотъ сейчасъ, броса гостей, въ сани садиться, по Москвѣ ѣхать кататься—и поѣдетъ!.. Да что тутъ толковать!.. вдругъ, какъ бы озаренный какою-то внезапною и удивительною мыслью, воскликнулъ Герасимъ:—Подъ навѣрхъ, скажи ей, Кленѣ вашей... Ну, барышнѣ, что ли... Чтобы шла сюда! Дѣло у меня есть до нея. Слышь, аль нѣтъ?

Гуль голосовъ присутствующихъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Нѣсколько десятковъ прїѣзжихъ холоповъ загадѣли разомъ. Кто хохоталь, кто усовѣщеваль распорядителя-хозяина не буйнить съ-пьяну, кто ругался или подсмѣивался, что онъ до „зеленаго змѣя“ хватилъ.

— Поди спать, десятый разъ повторяла уже барская барыня, понимая, что Герасимъ просто напился пьянъ.

Но гости-холопы не ожидали, конечно, того, что произошло. Смѣхъ, шутки и прибаутки многихъ насчетъ того, что скороходъ бригадирскій наклюкался вдрызгъ и у него умъ за разумъ заходитъ, сразу смѣнились общимъ молчаніемъ, изумленіемъ и страхомъ. Богатырь-скороходъ поднялся съ лавки, ухватилъ въ лапу двѣ порожнія бутылки и, взмахнувъ ими, зарычалъ, какъ звѣрь.

— Иди, старая вѣдьма, навѣрхъ и скажи барышнѣ, что я зову ее сюда!.. А не то я тебя вотъ тутъ... Вотъ тебѣ Богъ... Убью до смерти!..

Всѣ бросились къ Герасиму. Кто хотѣлъ отнять бутылки, кто усовѣщеваль, кто ласкаль и убѣждалъ льстивыми словами. Герасимъ вдругъ успокоился, бросилъ бутылки на полъ, провелъ руками по головѣ и молчалъ нѣсколько мгновеній. Затѣмъ онъ прошепталъ:

— Правда! Сказаль съ маху... Но назадъ словъ не возьму!..

— Вернися ты въ себя... вымолвила Степанида.—Что ты... Очухайся! Взаясь угощать, да самъ себя пуще всѣхъ и угостилса.

Герасимъ, совершенно спокойный, сѣлъ снова на свою лавку, оглянулса на всѣхъ своихъ гостей совершенно яснымъ, трезвымъ взоромъ и увидѣлъ передъ собой насмѣшливыя, улыбающіяся лица.

— Да, былъ во мнѣ хмѣль, да выскочилъ, прошель. Гляньте-ко на меня. Что? Пьянъ я или нѣтъ? Прошелъ хмѣль, аль не прошель? Ну, говорите, что-ли!..

Нѣсколько голосовъ засмѣялись въ гурьбѣ, толпившейся около скорохода.

— Живо выскочилъ. Ишь молодецъ какой! Совсѣмъ инако и выглядить.

— А вотъ коли хмѣль во мнѣ прошелъ, то вы не думайте, что я съ пьяну болтаю... Подъ, Степанида, наверхъ и скажи барышнѣ Клеопатрѣ Артемьевнѣ, что Герасимъ Морковниковъ просить ее, не медля ни минуты, пожаловать сюда въ людскую. Дѣло есть у меня до нея.. А коли не пойдетъ она, то скажи ей, что Герасимъ приказываетъ, молъ, вамъ доложить: не пожелаете вы исполнить его прошеніе, то онъ, тѣмъ самымъ часомъ, самолично придетъ наверхъ и бригадиру на ушко нѣкоторое дѣло доложить. Поняла? Ты вѣдь не дура, авось можешь все такъ барышнѣ доложить.

Степанида стояла не двигаясь и испуганно глядѣла на своего друга.

— Что ты!.. Господь съ тобой! Какъ ей сюда итти... нешто можно. Будь еще другое время, а теперь домъ полонъ гостей. Какъ ей сюда итти, да и зачѣмъ ей!?. Не гоже!.. Не благоприличествуетъ. Коли не пьянъ ты, такъ ума рѣшилъ... бормотала Степанида.

— Ну, слушай, Степанида! Знаешь ты, что я задаромъ не крещусь. Видала виды отъ меня... На вотъ тебѣ крестъ..

Герасимъ перекрестился и мѣрно прибавилъ:

— Если ты сію же минуту не пойдешь звать сюда барышню—я тебя здѣсь же замертво положу.

Отъ лица скорохода, отъ его голоса, отъ всей его фигуры вѣяло чѣмъ-то такимъ зловѣщимъ, что всѣ гости-холопы, и трезвые, и пьяные, одинаково, замолчали какъ убитые. Страхъ какой-то напалъ на всѣхъ. Дѣло принимало скверный оборотъ, пахло судомъ. Степанида, дѣйствительно знавшая и своего пріятеля и что значило его обѣщаніе, сопровождаемое крестнымъ знаменіемъ, тотчасъ же побѣжала наверхъ.

Клена была въ большой гостиной среди нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, когда барская барыня приблизилась къ ней и вымолвила растерянно:

— Барышня, пожалуйста на два словечка.

— Что? отозвалась дѣвушка.

— Два словечка мнѣ вамъ на ушко сказать.

Клена поднялась. Степанида побѣжала изъ гостиной почти на рысяхъ и дѣвушка, удивляясь, послѣдовала за ней.

Въ корридорѣ Степанида остановилась и обернулась.

— Барышня, начала женщина, запыхавшись не отъ усталости, а отъ волненія,—Герасимъ внизу подгулялъ, буянить. Такое сейчасъ надумалъ... Я не знаю право... Я боюсь вамъ и доложить. Господа его набаловали своей лаской. Ужь какъ сами знаете..

— Да что такое? встревожилась Клена.

— Герасимъ приказалъ мнѣ васъ просить внизъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю зачѣмъ. Подгулялъ... Зови, говоритъ, барышню сюда, ко мнѣ; а не пойдетъ она, я жаловаться буду барину.

— Жаловаться?

— Нѣтъ!.. Я, говоритъ, пойду барину такое на ушко скажу, что бѣда...

— Я не понимаю! глухо выговорила Клена, хотя сразу поняла все...

— И я, барышня, не понимаю... Такъ балуется, подгулялъ. Только страшно, барышня. Право, страшно. Вы лучше сойдите ужъ...

— Кто тамъ внизу? Холопы пріѣзжіе?

— Да-съ.

— Пьяны всѣ?..

— Никакъ-съ нѣтъ. Одинъ нашъ, почитай, подгулялъ. А тѣ всѣ ничего. Онъ предъ ними расхвастался, что коли васъ онъ попроситъ внизъ, то вы тотчасъ и пойдете..

Наступило молчанье.

Клена тяжело дышала, потупившись. Лицо ея выражало однако не испугъ и смущенье, а гнѣвъ.

— Скажи ему поди, что онъ разума рѣшилъ, твердо произнесла она. Я при гостяхъ въ домѣ отлучиться съ верху не могу. А второе, не могу тоже итти въ людскія горницы, гдѣ никогда не бывала, да еще при чужихъ холопахъ.

— Охъ, барышня, золотая моя, сокровище мое, взмолилась Степанида,—понимаю я все это, да боюсь... Боюсь я ему такое отвѣтствовать. Чую я, бѣда будетъ. Набаловали вы его. Онъ, вотъ ей Богу, сейчасъ сюда наверхъ шарахнетъ и сраму надѣляетъ.

— Что жъ ты хочешь?

— Сойдите. На одну минуту. Будто для порядка пришли. Бываетъ, господа этакъ-то на праздникъ въ домѣ ходятъ сами поглядѣть, какъ чужихъ холоповъ у нихъ угощаютъ. Все ли

хорошо... Вѣстимо хозяйское дѣло, а не барышнино, дѣвичье... Да что ужъ тутъ разбирать...

Клена тяжело вздохнула и двинулась впередъ.

— Я съ вами... Я съ вами! обрадовалась Степанида. — Ему только эту блажь его исполните. А то онъ ничего.

Черезъ минуту Клена, слегка поблѣднѣвшая, мѣрной тихой поступью, гордо поднявъ голову, входила въ огромную людскую горницу, гдѣ было жарко, душно, смрадно и пахло пролитымъ виномъ.

Вся толпа сидѣвшихъ, дико хохотавшихъ и крикливо галдѣвшихъ лакеевъ, гайдуковъ, кучеровъ и всякихъ крѣпостныхъ гостей—поднялась съ шумомъ съ мѣстъ и обернулась къ появившейся дѣвушкѣ. Изъ уваженія къ молодой барышнѣ, но главнымъ образомъ отъ изумленія ихъ,—наступило сразу гробовое молчаніе.

Клена обвела гордымъ и суровымъ взоромъ всю эту пеструю толпу, которая дико взирала на нее, и приблизилась къ столу, за которымъ сидѣль развалясь Герасимъ Морковниковъ. Онъ одинъ не всталъ, откачнулся назадъ къ стѣнѣ и, нахально глядя между двухъ свѣчей на приближающуюся барышню, самодовольно, но презрительно усмѣхнулся...

— Что тебѣ нужно? вымолвила Клена холодно и глядя прямо ему въ глаза.—Что случилось?..

— Ничего! грубо отозвался Герасимъ; не вставая, онъ обернулся къ толпѣ дворовыхъ и прибавилъ:—Ну вотъ, видѣли! Приказалъ прійти—и пришла. Теперь можете, барышня, во своаси отправляться наверхъ. Вамъ здѣсь—и я скажу—не мѣсто. Мнѣ токмо хотѣлось показать этимъ вотъ ротозѣямъ, что я властенъ надъ вами. Что похочу, то вы и сдѣлаете. Вотъ и все! Ну, ступайте. Чего же вы...

Клена стояла, не двигалась и тряслась всѣмъ тѣломъ. Лицо ея стало мертво-блѣдно...

Наконецъ она запаталась и взмахнула руками, какъ бы стараясь не упасть.

Степанида бросилась къ барышнѣ, поддержала ее и выговорила тихо, почти на ухо:

— Пойдемте... Плюньте вы на него.

И Клена въ полусознательномъ состояніи, въ какомъ-то чаду, послушно двинулась за барской барыней, среди всеобщаго молчанія.

Степанида вывела ее изъ людской и, поддерживая какъ больную, подняла по лѣстницѣ.

Оправившись нѣсколько въ своей горницѣ, Клена черезъ силу вышла къ гостямъ, но всѣ замѣтили ея болѣзненный видъ.

Празднество бригадира удалось на славу. Гости были веселы и довольны, много нахотавшись фокусамъ заморскаго кудесника. Ужинъ окончательно развеселилъ всѣхъ.

Но разѣхавшіеся послѣ полуночи съ двора бригадира московскіе дворяне развезли по городу чудную и диковинную вѣсточку... Каждый холопъ разсказалъ своему барину, что произошло въ людской дома бригадира въ самый разгаръ веселья наверху.

Холопы только дивились тому колѣну, которое отмочилъ скороходъ Филисова. Господа-дворяне не ограничились однимъ удивленіемъ; они стали разяснять приключеніе, пошли на догадки и пришли къ тому заключенію, что бракъ молодой дѣвушки со старымъ холостякомъ, бывшій для нихъ загадкой или дикой прихотью бригадира, сталъ теперь ясенъ. Но какъ ясенъ?.. Чернѣ сажи!

„Покрыть грѣхъ надо!“ рѣшили благопріятели, плотно покушавшіе и лихо попировавшіе у хлѣбосола-хозяина.

Разумѣется, на утро и бригадиръ, и Марья Евграфовна узнали о посѣщеніи Кленой людской; но узнали на особый ладъ.

Барская барыня, по наущенію одумавшагося скорохода, взяла все на себя. Она сама будто бы просила барышню сойти взглянуть на угощеніе людей, боясь беспокоить барыню Марью Евграфовну, занятую гостями.

Степанида получила выговоръ за глупый поступокъ, но тѣмъ дѣло и кончилось. Разумѣется, никто изъ людей бригадира не сунулся къ нему съ докладомъ и разясненіемъ.

XV.

На другой же день Никита Артемьевичъ взялъ тысячу рублей и выѣхалъ изъ дому, самодовольно, но загадочно улыбаясь.

— Куда вы это?.. спросила Толбухина.

— Секре!.. Какъ говорите вы по-французскому. Грандъ-секре, матушка-сестрица. Распро-грандъ секре!

Бригадиръ вернулся только въ сумерки, опоздавъ къ обѣду на цѣлый часъ, къ изумленію Толбухиной. Но онъ былъ чрезвычайно въ духѣ.

Секретъ былъ простой. Съ того дня, что онъ узналъ отъ пріятеля объ недостаткѣ многого въ сундукахъ внучки, онъ задумалъ, не говоря никому ни слова, пополнить приданое. Приготовленія и хлопоты ради вечера заняли его время; теперь же, будучи свободнымъ, онъ выгхалъ изъ дома именно ради этой цѣли и побывалъ въ разныхъ модныхъ магазинахъ. Забавляясь мыслью, что онъ самъ занимается бабьимъ дѣломъ, онъ выбралъ разные наряды для Клены и приказалъ отправить въ особомъ сундукѣ прямо на квартиру жениха.

„Всѣмъ будетъ сюрпризъ: и новобрачной, и даже сестрицѣ... А нянька жаль, что въ монахиняхъ, я бы ее проучилъ“, нѣскольکو разъ повторилъ мысленно Филисовъ.

За обѣдомъ бригадиръ весело шутилъ на счетъ своего таинственнаго дѣла въ Москвѣ, заставившаго его запоздать къ столу.

Но злая судьба готовила въ этотъ день смуту въ домѣ.

Послѣ обѣда бригадиру понадобилось что-то въ ящикѣ стола, который онъ часто открывалъ. Выдвинувъ правый ящикъ, бригадиръ удивился и насупился. Пожимая плечами, осмотрѣлъ онъ перерытый ящикъ и вслухъ невольно выговорилъ:

— Что жъ это такое!?. Словно вихрь небесный пронесся тутъ!?. Ишь вѣдь какъ все перешарено! Марья Евграфовна стала видно дѣлать у другихъ то, чего не любить у себя...

Бригадиръ увидѣлъ поверхъ всего коробочку зеленую и открылъ ее. Но она была пустая. Онъ сталъ искать перстень въ ящикѣ—и не находилъ его; осмотрѣлъ весь столъ—но нигдѣ не нашелъ ничего.

„Чудное дѣло!..“ подумалъ онъ и тотчасъ крикнулъ своего камердинера.

— Перстня нѣтъ, сказалъ онъ.

Антонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на барина. Быть можетъ въ первый разъ въ жизни случилось ему слышать вопросъ о томъ, гдѣ какая вещь.

— Я же не знаю, Никита Артемьевичъ. Онъ у васъ всегда былъ въ коробочкѣ, вотъ въ этой самой; а она либо на столѣ, либо въ ящикѣ.

— Ну, а теперь перстня въ коробочкѣ нѣтъ! воскликнулъ бригадиръ.

— Ну, стало быть, вы его брамши съ собой куда задѣвали. Утрось я видѣлъ коробочку пустую, безъ ничего. Взяли да и потеряли.

— А я тебѣ говорю, что никуда не бралъ. Съ недѣлю назадъ я его еще видѣлъ въ коробочкѣ, вотъ въ этомъ ящикѣ, и теперь его нѣтъ. Гдѣ онъ—не знаю. А я его не бралъ.

— Ну и я, Никита Артемьевичъ, стало быть знать ничего не могу, отозвался человекъ спокойно.

— Что жъ его украли что ли? почти шутя произнесъ Филисовъ.

— Украли .. Тутъ не улица, замѣтилъ Антонъ.—Окромя васъ да меня и украсть некому.

— Дуракъ ты совсѣмъ. Ты да я—красть не будемъ, а стало быть, кто третій взялъ.

— Такого третьяго, кромѣ барыни, во всемъ домѣ нѣту, Никита Артемьевичъ. Надо ее спросить или искать. Куда-нибудь завалился.

Такъ какъ опросъ Марьи Евграфовны, а затѣмъ и поиски не привели ни къ чему, то и баринъ и лакей были смущены не пропажей дорогого перстня, а чуднымъ происшествіемъ.

— Перстень, Богъ съ нимъ, говорилъ бригадиръ,—а въ домѣ не хорошо...

— Вѣстимо! Что вамъ перстень! А страшно, что ходитъ онъ въ домѣ...

— Воръ то-есть?..

— Нѣтъ, ужъ не воръ, Никита Артемьевичъ. Нѣтъ... Какой воръ, что вы!..

— Да кто же?

— Да такъ, не воръ. Хотя онъ и въ домѣ, а только не воръ.

— Кто же тогда? Духъ?

— Да, вѣстимо, домовою шалить.

— Вотъ тебѣ и здравствуйте! воскликнулъ бригадиръ. — Вотъ тутъ и толкуй.

И разсердившись вдругъ на это объясненіе, онъ прогналъ Антона.

Черезъ нѣсколько времени бригадиръ рѣшилъ, однако, что этого дѣла оставлять нельзя.

Перстня-то не жаль. Чортъ съ нимъ! Это не такъ важно, а важно то, что въ домѣ воръ, гдѣ его двадцать лѣтъ не бывало. Это дѣло не шуточное!

Черезъ часъ весь домъ былъ поднятъ на ноги словами, что барина обокрали.

Половина дома держалась мнѣнія Антона, что перстень не украденъ, а въ домѣ домовою шалить.

Появленіе домового было для всѣхъ гораздо вѣроятнѣе, нежели появленіе вора.

Всѣ одинаково спокойно суетились и разсуждали объ исчезновеніи перстня, и только два лица въ домѣ относились къ событію нѣскольکو иначе.

Клена, которой тоже было передано самимъ бригадиромъ о пропажѣ перстня, выдержала короткую бесѣду съ дѣдушкой, только дыханіе ея слегка сперлось и лицо чуть-чуть передернуло. Но она не выдала себя, и бригадиръ ничего не замѣтилъ. Ему показалось только страннымъ, что внучка отнеслась къ дѣлу черезчуръ хладнокровно, какъ если бы ей сказали, что иголка пропала. А между тѣмъ это видимое хладнокровіе было совершенно иное. Клена при разговорѣ съ дѣдушкой о перстнѣ вдругъ застыла, окаменѣла, сознавая и переживая вновь ужасъ своего поступка.

Другой человѣкъ въ домѣ, Герасимъ, въ карманѣ котораго, въ бумажкѣ, уже былъ переданный ему Кленой перстень, высказывалъ свое мнѣніе о домовомъ ради приличія, самъ же украдкой усмѣхался и думалъ:

„Ужъ кому-нибудь да будетъ плохо. На домового покиваютъ, а въ концѣ концовъ примутся за холопа какого. Съ домового-то взятки гладки, а холопа-то можно и въ темную засадить“.

Чѣмъ дальше шли разговоры о пропажѣ, тѣмъ болѣе, казалось, баринъ выходилъ изъ себя. Все безобразнѣе представлялось ему обстоятельство, что въ его домѣ появился воръ. Тотчасъ же слѣдовало его, конечно, найти, такъ какъ подобный случай въ дворянскомъ домѣ есть даже отчасти срамъ въ сосѣдяхъ.

Не въ духѣ, суровый и гнѣвный, легъ бригадиръ спать, а подъ утро позвалъ Антона и началъ съ вопроса:

— Ну, что же?

Антонъ не зналъ даже что и отвѣчать. Онъ развелъ руками.

— Стало быть нѣтъ?

— Да гдѣ же ему быть, Никита Артемьевичъ. Вѣдь домового не словишь.

— Ну, ты мнѣ не смѣй небылицы въ лицахъ представлять. Тутъ нѣтъ домового, а есть тутъ воръ. И живъ я не буду,

коли не разыщу его и не сдамъ въ солдаты или не сошлю въ Сибирь... А первый кто виновать—ты. Тебѣ одному доступъ ко мнѣ въ горницу, когда бы ты ни захотѣлъ. И если воръ не найдется, то ты у меня отправишься въ солдаты.

— Помилосердуйте! воскликнулъ холопъ, опускаясь на колѣни и мѣняясь въ лицѣ. — Никита Артемьевичъ! Сколько лѣтъ я служилъ... И вдругъ этакое...

— Сколько бы ты лѣтъ ни служилъ, а ты убираешь горницу. Ты въ мои столы можешь лазать, а больше никто. Стало быть, коли воръ не найдется—ты и виновать. А теперь пошелъ вонъ! И чтобы къ вечеру былъ мнѣ воръ на лицо.

И весь день прошелъ въ толкахъ и сумятицѣ. Вся дворня охала и волновалась, жалѣя Антона, убѣжденная въ его правотѣ.

Вечеромъ бригадиръ спросилъ у кого-то изъ людей, что Антонъ, и на отвѣтъ, что онъ сидитъ и не смѣетъ на глаза показаться, бригадиръ позвалъ Герасима.

— Ступай завтра утромъ къ полиціймейстеру и заяви, что я требую въ домѣ сыскъ.

— Слушаю-съ, отозвался Герасимъ.

Извѣстіе, что на утро въ домѣ будетъ сыскъ, т.-е. кучка подьячихъ и полицейскихъ съ понятыми, произвела такое же дѣйствіе на всѣхъ домочадцевъ бригадира, какъ если бы на другое утро ожидалось шествіе неприятеля, потопъ или землетрясеніе.

Тѣ изъ людей, которые были наиболѣе удалены отъ господъ по своимъ обязанностямъ—и тѣ волновались.

Старуха-коровница, которая за нѣсколько лѣтъ службы не переступала порога прихожей барскихъ горницъ, и та отчаянно выла, сидя на задворкахъ, ожидая, что и ей завтра предстоитъ, по малой мѣрѣ, отвѣдать розогъ, а то и кандаловъ.

Человѣкъ пять подьячихъ съ особенно скверными лицами, явились въ домѣ бригадира и, получивъ отъ него объясненіе и указаніе, перешли въ людскую, умѣстились за столомъ полукругомъ, поставили чернильницу, разложили бумагу и перья и стали по-очереди вызывать дворовыхъ.

Сыскъ продолжался почти цѣлый день.

Къ вечеру главный подьякъ явился къ бригадиру и доложилъ, что подозрѣніе падаетъ на его камердинера Антона.

— Почему? отозвался бригадиръ.

— Да такъ ужъ, изо всего дѣла видно.

— Да вѣдь тебѣ видно, приказная строка, а не мнѣ, разсердился бригадиръ. — А ты, приказная пѣвка, коли обвиняешь кого, такъ докажи. А зря всякаго можно обогатить.

Приказный объяснилъ коротко, что подозрѣніе падаетъ на Антона, вслѣдствіе указаній на него другого лица, такого же холопа, какъ и онъ—скорохода Герасима.

Разумѣется, бригадиръ немедленно приказалъ позвать своего любимца.

Герасимъ, нѣсколько смущаясь, доложилъ барину, что онъ дѣйствительно при сыскѣ домашнемъ показывалъ на Антона, такъ какъ Антонъ за послѣднее время отлучался изъ дому невѣдомо куда и, кромѣ того, у его жены появилось сразу два новыхъ платья.

Антонъ самъ, совершенно потерявшись, путался въ показаніяхъ и говорилъ то одно, то другое.

Сначала онъ заявилъ, что ходилъ провожать за заставу кума, который къ нему навѣдался; затѣмъ увѣрялъ, что онъ ходилъ подь Новинское, гдѣ за деньги показывался бѣлый арапъ на манеръ ярославскаго мужика.

Платье онъ будто у портнихъ взялъ на поддержаніе, а затѣмъ говорилъ, что тотъ же кумъ подарилъ женѣ это платье; другое же—вовсе не новое, а старое, сшитое уже съ полгода назадъ.

Вообще все, что отвѣчалъ Антонъ, было отвѣтами человѣка путающагося въ своихъ показаніяхъ. Происходила ли эта путаница отъ содѣяннаго преступленія или отъ смущенія робкой природы—судить было некому.

Бригадиръ далъ Антону одну ночь на раздумье, чтобы добровольно сознаться, а подъячимъ велѣлъ уходить и вернуться на утро.

На утро виновный стоялъ на своемъ, говорилъ, что онъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, что такое ужъ его несчастіе, что Господь Богъ по грѣхамъ наказалъ.

— Да вѣдь ты въ Сибирь пойдешь! воскликнулъ бригадиръ, уже теряя терпѣніе.—Лучше сознайся, тогда я тебя просто въ какую дальнюю деревню на скотный дворъ сошлю. А коли не отдашь перстень, что ты безстыдно укралъ, то иди въ Сибирь.

— Не могу я на себя чужого грѣха взять, отозвался обвиняемый.— Не годно!

Около полудня явился тотъ же подъячій съ солдатами. Вся

дворня собралась въ людской и около ея на дворѣ. При всѣхъ дворовыхъ подъячій нацѣпилъ веревку на шею камердинера и передалъ конецъ ея солдату.

Жена Антона и его маленькій сынъ выли и голосили. Наконецъ, жена упала на землю въ корчахъ; ее подняли и унесли. Солдатъ, взявшій веревку, и подъячій, съ „дѣломъ“ подъ мышкой, уже собирались двинуться за ворота, когда въ самомъ домѣ произошло цѣлое событіе.

XVI.

Въ эти самыя минуты и уже давно, близъ окна залы, выходящаго на дворъ, стояла и тряслась всѣмъ тѣломъ сама молодая барышня. При движеніи солдатъ со двора, Клена закричала:

— Стойте!... Стойте!

Какъ только два лакея, сидѣвшіе въ прихожей, услышали восклицаніе барышни, оба разомъ поняли и тотчасъ выбѣжали на дворъ остановить шествіе.

Сама же Клена бросилась въ кабинетъ къ дѣду, влетѣла какъ ураганъ, кинулась передъ нимъ на колѣни и воскликнула:

— Дѣдушка, я... я украла... Остановите... Антонъ не при чемъ. Я украла.

Разумѣется, въ первыя минуты бригадиръ не удивился, а перепугался. Ему показалось, что внучка мгновенно сошла съ ума.

Прежде всего бригадиръ позвалъ сестрицу къ себѣ на помощь, такъ какъ онъ потерялся окончательно и не зналъ, что думать и что дѣлать.

Марья Евграфовна съ трудомъ подняла Клену съ пола, усадила ее на диванъ, поила водой. Клена тряслась всѣмъ тѣломъ, всхлипывала, задыхалась и повторяла только одно слово: „украла“.

На всѣ разспросы Марьи Евграфовны и бригадира, Клена отвѣчала все то же:

— Я, я... не Антонъ... Я украла... Чего же вамъ больше?..

Но зачѣмъ украла она, гдѣ перстень, какъ могло подобное совершиться—Клена не объяснила ничего.

— Я... Что жъ вамъ еще?..

— Да перстень-то гдѣ же? приставала Марья Евграфовна.

— Потеряла... выговорила, наконецъ, Клена.

Наступило молчаніе. Бригадиръ стоялъ смущенный, тяжело дышалъ и наконецъ, обращаясь къ Марьѣ Евграфовнѣ, выговорилъ тихо, но тревожно:

— Уведите ее... Положите въ постель... Напиться дайте чего-нибудь... теплаго что ли. Да за лѣкаремъ пошлите.

Клена встала и послушно отправилась за бабушкой въ свою горницу и послушно легла въ постель. Мысли ея путались въ головѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, явилось какое-то желаніе уйти и спрятаться отъ всѣхъ. Клена отвернулась къ стѣнѣ, уткнулась лицомъ въ подушку и пролежала такъ нѣсколько часовъ.

Между тѣмъ, Марья Евграфовна вернулась къ бригадиру въ кабинетъ, сѣла противъ него и, глядя въ его смущенное лицо, молча, однимъ взглядомъ и даже своей позой какъ бы спрашивала: „Что вы скажете? Какъ посудите?“

Въ кабинетѣ воцарилась тишина: бригадиръ не зналъ, что и отвѣчать на вопросительный взглядъ сестрицы.

Наконецъ, послѣ длинной паузы, Никита Артемьевичъ выговорилъ:

— Отъ великаго горя люди часто лишаются разсудка. Мы съ тобой отнеслись такъ, просто, съ легкимъ сердцемъ къ пропажѣ Козлянинова, т.-е. къ его убіенію, тайному и непонятному. А она по своему приняла это къ сердцу. Все въ ней перегорѣло: и въ сердцѣ, и въ мысляхъ все перепуталось. Лишилась она своего яснаго разума. Такъ деньдешнейской живетъ будто разумная, а въ дѣйствительности она лишилась разума, какъ сказывается по-русски — спятила. Большаго я ничего придумать не могу.

И Никита Артемьевичъ, смущенный, отправился къ своему другу посоветоваться, потолковать.

На этотъ разъ бесѣда друзей была короткая. Братолюбцевъ сразу понялъ дѣло по своему, и бригадиръ, ударивъ себя ладонью по лбу, ахнулъ.

— Мнѣ и на умъ этого не пришло! воскликнулъ онъ.

— А дѣло самое простое, замѣтилъ Братолюбцевъ. — Сплошь и рядомъ бываетъ. И чудно, что ты, старый тетеревъ, не догадался. Просто изъ жалости къ человѣку берутъ на себя поганое дѣло. А по моему, другъ, и Антонъ твой не виноватъ, а есть у васъ другой воръ и должно быть малый не промахъ, коли на него нѣтъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Подъячіе да повытки подлецы, рады хоть кого ни на

есть со двора потащить. Вотъ твоей внучкѣ, изъ жалости къ невинному человѣку, и пришло на умъ взять все дѣло на себя. На мой толкъ, брось все... Чортъ съ нимъ, съ этимъ перстнемъ. Антона не губи зря, а на слова внучки вниманія не обращай... Сказываетъ, что сама украла—ну и пуцай.

Бригадиръ вернулся домой не только спокойный, но и радостный. Онъ удивлялся только самому себѣ, какъ это такая простая мысль не пришла ему на умъ.

Однако, въ домѣ, по возвращеніи бригадира, радость его прошла. За время его отсутствія, Клена снова, но уже подробно, рассказала все бабушкѣ, созналась въ кражѣ. Мало того, она просила бабушку устроить ей все дѣло. Если перстень этотъ такъ дорогъ дѣдушкѣ, то она бралась снова достать его назадъ съ тѣмъ только, чтобы Марья Евграфовна дала ей сто или двѣсти рублей взамѣнъ.

Толбухина обѣщала, и онѣ уговорились, что на утро перстень будетъ опять у бригадира, а Клена получить сто рублей.

По возвращеніи бригадира, Марья Евграфовна передала ему все подробно. И въ первый разъ за послѣднія двадцать лѣтъ съ бригадиромъ случилось нѣчто особенное. Онъ зашатался и кое-какъ дошелъ до кресла. Старика-дворянина окончательно сразило это страшное извѣстіе. Во-первыхъ, внучка дѣйствительно воровка, а во-вторыхъ, и не сумасшедшая воровка, а правильно рассуждающая, обѣщающая возвратить покраденное за деньги.

На утро рано Братолюбцевъ былъ уже въ домѣ друга. Приѣхаль онъ точно также спокойный и веселый, такъ какъ прибылъ глубоко убѣжденный въ томъ, что объяснялъ накануне. Но черезъ нѣсколько времени тотъ же Геннадій Ивановичъ былъ смущенъ еще болѣе, нежели бригадиръ.

Онъ объяснялся со своей нареченной. Болѣе часа бился онъ съ ней.

— Да какъ это все случилось? поясните вы мнѣ, приста-
валь онъ.

— Поневолѣ... Нужно... отвѣчала Клена.

— Вѣдь вы знаете, что это дѣло срамное, не только для дворянки, но и для холопа простого..

— Знаю, отозвалась Клена, потупившись.

— Мерзкое дѣло.

— Знаю.

— Какъ же вы рѣшились на него?
 — Нужно было.
 — Деньги были нужны?
 — Деньги.
 — Зачѣмъ?.. куда?.. Все у васъ есть. Коли что купить хотѣли, надо бы у дѣдушки попросить; къ нему не хотѣли идти—мнѣ бы сказали, займы бы взяли. Стало быть, вы продали вещь?

— Нѣтъ, отдала.
 — Кому же?
 — Этого я не скажу.
 — И онъ вамъ денегъ далъ? Продавъ и принесъ деньги?
 — Нѣтъ.
 — Стало быть, вы ихъ получите?
 — Нѣтъ, не получу.
 — Стало быть тотъ, кому вы отдали перстень, ограбилъ васъ?
 — Нѣтъ.
 — Въ домѣ онъ живетъ, этотъ человѣкъ? Холопъ онъ вашъ?
 — Нѣтъ, лгала Клена. И этимъ однимъ словомъ она путала все дѣло и губила себя.

Это былъ единственный отвѣтъ, который былъ ложью. Но онъ былъ главный. На остальное она отвѣчала правду или говорила прямо, что не скажетъ.

— Да вѣдь вы обѣщали бабушкѣ возвратить перстень, если она вамъ дастъ денегъ?

— Обѣщала.

— И не смогли этого сдѣлать. Стало быть, тотъ лѣшій не возвратилъ вамъ перстень и деньги не принесъ. Что же это за дѣло такое? Вѣдь это темное дѣло! разсудите сами. Такое темное, что я и полагаю, что вы на себя чужую вину взяли. Полагаю я, что Антонъ укралъ перстень, а вы изъ жалости на себя берете. Только посудите, моя красавица, жалость жалостью, а срамота срамотой. Коли вамъ дѣдушка обѣщаетъ Антона помиловать, снимите вы съ себя срамное обвиненіе. Вѣдь Антонъ укралъ, а не вы?

— Нѣтъ, я! продолжала отстаивать Клена.

— И больше вы ничего не скажете ни мнѣ, ни дѣдушкѣ, кому вы отдали перстень и зачѣмъ все это произошло?

— Ничего не скажу. Когда буду вашей супругой, то всю правду вамъ и передамъ, можетъ быть... А теперь не могу.

Братолюбцевъ на эти слова ничего не отвѣтилъ, вздохнулъ и потупился.

— Когда наша свадьба?.. Поскорѣ бы... вымолвила Клена.—Конецъ мученью моему.

— Мученью?!. подхватилъ Братолюбцевъ, удивляясь.

— Да, мученью... Истомилась я: Мнѣ здѣсь не жизнь, а каторга. Вотъ воровать начала, а скоро, кажется, и руки на себя наложу... Скоро ли наша свадьба?

Братолюбцевъ слегка пожалъ плечами, видимо смутился, хотѣлъ что-то отвѣчать, пробурчалъ какое-то слово и зашнурлся.

— Спасите вы меня скорѣ изъ дьяволовыхъ рукъ... Погубить меня врагъ, мучитель, сатана... проговорила отчаянно Клена.

Братолюбцевъ вытаращилъ глаза, откинулся на креслѣ и долго молча смотрѣлъ на дѣвушку, понурившуюся предъ нимъ и закрывшую лицо руками.

Наконецъ, онъ снова протяжнѣе и глубже вздохнулъ, понурился тоже какъ бы подъ впечатлѣніемъ какого-то принятаго рѣшенія, затѣмъ медленно поднялся.

— Такъ ничего вы мнѣ не скажете?

Клена молчала.

— Ну, Богъ съ вами!

Братолюбцевъ повернулся и тихо вышелъ изъ ея горницы.

— Стало быть, украла-таки? рѣшилъ бригадиръ, узнавъ, въ чемъ состояла бесѣда Братолюбцева съ невѣстой.

— Да, украла... отозвался этотъ.

— Славно!.. рѣшилъ бригадиръ.

— Да, хорошо... отозвался его другъ.

— И назадъ получить не можетъ?

— Нѣтъ... Не можетъ.

— А кому отдала не скажетъ?

— Нѣтъ.

— Славно!.. Ай да внучка у меня въ домѣ!.. дрожащимъ голосомъ произнесъ бригадиръ и прибавилъ:—Ну, какъ же теперѣ быть?

— Да ужъ я не знаю, отозвался Братолюбцевъ.—Ты самъ лучше меня понимаешь... Не хорошее дѣло... Или тутъ темнота какая, кою мы разгадать не можемъ, а отъ нея во-вѣки истины не добьемся. Или же отъ горя помутился у ней разсудокъ... Ну, а ты самъ разсуди, другъ, за что же мнѣ вѣн-

чаться и въ жены брать таковую. Я ни воровки, ни сумасшедшей въ супруги себѣ въ мои годы не желаю.

Бригадирь ничего не отвѣтилъ на это и только черезъ нѣсколько минутъ прибавилъ какъ бы въ заключеніе:

— И ничему, стало быть, не бывать?

— Ничему, другъ, не бывать. Обожди малость, а тамъ сбудь съ рукъ... Выдай замужъ за какого прохожаго молодца, которому терять нечего: ни чести, ни совѣсти... А самое лучшее дѣло, пускай она идетъ, какъ собиралась, въ монастырь. Въ монастыряхъ часто и горе, и уродство, и срамъ подъясой хоронятъ. Но повѣрь, мнѣ, въ моемъ теперешнемъ состояніи, тоже не легко. Все-жъ-таки... Я... я за послѣднее время привыкъ считать ее своей нареченною, привыкъ уважать, цѣнить и любить, а теперь вдругъ этакое на голову свалилось... Либо она воровка, да еще и наглая, можетъ и прежде такой у матушки съ батюшкой была; или же она съ горя, объ утратѣ возлюбленнаго своего помѣшалась... А уменьшенную любить и за себя брать не приходится.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Можетъ обойдется... заговорилъ бригадирь.—Можетъ и впрямь затемненіе разума нашло... Сумасшествіе тоже вѣдь хворость. Пройдетъ недугъ и станетъ она опять, какая была...

— Вѣрно, другъ... Вѣрно... отозвался Братолюбцевъ.— Да такъ ли оно? Можешь ли ты, руку на сердце положи, сказать, что она хворости ради все это натворила. А распропажа, разворованіе всего приданаго... Это что? Нянька? А если не нянька... Много ль мы знаемъ эту дѣвицу? Безъ году недѣлю она у тебя въ домѣ-то. Почитай—чужая! А какова она съ дѣтства была у родителей своихъ, что видѣла кругомъ, что слышала, что сама привыкла творить по нраву своему, мы не вѣдаемъ... Да что тутъ... Страшно... Страшно, другъ...

Въ голосѣ Геннадія Иваныча звучали слезы и горечь сердечная.

— Я ее... Я вѣдь ее вотъ какъ... Какъ паренекъ молодой возлюбилъ! выговорилъ онъ вдругъ.—Помолодѣлъ самъ... Я бы за нее... прикажи она, топиться бы пошелъ... Ей-Богу, такъ сдается. А знать, что она воровка... Ну, что тутъ толковать. Не судьба. Жаль мнѣ тебя, что у тебя въ домѣ, на старости твоихъ лѣтъ—этакое приключилось. Прости.

Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ длиной паузы, друзья молча разстались.

Бригадиръ остался въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тяжелыя думы, а Братолюбцевъ, печальный, тихою походкой вышелъ изъ дома друга.

XVII.

Клена въ это время сидѣла въ своей горницѣ и если бы въ эту минуту Братолюбцевъ зашелъ еще разъ взглянуть на нее, то, конечно, остался бы въ полномъ убѣжденіи, что эта дѣвушка не воровка, какъ говорилъ онъ, а только просто умалишенная, не знающая и не сознающая того, что она дѣлаетъ. Лицо Клены было сухо и блѣдно, глаза сверкали, губы ея были судорожно и гнѣвно сжаты; но во всемъ ея существѣ сказывалась всего яснѣе не печаль, не робость, а озлобленіе.

Въ головѣ ея повторялась неясно, въ какомъ-то туманѣ, одна и та же мысль. Будто голосъ чей-то издалека шепталъ:

— Убить бы его слѣдъ, мучителя!

И Клена сама повторяла беззвучно губами:

— Да, убить бы тебя!

Вечеру явилась къ внучкѣ Марья Евграфовна. Долго прособиралась поклонница Бато и Мариво итти къ дѣвушкѣ съ неприятнымъ, серьезнымъ и тяжелымъ порученіемъ бригадира и Братолюбцева. Отъ жениха она должна была объявить оскорбительный для чести дѣвушки отказъ, а отъ дѣда предложеніе или скорѣе приказаніе покинуть его домъ и ѣхать жить въ вотчину въ Костромской губерніи, чтобы ради срама удалиться изъ Москвы.

Разумѣется, бригадиръ не хотѣлъ тотчасъ гнать внучку изъ дому, но онъ хотѣлъ, чтобы она тотчасъ узнала это рѣшеніе ея участи.

Марья Евграфовна не скоро привела Клену въ полное сознаніе и конечно не сразу объявила ей первую ужасную новость.

Когда дѣвушка поняла вполнѣ, что Братолюбцевъ беретъ свое слово назадъ и не хочетъ жениться на ней—Клена вскочила съ мѣста какъ ужаленная; глаза ея сверкнули, дыханіе захватило судорогой, но она не вымолвила ни единого слова. Ни единого звука не сорвалось съ ея поблѣднѣвшихъ и дрожавшихъ губъ.

Она снова опустилась на кресло и застыла. Марья Евграфовна перешла къ другому порученію отъ имени дѣда, но Клена не слушала бабушки.

„Пропала! Загубла! Онъ меня здѣсь загубить. Бѣжать надо!“ мысленно повторяла Клена.

Но вдругъ ей пришла новая мысль, и лицо оживилось на минуту.

„Въ монастырь. Да... Какъ собиралась, такъ и надо. Съ Аришей вмѣстѣ буду...“

— Ты меня не слушаешь, произнесла наконецъ Марья Евграфовна.—Ты слышишь, что дѣдушка желаетъ, чтобы ты выѣхала изъ его дома.

— Хорошо... Выѣду... Да... Сейчасъ... машинально выговорила Клена, очевидно думая о другомъ.

— Не сейчасъ... Но черезъ недѣлю... Ну хоть и позже... Только знай это. Не полагай, что такое дѣяніе можетъ остаться...

— Бабушка! рѣзко прервала Клена Толбухину, какъ бы собиравшуюся начать цѣлую проповѣдь.—Бабушка! Попросите его... Умолите его... За что же такъ...

— Это его послѣднее слово, Клена. Послѣ такого срама дѣдушка не хочетъ, чтобы ты оставалась въ домѣ его.

— Не дѣдушка... Что мнѣ это. Я на край свѣта готова итти. Въ монастырь пойду... Про Геннадія Ивановича я говорю. Умолите его... Я буду хорошая ему жена.

Марья Евграфовна, разумѣется, отказалась на отрѣзъ исполнить подобную просьбу внучки. Толбухина была изумлена тѣмъ, какъ мало поразили Клену двѣ такія важныя вѣсти: отказъ жениха и изгнаніе изъ-подъ родного крова.

„Да ей все это, какъ объ стѣну горохъ!“ рѣшила Марья Евграфовна.

Толбухина оставила внучку одну, не считая даже нужнымъ ее утѣшить. Она рѣшила, что дѣйствительно лучше всего постричь дѣвушку и, такъ сказать, искупить монашествомъ вѣсь приключившійся срамъ.

Между тѣмъ у Филисова съ сетрицей явились новыя заботы—московскіе сплетни и толки.

Чрезвычайный случай въ домѣ бригадира не могъ остаться тайной. Не прошло трехъ дней, какъ вся Москва дворянская, Богъ вѣсть какъ, узнала о необычномъ и срамномъ приключеніи въ домѣ Никиты Артемьевича Филисова. И всякій толковалъ и перетолковывалъ случай на свой ладъ.

Заключеніе всякій выводилъ буквально такое же, какое мысленно дѣлалъ теперь и самъ Филисовъ.

„Нельзя отвѣчать за дѣвушку, пришедшую въ домъ уже

семнадцати лѣтъ, хотя и внучка она ему, а почти чужая. Не онъ ее воспитывалъ. Родилась и воспиталась она совѣмъ въ другой обстановкѣ. Можетъ быть еще и у отца вела она себя негоднымъ образомъ, воровала, а можетъ и пьянствовала. Ужь брать приемыша въ домъ, такъ бери маленькимъ. Виданое ли дѣло, чтобы брали приемыша двадцатилѣтняго! Этакъ и сорокалѣтняго, стало быть, можно взять.“

Въ домѣ бригадира всѣ были равно смущены; царствовала какая-то тяжелая тишина отъ зари до зари. Никита Артемьевичъ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, никуда не выѣзжалъ, говоря сестрицѣ, что ему совѣстно въ люди глаза показать.

Марья Евграфовна тоже сидѣла дома у себя въ горницѣ и не могла приняться ни за какое дѣло. Въ головѣ ея всѣ мысли перепутались. Она чужая теперь въ исторіи съ перстнемъ нѣчто загадочное, что ее пугало всего болѣе. Она не вѣрила въ то, что Клена взяла на себя чужую вину—Антонана ли, другого ли какого человѣка. Равно Толбухина не вѣрила и въ подозрѣніе Братолюбцева, что Клена „свихнулась“ или сошла съ ума отъ горя. Все можно было заподозрить, но отнюдь не сумашествіе, такъ какъ дѣвушка вела себя какъ здравомыслящая.

Сама Клена была совершенно убита нравственно отказомъ Братолюбцева жениться на ней. И только теперь поняла Марья Евграфовна, что ошиблась въ своемъ сужденіи. Толбухина однако опять не поняла внучку и не могла объяснить себѣ, почему именно такъ поражена дѣвушка.

„Неужели же можетъ она любить этого стараго пустозвона“, думала Марья Евграфовна. — „И какъ же она могла такъ скоро полюбить его, когда еще недавно обожала другого и потеряла его такимъ сокрушающимъ образомъ. Что же это за дѣвица такая? Или просто хотѣлось ей поскорѣе барыней быть... Выйти замужъ хоть за стараго.“

И Марья Евграфовна, запутавшись мысленно, рѣшила всѣ свои догадки однимъ заключеніемъ:

Трепцить... Разваливается... повторяла она про свою голову.

И не у одной барыни трепцало въ головѣ отъ всего приключенія. Всѣ люди въ домѣ до одинаго ходили какъ очумѣлые; всѣ, со словъ Антона, да и по чутью собственнаго сердца, были убѣждены, что не онъ и никто изъ нихъ не воровалъ... А барышня?... Она на себя лжетъ! Такъ кто же тогда! Что же это? Навожденіе дьявола? Наказаніе Божеское?

XVIII.

Инокія Анастасія, то-есть бывшая мамушка Арина Матвѣевна, не мало дивила всѣхъ монахинь своимъ поведеніемъ и даже своимъ внѣшнимъ видомъ. Всѣ, отъ игуменьи до послѣдней монастырской служки, относились ко вновь постриженной Анастасіи хотя съ уваженіемъ, но отчасти сдержанно и подозрительно.

Во всей фигурѣ Анастасіи было что-то загадочное, сомнительное. Она вела себя въ высшей степени скромно, не отказывалась ни отъ какихъ занятій или работы, и хотя не наложла на себя, что бывало изрѣдка, эпитиміи молчанія, тѣмъ не менѣе почти никогда ни съ кѣмъ не говорила. Кратко отвѣчала она двумя-тремя словами на предлагаемые ей вопросы, сама же почти никогда не заговаривала ни съ кѣмъ.

Лицо ея всегда было не только грустно, но даже съ такимъ выраженіемъ безысходной гнетущей тоски, что всякій могъ догадаться о чемъ-то ужасномъ, заставившемъ пожилую женщину вдругъ постричься.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, а это наиболѣе бросалось въ глаза всѣмъ монахинямъ, она, хотя присутствовала при всѣхъ службахъ монастырскихъ, тѣмъ не менѣе молилась мало, стояла истуканомъ, суровая, иногда глубоко задумавшись. Случалось, входила она и выходила послѣ долгой службы, почти ни разу не перекрестивъ лба.

Скромное поведеніе, молчаливость, нелюдимство, безотвѣтность и въ то же время полное отсутствіе усердія въ молитвѣ, конечно, должны были странно дѣйствовать на всякую монахиню. Всѣ понимали и догадывались, что въ жизни нянюшки случилось, вѣроятно, что-нибудь чрезвычайное, что заставило ее бѣжать изъ міра въ монастырскія стѣны, не охотой, а поневолѣ, не ради спасенія души, а ради какой-то иной тайной и загадочной причины.

Прошло уже не мало времени что Арина Матвѣевна была въ монастырѣ, когда однажды послѣ обѣдни, выходя изъ церкви въ кучкѣ другихъ монахинь, она вдругъ обратила на себя всеобщее вниманіе внезапнымъ крикомъ:

— Господи! Во снѣ, аль на яву? Ты ли это, сударь мой?

Арину Матвѣевну заставилъ вскрикнуть остановившій ее за руку какой-то плохо одѣтый парень, повидимому изъ

простолюдиновъ. Платье не немъ было довольно грязное и рваное; кафтанъ барскаго покроя, а на ногахъ просто онучи и лапти.

Личность эта, по одеждѣ не баринъ и не крестьянинъ, казалась подозрительною. Лицо же еще болѣе усиливало непріятное впечатлѣніе.

— Откуда? Какими судьбами? произнесла Арина Матвѣевна тише, взявъ незнакомца за обѣ руки.

— Можно ли мнѣ къ тебѣ на минутку, на пару словъ? проговорилъ молодой парень.

— Вѣстимо, можно. Иди, иди.

И Арина Матвѣевна, волнуясь, съ тревожнымъ лицомъ, взяла молодого малаго за руку и потащила за собой. Она послала доложить игуменьѣ, что просить позволенія принять у себя въ кельѣ родственника и, не дожидаясь даваемого обыкновенно разрѣшенія, привела незнакомца въ свою келью.

— Съ того ты свѣта или съ этого?.. воскликнула Арина Матвѣевна, заперевъ за собою дверь.

И голосъ ея былъ далеко не смѣшливый. Она не шутила, задавая такой вопросъ.

— Ужъ и не знаю, мамушка, отозвался гость, не кто иной какъ Филиппъ Филисовъ.— Почитай съ того свѣта. Вѣрно ты угадала.

— Что ты, Богъ съ тобой! даже испугалась Арина Матвѣевна и перекрестила два раза сѣвшаго на стулъ молодого челоуѣка.

Тутъ няня пристальнѣе и внимательнѣе присмотрѣлась къ лицу Филиппа. Лицо это соотвѣтствовало грязной и рваной одеждѣ.

Много ли прошло времени съ тѣхъ поръ, что Филиппъ исчезъ изъ квартиры послѣ смерти отца, а между тѣмъ онъ перемѣнился страшно. Онъ не возмужалъ, что могло бы быть въ его годы. Онъ просто постарѣлъ. Ему было еще лѣтъ шестнадцать, а по лицу трудно было догадаться объ этихъ лѣтахъ. И двадцать! И тридцать!

Недавно еще полное здоровья, румяное лицо и беззаботное, отчасти дерзкое выраженіе его—исчезли... Лицо было худое, истощенное, зеленоватое. Блескъ глазъ потухъ, прежняя дерзость взгляда и улыбки замѣнилась какой-то горькою жесткостью. Глаза стали злые, въ складкѣ крѣпко сжатыхъ губъ сказывалась горечь, озлобленіе.

„Какой-то тоже остервенѣлый“, невольно вдругъ про себя подумала Арина Матвѣвна.

Она грустно оглядѣла своего бывшего питомца, котораго никогда не любила, такъ какъ еще съ четырехлѣтняго возраста онъ обращаясь съ нею грубо и поэтому няня всегда пророчила ему худой конецъ. Теперь онъ сталъ сразу жалокъ ей.

И по рваному кафтану, по лаптямъ и въ особенности по этому измученному лицу Арина Матвѣвна догадалась тотчасъ же, что, вѣроятно, черезъ многое и многое прошелъ ея питомецъ за послѣдніе мѣсяцы.

— Ну, говори, сказывай, что съ тобой было?

— Да хорошаго мало, мамушка.

— Да какъ, что? Гдѣ ты пропадалъ? Что съ тобой было? закидала няня Филиппа вопросами. — Разсказывай. Какъ ты до лаптей-то доплясался? Правду ль сказывалъ намъ одинъ изъ стрекулистовъ, да и Никита Артемьевичъ тоже слышалъ, что ты въ бунтѣ на Красной площади обрѣтался, въ разбояхъ да грабежахъ уличался, въ убійствѣ солдатъ государскихъ осуждался? Правда ли все это, аль враки?

— Что объ этомъ, мамушка, махнулъ отчаянно Филиппъ. — Мало ли что было. Все было.

— Сказывали, вѣдь ты въ острогѣ сидишь. Сидѣлъ ли ты? Филиппъ снова махнулъ рукой, но промолчалъ.

— Теперь-то ты что дѣлаешь? Чѣмъ сытъ и обутъ? Говори. Обутъ ты въ лапти, вижу. Сытъ-то чѣмъ, хлѣбомъ однимъ? Говори, голубчикъ, прибавила Арина Матвѣвна и невольно прослезилась:

Хотя и былъ барченокъ всегда ея ненавистникомъ, всю свою жизнь дрался съ нею и поносилъ ее всячески, но теперь его лицо, его жалкій видъ, несмотря на ожесточенность и злобу во всѣхъ чертахъ лица, произвели на Арину Матвѣвну тяжелое впечатлѣніе. Она никогда не повѣрила бы прежде, что способна прослезиться изъ сочувствія къ Филиппу.

— Говори же, разсказывай.

— Нѣту, мамка, уволь, не стану, отозвался Филиппъ. — Да и нечего разсказывать. Много, что со мною было. Всего много было, чего хуже еще и не выдумаешь. Много на свѣтѣ несчастныхъ людей, ну а такого какъ я, вотъ пойдѣ по всему свѣту поищи, и не найдешь.

И Филиппъ усмѣхнулся. Но отъ этой улыбки морозъ побралъ няню и трепетъ въ сердце проникъ.

„Этакъ должно быть, только разбойники, душегубы ухмыляются“, подумала Арина Матвѣвна.

— Нечего мнѣ рассказывать, продолжалъ Филиппъ. — А вотъ ты мнѣ, мамка, расскажи про сестру. Гдѣ она, что, какъ поживаетъ? Замужемъ, что ли; Козлянинова она, аль нѣтъ?

— Нѣтъ, не замужемъ, какое! пробурчала Арина Матвѣвна. И отъ этого имени, произнесеннаго Филиппомъ, сразу пере-мѣнилось лицо мамки. Сразу стало оно угрюмо и печально.

— Что же, надулъ васъ съ сестрой Козляниновъ-то этотъ? Я такъ и полагалъ. Пролазъ онъ былъ. Небось, теперь на другой женился.

— Охъ, Богъ съ тобой! махнула обѣими руками Арина Матвѣвна.—Полно грѣшить, никого онъ не обманывалъ.

— Да вѣдь не женился.

— Охъ, Филиппушка, не грѣши! Ничего ты не знаешь. Онъ—покойникъ.

— Какъ? удивился Филиппъ.—Козляниновъ?!

— Да такъ, покойникъ.

— Отъ чумы, что ли?

— Да, отъ чумы, выговорила Арина Матвѣвна и вдругъ прибавила:—Да. То-ись такъ сказываютъ, а собственно никому неизвѣстно. Онъ безъ вѣсти пропалъ.

— Тоже безъ вѣсти, усмѣхнулся Филиппъ.—Ишь, чумовые-то дни! Сколько такихъ-то, что невѣдомо, либо померъ, либо живъ. Вотъ тебѣ и здравствуйте! снова злобно и ожесточенно разсмѣялся Филиппъ.—Нашего полку прибыло.

— Какъ вашего полку?

— Ты говоришь: онъ либо померъ, либо нѣтъ?

— Безъ вѣсти пропалъ, странно выговорила няня.

— Ну да, безъ вѣсти, стало быть, оно то же выходить: либо живъ, либо нѣтъ. Вотъ я и сказываю, нашего полку прибыло. И я, можетъ, такъ-то.

— Нѣтъ, родной, отозвалась Арина Матвѣвна,—ты про-падалъ, да вѣдь вотъ ты живъ. А Николай-то Ивановичъ, вѣрно извѣстно, померъ, можетъ даже... И няня не догово-рила и прибавила:—А ты все-жь живъ.

— Живъ, живъ. Это такъ сдается, усмѣхнулся Филиппъ.—А можетъ, я и не живъ, я къ тебѣ покойникомъ съ того свѣта пришелъ, а тебѣ и невдомекъ.

— Полно ты, проговорила Арина Матвѣвна, снова крестя молодого человѣка.

XIX.

Филиппъ опустилъ голову и, будто забывъ, гдѣ онъ, вдругъ глубоко задумался. Наступило молчанье. Мамушка пристально глядѣла на него и соображала: отчего ей становится такъ жутко и отъ его словъ, и отъ его усмѣшки, въ которыхъ чудится что-то недоброе и зловѣщее.

Филиппъ вздохнулъ, пришелъ въ себя и вымолвилъ веселѣе:

— Ну, рассказывай ты мнѣ, Ариша, все о сестрѣ. Мнѣ надо все знать. Мало того, мнѣ нужно повидать ее, по-зарѣзъ нужно. Ради Создателя, помоги ты мнѣ въ этомъ. Одинъ разокъ только повидаться мнѣ съ Кленой, а тамъ ужъ я... Ну, да это мое дѣло. А ты говори мнѣ все. Гдѣ она и что? И какъ мнѣ съ ней повидаться?

Арина Матвѣевна кратко объяснила Филиппу то положеніе, въ которомъ находится Клена въ домѣ бригадира. Сначала она не хотѣла вдаваться въ подробности, собиралась утаить самое главное, но понемногу, видя насколько трогало и волновало все Филиппа, Арина Матвѣевна не удержалась и подробно передала все происшедшее за время ихъ разлуки.

— Почему же мудрить онъ надъ вами, Герасимъ-то этотъ? произнесъ уже не въ первый разъ Филисовъ.

Но каждый разъ на этотъ вопросъ Арина Матвѣевна или не отвѣчала, или отвѣчала неопредѣленно, неясно и ничего не объясняющими словами.

— Погоди, мамушка, я тебя въ который разъ спрашиваю: за что же все это? Почему ты говоришь, вся жизнь твоя и сестрина прахомъ пошла, хоть ложись и умирай? Надъ вами надсѣдается, потѣшается дворовый холопъ, а вы по его дудкѣ пляшете, якобы ученые медвѣди какіе. Я спрашиваю, почему такъ, а ты не отвѣчаешь. Говори толкомъ.

Арина Матвѣевна снова начала туманными фразами путать что-то.

— Опять ты за свою околесную, мамушка. Не хочешь, стало быть, этого пояснить, почему холопъ дѣдушкинъ вами помыкаетъ, этакую власть забралъ? Ну, что же? прибавилъ Филиппъ, видя, что Арина Матвѣевна сидитъ, опустивъ голову, молчитъ и даже не собирается отвѣчать.—Что же, скажешь ты мнѣ?

Арина Матвѣевна вздохнула и молча потрясла головой.

— Нѣту, голубчикъ, не скажу.

— Вотъ и здравствуйте! грубовато размѣялся Филиппъ.— Ну, а если я помочь вамъ обѣщаюсь въ этомъ дѣлѣ, тоже не скажешь?

— Помочь ты не можешь.

— Это ты говоришь, а я говорю: могу. Нѣтъ того дѣла, въ которомъ я не могъ бы помочь. Ты, мамушка, не гляди, что мнѣ шестнадцатый годъ. Я такіе виды видалъ за эти полгода съ небольшимъ, какихъ иной во всю жизнь свою не увидить. Я теперь не тотъ барченокъ Филиппъ, который съ другими мальчишками озорничалъ на улицахъ московскихъ. То были цвѣточки, а потомъ пошли ягодки. А теперь-то ужъ пошло такое, чему и названія не придумаешь. Если я говорю, что помочь могу, то, не зная дѣла, все-таки скажу: нѣтъ того, въ чемъ бы я не могъ быть въ помощь. А ради сестры я теперь на все пойду. Моя жизнь—не каторга, хуже того. И сатанѣ, почитай, лучше живется, чѣмъ мнѣ. И вотъ самъ не знаю, почему теперь, когда я узналъ отъ тебя, что сестра жива и въ несчастіи, горѣ, я ее какъ-то чудно, сразу вотъ будто, полюбилъ шибко. Мнѣ все думалось, что она какъ сыръ въ маслѣ катается и это меня инъ бывало озлобляло. Зависть что-ль брала? А коль скоро и она, бѣдная, горе мыкаетъ, какъ я, только на свой образецъ, то я ей помогу. Ну, такъ не скажешь, чѣмъ васъ этотъ Герасимъ обязалъ?

— Нѣту, голубчикъ, не могу и не скажу. Хоть убей вотъ, не скажу.

— Ну, какъ знаешь. Такъ говори, какъ мнѣ съ сестрой повидаться.

— Да просто, голубчикъ, ступай къ дѣдушкѣ. Онъ, можетъ, тебя простить и приметъ въ домъ. Въ одинъ день перемѣнишь и одежду свою, да и лицомъ недѣлки въ двѣ исправишься, опять баринъ будешь.

Филиппъ громко размѣялся; но смѣхъ этотъ снова заставилъ Арину Матвѣвну приглядѣться къ нему и вздохнуть.

— Чудно ты смѣешься Филиппушка. Отъ твоего смѣха такъ инда по спинѣ морозъ пробираетъ. И что же тебѣ тутъ смѣшиного кажетъ—итти къ дѣду прощенья просить?

— Объ этомъ, мамушка, толковать нечего. Итти мнѣ къ бригадиру-дѣду въ ноги кланяться, прощенья просить и зажечь въ его домѣ такъ же возможно, какъ подскочить, да верхомъ на луну състь.

— Онъ тебя простить, вѣрно тебѣ сказываю.

— Онъ-то простить, да другіе-то не простятъ.

— Кто? Что ты путаешь?

— Ну, объ этомъ нечего толковать. Ты своей тайны сказывать не хочешь, я моей тебѣ не скажу. Итти открыто въ домъ дѣда мнѣ нельзя. А видѣться съ сестрой мнѣ нужно, по-зарѣзъ нужно, и не ради себя, скажу, а больше ради ея самой. Теперь у меня два дѣла: первое ее изъ бѣды выручить, а потомъ ужъ попробовать и себя съ того свѣта на этотъ опредѣлить.

— Чудно ты сказываешь.

— Не чудно, мамушка. Я, почитай, мертвый человѣкъ; оттого мнѣ и нельзя къ дѣду итти. Прежде надо снова опредѣлить себя въ живые. А вотъ говори мнѣ, какъ сестру-то повидать.

Послѣ долгаго разговора и увѣщаній молодца, Арина Матвѣвна пришла къ тому убѣжденію, что повидаться Филиппу съ сестрой нѣтъ никакой возможности, иначе какъ у ней въ кельѣ.

Но Филиппъ на это ни за что не соглашался.

— И этого нельзя, Аринушка, мотнулъ головой Филиппъ. — Я тебѣ самое главное позабылъ сказать. Если ты не хочешь меня губить, то не сказывай игуменьѣ или кому здѣсь въ монастырѣ, кто у тебя былъ. Не называй меня Филисовымъ. Коли назовешь, то ты меня безъ ножа зарѣжешь. Вотъ тебѣ передъ Богомъ правду говорю. Скажи, что былъ у тебя какой ни на есть человѣкъ изъ дворовыхъ, Филисовскихъ людей.

— Вона оно какъ! изумилась Арина Матвѣвна.

— Да, коли хочешь зарѣзать безъ ножа, такъ и брякни, что я Филисовъ. Ну вотъ поэтому и нельзя мнѣ у тебя съ сестрой повидаться. Всякій пойметъ, что ты сладила свиданіе барышни Филисовой съ какимъ-то парнемъ. А кто этотъ парень? Ужъ, конечно, не мѣщанинъ какой, богомолецъ изъ Иерусалима. Да и лицомъ-то мы схожи. Теперь не догадались, а увидятъ меня здѣсь въ одинъ часъ съ сестрой, сейчасъ догадаются, кто я. И конецъ мнѣ. Прямо отъ тебя и иди къ палачу подъ плети.

— Вона какъ! ахнула опять Арина Матвѣвна.

— Да; а ты полагала какъ? Нѣтъ, мамушка, надо иначе надумать. Нельзя ли мнѣ какъ забраться къ сестрѣ тайкомъ? Ты сказывала, что Козляниновъ передъ исчезновеніемъ сво-

имъ бываль у васъ черезъ чердакъ. Вотъ я тѣмъ же путемъ и могу.

— Ахъ нѣтъ, тѣмъ же путемъ избави Богъ! вздохнула Арина Матвѣвна.

— Почему такъ?

Мамушка не стала объяснять, но трясла головой и не совѣтовала лѣзть къ Кленѣ чрезъ слуховое окно.

— Да инако нельзя, пойми, горячо убѣждалъ женщину Филисовъ.

Кончилось тѣмъ, что Арина Матвѣвна подробно передала своему питомцу, какимъ образомъ, въ какое время можетъ онъ пробраться къ сестрѣ, черезъ садъ, по лѣстницѣ и затѣмъ черезъ чердакъ проникнуть въ ея горницы на вышкѣ.

— Ну вотъ, спасибо, веселѣе выговорилъ Филиппъ, и въ первый разъ онъ улыбнулся просто, какъ бывало прежде.

— Только боюсь я, голубчикъ мой, не было бы отъ этого бѣды какой.

— Какая же бѣда, матушка? Никто не увидитъ. Я тоже ночью вѣдь пролѣзу. А чтобы ее не испугать, да дверь съ чердака не приперъ кто, такъ ты ей скажи, что будетъ къ ней братъ. Быть можетъ, мы съ нею только разъ или два свидимся. А тамъ ужъ до второго пришествія отложится свиданіе, до возстанія всѣхъ мертвыхъ изъ гробовъ. Ну, а теперь, порѣшивши всѣ дѣла, дай ты мнѣ хлѣбца; у меня со вчерашняго дня ни маковой росинки во рту не было.

Арина Матвѣвна ахнула, вскочила, достала хлѣбъ изъ шкафчика и затѣмъ стала среди горницы, потирая себѣ лобъ рукою. Наконецъ она произнесла:

— Обожди малость: хоть осрамлюсь, а ужъ раздобуду я тебѣ говядинки.

И Арина Матвѣвна быстро вышла изъ кельи. Филиппъ, оставшись одинъ, глубоко и тяжело задумался, понурившись и сгорбившись на стулѣ. Наконецъ онъ зашепталъ вслухъ:

— Да... Лихое житье. И за что? Ну, мнѣ еще подѣломъ. За грѣхи, за непочтенье родителей и всякую мерзость. А за что же бѣдняга-сестра горе мыкаетъ? Даже мамка наша до монастыря замыкалась, за всю свою любовь къ намъ. Нѣтъ, шалишь, злая судьба! Я на всякое преступленье законовъ пойду, а бѣдную сестренку спасу. За это спасеніе мнѣ многіе мои грѣхи отпустятся на томъ свѣтѣ. А на этомъ — семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

XX.

Разумѣется, на другой день монахиня Анастасія отправилась въ домъ бригадира повидаться со своей питомицей.

Здѣсь, не смотря на ея постриженіе, на одежду, всѣ продолжали звать ее Ариной Матвѣвной, а Клена мамушкой. Каждый разъ, что она появлялась въ домѣ, всѣ обитатели его принимались за старые толки и догадки:

— Съ чего это наша мамушка пошла въ монастырь? Что за притча?

Побывавъ у барыни Марьи Евграфовны на одну минуту, чтобы поклониться ей ради приличія и передать просвирку, вынутую за ея здоровье, бывшая няня тотчасъ же поднялась на верхъ, въ горницы своей Клены. Дѣвушка и няня, какъ всегда, крѣпко обнялись и тотчасъ же расплакались.

Няня не видала Клену уже давно. Первый вопросъ ея былъ, конечно, о томъ, какъ живется, что новаго, что „онъ“. Клена съ отчаяніемъ въ голосъ передала нянѣ все что съ нею было, свою кражу, отказъ Братолюбцева жениться на ней и затѣмъ прибавила:

— И это не все, матушка... Есть еще худшее, горшее... Совсѣмъ конецъ мнѣ приходитъ. Затянуться въ петлю осталось или утопиться, другого спасенія отъ мучителя нѣту.

И Клена, стыдась, невольно, зарумянившись, передала нянѣ свои намеки, что послѣднія преслѣдованія Герасима горше первыхъ и грозятъ уже не одной дворянской, а и дѣвической ея чести.

Арина Матвѣвна, едва только поняла, вскочила со стула и, задохнувшись, выговорила:

— Господи помилуй! Да что же это! Каково! Холопъ! Ахъ, сатана!

И, снова опустившись на мѣсто, она понурилась и послѣ долгаго молчанія произнесла:

— Какъ же быть? Когда же конецъ-то будетъ? И впрямь топиться тебѣ или въ монастырь итти къ намъ.

— Да, мамушка, я и то думала постричься. Другого спасенья мнѣ нѣту. Лучше постричься, чѣмъ убійствомъ душу свою загубить. Да и скорѣе надо. Онъ грозится.

Извѣстіе, сообщенное Кленой, настолько поразило Арину Матвѣвну, что она даже позабыла, съ чѣмъ пришла въ домъ,

и только вопросъ Клены заставилъ ее вспомнить о молодомъ Филисовѣ.

— Ну, что, мамушка, какъ ты въ монастырѣ поживаешь? спросила Клена.

— Ахъ, Создатель мой, забыла я! воскликнула Арина Матвѣевна.—Вѣдь я къ тебѣ съ удивительною вѣстью. Братецъ твой живъ оказался, былъ у меня.

— Что ты, няня! Нашелся? Гдѣ же онъ? Отчего же онъ не идетъ сюда къ дѣдушкѣ? закидала Клена вопросами няню, и лицо ея оживилось, засвѣтилось радостью, которой давно уже не было у нея.

Арина Матвѣевна подробно рассказала все, что знала про Филиппа, передала и свое впечатлѣніе, произведенное его фигурой, даже одеждой.

— Это все ничего, воскликнула Клена.— Можетъ, онъ, дѣйствительно, во всякихъ бѣдахъ былъ. Если было у него много тяжелаго и горькаго, то это его обучило, онъ теперь остепенится. Надо, чтобы онъ пришелъ сюда, просить прощенья у дѣдушки. Можетъ быть, тогда и я останусь и мы вмѣстѣ заживемъ. Онъ, можетъ быть, поможемъ мнѣ какъ-нибудь и отъ моего злодѣя избавиться. При немъ Герасимъ побоится такъ поступать.

Но мамушка объяснила Кленѣ, что на предложеніе ея явиться въ домъ и просить прощенья у дѣда, Филиппъ отказался наотрѣзъ, говоря, что это невозможно, что это равносильно совершенной его гибели. Затѣмъ она передала Кленѣ, что Филиппъ непремѣнно хочетъ видѣться съ нею, но не иначе, какъ тайкомъ и у нея въ мезонинѣ.

— Онъ хочетъ пробраться къ тебѣ такъ же, какъ бѣдный Николай Ивановичъ бывалъ, сказала няня.

— Ахъ, нѣтъ, вдругъ тоскливо оживилась Клена.—Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Помилуй Богъ! Боюсь, опять какая бѣда будетъ. Лучше у тебя въ монастырѣ, мамушка.

Но Арина Матвѣевна снова объяснила, что на это Филиппъ согласиться не можетъ, боясь, что свиданіе его съ сестрой навлечетъ на него подозрѣніе.

— Онъ, родимая моя, заговорила няня,—по всему видать, скрывается отъ начальства, да и отъ всѣхъ людей. Онъ боится, что если у меня съ тобой посидитъ, то сейчасъ признаютъ его; а какъ узнаютъ, что онъ твой братъ, Филисовъ, такъ, говорить, ему бѣда.

— Почему же? За что?

— Этого онъ не сказалъ и я не знаю. Вотъ увидите, сама все у него выспросишь. Тебѣ, можетъ, онъ и скажетъ.

— Говорила ли ты ему про мое житье?

— Все говорила.

— И про это... Клена запнулась,—ну, про это наше великое горе... Про смерть Коли, какъ она приключилась. И это сказала?

— Нѣту, золотая моя, про его страшную кончину я не рассказывала; сказала: онъ—пропащій не вѣдомо гдѣ и какъ. Это ужъ твое дѣло. Хочешь, все ему скажешь.

Клена вздохнула, задумалась, а потомъ вымолвила спокойнѣе и съ отѣнкомъ чувства въ голосѣ:

— Да, увидимся. Ему я скажу, мамушка. Ему я все скажу. Что же, это не преступленіе какое, не убійство. Мы и ни въ чемъ не повинны. Ему я все скажу. Я рада его видѣть. Можетъ, мнѣ отъ него совѣтъ какой и заступленіе будетъ. Онъ хоть и молодъ, почитай, мальчикъ, а сама ты говоришь, глядитъ теперь взрослымъ. Такъ пускай приходитъ. Это иное дѣло; его посѣщенія ночью я не боюсь. Что же, онъ братъ родной. Если увидятъ его, поймаютъ, ну, я скажу дѣдушкѣ, что ему хотѣлось повидаться со мною, а къ нему онъ итти боялся. Вотъ и пришелъ ночью черезъ лѣстницу на чердакъ. Когда ты его увидишь?

— Нынѣ или завтра обѣщаль быть.

— Ну, такъ и скажи, пускай приходитъ скорѣе, мнѣ хочется его повидать. Одинъ онъ теперь у меня на свѣтѣ,—да и несчастный, сказываешь ты. Видно, судьба наша такая, и его и моя. Обоимъ суждено горе мыкать. Онъ мнѣ свое скажетъ, а я ему свое, намъ и легче будетъ. Можетъ, вмѣстѣ мы какъ-нибудь и выпутаемся. У меня вѣдь все, мамушка, бываетъ глупая надежда изъ всѣхъ этихъ горестей выбраться, и другую жизнь начать. Или прямо, говорю, итти топиться, отъ мучителя.

Арина Матвѣевна ушла, а Клена весь день и вечеръ чувствовала себя какъ на угольяхъ. Она не надѣялась увидеть брата въ ту же ночь, будучи увѣрена, что няня не успѣетъ повидаться съ Филиппомъ. Слѣдовательно, ей приходилось ждать его еще весь завтрашній день.

Клена отчасти удивлялась чувству, съ которымъ она ждала свиданія съ братомъ. Они никогда не были дружны: Филиппъ

слишкомъ грубо и дерзко обращался и съ нею, и съ родными. Онъ съ самаго ранняго дѣтства обижалъ ее, билъ и озорничалъ на всѣ лады, за что его никто и не любилъ въ семьѣ. Когда же онъ подросъ, то окончательно возбуждалъ къ себѣ въ сестрѣ или презрѣніе, или ненависть.

Такъ какъ Филиппъ долженъ былъ чаще всего выслушивать нравоученія отъ своей няни, то на нее и нападалъ наиболѣе. Онъ не только бранился постоянно съ Ариной Матвѣевной, но часто кидался на нее съ кулаками; она должна была поневолѣ защищаться и между ними невольно происходила настоящая драка, въ которую вступалась Клена, защищая свою Аришу. Теперь, съ тѣхъ поръ такъ много воды утекло, такъ много случилось неожиданнаго, страшнаго, что этотъ безъ вѣсти пропадавшій братъ, оказавшійся однако въ живыхъ, сталъ сразу для Клены совершенно инымъ человѣкомъ. Она чувствовала себя за послѣднее время настолько обойденною судьбой, настолько одинокою и несчастною, что вѣсть о существованіи родного брата и мысль о свиданіи съ нимъ потрясла все ея существо.

„Все-таки родной братъ“, думала она и повторяла ежеминутно вслухъ. Еще не повидавъ его, зная только, что онъ несчастный, что лицо у него худое, постарѣвшее, что, по всему судя, онъ прошелъ черезъ такое же мытарство, какъ и она, Клена уже любила этого недавно ненавидимаго брата. Она ждала и волновалась теперь, если не съ тѣмъ же чувствомъ, то почти съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, какъ когда-то, въ ту злополучную ночь, когда явился сюда на вышку ея дорогой и нынѣ погибшій женихъ.

Клена, увѣренная, что увидить брата только черезъ сутки, тѣмъ не менѣе осталась сидѣть у окна поздно вечеромъ. Радуясь, что ночь очень темна, она все надѣялась, что если няня успѣетъ повидаться съ братомъ, то онъ явится въ эту же ночь.

И надежда не обманула ее. Былъ уже одиннадцатый часъ. Клена собиралась уже итти спать, какъ вдругъ ей почудилось что-то около забора, примыкающаго къ дому. Темная фигура отдѣлилась отъ забора и пробиралась къ лѣстницѣ.

Клена ахнула и перекрестилась. Въ ней сказался какой-то суевѣрный страхъ, она молилась о томъ, чтобы посѣщеніе брата окончилось благополучнѣе, чѣмъ когда-то другое ночное посѣщеніе.

Фигура съ быстротой и невѣроятною ловкостью промелькнула по лѣстницѣ, поднимаясь на крышу, и исчезла прежде, чѣмъ Клена успѣла прійти въ себя.

Въ то же мгновеніе она вышла изъ своей горницы, прошла черезъ площадку, растворила дверь на чердакъ и ждала напряженно и трепетно... Кто-то въ темнотѣ тихо произнесъ:

— Кленушка?

Въ этомъ голосѣ Клена не узнала знакомаго голоса брата.

— Филиппъ? выговорила она съ легкимъ страхомъ.

— Я, родная моя. Я—Филиппъ.

И братъ въ темнотѣ крѣпко, страстно обнялъ ее и сталъ горячо цѣловать. Лицо его было влажно отъ слезъ.

Черезъ минуту братъ и сестра были въ горницѣ. Клена заперлась на крючекъ и, приблизивъ брата къ столу, гдѣ горѣла свѣча, такъ и ахнула.

— Ты ли это, Филиппушка, Господь съ тобой! Правду сказывала мамка. Ты ли это? Узнать тебя нельзя.

И несмотря на все то, что рассказала своей питомицѣ Арина Матвѣвна о перемѣнѣ, происшедшей въ ея братѣ, Клена невольно все-таки изумилась.

Вмѣсто полудѣтскаго лица, которое портила только чрезвычайная дерзость выраженія, теперь она увидала лицо не старое, но со страннымъ старчески-унылымъ и жесткимъ выраженіемъ.

— Что съ тобой было? Говори. Мнѣ ты долженъ все рассказать, всю правду. И я тебѣ все расскажу про себя; чего мамушка не хотѣла сказать—и то скажу. Все выложу и ты то же сдѣлай. Мы вмѣстѣ, можетъ быть, скорѣе какъ-нибудь изъ нашихъ бѣдъ выпутаемся.

— Мое горе, Клена, простое и короткое, выговорилъ Филиппъ, улыбаясь, и улыбка эта точно такъ же подѣйствовала на Клену, какъ и на Арину Матвѣвну.

— Чудно ты ухмыляешься, произнесла и она,—не то насмѣхаешься злобно, не то плачешь. Ну, сказывай, все сказывай.

XXI.

И Филиппъ подробно рассказалъ сестрѣ всѣ свои похождения, какъ его товарищи и друзья, конечно, народъ наполовину беззаконный, заманили его въ свои разныя затѣи и продѣлки и кончилось тѣмъ, что онъ очутился въ числѣ бунтовщиковъ

на Красной площади, сражавшихся съ полиціей, а затѣмъ съ Великолуцкимъ полкомъ.

По усмирении чумового бунта, Филиппъ, отличившійся не въ мѣру, былъ особенно замѣченъ, взятъ и посаженъ въ острогъ. Затѣмъ его судили въ комиссіи, въ которой предсѣдалъ знаменитый графъ Орловъ, и приговорили въ ссылку въ Сибирь на пятнадцать лѣтъ.

— Какъ же мы этого ничего не знали? воскликнула Клена, со слезами на глазахъ, когда братъ кончилъ свое повѣствованіе.

— Не мудреное дѣло, Кленушка, что ты не знала, но бригадиру-дѣду оно все извѣстно. Я тогда же просилъ его заступничества, но онъ чрезъ власти городскія отвѣтствовалъ: „по дѣламъ вору и мука“. Онъ просилъ даже сослать меня подальше на вѣчныя времена.

— Но я-то ничего не знала, воскликнула Клена.

— Онъ, видно, не хотѣлъ тебѣ сказывать, чтобы не огорчать тебя, что твой братъ родной въ острогъ и въ Сибирь ссылается.

— Но какъ же ты теперь-то на свободѣ?

— А вотъ этого, Кленушка, прости ужъ, я тебѣ не скажу. Скажу только, что изъ острога я освободился и въ Сибирь не пойду. Что дѣлать мнѣ, самъ не знаю; хоть бѣжать да топиться, такъ же какъ и ты сказываешь. Но почему я на свободѣ и не ушелъ въ ссылку съ другими, этого, прости, я тебѣ не скажу. Не нужно оно тебѣ знать, толку никакого. Скажу только, что изъ-за этого самаго я не могу видѣться съ тобою явно. Я въ Москвѣ живу, укрывался отъ всякой власти; какъ меня поймаютъ, такъ мнѣ и итти въ Сибирь. Потому я не могу явиться и къ дѣду за прощениемъ.

— Что же ты будешь дѣлать? И что это за тайна такая? Почему ты не хочешь сказать мнѣ?

— Этого я тебѣ не скажу ни за что теперь; тамъ современемъ, черезъ годъ что ли, видно будетъ. Если я уйду куда далеко, верствъ за тысячу отсюда, кое-какъ устроюсь, начну жить, вѣстимое дѣло, не на прежній озорной ладъ, а по Божьему, то я тебѣ отпишу. Если къ этому времени помретъ дѣдъ и ты будешь богата, ты мнѣ поможешь. Куда бы я не ушелъ, я все-таки тебѣ отпишу, чтобы ты знала, гдѣ я и что я. А теперь я захотѣлъ съ тобою повидаться не ради себя; мое дѣло теперь пропащее, о немъ и думать, и говорить нечего.

А твое дѣло надо справить! Вотъ, чтобы помочь тебѣ въ твоёмъ горѣ, для этого я и пришёлъ. Арина Матвѣевна рассказала мнѣ все, а вмѣстѣ съ тѣмъ я ничего не знаю и ничего не понимаю. Знаю я только, что надъ вами обѣими потѣшался и теперь надъ тобою мудрить холопъ дѣдушкинъ, Герасимъ. Вертить онъ тобою какъ ему вздумается, на всякое тебя преступленіе толкаетъ, а почему все это—мамка наша сказать мнѣ не захотѣла. Скажи ты. И не ради глупаго любопытства спрашиваю. Божусь тебѣ Господомъ, что прозакладую я хоть тысячу разъ свою душу, а помогу тебѣ въ твоёмъ дѣлѣ. Пойми, Кленушка, что послѣ всего, что со мною было, мнѣ все возможно, мнѣ ничего не страшно. И тебѣ скажу, какъ мамкѣ, не гляди, что мнѣ шестнадцатый годъ. Я истерзанъ на всѣ лады. Пойми ты, что въ острогѣ высидѣлъ я четыре мѣсяца со всякими разбойниками, головорѣзами и душегубами, два раза меня самого чуть не зарѣзали. Одинъ разъ я поневолѣ, защищаясь, другого зарѣзалъ.

— Какъ зарѣзалъ? вскрикнула Клена.

— Да такъ. Арестантъ-товарищъ хотѣлъ меня убить съ тѣмъ чтобы изъ-подъ меня рубль денегъ достать. Ну, я долженъ былъ отъ него себя уберечь, сцѣпились мы... У меня ножъ былъ... Я ударилъ. Да такъ потрафилось, что его на мѣстѣ... Да что про это вспоминать...

— Господи помилуй! произнесла Клена, закрывая лицо руками.

— Да. Такъ ли, иначе ли, а выходитъ: похерилъ человѣка. Правда, онъ былъ душегубъ, много погубилъ народу. Грѣхъ-то легче кажетъ. Ну, а все-таки...

Наступило молчаніе. Клена тихо плакала и въ головѣ ея вертѣлась мысль: „Господи, какое существованіе! И ей плохо, а ему-то много хуже было“.

— А знаешь ли ты, вдругъ заговорила Клена дрожащимъ голосомъ,—повѣришь ли ты, Филиппушка, что вотъ эти мысли приходили и мнѣ. Вотъ какое мое житье-бытье.

— Какія мысли?

— Мысли, Филиппушка, тѣ же. Убить человѣка. Да, этотъ злодѣй настолько измучилъ меня, что мнѣ приходило въ умъ, взяла бы я ножъ или топоръ и убила бы его.

— Ну вотъ объ этомъ-то дѣлѣ ты мнѣ все и скажи. Не тебѣ, барышнѣ, братъ въ руки топоръ, ты ужъ это дѣло

предоставь другимъ. Скажи ты мнѣ, почему и за что Герасимъ мучаетъ и всячески изводитъ тебя.

— Ахъ, ужъ не знаю какъ быть... вымолвила Клена.— Общались я тебѣ все сказать, а теперь и не знаю. Да зачѣмъ тебѣ оно нужно? Ты знаешь, что Герасимъ меня измучилъ, со свѣту сживаетъ. Коли можешь мнѣ помочь, помощи. А почему все это такъ, что же тебѣ?

— Нѣтъ, дорогая моя, такъ нельзя. Я пойду на все и избавлю тебя отъ этого Герасима, въ этомъ я тебѣ клянусь Богомъ. Поэтому мнѣ нужно знать, какимъ образомъ этотъ человѣкъ взялъ надъ тобой такую власть. Ты должна мнѣ все разсказать.

Клена вздохнула и, собравшись съ силами, начала было говорить, но тотчасъ же заплакала, а потомъ начала горько рыдать.

— Полно, тише, вымолвилъ Филиппъ.— Вѣдь и внизу услышать могутъ. Тишина ночная! Полно, сестрица.

И только мысль о неосторожности, о томъ, что могутъ услышать ея рыданія въ домѣ, заставила Клену переломить себя и сдерживаться.

— Я скажу прямо, заговорила Клена. Я не могу долго говорить объ этомъ. Я и вспоминать не хочу. Боюсь какъ-то. Слушай. Тому назадъ давно, сколько времени ужъ и не знаю, предъ праздниками что ли, зимой, былъ здѣсь у меня тайкомъ мой Коля, женихъ мой. Разъ, два былъ онъ, три ли раза, четыре ли—ужъ и не помню. Уговаривались мы бѣжать, такъ какъ дѣдушка на бракъ нашъ не соглашался. И вотъ одинъ разъ вечеромъ, придя, онъ почувствовалъ себя худо, да такъ худо, что не могъ обратно итти. Мы съ мамушкой волей-неволей оставили его на сутки, то-есть до слѣдующаго дня, чтобы вечеромъ онъ выбрался изъ дому. Но за ночь онъ совсѣмъ расхворался, а къ утру уже бредилъ. Приключилась съ нимъ вдругъ все та же болѣзнь, но только по второму разу...

— Морская? вымолвилъ Филиппъ.

— По всему вѣроятію, морская.

— И здѣсь у тебя онъ отъ чумы и скончался?

Да, вотъ рядомъ, въ этой горницѣ... Отъ чумы... Но не одна она виновата... Мы съ Аришей виноваты. Можетъ быть онъ поправился бы... Но мы, по оплошности, убили его... Охъ, не хочется говорить объ этомъ! Тяжко это вспоминать...

Клена замолчала, заплакала тихо, потомъ продолжала снова:

— Что жъ было дѣлать съ покойникомъ! Надо было вѣстимо итти къ дѣду, броситься въ ноги и покаяться, что Коля пришелъ тайкомъ и померъ у насъ. Что же намъ тогда бы сдѣлали? Ничего. Срамъ великій, да. Но только срамъ! А теперь что же вышло?! Мы съ мамушкой перепугались на смерть, когда оказалось, что онъ у насъ покойникъ, совсѣмъ оробѣли и разума лишились, не знали, что дѣлать. Хотѣли сами бѣжать изъ дому, а его оставить. Стало быть, голову потеряли. Мамушка рѣшила, что ни за какіе алтыны въ свѣтъ она не допуститъ моей погибели и позора, а что дѣло уладить инако. И вотъ она обратилась къ этому злодѣю Герасиму и все ему рассказала правдиво, и онъ вызвался взять тѣло. И той же ночью, какъ—не знаю, спустилъ несчастнаго Колю по лѣстницѣ, и куда дѣвалъ, зарылъ ли или...

Но Клена не могла договорить и снова начала рыдать.

— Вотъ и все? выговорилъ послѣ паузы Филиппъ.

— Все.

— И съ этого все и пошло?

— Сейчасъ же. Какъ онъ только освободилъ насъ отъ тѣла бѣднаго Коли, такъ запуталось все. Началъ тащить вещи... Потомъ началъ...

— Знаю это все, выговорилъ Филиппъ.—Началъ съ того, что обобралъ все твое приданое, потомъ воровать тебя заставилъ, а теперь уже наровить... Языкъ не поворачивается вымолвить! Такъ вотъ изъ-за чего мудрить онъ надъ вами? Ахъ, ты, бѣдная! Какъ же было не пойти къ дѣду, не сказать всего? Было бы на два, на три дня суматохи, было бы много пересудовъ въ Москвѣ, осрамилась бы ты, правда... А теперь-то что же? Теперь вѣдь ты совсѣмъ погибаешь.

— Да, кабы знать. Я и хотѣла итти прощенья просить и все дѣду рассказать, но мамушка сказала: „мы въ Сибирь пойдемъ“. А теперь она сама кается, да поздно.

И Клена замолчала. Филиппъ сидѣлъ противъ нея, глядя сестрѣ въ лицо, но очевидно тоже глубоко задумавшись. Наконецъ онъ едва замѣтно улыбнулся своею страшною улыбкой и выговорилъ:

— Ну вотъ, стало быть, все-таки первое доброе дѣло приходится мнѣ дѣлать. И злое дѣло, и вмѣстѣ доброе дѣло. Стало быть, мнѣ теперь есть забота. Ну, Кленушка, какъ по

твоему? Надо вѣдь отъ Герасима тебя избавить? Надо его похерить? Такъ ли?

Клена удивленно посмотрѣла въ лицо брата и промолчала.

— Другого вѣдь нѣту ничего, не надумашь. Надо Герасима похерить. Надо его убить.

— Что ты, Филиппушка, Богъ съ тобою!

— Что дѣлать. Инако нельзя. Да вѣдь ты и сама, говоришь, думала объ этомъ.

Клена не отвѣчала и понурилась.

— Ну, вотъ это я и сдѣлаю.

— Какъ! Самъ!? встрепенулась Клена.

— Нѣтъ, зачѣмъ. Да это ужъ ты брось, это не твое дѣло. Я общаю тебѣ, что отъ Герасима тебя избавлю. И тогда твоя жизнь опять наладится; можетъ, опять найдется тебѣ и женихъ.

— Нѣтъ, это ужъ дѣло конченное, я замужъ не пойду. Вѣдь я все-таки помню еще и люблю моего бѣднаго Колю. Если я и собиралась замужъ за Братолюбцева, то вѣдь это было только ради спасенія себя отъ Герасима. А теперь и онъ, Братолюбцевъ, послѣ того, что я стала негодяйкой, какъ они думаютъ, не женится на мнѣ. Да и кто же на мнѣ женится, когда вся Москва знаетъ, что я ворую вещи изъ столовъ у родныхъ дѣда и бабушки.

— Бѣдная ты моя, бѣдная! вздохнула Филиппъ.—Но все-таки надо вѣру имѣть, что все еще уладится и можетъ, въ концѣ концовъ, все объяснится. Ну, а теперь прости, я уйду, и раньше какъ черезъ недѣлю мы съ тобою не свидимся. А за эту недѣлю услышишь ты кое-что о Герасимѣ, услышишь, что его мертвого нашли. И, ради Создателя, приготовься, не измѣни себѣ при дѣдушкѣ, коли узнаешь объ этомъ. А то, пожалуй, удивишь ихъ, станутъ они дивиться, да заподозрѣвать. А ужъ объ этомъ не безпокойся: не пройдетъ недѣли, твой Герасимъ получить отместку за всѣ свои злодѣянιά.

Братъ и сестра простились и горячо расцѣловались. Филиппъ осторожно двинулся въ обратный путь чрезъ чердакъ и садъ. Клена стала у окна, но не могла его видѣть, настолько темна была ночь.

XXII.

Прошло нѣсколько дней послѣ свиданія брата съ сестрой. Клена наконецъ послала въ монастырь и вызвала къ себѣ Арину Матвѣвну, чтобы поговорить съ нею о намѣреніи

своемъ постричься тоже въ монастырь. Она слишкомъ смущалась, ожидая, что сдѣлаетъ братъ и что случится съ преслѣдующимъ ее злодѣемъ. Ей казалось, что она не избавится отъ него и поневолѣ останется одинъ исходъ—постригаться.

Инокія Анастасія побывала у своего дитятки, но не могла ничего сказать ей или успокоить ее. Она не видала Филиппа и не знала ничего, не знала даже объ обѣщаніи его избавить Клену отъ Герасима.

За все это время Клена тревожилась и волновалась и день и ночь. И всѣ чувства въ ней какъ-бы спорили и противорѣчили одно съ другимъ. Ей страшна была мысль, ненавистна и ужасна, что они съ братомъ какъ бы сговорились въ преступленіи, въ убійствѣ. А итти въ монастырь изъ-за преслѣдованій холопа было тоже ужасно, грѣховно...

Вмѣстѣ съ тѣмъ она хоть и не знала, какимъ образомъ все можетъ совершиться, но иногда начинала сильно надѣяться, что братъ не даромъ ей обѣщаль. Вѣроятно, не самъ онъ, думала она, сдѣлаетъ это ужасное дѣло, а именно тѣ злодѣи и душегубы, съ которыми онъ свелъ знакомство и даже дружбу. И Кленѣ было легче отъ этой мысли.

За эти дни Герасимъ часто отлучался изъ дому. Раза два мелькомъ видѣла его Клена и замѣтила его особенно-веселое расположеніе духа и чрезвычайное довольство.

„Чудно это! Чего онъ радуется?“ подумала она. „Не чувствуетъ его сердце, что затѣяно противъ него?“

Молоденькая горничная, прислуживавшая Кленѣ, рассказывала ей, что Герасимъ всякій день почти съ утра уходитъ изъ дому, что у него какое-то дѣло, про которое онъ хвастаетъ предъ дворней, что оно дастъ ему много денегъ. Онъ хвалился разъ передъ Степанидой въ томъ, что завелъ дружбу съ какими-то двумя сибирскими купцами, отъ которыхъ мѣшокъ съ золотомъ получить можно.

Наконецъ, однажды, очень рано утромъ, въ домѣ случился какой-то переполохъ. Клена, едва только вставшая, услышала его у себя, вышла на лѣстницу и прислушалась. Явственно долетѣлъ до нея голосъ бригадира:

— Пошли за докторомъ, живѣе. Положите его въ людской. Да неужели изъ васъ никто кровь унять не умѣетъ? Ну, за циркульникомъ сбѣгать. Они пушаютъ кровь, стало—и остановить ихъ дѣло.

И безъ этихъ словъ Клена, конечно, догадалась бы.

— Герасимъ! Это Герасимъ! выговорила она, слегка пошатнувшись и удерживаясь за перила лѣстницы.

Черезъ нѣскольکو минутъ къ ней прибѣжала горничная и, путаясь, объявила барышнѣ, что привезли на телѣгѣ Герасима, сильно ушибленнаго или пораненнаго.

— И голова разбита, сударыня, и изъ груди кровь по кафтану течеть. И золь только онъ... Охъ, золь!..

— Какъ золь? удивилась Клена.

— Золь, страсть какъ золь. Все кричитъ: „Врутъ, не убили! Не таковскій я. Десять такихъ ранъ переживу“.

И эти слова странно подѣйствовали на Клену. Она опустилась на диванъ безъ сидъ и забормотала что-то, почти бессознательно.

— Живъ . останется, живъ будетъ, проговорила она явственнѣе.

Горничная услышала и поняла слова барышни по своему и бойко добавила:

— Будетъ, барышня, будетъ живъ. Всѣ это говорятъ. По всему видать. Хоть и много леть крови, а видать. Больно здоровъ онъ.

Горничная тотчасъ выскочила вновь отъ барышни, чтобы ради любопытства побѣжать внизъ опять поглядѣть, да послушать, что творится вокругъ Герасима.

Спустившись черезъ часъ внизъ, чтобы поздороваться съ бабушкой, Клена узнала про событія отъ самой Марьи Евграфовны. Бабушка знала подробности невѣроятнаго приключенія съ любимцемъ бригадира.

Оказалось, Герасима залучили къ себѣ какіе-то люди. Сказались они купцами, богатыми, изъ Нижняго-Новгорода. Пошелъ онъ къ нимъ по какому-то дѣлу ночью 'и тамъ въ избѣ, въ глухомъ кварталѣ, они накинудись на него, повалили и чуть не убили. Если бы не были оба тщедушные, да не былъ Герасимъ богатырь, то, конечно, тамъ бы его какъ барана и зарѣзали.

— Но, по счастью, прибавила Марья Евграфовна,—нашъ Герасимъ, знаешь, каковъ. Сказываетъ, онъ схватилъ ихъ обоихъ и началъ бить головами объ печь. Но одинъ изъ нихъ успѣлъ его хватить два раза ножемъ. Ихъ онъ, кажись, доколотилъ до смерти. Бросивъ обоихъ ихъ замертво, онъ кое-какъ выкарабкался на улицу. Проѣзжій мужикъ его подобралъ и привезъ. Ну, ничего, обойдется, прибавила Марья

Евграфовна.—Силень человекъ! Хоть два ведра крови ему выпусти, справится и опять пойдетъ. Здоровякъ!

Узнавъ все приключеніе, Клена настолько взволновалась, что поскорѣ ушла къ себѣ. Здѣсь она усѣлась на своемъ любимомъ мѣстѣ около окошка, понурилась, уперлась локтями на подоконникъ и глубоко задумалась. Слезъ у ней не было, но сердце тяжело и больно ныло.

Тому назадъ сутки, она боялась мысли, страшилась грѣха убить этого человекъ. Теперь же, когда онъ снова живехонекъ, снова здѣсь въ домѣ, и какъ только выздоровѣетъ и поправится, начнется снова ея мытарство, она невольно сожалѣла, что преступленіе не удалось.

„Но что же братъ? Гдѣ онъ! Вѣроятно, придетъ опять, скажетъ ей. Быть можетъ въ другой разъ! Онъ такъ не оставитъ этого...“

Изъ этой задумчивости вывела Клену неслышно вошедшая въ комнату и обнявшая ее Арина Матвѣевна. Клена вскрикнула, бросилась на шею къ нянѣ и хотѣла говорить, но Арина Матвѣевна предупредила ее.

— Знаю, все знаю. Это онъ подстроилъ. Грѣхъ великій. Да что же дѣлать, надо было. И вотъ не выгорѣло. Грѣхъ и говорить-то такъ, да желать, чтобы выгорѣло. Да что же дѣлать. Такая наша жизнь, такія обстоятельства. Ну, да онъ все-таки не отвертится. Филиппушка былъ у меня.

— Былъ? воскликнула Клена.

— Да, былъ сегодня, все рассказалъ и велѣлъ тебѣ передать: не удалось. А теперь, говорить, покуда не знаю, какъ и быть. Было у него два вѣрныхъ человекъ, которые взялись за это дѣло, а теперь, говорить, невѣдомо, какъ и руки приложить. Если бы были деньги, говорить, то могъ бы еще, а безъ денегъ совсѣмъ ничего не подѣлаешь. А я пришла сказать тебѣ, жди его, только не скоро, когда мѣсяца не будетъ, а то, вишь, свѣтло по ночамъ какъ днемъ.

Няня собиралась было тотчасъ уходить, но Клена умолила ее остаться посидѣть немного.

— Хоть съ тобой мнѣ душу отвести. Вѣдь я все одна, да одна... Не знаешь ли ты, вотъ.. зачѣмъ бабушка ѣздила къ вамъ въ монастырь и видѣлась съ игуменьей твоей...

Арина Матвѣевна знала про посѣщеніе Толбухиной и знала, зачѣмъ она ѣздила, но отозвалась уклончиво:

— Кто ее знаетъ... Такъ... зря... Про меня болтала небось...

Няня, посидѣвъ немного, ушла, а Клена тотчасъ же была вызвана къ Толбухиной.

Ее ожидалъ новый ударъ, и хотя менѣе ужасный и тяжкій, послѣ всего, что она пережила за все послѣднее время, но все-таки усложнявшій ея положеніе.

Когда-то, узнавъ объ отказѣ Братолюбцева, Клена заявила, что готова итти въ монастырь. Толбухина передала это бригадиру. Никита Артемьевичъ, не говорившій уже съ внучкой и даже избѣгавшій смотрѣть на нее, чувствовалъ себя дома стѣсненнымъ именно присутствіемъ этой внучки лгуньи, воровки и, пожалуй, слегка полоумной... Поэтому онъ обрадовался мысли тотчасъ избавиться отъ Клены.

— Да, матушка-сестрица, другого ничего нѣтъ для нашей юродивой негодяйки. Иди въ инокини. Монастырскія стѣны на то и выдуманы, чтобы въ нихъ прятать отъ людей и горе, и слезы, и срамоту, и юродство душевное, и уродство тѣлесное. По пословицѣ: „На Тебѣ, Боже, что никому не гоже“.

Толбухина принялась за дѣло, за переговоры, и объѣздила нѣсколько монастырей, гдѣ постригались преимущественно московскія дворянки. Повсюду заявляя о желаніи внучки, Толбухина прибавляла, что, по желанію бригадира, за ея внучкой никакого вклада не послѣдуетъ, она явится какъ бы простая крестьянка, въ одномъ платьѣ.

И однажды Марья Евграфовна объявила бригадиру, что Клену нигдѣ не желаютъ принять, яко бы заразу какую.

— Дадите большой кушъ—вѣстимо примутъ!

— Никогда! Ни гроша не дамъ. Я не хочу, чтобы она была инокиня-барыня, а желаю, чтобы ее тамъ на огороды посылали, зимой съ метлой и лопатой ставили. Но они не смѣютъ не принять дѣвицу, хотя бы у нея и не было приданого Христовой невѣсты... Прости Господи!

Толбухина объяснила, что всякая игуменья хитро ссылается на соблазнъ, который былъ у нихъ въ домѣ и всѣмъ извѣстенъ.

— Говорятъ всѣ: зачѣмъ намъ дѣвицу, которая на руку не чиста.

— Такого случая Москва не запомнить! воскликнулъ бригадиръ.—Куда же мнѣ ее? Въ мѣшокъ да въ рѣчку это срамное отродье сына и просвирни? Что жъ... Повезете въ какой дальній монастырь, гдѣ всякихъ пройдохъ принимаютъ. По-

дите, скажите ей про всю эту срамоту. Весной вы ее отвезете, а до тѣхъ поръ... Что жъ дѣлать! Пускай живетъ!

— Дайте денегъ, сейчасъ примутъ, замѣтила Марья Евграфовна.

— Не хочу. Не то мое намѣреніе, чтобы она въ монастырѣ какъ сыръ въ маслѣ каталась, отозвался бригадиръ.

Послѣ отказа трехъ или четырехъ игуменій московскихъ монастырей, бригадиръ не захотѣлъ, равно и сестрицѣ своей строго запретилъ хлопотать и ходатайствовать въ какомъ-либо новомъ монастырѣ столицы.

— Зачѣмъ разносить срамоту! Желаете вы, чтобы изъ всѣхъ монастырей, отъ Новодѣвичьяго до Страстного, отъ всѣхъ намъ по плюхѣ получить? Обождемъ недѣлю, другую, подумаемъ, сплшемся... Выищемъ какія-нибудь дѣвичьи Соловки, да туда ее и спровадимъ. Подальше отъ Москвы. И хорошее дѣло, что здѣсь не принимаютъ, обворуетъ она иконостасъ и ризницу и совсѣмъ намъ отъ сраму бѣжать придется въ Туречину.

XXIII.

Прошло еще около трехъ недѣль, и въ домѣ бригадира осталось все въ томъ же видѣ.

Полное затишье, придавленность и угрюмый видъ его обитателей поражали всякаго. Казалось, только и былъ одинъ человекъ въ домѣ, который по прежнему, если не выходилъ со двора, а сидѣлъ безвыходно въ одной горницѣ близъ прихожей, то былъ веселъ и беззаботно доволенъ. Это былъ Герасимъ, совершенно оправившійся отъ своихъ ранъ.

Однажды, среди ночи, бригадиръ, Толбухина и весь домъ были разбужены страшными, дикими криками.

Не сразу узнала или, лучше сказать, догадалась Марья Евграфовна, что она слышитъ голосъ внучки. Она вскочила съ постели, бросилась въ сосѣднюю горницу, гдѣ спала Клена, но дверь оказалась запертою на замокъ.

Марья Евграфовнѣ почудилось, что замокъ щелкнулъ въ ту самую минуту, когда она очнулась на крикъ внучки.

Толбухина тотчасъ же, несмотря на свой ночной костюмъ, вышла въ другія двери, въ диванную, быстро обошла, почти обѣжала корридоръ, чтобы войти въ горницу внучки съ другой стороны.

Въ ту же минуту и бригадиръ, точно также вскочивъ съ постели, тоже вышелъ отъ себя и бѣжалъ съ вопросомъ:

— Что такое?.. Кто такой?

Въ прихожей тоже былъ шумъ и почти одновременно со всѣхъ сторонъ человѣкъ пять или шесть дворовыхъ сошлись въ столовой и бросились къ дверямъ молодой барышни.

Дверь ея была настежь растворена, но ея въ горницѣ не было. Общее изумленіе перешло въ суевѣрный страхъ, но въ это же время кто-то изъ дворовыхъ воскликнулъ:

— Вонъ она! Вонъ она!

Клена оказалась у окна, въ самомъ углу большой залы, далеко отъ своей горницы.

Она сидѣла на стулѣ въ одной сорочкѣ, какъ соскочила съ постели, дрожала всѣмъ тѣломъ и безумными глазами озиралась на всѣхъ. Освѣщенная луной, ярко сіявшей въ окно, Клена была страшна и казалась привидѣніемъ.

Бригадиръ развелъ руками, и видя, что ничего особеннаго не случилось повидимому, только вспылить, но удержался и, не сказавъ ни слова, быстро вернулся къ себѣ.

Марья Евграфовна вспомнила прежде всего о приличіяхъ и тотчасъ же приказала всѣмъ людямъ выйти вонъ изъ залы. Затѣмъ она подошла ко внучкѣ съ вопросомъ:

— Что съ тобой?

Клена продолжала дрожать всѣмъ тѣломъ и не отвѣчала ничего. Долго приставала Марья Евграфовна къ Кленѣ, но не получала никакого отвѣта. Клена трясла головой и не могла или не хотѣла произнести ни слова.

— Напугалъ тебя кто-нибудь?.. Сонъ что ли видѣла ты, или хворость какая вдругъ схватила?.. Зачѣмъ ты сюда прибѣжала? допытывалась Марья Евграфовна, но не получала никакого отвѣта.—Ну, пойдемъ. Что жъ тутъ въ одной сорочкѣ сидѣть, вымолвила Толбухина уже угрюмо и сухо.

Клена поднялась и тихо, беззвучно, босикомъ двинулась за бабушкой послушно, но и бессмысленно.

Едва вошли онѣ въ горницу, какъ Клена бросилась назадъ къ двери, выходившей въ корридоръ и заперла ее на ключъ. Прыжокъ ея былъ прыжкомъ дикой козы, а не человѣка.

— Что ты? невольно воскликнула Толбухина, но внучка не отвѣчала ни слова, легла въ постель, и трясясь, какъ въ лихорадкѣ, повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

— Что это за жизнь такая! гнѣвно произнесла наконецъ

Марья Евграфовна, стоя среди горницы.—Этакъ нельзя...
Надо тебѣ уѣзжать.

Марья Евграфовна хотѣла выйти въ свою горницу и, тронувъ дверь, вспомнила, что она заперта на ключъ.

— И эту дверь защелкнула, произнесла она,—да еще когда? Когда я сюда бѣжать собралась... Вотъ тутъ и пойми что-нибудь!

Толбухина отперла дверь и хотѣла выйти, но Клена быстро обернулась, сѣла на постели и выговорила:

— Бабушка возьмите этотъ ключъ... выньте его... Возьмите его... Забросьте его куда, чтобы не было ключа въ двери.

Клена проговорила все это судорожно, порывисто, и потомъ снова отвернулась и не легла, а упала на подушку, какъ бы надломленная усталостью или потерявъ послѣднія силы.

Толбухина досадливо махнула рукой и, не тронувъ ключа, прошла къ себѣ въ горницу.

На другой день первый вопросъ, который барыня сдѣлала своей любимицѣ Степанидѣ, казался ей самой безсмысленнымъ.

— Не напугалъ ли кто среди ночи барышню?

— Да кто же могъ напугать, сударыня. Я спрашивала—никто въ домѣ не ходилъ... Кто же посмѣетъ ночью итти... Не воръ же какой залѣзалъ въ окошко, черезъ двойныя рамы. Герасимъ первый прежде всѣхъ услышалъ крики и побѣжалъ къ барышнѣ, но нашелъ ее уже въ столовой. Герасимъ видѣлъ бы, если бы кто-нибудь посторонній прошелъ въ горницу. Да этакого по ночамъ и не бывало никогда... Кто же сунется господь будить? Всѣ были внизу наперечетъ.

— Что же Герасимъ-то думаетъ.

Степанида улынулась.

— Онъ полагаетъ, что просто барышня блажить или, такъ сказать, дурить. Онъ, говорить, видѣлъ какъ она, выскочивъ изъ своей горницы, начала визжать да танцовать по залѣ какой-то танецъ, а какъ всѣ сбѣжались и сѣла на стульчикъ.

— Танцевала?! произнесла Марья Евграфовна, слегка пораженная.

— Сказываетъ—танцевала.

Толбухина ничего не отвѣчала. Она была рада снова ухватиться за мысль, что внучка отчасти стала юродивой или безумной.

На заявленіе Толбухиной, бригадиръ горько усмѣхнулся.

— Вотъ до чего дожили... Должны радоваться, что внучка

съ ума спятила, что не въ своемъ умѣ творить срамныя дѣла. А кто виноватъ, если она разума лишилась?.. Мы-съ... Да, мы съ вами. Надо было бѣдняку отдавать, за кого она хотѣла итти и должна была выходить еще по благословенію родителей своихъ.

— Да вѣдь онъ же убить или утопъ.

Бригадиръ махнулъ рукой и послѣ паузы вымолвить:

— Можетъ, тогда и живъ бы остался!

XXIV.

Прошло два дня.

Была глухая, темная ночь, безмолвная, нѣмая. До разсвѣта было уже не далеко...

Домъ бригадира спалъ глубокимъ сномъ. Только одно существо въ домѣ не знало сна..

Клена сидѣла въ своей прежней горницѣ наверху. Тайкомъ отъ бабушки и не смотря на то, что было уже часа четыре ночи, она поднялась наверхъ и одѣтая сидѣла недвижно въ креслѣ.

Еще съ полночи усѣлась она тутъ и безсознательно, почти не помня того, что дѣлаетъ, сидѣла, вовсе не собираясь ложиться спать. Она была одѣта какъ днемъ, но только волосы распущены по плечамъ.

Еще съ вечера Толбухина зашла въ горницу внучки и, видя ее сидящею, сурово спросила, скоро ли она ляжетъ спать. Клена встала, молча распустила волосы, чтобы причесаться на ночь и начала раздѣваться, дѣлая видъ передъ бабушкой, что она собирается ложиться. Но затѣмъ, когда Толбухина, холодно протрившись съ внучкой и косо, изподлбья оглядѣвъ ее, ушла къ себѣ, Клена бросила гребень со щеткой и, какъ была съ распущенной косой, прошла къ себѣ наверхъ.

Здѣсь присидѣла она нѣсколько часовъ почти не трогаясь съ мѣста и только изрѣдка шевеля руками. Она ждала брата, который черезъ няню обѣщаль быть непременно въ эту ночь.

Между тѣмъ внѣшнее спокойствіе Клены совершенно не соответствовало ея душевному настроенію. На душѣ молодой дѣвушки была цѣлая буря, была борьба. Она еще съ вечера рѣшила, что за эту ночь, если только братъ не явится ея спасителемъ и не поможетъ ей такъ или иначе, ей надо покончить съ собою.

Если всѣ обитатели дома ошибались за послѣднее время насчетъ барышни, считая ее потерявшею рассудокъ, то теперь, въ эти ночные часы, Клена была дѣйствительно близка къ умопомѣшательству. Въ ней теперь какъ бы совершалась двоякая жизнь. Въ головѣ шевелилась двоякая дума.

Одновременно Клена думала о немедленномъ, въ эту же ночь, самоубійствѣ, и безстрастно, толковито перебирала всѣ способы, какими она можетъ себя убить. Все, что являлось ей на умъ, она отбрасывала какъ неудобное, или противное, или трудное, и все болѣе убѣждала себя, что надо прежде всего бѣжать изъ дому за Москву. А тамъ уже видно будетъ, что съ собой подѣлать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, среди этихъ безумныхъ по своей простотѣ и толковитости обдумываній самоубійства, шли чередой черезъ воспаленный мозгъ обрывки воспоминаній прошлаго. Всю жизнь свою съ дѣтства перебирала Клена, какъ бы вызывая образы ея въ памяти своей или грустно исповѣдуясь передъ самой собою.

Еще съ вечера возникъ въ ней острой болью вопросъ: за что такъ ужасно не заладилось ея существованіе; за что въ видѣ кары Господней произошло все происшедшее, все пережитое ею? Она вспомнила свои первые дѣтскіе годы, проведенные въ домѣ родныхъ, въ незатѣйливой, бѣдной и простой обстановкѣ, гдѣ нужда и отсутствіе средствъ сказывались во всемъ всякій день. Она еще ребенкомъ, вмѣстѣ съ матерью и няней, толковала о богатомъ дѣдѣ и завидовала всѣмъ, кто жилъ лучше, нежели она. И только позднѣе, уже молодою дѣвушкою, пользуясь полной свободой, она прожила нѣсколько лѣтъ почти счастливая. Затѣмъ возстали въ памяти страшныя картины чумы, смерть отца, матери, потомъ бѣгство и скитаніе съ няней. Но за то среди ужасовъ этихъ „моровыхъ“ дней въ ея жизни засіялъ яркій лучъ. Встрѣча съ человѣкомъ, котораго она полюбила.

Будущее въ эти дни все-таки рисовалось ей яснымъ и свѣтлымъ, несмотря на то, что она осталась круглою сиротой... Но здѣсь оборвалась эта легкая, свѣтлая жизнь. Одинъ рѣшительный шагъ перенесъ ее въ совершенно иную обстановку. Она зажила въ томъ домѣ, о которомъ такъ часто поговаривали ея отецъ съ матерью; она очутилась въ шелку и золотѣ, сквозь которое слезы льются. Это случилось и съ ней. Даже хуже того. Въ этомъ домѣ, кромѣ горя, нрав-

ственной пытки и всяческаго мученья,—она ничего не нашла. Эта жизнь, вслѣдствіе ужасной участи ея возлюбленнаго, привела ее къ тому, что вотъ теперь приходится выбирать способъ покончить съ собою.

Клена была такъ погружена въ свои думы, что не замѣтила, какъ растворилась дверь ея горницы и кто-то, въ полумгль остановившись у двери, озирался кругомъ. Это былъ Филиппъ. Увидя сестру, сидѣвшую у окна, онъ приблизился къ ней.

Клена, опершись обоими локтями о подоконникъ и опустивъ голову на руки, сидѣла недвижно, казалось, даже спала. Филиппъ дотронулся до плеча сестры. Клена вздрогнула, обернулась и невольно вскрикнула; она не узнала брата.

— Тихе. Я это: Филиппъ.

— О, Господи! какъ ты меня напугаль. Я думала, это опять онъ. Злодѣй мой.

И Клена въ порывистой, негодующей рѣчи передала брату, что случилось съ ней за три дня передъ тѣмъ среди ночи. Какъ спасалась она изъ рукъ своего мучителя, но не могла указать на него дѣду и ее сочли за безумную или за блажную.

— Извергъ! воскликнулъ Филиппъ.—Ну, да не вѣкъ же ему тебя мучить. Вотъ съумѣлъ я разъ подстроить, но не удалось мнѣ избавить тебя отъ сатаны. Въ другой разъ не увернется. Какъ опять все наладить я теперь не знаю, надо подумать.

Филиппъ нѣжно поцѣловаль сестру и сѣлъ около нея у того же окошка.

— Слушай меня, Кленушка. Я не надолго. Я только пришелъ тебя спросить. Есть ли у тебя деньги? Не подумай, что мнѣ. Избави Богъ, чтобы я себѣ просилъ; а цужны деньги на то же дѣло. Нужно рублей пятьдесятъ.

— Какія же у меня, Филиппушка, деньги? выговорила грустно Клена. У меня ни одного алтына нѣтъ. А такихъ денегъ и не бывало никогда. Да зачѣмъ тебѣ?

— Ну, если нѣтъ никакихъ денегъ, то надо обождать. Придется мнѣ самому избавлять тебя отъ этого злодѣя.

— Какъ самому?

— Да такъ, самъ я его ухлопаю.

— Что ты, Богъ съ тобой. На этакое я не пойду!

— Иного ничего надумать нельзя. Что же дѣлать! Да у меня на него рука легко подымется. Ужъ больно онъ нена-

вистенѣ мнѣ. Да и потомъ по пословицѣ: семь бѣдъ одинѣ отвѣтъ. Мнѣ себя жалѣтъ нечего, я и такъ погибшій.—Одно только мудрено, какъ и гдѣ мнѣ его повидать и куда залучить; я распорядюсь умнѣе моихъ двухъ болвановъ, которые дали себя убить. Тебѣ вѣдь сказывала Арина Матвѣевна что вышло?

— Сказывала.

— Одного онъ убилъ до смерти, голову объ печь расшибъ. А другого свезли въ больницу и онъ тоже либо кончится, либо въ Сибирь уйдетъ. Меня онъ не выдастъ. Нельзя. Что на меня, что на мертваго ссылаться—все одно! Я имъ наказывалъ напоить этого дьявола и пьянаго покончить. Они, черти, понадѣялись на себя, и вотъ что вышло. Гдѣ же онъ теперь? Коли онъ на такую гнусность пошелъ, то стало быть, совсѣмъ поправляется.

— Совсѣмъ поправился. Здоровехонекъ. Таковъ, какъ еслибы съ нимъ ничего не приключалось, отозвалась Клена глухимъ голосомъ. Ему дѣдушка горницу хорошую далъ, здѣсь внизу, около прихожей. Два доктора лѣчили его. Да и теперь еще одинъ ѣздитъ.

— Гдѣ, внизу? Здѣсь внизу? страннымъ голосомъ проговорилъ Филиппъ, вдругъ оживившись.

— Да, близъ прихожей небольшая горенка, въ которой прежде недолго жила какая-то родственница Марьи Евграфовны. Теперь Герасимъ тамъ. Его вѣдь дѣдушка Богъ вѣсть за что особливо любитъ. Сначала онъ лежалъ внизу въ людской, но потомъ докторъ сказалъ, что тамъ ему и сыровато, и безпокойно отъ суетни дворовыхъ. Дѣдушка приказалъ принести его наверхъ, въ горницы. Самъ къ нему на первыхъ порахъ навѣдывался. Такъ онъ въ ней и остался.

— Такъ онъ внизу? Вотъ тутъ, близъ прихожей? снова странно, тихимъ, будто робкимъ голосомъ спросилъ Филиппъ. Это та горница, что голубымъ стѣны выкрашены и мебель тоже голубая въ ней?

— Да, отозвалась Клена.—Крайняя, первая изъ прихожей налѣво.

— Знаю. Знаю...

— Это та горница, Филиппушка, гдѣ мы разъ съ тобой, привезенные родителемъ, сидѣли въ ожиданіи, покуда онъ объяснялся съ дѣдушкой. Помнишь, мы все боялись, грустно улыбнулась Клена,—что придетъ сердитый дѣдушка и насъ обоихъ высѣчетъ.

— Хорошо помню.

— Какъ ты однако можешь домъ помнить! Вѣдь ты сколько времени не бывалъ въ немъ, замѣтила Клена.

— Отлично весь помню, глухо проговорилъ Филиппъ.—Ну вотъ что, Клена. Стало быть—судьба. Страшное дѣло! а надо его начинать. И сейчасъ.

— Что ты, какое дѣло? встрепенулась дѣвушка, но братъ не отвѣтилъ.

XXV.

Филиппъ долго просидѣлъ недвижно и какъ бы совершенно забывшись отъ тяжелыхъ думъ. Наконецъ онъ поднялся порывисто съ мѣста, какъ бы сорвался, вздохнулъ глубоко и протяжно вымолвилъ:

— Сестра, я пойду. Будь, что будетъ...

— Куда? Что ты?

— Да внизъ, къ этому злодѣю. Коли онъ тамъ одинъ, да спать... Я теперь ночью миную залу и прихожую, меня никто не увидитъ. Я его соннаго мигомъ кончу.

— Что ты, Филиппушка! Что ты! Господь съ тобой! Помилосердуй! Развѣ можно. Нѣтъ... Нѣтъ... Что ты!.. отчаянно заговорила Клена, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Эхъ, сестра... Вотъ вы барыни да барышни всѣ такъ... Разговаривать вы обо всемъ можете, а чуть до дѣла, васъ дрожь пробираетъ. Вѣдь посылалъ же я другихъ его рѣзать, да коли не дорѣзали... Ну и приходится самому! Спасибо дѣдушка пристроилъ его такъ хорошо, на подачу руки. А ты не бойся. Дѣло вѣрное. Я уйду... на тебя вѣстимо не подумаютъ. Свалить на кого изъ дворовыхъ. Можетъ и пострадаетъ иной какой безвинно. Да что жъ дѣлать? У насъ въ острогѣ много такихъ было. На десятокъ—пятокъ безвинныхъ.

И если бы было не темно въ комнатѣ, Клена увидала бы, что Филиппъ усмѣхнулся тою своею удивительною улыбкой, которая наводила страхъ на мамушку.

— Такъ я пойду, глухо выговорилъ Филиппъ послѣ паузы.

Клена бросилась къ брату, схватила его за плечи, крѣпко уцѣпилась и зашептала перепуганнымъ, упавшимъ голосомъ:

— Нѣтъ. Нѣтъ. Не пушу, нельзя! Помилуй Богъ! Что ты! Губить себя! Пускай лучше иначе все распутается... Я въ монастырь пойду. Филиппушка, если любишь...

— Полно. Успокойся. Тебѣ что? Не твое это дѣло. Ты сиди себѣ тутъ, да не думай ни о чемъ.

Клена молча сильнѣе ухватила брата за плечо и руки и, трепещущая, почти повисла на немъ.

— Слушай, Клена. Я нынѣ убивать не стану его... Слышишь! мнѣ и нечѣмъ убить. Я только пойду осмотрѣть, гдѣ онъ лежитъ и все... Какъ что... Въ другой разъ приду, ножъ захвачу и похерю. А теперь дай только взглянуть.

Филиппъ освободился изъ рукъ сестры и твердымъ шагомъ двинулся изъ комнаты. Затворивъ за собой дверь и очутившись одинъ, онъ оцупалъ за пазухой большой ножъ, который онъ всегда носилъ при себѣ, съ тѣхъ поръ какъ боялся ежедневно быть узаннымъ полиціей и арестованнымъ.

Клена осталась на своемъ мѣстѣ, схватила себя за голову и почувствовала, что она шатается, что силы покидаютъ ее. Она и повѣрила брату, и сомнѣвалась, боялась, что онъ ее обманываетъ. Въ полусознаніи опустила она на подоконникъ и крѣпко прижала руки къ ушамъ своимъ, словно боясь услышать какія-либо страшныя слова или звуки.

— Онъ убьетъ! забормотала она бессмысленнымъ голосомъ.—Убивать пошелъ! Руки въ крови человѣческой... Ради меня себя губить. Охъ, нельзя, нельзя этого! Я не позволю! вдругъ вскрикнула дѣвушка внѣ себя отъ ужаса и въ то же время чувствуя, что она слабѣетъ.

И Клена встала, двинулась, шатаясь, къ своей двери, но почувствовала вдругъ, что ноги ея подкашиваются, что она совершенно теряетъ сознаніе и разумъ и не въ состояніи ни думать, ни двигаться далѣе. Она оцупала близъ себя рукой диванъ и опустила, почти упала на него.

— Что же это? Что со мной? Отъ страха... Ничего. Сейчасъ пройдетъ. Да нѣтъ, Богъ милостивъ, онъ ничего не сдѣлаетъ. Онъ правду говорить—поглядить. А если поймають, остановятъ? Вѣдь тогда судить будутъ.

Долго ли просидѣла Клена, схвативъ себя за голову, она даже не могла отдать себѣ отчета. Но вдругъ силы стали возвращаться къ ней. Новый приливъ ужаса при ясной мысли о томъ, что можетъ совершиться внизу, вдругъ поднять ее на ноги. Порывистымъ и неровнымъ движеніемъ она вскочила съ дивана, бросилась въ дверь и быстро спустилась по лѣстницѣ. Но въ ту минуту, когда она повернула въ залу, гдѣ окна были освѣщены фонаремъ, горѣвшимъ на дворѣ, и

гдѣ было довольно свѣтло, она вдругъ остановилась и задыхаясь прислушалась.

Изъ дверей, выходявшихъ въ прихожую, но не въ ней, а тамъ, гдѣ-то дальше... слышался какой-то дикій хрипъ, потомъ раздался довольно громко тихій и протяжный стонъ и снова тотъ же хрипъ.

— Господи! Господи! громко вскрикнула Клена и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановилась снова. Вдругъ ей показалось, что съ ней совершается что-то ужасное, невѣдомое, будто душа покидаетъ ее тѣло...

— Умираю... шепнула она.—И хорошо это...

Въ ту же минуту изъ дверей прихожей тихо и осторожно появилась фигура Филиппа. Клена услышала его частое, прерывистое и горячее дыханіе и увидала что-то блестящее въ рукѣ.

Молодой малый неслышно подбѣжалъ къ сестрѣ и шепнулъ ей:

— Судьба помогла! Соннаго! Сразу!

Но Клена не слыхала и не поняла. Филиппъ схватилъ ее за руку выше локтя и сильно потащилъ назадъ къ лѣстницѣ. Она было двинулась за нимъ, дрожа и задыхаясь, но вдругъ, высвободивъ изъ руки брата свою какъ-то скользнувшую странно руку, за которую ухватился Филиппъ, она взглянула на нее и странно вскрикнула. Рука была вся въ крови.

Клена тихо вскрикнула и зашаталась, теряя сознание...

XXVI.

Еще до разсвѣта весь домъ бригадира поднялся на ноги и загудѣлъ.

Казалось, довольно было сумятицы въ этомъ домѣ за всю зиму, много страннаго и загадочнаго, много лихова и бѣдоваго, а главное много позорнаго, худую славу пустившаго по городу... А между тѣмъ, послѣднее происшествіе было сугубо горше и ужаснѣе всѣхъ предъидущихъ.

На разсвѣтѣ, истопникъ дома тихо и осторожно, чтобы не нарушать господскаго сна, пришелъ въ верхнія комнаты изъ людской и по обыкновенію началъ топить печи. Затопивъ въ прихожей, онъ перешелъ въ сосѣдную горницу, но тотчасъ же, оглядѣвшись, обомлѣлъ. Черезъ мгновеніе онъ убѣдился,

что на полу лужа крови, а на кровати лежит убитый Морковниковъ.

Дикій крикъ и шумъ, который онъ поднялъ на весь домъ, сразу поднялъ всѣхъ на ноги. Не прошло нѣсколькихъ мгновений, какъ всѣ люди изъ нижняго этажа были въ господскихъ горницахъ, а бригадиръ и барышня снова появились въ залу, каждый со своей стороны.

Первое слово, которое зазвучало въ домъ: „Убили! Убили!“ дошло до ушей бригадира въ ту самую минуту, когда онъ, выйдя въ залъ, увидѣлъ среди пола распростертую фигуру внучки.

Конечно, бригадиръ, а за нимъ и выбѣжавшая Марья Евграфовна, бросилась поднимать дѣвушку.

Прибѣжавшіе люди продолжали кричать „убили!“ и объяснили, что убить Герасимъ. Ужасъ, обуявшій всѣхъ, отъ хозяина дома до послѣдняго двороваго мальчугана,—перешелъ въ панической страхъ. Бурная сумятица сразу перешла въ оцѣпенѣніе. Всѣ столпились въ залѣ кругомъ безчувственной барышни, и только немногіе похрабрѣ стояли надъ трупомъ зарѣзаннаго скорохода, на горлѣ котораго зіяла страшная рана. Голова его была наполовину отрѣзана отъ туловища.

Понять сразу происшествіе было невозможно. Кто могъ совершить преступленіе? Кто могъ забраться ночью въ домъ? Почему, одновременно съ убійствомъ спавшаго въ барскомъ домѣ скорохода, очутилась не въ своей постели, а на полу въ залѣ, одѣтая по денному бригадирская внучка? Все это являлось загадкой и страшной загадкой.

Бригадиръ тотчасъ же почувялъ, что даромъ внучка очутилась не въ постели, а на полу, недалеко отъ трупа.

Бригадиръ раза два глянулъ въ глаза своей сожительницѣ. Марья Евграфовна дрожала всѣмъ тѣломъ и была блѣдна какъ смерть. Переглянувшись, они какъ будто перемолвились. Равно и онъ, и она почувяли недоброе, почувяли, что помимо преступленія въ домѣ, есть еще нѣчто—ужасный позоръ, горшій, чѣмъ весь срамъ до сихъ поръ бывшій въ ихъ домѣ.

Клену снесли въ ея горницу, около спальни Толбухиной, и положили на кровать. Тутъ только дѣвушка пришла въ себя, открыла глаза и бессмысленнымъ взоромъ окинула дѣда, бабушку и нѣсколько человѣкъ дворовыхъ.

Вдругъ она содрогнулась всѣмъ тѣломъ, вскинула руки, закрыла себѣ лицо и простионала.

— Что? Говори, что знаешь! невольно вскрикнула Толбухина.

— Во снѣ... забормотала Клена.—Во снѣ?... Сонъ?... Нѣтъ, нѣтъ!.. Говорите... Во снѣ, что ли, привидѣлось... Говорите... Правда ли? Убить онъ?

— Зарѣзанъ... Убить... выговорилъ бригадиръ.

Клена замерла и не двигалась. Такъ какъ лицо ея было закрыто руками, то нельзя было знать, въ памяти она или снова лишилась сознанія.

Бригадиръ придвинулся къ внучкѣ, и вдругъ ахнулъ. Онъ замѣтилъ кровавое пятно на ея рукѣ около локтя. Онъ схватилъ ее за обѣ руки и рѣзко, почти грубымъ движеніемъ хотѣлъ отвести ихъ отъ лица, чтобы взглянуть внучкѣ въ глаза и убѣдиться въ томъ, что ужаснымъ вопросомъ возникло въ его умѣ. Но при первомъ прикосновеніи бригадира, Клена отчаянно вскрикнула. Дикій вопль ея огласилъ весь домъ, какъ если бы ее ударили ножемъ. Бригадиръ схватилъ ее крѣпче за руки, оттащилъ ихъ отъ лица, нагнулся и выговорилъ хриплымъ отъ отчаянія голосомъ:

— Ты убила?.. Говори скорѣ!..

— Я... я... я... три раза дико прокричала Клена.

Бригадиръ отшатнулся—и если бы двое людей не поддерживали его, то онъ упалъ бы на полъ. А Клена, глядя на всѣхъ страннымъ взоромъ, продолжала безъ конца шепотомъ повторять одно и то же слово: „я“.

Она тяжело дышала, задыхалась, но въ эту минуту людямъ было уже не до нея.

Съ бариномъ сдѣлалось дурно; онъ повисъ какъ бездыханный трупъ на рукахъ столпившихся дворовыхъ.

Марья Евграфовна при взглядѣ на лицо бригадира вскрикнула. Она ни разу въ жизни не видала своего брата безъ чувствъ, безъ единого признака жизни.

Люди подхватили барина и понесли его въ кабинетъ.

Бригадиръ скоро очнулся, благодаря усиліямъ Марьи Евграфовны, хлопотавшей около него.

Открывъ глаза, Никита Артемьевичъ перекрестился нѣсколько разъ, тихо простоналъ, и слезы выступили на глазахъ его.

— Подите къ ней, разспросите ее... Вѣрить я не хочу... Подите... заговорилъ онъ.

— Сейчасъ... Да вы-то успокойтесь, Бога ради. Себя-то не губите... Сейчасъ все сдѣлаю... заторопилась Марья Евгра-

фовна и заметалась на одномъ мѣстѣ, какъ потерянная. — Себя-то берегите... Стоитъ ли изъ-за нея помирать...

И Толбухина побѣжала въ горницу внучки.

Клена лежала съ открытыми глазами, но съ какимъ-то равнодушнымъ, спокойнымъ выраженіемъ.

— Скажи: ты убила?.. растерянно выговорила Толбухина, приближаясь къ внучкѣ.

— Я... я... отозвалась молодая дѣвушка и снова зачестила это слово такъ же непрерывно и полубезсмысленно.

Казалось, что если бы ее не остановить, то она будетъ повторять это слово до усталости, до потери силъ или голоса.

— Зачѣмъ?.. Что онъ тебѣ?.. За что ты его убила?

— Нужно... нужно... Такъ хорошо... Отлично! Нужно...

— Да объясни почему?.. Что онъ тебѣ сдѣлалъ?..

Но на это Толбухина не получила отвѣта отъ внучки, которая зачестила теперь и повторяла нѣсколько десятковъ разъ слово „нужно“. Толбухина вернулась къ бригадиру.

Между тѣмъ верховой гонецъ уже поскакалъ изъ дому отъ барина оповѣстить московскаго оберъ-полицеймейстера о событіи въ домѣ. Слухъ о происшествіи, давно уже выскользнувшій со двора въ сосѣднія улицы, привлекъ цѣлую толпу обывателей. Дворъ, подъѣздъ и прихожая были запружены чужимъ народомъ, зѣваками и всякимъ сбродомъ. Всѣ приходили, лѣзли по лѣстницѣ параднаго подъѣзда и заглядывали въ горницу, гдѣ лежалъ трупъ, а затѣмъ бѣжали рассказать по городу о страшномъ дѣлѣ.

XXVII.

Наконецъ появился въ коляскѣ московскій оберъ-полицеймейстеръ, за нимъ нагрянули всякаго рода полицейскіе, и тотчасъ же было приступлено къ первому допросу, первому сыску. По единогласному завѣренію всѣхъ и по собственному признанію, въ „смертоубивствѣ“ оказывалась виновною сама барышня—бригадирская внучка.

На вопросъ полиціи, предложенный дѣвущкѣ, она отвѣчала три раза:

— Я! Я! Я!..

Стало быть, дѣло было просто и ясно. Полицейскіе дьяки, помытчики и всякіе стрекулисты начали свое дѣло, какъ бы

обнюхивали весь домъ, разглядывали, спрашивали и наконецъ сѣли писать, среди залы. Полицеймейстеръ, сидѣвшій у Марьи Евграфовны, явился тоже въ залу.

— Ну, что? спросилъ онъ у сѣдого, маленькаго и худенькаго старичка.—Какъ по твоему?

— Не барышня, кротко отозвался тотъ, усмѣхаясь.

— Какъ не барышня? Она же говорить.

— Мало что. Говори. А доказать не сможетъ. Вы спросите, во-первыхъ, у нея: какъ она убила, чѣмъ и по какому мѣсту. Второе, спросите: бѣгала ли она наверхъ по лѣстницѣ, послѣ убійства. А третье, поглядите кровь у нея на лѣвой рукѣ... А четвертое, гляньте наверху въ ея горницѣ полотенце, что мы выудили изъ печки... Пойдемте...

Полицеймейстеръ сходилъ наверхъ, потомъ пришелъ къ Кленѣ и задалъ ей два вопроса; Клена сначала не отвѣчала, но затѣмъ, при угрозѣ немедленной пытки она отвѣчала:

— Топоромъ! По головѣ.

— Стало быть вы, сударыня, и не видали убитаго, не только что не убивали... А были ли вы сегодня въ горницахъ наверху?

— Ночью была.

— И послѣ убійства опять туда лазили или внизу оставались?..

— Да, всходила...

— А потомъ опять сошли внизъ?

— Нѣтъ...

— Какъ же васъ нашли на разсвѣтѣ среди залы на полу, когда убитый еще былъ теплый, говорятъ—даже еще дышалъ.

Клена молчала.

— Стало быть, вы не ходили наверхъ?

— Нѣтъ, не ходила... Упала безъ памяти. Что жъ изъ того! грустно произнесла Клена.

— Кто же, сударыня, по лѣстницѣ взбѣгалъ и окровавленной рукой всю балюстраду захваталъ? Кто же ножъ объ ваше полотенце вытеръ, а его въ печку засунулъ? Кто, сударыня, вотъ смотрите, васъ тою же рукой схватилъ? Вотъ даже пальцы свои запечатлѣлъ...

Клена молчала, и слезы впервые показались у нея на глазахъ.

— Не вы, сударыня, совершили убійство, а только его

на себя берете, но знаете конечно, кто убійца и должны сказать. Если вы не скажете, то...

— Не скажу. Ни за что не скажу...

— Тогда я прикажу позвать двухъ палачей и мы за васъ примемся... Ну-съ...

Клена повѣрила угрозѣ и рыдая умоляла, чтобъ ее не заставляли называть имя виновнаго, говоря что она беретъ все на себя.

— Законъ не допускаетъ самопожертвованій, отозвался полицеймейстеръ мягче. — Будьте благоразумны, назовите... Тѣмъ паче вамъ надо назвать преступника, что мы уже сами догадываемся... Это ваша бывшая мамка.

— Нѣтъ! Никогда! Неправда!

— Это вѣрно... Завтра она уже будетъ въ острогѣ.

Дѣвушка, пораженная извѣстіемъ, мгновенно рѣшилась. „Филиппа они не отыщутъ, онъ вѣроятно успѣетъ бѣжать изъ Москвы,—за что же Аришѣ напрасно погибать?“ мысленно рѣшила Клена.

— Я завтра скажу вамъ имя... выговорила она.

— Почему же завтра, а не сегодня?

— Я подумую... Завтра я скажу...

Полицеймейстеръ не соглашался, и заявилъ, что онъ отправляется арестовать монахиню Анастасію. Клена не замѣтила хитрой улыбки ея допрашивателя... Она вскрикнула и снова залилась слезами.

— Мой братъ... Мой братъ Филиппъ, произнесла она тихо.

— У васъ есть братъ?..

— Мой братъ убилъ ради спасенія моего отъ мучителя. Вотъ вамъ вся правда... Оставьте няню!

Молодая дѣвушка подробно рассказала, какъ братъ ея попалъ въ домъ, къ ней на вышку, и какъ совершилъ преступленіе. Но зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, она отказалась объяснить и начала судорожно рыдать.

Показаніе дѣвушки было настолько важно и неожиданно, что полицеймейстеръ тотчасъ же отправился въ залу къ своимъ помощникамъ и затѣмъ къ бригадиру.

Никита Артемьевичъ былъ пораженъ извѣстіемъ, но повѣрилъ. Онъ разсказалъ все что зналъ о Филиппѣ, т. е. объ его поведеніи, судимости...

— Онъ вѣрно гдѣ въ острогѣ былъ, бѣжалъ и вотъ у

меня тутъ и проявился для убійства. Но затѣмъ... что ему Герасимъ?

Послѣ полудня полиція удалилась, въ домѣ наступила тяжелая тишина. Бригадиръ съ сестрицей сидѣлъ у себя, вздыхалъ и охалъ, но молчалъ. Клена лежала въ своей горницѣ, одна въ полузабытїи, и часто, судорожно вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Трупъ убитаго не приказано было трогать до возвращенія полиціи, и приставленный солдатъ сидѣлъ на караулѣ въ передней. Люди сбились въ кучу въ людской, какъ бараны въ грозу, но не галдѣли, а уныло молчали. Все было переговорено.

— Что-то будетъ? Что-то будетъ? изрѣдка раздавались голоса полупшепотомъ.

Наконецъ, предъ сумерками появился полицеймейстеръ и заявилъ бригадиру, что его внучка лжетъ самымъ дерзкимъ образомъ, сваливая преступленіе на мертваго.

По всѣмъ розыскамъ въ судѣ, даже со словъ главнаго судьи, который хорошо помнитъ Филиппа Филисова, оказалось, что онъ умеръ давно въ острогѣ или въ пути между Москвой и Владиміромъ, когда былъ отправленъ по суду въ Сибирь съ партіей арестантовъ. Документъ о его смерти и погребеніи оказался на лицо.

— Что же это, Господи! воскликнулъ бригадиръ. — Стало быть, она сама. Или у нея кто былъ на вышкѣ, да не братъ родной... а хуже... Острожникъ, который насъ зарѣзать могъ! Господи помилуй, до чего я дожилъ!

Полицеймейстеръ отправился къ Кленѣ и заявилъ ей то же самое, требуя снова, чтобы она назвала имя убійцы. Клена была очевидно страшно поражена извѣстіемъ, но молчала.

— Умеръ, произнесла она наконецъ.—И давно?..

— Да-съ. Вы этого не знали и свалили вину на мертваго. Извольте же теперь сказать, кто у васъ былъ ночью и совершилъ убійство?

— Мой братъ Филиппъ...

— Что вы... желаете шутить? Или вы съумасшедшая?

Клена отозвалась сухо и рѣзко, какъ бы озлобясь:

— Говорятъ, что я давно умалишенная. Всѣ говорятъ.

— Скажете ли вы, наконецъ, кто убилъ двороваго чело-
вѣка? Въ послѣдній разъ я спрашиваю васъ?..

— Я сказала, отозвалась Клена.—Братъ.

— Это сознание—ложь! Вы валите на мертваго.

— Оставьте тогда меня въ покоѣ... Тѣмъ лучше, если умерь...

— Если вы не хотите назвать убійцу, то я васъ долженъ немедленно везти въ острогъ! проговорилъ полицеймейстеръ грозно.

— И хорошо... вымолвила Клена, и со слезами печально повторила нѣсколько разъ:—Хорошо, хорошо, хорошо! Хорошо, что онъ мертвый... Я за его вину отвѣчу! Онъ для меня и убиваль! Мнѣ за него и отвѣчать!

Полицеймейстеръ вышелъ изъ горницы нѣсколько смущенный; снова отправился къ бригадиру, котораго нашелъ почти лежащимъ въ большомъ креслѣ. Онъ заявилъ о своей обязанности немедленно арестовать его внучку и везти въ острогъ, хотя, повидимому, она не въ своемъ умѣ.

— Берите, берите!.. Поскорѣе отсюда!.. Поскорѣе... Подальше... Голову ей рубите... Что хотите творите... Поразила она меня на старости лѣтъ... Такого случая въ Москвѣ не запомнять... Скорѣе увезите!.. Куда желаете.

Между тѣмъ, четверо дюжихъ мужиковъ, по приказанію полицейскихъ, взвалили трупъ Герасима на рогожу и перенесли его на задній дворъ въ пустой сарай.

Въ то же время Клена, блѣдная, застывшая, безчувственная, вышла машинально изъ своей горницы и прошла въ залу, сопутствуемая двумя полицейскими. Переступивъ порогъ прихожей, Клена, при видѣ бабъ, мывшихъ полъ въ сосѣдней горницѣ, зажмурилась и запаталась. Затѣмъ она быстро двинулась снова и почти бѣгомъ спустилась на подъѣздъ.

На дворѣ, вокругъ крыльца стояла сплошная толпа народа изъ тѣхъ же зѣвакъ, шатавшихся тутъ съ утра. При всемъ народѣ бригадирскую внучку посадили въ простую телѣгу, по бокамъ усѣлись двое полицейскихъ, и поѣздъ двинулся. Вслѣдъ за телѣгой съ запряженною въ нее простою клячей, шарахнулась и эта густая толпа. Сотни людей бѣжали, провожая телѣгу по всѣмъ улицамъ, вплоть до самаго острога.

Всюду, гдѣ проѣзжала телѣга, окруженная этой толпой, встрѣчный народъ опрашиваль:

— Что за поѣздъ? Что за людство?

— Бригадирскую, слышь, дочку, аль женку какую-то везуть. Зарѣзала кого-то. Вотъ и везуть.

— Куда?

— На площадь Красную! Голову рубить!

— Дѣвчонка-то, слышь, что народу нагубила! Сирота круглая осталась и своихъ крѣпостныхъ изводила, рѣзала, топила... Душъ сто загубила.

— Цѣлое село, какъ стояло, братцы, такъ и нѣту его... Крестьянъ вымучила она до одинаго человѣка, ребятишекъ и тѣхъ въ рѣчку закидывать какъ щенять приказывала. А тамъ, какъ обезлюдила она всю вотчину—то жечь велѣла. Все село и выжгли...

И всякія розказни росли и расходились по улицамъ московскимъ.

А преступница, везомая по улицамъ, среди толкотни и гула голосовъ, сидѣла опустивъ голову на грудь и почти закрывъ глаза.

XXVIII.

Бригадиръ Никита Артемьевичъ не могъ совладать съ новымъ ударомъ, его постигшимъ. Последнее происшествіе въ его домѣ, сугубо горшее всѣхъ предшедшихъ, сразило его окончательно. Преступленіе, срамное по своей загадочности, обѣжавшее весь городъ въ одинъ день, сдѣлало его домъ въ Москвѣ, по исконному выраженію, „притчей во языцѣхъ“.

Уже не въ однѣхъ дворянскихъ семьяхъ, а повсюду: въ трактирахъ, лавочкахъ, на базарахъ, только и было слышно, только и шли толки, что о бригадирской внучкѣ, которая мастеръ на всѣ руки. „Начала съ воровства, а кончила смертоубійствомъ“.

Бригадиръ былъ надломленъ всѣмъ пережитымъ, и года его сразу сказались; онъ слегъ въ постель и въ одну недѣлю постарѣлъ, казалось, лѣтъ на десять. Марья Евграфовна, съ своей стороны, тоже быстро измѣнилась лицомъ и характеромъ, стала молчалива, забыла и думать о краснорѣчии и настолько похудѣла, настолько лицо ея осунулось и пожелтѣло, что она сразу утратила слѣды прежней красоты, которою еще недавно удивляла всѣхъ москвичей.

Люди тоже двигались и дѣлали свое дѣло молча и даже боязливо: они были подъ сыскомъ. Каждого изъ нихъ ежедневно приходили брать, водили въ судейскія палаты, опрашивали, стращали пыткой, а двухъ уже засадили.

Одинъ изъ нихъ былъ Антонъ, имя котораго осталось еще связаннымъ съ покражей перстня. Онъ оказался причастнымъ

къ дѣлу и сидѣлъ въ ямѣ. Его кормили одною селедкой, не давали пить и выпытывали этимъ способомъ показанія въ томъ, чего онъ не зналъ и знать не могъ.

Клена сидѣла въ острогѣ въ дворянскомъ отдѣленіи. Ей позволили сохранить то платье, въ которомъ ее взяли, но пригрозили, что въ случаѣ покушенія на свою жизнь или на побѣгъ, на нее надѣнуть арестантское платье и кандалы на руки и на ноги. Угроза эта была лишняя по отношенію ко второму предположенію. Бѣжать она никоимъ образомъ не могла бы, такъ какъ страшная слабость вынуждала ее проводить весь день лежа на сѣнномъ матрацѣ въ своей каморкѣ. Что касается перваго предположенія, то конечно, полуживая на видъ дѣвушка, съ бессмысленнымъ взоромъ, могла въ минуту полнаго отчаянія покуситься на самоубійство. Но и для этого у нея подъ руками не было ничего, чѣмъ бы она могла убить себя.

Первые три дня жизни въ острогѣ Клена провела въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Такъ какъ она была одна въ отдѣльной маленькой горницѣ, въ концѣ корридора, за тяжелою дверью, окованною желѣзомъ, то до нея почти не достигалъ осторожный шумъ. Она свободно могла погружаться въ свои горькія думы.

Съ утра до ночи, отчасти и всю ночь, ей казалось, что она не живетъ, какъ прежде, а спитъ и передъ ней совершается и длится какой-то ужасный сонъ на яву.

Въ глубинѣ души возникало слабо мерцающимъ лучемъ нѣчто въ родѣ надежды, что сонъ этотъ прервется, послѣдуетъ пробужденіе, всѣ эти страшные образы исчезнутъ и наступитъ ясная, простая дѣйствительность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, существо ея какъ бы раздвоилось. Въ ней было двѣ Клены, и одна у другой изрѣдка спрашивала: „Неужели ты допустила убить его? И какъ смогла ты?“ А другая Клена, озлобленная, будто отвѣчала? „Хорошо! и хоть еще сто разъ—такъ же надо!“

На третій день обстановка молодой дѣвушки сразу измѣнилась. Ее перевели въ другое отдѣленіе, гдѣ оказалось четыре женщины, такія же арестантки, какъ и она; Клена, дико озираясь на нихъ, забилась въ уголъ и ни разу не отвѣчала ни единымъ словомъ на вопросы, которыми осыпали ее новыя товарки. Ни просьбы, ни ласки, ни назойливость, ни грубости, ни грязныя прибаутки не заставили дѣвушку отозваться. И тутъ, съ перваго же вечера, всю ночь Клена уже не думала

о себѣ и своемъ преступленіи. У ней было одно только чувство: ощущеніе простого страха, простой гадливости отъ этихъ товаровъ-арестантокъ.

„Убьютъ онѣ меня“, думала ночью Клена, лежа на простой рогожѣ на полу. „Ну, и слава Богу!“ прибавляла она. „Я же сама собиралась не разъ на себя руки наложить. Такъ чего же мнѣ ихъ бояться!..“

Но боязнь все-таки сказывалась, не смотря на такія разсужденія. Черезъ сутки сидѣнія взаперти вмѣстѣ съ этими женщинами, Клена уже нѣсколько привыкла, и страхъ переислило простое гадливое чувство отвращенія.

Оказалось, что молодую дѣвушку перевели изъ отдѣльной горницы и заперли вмѣстѣ съ другими преступницами исключительно потому, что судьи и подъячіе ошиблись въ своемъ разсчетѣ.

Судейскіе крючки, кровопійцы приняли молодую дѣвушку, бригадирскую внучку, какъ манну небесную, какъ доходную статью. Такихъ дѣлъ уголовныхъ, каково было дѣло барышни Филисовой, всю жизнь жди иной судья — и не дождешься. Тутъ можно было стать сразу богатымъ человѣкомъ.

Черезъ два дня послѣ ареста молодой преступницы-дворянки, судьи разочаровались, узнавъ, что бригадиръ не только не желаетъ выпутать свою внучку изъ уголовщины, но, напротивъ, отказывается отъ нея вполнѣ. Онѣ заявилъ, что радъ будетъ, если осрамившая его внучка пострадаетъ и будетъ судима самымъ строгимъ образомъ.

Вслѣдствіе этого съ молодой дѣвушкой перестали стѣсняться и, прежде всего, перевели ее въ отдѣленіе, гдѣ были другія преступницы. Современемъ ее ожидало еще другое помѣщеніе, въ общей камерѣ, гдѣ содержались до полутораста женщинъ-арестантокъ.

Однако бригадиръ Филисовъ, пожелавшій отстранить отъ себя все дѣло, оставляя внучку на произволь судьбы, а главное—на произволь судей, тоже ошибся въ разсчетѣ.

Судейскіе кровопивцы не могли упустить изъ рукъ такой добычи, такого лакомага куска, какъ богатый бригадиръ.

Дѣло было, казалось, просто. Барышня-дворянка убила съ кѣмъ-то вмѣстѣ двороваго человѣка и была найдена почти на мѣстѣ преступленія. Оставалось только приговорить ее и сослать въ каторгу. Питать не приходилось, да по новому указу государыни питать уже съ десятокъ лѣтъ было запре-

щено; прежніе „дыбки“, „лошадки“ и всякія „пристрастія“ были отмѣнены. Клейма еще оставались. Но класть ли каленымъ желѣзомъ на лобъ барышни букву *у* или иную какую, это судейскихъ крючковъ вовсе не интересовало. Для нихъ важно было, якобы ради правосудія и общественной совѣсти, а не ради наживы и лихоимства, доподлинно изслѣдовать и узнать, дѣйствительно ли бригадиръ не причастенъ къ убійству, безъ всякаго повода, его крѣпостного человѣка. Зачѣмъ барышнѣ убивать холопа!

— Нѣтъ, это дѣло не простое, а таинственное дѣло, ска- залъ на третій день главный судья засѣдателю Верхняго суда—Братолюбцеву.

— А, вотъ какъ!.. отозвался Братолюбцевъ, усмѣхаясь злобно.—Не простое... Такъ я, сударь мой, этого и ожидалъ.

— Нѣтъ, Геннадій Ивановичъ, не простое. Тутъ дѣло чрезвычайной важности. Это, такъ сказать, убійственная загадка.

— Вотъ какъ! снова усмѣхнулся Братолюбцевъ.—Ужъ вы отъ вашего судейскаго азарта нечаяннымъ манеромъ острить начали. „Убійственная загадка“!.. Такъ!.. И вы ее теперь будете разгадывать?

— Намъ это, Геннадій Ивановичъ, долгъ и совѣсть повелѣвають. Разгадать, чтобы невинный не пострадалъ и виновный нашелся.

Братолюбцевъ помолчалъ и вымолвилъ:

— Нужно вамъ пощипать моего друга-бригадира, чтобы его достояніе все перешло въ ваши руки. Такъ я этого и ожидалъ.

Главный судья обидѣлся, но принялъ не грозный видъ, а жалостливый, и сталъ печалиться насчетъ такого худого мнѣнія засѣдателя суда о судьяхъ.

Братолюбцевъ, какъ уже разъ случилось ему поступить, снова отправился къ своему другу, прося не жалѣть денегъ и тотчасъ же пожертвовать тысячъ тридцать.

— Запутаютъ и тебя, и Марью Евграфовну, и всѣхъ вашихъ родичей, каковыя найдутся. Заплати скорѣе.

Филисовъ отвѣчалъ лишь болѣзненно-желчнымъ, но отчасти и грустнымъ смѣхомъ.

— Денегъ мнѣ не жаль, отозвался онъ.—Теперь мнѣ моего достоянія и оставить некому. Одна была внучка—и та опозорилась. Но не стану я платить... Пускай они путаютъ какъ хотятъ. Я помню одно, что у насъ есть государыня и само-

держница, которая, по сказу Орлова, объ этихъ судахъ такога же мнѣнія, какъ и я. Царица много сотенъ дѣлъ перерѣшила, много безвинно запутанныхъ освободила. Коли случится нѣчто подобное со мною, то наша матушка дѣло распутаетъ, и я виновнымъ не останусь. А Клеопатра Филисова пускай пройдетъ черезъ всѣ мытарства судейскія, какъ ей и подобаетъ.

Послѣ Братолюбцева появился въ домѣ бригадира главный судья, хорошо извѣстный по Москвѣ. Его звали и въ народѣ, и въ обществѣ то „Шемякой“, то „Иудой Искаріотомъ“, то „волкомъ“. Нѣкоторые пообразованнѣе изъ дворянъ звали его „Вампиромъ Вампировичемъ Вампировымъ“.

Бригадиръ сначала, на докладѣ лакея о прибытіи нежданнаго гостя, отвѣчалъ отказомъ принять. Но судейскій оберъ-кровопійца настоялъ болѣе или менѣе дерзко на томъ, чтобы быть принятымъ.

Никита Артемьевичъ вышелъ въ залъ и, блѣдный, трясаясь отъ гнѣва, сказалъ гостю краткую россійскую рѣчь, отъ которой гость побагровѣлъ и тотчасъ попятился къ прихожей.

— Ладно, будете вы меня помнить! пригрозился онъ уже надѣвая шубу.

Но бригадиръ, блѣднѣе смерти, подвинулся на порогъ прихожей и снова оглушительнымъ голосомъ на весь домъ повторилъ съ десятокъ крѣпкихъ словъ.

Черезъ два дня послѣ этого въ Москвѣ уже толковали во всѣхъ домахъ, что дѣло внучки бригадирской совсѣмъ не такое, какъ сначала рассказывали. Дѣло премудренное. Оказывается, что Филисова никогда скорохода своего дѣда не убивала. А кто убилъ и какъ все это произошло—дѣло рукъ самого бригадира.

Съ этого дня дѣло барышни Филисовой стало какъ бы снѣжнымъ комомъ, который по свѣжей порохѣ, въ теплый день, судьи, подьячіе и повытчики начали весело катать и перекачивать.

Черезъ нѣсколько дней изъ маленькаго комочка сталъ уже большущій комъ, обѣщавшій вскорѣ стать комомъ гигантскимъ.

XXIX.

Почти въ то же время, когда шли переговоры судей съ Братолюбцевымъ и бригадиромъ,—видно судьба благопріятствовала судьямъ,—случился особый казусъ.

Рано утромъ въ острогъ явилась пожилая женщина, монахиня, и заявила солдатамъ о желаніи видѣть барышню Филлисову. Разумѣется солдаты прикрикнули на появившуюся. Не будь она монахиня, можетъ быть ее и въ зашеи прогнали бы.

Благодаря нѣсколькимъ серебрянымъ монетамъ, монахиня прошла крыльцо и очутилась внутри дома. Здѣсь она обратилась съ тою же просьбой повидаться съ арестанткой къ какому-то подьячему, но и тутъ получила отказъ и выговоръ.

Долго билась няня, Арина Матвѣвна, чтобы добиться своего: повидаться съ „дитяткомъ“. Всѣ ея попытки, моленія и обѣщанія не привели ни къ чему. Какой-то подьячій уже схватилъ ее за рукавъ и потащилъ къ дверямъ, приговаривая:

— Уходи, монашка, уходи! Здѣсь тебѣ въ твоемъ одѣяніи и не мѣсто... Не срамись!

На счастье Арины Матвѣвны, въ это время подѣхалъ въ большой колымагѣ важный человекъ, въ мундирѣ, съ орденомъ и, не выходя изъ экипажа, приказалъ позвать къ себѣ какого-то чиновника.

Фигура монахини, вышедшей изъ острога, вѣроятно, поразила его.

— Это кто?! крикнулъ онъ грозно.

Арина Матвѣвна, догадливая и дальновидная, теперь тоже сообразила въ одну минуту, что важный сановникъ можетъ помочь ея горю. Она сама приблизилась къ самой колымагѣ и въ нѣсколькихъ словахъ объяснила все: кто она и зачѣмъ явилась.

— Ты мамка Филлисовой?

— Точно такъ.

— Когда ты постриглась?

— Недавно, сударь мой. Передъ самой этой бѣдой.

— Виновата ли, по твоему разсужденію, твоя барышня въ семь ужасномъ дѣяніи, въ убійствѣ холопа?

— Ахъ, не виновата!.. вымолвила мамка, заливаясь слезами.— Ахъ, не виновата!.. Гдѣ жъ ей, ребенку, на такое дѣло пойти! Тутъ другой все повернулъ! Кто такой—не мое дѣло. Охъ, все бытъе-житье ея у дѣдушки путано-перепутано...

— А!.. протянулъ сановникъ.

Но протянулъ съ такимъ видомъ, такимъ голосомъ, что всѣ кругомъ, и его же кучеръ и лакей на запяткахъ, и сторожа, и кое-кто изъ прохожихъ—всѣ на этотъ звукъ навестили уши, рты разинули и растарачили глаза. Полонъ ве-

ликаго значенія былъ этотъ сановническій, властный и даже послѣдствіями своими всемогущій звукъ.

— Знала ли ты, послѣ паузы выговорилъ сановникъ,—что твоя барышня кончитъ такимъ страшнымъ дѣяніемъ, или такое дѣяніе на нее взведутъ?..

— Охъ, ждала бѣды! воскликнула Арина Матвѣевна, не вполне понимая значеніе вопроса.

— Думалось ли тебѣ, что житье-бытье у бригадира въ домѣ твоей барышни кончится какою-нибудь бѣдой? Думала ли ты это?

— Думала, батюшка, думала это... Что грѣха таить,—ждала, отецъ мой, ждала ежечасно.

— Были на то особливья причины?

— Были... были...

— И ты знаешь кое-что? Какія такія причины, что все это перепуталось?

— Вѣстимо.

— Ну, прости меня, мамушка. Я человекъ подневольный—судья. Я не могу по собственному желанію или прихоти поступать. Я долженъ все по закону вершить... Поэтому прости, голубушка, а я долженъ приказать тебя сейчасъ арестовать.

Арина Матвѣевна встрепенулась и вздрогнула.

— Да, дѣлать нечего. Засадятъ тебя вмѣстѣ съ твоимъ „дитяткой“, а что дальше будетъ—невѣдомо.

— Съ ней, съ Кленой вмѣстѣ посадятъ?.. вымолвила Арина Матвѣевна.

— Да, да...

— Отецъ ты мой!..

И мамка бросилась на колѣни, кланяясь лицомъ въ снѣгъ.

— Не могу... не могу... заговорилъ сановникъ, высунувшись въ окно колымаги.—Не проси. Не могу...

— Спасибо тебѣ! одновременно съ нимъ повторяла Анна Матвѣевна.—Дай тебѣ Господь всякаго счастья и всякаго здоровья.

Наступило молчаніе, послѣ котораго сановникъ улыбнулся и, обращаясь къ ближайшему солдату, выговорилъ:

— Прикажи Трофиму Иванову сейчасъ взять ее и посадить вмѣстѣ съ Филисовой.

И чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, Клена уже плакала и рыдала, крѣпко ухватившись за свою мамку. Часа два не выпускала она изъ рукъ свою Аришу, боясь, что она исчезнетъ какъ тѣнь, какъ видѣніе.

Въ тотъ же день обѣ арестантки были снова отдѣлены въ особую камерѣ.

Разумѣется, когда въ монастырѣ были извѣщены объ арестѣ новой монахини, то игуменья приказала считать ее исключенною изъ числа монахинь. Она послала сказать въ острогъ, что считаетъ эту женщину какъ бы растрогой, какъ бы лишенною монашескаго сана, и потому требуетъ, чтобы ее тотчасъ же заставили переѣмнить одежду.

Арина Матвѣевна весело и радостно сняла съ себя монашеское одѣяніе и надѣла простое платье и арестантскій халатъ.

— Нехай, нехай... весело повторяла она. — Надѣну что изволите... Хоть шкуру звѣрину! Лишь бы мнѣ съ Кленой быть... А Богъ-то все видитъ. Онъ, Небесный Отецъ, все знаетъ! А скажетъ ли что, нѣтъ ли — на то Его святая воля!..

XXX.

Въ теченіе недѣли обѣихъ арестантокъ вмѣстѣ возили въ телѣгѣ въ другое казенное зданіе, конечно подъ конвоемъ двухъ солдатъ.

Здѣсь, передъ большимъ столомъ, накрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько важныхъ господъ съ орденами и здѣсь снимали допросъ съ обѣихъ арестантокъ.

Барышня Филисова мало давала пищи своимъ судьямъ. Она отмалчивалась, печально трясла головой или отзывалась кратко, двумя словами: „да“ и „нѣтъ“. Вину свою она, конечно, по прежнему не признавала вполнѣ, ибо самое убійство сваливала на брата.

Арина Матвѣевна была говорливѣе и только на второмъ допросѣ вдругъ въ головѣ ея какъ-то просвѣтлѣло. Она догадалась и ахнула. Чистая совѣсть ея заговорила; душа добрая и честная омрачилась. Няня догадалась, что судя по допросамъ, ей чинимымъ, очевидно въ это дѣло хотятъ запутать бригадира и его сестрицу.

Когда на третьемъ допросѣ Арина Матвѣевна заявила прямо и просто, что напрасно припутываютъ барина стараго и барыню, что виноваты Филиппъ и Клена, а пожалуй виновата и она, ихъ нянька, — судьи сказали, что это не ея дѣло. А главный судья заявилъ, что больше няньку и допрашивать

нечего, что первыя ея показанія достаточно полны и все дѣло разъясняютъ.

Прошло еще нѣсколько дней — и Клена съ няней узнали, что ихъ обѣихъ обвиняютъ въ бродяжничествѣ по Москвѣ и проживательствѣ безъ всякаго вида во время смутныхъ дней моровой язвы; затѣмъ въ разговораніи и похищеніи чужого имущества, приданого, которое готовилось бригаиромъ; затѣмъ въ воровствѣ цѣнныхъ вещей, перстня дорогого и проч. у бригадира Филисова; затѣмъ, Клену—въ поведеніи, не благоприличномъ для дворянки, пьянствѣ съ простыми холопами въ людской дома; наконецъ, въ убійствѣ двороваго человѣка, скорохода Морковникова, по наущенію и строжайшему приказанію самого бригадира.

Одновременно съ окончаніемъ разслѣдованія дѣла, Филисову было объявлено, что онъ считается причастнымъ къ дѣлу и что у генераль-губернатора будетъ испрошено разрѣшеніе не арестовать его, а держать пока подъ карауломъ у себя на дому до окончательнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ.

Бригадиръ, оновѣщенный, не выдержалъ и внѣ себя отъ гнѣва сталъ собираться въ Петербургъ.

— Самъ я царицѣ въ ноги брошусь! воскликнулъ онъ.

Марья Евграфовна, пораженная не менѣе своего сожителя, посовѣтовала ему бросить и мысль о Петербургѣ, а немедленно ѣхать къ сосѣду, графу Орлову, и просить его заступничества.

Бригадиръ на это согласился, но хотѣлъ прежде посовѣтоваться съ другомъ.

Къ его удивленію, исчезнувшій за послѣдніе дни Братолюбцевъ оказался выѣхавшимъ изъ Москвы и невѣдомо куда. Это поразило Филисова.

За поспѣшеніе властнаго и именитаго сосѣда оказалось излишнимъ. Самъ графъ Орловъ, до котораго дошли вѣсти о прикосновенности къ дѣлу и якобы виновности сосѣда Филисова, явился къ нему въ домъ и вызвался помочь горю.

— Это нашъ „Искаріотъ“ все подстроилъ, Никита Артемьевичъ, сказалъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ.—Будь благонадеженъ. Сейчасъ же все напишу брату Григорію и пошлю нарочнаго въ Петербургъ. Я за тебя порукой, что ты только тѣмъ виноватъ, что за судейскіе крючки платьемъ своимъ зацѣпился. Вотъ вся твоя вина!

Конечно, весь городъ былъ взволнованъ уже объявленною и, такъ сказать, оформленною виновностью бригадира.

Многіе ужасались, но многіе и усмѣхались, покачивая головами.

Болѣе всѣхъ поражены были сами арестантки: бригадирская внучка и ея мамка.

— Не попуститъ этого Господь, говорила со слезами Арина Матвѣвна. — Господь все видитъ, все знаетъ! И скажетъ Господь свое слово въ люди, для просвѣтленія ихъ!..

XXXI.

И Клеина няня оказалась, какъ многія русскія няни, — пророчицей.

Провидѣніе, знавшее все, сказало наконецъ свое слово.

По высочайшему повелѣнію изъ Петербурга отъ матушки-царицы, у которой было зоркое правительствующее око, — явилась помощь невиннымъ...

Братолюбцевъ все схлопоталъ въ Петербургѣ.

Императрица, до свѣдѣнія которой дошло приключеніе въ одной изъ дворянскихъ семей Москвы, тотчасъ же приказала стороною и частнымъ образомъ разузнать и выспросить все подробно у друга Филисова, который самъ судья.

— Это дѣло темное, сказала государыня, — а чѣмъ темнѣе дѣло, тѣмъ безвинные бываютъ виннѣе виноватыхъ.

Въ это же время графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ описалъ брату все, что знала вся Москва, всю загадочную исторію. Появленіе въ домѣ бригадира внучки послѣ ея странствованія во время чумы и непонятное исчезновеніе молодого офицера и, наконецъ, послѣднее убійство холопа, учиненное якобы умершимъ бригадирскимъ внукомъ или самой внучкой — все было имъ толковито рассказано въ длинномъ посланіи къ брату, любимцу царицы.

Государыня сама все прочла, обдумала, а затѣмъ былъ посланъ тотчасъ же дѣльный человѣкъ въ Москву произвести строжайше слѣдствіе. Чтобы допытаться истины, онъ долженъ былъ тщательно допросить молодую дѣвушку, чтобы удостовѣриться — умалишенная она или нѣтъ, а затѣмъ, разслѣдовавъ строжайшее дѣло, тотчасъ обо всемъ донести государынѣ.

Пріѣздъ слѣдователя въ Москву произвелъ большой переполохъ среди судей и эффектъ среди общества.

— Вот она, царица-то... До всего ей дѣло, говорили москвичи.—Ему строжайшій указъ... Онъ теперь все выпытаетъ. А то поди, послушай у насъ, кто говорить—сумасшедшая, а кто говорить—въ здоровомъ умѣ, да только вишь каналья самая перворазрядная... Вотъ и разсуждай... А онъ теперь все наизнанку вывернетъ и до сути-то доберется.

Посланенъ этотъ былъ родственникъ графа Брюсса, отличившійся во время чумы и рекомендованный государынѣ какъ честный, дѣльный и хитрый человекъ.

Секундъ-майоръ Повалишинъ, такъ назывался слѣдователь, явился въ Москву и взялся за дѣло по своему. Людей перестали таскать изъ дома, ограничившись тѣмъ, что они уже показали. Но за то забрали двухъ выморочныхъ холоповъ госпожи Козляниновой, которые нашлись въ Москвѣ, и одинъ изъ нихъ былъ кучеръ Семень.

Однако новая помѣха возникла для Повалишина при разслѣдованіи всего дѣла. Клена стала упорно молчать на допросахъ, ничего не объясняя и не уступая никакимъ угрозамъ. Няня Арина Матвѣевна буквально слѣдовала примѣру барышни. Обѣ по опыту боялись уже говорить.

Наконецъ, однажды обѣихъ женщинъ привели въ отдѣльную горницу къ Повалишину, гдѣ стоялъ палачъ съ плетью въ рукахъ, а солдатъ держалъ молотокъ и какія-то чугунныя палочки. Обѣимъ женщинамъ слѣдователь объяснилъ, что это клейма, которыя сейчасъ разожгутъ на огнѣ и будутъ каленымъ желѣзомъ имъ литеры на лбу выжигать, а затѣмъ будутъ ихъ пороть нещадно до тѣхъ поръ, пока онѣ не заговорятъ...

Клена даже бровью не повела, а няня вздохнула и прослезилась... Но обѣ молчали.

Угроза не удалась и арестантокъ увели.

XXXII.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ секундъ-майоръ Повалишинъ прибылъ въ Москву для слѣдствія, уголовное дѣло бригадирской внучки, не подвинувшееся ни на шагъ, наконецъ, вдругъ приняло совершенно иной оборотъ.

Если мудрено было положеніе бригадира, на котораго косилась вся Москва; если еще мудренѣе и тяжелѣе было по-

ложение его внучки, противъ которой были явныя улики въ смертоубійствѣ, то не менѣе странно и тяжело стало вдругъ положеніе самого слѣдователя.

Повалишинъ, выдавъ Клену почти всякій день, относился теперь къ ней совершенно иначе, нежели въ первые дни по прїѣздѣ изъ Петербурга. Онъ началъ угрозами и застраиваніями, а кончилъ тѣмъ, что умолялъ дѣвушку признаться откровенно во всемъ, уже не ради суда, не ради удовлетворенія закона, а по инымъ, совершенно чуждымъ правосудію, причинамъ.

Майоръ Повалишинъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, красивый собою, съ выразительнымъ лицомъ. Онъ былъ усердный служака, никогда близко не знакомившійся ни съ одной женщиной, и будучи нелюдимомъ отъ природы и по воспитанію, избѣгалъ всегда общества, бѣгалъ отъ вечеровъ и баловъ. Теперь, благодаря дѣлу, которое прислали его распутать, онъ первый разъ въ жизни близко познакомился съ красивою и умною молодой дѣвушкой, вдобавокъ несчастною, которая была очевидно жертвой какого-то страннаго и страшнаго недоразумѣнія. Это недоразумѣніе должно было бросить несчастную дѣвушку изъ порядочной и богатой дворянской семьи въ кандалы и въ Сибирь, въ одежду простой арестантки и каторжницы.

Какъ и когда — Повалишинъ самъ не зналъ, но онъ безъ ума влюбился въ Клену. Будучи внутренно, сердцемъ, глубоко убѣжденъ, что дѣвушка невиновна ни въ чемъ, на нее взводимомъ, что во все дѣло проникла какая-то непроницаемая, ужасная тайна, онъ сначала силился спасти ее изъ соболѣзнованія, а затѣмъ уже ради страстнаго, непоборимаго чувства къ ней.

Умоляя Клену уже не въ качествѣ судьи и слѣдователя, а въ качествѣ друга, ей преданнаго и сочувствующаго, Повалишинъ, разумѣется, ни разу не намекнулъ Кленѣ о томъ, что любить ее. Ихъ взаимныя отношенія были таковы, что онъ долженъ былъ поневолѣ быть глубоко убѣжденнымъ въ ненависти молодой дѣвушки къ нему. Онъ былъ передъ ней безъ вины виноватъ. Она — жертва, а онъ — судья и палачъ.

Но если Повалишинъ не рѣшился ни разу открыть свое сердце молодой дѣвушкѣ, то Клена видѣла и чувствовала, что въ этомъ человѣкѣ есть жалость и снисхожденіе къ ней, и со своей стороны, изъ благодарности, она стала относиться

къ нему точно такъ же сердечно, насколько тягостное положеніе ея, какъ острожницы и подсудимой, допуская это.

Наконецъ, однажды, вызвавъ къ себѣ арестантку якобы для допроса, Повалишинъ усадилъ Клену на кресло, заперъ дверь и волнуясь, дрожащимъ голосомъ сталъ снова, въ десятый разъ, умолять дѣвушку не лгать, не выдумывать, а рассказать ему всю правду обо всемъ.

— Клянусь вамъ Богомъ, заговорилъ Повалишинъ,—что я хочу довести это дѣло до счастливаго конца и все разъяснить не ради одной справедливости. Окажется само собою, я увѣренъ, что вы ни въ чемъ не виноваты. Хочу я васъ спасти, главнымъ образомъ, потому, что самъ не знаю, какъ это приключилось, но вы мнѣ, круглому сиротѣ на свѣтѣ, стали дороже всего и всѣхъ. Дороже сестры, которой у меня никогда не бывало, дороже невѣсты, которой тоже никогда не бывало, а теперь, прибавлю, и не будетъ. Если бы я когда рѣшился кому-нибудь предложить свое сердце, то развѣ только вамъ.

Клена была изумлена и тронута, слезы невольно появились на глазахъ ея.

— Я васъ тоже полюбила, выговорила она просто.—Вы очень добрый человѣкъ, очень хорошій. Если бы я была не осторожная арестантка, а жила бы какъ прежде въ домѣ отца или дѣдушки, и такой человѣкъ, какъ вы, захотѣлъ бы взять меня въ жены, то, прямо говорю вамъ, я бы не побоялась пойти за васъ и за вами хоть на край свѣта.

Эти слова, просто, но задушевно сказанныя, произвели такое впечатлѣніе на Повалишина, что Клена вновь изумилась. Майоръ поблѣднѣлъ, хотѣлъ говорить и не могъ...

— Какъ! воскликнулъ онъ послѣ паузы.—И у васъ ко мнѣ есть что-то, вотъ такое же, какъ у меня здѣсь на сердцѣ! Не ждалъ я такого счастья. Такъ что же теперь! Побойтесь Бога, Клеопатра Артемьевна, спасите себя и осчастливьте меня признаніемъ. Расскажите мнѣ все.

— Нечего мнѣ рассказывать, отозвалась Клена.—Я всѣмъ сказала, и вамъ говорю второй уже разъ, что Герасима убилъ мой братъ, а убилъ изъ-за меня. Я молчала только и не хотѣла сознаться въ томъ, какое обстоятельство сдѣлало изъ меня рабу Герасима. Но теперь извольте, я вамъ все скажу. Но я вамъ, моему хорошему и доброму другу, это скажу, а

не судьѣ. И вы мнѣ клятвенно обѣщайтесь, что объ этомъ ничего въ бумагахъ не напишите.

И Клена передала Повалишину подробный рассказъ о смерти Козлянинова у ней въ мезонинѣ.

— Хоть и былъ онъ боленъ, почти при смерти, окончила свой рассказъ Клена,—но, быть можетъ, остался бы живъ, выздоровѣлъ бы, еслибъ мы съ мамушкой его не убили тѣмъ, что задушили. Ожидая посѣщенія дѣда и Братолюбцева, мы, спѣша и робѣя, переложили его, больного и слабаго, съ дивана въ сундукъ, на половину полный вещами. Онъ былъ безъ памяти. Мудрено ли было задохнуться? Мамушка Арина испугалась, что мы за это неумышленное смертоубійство пойдемъ въ Сибирь, и мы захотѣли скрыть все дѣло. Герасимъ избавилъ насъ отъ тѣла покойника, и съ этого дня сталъ моимъ мучителемъ и довелъ меня до согласія на его убійство.

Клена рассказала все мытарство, которое она вытерпѣла, отъ невольнаго воровства до ночного нападенія на нее, произведеннаго негодеемъ.

Повалишинъ на чистосердечное признаніе Клены ничего не отвѣтилъ и сидѣлъ глубоко задумавшись.

— Что же тутъ сдѣлать? выговорилъ онъ наконецъ.—Ничего нельзя сдѣлать. Я вѣрю всему, до единаго вашего слова вѣрю; но они-то, судьи, не повѣрятъ. Царица и та врядъ ли повѣритъ. Все это чудно. Узрѣнъ я даже, что Козляниновъ умеръ у васъ просто отъ чумы, тѣмъ паче, что болѣлъ ею по второму разу. Тутъ всегда быстрая смерть. Я думаю, онъ не задохся, какъ вы полагаете. Примѣровъ было много, что потревоженный чумовой больной—умиралъ внезапно. Вѣрю я тоже, что Герасимъ стащилъ отъ васъ покойника и зарылъ гдѣ-нибудь ночью безъ огласки. Можетъ быть, и въ самомъ саду. Но найти тѣло нельзя, потому что Герасимъ самъ на томъ свѣтѣ. Вѣрю я вамъ на слово, что вашъ братъ былъ у васъ и убилъ Герасима; что вы не лжете, чтобы свалить вину съ себя на него. Вѣрю я, наконецъ, вполнѣ, что онъ живъ, а только числится мертвымъ вслѣдствіе ловкой подмѣны документовъ или вида на жительство, которую сдумалъ онъ устроить. Но вѣдь по мнѣнію всѣхъ и, наконецъ, передъ закономъ, онъ все-таки считается мертвымъ. Найти же его невозможно. Уже недѣли съ три, какъ я разослалъ во Владимірѣ, Казань и Кіевъ посланцевъ рассказывать вездѣ въ партіяхъ осторожныхъ о нашемъ дѣлѣ. Жду и надѣюсь, что выйдетъ

изъ этого толкъ, но между тѣмъ до сихъ поръ еще нѣтъ. Ни слуху, ни духу. Ничего не выходитъ...

— Что же можетъ выйти? вымолвила Клена съ удивленіемъ.

— А то можетъ выйти, что вашъ братъ въ одномъ изъ этихъ трехъ городовъ. Всѣ укрывающіеся отъ властей, всѣ неимѣющіе видовъ или живущіе съ подложными видами, всегда обрѣтаются въ этихъ городахъ. Такое у нихъ обыкновеніе... Я въ этомъ увѣренъ, что если до него вдругъ дойдетъ слухъ о томъ, что вы судитесь за его преступленіе, онъ тотчасъ объявится...

XXXIII.

Послѣ этой бесѣды отношенія Повалишина и бригадирской внучки стали совершенно иныя. Они уже видались ежедневно. Повалишинъ вызывалъ арестанку какъ бы ради допроса, она оставалась по долгу у него въ горницѣ губернскаго правленія, и они совѣщались какъ друзья и надѣялись.

Повалишинъ, однако, не признался Кленѣ въ главномъ своемъ дѣяніи, которое должно было имѣть важныя послѣдствія.

Въ качествѣ слѣдователя по дѣлу дворянки Филисовой, майоръ Повалишинъ рѣшился разослать по всей Россіи судебное объявленіе во всѣ Верхніе и Нижніе земскіе суды, во всѣ палаты и во всѣ остроги, даже въ Приказы общественнаго призрѣнія, объ томъ, что разыскивается сынъ поручика, недоросль изъ дворянъ, Филиппъ Артемьевъ сынъ Филисовъ, неправильно показанный умершимъ, и вызывается ради дачи свидѣтельства по дѣлу родной сестры его, Клеопатры, обвиняемой въ убійствѣ.

Повалишинъ былъ убѣжденъ, что если объявленіе дойдетъ до Филиппа, тотъ отзовется и явится спасать сестру.

Разсчетъ Повалишина оказался вѣренъ. Не прошло полнаго мѣсяца послѣ разсылки это оповѣщенія, какъ въ Московскомъ губернскомъ правленіи появился молодой мальчъ, бѣдно одѣтый, худой и болѣзненный, еле живой, и заявилъ, что у него есть важное дѣло до господина секундъ-майора.

Разумѣется, это былъ Филиппъ Филисовъ.

Молодой мальчъ тотчасъ же бросился въ Москву на помощь къ безвинно-обвиняемой сестрѣ, какъ только до него достигла вѣсть, что она пострадала за его преступленіе.

Филиппъ скрывался около Владиміра подъ фальшивымъ видомъ. Прійти въ Москву и объявить о себѣ значило добровольно отдать себя въ руки палача. Но Филиппъ не колебался ни минуты и тотчасъ явился. Съ его прибытіемъ и сознаниемъ, Клена сразу перестала быть подсудимою. Появленіе Филиппа надѣлало страшнаго шума по городу... Все дѣло Филипповыхъ—измѣнялось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно съ показаніемъ Филиппа, случилось другое неожиданное и не менѣе важное событіе.

Судьба очевидно сжалилась надъ Кленой и захотѣла сразу вознаградить за всѣ муки и страданія. Пока тянулось длинное слѣдствіе надъ молодой дѣвушкой,—пришла весна и явилась главнымъ свидѣтелемъ всего дѣла.

Теплые дни марта дружно плавил московскіе снѣга и, обращая ихъ въ лужи, ручьи и потоки, стали очищать повсюду улицы, дворы и задворки, сады и пустыри московскіе.

Въ саду бригадира тоже засіяла весна и таялъ снѣгъ, но хозяинъ, оскорбленный, безъ вины опозоренный, еле бродилъ по горницамъ и грустно смотрѣлъ на окружающее веселье и ликваніе природы.

Въ саду его сугробы все падали, прижимаясь къ землѣ, и, наконецъ, ледъ на маленькомъ пруду вскрылся. Мутная вода, текущая въ него со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ дорожекъ, наполнила его по самыя края и, поднявъ ледъ, сбила его къ берегамъ.

Но вмѣстѣ со льдинами, сухими листьями и вѣтками всплыло среди пруда мертвое тѣло въ офицерскомъ мундирѣ.

Страшный переполохъ, случившійся въ домѣ бригадира, конечно долженъ былъ ошеломить и безъ того надломленнаго старика. Но бригадиръ сразу будто почувствовалъ смутно, что наступила минута разъясненія всего...

Трупъ многіе сразу узнали. Немедленно изъ дома бригадира явились люди къ майору Повалишину объявить, что въ пруду сада оказалось и всплыло тѣло, которое сразу признано всѣми, кто хоть разъ видѣлъ покойнаго офицера Козлянинова.

Майоръ Повалишинъ, радостный и счастливый, тотчасъ же съ большою свитой отправился въ домъ бригадира, прошелъ по сырымъ глинистымъ дорожкамъ къ пруду и на берегу его увидалъ мертвое тѣло. Хотя оно пробыло довольно долго въ мерзлой водѣ, но разложилось мало. На трупѣ былъ офицерскій мундиръ, а призванный кучеръ Семень и другіе люди,

знавшіе Козлянинова, объявили готовность подъ присягой показать, что это точно тѣло господина Козлянинова.

Два доктора, которыхъ захватилъ съ собой Повалишинъ, тутъ же освидѣтельствовавъ трупъ, заявили, что на немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ насильственной смерти и напротивъ есть самые явственные и вѣрные признаки моровой язвы: багровыя пятна и большой нарывъ подъ мышкой.

Конечно, прежде всего Повалишинъ поспѣшилъ распорядиться похоронами заразного и опаснаго тѣла. вмѣстѣ съ тѣмъ, оформивъ все вновь оказавшееся по дѣлу обвиняемой дворянки Филисовой, Повалишинъ тотчасъ же отправилъ гонца въ Петербургъ съ подробнымъ донесеніемъ обо всемъ генераль-прокурору. Онъ хотѣлъ и отчасти имѣлъ право освободить Клену тотчасъ же, но не рѣшился и предпочелъ подождать рѣшенія изъ Петербурга.

Разумѣется, въ тотъ же день, когда было найдено тѣло Козлянинова, Повалишинъ передалъ Никитѣ Артемьевичу о томъ, что у него въ рукахъ уже находится настоящій убійца Герасима, собственный внукъ бригадира, Филиппъ.

При этомъ онъ разсказалъ бригадиру всю грустную исторію, всѣ муки и мытарства его внучатъ, а главное—подвиги Герасима...

Въ сумерки къ острогу подкатила красивая карета цугомъ. Изъ нея вышелъ бригадиръ. Никита Артемьевичъ Филисовъ, знавшій теперь всю правду, всю правоту своей внучки, былъ страшно потрясенъ до глубины души всѣмъ, что раскрылось теперь передъ его глазами и его совѣстью. Не выдержалъ бригадиръ...

Въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ комнату, а Клена вскочила съ мѣста и радостно бросилась навстрѣчу къ дѣду, бригадиръ вдругъ остановилъ ее рукой и плача опустилсѣ на колѣни предъ своей внучкой.

— Прости меня, Кленушка. Прости за все. И не думалъ я, что приключится мнѣ въ жизни такой тяжкій грѣхъ на душу взять. Прости за все, что ты въ моемъ дому вытерпѣла. Если есть виноватый во всемъ дѣлѣ, то ужъ конечно—я, а не кто другой. Не приходи ты въ мой домъ, ничего бы такого горькаго и ужаснаго съ тобою не приключилось. Прости меня, бѣдная моя внучка!

Внука Филиппа бригадиръ тоже обнялъ, говоря:

— Не брось я твоихъ родителей — и ты, родимый, не

загибъ бы такъ! А послѣ меня — самая виноватая — мамка.

Арина Матвѣвна искренно соглашалась и винулась.

День этотъ былъ самый счастливый въ жизни Клены. Всѣхъ огорчала только судьба Филиппа. Онъ все-таки оставался виновенъ въ двухъ преступленіяхъ: бунтѣ и убійствѣ.

— Богъ милостивъ, и это какъ-нибудь обойдется, говорилъ Повалишинъ.—Я твердо вѣрую въ справедливость и милосердіе нашей монархини. Я все... все описалъ въ донесеніи; цѣлое сочинительство послалъ; всю вашу жизнь описалъ! Царица мудра и милосерда.

XXXIV.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого памятнаго всѣмъ дня явился обратно изъ Петербурга вѣрный другъ семьи, Братолюбцевъ, а вмѣстѣ съ нимъ гонецъ, который привезъ монаршую резолюцію:

„Немедленно освободить отъ суда и отпустить къ бригадиру его внучку, дѣвицу Клеопатру Артемьеву Филисову, а брата ея, за участіе въ бунтѣ на Красной площади—въ качествѣ 15-ти лѣтняго недоросля простить, вмѣняя сіе его дѣяніе въ вину родителямъ его и дѣду. За содѣянное же человѣкоубійство во спасеніе сестры—отдать подъ церковное покаяніе на три года. Вмѣстѣ съ тѣмъ выразить бригадиру Филисову порицаніе за его поступокъ съ покойнымъ сыномъ и вмѣнить въ непремѣнную обязанность озаботиться нынѣ судьбою своихъ внуковъ, какъ долгъ дѣда то повелѣваетъ“.

Во всѣхъ словахъ резолюціи монархиня всего строже относилась къ бригадиру, какъ бы полагая его дѣйствительно главнымъ виновникомъ всего дѣла.

Но не ко всѣмъ равно была милостива резолюція. Бывшую мамку указано было разстричь и выдержать годъ въ тюрьмѣ „за поблажку“ ночнымъ свиданіямъ ея питомицы съ возлюбленнымъ.

— Мудрая царица и благосердная, добра какъ ангель, и мудра какъ змій! воскликнулъ Никита Артемьевичъ.—Истина глаголетъ устами ея. Да, я—главный виновникъ. Но за то теперь, на остаткѣ дней своихъ, для васъ на свѣтѣ существовать буду.

Не прошло двухъ часовъ по прибытіи гонца изъ Петербурга, какъ бригадиръ съ внучатами сѣлся уже въ карету, сопровождаемый почти всѣмъ населеніемъ острога. Многолюдная толпа прохожихъ, окружавшая подъѣздъ, тоже радовалась кругомъ; всѣ знали, въ чемъ дѣло. Семья Филисовыхъ отъѣхала отъ острога и крестясь, и плача, и смѣясь.

— Ну, конецъ нашимъ гореваніямъ, проговорилъ бригадиръ, когда они вступили на крыльцо его дома, встрѣчаемые плачущею отъ радости Толбухиной.—Но пока и радостямъ тоже, внуки, не начало. Все-таки стараго назадъ не вернешь, по старому не заживешь. Радостямъ тоже конецъ. Заживемъ мы по людски и по христіански. Но то счастье, о которомъ я часто загадывалъ, да мечталъ, внучка, теперь о немъ и думать не моги. Мыслилъ я, будутъ у меня въ домѣ правнучки. Ну, а теперь дай Богъ и такъ прожить.

Если царица справедливо и милостиво рѣшила дѣло Филисовыхъ, то Москва отнеслась къ нему по своему. Москвичи со всѣхъ сторонъ полѣзли въ домъ бригадира поздравить его самого и его внучатъ; но тѣмъ не менѣе бригадиръ и его внуки видѣли на всѣхъ лицахъ что-то такое, что опечалило ихъ. Общество будто не хотѣло и не могло простить соблазна, который произвела семья въ городѣ.

Бригадиръ тотчасъ же рѣшилъ дѣло по собственному желанію и по совѣту друга Братолюбцева. Черезъ три мѣсяца на дворѣ его дома стояло нѣсколько десятковъ подводъ, и все имущество выносилось изъ горницъ и укладывалось. Домъ бригадира съ садомъ былъ проданъ сосѣду, графу Орлову, а самъ бригадиръ со своей семьей уѣзжалъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ уже былъ купленъ другой великолѣпный домъ.

— Тамъ лучше заживемъ, сказали Никита Артемьевичъ.— И туда дойдетъ за нами молва немилостивая и неправедная. Но все-таки тамъ будетъ лучше...

Черезъ мѣсяцъ Филисовы поселились уже въ Кіевѣ въ новомъ домѣ и жили мирно и счастливо.

Братолюбцевъ перевелся по службѣ тоже поближе къ другу и часто гостилъ у Филисовыхъ. Объ его бракѣ съ Кленой не было и рѣчи. Всѣ теперь понимали, изъ-за чего дѣвушка соглашалась когда-то на этотъ бракъ.

— Самъ виноватъ, дурень. Упустилъ счастье изъ рукъ, говорилъ себѣ Братолюбцевъ.

Но слѣпой судьбѣ показалось видно мало, что всѣ были

сравнительно счастливы. Какъ прежде она гнала бригадирскую внучку и преслѣдовала, такъ теперь захотѣла, видно, во что бы то ни стало отплатить ей сугубымъ добромъ за прежнее зло.

Однажды въ Кіевъ вѣхала дорожная карета и подкатила къ гостиницѣ, а изъ нея вышелъ военный. Черезъ часъ онъ, въ блестящемъ мундирѣ, съ орденами, появился снова, и сѣвъ въ телѣжку, отправился въ домъ бригадира.

Никитѣ Артемьевичу и Марьѣ Евграфовнѣ доложилъ слуга, что пріѣхалъ секундъ-майоръ Повалишинъ. Обрадованный, но и удивленный бригадиръ пошелъ встрѣчать гостя въ прихожую. Но въ то же самое время кто-то вскрикнулъ громко въ гостиной и бросился опретью, обгоняя бригадира, въ ту же прихожую. Это была Клена.

Не помня себя отъ чувства, вдругъ сказавшагося на сердцѣ, молодая дѣвушка, не соображаясь съ приличіями, забывъ обо всемъ, кинулась навстрѣчу прибывшему, подбѣжала къ нему и положила руки ему на плечи, взволнованная, раскраснѣвшаяся, съ лицомъ въ слезахъ и задыхаясь отъ радости... Своимъ поступкомъ и лицомъ она сказала больше, чѣмъ хотѣла.

— Простите! Сама не знаю... Я разумъ потеряла. Извините!.. черезъ силу вымолвила Клена, придя въ себя и въ смущеніи закрывая лицо руками.

И если бы не бригадиръ, появившійся около внучки, можетъ-быть дѣвушка отъ страшнаго волненія лишилась бы чувствъ.

Повалишинъ, тоже сильно взволнованный, нетвердымъ голосомъ заявилъ бригадиру, что пріѣхалъ по весьма важному дѣлу и просить удѣлить ему нѣсколько минутъ для бесѣды наединѣ.

Бесѣда эта въ кабинетѣ бригадира продолжалась нѣсколько мгновений. Секундъ-майоръ Повалишинъ явился изъ Петербурга просить у бригадира руки дѣвушки, безъ которой ему жизнь не въ жизнь.

Рѣдко бываютъ въ семьяхъ такія торжественныя минуты, такія счастливыя лица и такая радостная сумятица, какія были въ домѣ бригадира втеченіе нѣсколькихъ дней.

Городъ Кіевъ долго помнилъ пиры и балы свадебные, которые давалъ бригадиръ предъ бракосочетаніемъ своей внучки.

Въ церкви, во время вѣнчанія, не смотря на радостное смущеніе, въ которомъ находился Никита Артемьевичъ, онъ

невольно замѣтилъ одну очень старую, но чрезвычайно благообразную старушку, которая усердно молиласъ и съ какимъ-то особымъ милымъ выраженьемъ лица смотрѣла на невѣсту и на жениха.

„Экая прелесть старушка“, думалось ему.

Послѣ обряда и поздравленій, бригадиръ не выдержалъ и подошелъ къ прелестной старушкѣ.

— Извините за любопытство... Вы, сударыня, вѣрно здѣшняя, кievская помѣщица?..

— Нѣтъ-съ, улыбулась ласково старушка.—Я при семь храмѣ—просвирня...

Бригадиръ почему-то замеръ на мѣстѣ и глядѣлъ на старушку во всѣ глаза...

Она тихо отошла отъ него и скрылась въ толпѣ.

— Можетъ быть и бабушка Клены такая же была!.. прощенталь бригадиръ.—И этотъ случай при вѣнчаніи внучки— не простая случайность. Это моей совѣсти—укорь!.. Вѣдь все съ этого пошло...

КРУТОЯРСКАЯ ЦАРЕВНА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(1778 г.).

I.

На высококомъ и крутомъ берегу небольшой, но быстрой рѣчки раскинулась богатая помѣщичья усадьба, хорошо извѣстная не только въ ближайшемъ губернскомъ городѣ Самарѣ, но и далеко за предѣлами губерніи.

Огромныя каменные палаты, стоящія вѣнцомъ на высококомъ холму, были окружены десяткомъ надворныхъ строеній, а впереди барскихъ палатъ тянулись два обширныхъ густыхъ сада: нижній—уступами спускавшійся къ рѣкѣ, и верхній—примыкавшій къ селу, разбитый на правильныя аллеи съ оранжереями, грунтовыми сараями и питомниками.

Въ противоположной сторонѣ отъ верхняго сада, среди молоденькой березовой рощи, высился красивый каменный храмъ. Большое село съ тысячею душъ обоего пола далеко раскинулось по равнинѣ.

Вотчина эта, по имени Крутоярская, или, какъ привыкли звать ее, просто—„Крутоярскъ“, была извѣстна на сотни верстъ кругомъ, во-первыхъ, потому, что она была богатой и красивой усадьбой, во-вторыхъ, потому, что личность, которой Крутоярскъ принадлежалъ, была въ совершенно исключительномъ положеніи.

Вотчина принадлежала не какому-либо богатому и почтенному помѣщику, пожилому и семейному, а принадлежала юной помѣщицѣ, которую давно прозвали „царевной“.

Владѣтельница богатой усадьбы и многихъ другихъ имѣній въ другихъ губерніяхъ было всего шестнадцать лѣтъ, и къ тому же она была круглой сиротой. Не мудрено, что моло-

денькая и хорошенькая сирота, богатѣйшая невѣста, интересовала многія и многія помѣщичьи семьи какъ Самарской, такъ и сосѣднихъ съ ней губерній.

Во всякой помѣщичьей усадьбѣ, гдѣ былъ на лицо сынъ, молодой малый, родители денно и ношно мечтали женить его на „Крутоярской царевнѣ“. Самарская молодежь и всѣ неженатые отъ двадцати и до сорока лѣтъ включительно, даже самые не корыстолюбивые и не думавшіе вовсе о деньгахъ и приданомъ, мечтали удостоиться руки владѣлицы Крутоярска.

Иначе и не могло быть... Молоденькая дѣвушка была таковою, какія только описываются въ сказкахъ, потому что, помимо огромнаго состоянія, она была очень красива собой, умна, кротка и чрезвычайно добра. Сиротство ея, казалось, прибавляло ей еще болѣе прелести.

Прозвище „царевны“ какъ нельзя болѣе шло къ ней. Дѣйствительное имя богатой сироты-невѣсты было Неонила Аркадьевна Кошечья. Предки ея были малороссы.

Прадѣдъ Крутоярской помѣщицы поневолѣ покинулъ когда-то Украину и поселился въ Приволжскомъ краѣ. Въ тѣ дни, когда знаменитый Мазепа измѣнилъ Первому Императору, Кошечья остался вѣренъ русскому Царю, но, наживъ своими дѣйствіями много враговъ на родинѣ, долженъ былъ покинуть Украину вмѣстѣ съ многочисленной родней.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло три поколѣнія Кошечьихъ, но никого не осталось въ живыхъ изъ многочисленной семьи; теперь единственной представительницей малорусскаго казачьяго рода была богатая сирота. Послѣдній помѣщикъ Крутоярска, Аркадій Петровичъ Кошечья, погибъ въ одной изъ жестокихъ битвъ русскихъ войскъ съ Фридриховскими. Молодая вдова не долго пережила страстно любимаго мужа и послѣ нея на свѣтѣ осталось двое сиротъ: мальчикъ и дѣвочка, пяти и трехъ лѣтъ. Но еще черезъ два года мальчикъ, хилый, почти нѣмой, тихо и незамѣтно угасъ. Представительницей рода Кошечьихъ оставалась одна дѣвочка малютка, которую звали уменьшительнымъ именемъ, даннымъ ей еще покойнымъ отцемъ, — Нилочкой.

Будь близкіе родственники у Нилочки люди, заинтересованные тѣмъ, чтобы захватить въ свои руки большое состояніе, то, быть можетъ, благодаря времени и нравамъ, коварные люди сдумали бы извести и отправить на тотъ свѣтъ малютку. Но такихъ родственниковъ или наслѣдниковъ не было

ни одинаго. Если бы крошка Нилочка вдругъ умерла, то все состояніе оказалось бы выморочнымъ.

Наоборотъ, нашлись люди, которымъ было выгодно, чтобы малютка была жива и здорова. Люди эти были назначенные къ ней опекуны.

Едва только умерли Кошевы—отецъ и мать, какъ къ обѣимъ дѣтямъ былъ назначенъ опекунъ, дальній родственникъ покойной Кошевой. Это былъ человѣкъ пожилой, добрый и безпечный, лейтенантъ въ отставкѣ Звѣревъ. Онъ взялъ на себя управление всѣми имѣніями и воспитаніе дѣтей почти противъ воли. Опекунство это продолжалось однако очень не долго.

Тотчасъ послѣ того, какъ умеръ мальчикъ, который за все свое недолгое существованіе былъ еле живой, въ Петербургъ посыпались на лейтенанта со всѣхъ сторонъ безыменные доносы въ томъ, что онъ уморилъ одного изъ сиротъ и собирается уморить и дѣвочку, чтобы, въ качествѣ дальняго родственника покойной Кошевой, хлопотать о наслѣдствѣ.

Все это было вымысломъ и клеветой. Тѣмъ не менѣе, скорѣе былъ присланъ изъ Петербурга гвардейскій офицеръ—по Высочайшему повелѣнію—разслѣдовать все касающееся до сироты Кошевой и ея состоянія.

Судбой малютки, оказалось, заинтересовался въ качествѣ соотчика самъ гетманъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій. Присланный офицеръ былъ его дальній свойственникъ. Послѣдствіемъ возбужденнаго дѣла было только удаленіе лейтенанта Звѣрева отъ опекуна.

Надъ малюткой была назначена опека прямо изъ Петербурга и опекуны обязывались обо всемъ постоянно докладывать самому гетману. Съ этого дня существованіе маленькой Нилочки измѣнилось.

Въ Крутойрскѣ явились два опекуна: артиллерійскій полковникъ Мрацкій съ женой и большой семьей, состоящей изъ шести человѣкъ дѣтей и многихъ родственниковъ, а за нимъ вслѣдъ преображенскій прапорщикъ въ отставкѣ—Ждановъ. Послѣдній, холостякъ лѣтъ сорока, явился съ однимъ мальчикомъ, котораго выдавалъ онъ за пріемыша, но который былъ въ сущности его побочнымъ сыномъ отъ крымской татарки.

Оба опекуна на первыхъ порахъ раздѣлили всѣ вотчины опекаемой ими малютки на двѣ части, ради управленія. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, въ своемъ удѣлѣ, и только разъ въ

годъ оба вмѣстѣ составляли одинъ общій докладъ обо всемъ на имя гетмана. Вскорѣ, однако, все управленіе незамѣтно перешло въ руки одного Мрацкаго, а Ждановъ не вмѣшивался ни во что. Вмѣстѣ съ тѣмъ большія палаты были раздѣлены тогда же на три части. Въ лѣвомъ крылѣ поселился со своей семьей и домочадцами Мрацкій. Въ правомъ крылѣ помѣстился Ждановъ, но вмѣстѣ съ нимъ и канцелярія опекунскаго управленія, т. е. человѣкъ двадцать всякихъ наемныхъ подьячихъ и писарей. Въ центральной части дома, гдѣ были большія парадныя комнаты, двѣ огромныя залы, называемыя: зимняя и лѣтняя, нѣсколько гостиныхъ: желтая, Анненская и Итальянская,—жила въ четырехъ небольшихъ горницахъ крошка-владѣлица. Къ ней тотчасъ былъ приставленъ цѣлый штатъ нянекъ и горничныхъ, а впоследствии явились и гувернантки: французенка, нѣмка и третья совершенно сомнительнаго происхожденія, которой вмѣнялось въ обязанность обучать дѣвочку танцамъ и малеванью.

Разумѣется, крошка-сирота въ огромномъ домѣ, окруженная кучей пришлыхъ, чужихъ людей, взиравшихъ на нее, если не вполне неприязненно, то холодно и безучастно, могла бы, конечно, стинуть, известись. По ея блѣдному, худому личику и большимъ кроткимъ глазамъ всякій бы увидаль и догадался, что извести, напугать Нилочку было бы далеко не мудрено.

Конечно, оно бы такъ и случилось. По всей вѣроятности, дѣвочка не достигла бы и десятилѣтняго возраста, окруженная не людьми, а штатомъ,—живой, холодной стѣной, закрывавшей ей со всѣхъ сторонъ свѣтъ и весь міръ Божій. Но судьба поставила около ребенка вѣрнымъ стражемъ—няню.

Твердо и незыблемо, какъ какой-нибудь каменный исполинъ, а отчасти и каменный сфинксъ, стояла около Нилочки эта няня.

II.

Съ первыхъ дней существованія малютки, бѣдная дворянка изъ захудалаго рода, Марьяна Игнатъевна Щепина, была взята въ старшія надзирательницы надъ многими няньками новорожденной. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ няньки были ея оттѣснены и Марьяна Игнатъевна взяла на свое полное попеченіе дѣвочку-малютку, поселилась съ нею вмѣстѣ въ не-

большой горницѣ и не отходила отъ нея ни на шагъ, ни днемъ, ни ночью.

Однако, помимо питомицы, у этой женщины была своя работа, свой ребенокъ-мальчикъ, однихъ лѣтъ съ Нилочкой.

Такъ какъ Щепина поступила въ низкую, для ея дворянскаго происхожденія, должность, то согласилась на это только подъ условіемъ, чтобы ея ребенокъ жилъ около нея. Покойные родители Нилочки охотно согласились на это, и маленькому Борису была даже отведена отдѣльная горница и дана отдѣльная нянька.

При жизни покойныхъ Кошевыхъ Марьяна Игнатьевна имѣла уже нѣкоторое значеніе въ домѣ, но едва только дѣти остались сиротами, Щепина получила еще большее значеніе. Она прославилась на всю Самарскую губернію своими невольными похожденіями на берегахъ Невы. Въ эти роковые для нея дни Марьяна Игнатьевна показала свѣту бѣлому, что она за человѣкъ.

Когда умеръ мальчикъ, до котораго Щепина не касалась, — такъ какъ онъ имѣлъ свою няню — и когда вслѣдъ затѣмъ явился слѣдователь изъ столицы, Марьяна Игнатьевна раздѣлила участь опекуна Звѣрева. Ее отставили, изгнали изъ Крутойресса, совѣтуя благодарить Бога, что она не отдана подъ судъ.

Опекунъ Звѣревъ, негодуя и грустя на клевету, спокойно удалился въ свое небольшое имѣніе. Марьянѣ Игнатьевнѣ приходилось вмѣстѣ съ мальчикомъ своимъ точно также удалиться въ Самару.

Она это и сдѣлала, но черезъ нѣсколько дней, оставивъ мальчика на попеченіе дальней родственницы, Марьяна Игнатьевна была уже въ пути. Черезъ полтора мѣсяца она была уже въ Петербургѣ.

Цѣлую зиму обивала она пороги домовъ и палатъ вельможъ и простыхъ чиновниковъ, подавая всюду одно и то же прошеніе. Щепина требовала, чтобы, въ исполненіе воли покойной матери ея питомицы, она была снова приставлена къ малюткѣ Кошевой. Время, въ которое она попала въ столицу, было самое неблагоприятное. При ней началось новое царствованіе, вступилъ на престолъ императоръ Петръ Θεодоровичъ. За это время Щепина прошла столько мытарствъ, что никогда, впослѣдствіи, не хотѣла и поминать въ разговорахъ все, что пережила и перечувствовала. Руководила ею горячая

привязанность къ малюткѣ, а не корыстолюбіе, иначе она бросила бы хлопоты.

Много разъ грозились Щепиной сильные люди, что она будетъ выслана изъ столицы, а то и сослана въ какую-нибудь трущобу, но Марьяна Игнатьевна не устрашалась и не унывала. Наконецъ, уже въ концѣ великаго поста она была принята графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ и выслушана имъ. Затѣмъ съ собственнымъ лакеемъ любимца покойной Императрицы она была отправлена имъ къ брату— гетману. И въ тотъ же часъ гетманъ принялъ Щепину. Нѣсколько мѣсяцевъ добивалась она и тщетно старалась проникнуть въ палаты Кириллы Григорьевича, а теперь это оказалось возможнымъ сразу.

Бесѣда Щепиной съ графомъ - гетманомъ привела къ полному успѣху.

Въ маѣ мѣсяцѣ Марьяна Игнатьевна уже снова вернулась въ Крутоярскъ, чтобы стать вновь главной нянькой маленькой Нилочки. Но на этотъ разъ всѣ обыватели Крутоярска, оба опекуна, весь штатъ, вся дворня, всѣ до послѣдняго человѣка, встрѣтили Марьяну Игнатьевну такъ, какъ если бы она была сама владѣтельница вотчины.

И не мудрено. Марьяна Игнатьевна привезла съ собой строжайшее предписаніе графа гетмана, чтобы во всемъ, что будетъ касаться до ухода за дѣвочкой, не вступаться никому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Щепиной препоручалось хозяйство въ домѣ, завѣдываніе всѣмъ штатомъ маленькой Кошевой и приказывалось, точно такъ же, какъ и опекунамъ, посылать годичный рапортъ на имя гетмана о здоровьи и благополучіи опекаемой малютки.

Съ этого дня далеко за предѣлами Самарской губерніи Марьяна Игнатьевна Щепина стала лицомъ столь же извѣстнымъ, какъ и сама сирота Кошевая.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ, а Марьяна Игнатьевна все еще пользовалась тѣмъ же значеніемъ и тѣмъ же почетомъ, какъ и въ первый день своего прибытія изъ столицы.

Про нее всѣ отзывались, кто смѣючись, а кто и со злобой, что она „баба, желѣзомъ питая“.

И вотъ благодаря этой женщинѣ, „желѣзомъ питой“, малютка Кошевая, какъ бы за надежнымъ щитомъ, выросла, расцвѣла и стала красивой дѣвицей-невѣстой. Щепина вполне

замѣнила дѣвочкѣ родную мать и даже болѣе того. Живи на свѣтѣ Кошевые,—родители Нилочки,—она быть можетъ была бы менѣе счастлива и была бы хуже воспитана.

Дворянка захудалого рода пошла въ простыя няньки ради куска хлѣба и пристанища, а главнымъ образомъ ради средствъ для воспитанія единственнаго сына, котораго обожала, но вскорѣ оказалось, что ея положеніе почти настоящей опекунши было ей по плечу.

Опекуну Мрацкому съ первыхъ же дней пришлось бороться съ Щепиной и, наконецъ; уступить во многомъ, что касалось до ухода и воспитанія богачки-дѣвочки. Мрацкій скоро догадался, что Марьяна Игнатьевна—женщина не дюжинная, съ умомъ и съ волей.

— Нашла коса на камень! — говорили про опекуна и про главную нянюшку всѣ обитатели Крутойрска, и нахлѣбники, и крѣпостные.

Болѣе десяти лѣтъ прожили Мрацкій и Щепина подъ одной кровлей и не одинаго разу не повздорили и не поссорились, а между тѣмъ ненавидѣли другъ друга всѣми силами души и разума. За все это время Марьяна Игнатьевна „безъ шума“ добивалась своей цѣли и достигла ея. Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы Нилочка любила ее и слѣпо повиновалась ей, а чтобы ея собственный сынъ Борисъ былъ воспитанъ „по-дворянски“ и вышелъ въ люди. У Бориса Щепина были тѣ же учительницы, что и у „царевны“, а такъ какъ онъ былъ мальчикъ способный, то воспользовался ученьемъ вполнѣ. Будучи четырнадцати лѣтъ, онъ уже озадачивалъ своими познаніями малограмотную среду.

Теперь Борисъ былъ уже въ Петербургѣ, въ гвардіи, и его жизнь начиналась такъ, какъ если бы онъ былъ сыномъ богатыхъ помѣщиковъ, а не простой нянюшки.

Марьяна Игнатьевна была вполнѣ счастлива, глядя на карьеру сына, и мечты ея объ счастіи ея Бориньки шли дальше, выше... Но въ чемъ онѣ заключались, никто не зналъ, даже обожаемая ею Нилочка.

Между пестуньей и питомицей не было, конечно, тайнъ; онѣ жили душа въ душу, какъ бы родныя мать и дочь. Но о томъ, что мечтается Щепиной относительно Бориса, она не могла искренно повѣдать Нилочкѣ.

Богатая сирота „царевна“ не могла бы и догадаться, о чемъ помышляетъ Марьяна Игнатьевна, настолько эти тайныя

помыслы няни были далеки отъ ея личныхъ помысловъ относительно того же Бориса.

А Нилочка вообще любила помечтать и чѣмъ болѣе подросла, тѣмъ болѣе воображеніе ея работало.

Теперь она все чаще и все упорнѣе мечтала о томъ, что сдѣлаетъ, когда выйдетъ изъ подъ опеки. Объ иныхъ своихъ планахъ она тоже не говорила нянѣ. Между прочимъ, Марьяна Игнатьевна не знала, что Нилочка собирается подарить Борису богатую вотчину въ Казанской губерніи.

Равно не знала няня, что ея питомица мечтаетъ о томъ днѣ, когда она никому повиноваться не будетъ, и притомъ ждетъ его такъ же, какъ алчущій ждетъ утолить свою жажду. Съ мучительнымъ нетерпѣніемъ, съ тоской...

Не мудрено было нянѣ не знать этого, такъ какъ вообще мудрено было знать Нилочку. Худенькая, тихая, бѣлокурая дѣвушка, съ красивыми голубыми глазами, темными, задумчивыми и глубокими, была своего рода загадкой. Ее никто таковою не считалъ, никто не старался разгадывать, полагая, что она вся „на ладони“; но за то никто ее и не зналъ, всѣ на ея счетъ ошибались.

Марьяна Игнатьевна думала, что Нилочка „чудна“ только на словахъ, а на дѣлѣ—самое простое существо.

— На словахъ собирается вѣкъ города брать,—думала Марьяна Игнатьевна,—а какъ дойдетъ дѣло до поступленія, то струситъ и послушается моего совѣта. Такъ завсегда было, такъ и впредь будетъ.

И въ этомъ сужденіи было доказательство того, что и сама няня, ближайшая къ Нилочкѣ личность—не знала дѣвушки.

Крутоярская царевна, всячески опекаемая чужими людьми и окруженная холодной толпой нахлѣбниковъ, уподоблялась птичкѣ въ клѣткѣ.

Птичка, прыгая по двумъ жердочкамъ клѣтки, смотреть все вверхъ въ синія небеса и чуетъ, знаетъ, чувствуетъ, что можетъ взмахнуть крылышками и унести туда въ одинъ мигъ...

Но кто же ей—умѣющей пока только прыгать по клѣткѣ—повѣрить?!

III.

Усадебный домъ въ Крутоярскѣ, его обстановка, обыденная жизнь всѣхъ его обитателей представляли собой странное явленіе. Едва ли бы можно было найти другой

богатый усадебный домъ, въ которомъ жилось бы такъ же странно.

Прошло болѣе десяти лѣтъ, что въ домѣ явились два опекуна. Какъ въ первые дни ихъ появленія, такъ и теперь, большія палаты вмѣщали въ себѣ нѣсколько враждебныхъ между собой лагерей. Тутъ, казалось, никто не жилъ дружно.

Шестнадцатилѣтняя владѣлица занимала центральную часть дома, огромную по размѣрамъ, но гдѣ жилыхъ комнатъ было всего четыре небольшихъ. Остальныя были залы и гостиныя, вѣчно пустыя, унылыя и молчаливыя.

Нилочка съ своей воспитательницей Марьяной Игнатьевной, которую она обожала, и съ нѣсколькими женщинами изъ штата, жила особой жизнью, замкнутой и тихой. У нея, конечно, была своя отдѣльная прислуга, отдѣльный столъ, за который только въ большіе праздники приглашались, въ качествѣ гостей, опекуны и ихъ домохадцы.

Правое крыло дома, гдѣ жили опекуны Петръ Ивановичъ Ждановъ съ пріемышемъ Никифоромъ, было однимъ лагеремъ, враждебнымъ остальному дому. Лѣвое крыло дома, гдѣ помѣщался опекунъ Сергѣй Сергѣевичъ Мрацкій съ большою семьей и собственными своими нахлѣбниками, было другимъ враждебнымъ всему остальному лагеремъ.

Верхній этажъ надъ парадными апартаментами былъ раздѣленъ на десятки мелкихъ комнатъ, гдѣ помѣщался штатъ владѣлицы и нахлѣбники обоего пола, Богъ вѣсть зачѣмъ согнанные отовсюду. Весь этотъ людъ, праздный, сытый, отъ дарового корма бѣсившійся съ жиру, притворно обожалъ „царевну“ и Марьяну Игнатьевну и раболѣпствовалъ предъ обѣими всячески. Въ дѣйствительности, весь этотъ людъ раздѣлялся на два лагеря. Одни были приспѣшниками Жданова, другіе—Мрацкаго.

Замѣчательнѣе всего было то, что два опекуна жили довольно дружно, почти никогда не ссорились, такъ какъ Ждановъ постоянно уступалъ Мрацкому и въ мелочахъ, и въ серьезныхъ вещахъ.

Что касается до ихъ приверженцевъ среди нахлѣбниковъ, дворни и даже крестьянъ, то эти партизаны не жили просто, а постоянно воевали между собой. Если бы не всеобщая боязнь двухъ лицъ въ домѣ, то, быть можетъ, когда-нибудь въ Крутойярскомъ домѣ дошло бы дѣло и до смертоубійства. Только два лица сдерживали всѣхъ нравственнымъ вліяніемъ:

Марьяна Игнатьевна и опекунъ Мрацкій. Это были единственные два лица въ домѣ, которыя обуздывали разношерстную толпу обитателей Крутоярска.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мрацкій и Марьяна Игнатьевна были издавна, съ первыхъ дней общаго сожительства, злѣйшими врагами. И опекунъ, и пестунья жили рядомъ болѣе десяти лѣтъ, какъ стоятъ двѣ враждебныя арміи одна противъ другой — стоять, зная, что придетъ часъ битвы, и трепетно, съ боязнью ждутъ часа сразиться.

Теперь въ крутоярскомъ домѣ всѣ жили съ одной мыслью, скоро ли и за кого выйдетъ замужъ крутоярская царевна. Все зависѣло отъ этого... Жизнь каждаго въ отдѣльности и будущность его была въ прямой зависимости отъ замужества владѣлицы.

„Кто будетъ завтра супругомъ царевны, бариномъ въ Крутоярскѣ?“—вотъ о чемъ думали всѣ.

Всѣ были увѣрены, что не пройдетъ году, какъ крутоярская юная помѣщица будетъ уже выдана замужъ. Не сама выберетъ себѣ мужа, а будетъ выдана почти насильственно. Но за кого? Кто возьметъ верхъ, кто побѣдитъ?

Праздная толпа нахлѣбниковъ насчитывала теперь четырехъ искателей руки помѣщицы. Первый и главный изъ нихъ былъ двадцатипятилѣтній сынъ Мрацкаго—Илья. Его званіе—претендента на руку богатой невѣсты, опекаемой его отцомъ—не было тайной ни для кого.

Сергій Сергѣевичъ Мрацкій прямо и открыто не говорилъ, но всѣ однако знали, что онъ лучше дастъ себя прирѣзать, или сжечь живымъ, нежели упустить такую невѣсту. Онъ думалъ и былъ глубоко убѣжденъ самъ, что опекаемая имъ дѣвушка должна выйти замужъ за его сына изъ благодарности за всѣ его, опекуна, благодѣянія.

Онъ заявлялъ, что принялъ въ опеку имѣніе Кошевой въ самомъ плачевномъ видѣ и за десять лѣтъ привелъ всѣ дѣла въ порядокъ. Это было вѣрно только отчасти.

Дѣйствительно Мрацкій усердно занимался дѣлами, пока Ждановъ ничего не дѣлалъ, но за то опекунъ, явившись въ Крутоярскъ съ большой семьей, не имѣлъ почти никакого состоянія, а теперь уже владѣлъ самъ тремя имѣніями въ другихъ губерніяхъ, купленными за время опекунства.

Въ губернскомъ городѣ Мрацкаго иначе не называли въ шутку, какъ крутоярскій „упекунъ“, который можетъ совре-

менемъ упечь и все состояніе Кошевой. Въ дѣйствительности, Мрацкій наживался осторожно и отчасти благоразумно. За время своего опекунства онъ могъ бы присвоить себѣ вдвое болѣе.

Главный претендентъ на руку владѣлицы крутоярской былъ капраломъ въ отставкѣ. Когда-то Мрацкій снарядилъ сына въ Петербургъ въ одинъ изъ столичныхъ полковъ, но затѣмъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, снова выписалъ его обратно. Ему хотѣлось, чтобы его Илья былъ постоянно въ Крутоярскѣ и приучилъ къ себѣ Нилочку.

Молодой человѣкъ, къ большому прискорбію отца, былъ крайне не подходящъ для роли претендента. Это былъ здоровый, плотный, рыжеватый малый съ пухлымъ лицомъ и простоватымъ, почти бессмысленнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Онъ былъ то, что народъ называетъ „лупоглазымъ“.

Несмотря на молодые годы, онъ былъ какой-то медвѣдь, лѣнивый, грузный, неповоротливый, неспособный ни на что. Даже молодыя дѣвушки семействъ нахлѣбниковъ говорили про Илью Сергѣевича Мрацкаго, что онъ — ни мужикъ, ни баба“.

Единственное качество молодого человѣка заключалась въ томъ, что онъ былъ крайне добродушенъ и готовъ услужить всякому. Глядя на сына, Мрацкій въ инныя минуты самъ отчаявался въ возможности женить его на Нилочкѣ.

Будь у него другой сынъ-женихъ, онъ бы давно бросилъ эту мечту, но на его горе послѣ Ильи были взрослые тоже некрасивыя дочери, а второму сыну было всего только пятнадцать лѣтъ. Надѣяться на то, что Нилочка засидится въ дѣвушкахъ и дастъ время второму сыну Сергѣю подрости, было трудно.

Вторымъ претендентомъ на руку Нилочки считался родственникъ губернатора, князь Николай Николаевичъ Льговъ, красивый и умный молодой человѣкъ, бывший офицеръ и состоявшій теперъ на службѣ въ Самарѣ. У него не было никакихъ средствъ, но за то былъ титулъ. Князь Николай Николаевичъ былъ самымъ виднымъ и завиднымъ женихомъ для крутоярской помѣщицы, которой недоставало только титула, чтобы имѣть все, что судьба можетъ дать любимицѣ.

Князь изрѣдка бывалъ въ Крутоярскѣ въ гостяхъ, но визиты эти были очень странные. Молодого князя принимали поневолѣ, боясь губернскаго начальства. Никто въ Круто-

ярскѣ не желалъ его видѣть. Для всѣхъ онъ былъ бѣльмомъ на глазу.

За послѣднее время князя стали принимать еще болѣе холодно всѣ до единого обитателя, отъ опекуновъ и пестуны и до послѣдняго нахлѣбника. Причиной этого было то, что многіе замѣтили, какъ стала относиться къ князю юная помѣщица. Молодой человѣкъ, повидимому, нравился ей немного.

IV.

Третій претендентъ на руку царевны былъ нѣсколько сомнительный. Это былъ пріемышъ опекуна Жданова, Никифоръ Неплюевъ. Несмотря на свое побочное происхожденіе отъ простой караимки, у пріемыша Жданова бумаги были въ порядкѣ и онъ числился недорослемъ изъ дворянъ.

Многимъ было хорошо извѣстно въ Крутойярскѣ, что документы пріемыша купленные, что никакого Неплюева-отца у него никогда не бывало,—но доказать ничего было нельзя.

Никифоръ Неплюевъ, двадцати-трехъ-лѣтній малый, былъ красивый брюнетъ съ оригинальнымъ лицомъ, очень смуглый, съ большими черными глазами, съ такими бровями, какихъ не было на всю Самарскую губернію.

Брови эти, какъ бы углемъ намазанныя, шли отъ висковъ и почти срослись на переносицѣ, но это не безобразило его. Рѣзкія, но характерныя черты лица, замѣчательно выразительные глаза, черные, какъ смоль, курчавые волосы—все дѣлало его красивымъ.

Вдобавокъ онъ былъ чрезвычайно статенъ, очень ловокъ и, въ противоположность Ильѣ Мрацкому, мастеръ на всѣ руки. Онъ лихо ѣздилъ верхомъ и любилъ объѣзжать самыхъ бѣшеныхъ коней изъ табуновъ, отлично стрѣлялъ, будучи страстнымъ охотникомъ, какъ и его отецъ, былъ главнымъ сердцеѣдомъ и побѣдителемъ женскаго персонала въ Крутойярскѣ и во всемъ уѣздѣ.

Онъ безусловно нравился всѣмъ женщинамъ: отъ помѣщицъ и горничныхъ до крестьянскихъ молодухъ на селѣ. Никифоръ былъ не столько уменъ, сколько хитеръ, но при этомъ и дерзокъ, предприимчивъ и въ особенности быстръ во всемъ, что онъ дѣлалъ. Онъ, казалось, успѣвалъ во всемъ только потому, что бралъ каждыяго человѣка врасплохъ. Даже съ

самимъ опекуномъ Мрацкимъ—врагомъ его названнаго отца—онъ умѣлъ справиться.

Мрацкій ненавидѣлъ Никифора уже за одно то, что онъ былъ противоположностью его собственнаго сына, былъ около Ильи молодецъ молодцомъ. Тѣмъ не менѣе Никифоръ умѣлъ часто заставить Мрацкаго что-нибудь сдѣлать въ свою пользу исключительно тѣмъ, что наступалъ неожиданно, дерзко и быстро.

Прозвища, которыя были у Никифора, данныя ему въ Крутоярскѣ, обрисовывали его. Его звали „Никишка голово-рѣзъ“. Потомъ одно время звали „Стенкой Разинымъ“. Теперь звали „Сибирнымъ“, предрекая, что за нѣкоторыя дерзкія выходки въ своихъ любовныхъ походахъ онъ можетъ угодить въ Сибирь.

Всѣ въ Крутоярскѣ опасались Никишки, такъ какъ онъ въ карманъ за словомъ не лазилъ и, по выраженію обитателей, „за ножомъ тоже въ карманъ не полѣзетъ“. Это мнѣніе было не преувеличеннымъ, такъ какъ, будучи еще пятнадцати лѣтъ, Никишка однажды въ ссорѣ хватилъ ножомъ сына одного изъ нахлѣбниковъ.

Всѣ относились къ Неплюеву осторожно, просто боялись его, но въ доказательство того, что бываютъ на свѣтѣ необъяснимыя странности, была въ Крутоярскѣ одна личность, которая не боялась Никишки и которой онъ даже, казалось, нравился.

А личность эта была именно сама царевна. Кто бы что не говорилъ про голову-рѣза и сибирнаго Неплюева, Нилочка горячо защищала его, находила его и умнымъ, и красивымъ, и добрымъ. Последнее было совершенно невѣрнымъ, даже не приложимымъ къ Неплюеву. Достаточно было взглянуть ему повнимательнѣе въ лицо, чтобы убѣдиться, что красивый караимъ по матери былъ малый злой и безсердечный. Многіе случаи изъ его жизни доказывали это.

Какъ будто на зло Мрацкому и къ большой досадѣ Марьяны Игнатьевны, Нилочка благосклонно относилась къ ненавидимому и презираемому ими Никишкѣ. Она находила удовольствіе разговаривать съ нимъ, охотно выслушивала розказни дворни про разныя его походы и подвиги, хотя эти подвиги бывали иногда очень безчеловѣчны.

Однажды, не справившись съ дикою лошадью, которую Неплюевъ взялся объѣзжать, онъ настолько разбѣсился, что

привязалъ коня къ дереву, и ременной татарской плетью „снялъ кожу“ съ животного, какъ говорили всѣ нахлѣбники, т. е. истязалъ животное, а затѣмъ на мѣстѣ застрѣлилъ изъ ружья.

Иногда, узнавъ про какой-либо подобный подвигъ Неплюева, Нилочка приходила въ ужасъ, порицала молодого человека, затѣмъ требовала у него объясненія его поступка. Головорѣзь Никишка умѣлъ каждый разъ представить все дѣло въ такомъ видѣ на благоусмотрѣніе крутоярской царевны, что она выговаривала ему, брала съ него слово никогда болѣе не злыдничать и, отпуская отъ себя, снова привѣтливо улыбалась ему.

Подобные случаи все болѣе убѣждали крутоярскихъ обитателей, что у головорѣза есть какой-то приворотъ на женщинъ. Даже сама царевна и та, пожалуй, кончитъ тѣмъ, что влюбится въ сибиряка. Представить себѣ этого Никишку баринномъ крутоярскимъ и распорядителемъ судьбами всѣхъ его обитателей было, конечно, ужаснымъ.

На счетъ четвертаго претендента на руку царевны мнѣнія въ Крутоярскѣ раздѣлились. Одни были вполнѣ убѣждены, что Нилочка не только рано или поздно, но даже и вскорѣ выйдетъ за него замужъ непременно. Другіе же считали дѣло совершенно невозможнымъ.

Этотъ четвертый претендентъ, бывший теперь въ Петербургѣ, въ рядахъ Семеновскаго полка, вскорѣ ожидался въ Крутоярскѣ. Это былъ единственный сынъ самой Марьяны Игнатьевны, Борисъ Щепинъ.

Будь пестунья Нилочки не дворянскаго происхожденія, то, конечно, ея сынъ не могъ бы мечтать ни о томъ, чтобы быть въ гвардіи, ни еще менѣе о томъ, чтобы жениться на Кошевой. Марьяна Игнатьевна, пошедшая когда-то въ простыя няньки, кичилась своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и постоянно твердила обожаемому сыну Борису, что у него все есть, кромѣ состоянія.

Понятно, что для Нилочки сынъ второй матери былъ почти роднымъ. Вмѣстѣ росли они, были дружны и любили другъ друга, какъ братъ и сестра. И такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Марьяна Игнатьевна всѣмъ и каждому заявляла, что надѣется современемъ хорошо женить сына на какой-нибудь самарской дѣвицѣ. Когда же ей говорили или намекали на возможность брака между ея сыномъ и Нилочкой, то Марьяна

Игнатъевна приходила въ негодованіе, говоря, что ея сынъ— Нилочкѣ не пара.

Она богачка, ей, по прозвищу „царевнѣ“, слѣдуетъ выходить замужъ тоже за какого-нибудь царевича, а не за бѣднаго офицера, хотя бы и дворянскаго, хорошаго рода.

Многіе вѣрили Марьянѣ Игнатъевнѣ на слово, многіе двусмысленно ухмылялись. Въ дѣйствительности можно было опасаться одной помѣхи для подобнаго брака. И помѣха эта была въ самой Нилочкѣ. Она слишкомъ просто была привязана къ Борису Щепину. Онъ былъ для нея братомъ, человекомъ, съ которымъ она прожила душа въ душу все свое дѣтство.

Если бы самой Нилочкѣ назвали когда-нибудь Бориса женихомъ, то она бы разсмѣялась. Это казалось чѣмъ-то несообразнымъ.

За послѣдніе два года, что Борисъ былъ въ Петербургѣ, Нилочка много думала о немъ, интересовалась его судьбой, нетерпѣливо ждала вѣстей о немъ и постоянно тосковала о „Боринькѣ“ съ Марьяной Игнатъевной. Однимъ словомъ, для Нилочки Борисъ былъ совершенно роднымъ братомъ.

Борисъ Андреевичъ былъ вообще любимцемъ всѣхъ прилебателей, а равно и дворни въ Крутоярскѣ. Онъ былъ слишкомъ добрый и сердечный малый, чтобы не быть любимымъ всѣми. Онъ постоянно, еще ребенкомъ, оказывалъ всякаго рода услуги, иногда устраивалъ и важныя дѣла для крутоярцевъ. Многое зависѣло отъ его матери, а Марьяна Игнатъевна никогда не могла ни въ чемъ отказать своему Боринькѣ. Понятно, что всякій ради успѣха своего дѣла упрашивалъ заступиться „мамушкинаго барчука“ и подсылалъ его къ неприступной и нелюбимой въ усадьбѣ Щепиной.

Когда въ началѣ осени пришло въ Крутоярскъ извѣстіе, что Борисъ Андреевичъ уже не рядовой, а получилъ чинъ капрала, почти всѣ въ усадьбѣ, кромѣ семьи Мрацкихъ, обрадовались и искренно, отъ души бросились поздравлять „желѣзомъ шитую бабу“.

V.

Въ 1773 году, послѣ жаркаго лѣта, сразу наступила холодная и ненастная осень.

Въ угрюмый октябрьскій день, несмотря на сильный вѣтеръ, низко и быстро летящія сѣрыя облака, грозящія ежеминутно

частымъ мелкимъ дождемъ, крутоярская владѣлица, въ сопровожденіи мамушки Марьяны Игнатъевны, тихо и молча гуляла взадъ и впередъ по главной липовой аллеѣ верхняго сада.

Обѣ двигались то къ дому, то отъ дома, будто нехотя или „по заказу“, поневолѣ, безъ всякаго желанія гулять.

Нилочка глядѣла безстрастно и скучающими глазами на пустынную аллею или по бокамъ на оголенную чащу деревьевъ и кустовъ. Щепина озабоченно думала о чемъ-то, и лицо ея было сумрачно.

Всякій день, за исключеніемъ дней полнаго ненастья, Нилочка гуляла часа по два въ этомъ верхнемъ саду и знала каждый камешекъ и каждую вѣтку наизусть. По этой аллеѣ бѣгала она когда-то и пяти лѣтъ отъ роду съ куклой на рукѣ, и потомъ десяти и болѣе съ дѣтскими мечтами.

Наконецъ тутъ же гуляетъ она почти 17-ти-лѣтней дѣвушкой и думаетъ... думаетъ о совершенно иномъ.

А этотъ садъ все тотъ же пустынный, безотвѣтный. Осенью и зимой сквозь голую чащу виднѣется черезъ его каменную ограду направо селенье, налѣво надворныя постройки, а за ними высокая колокольня храма, за нимъ поля и лѣса... Все это отъ палатъ и храма и до послѣдней березки—ея собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ все это какъ чуждо. Надо всѣмъ этимъ не она повелѣваетъ, надъ всѣмъ будто нависла грозой власть почти страшнаго для нея человѣка, злого, лукаваго и коварнаго.

Она у себя дома, подъ роднымъ кровомъ, и въ то же время она будто въ гостяхъ и даже хуже: на хлѣбахъ изъ милости у ненавистныхъ ей благодѣтелей. Говорятъ, будетъ конецъ такому житью, но она почти перестала вѣрить этому.

Когда она будетъ совершеннолѣтняя, опека уничтожится, всѣ эти чужіе люди выѣдутъ изъ Крутоярска поневолѣ, но вѣдь до тѣхъ поръ еще ждать болѣе четырехъ лѣтъ.

Мало ли что можетъ еще случиться, что они, эти непріязненные ей люди, могутъ надѣлать?

Одинъ изъ нихъ страшень ей, но страшень равно всѣмъ. Сергѣй Сергѣевичъ Мрацкій такъ поговариваетъ, что, кажется, никогда не покинетъ Крутоярска. Онъ съумѣетъ такъ все подвести, что вѣковѣчно будетъ властвовать и надъ Крутоярскомъ, и надъ сиротой.

И, думая объ этомъ, Нилочка всякій разъ кончала одной и той же мечтой.

Ахъ, если бы явился избавитель. Онъ! Тотъ желанный и невѣдомый, который не утратился бы Мрацкаго, полюбилъ бы ее и сталъ бы властнымъ надъ всѣмъ, надъ всѣми и, пожалуй, и надъ ней самой.

На этотъ разъ, благодаря осени, сѣрому дню, озабоченности Марьяны Игнатьевны, молодая дѣвушка была еще тоскливѣе настроена, чѣмъ когда-либо. Ей казалось сегодня еще яснѣе, чѣмъ бывало прежде, что она—самое несчастное существо на свѣтѣ. Сиротство и одиночество сказывалось еще ярче, ощутительнѣе... Бывало, она всѣ свои думы или тревоги сердца повѣряла своей второй матери, мамушкѣ, теперь вотъ уже третій годъ она перестала это дѣлать.

Марьяна ли Игнатьевна измѣнилась по отношенію къ ней? Или она перемѣнилась, и ей самой стали приходиться такія мысли, которыя не слѣдовало имѣть? Ея дорогая „Маяня“, какъ звала она мамушку, еще въ дѣтствѣ картаво передѣлавъ ея имя, все чаще журила свою питомицу, когда дѣвушка исповѣдывалась въ своихъ мечтахъ и грезахъ. И кончилось тѣмъ, что теперь самое дорогое на сердцѣ оставалось скрытымъ, тайнымъ не только для всего Крутоярска, но и для этой „Маяни“.

Услужливая изъ раболѣпства дворян, сѣнныя дѣвушки въ особенности, часто передавали барышнѣ кой-какія вѣсти, касающіяся до Крутоярска. Сегодня утромъ Нилочка узнала, что будто на-дняхъ къ нимъ собирается изъ Самары гость, чело-вѣкъ, къ которому дѣвушка относилась какъ-то странно, непонятно ей самой. Чужой вполнѣ чело-вѣкъ, мало знакомый даже, былъ ей будто близокъ, будто гораздо ближе многихъ своихъ, крутоярскихъ.

И объ этомъ думалось ей теперь. А сказать объ этомъ Марьянѣ Игнатьевнѣ можно, но не хочется...

Молчаливо погулявъ болѣе часу, Нилочка позвала Щепину домой.

— Можетъ быть и разгонный ужъ пріѣхалъ,—замѣтила она.—Можетъ письмо есть.

Марьяна Игнатьевна вздохнула.

— Пора бы. Пора...—выговорила она глухо.—Всякій день—вотъ недѣлю томить онъ насъ. И что могло задержать. Боринька мой не зряшный какой о семи пятницахъ въ недѣлю.

— Вотъ я и думаю, Маяня... сегодня письмо есть. Чуетъ мое сердце, что есть... увидишь.

— Ахъ, полно ты... только смущаешь меня,—нетерпѣливо вымолвила Щепина.

Обѣ женщины двинулись къ дому и скоро входили уже на большое крыльцо, поднялись во второй этажъ и вступили въ парадныя комнаты, такъ какъ достигнуть имъ своихъ четырехъ сравнительно маленькихъ комнатъ нельзя было иначе, какъ чрезъ грязный ходъ для прислуги, или чрезъ обѣ большія залы и три гостиныя. Первая зала, бѣлая подъ мраморъ, съ лѣпными позолоченными украшеньями, была велика, въ два свѣта, всегда холодна зимой, пустынна круглый годъ.

Въ ней съ рожденья на свѣтъ Нилочки никогда ничего не бывало, но въ прежнія времена при ея дѣдѣ бывали пиры и балы.

Вторая зала была нѣсколько менѣе, темнѣе, къ ней примыкала большая крытая терраса, выходившая въ садъ. Здѣсь бывали обѣды, болѣе или менѣе парадныя, четыре раза въ году, въ Свѣтлое Воскресенье, въ Рождество и затѣмъ въ день рожденія и именинъ владѣлицы, приходившихся въ январѣ и октябрѣ.

Затѣмъ слѣдовали три гостиныя, изъ которыхъ анненская въ два колера—пунцовый и желтый—была самой красивой. Но послѣдняя итальянская съ круглыми окнами, со свѣтлоголубой позолоченной мебелью стиля Людовика XIV была любимой гостиной юной владѣлицы. Здѣсь она принимала за послѣдніе годы своихъ рѣдкихъ гостей, за-то часто Мрацкихъ и Жданова, которыхъ не любила допускать въ свои горницы. Нилочка называла три уютныя комнатки „мон“ въ отличіе отъ всѣхъ другихъ въ домѣ.

Да, всѣ эти парадныя и другія горницы дѣйствительно были для сироты подъ опекой—вполнѣ какъ бы чужими.

Три ея комнаты дѣлились на гостиную, гдѣ почти никогда не бывало гостей, на рабочую, гдѣ дѣвушка сиживала весь день, и на спальню.

Около второй была горница Марьяны Игнатьевны, съ тѣхъ поръ, какъ ея питомица перестала спать вмѣстѣ съ мамушкой.

Въ рабочей комнатѣ было самое простое убранство, но было двое пялецъ и большой столъ, на которомъ дѣвушка рисовала. Рисованье было ея любимымъ занятіемъ и она уже собиралась отъ карандаша и пастелей перейти къ малеванію, т.-е. къ маслянымъ краскамъ.

Теперь хотя и была въ домѣ учительница малеванія, взя-

тая опекунами, но эта женщина, скрывавшая свое происхождение съ какого-то юга, долго тоже скрывала свое незнаніе живописи. А Нилочка, чтобы не обижать женщины, все отлагала просить опекуновъ нанять другую учительницу малеванія.

Едва только молодая дѣвушка и мамушка вошли къ себѣ, какъ старшая горничная, уже пожилая женщина, встрѣтила ихъ словами:

— Разгонный изъ города привезъ вамъ, барышня, ящикъ, а вамъ письмо почтовое.

Марьяна Игнатьевна оторопѣла. Кромѣ сына, никто ей не писалъ.

Чрезъ минуту письмо было уже въ рукахъ и прочтено... Марьяна Игнатьевна просіяла и бросилась цѣловать Нилочку, стоявшюю около нея въ нетерпѣніи.

— Ёдетъ! Ёдетъ! — воскликнула Щепина и стерла слезы на глазахъ...

— Когда? — выговорила Нилочка, зарумянившись отъ радости.

— Пишетъ: чрезъ недѣлю послѣ письма ждать и писателя его.

Нилочка подсѣла къ Марьянѣ Игнатьевнѣ на диванъ и онѣ обѣ начали снова читать письмо Бориса Щепина. Окончивъ, онѣ снова перечли его. И такъ разъ до десяти... Это бывало всегда.

VI.

Въ тотъ же ненастный угрюмый день, въ сумерки, во дворъ крутоярскихъ палатъ вѣхалъ верхомъ солдатъ и передалъ людямъ большой пакетъ, — это былъ посланный съ письмомъ отъ самарскаго губернатора къ опекуну Мрацкому. Солдатъ заявилъ, что ему указано дожидаться отвѣта.

Сергѣй Сергѣевичъ Мрацкій сидѣлъ у себя въ рабочей горницѣ за письменнымъ столомъ, когда ему подали письмо губернатора. Это былъ человекъ очень маленькаго роста и очень худой, слѣдовательно, очень невзрачный и неказистый, именно то, что называетъ народъ „заморышемъ“.

Однако, было въ немъ нѣчто, что не позволяло считать его заморышемъ. Это былъ взглядъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ. Въ нихъ было что-то особенное, невольно обращающее на себя вниманіе каждаго. Въ нихъ было столько силы загадочной,

недобрый, какъ бы каждому опасной, что всякій невольно относился къ Мрацкому любезно и привѣтливо, а иногда и подобострастно, какъ бы ради одной самозащиты.

Самъ Мрацкій не любилъ своихъ глазъ.

— Треклятые!—говорилъ онъ самъ себѣ, стоя иногда передъ зеркаломъ.—Выдаютъ по неволѣ! Съ этими глядѣлками не пройдешь за скромнаго и тихаго человѣка. Очки, что ли, синія завести?

И Мрацкій серьезно думалъ объ очкахъ и собирался носить ихъ, но никогда не собрался. Давнишнее желаніе Мрацкаго было странное, рѣдко встрѣчаемое на свѣтѣ. Ему всегда желалось, а въ особенности съ тѣхъ поръ, что онъ былъ опекуномъ крутоярской царевны, слыть за человѣка самаго простого, безучастнаго ко всему, смирнаго и, пожалуй, даже ограниченнаго.

Цѣль была простая. Ему хотѣлось быть волкомъ въ овечьей шкурѣ. Разумѣется, этого никогда не удавалось. Мрацкаго за всю его жизнь никто не любилъ и всѣ боялись, даже и тѣ, на судьбу которыхъ онъ не могъ ничѣмъ повліять.

Съ юншества, съ перваго капральскаго чина и до отставки уже въ чинѣ полковника, Мрацкій былъ среди товарищей отрѣзаннымъ ломтемъ. Если онъ оставался со всѣми въ приличныхъ отношеніяхъ, то благодаря исключительно всеобщей боязни заводить съ нимъ какую-либо ссору.

Репутація его въ Петербургѣ была нехороша и, Богъ вѣсть, какимъ образомъ втерся онъ въ домъ гетмана Разумовскаго и совершенно невѣдомо, почему и какъ, былъ избранъ честнымъ и прямодушнымъ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ въ опекуны малютки Кошевой.

Семья—жена и дѣти и болѣе полдюжины родственниковъ—относились къ Сергѣю Сергѣевичу на особый ладъ. Анна Павловна Мрацкая любила мужа потому только, что „мужъ есть глава жены, яко Христосъ—глава церкви“. Дѣти любили отца тоже на основаніи пятой заповѣди. Родственники и домашцы любили Сергѣя Сергѣевича потому, что онъ былъ „нашъ кормилецъ и поилецъ“.

Впрочемъ, Мрацкій ни къ кому изъ близкихъ несправедливъ никогда не бывалъ. Онъ былъ только тяжелъ. Это былъ семейный камень, придавившій всѣхъ, отъ жены и дѣтей до послѣдняго дальняго родственника глухонѣмого Пучкова.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ появленія верхового на

дворѣ, въ горницу къ Мрацкому вошла высокая и полная женщина. Ростъ и тучность въ ней были таковы, что изъ нея легко бы можно было выкроить четырехъ Сергѣй Сергѣевичей.

Мужъ и жена были противоположностями во всемъ, какъ физически, такъ и нравственно. Анна Павловна была добрѣйшее и тишайшее существо, потому что была лѣнивѣйшая и сонливѣйшая женщина въ свѣтѣ.

Существованіе ея проявилось и проявлялось только тѣмъ, что она родила двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ коихъ только шесть были въ живыхъ, и теперь ожидала седьмого или тринадцатаго по счету.

Анна Павловна принесла сама письмо, такъ какъ въ маленькую угловую горницу, въ которой сидѣлъ теперь Мрацкій, почти никто не допускался. Только старикъ лакей Герасимъ имѣлъ право входить рано утромъ и обметать пыль со столовъ, гдѣ лежали кипами всякаго рода бумаги.

Помимо опекунскаго управленія, у Мрацкаго были и другія дѣла, о которыхъ ходили въ Крутоярскѣ только смутные слухи. Знали навѣрное только одно, что Мрацкій одинъ изъ вѣростепенныхъ членовъ соляного откупа.

— Сергѣй Сергѣевичъ! — выговорила женщина, входя въ горницу своей особой походкой мелкими шажками и переваливаясь съ боку на бокъ.

— Чего еще?—отозвался Мрацкій, не оборачиваясь.

— Гонецъ изъ Самары отъ губернатора. Вотъ!.. И Анна Павловна протянула мужу большой пакетъ съ восковой печатью.

Глаза Мрацкаго блеснули сильнѣе. Онъ взялъ пакетъ, повертѣлъ его въ рукахъ, затѣмъ, не распечатывая, бросилъ передъ собой на столъ, вскинулъ маленькіе сѣрые глаза на жену и выговорилъ:

— Начинается!

Анна Павловна съ трудомъ умѣстилась на маленькомъ стулѣ, стоявшемъ неподалеку и, уподобляясь большому забору на подпоркѣ, глупыми глазами смотрѣла на мужа. Противоположность во всемъ со своимъ мужемъ, она и взглядомъ отличалась отъ него тѣмъ, что была, по русскому выраженію, „лупоглаза...“ Тѣ же глаза передала она и старшему сыну Ильѣ.

— Да, сударыня,—ехидно выговорилъ Мрацкій—начинается!

— Что же такое-съ?

— А то, что всякому понятно, кромѣ тебя, дуры.

— Это Сергѣй Сергѣевичъ, конечно. А вы скажите...

— Начинается, сударыня моя, давно мною ожидаемая война, въ родѣ вотъ той, что прозываютъ семилѣтней съ нѣмцами. Вотъ и у насъ въ Крутоярскѣ начинается война и долго ли продолжится—невѣдомо. Можетъ четыре года, можетъ и больше, можетъ до совершеннолѣтія Нилочки и вступленія во всѣ ея права. А можетъ война возгорится и въ нѣсколько мѣсяцевъ окончится, а кто побѣдитъ — неизвѣстно. Надо надѣяться, что Сергѣй Сергѣевичъ Мрацкій! А потому, думаю, онъ побѣдитъ, что отъ пушки и до перочиннаго ножа включительно всякое при немъ оружіе будетъ. Во всеоружіи воевать будетъ, какъ сказывается!..

Все это Мрацкій проговорилъ, глядя въ окно, гдѣ бушевало ненастье, мелкій дождь, вѣтеръ и холодная сырость.

— Да вы, Сергѣй Сергѣевичъ, опять такъ все рассказали, что я, по моему малоумію, ничего не поняла. Съ кѣмъ же война-то? Съ туркой что ли?

Мрацкій качнулъ головой.

— Что же, пожалуй, что и съ туркой тоже будетъ, коли не съ самимъ туркой, то съ татаринომъ... съ Никишкой! Онъ вѣдь тоже полу-турка. Да и неужто же ты, моя оглашенная, — мягче и почти нѣжно выговорилъ Мрацкій, глядя на жену, — неужто ты совсѣмъ не догадываешься, что это за письмо изъ Самары. Вотъ, не читая, тебѣ прочту. Слушай, вотъ что тутъ написано!

И Сергѣй Сергѣевичъ, положивъ руку на пакетъ, началъ говорить:

— Дорогой и достоуважаемый пріятель и сосѣдъ Сергѣй Сергѣевичъ! пишу вамъ со скорымъ, чтобы повѣдать важное дѣло, съ коимъ я на сихъ дняхъ буду имѣть великое удовольствіе побывать въ Крутоярскѣ. А пріѣду я къ вамъ, чтобы совать носъ туда, куда меня не спрашиваютъ, привезу съ собой своего родственника — нищяго князька, котораго я, ни къ чорту негодный губернаторъ, хочу пристроить, женивши на опекаемой вами богачкѣ. Вотъ ты это знай заранѣе, обдумай и придумай какія-либо средства меня заставить отъѣхать „не солоно хлебавши“, потому что виды у тебя у самого на царевну другіе — свои собственные. Денежки Нилочки и тебѣ тоже нравятся, какъ и мнѣ. У меня кня-

зекъ — дальній родственникъ, а у тебя Илья — родной тебѣ сынъ. Понятное дѣло, что ты меня примешь, какъ козла въ огородъ.

Мрацкій замолчалъ, а Анна Павловна, давно сидѣвшая съ удивленнымъ лицомъ, вымолвила:

— Неужто же это онъ все пишетъ? Вѣдь тутъ и благоприличія нѣтъ никакого. Зачѣмъ же онъ ругается?

Мрацкій, не отвѣчая, разорвалъ пакетъ вынулъ письмо, прочелъ его и затѣмъ обернулся къ женѣ.

— Ну, вотъ, оглашенная моя, какъ я сказалъ, такъ и есть. Приѣдетъ онъ на сихъ дняхъ со своимъ князькомъ сватать его. Вотъ и правъ я, говоря, что начинается война.

Наступило молчаніе, послѣ котораго Анна Павловна тѣмъ же своимъ добродушно-глупымъ голосомъ спросила:

— Какъ же намъ быть-то, Сергѣй Сергѣевичъ?

— А что?

— Да Илья-то...

— Ну, такъ что жъ?

— Да какъ же, говорю, быть-то? Вѣдь за двухъ замужъ не выйдешь! Коли она пойдетъ за этого князя, Илья-то нашъ при чемъ же останется?

— Съ носомъ останется, голубушка!

— А вы не допускайте, все въ вашей волѣ.

— Вотъ я и буду не допускать. Отъ того война и будетъ. Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы Нилочка дѣйствовала, сама отказала, а не то, что мнѣ ее пугать, да противъ нея итти. Это своимъ чередомъ послѣ будетъ, когда навернется другой какой... А ихъ теперь, жениховъ, посмотри, тьма будетъ! Такъ одинъ за другимъ и посыпятся! Всякъ знаетъ, что ей скоро семнадцать лѣтъ.

Мрацкій помолчалъ, подумалъ и наконецъ выговорилъ:

— Ты, Анна Павловна, теперь чаще ходи къ этому дьяволу Марьяшкѣ и сиди съ ней и въ любви изъясняйся. Говори ей, что не нынѣ, завтра нашъ Илья отправится на вторичную службу въ Петербургъ.

— Зачѣмъ же ему ѣхать?!—ахнула женщина.

— Охъ, оглашенная, да куда Илья не поѣдетъ, а ты ей-то сказывай это. Если она заговорить что-нибудь насчетъ нашихъ видовъ на Нилочку, такъ ты говори, что это давно оставлено. Поняла?

— Поняла-съ...

— Ну, а потомъ будь добра и привѣтлива съ Никишкой и такъ ему обнякомъ сказывай, что коли у него денегъ мало, коли понадобятся когда, да отецъ не даетъ, то чтобы у тебя попросилъ. А ты тогда приди ко мнѣ да возьми. Сколько бы Стенька Разинъ ни попросилъ, я ему всегда дамъ. Спѣшить надо, а то онъ все вертится, вертится, а все еще не свертѣлся! Надо ему помочь шею себѣ свернуть. Ну, стой, еще что? Да... Гдѣ Акютка, буфетчикова внучка, красавица-то ваша крутоярская.

— Ее, Сергѣй Сергѣевичъ, на огороды послали за что-то, картофель рыть, а кончить — на скотный дворъ пошлютъ.

— За что же это?

— А ужъ не знаю...

— Кто же это распорядился?

— Да вы же, Сергѣй Сергѣевичъ.

— Полно врать! Я то—я, да я этого не зналъ и не знаю... Кто-нибудь изъ холоповъ подвелъ. Прикажи тотчасъ ее въ домъ опять взять, да выряди ее и никакой работы ей не давай, слышишь? Будь ты на что-нибудь годна, полно спать-то!—вдругъ возвысилъ голосъ Мрацкій. — Вѣдь нельзя вѣкъ свой храпѣть! Теперь времена, видишь, какія подошли... Встряхнись, будь хозяйкой! Поняла?

— Поняла-съ...

— Поняла-съ, поняла-съ! А сама сидишь—спишь! Придѣнь Акютку, чтобы была совѣмъ франтиха, и балуй на всѣ лады. А какъ только придѣтъ сынокъ Марьяшкинъ, такъ сейчасъ отрядить Акютку къ нему въ услуженіе по части бѣлья, что ли, чтобы она такъ при немъ и состояла. Ну, вотъ, это пока все. Первое расположеніе войскъ передъ цитаделью. Только не напутай, помни! Первое—съ Марьяшкой любезничай и увѣрай ее, какъ бы хорошо было Нилочкѣ выйти замужъ за князя, а второе — Ильѣ пора уѣзжать на службу... Третье—Никишкѣ деньги обѣщай и приходи за ними ко мнѣ. Четвертое—Акютку къ Борькѣ, когда придѣтъ, приставь... Не спутаешь?

— Зачѣмъ, Сергѣй Сергѣевичъ?

— А затѣмъ, что ты—дура!—вдругъ воскликнулъ Мрацкій. — Ну, ступай! Пришли черезъ полчаса за отвѣтомъ губернатору. Ну, а завтра я съ Ждановымъ и съ Марьяшкой буду совѣтъ семейный держать насчетъ князька. Да, думалъ я, а не ожидалъ, что такъ скоро будетъ начало военныхъ дѣй-

ствій. Думаль, еще годикъ пройдетъ, анъ, вонъ оно сразу!.. И князекъ паршивый полѣзъ, и Борька изъ Питера не нынѣ—завтра явится, да и Никишка, чортъ, вотъ ужъ мѣсяцъ не буянить и трезвый ходить... Всѣ напасти! Чортъ бы ихъ всѣхъ дралъ! А тутъ еще двѣсти возовъ соли пропало въ пути! Вѣдь при этакихъ обстоятельствахъ голову то-бы надо имѣть саженную, чтобы въ ней все умѣстилось, а она у меня вонъ она... крошечная!

— За-то она у васъ, Сергѣй Сергѣевичъ, о семи пядей во лбу.

— Это ты откуда же выудила? Не сама же придумала?

— Всѣ такъ сказываютъ, что вы—умнѣющій человекъ.

— Да, около нихъ, дураковъ, пожалуй, что и умень, а вотъ для самого себя кажусь иногда чистый дуракъ... Ну, уходи!—кончилъ Мрацкій, махнувъ на жену рукой.

VII.

Въ тотъ же день во всемъ домѣ было всѣмъ уже извѣстно, что губернаторъ съ родственникомъ княземъ собираются въ Крутоярскъ со сватовствомъ. Извѣстiе почти никого не удивило, такъ какъ князя Льгова давно уже считали почти самымъ лучшимъ претендентомъ на руку „царевны“.

Но, однако, всѣ чували, что дѣло просто не обойдется. Можетъ быть, Нилочка сразу изъявить свое согласiе, но ей, по несовершеннолѣтiю, разсуждать не дадутъ, рѣшать за нее ея судьбу. Покорится она—и все обойдется мирно и тихо, а не покорится—будетъ дымъ коромысломъ въ Крутоярскѣ. Война, о которой говорилъ Мрацкій, чуялась всѣмъ.

Въ тотъ же вечеръ Мрацкій послалъ сказать своему товарищу по опекунскому управленiю, а затѣмъ и главной нянюшкѣ Марьяннѣ Игнатьевнѣ, что просить обоихъ пожаловать къ нему утромъ для совѣщанiя.

Мрацкій всегда поступалъ такъ и сносился со всѣми, какъ если бы жилъ не въ одномъ и томъ же домѣ, а въ другомъ городѣ. Иногда случалось ему даже писать Жданову изъ лѣваго крыла дома въ правый и просить письменнаго отвѣта.

Ждановъ заставлялъ писать отвѣтъ какого-нибудь писаря и только подписывался длинною подписью: „прапорщикъ лейбъ-гвардiи Ея Императорскаго Величества Петръ Ивановъ, сынъ

Ждановъ“. Иногда подпись эта бывала длиннѣе коротенькаго отвѣта: „безпремѣнно буду“ или: „какъ желаете“.

Посланный Мрацкаго принесъ отвѣтъ, что Петръ Ивановичъ—на охотѣ за зайцами вмѣстѣ съ Никифоромъ Петровичемъ, а Марьяна Игнатьевна обѣщалась быть.

— Когда-же будутъ обратно съ поля,—спросилъ Мрацкій.

— Ночью, или на зарѣ, сказываютъ, велѣли себя ждать.

— Хорошо, если пріѣдетъ трезвый,—пробурчалъ Мрацкій, а то отлагай дѣло, пока не проспится!

Петръ Ивановичъ Ждановъ, второй опекунъ, но не въ дѣйствительности, а только ради формальности, былъ очень удобнымъ товарищемъ по опекунству для Мрацкаго.

Петръ Ивановичъ не вмѣшивался буквально ни во что уже много лѣтъ и только давалъ свою длинную подпись на самыхъ важныхъ бумагахъ. Онъ не пользовался никакимъ значеніемъ, не пользовался даже и видимымъ уваженіемъ обитателей Крутоярска.

Съ нимъ обращались всѣ за панибрата, даже писаря опекунской канцеляріи грубили ему, и иногда Ждановъ принужденъ былъ жаловаться на нихъ Мрацкому.

Произошло это потому, что Ждановъ былъ чрезвычайно добродушный и безпечный человѣкъ. При этомъ у него было двѣ страсти: охота и вино. Большую часть времени онъ былъ на-веселѣ: никогда не пьянъ совершенно, но рѣдко и въ нормальномъ состояніи.

Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ иногда отлучался изъ Крутоярска на недѣлю и болѣе въ дальнія болота. При немъ былъ цѣлый штатъ охотниковъ—всякаго рода разношерстный народъ. Тутъ были и нахлѣбники, и писаря канцеляріи, и дворовые, и крестьяне, и настоящіе пройдохи, являвшіеся въ Крутоярскъ къ барину Жданову съ короткимъ объясненіемъ:

— Я тоже охотникъ! Дозвольте быть при васъ.

Однажды одинъ изъ самозванныхъ гостей даже обокралъ Жданова: свелъ отличную собаку и стащилъ пару дорогихъ пистолетовъ. Насколько Мрацкій былъ занятъ разнаго рода дѣлами, жилъ съ постоянными планами и проектами, одинъ другого хитрѣе, настолько Ждановъ былъ вѣчно свободенъ, праздный и веселый, но при этомъ постоянно витавшій мыслями въ поднебесьѣ.

Ждановъ былъ, самъ того не зная, поэтъ и музыкантъ въ

душѣ. Онъ страстно любилъ слушать и пѣть народныя пѣсни и брэнчать на балалайкѣ и немножко на гитарѣ. Тайкомъ отъ всѣхъ Ждановъ сочинялъ самъ пѣсни и пѣвалъ ихъ на привалахъ во время охоты своимъ соратникамъ, т.-е. своей шайкѣ прихлебателей-охотниковъ.

Ни разу никому не пришло на умъ, что пѣсни, пѣтыя Ждановымъ,—его собственнаго сочиненія.

Всѣ удивлялись только, откуда Ждановъ достаетъ ихъ. Инымъ совершенно искренно казалось, что они эту пѣсню уже слышали гдѣ-то, когда-то, готовы были поклясться, что они пѣсню знали, да забыли.

И этимъ наивно подтверждалось то обстоятельство, что пѣсни Жданова были чистыя, неподдѣльныя народныя пѣсни. И Ждановъ самъ не зналъ, что, быть можетъ, лѣтъ сто спустя послѣ него, будетъ пѣться на Руси его пѣснь и про нее скажутъ, что ее „сложилъ русскій народъ“.

Одно странное, непостижимое обстоятельство было загадкой. Всѣ пѣсни сочиненія веселаго и безпечнаго холостяка были грустны и тоскливы. Иногда въ иной выражалась глубокая скорбь обо всемъ въ мірѣ. Одна пѣсня, звавшаяся: „Охъ, неволя, неволюшка!“, въ которой повѣствовалось о жизни и приключеніяхъ крѣпостного парня, заѣденнаго помѣщикомъ и міромъ, часто вызывала слезы на глазахъ его товарищей по болотамъ и лѣсамъ.

Разумѣется, сочинитель этой пѣсни за всю свою жизнь пальцемъ не тронулъ ни одного изъ крѣпостныхъ холоповъ. Онъ понималъ отлично и оправдывалъ, какъ кругомъ него порютъ и бьютъ, и въ солдаты сдаютъ, и въ Сибирь ссылаютъ разныхъ рабовъ, но самъ ни разу въ жизни не сдѣлалъ никого несчастнымъ.

И вотъ именно невидимая музыка въ душѣ пожилого холостяка заставляла его такъ относиться къ послѣднему писарю, къ послѣднему дворовому, если онъ только былъ его товарищемъ по охотѣ, что всѣ въ Крутойарскѣ относились къ нему, какъ къ равному и, слѣдовательно, часто грубили ему.

Ждановъ всю жизнь избѣгалъ женщинъ и смотрѣлъ на бракъ такъ же, какъ другой смотритъ на поступленіе въ монастырь. Жениться, значило для него—заживо похоронить себя. Однако, разъ въ жизни холостякъ отдалъ сердечную дань.

Будучи по дѣламъ въ маленькомъ городкѣ почти на границѣ

крымскаго ханства, онъ изъ жалости купилъ на базарѣ дѣвчонку караимку, болѣзненную и некрасивую, продававшуюся „на побѣгушки“, т. е. какъ прислуга. Дѣвчонкѣ было всего 14 лѣтъ. Ждановъ купилъ ее съ цѣлью перепродать или подарить, но съ тѣмъ, чтобы она попала къ добрымъ людямъ. Такихъ долго не находилось и, не зная, куда дѣвать свою покупку, онъ оставилъ ее на время у себя въ домѣ въ помощь своей стряпухѣ... А затѣмъ какъ бы забылъ о ней...

Прошло года три, и Ждановъ, какъ-то однажды вернувшись съ охоты, вдругъ замѣтилъ, что караимка справилась и стала очень недурна собой. Въ этотъ день на 17-ти-лѣтней дѣвушкѣ было новое красное платье и она бросилась ему въ глаза поневолѣ.

Не будь краснаго платья, Ждановъ можетъ быть еще долго не замѣтилъ бы преображенія некрасивой дѣвчонки въ красивую дѣвушку.

И онъ сталъ замѣчать ее чаще... т.-е. обращать на нее вниманіе. Караимка оказалась скромной и очень не глупой, затѣмъ оказалась доброй, затѣмъ привязчивой, чувствительной ко всякой ласкѣ.

Какъ-то вдругъ однажды въ вечеру Ждановъ, болтавшій съ дѣвушкой о пустякахъ, замѣтилъ, что она „чудно“ смотритъ на него. Онъ испугался ея глазъ... Онъ именно отъ такихъ женскихъ взглядовъ всегда бѣгалъ еще съ молоду. Ждановъ рѣшилъ скорѣе продать караимку, чтобы сбыть съ рукъ отъ „грѣха“.

Но когда наступилъ часъ, условленный съ сосѣдомъ для продажи, случилось цѣлое происшествіе.

Караимка собралась топиться, предпочитая смерть разлукѣ съ своимъ добрымъ и ласковымъ баринкомъ...

Разумѣется, она осталась въ домѣ и перестала быть на кухнѣ.

Черезъ два года у нея родился ребенокъ, названный по дню рожденія Никифоромъ, но еще черезъ годъ послѣ вторыхъ родовъ и мать, и мертворожденная дѣвочка были похоронены вмѣстѣ.

Послѣ потери единственнаго, любившаго его существа, Ждановъ снова по-старому избѣгалъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ.

VIII.

На слѣдующій день уже послѣ полудня Мрацкій ожидалъ въ маленькой гостиной своего товарища-опекуна и главную мамушку. Онъ вышелъ изъ своей рабочей горницы, такъ какъ въ ней никогда никого не принималъ.

Расхаживая тихими шагами по гостиной, въ ожиданіи приглашенныхъ имъ на совѣщаніе, Мрацкій раздумываль, очевидно, о чемъ-то веселомъ, или забавномъ, такъ какъ изрѣдка ухмылялся, то самодовольно, то презрительно. Наконецъ, онъ подошелъ къ окну, остановился и началъ шептать вслухъ.

— Три мышеловки самыя настоящія! На каждую мышку по одной! И въ каждой мышеловочкѣ по кусочку говядинки... Вся сила въ томъ, хорошо ли наложены крючечки, хлопнуть ли дверки, когда мои мышата глупыя будутъ дергать говядину. Да, будетъ ли удача? Сомнѣніе беретъ. Ну, да это хорошее дѣло. Какъ меня возьметъ раздумье, сомнѣніе, опасеніе за свой разумъ и за свою ловкость, такъ всегда удача пушная бываетъ. Относительно головорѣза Никишки бояться нечего. Онъ за сто рублей миллионъ продастъ и послѣ только разочтеть, что потерялъ. Опасаться надо князька и Борьки. А ужъ для Никишки третья мышеловка такъ про всякій случай заготовлена. Господи помилуй, когда подумаешь, что все дѣло въ этой тощей выдрѣ Марьянѣ! Околѣй она за это время, была бы Нилочка одна на свѣтѣ, приставилъ бы я къ ней другую мамку и были бы обѣ у меня въ карманѣ. И былъ бы мой Илья крутоярскимъ помѣщикомъ. За всѣ эти одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ не было ни одного случая Марьяну похерить! Вотъ, сказываютъ, теперь въ Оренбургѣ бунтуютъ разная татарва и казаки, какой-то бѣглый каторжникъ выдаетъ себя за покойнаго императора Петра Фодоровича. На руку бываетъ это умнымъ людямъ въ ихъ дѣлахъ. Не даромъ посьловица сказываетъ: „въ мутной водѣ легче рыбу поймать“. Да, кабы замутилось тутъ вокругъ насъ все, я бы въ этой мути Нилочку какъ разъ бы въ невѣстки выудилъ себѣ.

Мечтанія и шепотъ Мрацкаго были прерваны скрипомъ отворяемой двери. Онъ обернулся. Въ горницу вошла Марьяна Игнатьевна.

Несмотря на жизнь подъ одной кровлей, Мрацкій и Щепина видѣлись изрѣдка. Теперь уже дней десять не видѣли они другъ-друга. Дня три или четыре назадъ Мрацкій видѣлъ Марьяну Игнатьевну только изъ окна, когда она гуляла по дорожкамъ сада со своей питомницей.

— Здравствуйте! Какъ поживаете?—любезно выговорилъ Мрацкій.

— Ничего, слава Богу!—отозвалась Щепина.

— Присядьте. Петръ Ивановичъ сейчасъ, вѣроятно, при-

деть. Надо намъ, Марьяна Пгнатъевна, побесѣдовать о важномъ дѣлѣ. Вы вѣдь тоже, такъ сказать, третій опекунь.

Они сѣли къ столу. Мрацкій вздохнулъ притворно и выговорилъ.

— Да, обуза не малая—чужого ребенка опекать! Что ни сдѣлаешь въ его пользу, люди переиначуть, добро зломъ сочтутъ, участіе—корыстолюбіемъ, строгость—притѣсненіемъ. Да, тяжелое дѣло! А то еще и воромъ чужого имущества поставятъ. Вотъ какъ меня теперь! Опять стали говорить, что я—грабитель, разоряю Кошевую, а самъ наживаюсь. Я, чай, слышали, что съ недѣлю назадъ въ Самарѣ на балѣ предводителя про меня было сказано.

— Слышала, Сергѣй Сергѣевичъ. Что вы покупаете новую вотчину въ Рязани, что ли, въ Пензѣ.

— Ну, да-съ...

— Такъ вѣдь это же правда!—вымолвила сухо Марьяна Пгнатъевна.

— Правда, матушка, я не скрываю, но извольте узнать—на какія деньги! Соль мнѣ даетъ эти деньги, откупъ даетъ, а не доходы крутоярскіе.

— Это, Сергѣй Сергѣевичъ, никому неизвѣстно, какія деньги идутъ въ вашъ карманъ. Онѣ не мѣченныя. Кабы на каждомъ рублѣ стояла надпись „Нилочкинъ“, тогда бы можно было разобраться. А то вѣдь рубль-то—все рубль. Что заработанный, что уворованный—онѣ все одинъ и тотъ же свѣтлякъ цѣлковый.

Мрацкій ничего не отвѣтилъ. Подобные разговоры изрѣдка, раза два въ году, бывали между нимъ и Щепиной. Никогда эта женщина, на подобіе другихъ, не избѣгала прямыхъ отвѣтовъ, не скрывала своей мысли.

Она сама никогда не говорила людямъ, которыхъ не любила, прямо и рѣзко своего невыгоднаго для нихъ мнѣнія, но, когда ее вызывали на разговоръ вопросомъ, она отвѣчала, прямо, что думала.

Мрацкій понялъ, что если онъ начнетъ оправдываться, то Щепина прямо скажетъ ему: „увѣрена я, что всѣ рубли—Нилочкины“.

— Когда ждете къ себѣ дорогого сына, Бориса Андреевича?—произнесъ Мрацкій привѣтливо, чтобы переменить разговоръ.

— Въ скорости жду.

— Не на-долго?

— Ужь не знаю, право... Желалось бы мнѣ подольше его поглядѣть, а тамъ—какъ начальство.

— Полагаю я, что и Нилочка теперь съ вами радуется—ждетъ, не дождется Бориса Андреевича?

— Да, радуется...

— Вѣдь она его любитъ, обожаетъ не меньше васъ. Онъ ей, такъ сказать, братъ родной.

И при этомъ Мрацкій ехидно глянулъ своими пронизательными и злыми глазами въ строго-холодное лицо Щепиной.

— Да, конечно,—отозвалась Марьяна Игнатьевна.—Вмѣстѣ росли, что братъ съ сестрой—какъ же не любить!

— Да, да... Именно братнина и сестрина любовь. Душа въ душу вѣдь они жили, вмѣстѣ игравали, дрались, мирились, цѣловались... Борисъ Андреевичъ для Нилочки—самый близкій человѣкъ... Думаю, приглянись кто ей, первому вашему сынку повѣдаетъ свою тайну... Прежде васъ ему повѣдаетъ, что сестра брату.

Въ словахъ Мрацкаго, повидимому, не было ничего, кромѣ пріятнаго для главной мамушки, а между тѣмъ Щепина, не смотря на умѣніе сдерживать себя, умѣніе составлять выраженіе лица, какое ей хотѣлось, все-таки теперь не сдержалась,—брови ея сдвинулись, въ глазахъ виднѣлся гнѣвъ. И это заставило Мрацкаго подумать про себя:

„Умная баба, а въ этомъ дура! Думаетъ, никому невѣдомо! Чисто, какъ тетерька, сунула голову въ траву, а сама вся наружи и думаетъ, что коли сама ничего не видитъ, такъ и ее не видно“.

Мрацкій снова собрался заговорить что-то ехидное, судя по новому выраженію, которое появилось на его лицѣ, но въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ довольно высокій, плотный человѣкъ съ сильной сѣдиной въ коротко остриженныхъ волосахъ. Полное лицо было красновато, большіе, добродушные, сѣрые глаза смотрѣли сонно или были опухши. На немъ было русское платье, кафтанъ, шальвары и высокіе сапоги.

Это былъ Ждановъ, вернувшійся поздно съ охоты, только что проснувшійся и поспѣшившій на приглашеніе товарища по опекунству. Онъ поздоровался съ Мрацкимъ и Щепиной, потомъ торопливо сѣлъ тоже къ столу и, поглядѣвъ на нихъ, началъ улыбаться. Лицо его говорило:

„Ну, вот и я! Звали, бесѣдуйте, я сейчасъ подмахну, если не рукой, такъ разумомъ. Что ни предложите, я сейчасъ готовъ съ большимъ удовольствіемъ“.

И въ эту минуту Ждановъ думалъ:

„Эхъ, остынетъ тамъ все! Разогрѣтое потомъ ѣшь!“

— Съ хорошимъ полемъ поздравить можно?—спросилъ Мрацкій.

— Да-съ, да-съ!—оживился Ждановъ.—Некуда дѣвать! Двѣ дюжины зайцевъ отправилъ въ Самару, въ подарокъ куму, двѣ дюжины къ вамъ, на кухню доставили, да еще двѣ, или три распредѣлили по дому. Нынче къ вечеру во всякомъ-то крутоярскомъ жителѣ въ животѣ кусочекъ зайца будетъ!

— Не хорошо это, Петръ Ивановичъ!—усмѣхнулся Мрацкій.—Сказываютъ, зайчье мясо ѣсть не надо.

— Почему такъ?

— Сказываютъ, много его ѣсть не надо. Трусливость въ человѣкѣ отъ заячьяго мяса распространяется. Сказываютъ, ѣшь человѣкѣ всякій день зайца, то къ концу года будетъ совсѣмъ ледащій... Трусъ, хуже малаго ребенка.

— И, что вы! Полноте!—серьезно отозвался Ждановъ.—И сколько же я зайцевъ въ годъ-то съѣмъ. Мое любимое блюдо! А вѣдь вотъ, кажется, не трусъ.

Мрацкій усмѣхнулся и подумалъ:

„Хорошъ примѣръ выискалъ!“

IX.

Послѣ паузы Мрацкій, перемѣнивъ голосъ, нѣсколько важно произнесъ, оглядывая гостей:

— Вотъ-съ, просилъ я васъ, Петръ Ивановичъ, и васъ, Марьяна Игнатьевна, на совѣщаніе опекунокое первѣйшей важности. Распространяться не буду, сами сейчасъ уразумѣете—въ чемъ дѣло. Позвольте вамъ прочесть письмо, полученное мною вчера отъ губернатора.

Мрацкій досталъ изъ бокового кармана бумагу и прочелъ ее вслухъ медленно и внятно. Затѣмъ онъ сложилъ листокъ, положилъ его въ карманъ и вопросительно взглянулъ сначала на мамушку, а потомъ на опекуна.

И тотъ, и другая молчали.

— Ну-съ, что жъ скажете?

— Да, что же-съ... ничего-съ!—весело отозвался Ждановъ. Мрацкій перевелъ глаза на Щепину.

— И я тоже, Сергѣй Сергѣевичъ, ничего сказать не могу... Послушаю прежде, что вы скажете.

— Извольте! Мое мнѣніе будетъ такое-съ, что князь Льговъ женихъ завидный для всякой дѣвицы и, какъ бы Нилочка ни была богата, все-таки для нея это пара. Будетъ она княгиня Льгова, а ей при ея богатствѣ и при ея красотѣ только титулованія не хватаетъ. Князь—человѣкъ добраго нрава, тихій, любезный и не глупый, хорошимъ хозяиномъ тоже будетъ. Чего же лучше желать?..

Говоря это, Мрацкій не спускалъ глазъ съ Щепиной и, несмотря на стараніе той не выдать себя, онъ все-таки замѣтилъ въ лицѣ ея полное изумленіе, и внутренно улыбнулся.

— Стало быть, Сергѣй Сергѣевичъ, если Нилочка скажетъ, что князь ей по сердцу, то и вы согласны будете?—спросила Щепина.

— Конечно-съ, а вы развѣ не будете согласны?

— Что жъ мнѣ! Мнѣ счастье моей Нилочки всего дороже. Коли ея счастье въ замужествѣ съ княземъ, такъ и Господь благослови! Только мало я этого князя знаю... какой онъ такой, совсѣмъ не знаю... можетъ, злой!..

— Что вы!—воскликнулъ Мрацкій.—Добрѣйшей души человѣкъ!

— Сказывали тоже—сильно зашибалъ онъ, кутилъ, безобразничалъ въ столицахъ, а теперь въ Самарѣ тихоней прикинулся.

— Вздоръ все! Пустое! Марьяна Игнатьевна. И какой же молодой человѣкъ живетъ монахомъ? Женится—остепенится!

Щепина ничего не отвѣтила и съ озабоченнымъ лицомъ наклонилась надъ столомъ.

— Ну, а вы, Петръ Ивановичъ, какъ скажете?—обратился Мрацкій къ товарищу.

— Я что же-съ... Я ничего-съ... Только, позвольте доложить, вѣдь если Нилочка выйдетъ замужъ, то мы-то съ вами сейчасъ, стало быть, отсюда вонъ? Насъ сейчасъ, опекуновъ-то, по боку?

— Понятное дѣло, Петръ Ивановичъ! Да вѣдь не вѣкъ же намъ дѣвицу опекать! Все равно—будетъ совершеннолѣтняя, мы должны по-добрѣ, по-здорову убираться. Двумя, тремя годами раньше или позже,—не все ли равно.

Ждановъ ничего не отвѣтилъ и протяжно вздохнулъ. Веселое и оживленное лицо его стало сразу печально.

— Не нравится вамъ это, Петръ Ивановичъ?

— Какъ же, помилуйте, нравится?—вдругъ упавшимъ голосомъ выговорилъ добродушный холостякъ.—Какъ же это будетъ нравиться? У васъ, Сергѣй Сергѣевичъ, состояніе большущее! Вы вонъ все вотчины покупаете, а я то вѣдь, извините, мѣсяцъ тому назадъ даже дѣдовы золотые часы въ Самару послалъ продавать. Выйду я изъ опекуновъ, что же мнѣ дѣлать? Къ иному богатому барину въ доѣзжачіе, что ли, наниматься?

— Кто же виновать, Петръ Ивановичъ? Сами вы состояніе протрубили на охотѣ. Не вы одни! Сколько на Руси дворянъ въ такомъ положеніи. Ѣздилъ въ полѣ съ собаками, трубилъ, трубилъ, да все и протрубилъ.

— Нечего было, Сергѣй Сергѣевичъ, протрубивать, извините. Я сюда прибылъ,—у меня, почитай, ничего не было, какъ и у васъ. А вотъ теперь, извольте видѣть, черезъ какихъ-нибудь одиннадцать слишкомъ годочковъ, вы-то—богачъ, а я-то—нищій! Вы поѣздомъ цѣлымъ, цугомъ, съ обозомъ и съ поклажей выѣдете отсюда прямо къ себѣ въ какую-нибудь не хуже крутоярской. А я-то суму за плечи, лапти на ноги—и по-міру. Будь у меня еще сынъ на службѣ, а то у меня пріемышь да и тотъ служить только утробѣ.

— Позвольте, Петръ Ивановичъ, строго выговорилъ Мрачкій. — Изъ вашихъ словъ выходитъ все та же клевета, ходящая въ губерніи, на счетъ моего грабительства. Позвольте, вы такой же опекунъ, какъ и я, всѣ бумаги подписываете. Кто другой можетъ на меня напраслину взводить, а вы—ужъ извините! Коли я воровалъ, такъ и вы воровали. Только я сберегалъ и сберегъ, а вы финтили и все профинтили. Коли вы себя почитаете воромъ,—ну, такъ я промолчу.

— Я, Сергѣй Сергѣевичъ, — глухо выговорилъ Ждановъ, сильнѣе покраснѣвъ въ лицѣ, — чужой полушки никогда не присвоилъ и на томъ свѣтѣ Господу Богу въ этомъ смѣло отвѣтъ дамъ.

— Господь Богъ, Петръ Ивановичъ, въ денежные расчеты людскіе входитъ не станеть. Но все это не къ дѣлу. Я васъ прошу выразить ваше мнѣніе насчетъ сватовства князя и знать напередъ, что вы отвѣтите.

— Что же мнѣ отвѣчать? Что я ни отвѣтъ, все равно мои

слова ни значенія, ни пользы имѣть не будутъ. Вы желаете, чтобы Нилочка была княгиней Льговой? Кажеть мнѣ это очень сомнительнымъ и необъяснимымъ; но это ваше дѣло. А вотъ Марьяна Игнатьевна и совсѣмъ молчитъ, ничего не сказываетъ.

— Мнѣ нечего сказать,— вдругъ выпрямляясь, вымолвила Щепина.—Я, признаюсь, тоже удивляюсь. Не думала я, что Сергѣй Сергѣевичъ согласится Нилочку такъ рано замужъ выдавать, да еще за перваго посватавшагося за нее молодца. Подумаешь, князей-то больше и нѣтъ на свѣтѣ! Не онъ—такъ другой черезъ годъ-два навернется получше. Я въ этомъ дѣлѣ, скажу прямо, дѣйствовать не стану ни противъ князя, ни за него. И Нилочкѣ тоже ничего совѣтовать не буду, — какъ она хочетъ.

— Такъ-таки ни слова и не скажете?—спросилъ Мрацкій. Щепина молчала.

— Нехорошо это, Марьяна Игнатьевна! Вы для Неонилы Кошевой все одно, что родная мать. Вы отвѣчаете передъ Богомъ за ея счастье. Вы должны теперь этого князя разобратъ по ниточкамъ и, въ случаѣ какая ниточка окажется вамъ сомнительной, сейчасъ намъ скажите и питомицѣ скажите. И если ниточка эта грозитъ будущему счастью вашей питомицы, то вы не должны соглашаться, должны упорствовать.

— Изъ всего этого выходитъ, Сергѣй Сергѣевичъ, что вы желаете со своихъ плечъ свалить дѣло на мои плечи, — желаете, чтобы отказъ произошелъ отъ меня, или отъ Нилочки съ моихъ словъ и совѣтовъ. А иначе и понять ничего не возможно!

— И такъ, и не такъ, Марьяна Игнатьевна! Я ничего особеннаго противъ князя Льгова не имѣю и готовъ дать свое согласіе, бросить управленіе опекунское и уѣзжать изъ Крутойрскска. Но если вы найдете князя женихомъ неподходящимъ, то я тоже настаивать не стану и соглашусь съ вами. И мы будемъ ждать другого жениха.

— И всего бы лучше ждать! — жалостливо выговорилъ Ждановъ.—Право лучше... Неужто ужъ другого-то и нѣту? Вѣдь вотъ и вы, Сергѣй Сергѣевичъ, и вы Марьяна Игнатьевна, знаете, что есть другіе женихи... Знаете тоже и про кого я сказываю...

— Это все, любезный товарищъ, крутойрскія пересуды бабы. Ужъ если есть, такъ одинъ женихъ, а не два!..

И Мрацкій вскинулъ ехидные глаза на Щепину.

— Ужь если есть женихъ, такъ дѣйствительно одинъ... настоящий,—выговорила Щепина,—но не самый подходящій, не самый вѣроятный, потому что Нилочка за него не пойдетъ... Она лучше въ монастырь пойдетъ!

Мрацкій, умѣвший сдерживать себя, вдругъ задвигался на мѣстѣ, лицо его на мгновение исказилось отъ прилива гнѣва, и онъ выговорилъ, слегка поперхнувшись:

— Всѣ дѣвицы монастырями страшатъ, а ихъ скрути, прихлопни, да хоть за козла выдавай!

— Это, это не про Нилочку сказать! Таковое съ ней приключиться не можетъ,—глухо проговорила Щепина.—У Нилочки—я! А пока я жива, царапинки на ея пальчикѣ никто не причинить, а не только что прихлопывать да крутить.

— Да и никто и ни собирается, Марьяна Игнатьевна, успокойтесь!—разсмѣялся Мрацкій ехидно.—Полагать надо такъ, что у Нилочки столько жениховъ, что въ концѣ концовъ ни одного ни останется! Перегрызутся всѣ вокругъ нея, другъ друга пожрутъ—и останется она одна-одинёхонька.

Наступило молчаніе. Очевидно, все было сказано—и прямо, и намеками, и болѣе не о чемъ было рассуждать.

Первый прервалъ молчаніе Ждановъ.

— Такъ какъ-же-съ, чѣмъ порѣшили?

— Да, собственно говоря, ничѣмъ. Будетъ губернаторъ съ княземъ черезъ три-четыре дня, будутъ свататься. Я буду свое согласіе выражать. Вотъ Марьяна Игнатьевна свое несогласіе по одной причинѣ, а вы Петръ Ивановичъ, свое несогласіе—по другой причинѣ. И причины эти, коимъ подобной у меня нѣту, совершенно законныя: вамъ жаль опекунскаго мѣста и дѣваться некуда, а у Марьяны Игнатьевны, можетъ быть, другой какой женихъ на примѣтѣ. Такъ ли, иначе ли, а вы двое будете противъ меня одного,—ну, стало быть, князь и отѣдетъ во-свояси съ арбузомъ въ рукахъ.

X.

Вскорѣ яблоко раздора упало среди Крутоярска. Борьба началась. Черезъ четыре дня послѣ опекунскаго совѣщанія во всей усадьбѣ было волненіе и почти смятеніе среди всѣхъ ея обитателей. Обыденная жизнь Крутоярска, какъ и во всякой

глуши провинціи, шла настолько тихо, что малѣйшая новость или какое-либо маленькое приключеніе поднимали на ноги всѣхъ. А теперь въ усадьбѣ было цѣлое событіе.

Въ домѣ, въ комнатахъ, предназначаемыхъ для пріѣзжихъ гостей, остановились: отставной лейтенантъ корабельнаго флота Звѣревъ и губернаторскій родственникъ князь Льговъ.

Появленіе Звѣрева было нечаянностью. Прежній опекунъ, когда-то отставленный, благодаря клеветническому доносу, никогда не бывалъ съ тѣхъ поръ въ Крутоярскѣ. Теперь онъ явился въ тотъ же домъ, гдѣ когда-то былъ въ продолженіи двухъ лѣтъ главнымъ лицомъ и полнымъ хозяиномъ.

Оказалось, что губернаторъ, интересовавшійся судьбой своего родственника, предпочелъ вмѣсто себя послать своего хорошаго пріятеля—мѣстнаго помѣщика.

Добродушный человѣкъ, уже старый, коварно удаленный когда-то отъ опекунства, и не думалъ мстить новымъ опекунамъ. Но теперь, когда молодой человѣкъ, князь Льговъ, собрался предложить руку и сердце крутоярской царевнѣ, Звѣревъ, зная хорошо, что за человѣкъ Мрацкій, съ удовольствіемъ взялъ на себя роль свата и покровителя молодого князя.

И Звѣревъ, и князь явились въ качествѣ простыхъ гостей, заявивъ, что они заѣхали по дорогѣ на одинъ день. Такъ требовали приличія. Всѣ знали цѣль прібытія ихъ, но прямо высказывать это не считалось возможнымъ.

Переодѣвшись съ дороги, оба гостя отправились съ посѣщеніемъ въ лѣвое крыло дома, къ самому главному опекуну, и, просидѣвъ у него съ четверть часа, бесѣдовали обо всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ самой сути дѣла, по которому пріѣхали.

Затѣмъ они посѣтили Жданова и у него просидѣли нѣсколько больше, благодаря тому, что Ждановъ и Звѣревъ были, пожалуй, одного поля ягоды: одинъ во время оно, другой теперь—страстные охотники и оба—люди прямодушные и добрые.

Затѣмъ гости, спустя часъ, направились посѣтить помѣщицу крутоярскую.

Пріемъ гостей былъ совершенно официальный. Нилочка, одѣтая въ парадное платье, вышла въ итальянскую гостиную съ ея оригинальными окнами, съ золотисто-голубой мебелью, и сѣла подъ большой портретъ во весь ростъ покойной императрицы Елизаветы. Вмѣстѣ съ Нилочкой въ темномъ, тоже

парадномъ платьѣ вышла Марьяна Игнатьевна. За нею пять прежнихъ наставницъ, а нынѣ именовавшихся штатными барынями.

Нилочка сѣла на большой диванъ почти по его срединѣ. Марьяна Игнатьевна помѣстилась на креслѣ около дивана. За нею на простыхъ стульяхъ сѣли штатныя барыни. Всѣ были по лѣвую руку отъ барышни-помѣщицы. Направо нѣсколько большихъ креселъ остались свободными. Женщины довольно долго молча сидѣли въ ожиданіи опекуновъ и гостей. Наконецъ, послѣ почти двадцати минутъ ожиданія, всѣмъ имъ стало очевидно, что нѣчто должно было совершиться и поддержать визитъ пріѣзжихъ.

Нилочка переглянулась уже нѣсколько разъ съ своей старшей мамушкой, какъ бы спрашивая ее, что значить замедленіе. Наконецъ, раздался вдали, въ большой залѣ, звукъ шаговъ, затѣмъ снова все стихло и снова наступило гробовое молчаніе.

— Что жъ это, Маяня?—вымолвила Нилочка.

— Непонятно, да и неблагоприлично!—отозвалась сухо Марьяна Игнатьевна.

И, обернувшись къ одной изъ штатныхъ барынь, она прибавила:

— Лукерья Ивановна, дойди, голубушка, скажи Сергѣю Сергѣевичу—ждать намъ, или раздѣваться?

Но едва только самая старая изъ всѣхъ штатныхъ барынь двинулась съ своего стула, какъ въ залѣ раздался звукъ шаговъ нѣсколькихъ человѣкъ, а черезъ нѣсколько мгновеній въ дверяхъ изъ анненской гостиной въ итальянскую показался Звѣревъ и князь Льговъ, а за ними—оба опекуна.

Марьяна Игнатьевна зорко и быстро окинула пытливымъ взглядомъ всѣ четыре лица и подумала:

„Поспорили, должно, чуть не до драки!“

Дѣйствительно, всѣ лица, за исключеніемъ лишь Жданова, были какъ-то странно оживлены. Звѣревъ смотрѣлъ строго, но какъ добрый негодующій человѣкъ. Молодой князь имѣлъ нѣсколько озадаченный видъ. Мрачкій, вошедшій съ опущенными глазами, былъ бы любопытнѣе всѣхъ для всякаго человѣка, увидавшаго его въ первый разъ.

Въ инныя минуты Мрачкій былъ именно любопытенъ тѣмъ, что лицо его не имѣло, буквально, никакого выраженія. Оно ничего не говорило. Оно представлялось какъ бы подъ занавѣской или подъ густымъ вуалемъ. И только одни крутояр-

скіе обитатели знали по опыту, что когда у Сергѣя Сергѣевича лицо „деревянное“ или „мертвецкое“, то въ эти-то минуты его и опасайся.

Гости раскланялись и сѣли по правую руку отъ хозяйки, а около нихъ помѣстились и оба опекуна.

Звѣревъ заговорилъ первый, что заѣхалъ въ гости вмѣстѣ со своимъ юнымъ другомъ по дорогѣ въ Сызрань. Затѣмъ Звѣревъ напомнилъ Нилочкѣ, что давно, когда она была еще крошкой, онъ былъ ея опекуномъ.

— Я знаю, почти, могу сказать, помню, — отозвалась Нилочка.

— Ну, помнить-то врядъ вы можете, вамъ было тогда очень немного... годка четыре. А вотъ Марьяна Игнатьевна, конечно, меня не забыла.

Щепина улыбнулась и, не глядя ни на кого, отвѣтила:

— Еще бы не помнить! Мы съ вами, Тома Томичъ, дружно жили.

— Дружно, дружно,—быстро отозвался Звѣревъ и прибавилъ:—Спасибо вамъ за то, что вы мое имя и отчество не забыли.

И Звѣревъ заговорилъ съ Щепиной, спрашивая про разныхъ лицъ изъ крѣпостныхъ людей, которые въ тѣ времена были въ Крутоярскѣ. Оказалось, что многихъ изъ стариковъ уже не было на свѣтѣ.

Въ ту же самую минуту князь заговорилъ съ Нилочкой, спросивъ, давно ли она послѣдній разъ ѣздила за грибами въ лѣсъ. При первомъ же вопросѣ своемъ молодой князь такимъ проникательнымъ и въ то же время влюбленнымъ взоромъ посмотрѣлъ на Нилочку, что дѣвушка покраснѣла немного при первомъ же своемъ отвѣтѣ.

Князь, высокій и стройный молодой человекъ, былъ не столько красивъ собой, сколько пригожъ. Большіе, добрые, каріе глаза, небольшой, какъ-то добродушно вздернутый носъ, красивыя губы съ мягкой ласковой улыбкой и, наконецъ, привѣтливый вкрадчивый голосъ. Не смотря на свою гражданскую службу, князь носилъ мундиръ Измайловскаго полка, который, конечно, красилъ его.

И Нилочка, и князь оживленно разговорились о грибахъ, о томъ, что за лѣто было какъ-то особенно много мухоморовъ, о томъ, что опенки—грибы хорошіе, но скоро прискучиваютъ, оскомину набиваютъ.

На основаніи этого разговора молодые люди пришли къ убѣжденію, вполнѣ несомнѣнному и ясно выраженному съ обѣихъ сторонѣ, что они сильно нравятся другъ-другу и, конечно, оба готовы вѣнчаться хоть сейчасъ же.

Нилочка, видѣвшая князя уже не въ первый разъ, давно, въ долгіе скучные вечера, мечтала о князѣ, иногда видѣла его во снѣ. Это былъ единственный человѣкъ въ настоящее время, за котораго крутоярская царевна пошла бы замужъ, какъ говорится, съ руками и съ ногами.

Князь, первый разъ явившійся когда-то въ Крутоярскѣ, пріѣхалъ познакомиться съ богатой невѣстой, такъ какъ искалъ приданое, чтобы пристроиться. Но съ перваго же раза дѣвушка настолько понравилась ему, что онъ былъ бы способенъ жениться на ней, если бы у ней было и самое маленькое состояніе.

Побывавъ нѣсколько разъ послѣ того въ Крутоярскѣ, онъ не каждый разъ могъ видѣть Нилочку. Опекуны принимали его непріязненно, въ особенности, конечно, Мрацкій. Однако, за каждое свое посѣщеніе князь уѣзжалъ изъ Крутоярска подъ впечатлѣніемъ, что онъ нравится Кошевой.

Теперь въ одинъ мигъ, благодаря бесѣдѣ о мухоморахъ и опенкахъ, онъ вдругъ какъ-то особенно ясно увидалъ, что онъ не только нравится, а, пожалуй, и любимъ дѣвушкой.

Лицо князя Льгова сразу оживилось, стало еще привѣтливѣе и красивѣе. Онъ началъ красно говорить о Петербургѣ, куда недавно ѣздилъ, и сталъ доказывать Нилочкѣ, что ей бы слѣдовало тоже побывать на берегахъ Невы и даже въ качествѣ крупной русской помѣщицы-дворянки представиться Монархинѣ.

Князь вдругъ обернулся къ обоимъ опекунамъ и прибавилъ:

— Вотъ вамъ, господа опекатели и воспитатели, слѣдовало бы свозить Неонилу Аркадьевну въ обѣ столицы. Путешествіе было бы и высокопріятное, и назидательное.

— На умъ какъ-то не приходило!—выпалилъ наивно Ждановъ и при этомъ даже ротъ разинулъ, какъ бы самъ себѣ удивляясь.

— Юной дѣвицѣ-спротѣ не полагается по свѣту мыкаться зря!—сухо выговорилъ Мрацкій.

— Ради любопытства и самопросвѣщенія,—началъ было князь, но Мрацкій перебилъ его:

— Мы, опекуны, завѣдуемъ управленіемъ всѣхъ вотчинъ,

а что касается до воспитанія Неонила Аркадьевна, въ этомъ отвѣтственное лицо Марьяна Игнатьевна.

— Точно такъ-съ!—отозвалась Щепина.

— Я много разъ послѣдніе годы предлагала побывку и въ Москву, и въ Петербургъ, но Сергѣй Сергѣевичъ не нашелъ сего возможнымъ, ссылаясь на большіе расходы и недостатокъ казны въ Крутоярскѣ.

И тотчасъ же между Марьяной Игнатьевной и Мрацкимъ завязался разговоръ, состоящій изъ коротенькихъ фразъ, и каждая изъ нихъ была шпилькой для другого.

— Выйдетъ Неонила Аркадьевна замужъ и поѣдетъ, куда ей заблагоразсудится!—сказаль, наконецъ, Мрацкій, чтобы кончить пререканія. И онъ прибавилъ, улыбаясь и обращаясь къ Нилочкѣ:—Такъ ли я сказываю?

— Совершенно такъ, Сергѣй Сергѣевичъ!—отвѣтила дѣвушка, при чемъ лицо ея изъ веселаго и привѣтливаго стало сразу холодно и непріязненно.

Звѣревъ поднялся, за нимъ тотчасъ же князь и оба стали раскланиваться.

— Вы сегодня у насъ откушаете?—спросила дѣвушка.

— Какъ-же-съ... если позволите... мы предполагали...—выговорилъ Звѣревъ.

— Прошу сдѣлать мнѣ эту честь и прошу погостить въ Крутоярскѣ денька три-четыре.

Послѣ этихъ словъ Нилочки наступило сразу гробовое молчаніе въ гостиной. Всѣ до одинаго человѣка, мужчины и женщины, были поражены этими словами. Въ первый разъ опекаемая сирота выразила желаніе или свою волю, не спрося ни у кого, не предупредивъ тоже никого.

Отъ опекуновъ и мамушки до штатной барыни Лукерьи Ивановны—всѣ вытаращили глаза и устремили ихъ на царевну.

А царевна сидѣла спокойно, съ весело улыбающимся лицомъ, хотя съ легкимъ румянцемъ, заигравшимъ вдругъ на щекахъ. И, глядя въ лицо молодого князя, она какъ бы ждала прямого отвѣта.

— Если позволите... мы, конечно... Если на то ваше желаніе... началъ путать князь, почему-то тоже смутившійся,—быть можетъ, отъ мелькнувшей ярко надежды.

— Сдѣлаете намъ великое одолженіе,—вымолвила Нилочка.— Мы тутъ живемъ такъ тихо, что рады гостямъ. А вы, Ѳома Ѳомичъ, и князь—тоже, хотя и не званые гости, а самыя

для насъ дорогіе... Позвольте мнѣ просить васъ пробить въ Крутоярскѣ дня три-четыре и кушать ежедневно не у господъ опекуновъ моихъ, а у меня.

Звѣревъ и князь Льговъ поблагодарили, поклонились и двинулись изъ гостиной. Вслѣдъ за ними двинулись и опекуны. И Ждановъ на ходу нагнулся къ маленькому Мрацкому и шепнулъ ему на ухо:

— Вотъ такъ блинъ!

Мрацкій ничего не отвѣтилъ и бровью не двинулъ.

— А за блиномъ-то сейчасъ чистый понедѣльникъ!— снова шепнулъ Ждановъ и началъ смѣяться.

XI.

Когда гости вышли, Нилочка чинно поднялась съ большого дивана, какъ бы съ какого трона, и тихо двинулась, въ сопровожденіи мамушки и штатныхъ барынь, въ свои горницы. Однако, у дверей первой же ея горницы придворныя дамы крутоярской царевны откланялись и отправились къ себѣ.

Нилочка осталась у себя глазъ на глазъ съ мамушкой и, веселая, все еще румяная, бросилась вдругъ на шею къ Щепиной и начала ее цѣловать.

Лицо Марьяны Игнатьевны, уже нѣсколько мрачное еще въ гостиной, стало теперь темнѣе ночи.

— Что жъ ты, Маяня? Что ты такая?!—воскликнула дѣвушка.

— Ничего, золото мое...

— Какъ ничего? Посмотри лицо-то свое!.. Ты будто гнѣваешься, что я вдругъ такъ распорядилась по-хозяйски... стала приглашать гостей.

— Нѣту... Что ты?...

— Какъ—нѣту? Вижу... разсердилась... А за что же? Оба мои опекуна молчатъ, видно, что хотятъ выжить поскорѣй изъ дому и прежняго опекуна, и молодого князя. Да и ты молчишь... Нельзя же такъ... Невѣжество!..

— А знаешь ли ты, Нилочка, зачѣмъ они пріѣхали? Я тебѣ объ этомъ не сказывала..

— Точно, Маяня, не сказывала, но я знаю...

— Какъ?! Какимъ путемъ?!—воскликнула Щепина.—Кто посмѣлъ тебѣ мимо меня нашептывать?

Нилочка подпрыгнула раза два, какъ ребенокъ, потомъ от-

бѣжала, сѣла въ свое кресло около угольнаго окна, выходящаго въ садъ,—ея любимое мѣстопребываніе,—и вскрикнула смѣясь:

— Садись, Маяня, садись вотъ сюда!...

Щепина съ тревожнымъ лицомъ быстро подошла, опустилась на стулъ и пытливо впиалась глазами въ лицо дѣвушки. Она приняла ее на руки черезъ нѣсколько дней послѣ ея рожденія, знала почти семнадцать лѣтъ, а теперь не находила... Ея Нилочка исчезла!.. Передъ ней сидѣла какая-то другая дѣвушка, которая и смотреть, и говорить совершенно иначе.

— Что съ тобой? Христось съ тобой!—выговорила Марьяна Игнатьевна, глядя на питомицу и совершенно пораженная превращеніемъ, совершившимся на ея глазахъ въ нѣсколько мгновеній.

— Ничего со мной, Маяня... Рада я...

— Чему?..

— А тому, что князь пріѣхалъ, и тому, что свататься будетъ нынче, или завтра... Тома Томичъ за него говорить будетъ, а Сергѣй Сергѣевичъ отказывать будетъ, а Петръ Ивановичъ охать и жалиться будетъ, но тоже пѣтъ въ голосъ Сергѣю Сергѣевичу. А ты опасаться будешь, что и человекъ-то князь, можетъ, нехорошій, и буянъ, и столичный голово-рѣзь. Ну, и всякое такое...

— Ну, ну, ну?...—нетерпѣливо и съ тревогой въ голосѣ выговорила Щепина.

— Ну, что жъ... ничего!.. Всякій-то свое будетъ выводить...

— А ты-то, ты-то... сама что же?

— Я-то?.. Я подъ опекой... Я ничего не могу!.. Какъ онъ мнѣ ни приглянулся, какъ ни будь по душѣ,—что же я сдѣлать могу?.. Да.. одно я сдѣлать могу...

Нилочка протянула руку, положила на пальцы, стоявшія около ея кресла, точь въ точь такъ, какъ императрица Елизавета на своемъ портретѣ держитъ руку надъ скипетромъ, и выговорила, отдѣляя паузой слово отъ слова:

— Я... одно... могу... говорить.. Нѣтъ.. нѣтъ и нѣтъ!.. И... никогда... ни за кого... противъ воли... замужъ не пойду.. Годовъ князю немного, мнѣ и того меньше. Хоть и четыре года подождемъ до моего совершеннолѣтія...

— Какъ ты смѣешь такъ разсуждать?—вдругъ вскрикнула Марья Игнатьевна, измѣняясь въ лицѣ.

Нилочка вздрогнула. Взглядъ ея сразу сталъ тревожнымъ.

Она откинулась на спинку кресла и широко раскрытыми, почти испуганными глазами смотрѣла, не сморгнувъ, въ искаженное невѣдомымъ ей чувствомъ лицо своей второй матери.

— Съ какихъ поръ?.. Когда?.. Ничего не понимаю!..— выговорила Щепина, какъ бы сама себѣ.— Никишка-головорѣзь тебя испортилъ, что ли? Когда ты такъ разсуждала?! Опомнись!

Нилочка молчала мгновение, потомъ, не спуская глазъ съ мамушки, вымолвила взволнованно и недоумѣвая:

— Ничего и я не понимаю... Отчего ты такъ разсердилась? Что же я такое сказала? Развѣ прежде не ты во всемъ мое желаніе исполняла? Ты всегда спрашивала, какъ я хочу. А теперь вдругъ...

— Да вѣдь это въ пустякахъ было: ѣхать ли кататься, шить ли розовое или какое платье, приставить или отставить какую новую барыньку въ штать... А теперь о чемъ ты языкомъ болтаешь? Всю свою жизнь махомъ сама рѣшаешь!..

— Да, всю жизнь!.. Такъ вѣдь это важнѣе грибовъ и канья...

Марьяна Игнатьевна хотѣла что-то сказать, даже крикнуть, но слова замерли на губахъ ея. Она опустила глаза, потупилась и, очевидно, собиралась съ мыслями. Она была положительно поражена всѣмъ происшедшимъ.

Нилочка стала смотрѣть въ окно и тоже глубоко задумалась. И вдругъ она заговорила вслухъ, какъ бы не помня себя и не зная, что высказываетъ громко свою тайную мысль.

— Потому что тамъ что-то дѣется... Тамъ загорѣлось... И въ головѣ горитъ... Да, вездѣ, вездѣ!.. Я вся горю!.. Страшно всего, страшно всѣхъ... А вотъ онъ пришелъ, будто сталь около, а я будто за него спряталась... И изъ-за него никто въ мнѣ не страшны!.. Онъ мой приказчикъ и—что прикажетъ, то я и сдѣлаю. Чудно это, диковинно... Ничего, ничего нѣту.. никого нѣту... никого не боюсь!.. Да и чего бояться?.. Ну, убьютъ!.. А быть живу, да безъ него, это... еще хуже смерти!..

— Какъ ты смѣешь?! — хрипиво выговорила Щепина и разбудила дѣвушку отъ какого-то очарованнаго бреда.

Нилочка снова вздрогнула, обернулась на свою мамку и испугалась... За шестнадцать слишкомъ лѣтъ она не видѣла у своей второй матери такого лица. Марьяна Игнатьевна была

мертво-блѣдна, губы ея дрожали. Она хотѣла что-то выговорить и не могла.

— Маяня! Маяня!—воскликнула дѣвушка, вскочила и бросилась на шею къ мамушкѣ.

Но Марьяна Игнатьевна схватила обѣ худенькія ручки, ее обхватившія, и грубо стащила ихъ со своихъ плечъ. И Нилочка легко вскрикнула. Мамушка сдѣлала ей больно.

И прежде, чѣмъ дѣвушка опомнилась, Марьяна Игнатьевна, быстро поднявшись съ мѣста, вышла изъ горницы. Она не владела собой, выдавала себя съ головою благодаря тому, что забушевало въ груди ея. Ей единственное было спасеніе — скрыться съ глазъ питомицы.

Нилочка не побѣжала за мамушкой, какъ бывало всегда, съ ранняго ея дѣтства. Когда ея Маяня сердилась за что, за какую проказу, шалость или капризь, Нилочка кидалась за ней, ловила ее за подолъ, хватала за руки и просила прощенія, иногда со слезами, и отставала только тогда, когда добивалась примиренія и ласки.

Теперь же ей и на умъ не пришло бѣжать и схватиться за юбки мамушки. Ей будто кто-то сказалъ на ухо:

— Оставь, ты не виновата!

И Нилочкѣ вдругъ примерещилось, что будто у того, кто говорить, голосъ князя Льгова. Она тихо прошлась по комнатѣ, потомъ приблизилась къ окну, прислонилась лбомъ къ холодному стеклу, и слезы показались у нея на глазахъ.

Почему она заплакала, дѣвушка сама не знала... Ей хотѣлось плакать. Слезы эти были ей пріятны, доставляли ей наслажденіе. Но о мамушкѣ въ это мгновеніе она и не помышляла.

Усѣвшись снова черезъ мгновеніе въ свое кресло, Нилочка глубоко задумалась, понурилась и далеко умчалась горячими мыслями.

Скоро она была въ какомъ-то удивительномъ мѣстѣ, которое называлось столицею—Петербургомъ. Но она была не одна... Около нея, не покидая ее ни на мигъ, былъ князь Льговъ...

И въ этомъ удивительномъ городѣ, въ золотомъ дворцѣ, высокая, чуть не исполинъ, женщина въ коронѣ и порфирѣ величественнымъ голосомъ говоритъ Нилочкѣ:

— Коли ты этого хочешь, дитя мое, то я приказываю тебя вѣнчать. А Мрацкаго и Жданова прикажу сослать въ Сибирь!

XII.

Между тѣмъ въ эти же самыя минуты въ лѣвомъ крылѣ Крутоярскихъ палатъ, въ гостиной Мрацкаго, шло почти такое же бурное объясненіе между опекуномъ и гостемъ - сватомъ. Объясненіе это было почти продолженіемъ той непріятной бесѣды, которую они имѣли передъ тѣмъ, какъ явиться съ визитомъ къ помѣщицѣ. Собираясь итти въ итальянскую гостиную, Звѣревъ намекнулъ обоимъ опекунамъ о цѣли своего посѣщенія вмѣстѣ съ княземъ Льговымъ. Мрацкій рѣзко отвѣтилъ, что Неонила Аркадьевна Кошешая пока еще не невѣста, замужъ не собирается, а если бы и собиралась, то ее не выдадутъ по малолѣтству.

Звѣревъ въ присутствіи князя заявилъ, что Мрацкій не всѣ посланія къ нему графа Разумовскаго помнить и что не мѣшало бы ему снова всѣ предписанія гетмана разыскать и прочесть.

Мрацкій сильно измѣнился въ лицѣ при этомъ замѣчаніи Звѣрева, но не отвѣтилъ прямо, и нѣсколько минутъ между ними шель рѣзкій разговоръ о томъ, что опекаемая имъ помѣщица слишкомъ молода, чтобы думать о замужествѣ.

На этомъ стычка прекратилась на время, отсрочилась.

Теперь же лейтенантъ въ отставкѣ, старый, добродушный, но вдругъ оказавшійся упрямымъ и стойкимъ, явился продолжать съ Мрацкимъ ту же самую бесѣду, но уже прямѣе. Онъ кротко и ясно объяснилъ опекуну, что пріѣхалъ съ княземъ Льговымъ, чтобы сватать его.

При этомъ Звѣревъ счелъ долгомъ объяснить, что князь—завидный женихъ для всякой дѣвицы и, какъ бы Кошешая ни была богата, все-таки князь Льговъ ей пара. И болѣе пара, чѣмъ кто-либо другой въ предѣлахъ Самарской губерніи.

— Если и ходитъ молва о томъ,—заговорилъ Звѣревъ холодно,—что есть у Неонилы Аркадьевны женихи, то долженъ вамъ заявить, Сергѣй Сергѣевичъ, что эти женихи—срамота! Это шутовство одно!

Мрацкій, знавшій отлично, что Звѣревъ намекаетъ отчасти и на его собственнаго сына, не только вспылилъ, но даже остервенѣлъ. Всякій разъ, что это случалось, Мрацкій, привыкшій владѣть собой, терялся. Его собственныя силы, его умственное всеоружіе покидало его.

Ему чудилось самому въ эти минуты, что онъ становится даже глупъ. И онъ давалъ себѣ время успокоиться, чтобы начать бороться и искусно парировать удары врага.

Такъ случилось и теперь. Остервенѣлый Мрацкій молчалъ нѣсколько минутъ, но за эти минуты не могъ успокоиться, такъ какъ Звѣревъ просто, отчасти добродушно, но твердо объяснялъ Мрацкому; что никогда графъ гетманъ, интересующійся судьбой малороссіянки Кошевой, не допуститъ выдать ее замужъ за неподходящаго жениха, если бы даже она и сама того пожелала.

Молву, ходящую давно по Самарской губерніи, что богачку Кошевую хотятъ почти насильно выдать замужъ, дѣйствуя такъ изъ-за корыстолюбивыхъ цѣлей, онъ—Звѣревъ—якобы считаетъ праздною болтовней. Главный женихъ, измышленный для Кошевой,—„гороховое чучело“.

Эти два слова были произнесены Звѣревымъ отчетливо, съ разстановкой, и при этомъ онъ глядѣлъ прямо въ глаза Мрацкому. Глаза говорили:

— Гороховое чучело твой сынъ, Илья!

Мрацкій, успокоившійся было, снова остервенѣлъ и снова началъ молчать и только тяжело пыхтѣлъ. Его оскорбляла, главнымъ образомъ, смѣлость Звѣрева.

Отставленный, оклеветанный когда-то опекунъ мирно и тихо, не возражая, удалился въ свое маленькое имѣньишко и считался и Мрацкимъ, и многими другими за какую-то овцу, почти за дурака. И вдругъ этотъ же Звѣревъ явился въ Крутойарскъ сватомъ князя Льгова и говорить прямо въ глаза такія вещи, какъ если бы въ упоръ стрѣлялъ изъ пушки.

Наконецъ, Мрацкій, овладѣвъ собой, выговорилъ слегка все-таки дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— Очень вамъ мы благодарны за честь, но никогда Неонила Аркадьевна за князя не пойдетъ, а еслибы она сама и пожелала, то я этого не допущу.

— Ну, вотъ-съ, очень вамъ благодарны за сіе послѣднее объясненіе!—отозвался Звѣревъ, улыбаясь. — Благодаря вашему выраженію этому, мы можемъ объясниться короче и съ полной ясностью. Тому назадъ съ часъ я имѣлъ честь объяснить вамъ, что вы не всѣ указанія въ письмахъ графа Кирилла Григорьевича помните... Если же вы позабыли инныя указанія, то позвольте вамъ напомнить... Есть у васъ письмо отъ графа, полученное года съ два назадъ. Сказываю это на

основаніи словъ губернатора, коему все извѣстно. Въ письмѣ этомъ гетманъ пишетъ вамъ, что насильственно выдать Кошевую ни за кого онъ не дозволить, а если Неонила Аркадьевна соберется замужъ сама за какого-либо дворянина, то вамъ, опекателямъ ея, ничего не предпринимать, не только препятствовать, а немедленно его сіятельству отписать. Запоматовали вы это письмо гетмана?

— Никогда такого не было!—отозвался Мрацкій глухо.— Въ Самарѣ его болтуны вилами на водѣ писали...

— Извольте ошибаться, Сергѣй Сергѣевичъ... Такое письмо было! Впрочемъ, ваше запоматованіе не важно. Губернаторъ можетъ тотчасъ отписать обо всемъ графу по поводу сватовства князя Льгова, и все дѣло разъяснится.

— Ну, такъ и извольте дѣйствовать, какъ вамъ угодно!—выговорилъ Мрацкій, поднимаясь съ мѣста.— А пока позвольте васъ, въ качествѣ непріятнаго гостя, просить вмѣстѣ съ княземъ сдѣлать намъ честь или удовольствіе уѣзжать изъ Крутоярска до стола.

— И этого не могу, почтеннѣйшій Сергѣй Сергѣевичъ! Насъ пригласила помѣщица крутоярская, хозяйка въ домѣ. Если она не имѣетъ правъ распоряжаться своими вотчинами, то имѣетъ право приглашать къ своему столу, и это до ея опекуновъ не касается. Пригласила насъ Неонила Аркадьевна съ княземъ откушать у нея, и мы, хотя бы изъ одного благоприличія, обязаны.

— Но позвольте. Я васъ...—выговорилъ Мрацкій и, хотя запнулся и не кончилъ, но было ясно, что онъ хотѣлъ сказать: „выгону вонъ“.

— Никогда!—отозвался добродушно Звѣревъ, хотя лицо его измѣнилось.— Вы слишкомъ умный и осторожный человекъ, чтобы заводить срамоту. Вы одумаетесь и поймете, какъ посмотреть на этикія ваши дѣйствія графъ гетманъ. Ну-съ, вотъ и все! Честь имѣю снова просить васъ пересмотрѣть всѣ письма лица, власть имѣющаго и занятаго сердечно судьбою Неонилы Аркадьевны.

— Повторяю вамъ, такого письма гетмана никогда не бывало и нѣтъ!

— А я повторяю вамъ, что такое есть. Честь имѣю кланяться. Звѣревъ спокойно вышелъ отъ оалобленнаго опекуна и, пройдя въ верхній этажъ, гдѣ были горницы для гостей, засталъ князя Льгова въ волненіи.

— Ну, что?—вскочилъ этотъ къ нему навстрѣчу.

— Объяснился и сказалъ все...

— Озлился, небось? спросилъ князь.

— Вѣстимо. Да намъ-то что же... Мы уѣдемъ, но прежде все-таки свое дѣло обдѣлаемъ. Сейчасъ за работу...

Звѣревъ сѣлъ къ столу и, очинивъ себѣ новое перо, сталъ писать большое письмо, скрипя по бумагѣ.

Князь сѣлъ въ глубинѣ горницы и задумался.

Онъ опасался еще вчера неудачи въ своемъ предложеніи, не зная, какъ относится Крутоярская царица къ нему лично. Сегодня въ одинъ мигъ онъ сердцемъ почувалъ, что сирота дѣвушка очень благосклонна къ нему. Стало быть, помѣха только въ опекунахъ, не желающихъ выпускать изъ рукъ: одинъ—теплаго мѣстечка, а другой—и болѣе того, всего состоянія опекаемой, которую прочитъ за своего остолопа-сына.

За князя Льгова была его изящная внѣшность, его имя и титулъ, наконецъ, его родственникъ—мѣстный губернаторъ. Всѣ удачи были на его сторонѣ. Противъ него была дерзость Мрацкаго и его предприимчивость, неразбирающая средствъ, а затѣмъ робкая природа запуганной сироты.

— Но робка ли она настолько, чтобы поддаться имъ? Запугана ли она ими совсѣмъ?—спрашивалъ себя князь.

И, вспоминая ея взглядъ, когда она бесѣдовала съ нимъ, онъ невольно рѣшалъ:

— Темна! Богъ ее знаетъ... А вѣдь все въ ней. Скажи слово—и я могу похитить ее, обвинчаться въ Самарѣ... А тамъ не развѣнчаютъ никакіе опекуны.

XIII.

Въ три часа, нѣсколько позже обыкновеннаго, опекуны и гости появились снова въ парадныхъ апартаментсахъ. Въ одной изъ двухъ большихъ залъ былъ накрытъ столъ.

Разумѣется къ обѣду были приглашены и другія лица: двѣ штатныя барыни, двое нахлѣбниковъ изъ дворянъ, Анна Павловна Мрацкая, ея сынъ Илья и двѣ старшія дочери. Изъ всѣхъ главныхъ обитателей Крутоярска отсутствовалъ только Никифоръ Неплюевъ, вдругъ отлучившійся въ Самару.

Обѣдъ прошелъ угрюмо. Бесѣда не клеилась. Всѣ были возбуждены и враждебно настроены. Казалось, что за столѣмъ сидѣли не только два, а нѣсколько враждебныхъ лагерей.

И, дѣйствительно, въ желаніяхъ и интересахъ присутствующихъ была полная разногласица. Если бы не молодой князь, весь обѣдъ разговаривавшій по-очередно со всѣми и много-разказывавшій о столицахъ, то обѣдъ могъ пройти при полномъ молчаніи.

Не только Мрацкій, но и Щепина не давали даже себѣ труда скрывать свое неудовольствіе и равно открыто непріязненно смотрѣли на двухъ незваныхъ гостей.

Послѣ стола всѣ перешли въ сосѣднюю Анненскую гостиную, прозванную такъ вслѣдствіе того, что въ ней мебель и шпалеры были подъ цвѣтъ орденской ленты св. Анны. Приглашенные занялись поданными сластями, вареньемъ, смоквами и наливками.

Звѣревъ подсѣлъ къ Нилочкѣ и сталъ тотчасъ же просить ее показать свои работы, рукодѣлія, а затѣмъ, сказавъ, что онъ много слышалъ объ ея способностяхъ къ рисованію, сталъ просить показать ему и князю всѣ ея рисунки карандашемъ и пастелью.

Нилочка долго отказывалась, но на помощь къ Звѣреву явился князь и сталъ настолько убѣдительно и настойчиво просить Нилочку показать рисунки, что дѣвушка рѣшилась и велѣла ихъ принести. Ихъ оказался цѣлый большой портфель. Рисунковъ хорошихъ было довольно мало, но гости, конечно, расхвалили всѣ до небесъ.

Нилочка сначала не поняла, зачѣмъ собственно и Звѣревъ, и князь такъ настойчиво пристали со своей просьбой, но затѣмъ, когда Звѣревъ снова сталъ складывать всѣ рисунки въ портфель на глазахъ у Нилочки, она сразу поняла все и вспыхнула.

Звѣревъ украдкой ото всѣхъ присутствующихъ ловко вынулъ изъ бокового кармана сложенный листъ бумаги и, многозначительно глядя ей въ глаза, вложилъ его среди рисунковъ. Завязавъ и передавая все дѣвушкѣ, онъ тихо выговорилъ:

— Прочтите... Важно!..

Звѣревъ сдѣлалъ все настолько искусно, что никто ничего не замѣтилъ. Даже Марьяна Игнатьевна, не спускавшая глазъ ни съ князя, ни съ прежняго опекуна, не замѣтила ни вложенной бумаги, ни роковыхъ двухъ словъ.

Просидѣвъ часа два, не смотря на то, что бесѣда тоже не клеилась, гости стали откланиваться. Звѣревъ заявилъ отъ себя и отъ имени князя Льгова, что, не смотря на любезное приглашеніе хозяйки, они должны въ тотъ же вечеръ выѣз-

жать изъ Крутоярска, такъ какъ дѣла, не терпящія отлагательства, ждутъ ихъ въ Сызрани.

Нилочка насупилась и не отвѣтила ничего, но затѣмъ взглянула на князя. И взглядъ ея сказалъ слишкомъ многое не только молодому человѣку, но и всѣмъ присутствующимъ. Этотъ быстрый взглядъ дѣвушки какъ-будто говорилъ:

— Что жъ? Все равно!.. Все-таки никакой перемѣны не будетъ. Мы нѣчто знаемъ, и все въ нашихъ рукахъ.

Послѣ этого молчаливаго, но краснорѣчиваго отвѣта и Мрацкій, и Марьяна Игнатьевна, одинаково пораженные, стали замѣтно смущены.

Черезъ часъ послѣ этого въ трехъ разныхъ горницахъ большого крутоярскаго дома происходило нѣчто особенное, чего никогда не бывало. Нилочка чуть не въ первый разъ въ жизни заперлась у себя въ спальнѣ на ключъ и, когда кто-то постучался въ дверь, отвѣчала кратко:

— Нельзя!

И даже не спросила, кто стучитъ.

Она сидѣла съ письмомъ Звѣрева на четырехъ страницахъ. Бывшій опекунъ подробно объяснилъ молодой дѣвушкѣ, что онъ пріѣхалъ съ молодымъ княземъ сватать его, что князь давно любитъ ее и проситъ ея руки. Ожидая отпора со стороны Мрацкаго, онъ нисколько имъ не удивленъ, но считаетъ долгомъ объяснить молодой дѣвушкѣ то, что, конечно, ей совершенно неизвѣстно.

И Звѣревъ повторилъ тутъ то же, что сказалъ самому Мрацкому, — доводилъ до свѣдѣнія Нилочки, что она, на основаніи приказанія графа Разумовскаго, можетъ вполнѣ располагать своей рукой и, въ случаѣ упорства опекуновъ или кого-либо другого, можетъ прямо написать гетману нѣчто вродѣ жалобы. Доставить письмо въ Петербургъ въ собственныя руки графа Кирилла Григорьевича брался, конечно, самъ князь Льговъ.

Молодая дѣвушка была настолько поражена письмомъ Звѣрева, что долго не могла вполнѣ прійти въ себя. Ей казалось, что тяжелый гнетъ сразу свалился съ ея плечь..

Въ тѣ же самыя минуты въ кабинетѣ Мрацкаго, куда онъ никогда никого не допускалъ, кромѣ жены и старшаго камердинера для уборки горницъ, сидѣла никто иная, какъ злѣйшій врагъ его — Марьяна Игнатьевна.

Болѣ десяти лѣтъ прожили они вмѣстѣ въ Крутоярскомъ домѣ и ненавидѣли другъ друга и никогда не повѣрили бы,

что придетъ день—и они сойдутся такъ, какъ теперь, и будутъ бесѣдовать такъ, какъ бесѣдуютъ теперь. Они глазамъ не вѣрили, что сидятъ другъ противъ друга и говорятъ такія вещи, что готовы не вѣрить собственнымъ ушамъ.

Общая опасность сразу, какъ по мановенію жезла волшебника, сблизила двухъ враговъ. Когда они сидѣли за столомъ, то думали одну думу:

„Надо избавиться отъ князя, а тамъ дальше видно будетъ“...

Марьяна Игнатьевна никогда не боялась замужества Нилочки за Илью Мрацкаго, такъ какъ знала, что некрасивый и глупый Илья почти противень дѣвущкѣ; поэтому и не боялась всѣхъ ухищреній его отца. И вдругъ теперь явился гораздо болѣе опасный претендентъ. Но это бы еще ничего.

Главное, что поразило Щепину, было нѣчто вдругъ проснувшееся въ ея питомицѣ. Марьяна Игнатьевна, какъ умная женщина, поняла сразу, въ чемъ дѣло. Нилочка полюбила въ первый разъ въ жизни и вмѣстѣ съ любовью возникла въ ней или проснулась гдѣ-то таившаяся воля.

Марьяна Игнатьевна, послѣ краткой и бурной сцены со своей питомицей, почти потеряла голову. Она была въ такомъ положеніи, какъ если бы Нилочка одѣвалась уже подъ вѣнецъ и собиралась вѣнчаться съ княземъ Льговымъ.

Поискавъ мысленно исхода и спасенія, Марьяна Игнатьевна ничего ни нашла. Только одно было подъ рукой: итти, бѣжать къ заклятому врагу Мрацкому, протянуть ему руку и начать борьбу вмѣстѣ съ нимъ противъ общаго врага.

И сидя за столомъ, Щепина рѣшилась въ тотъ же день безотлагательно объясниться съ опекуномъ. Мрацкій, сидя за тѣмъ же столомъ, думалъ почти то же.

Онъ былъ глубоко увѣренъ, что Марьяна Игнатьевна имѣеть громадное вліяніе на Нилочку.

Онъ не могъ и предположить возможности того разговора, который былъ въ этотъ день между мамушкой и питомицей;— слѣдовательно, спасеніе было въ той власти, которую съумѣла захватить мамушка надъ своей питомицей.

„Надобно вмѣстѣ отдѣлаться отъ князя Льгова, а потомъ видно будетъ!“—думалъ и рѣшилъ Мрацкій.

Когда Марьяна Игнатьевна послала сказать Мрацкому, что желаетъ тотчасъ же быть у него, опекунъ неслыханно обрадовался. Едва только женщина вошла къ нему, какъ они усѣ-

лись, и оба, кисло-сладко ухмыляясь, заговорили прямо, пристуили къ дѣлу безъ обиняковъ.

Однако, послѣ нѣсколькихъ же сказанныхъ словъ, ясно стало, что помирившіеся враги ошиблись другъ въ другѣ. Марьяна Игнатьевна пришла просить помощи опекуна, а опекунъ находилъ только одно средство спасенія въ томъ вліяніи, которое мамушка имѣетъ надъ питомицей.

— Вы можете, какъ опекунъ, прямо воспротивиться и не дозволить ей и помышлять объ этомъ князѣ,—заявила Марьяна Игнатьевна.

— Нѣтъ-съ, не могу...

— Стало быть, не хотите?!

— Нѣтъ-съ, очень хочу, но не могу! Никакого не имѣю права препятствовать, если за кого-либо соберется Нилочка замужъ.

И когда Марьяна Игнатьевна заявила, что даже не понимаетъ, что хочетъ сказать Мрацкій, то онъ раздражительно и озлобленно объяснилъ, что имѣетъ прямое приказаніе графа гетмана не препятствовать ни въ чемъ молодой дѣвушкѣ при выборѣ супруга, а только доложить объ этомъ тотчасъ же.

Марьяна Игнатьевна была поражена открытіемъ. Она, конечно, и не подозрѣвала никогда о такомъ распоряженіи графа Разумовскаго.

— Слѣдовательно, Марьяна Игнатьевна, вся сила въ васъ! Вы видите, что я ничего не могу сдѣлать. Вы одна, пользуясь дочерней любовью и уваженіемъ Нилочки, можете все сдѣлать. Вы можете, любя, оставовить ее, не допустить подобнаго брака. Я же ничего не могу...

Марьяна Игнатьевна хотѣла сознаться въ томъ, что въ нынѣшній же роковой день она сдѣлала невѣроятное открытіе, но не рѣшилась и промолчала.

— Поймите,—продолжалъ Мрацкій,—что если мы избавимся отъ этого князька, то у Нилочки останется два жениха и изъ нихъ-то двухъ она и выберетъ кого-нибудь: мой сынъ и вашъ сынъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, она предпочтетъ вашего Бориса, такъ какъ мой Илья, на бѣду мою, остолопъ.

Послѣднее слово Мрацкій выговорилъ съ горечью и отчаяніемъ. Ничего подобнаго никогда никто отъ него не слыхалъ. Марьяна Игнатьевна удивленно взглянула на него.

— Да, не удивляйтесь... Въ такую минуту подошло! Да, прямо бухнулъ... Остолопъ! Дикобразъ! Тюфякъ! Уродись онъ

въ меня,—иное бы дѣло было. А гдѣ же ему съ его рыломъ спорить съ вашимъ Борисомъ? Стало быть, Марьяна Игнатьевна, намъ судьба велить подружиться послѣ долгаго враждованія, и я вамъ здѣсь же, сейчасъ же даю мое дворянское слово во всемъ вамъ помогать. Приѣдетъ вотъ вашъ сынокъ, соберется за него замужъ Нилочка,—я не только дѣломъ, но и словомъ препятствовать не стану, а сейчасъ же отпишу графу Кириллу Григорьевичу о томъ, на кого палъ выборъ опекаемой мною дѣвицы. Разумѣется, Марьяна Игнатьевна, за это я попрошу съ васъ маленькое вознагражденіе и теперь же его скажу. Вы дадите мнѣ подписку и божбу, что, послѣ вѣнчанія, когда я удалюсь отсюда отъ всѣхъ опекунскихъ дѣлъ, то мой Илья получить въ подарокъ отъ вашей питомицы какую-нибудь вотчину. При ея состояніи одна вотчина—плевое дѣло. Идетъ ли у насъ такой уговоръ?

Марья Игнатьевна, сильно волнуясь, собиралась что-то сказать и не могла. Наконецъ, она пересилила себя.

— Я, право, Сергій Сергѣевичъ, никогда такъ не думала. Мой Боринька съ дѣтства былъ съ Нилочкой... Онъ ей братъ родной, а не женихъ.

— Знаемъ, знаемъ! Все это я часто вамъ сказывалъ и этимъ вамъ досаждалъ, шпильки подпускалъ этимъ роднымъ братомъ! Знаю... Бросимте все это... Не до того теперь! Никакого тутъ родного брата нѣту, никакихъ родственныхъ чувствъ такихъ, чтобы помѣшали браку, нѣту. Захотите вы, живо всё повернется по вашему желанію. Знала она вашего Бориса мальчуганомъ, а вѣдь теперь приѣдетъ капраль, молодецъ, въ мундирѣ. Да и подбучить вы его можете, да и, наконецъ... эхъ, Марьяна Игнатьевна, будь я—вы, такъ у меня бы Нилочка черезъ двѣ недѣли была супругою Бориса Щепина.

И Мрацкій такъ странно глянулъ своими крошечными и лукаво-злыми глазами въ глаза Щепиной, что пожилая женщина вспыхнула и зарумянилась, какъ молодая дѣвушка.

— Да-съ! Да-съ! Всякія средства есть для умныхъ людей! Будь я мамушка Нилочки, да будь у меня сынъ такой, я бы ихъ противъ воли женилъ. Такъ бы дѣло повелъ, что въ этомъ бы все спасеніе было.

Послѣ этого объясненія наступила пауза. Обоимъ прежнимъ врагамъ, которые теперь примирились, продолжая, конечно, ненавидѣть другъ друга, показалось, что они зашли слишкомъ далеко, хватили черезъ край, слишкомъ высказались и дали

каждый, въ свою очередь, слишкомъ опасное для себя оружіе въ руки другого.

Они разстались молча, ничего не объщая другъ другу и какъ бы говоря своими угрюмыми лицами:

— Увидимъ—подумаемъ! Что будетъ—невѣдомо... Что-нибудь рѣшимъ!

XIV.

Въ эти же минуты въ правомъ крылѣ, въ небольшой горницѣ, сидѣлъ и быстро, слѣша, объдалъ только что пріѣхавшій изъ Самары пріемышъ опекуна Жданова.

Молодой человѣкъ, двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, на видъ, казалось, былъ гораздо старше. Ему можно было дать и всѣ тридцать. Смуглое угрюмо-красивое лицо носило слѣды какой-то усталости. Казалось, что жизнь этого человѣка прошла въ постоянныхъ серьезныхъ заботахъ, но выраженіе это было обманомъ.

Никифоръ Неплюевъ, напротивъ, провелъ свою жизнь въ постоянныхъ буянствахъ, кутежахъ и всякихъ дикихъ затѣяхъ. Неплюевъ по фамиліи, благодаря просто противозаконно купленнымъ документамъ, былъ настоящій породистый крымскій татаринъ.

Лицо отличалось рѣзкими чертами, было крайне переменчиво, часто бывало чрезвычайно красивымъ и часто бывало крайне неказистымъ. Большіе черные глаза съ густыми черными бровями и длинными рѣсницами красили его, но нѣсколько большой носъ съ горбомъ и какъ бы вѣчно поджатая губы портили лицо.

Когда Никифоръ весело болталъ, рассказывалъ что-нибудь, вообще оживляясь, лицо его казалось иногда добродушно-веселымъ. Въ минуты молчанія и задумчивости оно становилось почти злое.

Въ дѣйствительности молодой человѣкъ былъ загадкой и себѣ, и другимъ. Въ душѣ онъ былъ не злой малый, а часто съ увлеченіемъ доходилъ до крайне дурныхъ поступковъ. Изъ него могъ понемножку выйти то, что называется „лиходѣй“.

Иногда и на словахъ, и на дѣлѣ Никифоръ былъ добродушенъ, мягокъ и сердеченъ, но случалось это — и то, и другое — какъ-то зря. Онъ не раскаивался въ совершенномъ зломъ дѣлѣ и часто презрительно относился къ совершенному имъ добродушію.

Вдобавокъ у молодого малаго было въ душѣ большое мѣсто. Онъ тяготился и былъ подчасъ даже несчастливъ тѣмъ, что онъ не русскій дворянинъ, а татаринъ по матери, что всякій можетъ этимъ упрекнуть его.

Никифоръ только что вернулся изъ Самары, куда его послалъ названный отецъ—Ждановъ. Порученіе, ему данное, казалось того же ожидавшагося сватовства князя.

Никифоръ долженъ былъ разузнать въ Самарѣ все, что только было возможно о князѣ, его образѣ жизни, а затѣмъ выискать такое лицо, хотя бы чиновника, подьячаго, черезъ которое Ждановъ могъ бы войти въ тайное соглашеніе съ молодымъ княземъ ради личной выгоды.

Ждановъ хотѣлъ заручиться; ему пришло на умъ, что онъ могъ бы, помогая теперь жениху Кошевой, современемъ сдѣлаться другомъ князя Льгова и его жены и удержать за собой даровое существованіе въ Крутоярскѣ, разумѣется, не въ качествѣ опекуна, а въ качествѣ простого нахлѣбника.

Никифоръ съѣздилъ въ Самару, кое-что узналъ и даже пріискалъ подьячаго, черезъ котораго его отецъ могъ войти въ переговоры съ княземъ. Тотчасъ по возвращеніи Никифоръ сдѣлалъ свой докладъ Петру Ивановичу, а затѣмъ, усѣвшись обѣдать, послалъ мальчишку, прислуживавшаго ему, попросить къ себѣ въ гости пріятеля Илью Мрацкаго.

Никифоръ и Илья вмѣстѣ росли болѣе десяти лѣтъ въ крутоярскомъ домѣ и называли другъ друга пріятелями, но въ дѣйствительности никогда никакой пріязни между ними не было и быть не могло.

Это были два молодыхъ человѣка почти однихъ лѣтъ, но совершенно разнаго поля ягоды. Насколько Никифоръ былъ смысленъ, если не уменъ, лукавъ и дерзокъ, — настолько Илья Мрацкій простоватъ, глупо-прямодушенъ и робокъ.

Никифоръ жилъ и воспитывался на полной свободѣ, которую давалъ ему человѣкъ, любившій его. Илья, напротивъ, всю жизнь прожилъ подъ гнетомъ тяжелой руки отца. Многіе дурные задатки въ Никифорѣ развились благодаря поблажкѣ отца. Многія хорошія стороны характера Ильи были заглушены вѣчной боязнью и вѣчнымъ опасеніемъ наказанія.

Если бы такіе двое людей познакомились между собой въ городѣ, то, вѣроятно, тотчасъ бы прекратили знакомство. Илья побоялся бы имѣть такого пріятеля, какъ Неплюевъ, а Ники-

форъ, съ своей стороны, отнесся бы съ презрѣніемъ къ такому лупоглазому тюфяку, какимъ былъ Мрацкій-сынъ.

Дѣтство и юношество, проведенныя въ одномъ домѣ, сблизили ихъ, но на особый ладъ. Никифоръ покровительственно относился къ Ильѣ, а Илья, боясь отца и не довѣряя глупой матери, несъ всѣ свои задушевные мысли къ другу Никифору и передъ нимъ исповѣдывался въ своихъ заурядныхъ и мелкихъ тайнахъ и мечтахъ.

Прождавъ теперь съ полчаса Мрацкаго, Никифоръ нетерпѣливо поднялся, крикнулъ снова мальчугана Алешку и снова послалъ за Ильей.

— Скажи Ильѣ Сергѣвичу, чтобы онъ шелъ сію минуту! Слышишь, чтобы сію минуту на рыскахъ сюда былъ!

И Никифоръ нетерпѣливо топнулъ ногой.

Черезъ нѣсколько минутъ въ горницѣ, дѣйствительно, чуть не на рыскахъ появился плотный и толстолицый Илья.

— Что ты?.. Что!..—почти пугливо произнесъ онъ.—Аль случилось что?!

— Какого чорта случилось! А тебя, чорта, не добьешься... Гдѣ ты застрялъ?

— Съ матушкой объясненіе имѣлъ...

— О чемъ еще?

— Да вотъ, о князѣ... Вѣдь сватается!

— Знаю... Да вамъ-то двоимъ—тебѣ-дураку и ей-дурѣ, о чемъ было толковать?.. Предоставьте Сергѣю Сергѣвичу вѣдать все, а то, вишь ты, два болвана сошлись вмѣстѣ, туда же—толкують!

— Матушка мнѣ, Никиша, сказывала все. Она мнѣ наказывала, какъ мнѣ себя теперь вести... насчетъ, то-есть, Нилочки... Все это подробно мнѣ разъясняла. Во-первыхъ, говорить, я долженъ...

— Ахъ, скажи на милость! Онъ еще будетъ мнѣ свою дичь выкладывать! Замолчи, чертова перечница! Стану я слушать, что тебѣ Анна Павловна наказывала!.. Ты лучше послушай, что я тебѣ скажу... Боишься ты очень своего тятеньки? Ну, отвѣчай же. Да встряхнись!—прибавилъ Никифоръ, подражая Мрацкому, такъ какъ часто слыхалъ, какъ тотъ при постороннихъ лицахъ говорилъ это слово женѣ.—Ну, очень боишься?..

— Вѣстимо, боюсь!

— Пойдешь ты говорить съ батькой о важнѣющемъ дѣлѣ...

такъ очертя голову, перекрестившись, была не была?.. Пойдешь, что ли?

— Не знаю...

— Ну, слушай... Какъ ты хочешь, хоть помирай отъ страху, а ступай ты къ батькѣ своему и скажи ему такъ... Да ты не развѣшивай уши! Слушай! Въ одно глухое ухо впускай, а другое заткни пальцемъ, чтобы у тебя, что я скажу, въ пустой головѣ хоть до завтрага бы пробыло. Ступай къ батькѣ и скажи: Никифоръ, молю, говорить, напрасно вы имъ пренебрегаете... Взяли бы вы его къ себѣ, на всякое онъ дѣло человѣкъ способный. Никифоръ говорить, что возьмется хлопотать и дѣйствовать... И такъ ли, сякъ ли, а Неонила Аркадьевна выйдетъ добровольно замужъ за дурака Илью Мрацкаго. Запомнишь?

Илья глупо разсмѣялся, широко раскрывъ ротъ.

— Полно! Закрой глотку-то! Понялъ ли ты?

— Понялъ, Никиша. Что жъ, этакое я не боюсь итти говорить...

— Ну, и слава тебѣ, Господи!.. Что же ты скажешь, повтори!

— А пойду скажу: такъ и такъ, Никифоръ берется Нилочку за меня замужъ выдать...

— Ну, что жъ, пожалуй, хоть и такъ! Да чего ты, дуракъ, не скажешь, то твой отецъ самъ пойметъ. Вотъ голова, не чета этой!..

И Никифоръ началъ стучать Илью пальцемъ по лбу.

— Ты скажи: Никифоръ сказываетъ, такое надумаль удивительное приключеніе, такую выискалъ веревочку, какою никакой чортъ никогда никого не перепутывалъ. Такая веревочка ахтительная, такъ я всѣхъ ею перепутаю по ногамъ, что ли, что всѣ у меня кувыркаться начнутъ! А пока всѣ будутъ кувыркаться, дѣло Илюшки Мрацкаго наладится: кто подохнетъ, кто безъ вѣсти пропадетъ, кто ума рѣшится. А тѣмъ временемъ Илюшка Мрацкій съ Неонилкой Кошевой обвѣнчается. А достопочтеннѣйшій Сергѣй Сергѣевичъ все состояніе Крутойарской царевны въ руки заберетъ, потому собственно, что, надо полагать, онъ своего Илью и женатаго вмѣстѣ съ невѣсткой будетъ кнутомъ стегать до послѣдняго своего издыханія и такъ, гляди, всѣ дѣла устроить, что самъ у собственнаго своего сына или у внучатъ единственнымъ прямымъ наслѣдникомъ всего состоянія окажется... Такъ понялъ ты, что я говорю?

— Понялъ, понялъ!.. Да какъ же это ты, Никиша, сдѣлаешь?

— Вотъ дуракъ-то! Вообразилъ, что я ему сейчасъ все объяснять стану! Да, если бы я и сталъ объяснять, такъ ты не поймешь ничего, оловянная голова!.. Ну, когда же ты къ отцу пойдешь?

— Когда желаешь.

— Ну, завтра рано утромъ ступай. Сегодня, какъ я смекаю, у него и на душѣ, и въ разумѣ все перетолчено... Ужъ очень, говорятъ, нонѣшній день крутъ вышелъ! Ну, вотъ завтра утромъ и ступай. Коли что заспишь, приходи рано утромъ я тебѣ опять повторю, да прямо отъ себя свѣжеиспеченнаго и направлю къ Сергѣю Сергѣвичу. Да, впрочемъ, немудрено. Затверди одно: Никифоръ берется меня, дурака, на Нилочкѣ женить, если вы только его къ себѣ приблизите и съ нимъ въ совѣтъ и въ уговоръ пойдете. Ну, вотъ теперь ступай! А я утомился отъ батькиныхъ порученій въ Самарѣ—спать лягу.

Илья съ глупымъ недоумѣнiемъ на лицѣ ушелъ отъ прiятеля, а Никифоръ, дождавшись, пока шаги прiятеля замолкли въ сосѣднихъ горницахъ, надѣлъ шапку, открылъ окно, которое было аршина на четыре отъ земли, и оглядѣлся въ полумракѣ. Прямо подъ стѣнами лѣваго флигеля начиналась чаща кустовъ сирени и акаци.

Никифоръ прошелъ въ сосѣднюю горницу, крикнулъ Алешку и приказалъ:

— Кто ни спросить,—батюшка, или кто другой,—скажи, уморился, спать легъ и ни за что себя будить не приказалъ. Разбудятъ — драться учну! И такъ до завтрашняго утра не смѣй ты тутъ шумѣть, а всего лучше уходи куда!

— Слушаю-съ!—пискливо отвѣтилъ мальчуганъ, привыкшiй ежедневно получать здоровыя колотушки отъ молодого барина.

Никифоръ вернулся въ свою горницу и заперся на ключъ, а затѣмъ снова отворилъ окно, перемахнулъ черезъ подоконникъ и привычнымъ ловкимъ прыжкомъ очутился на землѣ среди кустовъ сирени.

Здѣсь досталъ онъ длинный шестъ и имъ притворилъ рамы окна. Затѣмъ онъ припустился скорымъ шагомъ, а то и рысцой къ селу. Миновавъ двѣ, три избы, онъ приблизился къ околицѣ, перелѣзъ плетень и, пройдя дворъ, вошелъ въ избу.

— Степань!—крикнулъ онъ громко.

Чей-то голосъ отозвался, и крестьянинъ низенькаго роста отворилъ дверь.

— Аксютка?—выговорилъ Никифоръ.

— Нѣту...

— Какъ нѣту?!—вскрикнулъ Никифоръ.

— Ее взяли.

— Куда?

— Обратно во дворъ.

— Что ты врешь?

— Ей Богу, взяли! И больше на огородахъ ставить не приказано... И мало что говорятъ! Диковина какая-то! Приходилъ мой мальчугашка, сказываетъ, прямо къ Аннѣ Павловнѣ провели. Сказывали что-то такое удивительное, да я не понялъ... Платья, что ли, ей новыя шить будутъ... ну, наряжать, стало быть...

— Что-о?!—протянулъ Никифоръ.

И онъ вдругъ, совершенно безсознательно, ухватилъ крестьянина за воротъ кафтана.

— Чуръ, баринъ! Я-то при чемъ же? Что вы!—ахнулъ крестьянинъ.

Никифоръ выпустилъ изъ руки воротъ мужика и стоялъ передъ нимъ нѣсколько мгновений, молча и тяжело сопя.

— Чьи же это турусы?—выговорилъ онъ; наконецъ.— Кто же это? Тотъ же Сережка Мрацкій! Больше никто! И вотъ ужъ хоть тресни, а ничего не разберешь! Вѣдь ее на скотный дворъ собирались поставить?

— Такъ точно! Такъ сказывали... А теперь вонъ наряжать хотять... Что жъ, слава Богу! Дѣвка сердобольная, жалостливая... Слава Богу!

— Тебѣ, чортъ, слава Богу, а мнѣ-то совѣмъ не за что славословить.

Никифоръ повернулся и медленно пошелъ изъ избы, но вдругъ остановился, обернулся и выговорилъ грозно:

— Да ты, можетъ, врешь все?!

— Что вы! Господь съ вами! Зачѣмъ мнѣ врать! Да вы идите въ палаты-то, да и справьтесь.

— Это я и безъ тебя знаю...

Черезъ четверть часа Никифоръ былъ въ домѣ, на второмъ этажѣ центрального корпуса, гдѣ жили всѣ штатныя

барыни и всѣ нахлѣбники, и сидѣлъ въ гостяхъ у Лукерыи Ивановны.

То, что было нужно ему, онъ узналъ сразу. Дворовая дѣвка—первая красавица въ Крутоярскѣ, посланная въ наказаніе на огороды съ угрозой быть затѣмъ поставленной на скотный дворъ, была возвращена во дворъ, прощена, назначена въ штатъ къ самой барышнѣ. И, вдобавокъ, Анна Павловна обласкала ее и приказала ей сшить два новыхъ сарафана: красный и синий.

— Что жъ это все значить?—два раза уже спросилъ Никифоръ у штатной барыни, старшей надъ всѣми.

— Ничего, голубчикъ, понять нельзя! И всѣ сказываютъ, что не это одно, а много чего будетъ диковиннаго. Сказываютъ, что такіе деньки въ Крутоярскѣ припли, что такое будетъ, такое... что у-у, Господи!.. Никогда не бывало!.. Ну, просто тебѣ свѣтопреставленіе.

XV.

На другой день Ждановъ, вернувшись съ охоты, послалъ за побочнымъ сыномъ, чтобы снова переговорить о важномъ предпріятіи. Ждановъ окончательно рѣшился перейти тайно на сторону князя. Свѣдѣнія, собранныя сыномъ, всѣ были въ пользу Льгова, да, кромѣ того, Никифоръ узналъ, что губернаторъ собирается дѣятельно хлопотать ради дѣла своего родственника.

Въ Самарѣ даже ходилъ слухъ, что, если опекуны будутъ очень противиться и принимать какія-либо противузаконныя мѣры по отношенію къ опекаемой ими Кошевой, то губернаторъ самъ поѣдетъ въ Петербургъ, официально снесется съ графомъ Разумовскимъ и будетъ сватать князя Льгова.

— Я слышалъ,—объяснилъ Никифоръ,—что губернаторъ нисколько не сомнѣвается въ успѣхѣ, увѣренъ, что одновременно и Мрацкій будетъ удаленъ изъ Крутоярска и свадьба Нилочки отпразднуется.

— А мы въ дуракахъ будемъ? Мнѣ ты какого-то стрекулиста выискалъ.

— Сдѣлалъ, что могъ, батюшка. Дальше ничего не подѣлаешь.

— Пойми ты. Намъ-то куда же?! Мы-то что же?!—воекликнулъ Ждановъ.—Главная сила въ томъ, какъ мнѣ загодя

на сторону князя перемахнуть и въ его благопріятеляхъ оказаться. А ты какого-то подьячаго выискалъ и, собственно, ничего не сдѣлалъ и самъ не узналъ...

— Узнавалъ, батюшка, — возразилъ Никифоръ равнодушно, — и полагаю, что просто ни съ какой стороны подойти нельзя. Если вы даже поѣдете къ самому губернатору и будете предлагать всяческую ему помощь, то онъ вамъ отвѣтитъ, что въ насъ не нуждается. — Никифоръ помолчалъ и прибавилъ, какъ бы нехотя: — Есть одно средство: мнѣ съ княземъ въ дружбу войти. Да опять-таки не ради того, чтобы ему помогать въ женитьбѣ... Ему на меня — наплевать тоже! А такъ, просто сдружиться. Это бы дѣло легкое, я съумѣю. Да другая тутъ помѣха будетъ. Деньги нужны. А у насъ ихъ нѣту.

— На что деньги? — удивился Ждановъ.

— Какъ — на что? Поѣхать въ Самару, жить тамъ, веселиться вмѣстѣ съ княземъ. Въ дружбу къ нему влѣзть можно только со всякими затѣями. Будь у насъ деньги, я бы сказалъ — самому князю этому займа дать... Женится онъ на Нилочкѣ — вдвое отдасть.

— Это все болтовня! — воскликнулъ Ждановъ. — Что вздоръ толковать! Какія же у меня деньги? Я хотѣлъ объявиться прямо его помощникомъ. Ради того, стало быть, что якобы желаю его брака всѣмъ сердцемъ.

— Ну, а это ваше желаніе, — рѣзко отозвался Никифоръ, — ему ни на что не нужно. Говорю, скажутъ вамъ всѣ они, что и безъ васъ обойдутся.

На этомъ бесѣда Жданова съ пріемышемъ окончилась. Петръ Ивановичъ задумался печально, и Никифоръ, съ легкой усмѣшкой поглядѣвъ на отца, собрался уходить.

— Куда же ты? — очнулся Ждановъ.

— Дѣло у меня. Что же сидѣть-то...

И онъ пошелъ изъ горницы.

— Какъ же, Никифоръ, такъ, стало быть, все и бросать? — остановилъ его Ждановъ.

— Что же дѣлать? — отозвался молодой человѣкъ. — Надумайте вотъ, какъ деньги достать. Я поѣду въ Самару, сдружусь съ княземъ... Тамъ видно будетъ. А больше ничего не придумаешь.

И Никифоръ, не дожидаясь отвѣта, вышелъ отъ отца и быстрыми шагами отправился черезъ весь домъ, миновалъ двѣ пустыя парадныя залы и длинный корридоръ и, наконецъ,

очутился въ противоположномъ лѣвомъ крылѣ дома. Здѣсь онъ прямо прошелъ въ горницу Ильи Мрацкаго.

Илья вскочилъ на встрѣчу къ пріятелю и выговорилъ многозначительно:

— Я къ тебѣ шель... былъ у отца... все сказалъ... Не знаю, какъ у меня храбрости хватило.

— Ну... ну?... Что же?

— Батюшка приказалъ тебѣ къ нему сегодня же зайти, когда хочешь.

— Что же онъ тебѣ говорилъ?—улыбнулся самодовольно, но лукаво Нешлюевъ.

— Ничего. Я говорилъ, а онъ молчалъ. Да и я недолго говорилъ... Сталъ было пояснять, батюшка сказалъ: „Полно турусы разводите! Я—не ты, дуракъ, сразу понялъ все. Скажи Никифору—приходить ко мнѣ. Съ нимъ я и перетолкую. А съ тобой мнѣ не о чемъ толковать“... Ну вотъ и ступай къ нему.

— Такъ я сейчасъ пойду.

— Ступай!

Никифоровъ двинулся къ горницамъ Мрацкаго. Лицо его стало тотчасъ же нѣсколько сумрачнѣе и какъ бы боязливо. Онъ пріостановился передъ дверями первой горницы, постоялъ немного, будто соображая, какъ войдетъ и что скажетъ.

— Иуда! Съ нимъ не свой братъ!—пробурчалъ онъ себѣ подъ носъ.

Черезъ минуту старикъ Герасимъ уже доложилъ Сергѣю Сергѣевичу о Никифорѣ. Мрацкій вышелъ изъ своей рабочей комнаты въ гостиную.

— Здравствуй!—встрѣтилъ онъ Никифора.— Садись и поясняй, что нужно. Мой Илья недорого возьметъ все переврать. Что тебѣ нужно отъ меня?

Никифоровъ сѣлъ противъ Мрацкаго и, нѣсколько смущаясь, что бывало съ нимъ крайне рѣдко, не зная, съ чего начать.

— Вамъ Илья говорилъ. Стало быть, вамъ извѣстно.

— Ничего мнѣ неизвѣстно...—сухо отозвался Мрацкій,— былъ ли Илья, не былъ ли,—считай, что не былъ, и начинай самъ съизнова: что тебѣ нужно? Да ты не увертывайся и не робѣй, говори прямо. Что красной дѣвкой прикинулся! Тебѣ это и не къ лицу. Махай все прямо, на чистоту. Коли что покажется мнѣ неподходящимъ, прямо такъ и откажу и никто ничего знать не будетъ.

— Вы не осерчайте, Сергѣй Сергѣевичъ. Я изъ желанія быть вамъ пріятнымъ...—началь Никифоръ.

— Знаю, знаю!.. Ты малый смысленный, съ тобою дѣло имѣть можно. Сказывай, говорю, прямо, не вертись, какъ бѣсъ передъ заутреней. Сказывай коротко и толково.

Никифоръ, нѣсколько путаясь и запинаясь, передалъ Мрацкому, что готовъ ему вѣрой и правдой служить въ важномъ дѣлѣ.

— Въ какомъ дѣлѣ? Говори на чистоту или уходи!

— Желаете вы, Сергѣй Сергѣевичъ, конечно, чтобы вашъ Илья женился на Неонилѣ Аркадьевнѣ?

— Желаяю!—коротко отозвался Мрацкій, не сморгнувъ.

И по лицу его Никифоръ не могъ никакъ догадаться, что въ эту минуту на умѣ хитреца.

— Вамъ извѣстно, что у Неонилы Аркадьевны два жениха, какъ сказываютъ въ Крутоярскѣ: князь Льговъ и Борисъ Андреевичъ. Она можетъ предпочесть ихъ Ильѣ.

— Есть еще и третій, любезнѣйшій,—прибавилъ Мрацкій.— Кто третій, я чаю, знаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Ты!

— Полноте шутить, Сергѣй Сергѣевичъ.

— Зачѣмъ шутить? Во всемъ Крутоярскѣ извѣстно, что всѣхъ жениховъ четверо.

— Я объ этомъ и помышлять не могу смѣть. Я—безродный... Всѣмъ это вѣдомо.

— Ты изъ молодыхъ, да ранній... Скороспѣлка! Тебѣ палецъ въ ротъ не клади! Будешь ты мнѣ здѣсь клясться и божиться и распинаться, что никогда не думалъ о томъ, чтобы тоже закидывать глаза на Нилочку—и я тебѣ не повѣрю. Ну, сказывай дальше, что у тебя на умѣ?

— На умѣ у меня, Сергѣй Сергѣевичъ, какимъ путемъ Неонилѣ Аркадьевнѣ выйти замужъ за Илью вашего. Какъ избавиться отъ князя и Щепина.

— Ну, какъ же?

— Я вотъ за это возьмусь, отвѣтствуя головой.

— Что!?!—удивился Мрацкій.—Ты возьмешься?

— Точно такъ-съ...

— Да что же ты сдѣлаешь?

— Да ужъ это, извините, мое дѣло! Это вамъ не должно быть извѣстно... чтобы вамъ быть въ сторонѣ, въ случаѣ

какой незадачи. Я берусь, и въ самомъ скоромъ времени изъ трехъ жениховъ останется у барышни Кошевой, именуемой „царевной“, одинъ...

— Что же, ты убьешь, что ли, обоихъ?

— Если бы этакое и приключилось, Сергѣй Сергѣевичъ, то не ваше это дѣло... Я на убійство, вѣстимо, не пойду...

— Наймешь, что ли, какихъ головорѣзовъ похерить ихъ. Такъ я на этакое дѣло не пойду. Я думаль, ты умень, а ты—дуракъ! Убить иного человѣка бываетъ, правда... дѣло не глупое. А вотъ собираться убивать самое глупое дѣло...

Неплюевъ не понялъ, и на его вопросительный взглядъ Мрацкій выговорилъ:

— Попадешься ты, попадусь и я—и все пойдетъ къ черту? Срамота да еще и судъ. Я думаль, ты, Никифоръ, умнѣе.

— Никого я, Сергѣй Сергѣевичъ, нанимать убивать не стану! Такъ все обойдется, что и я останусь въ сторонѣ, только глядѣть буду. А вѣрно вамъ сказываю — изъ двухъ жениховъ ни одинаго не останется... Останется одинъ... Коли угодно вамъ, я вашъ слуга; не угодно—не надо!

— Поясни, и я, пожалуй... нерѣшительно выговорилъ Мрацкій и запнулся.

— Ничего, Сергѣй Сергѣевичъ, пояснять я не стану! Вы—человѣкъ умнѣющій, я тоже не дуракъ,—зачѣмъ лишнія слова тратить? Я вамъ предложеніе дѣлаю и отвѣчаю, что не обману, а какъ и что... увольте рассказывать.

Наступила пауза, послѣ которой Мрацкій вымолвилъ тихо:

— Ладно! ну, сказывай второе. Вѣдь ты не все сказалъ! Второго-то еще не говорилъ.

— Чего второго?

— Ломайся... Второе-то!.. Что тебѣ за это будетъ пообѣщано. Вѣдь не даромъ же ты стряпать будешь? Небось вѣдь попросишь что-нибудь! И, по всей вѣроятности, попросишь денегъ.

— Точно такъ-съ... И не мало денегъ!

— Ну, ладно, когда все сдѣлаешь, тогда и приходи.

— Нѣтъ, Сергѣй Сергѣевичъ, въ томъ-то вся и сила, что деньги нужны теперъ.

— Ну, это, братъ, опять скажу: я думаль—ты умнѣе! Ты, стало быть, думаешь—можно посулами выманить у меня деньги зря, какъ у старой барыни какой.

— Нѣтъ, Сергѣй Сергѣевичъ, первые же сто рублей, какіе

вы дадите, вы увидите, какъ я истрачу, и вторые — дадите еще охотнѣе. А третью, четвертую, пятую сотню—еще охотнѣе. И при этомъ увидите, что деньги не остаются у меня въ карманѣ, а всѣ идутъ на ваше дѣло.

— Что же ты, чертъ, на нихъ дѣлать будешь?—вскрикнулъ Мрацкій.

— Я на нихъ, Сергѣй Сергѣевичъ, буду первый пріятель Бориса Щепина и первый пріятель князя. И они оба будутъ моими первыми пріятелями. А вмѣстѣ мы втроемъ начнемъ чудеса въ рѣшетѣ показывать всей Самарской губерніи. Отъ этихъ чудесъ дымъ коромысломъ пойдетъ! Неонила Аркадьевна первая чувствъ лишится отъ омерзѣнія. Марьяна Игнатьевна повѣсится на какомъ гвоздѣ со зла. Сказать просто, на ваши деньги я заверчу и Бориса и князя и въ такую трясику съ ними увязну, что лишь бы самому уцѣлѣть... Себя не пожалѣю! Коли себя жалѣть, то и другому никогда ущерба не сдѣлаешь... Надо махать вотъ какъ... Надо...

Никифоръ запнулся и замолчалъ. Мрацкій тоже долго раздумывалъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Сколько же ты у меня денегъ переберешь?—выговорилъ онъ наконецъ.

— Не знаю, Сергѣй Сергѣевичъ... Можетъ, до тысячи рублей дойдетъ. Но вѣдь вы прежде-то дадите сто или два ста и увидите сразу, стоитъ ли мнѣ еще-то давать. Стало быть, потеряете-то вы немного. А я такъ полагаю: съ первой же подачки вы увидите, что моя затѣя денегъ стоитъ. Сами посудите—похерить двухъ жениховъ у Неонилы Аркадьевны, чтобы одинъ остался... Вѣдь это, воля ваша, подороже тысячи стоитъ!

Мрацкій усмѣхнулся какой-то странной улыбкой, всталъ и выговорилъ тихо:

— Обожди.

Онъ вышелъ въ свою рабочую горницу, а Никифоръ, поднявшись, тоже подошелъ къ зеркалу и, взглянувъ на себя, самодовольно улыбнулся.

Не прошло двухъ минутъ, какъ Мрацкій вошелъ снова и передалъ Никифору небольшой мѣшочекъ изъ сѣрой парусины, круто перевязанный веревочкой. На мѣшечкѣ видѣлась черная цифра: 100.

— Вотъ!—выговорилъ онъ.— Не оловянные! Начинай. Обманешь—чертъ съ тобой.

Никифоръ взялъ тяжелый мѣшечекъ съ серебряными рублями и спряталъ ихъ на груди въ боковой карманъ кафтана. Черезъ мгновеніе онъ уже быстрыми шагами двигался по дому съ совершенно-счастливымъ лицомъ.

„Если и ничего не выйдетъ, — думалось Мрацкому, — то все-таки деньги мои не пропація! На нихъ самъ молодецъ свертится и все-таки однимъ женихомъ меньше будетъ... Но надо полагать, что польза будетъ. Ужъ очень хитеръ и злочь этотъ головорѣзъ. Не даромъ отъ полтурки уродился“.

XVI.

Черезъ два дня праздно-скучная жизнь въ Крутоярскѣ была прервана неожиданной новостью, почти цѣлымъ событіемъ для всѣхъ обитателей. Около десяти часовъ утра влетѣла во дворъ взмыленная тройка ямскихъ лошадей, и изъ небольшого тарантаса вышелъ на главный подѣздъ никому незнакомый гость, въ невиданномъ еще мундирѣ.

Люди, находившіеся въ передней, не могли сразу узнать прибывшаго, но вскорѣ затѣмъ нѣкоторые весело выскочили на дворъ вынимать вещи изъ экипажа, другіе же стремглавъ пустились во всѣ края дома вѣстниками радостнаго происшествія. Прибывшій былъ всѣми любимый Борисъ Андреевичъ. Трое изъ людей бросились наперегонки, смѣясь и задерживая другъ-друга, чтобы извѣстить прежде всего Марьяну Игнатьевну, такъ какъ Щепина давно обѣщала цѣлковый тому, кто первый объявитъ ей о пріѣздѣ ея Бориньки.

Люди, ворвавшіеся вмѣстѣ въ горницы главной мамушки, застали Марьяну Игнатьевну въ сердечной и тихой бесѣдѣ съ барышней.

— Борисъ Андреевичъ! — вскрикнули они въ одинъ голосъ.

Марьяна Игнатьевна вскочила, слегка измѣнилась въ лицѣ и быстро двинулась, а затѣмъ уже почти побѣжала на главную парадную лѣстницу. Вслѣдъ за ней полетѣла и Нилочка.

На встрѣчу обѣимъ по лѣстницѣ поднимался стройный молодой человекъ въ красивомъ мундирѣ. Марьяна Игнатьевна вскрикнула, всплеснула руками и со слезами стала обнимать бросившагося къ ней сына.

Черезъ нѣсколько мгновеній она отстранила его отъ себя, присмотрѣлась къ нему и расплакалась еще сильнѣе. Если бы

Щепина не была предупреждена, то она положительно не узнала бы родного сына, котораго не видала немного болѣе двухъ лѣтъ,—настолько измѣнился молодой человѣкъ.

Стоявшая за своей мамушкой Нилочка тоже удивленно смотрѣла на молодого капрала и не вѣрила глазамъ: это ли тотъ Боринька, съ которымъ она провела все дѣтство.

Наконецъ, семеновскій капраль, снова расцѣловавшись съ матерью, вскрикнулъ:

— Нилочка!

И онъ кинулся обнять и расцѣловаться съ подругой дѣтства, но дѣвушка, смущаясь и покраснѣвшись, какъ-то сухо поздоровалась съ нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Борисъ сидѣлъ, однако, въ горницахъ, занимаемыхъ Нилочкой, какъ если бы былъ въ дѣйствительности ея родной братъ. И мать, и подруга дѣтства забрасывали его вопросами о столицѣ, службѣ и о всѣхъ мелочахъ полковой жизни. Борисъ отвѣчалъ, рассказывалъ, разсуждалъ... И обѣ женщины, любившія его, все болѣе удивлялись, насколько можетъ пережвѣниться человѣкъ за такой сравнительно все-таки короткій срокъ времени. Давно ли—казалось, только нѣсколько недѣль назадъ, по милости однообразной жизни Крутоярска,—проводили онъ по дорогѣ въ Самару скромнаго и отчасти робкаго юношу, который горько плакалъ, отправляясь въ Петербургъ, представлявшійся ему хуже Сибири. Юноша, воспитанный подъ крылышкомъ любящей матери, около не менѣе любящей его полусестры—теперь былъ совсѣмъ молодчина-капраль. Онъ выросъ, вошелъ въ тѣло, казался плечистѣе и мужественнѣе, а лицо слегка будто похудѣло: юношеская опухлость или круглватость щекъ и скулъ исчезла, и оно стало болѣе сухо и болѣе осмысленно. вмѣстѣ съ тѣмъ и голосъ, и хватки Бориса были другіе. Онъ выражался рѣзче и громче. Изрѣдка отвѣчая матери, онъ какъ бы отчасти лукаво усмѣхался. Онъ чувствовала, что и ему теперь замѣтна и забавна пережвѣна, происшедшая въ немъ. Но онъ впервые увидѣлъ или замѣтилъ это только теперь здѣсь, въ Крутоярскѣ. Въ Петербургѣ это и на умъ не приходило.

— Какъ ты пережвѣнилась, Нилочка, — вымолвилъ онъ, ласково глядя на дѣвушку.

— А ты-то... ты!—отозвалась Нилочка.—Узнать нельзя.

— Ты похорошѣла... Совсѣмъ барышня, не дѣвочка.

— И ты тоже... Тоже...

Но Нилочка не знала, какъ выразить свою мысль. Борисъ Щепинъ казался ей именно мужественнымъ, болѣе мужчиной, нежели когда поѣхалъ на службу.

— Ты, Боринька, совсѣмъ офицеръ, а не мальчуганъ,— сказала мать.

— Ну, до офицерскаго-то чина еще далеко,— отвѣтилъ Борисъ.— Ну, что, у васъ какъ... Что Мрацкіе, Ждановъ, Никифоръ?..

И Щепинъ, въ свою очередь, разспросилъ все обо всѣхъ обитателяхъ Крутоярска, но получилъ отъ матери и Кошевой одинъ и тотъ же отвѣтъ. „Все по старому!“

— Одна только новость у насъ,— странно выговорила Марьяна Игнатьевна. Князь одинъ самарскій за Нилочку сватается. Очень ему ея помѣстья и вотчины по душѣ прилились.

Дѣвушка слегка смутилась, но не покраснѣла, а лицо ея стало серьезнѣе, и она съ упрекомъ взглянула на мамушку.

— Что же, давай Богъ... Пора ей замужъ,— воскликнулъ Борисъ.— Скорѣй опеку долой!

Но присмотрѣвшись къ лицу матери, Борисъ прибавилъ:

— Не подходящъ? Дурной развѣ человѣкъ?

— Напротивъ... Очень хорошій...— вымолвила сухо Нилочка.

— Что же мы знаемъ о немъ? На дѣвичьи глаза хорошъ, потому что хватъ и рѣчисть,— раздражительно произнесла Щепина.— А больше мы ничего не знаемъ.

— Ну, что же? Узнайте... Я вамъ все разубаю... Коли дурная слава о немъ въ Самарѣ—въ одинъ день узнается. А если человѣкъ хорошій, то надо Нилочкѣ за него. Княгиней будетъ. Какъ его фамилія?

— Князь Льговъ,— вымолвила дѣвушка.

— Льговъ!— воскликнулъ Борисъ.

— А ты его знаешь?— удивилась Нилочка.

— Нѣтъ... Но... Нѣтъ...

И Борисъ замялся.

— Ты этого князя Льгова знаешь,— сухо произнесла Щепина.— Почему же ты заикаешься... Что-нибудь худое знаешь о немъ, чего сказать не хочешь... или ты не можешь сказать при Нилочкѣ? Такъ послѣ мнѣ скажешь...

— Князь Льговъ, матушка, про коего я думаю, очень хорошій человѣкъ. Такой добрый малый, какихъ на свѣтѣ мало

водится. Но тотъ ли это? Моего зовутъ Николаемъ, и онъ офицеръ Измайловскаго полка.

Щепина насупилась, а Нилочка улыбнулась и выговорила весело:

— Этотъ самый и есть. Этого зовутъ Николай Николаевичъ и онъ этого полка, какъ ты говоришь.

— Отличный малый. Давай Богъ тебѣ за него замужъ вый-ти,—воскликнулъ Борисъ.—Да онъ совсѣмъ-таки взаправду сватается, или это одни ваши деревенскіе толки? У васъ тутъ...

— Ахъ, полно, пожалуйста! — прервала Щепина. — Не успѣлъ пріѣхать, и ужъ меня сердить. Ты, выходить, лицомъ только сталъ мужчина, а разумомъ-то все еще малолѣтокъ. По чему такому этотъ князь диво-дивное? Скажи. Докажи. Что онъ дивнаго сдѣлалъ въ Питерѣ? Вѣдь зря болтаешь...

— Его всѣ хвалятъ, матушка, въ Измайловскомъ полку. Товарищи жалѣютъ, что онъ ушелъ...

— Не съ кѣмъ имъ, что ли, безобразничать теперь? Коновода нѣтъ?

Борисъ удивленно взглянулъ на мать.

— Да вы-то что худого объ немъ знаете?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Ничего, Боря. Ничего!—холодно отвѣтила Нилочка.— Это наши крутоярскіе переплеты... Вотъ поживешь—увидишь, но ничего не узнаешь и не поймешь. Почему Маяня не хочетъ, чтобъ я выходила за князя замужъ—она не говорить. А все только сказываетъ, что князь худой человѣкъ. Сказать же про него худого ничего не имѣеть. И выходить это—крутоярскіе переплеты... И чѣмъ все это кончится—я ужъ не знаю!—грустно добавила Нилочка.

Наступило молчанье.

Марьяна Игнатьевна сидѣла сумрачная и опустивъ глаза. Борисъ смотрѣлъ на мать съ недоумѣніемъ. Наконецъ, Щепина поднялась и вымолвила, вздохнувъ:

— Ну, тамъ видно будетъ... что и какъ... А пока, Боринька, пойдѣмъ въ твои горницы... Уберешься съ дороги, поди къ Сергѣю Сергѣевичу и къ Петру Ивановичу.

— Да. Надо сейчасъ же... Обидится... Я только переодѣнусь...

И молодой человѣкъ поднялся и пошелъ вслѣдъ за матерью, но у дверей онъ обернулся, поглядѣлъ на Нилочку и радостно улыбнулся. При этомъ онъ сдѣлалъ едва замѣтный жестъ ру-

кой, указывая на мать. Нилочка усмѣхнулась, и лицо ея, за минуту скучное, оживилось. Она увидѣла нѣчто давнишнее, знакомое, что вызвало въ ней старыя воспоминанія дѣтства. Бывало, когда Марьяна Игнатьевна сердилась на нихъ, на нее и на Бориса, то они имѣли обыкновеніе другъ дружкѣ показывать такъ на нее украдкой, какъ бы говоря:

„Ничего! Пройдетъ!“

Этотъ жестъ за спиной Марьяны Игнатьевны былъ одною изъ ихъ дѣтскихъ тайнъ, и теперь Борисъ нарочно напомнилъ своему другу и полу-сестрѣ одну изъ этихъ невинныхъ выходокъ дѣтства.

Но когда Кошечкина осталась одна, она снова задумалась глубоко.

Тогда все были шутки, думалось ей. А теперь подошло время тяжелое. Тогда были у нея враги, но было одно вѣрное прибѣжище—Маяня. Заступница противъ всѣхъ. Теперь же эта мамушка и вторая мать противъ нея тоже. И она окончательно сиротой, одна одиноконька. И люди совсѣмъ чужіе становятся ближе близкихъ. Чужой человекъ Звѣревъ сталъ сразу близкимъ и ратуетъ за нее. А чужой человекъ князь Льговъ сталъ чѣмъ-то... особливимъ для нея. За него она готова на все... на всякіе подвиги. Откуда смѣлость берется, которой прежде не бывало? Что же съ ней приключилось? Какая-то перемена въ мысляхъ и въ чувствахъ... Это—любовь!

И Крутоярская царевна, еще недавно спрашивавшая тайкомъ у горничныхъ дѣвушекъ, кто изъ нихъ кого любить, за кого мѣтитъ выйти замужъ, добивавшаяся изъ разговоровъ съ ними уразумѣть, что это за чувство такое ими движетъ, заставляетъ ихъ радоваться и горевать несказанно—теперь сама, сразу, неожиданно очутилась подъ властью такого же именно чувства.

Но въ ней любовь проснулась по своему... Чувство въ самый краткій промежутокъ времени выросло, окрѣпло и овладѣло настолько всѣмъ ея существомъ, что всѣ мысли были вытѣснены изъ головы одной мыслью о князѣ Льговѣ.

Между тѣмъ, пока Нилочка сидѣла задумавшись у себя, а затѣмъ, доставъ письмо Звѣрева, которое она уже знала наизусть, начала снова перечитывать его,—Щепина съ сыномъ уже успѣли переговорить о князѣ.

Марьяна Игнатьевна, введя сына въ его горницы, тотчасъ же строго спросила:

— Ты знаешь хорошо этого князя?

— Знаю, матушка,—отвѣтилъ Борисъ, смущаясь.— Знаю мало, видѣлъ два раза... Но долженъ его любить и быть ему во вѣки благодарнымъ. Да и вы тоже... Онъ меня чуть не отъ смерти спасъ.

— Какъ отъ смерти?—воскликнула Щепина.

— Да, матушка, не хотѣлось мнѣ это вамъ рассказывать. Думалось, не придется... Но если нынѣ дѣло пойдетъ на то, что вы противъ него стоите, то я вамъ все скажу... Но теперь увольте. Только что пріѣхаль. А это длинно рассказывать. Ну, завтра, что ли...

— Когда же? Когда же онъ тебя спасъ? Когда это было?

— Да только что я въ Питерь пріѣхаль; мѣсяцевъ шесть еще не прошло.

— Да что же именно? Скажи хоть слово.

— Меня, матушка, могли убить... А князь Льговъ заступился... Потерпите до завтра!—усмѣхнулся Борисъ.

Щепина опустила голову, и видно было, что она поражена признаніемъ сына.

— Да вѣдь это, можетъ, пустое и глупое приключеніе,— произнесла она. — И онъ вовсе не благодѣтель тебѣ какой. Услуга товарищеская въ пустомъ дѣлѣ. Пустяки.

— Нѣтъ. Не пустяки. И я у него въ долгу. Мы въ долгу. И вамъ противъ него грѣхъ итти—въ чемъ бы то ни было, не только въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ сватовство. Коли онъ сватается, то, стало, любить Нилочку истинно. Онъ не такой, чтобы закидывать глаза завидущіе на ея вотчины и деньги. А мнѣ такъ даже и Богъ велитъ ему быть теперь въ помощь. Надо отплатить добромъ за добро. Обратится онъ ко мнѣ теперь, я за него горой стану противъ Мрацкихъ и другихъ.

— И противъ меня, матери родной?—вскрикнула Марьяна Игнатьевна.

— Что вы, матушка... Зачѣмъ... Да и вы за князя будете стараться.

— Я?.. Я, глупый! Я буду Нилочку прочить за Льгова? Помогать ему, когда Нилочка должна быть женою другого, мною ей въ мужья нареченнаго уже лѣтъ съ десять?

— А у васъ, стало, есть свой женихъ для Нилочки?

— Вѣстимо есть.

— Да коли она его не захочетъ вашего-то...

— Захочетъ... Я заставлю...

— И вашъ-то этотъ любить Нилочку?

— Любить.

— Да стоитъ ли онъ князя-то?

— Стоитъ. Нилочкинъ женихъ мною нареченный ей—ты.

Борисъ вскочилъ съ мѣста, сталъ предъ матерью, какъ вкопанный, и, широко раскрывъ глаза, глядѣлъ на нее съ бессмысленнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Что вы, матушка?—выговорилъ онъ, наконецъ, тихо.

— Коли ты малоумокъ, то у матери за тебя разумъ былъ и теперь будетъ,—глухо проговорила Щепина.—Да, Нилочка должна быть твоей женой. Тебѣ должно быть въ этомъ домѣ хозяиномъ, крутоярскимъ помѣщикомъ, а мнѣ быть не мамкой Неонилы Кошевой, а свекровью.

— Этого никогда не будетъ, матушка.

— Что?!

— Не будетъ. И Нилочка не захочетъ меня въ мужа. Да и я... тоже.

— Не захочешъ ее въ жены?

— Какая же она мнѣ супруга? Она мнѣ что сестра.

— Все это вранье крутоярское... Сестра?! Заладили дураки—сестра да сестра. Ну, и любитесь, какъ братъ съ сестрой,—повѣнчаться это не помѣхой.

— Нѣтъ, я на это не пойду. Нилочка меня не захочетъ въ мужа, а насильно вѣнчаться я съ ней не стану.

— Такъ ты мнѣ тогда не сынъ! Я отъ тебя откажуся... Я... я тебя тогда... проклянусь! Да!—глухо и мѣняясь въ лицѣ, произнесла Щепина.

XVII.

Черезъ два дня послѣ пріѣзда Бориса все населеніе Крутоярска было немного взволновано невѣроятными вѣстями, которымъ, однако, почти никто вполнѣ вѣрить не хотѣлъ.

Къ Сергѣю Сергѣевичу Мрацкому пріѣхалъ изъ Самары гость. По его словамъ, въ Оренбургской губерніи была полная смута отъ всякаго сброда яицкихъ казаковъ, татаръ, всякихъ иногородцевъ и крестьянъ.

По счастью, въ столицѣ начальство не дремлетъ, и изъ Казани было уже извѣстіе, что тамъ проѣхалъ присланный изъ Петербурга генералъ Каръ, чтобы принять начальство

надъ войсками, собранными противъ мятежниковъ. Надо было ожидать со дня на день поимки злодѣя Пугачева и усмиренія края.

— Ну, дорогой мой, — отозвался на эти вѣсти Мрацкій, — у страха глаза велики, а языки длинные. Небось, сотни двѣ татаръ съ однимъ бѣглымъ каторжникомъ ограбили да прирѣзали двухъ-трехъ проѣзжихъ, а въ Самарѣ изъ мухи слона сдѣлали.

Гость напрасно клялся и даже подсмѣивался надъ невѣдѣніемъ и невѣріемъ крутоярцевъ. Всѣ обитатели отнеслись къ вѣстямъ такъ же, какъ и Мрацкій.

— Мало ли что народъ болтаетъ! Во всемъ пудѣ вѣстей и осьмухи правды не найдется.

Однако, равнодушно и беззаботно отнеслись къ вѣстямъ только во дворѣ и въ палатахъ. Не то было на селѣ.

Чѣмъ менѣе любопытствовали обитатели крутоярскихъ палатъ знать, что происходитъ подъ Оренбургомъ, тѣмъ болѣе чутко и трепетно ждали вѣстей отъ разныхъ „прохожихъ людей“ обитатели Крутоярскаго села и окружныхъ деревень. Но новостей долго не было.

Наконецъ, выпалъ снѣгъ и наступила сразу зима. По первопутку слѣдовало ждать диковинныхъ вѣстей...

Прошло три недѣли съ пріѣзда Бориса Щепина. Въ палатахъ и во дворѣ уже привыкли къ этому событію, прервавшему празднично-скудную жизнь. Разумѣется, молодой капраль не внесъ ничего новаго въ обыденную колею жизни. Единственная перемѣна, которая произошла одновременно съ его пріѣздомъ, были ледяныя горы въ саду и катанья съ нихъ дворни, благодаря сразу и дружно наступившей зимѣ.

Вначалѣ многіе крутоярцы надѣялись, что всеми любимыи Борисъ Андреевичъ, пріѣхавъ изъ столицы, придастъ нѣкоторое оживленіе утрюмому существованію въ большихъ палатахъ. Но вышло совершенно наоборотъ. Самъ Борисъ, пріѣхавшій беззаботно-веселымъ, поддался вліянію общей скуки и, по прошествіи нѣсколькихъ дней, смотрѣлъ на все и на всѣхъ такими же скучающими глазами. Впрочемъ, на это была особенная причина.

Борисъ былъ пораженъ тѣмъ, что узналъ отъ матери. Онъ никогда и не помышлялъ о томъ, что она давнымъ-давно рѣшила тайно отъ него. Онъ всегда, съ дѣтскихъ лѣтъ, любилъ Нилочку, часто вспоминалъ о ней и въ Петербургѣ,

интересовался ея судьбой, но смотрѣть на нее иначе, какъ на сестру, онъ не могъ. И теперь мысль — считаться женихомъ, думать о женитьбѣ на Нилочкѣ — казалась ему чудовищной.

Положеніе его тотчасъ же по приѣздѣ стало странное, двусмысленное и тяжелое. Хотя за время пребыванія въ Петербургѣ онъ нѣсколько освободился изъ-подъ вліянія матери, которой прежде страшно боялся, тѣмъ не менѣе теперь незамѣтно для самого себя сталъ снова поддаваться этому вліянію.

Борису казалось, что, если бы дѣло шло о пустякахъ, то онъ бы могъ противиться матери въ качествѣ взрослога и капрала, а не быть прежнимъ маменькинымъ сынкомъ; но въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ женитьба на Кошевой, у него не хватало храбрости противодѣйствовать.

Марьяна Игнатьевна съ перваго дня замѣтила, конечно, что возмужавшій сынъ сталъ нѣсколько самостоятельнѣе, но женщина не сомнѣвалась ни минуты, что снова овладѣетъ его волей и разумомъ.

Отношенія Щепина къ крутоярской царевнѣ съ первыхъ же дней стали не тѣ, о какихъ онъ мечталъ въ Петербургѣ.

Они были неестественныя, натянутыя, неискреннія.

Марьяна Игнатьевна строго запретила сыну, не только говорить, но даже и намекать Нилочкѣ на ихъ тайный разговоръ и ихъ намѣренія.

— Ты долженъ заставить Нилочку полюбить себя, — сказала она. — Пускай она сама додумается за тебя замужъ итти. А если ей сейчасъ сказать, чего мы желаемъ, то она испугается и все пойдетъ прахомъ.

Все это казалось Марьянѣ Игнатьевнѣ очень просто, а Борису казалось совершенно нелѣпымъ и невысказаннымъ.

Молодая дѣвушка, которой за послѣднее время не съ кѣмъ было сердечнаго слова сказать, не съ кѣмъ было отводить душу, — конечно, съ первыхъ же дней избрала друга дѣтства прибѣжищемъ, исповѣдывалась ему во всемъ, передавала ему подробно всѣ свои сердечныя тайны, волненія и надежды.

Борисъ уже зналъ, что Нилочка сильно влюблена въ князя Львова и готова итти на все. Ея робость, безволіе — все исчезло подъ вліяніемъ охватившаго ее чувства. Борисъ выслушивалъ исповѣдь друга и принужденъ былъ обѣщать помощь, въ чемъ только могъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Марьяна

Игнатьевна всякій день поучала сына, какъ заставить Нилочку полюбить себя и приучить ее къ мысли — выходить замужъ за него, Бориса.

И молодой человѣкъ неожиданно попалъ между полу-сестрой и матерью — двумя любимыми имъ женщинами, — въ самое нелѣпное положеніе.

Одновременно было еще нѣчто новое на душѣ молодого капрала. Когда-то здѣсь, въ Крутоярскѣ, часто, чуть не ежедневно, видѣлъ онъ въ домѣ маленькую дѣвочку Аксютку, прислуживавшую горничнымъ, и тысячи разъ случалось ему играть съ ней. За тѣмъ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, видѣлъ онъ пятнадцатилѣтнюю Аксюту, которая много измѣнилась къ лучшему, но Борисъ этого какъ бы не замѣчалъ — оно было ему совершенно безразлично.

И теперь, по приѣздѣ, онъ встрѣтилъ въ томъ же домѣ красивую молодую дѣвушку и едва узналъ въ ней прежнюю Аксюту. Оказалось, что дѣвушка уже съ годъ почитается въ Крутоярскѣ чуть не первой красавицей всей округи.

Съ первыхъ же дней Борисъ сталъ видѣть Аксюту всякій день, такъ какъ она была приставлена печись о его вещахъ и бѣльѣ. Случилось это по приказанію Анны Павловны Мрацкой, а дальновидная Марьяна Игнатьевна ничего въ этомъ не усмотрѣла, сочла совершенно простымъ дѣломъ и не предугадывала, что могло случиться и на что сильно рассчитывалъ самъ Сергѣй Сергѣевичъ Мрацкій.

Черезъ недѣлю послѣ прибытія въ Крутоярскъ Борисъ при встрѣчѣ съ Аксютой уже ласково ей улыбался, заглядывался подолгу на красивую дѣвушку и все чаще заговаривалъ съ ней. Теперь его уже занимала мысль, о чемъ такъ горячо разговаривали на ледяныхъ горахъ Аксюта и Никифоръ, а однажды, взятые имъ врасплохъ, смутились, такъ какъ Никифоръ держалъ дѣвушку за руки. Эта мысль сильно занимала Бориса, и онъ наивно не сознавалъ, что эта мысль, отчасти тревожная, во всякомъ случаѣ неотступная, есть ничто иное, какъ ревность. Молодой капраль, незамѣтно для самого себя, влюблялся въ Аксюту и самъ этого не зналъ. Онъ ревновалъ ее ко многимъ и больше всѣхъ къ Никифору, и тоже этого не подозрѣвалъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Борисъ Щепинъ не зналъ и главнаго — не зналъ, что, благодаря своимъ новымъ, пока еще наивнымъ отношеніямъ съ Аксютой, онъ уже нажилъ въ Никифорѣ

злѣйшаго врага. И теперь „Никишка-головорѣзь“ могъ служить Сергѣю Сергѣевичу и его ехидной затѣѣ еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде.

Когда-то Никифора наняли намутить, напутать, разныхъ бѣдъ бѣдовымъ надѣлать. Но у этого Никифора не было ненависти ни къ князю, ни къ Борису. Теперь сынъ караимки ненавидѣлъ обоихъ молодыхъ людей: Щепина—изъ-за ревности, изъ-за того, что Аксюта была тоже. равнодушна къ молодому капрану, а князя — за то, что обманулся и ошибся въ расчетѣ. Обѣщая Мрацкому сдружиться съ княземъ и пойти на всякія затѣи въ Самарѣ, чтобы осрамить этого князя въ глазахъ Нилочки, онъ слишкомъ много бралъ на себя и увидѣлъ, что все это были мечты.

Князь Льговъ обращался съ нимъ холодно-любезно, и не могъ скрыть презрѣнія, которое возбуждалъ въ немъ Никифоръ. Дружбы между ними возникнуть не могло, такъ какъ общаго не было ничего. Льговъ изрѣдка относился къ Неплюеву ласково, но эта ласковость была похожа на ту, съ какою господа относятся иногда къ дворовымъ людямъ.

Никифоръ, доносившій подробно обо всемъ Мрацкому, какъ о томъ, что узнавалъ, такъ и о собственныхъ дѣйствіяхъ, не скрылъ отъ Сергѣя Сергѣевича своей неудачи. Однако, Мрацкій все чаще допускалъ къ себѣ Никифора, подолгу говорилъ съ нимъ и поучалъ его, но въ этихъ бесѣдахъ и совѣщаніяхъ двухъ безспорно самыхъ злыхъ людей въ Крутоярскѣ заключалось нѣчто особенное и замысловатое.

И это нѣчто было теперь во всемъ Крутоярскѣ, будто нависло облакомъ и окутало всѣхъ, какъ туманомъ. Между всѣми главными обитателями большихъ палатъ было удивительное и невѣроятное недоразумѣніе. Про нихъ и про всѣхъ можно было сказать, что ихъ „чортъ веревочкой перевязалъ!“

Мрацкій, Никифоръ и Марьяна Игнатьевна интриговали лукаво, злобно, бездушно, но съ полнымъ самоуниженіемъ, съ твердымъ убѣжденіемъ въ успѣхъ, даже съ гордостью собственного превосходства предъ всѣми прочими.

Нилочка, Борисъ и князь Льговъ, явившійся еще два раза въ гости, относились къ кознямъ пассивно, какъ бы отбивались по неволѣ отъ сѣтей, которыми ихъ опутывала невидимая рука. Между тѣмъ путаница въ отношеніяхъ всѣхъ лицъ была полная, такъ какъ всѣ они — умышленно или невольно — обманывали другъ-друга.

Борисъ, невольно обманывая мать, тоже невольно обманывалъ и Нилочку, не говоря ей о затѣяхъ матери, которыя казались ему нелѣпыми.

Мрацкій, обманывая Марьяну Игнатьевну, обманывалъ и Неплюева, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ попался съ нимъ въ просакъ. Онъ повѣдалъ Никифору о своей твердой надеждѣ, что Борисъ неминуемо влюбится въ Аксюту, оскорбить этимъ дѣвичье чувство Нилочки и самъ себя вычеркнетъ изъ числа жениховъ. Для Никифора это сообщеніе Мрацкаго было ударомъ ножа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Льговъ, съ перваго дня болѣе близкаго знакомства съ Нилочкой, сталъ удаляться отъ Неплюева, чуждаться его. Когда Никифоръ, ради отомщенія Мрацкому за Аксюту, собрался было искренно и честно помочь князю въ его дѣлѣ, то Льговъ обманулся въ чувствахъ Неплюева и отнесся къ нему съ еще большею холодною и подозрительностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь былъ убѣжденъ, что капралъ Щепинъ, котораго онъ немного зналъ по Петербургу, страстно влюбленъ въ Кошевую и поэтому долженъ считаться его главнымъ соперникомъ.

Борису искренно хотѣлось бы всячески помочь князю—отблагодарить его за благодѣяніе въ Петербургѣ, помочь въ его дѣлѣ женитьбы на Нилочкѣ. А князь почти со злобой взиралъ на ненавистнаго капрала и готовъ былъ на все, чтобы избавиться отъ этого серьезнаго соперника.

Такъ какъ у cadaго изъ главныхъ обитателей Крутоярска были и вновь нашлись разные помощники, если не на дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, на словахъ, то весь домъ раздѣлился на нѣсколько лагерей, и всѣхъ обитателей опутала такая сѣть, въ которой они сами не могли бы разобраться. Въ Крутоярскѣ завязался такой Гордіевъ узелъ, который не только развязать было невозможно, но который, казалось, и разрубить было бы не подъ силу.

Прошла еще одна недѣля, и огромная сѣть, которая опутала всѣхъ обитателей Крутоярска, только слегка распуталась съ одной стороны.

Борисъ, уже совершенно влюбленный въ Аксюту, снова подстерегъ ее съ Никифоромъ. На этотъ разъ не оставалось никакого сомнѣнія, что Неплюевъ встрѣтился съ дѣвушкой не случайно, что встрѣча ихъ была назначеннымъ заранѣе свиданіемъ.

На свою бѣду Борисъ только видѣлъ, какъ горячо и страстно объяснялись молодые люди между собой, но не слышалъ почти ничего. Онъ слышалъ нѣсколько словъ, сказанныхъ Никифоромъ, и изъ нихъ прямо заключилъ, что „головорѣзъ“ любить Акюту. Но ни одного слова изъ того, что тихо, но холодно отвѣчала Аксута, Борисъ слышать не могъ и поэтому не зналъ, что чувствуетъ она. Онъ не зналъ, что Никифоръ упрекаетъ свою прежнюю возлюбленную въ измѣнѣ, а она грустно, но твердо оправдывается.

Если бы Борисъ слышалъ хорошо весь разговоръ, то онъ бы, конечно, былъ вполне счастливъ. Теперь же это свиданіе и бесѣда молодыхъ людей возбудила въ немъ только одну томительную ревность.

XVIII.

Молодой капраль, проходивъ цѣлый день скучный и грустный, объявилъ, что поѣдетъ прогуляться въ Самару и вмѣстѣ съ тѣмъ заѣдетъ въ гости къ князю Льгову, который, побывавъ въ Крутоярскѣ, усиленно звалъ его къ себѣ.

Князь Льговъ, въ душѣ ненавидя соперника, пригласилъ его къ себѣ въ Самару, отчасти изъ вѣжливости, отчасти изъ любопытства. Ему хотѣлось ближе узнать того человѣка, котораго Нилочка, очевидно, начинаетъ предпочитать ему.

Марьяна Игнатьевна очень обрадовалась этому визиту сына.

— Онъ, кажется, рѣчишь на словахъ, наказывала она Борису, — а на дѣлѣ — малоумный. Попытай его, разузнай все, не копаешь ли онъ намъ какую яму. Будь умницей. Заставь его все себѣ разболтать. Узнай главное, куда дѣвался Звѣревъ. Я слышала, его въ Самарѣ нѣтъ, а оно очень удивительно.

И въ длинной рѣчи Марьяна Игнатьевна научила сына, какъ дѣйствовать въ Самарѣ, какъ поддѣть князя Льгова, чтобы успѣшнѣе бороться съ нимъ въ случаѣ какихъ-либо подкоповъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ самымъ отъѣздомъ Бориса Нилочка успѣла шепнуть другу совершенно иное. Дѣвушка упростила Бориса разузнать, какъ относится князь Льговъ къ ней, много ли ее любить, или мало, надѣется ли вмѣстѣ съ Звѣревымъ на успѣшную борьбу съ Мрацкимъ. Кромѣ того, Нилочка упростила Бориса пригласить князя въ Крутоярскъ какъ можно скорѣй, якобы лично къ себѣ въ гости.

Мрацкій, прощаясь съ Борисомъ, тоже, хотя намеками, посовѣтоваль молодому человѣку воспользоваться своимъ посѣщеніемъ князя Льгова. Мрацкій косвенно посовѣтоваль Борису убѣдить князя бросить свою затѣю и понять, что единственный серьезный претендентъ на руку Нилочки, онъ самъ—Щепинъ и что, если они явятся соперниками, то онъ, Мрацкій, пойдетъ на все въ защиту плановъ Щепиныхъ, матери и сына.

И нѣсколько смущаясь, не и грустно всѣхъ слушалъ Борисъ и всѣмъ общалъ все, что отъ него требовали. Но искреннимъ былъ капраль только съ Нилочкой. Онъ выѣхалъ въ Самару, твердо рѣшивъ сблизиться съ Льговымъ, откровенно объясниться съ нимъ и стать его дѣятельнымъ и вѣрнымъ помощникомъ.

Пріѣхавъ въ городъ и остановившись въ гостиницѣ, Щепинъ тотчасъ же отправился съ визитомъ къ губернатору, потомъ къ московскому генералу Мансурову, присланному съ особыми полномочіями изъ столицы, а затѣмъ къ Звѣреву и князю, которыхъ не нашелъ дома. Объ первомъ онъ узналъ, что тотъ уже съ недѣлю какъ уѣхалъ въ Петербургъ по дѣлу.

Отъ губернатора и генерала Щепинъ узналъ невѣроятныя вѣсти. Насколько все услышанное имъ показалось ему невѣроятнымъ, настолько же двумъ властнымъ лицамъ показалось невѣроятнымъ невѣдѣніе дворянина и капрала Щепина.

— Какъ вы живете?—сказаль губернаторъ.—Вѣдь до васъ, извините, какъ до глухого, вѣсти доходятъ.

— Намъ, въ вотчинѣ, совершенно ничего не извѣстно,—отзывался Щепинъ, отчасти равнодушно.

— Помилуйте! Весь край въ волненіи, — говорилъ генераль.—Того и гляди—у васъ начнутъ крестьяне подыматься и бунтовать! Не удивляюсь, коли не нынѣ, завтра весь вашъ Крутоярскъ схватится за вилы да за дубье. А вы ничего не знаете. Пожаръ кругомъ, отъ дыма задохнешься, а вы вотъ слушаете меня да глаза раскрываете удивленные.

Но не смотря на то, что губернаторъ, а равно и генераль краснорѣчиво описали молодому капралу ужасное положеніе всего края, Бориса мало взволновали ихъ рѣчи. Его гораздо болѣе волновало предстоящее свиданіе съ княземъ Льговымъ.

На другой день, когда онъ снова собирался къ Льгову, къ подъѣзду его гостиницы подъѣхала карета, а черезъ нѣсколько минутъ въ комнату Бориса вошелъ Льговъ.

— Узнавъ, что вы были вчера у меня, я поспѣшилъ отплатить вамъ тѣмъ же,—вымолвилъ онъ, входя.

Молодые люди заговорили о всякихъ пустякахъ и оба чувствовали, что они на сторожѣ, что они странно относятся другъ къ другу. Князь относился къ Щепину подозрительно, а Борисъ смущался и не зналъ, чему это приписать.

Вдругъ оборвавъ разговоръ о волненіяхъ въ краѣ, Борисъ выговорилъ рѣшительнымъ голосомъ:

— А я радъ случаю, Николай Николаевичъ, чтобы снова вспомнить и снова поблагодарить васъ за великую услугу въ Петербургѣ.

— Полноге, что вы! Стоить ли это вспоминать!—отозвался князь.

— И очень стоить... И повѣрьте, я не забылъ. Да и никогда не забуду... И повѣрьте, что, если бы мнѣ Богъ послалъ когда возможность отплатить вамъ той же монетой, то я сдѣлаю это, хотя бы даже съ опасностью собственной жизни!..

Борисъ произнесъ это такъ восторженно, такъ искренно, съ такимъ глубокимъ чувствомъ въ лицѣ и въ голосѣ, что князь изумленно и пытливо присмотрѣлся къ нему.

— Да, князь, такія услуги не забываются честными людьми. Если вамъ понадобится человекъ вѣрный, къ вамъ сердечно относящійся, не забудьте меня!

Льговъ повѣрилъ словамъ, лицу и голосу молодого капрала, но понурился и вздохнулъ.

— Трудно это, Борисъ Андреевичъ! Могли бы вы быть мнѣ добрымъ помощникомъ, даже благодѣтелемъ, но въ такомъ дѣлѣ, въ какомъ никогда не пожелаете этого... Въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ явитесь поневолѣ не благодѣтелемъ моимъ, а злѣйшимъ врагомъ.

— Я васъ не понимаю!—произнесъ Борисъ.

— Прекратимте эту бесѣду. Говорить прямо, откровенно—намъ нельзя... Намъ двумъ это невозможно... Менѣ возможно чѣмъ кому-либо...

— Поясните мнѣ что-нибудь, князь! Я совсѣмъ ничего не понимаю...

— Я не могу вамъ ничего пояснить, да и не нужно оно.

— Нѣтъ, нужно, князь... очень нужно... У меня есть дѣло до васъ... Просьба!.. У меня есть... не знаю, какъ сказать... Есть у меня до васъ...—началъ путать Борисъ и не зналъ,

какъ выразиться.—Мнѣ бы надо откровенно побесѣдовать съ вами объ одномъ дѣлѣ... Передать порученіе вамъ...

— Отъ кого?—удивился князь.

— Изъ Крутойарска, отъ одной особы, которая вамъ хорошо извѣстна... Отъ Неонилы Аркадьевны.

— Порученіе?!—воскликнулъ князь. — Какое же? Не бывать въ Крутойарскѣ?

— Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ. Побывать въ скорости и бывать почаще...

Изумленное лицо князя поразило Щепина. Молодые люди посмотрѣли другъ-другу въ глаза, недоумѣвая. Они, очевидно, совершенно не понимали одинъ другого.

— И это порученіе привезли вы?.. Взялись привезти?..—спросилъ князь послѣ паузы.

— Да.

— Вы согласились пріѣхать ко мнѣ и пригласить меня въ Крутойарскъ отъ имени Неонилы Аркадьевны?

— Да! И съ особымъ удовольствіемъ.

— Съ удовольствіемъ?—повторилъ князь.—Воля ваша, вы меня извините, но позвольте вамъ не повѣрять!

И князь насмѣшливо, даже презрительно разсмѣялся. Лицо его говорило:

„Ты желаешь считать меня за дурака, но собственно ты самъ простоватъ“.

— Что же тутъ удивительнаго, что я прошу васъ побывать въ Крутойарскѣ?—сказалъ Борисъ.— Это доставитъ удовольствіе Неонилѣ Аркадьевнѣ, которую я очень люблю.

Князь Льговъ, понявшій все по своему, понявшій, что простоватый малый собрался хитрить, но очень неумѣло, собрался его—князя рядить въ дураки, но рядить самого себя,—настолько вдругъ разсердился, что выговорилъ уже рѣзко:

— Прекратимте, пожалуйста, этотъ разговоръ!

Поговоривъ снова о пустякахъ, молодые люди разстались совершенно странно. Борисъ ничего не понималъ, старался разгадать князя и не могъ, а князь, подозрѣвавшій молодого капрала въ неудачномъ лукавствѣ, не могъ, однако, не сознаться, что доброе и честное лицо Щепина, его голосъ, искренній и правдивый, — все противорѣчить его подозрѣніямъ.

— Все-таки,—сказалъ Борисъ, прощаясь,—вы мнѣ позволите завтра побывать у васъ?

— Очень радъ!—сухо отозвался князь.

— Мнѣ непременно нужно... Мнѣ нельзя... Я обещаю...— снова началъ путать Борисъ.—Мнѣ нельзя выѣхать изъ Самары, не взявши съ васъ слова пріѣхать въ Крутоярскъ. Мнѣ не хочется такъ ворочаться... Я не хочу опечалить Нилочку. Вѣдь это все, князь, дѣло важное!—выговорилъ, наконецъ, Щепинъ съ искреннимъ чувствомъ.

Льговъ посмотрѣлъ въ лицо капрала и невольно признался самому себѣ:

„Ничего не понимаю!“

И, помолчавъ мгновенье, онъ вымолвилъ:

— Милости прошу! Поговоримъ еще, можетъ быть, наконецъ, что-нибудь и поймемъ, а пока, воля ваша...—и князь разсмѣялся:—пока я ничего не понимаю.

XIX.

Борисъ цѣлый день продумалъ о князѣ и ихъ странныхъ отношеніяхъ.

— Точно будто мы враги,—думалось ему.—А почему?

Мысль о томъ, что Льговъ ревнуетъ его къ Нилочкѣ, считая его соперникомъ, ни разу не пришла ему въ голову. Помышлять жениться на Нилочкѣ казалось ему настолько дикимъ и нелѣпымъ, что одна лишь мать, ослѣпленная любовью къ нему, могла додуматься, по его мнѣнію, до такой невѣроятной затѣи. Другому же никому и на умъ не придетъ ничего подобнаго. Слѣдовательно, и князь не можетъ считать его соперникомъ. Да къ тому есть еще одна важная помѣха, чтобъ ему, Щепину, стать поперекъ дороги Льгову: благодѣяніе князя, оказанное ему въ Петербургѣ. Изъ одной благодарности не могъ бы онъ, Борисъ, мѣшать теперь своему благодѣтелю.

И честный Щепинъ чувствовалъ, что если бъ онъ даже былъ влюбленъ въ Кошевую, то уступилъ бы князю дѣвушку-невѣсту, чтобъ отплатить добромъ за добро.

Князь ничего подобнаго, съ своей стороны, и не могъ предполагать, не зная, съ какимъ прямушнымъ и добрымъ малымъ онъ имѣетъ дѣло. Вдобавокъ, Льговъ и не считалъ своего петербургскаго дѣянія по отношенію къ Щепину за благодѣяніе и смотрѣлъ на все, какъ на случайность и на про-

стю услугу дворянина и офицера своему собрату. Это „событіе“ для Щепина и простое „приключенье“ для Лыгова произошло уже давно. Князь забылъ и думать о томъ, что хорошо помнилъ и цѣнилъ сердечный Борисъ.

Случай этотъ былъ самый простой.

Вскорѣ по прибытіи въ столицу и поступленіи въ ряды Семеновскаго полка, Щепинъ, явившійся прямо „изъ-подъ юбокъ маменьки“ — по выраженію Мрацкаго, подпаль, разумѣется, подъ вліяніе перваго же человѣка, пожелавшаго его себѣ подчинить.

Въ полку въ это время процвѣтала азартная карточная игра, такъ же, какъ и во всей гвардіи и въ обществѣ. Новаго новобранца втянули въ игру почти насильно, и онъ сталъ посѣщать сборища офицеровъ въ какомъ-то притонѣ, гдѣ страшная игра и гдѣ проигрывались даже вотчины.

Одинъ изъ офицеровъ полка, уже пожилой человѣкъ, капитанъ Бровскій сдѣлалъ изъ Бориса своего адъютанта или наперсника. Щепинъ сначала незамѣтно для самого себя, а затѣмъ изъ малодушія, сталъ слѣпымъ орудіемъ Бровскаго и исполнялъ все, что капитанъ ему приказывалъ, былъ у товарища въ услуженіи. Какъ повиновался онъ матери въ Крутоярскѣ, такъ теперь сталъ слушаться во всемъ Бровскаго, часто желая, но боясь противорѣчить.

Бровекій былъ однимъ изъ записныхъ и самыхъ отчаянныхъ игроковъ. Онъ былъ всегда банкометомъ и всегда игралъ счастливо, обыгрывалъ всѣхъ. Щепинъ и не подозрѣвалъ по наивности, что состоитъ въ качествѣ наперсника у сомнительнаго игрока, подозрѣваемаго въ шулерствѣ.

Однажды давно подозрѣваемый Бровскій попался. Цѣлая компанія офицеровъ устроила шулеру настоящую западню. Ему было доказано, что онъ играетъ мошеннически, и съ нимъ распорядились попросту и подъ спудомъ, т.-е. избили его до безчувствія. вмѣстѣ съ Бровскимъ, конечно, попался и Щепинъ, но во время свалки выбѣжалъ въ другую горницу и заперся на ключъ. Онъ съ отчаяніемъ понялъ только теперь, у кого былъ адъютантомъ, но конечно, зналъ, что въ сущности не повиненъ и терпитъ въ чужомъ пиру похмѣлье.

Расходившаяся толпа, исколотивъ Бровскаго, стала ломиться и въ двери горницы, гдѣ спрятался Щепинъ, чтобы раздѣлаться съ нимъ тѣмъ же способомъ. Борисъ отворилъ окно и рѣшилъ лучше броситься съ третьяго этажа на мостовую, нежели

быть избитымъ въ качествѣ шулера. И онъ зналъ тогда и помнилъ хорошо теперь, что рѣшеніе его было твердо и непоколебимо. Онъ уже со слезами прочелъ „Отче нашъ“ и сѣлъ на подоконникъ съ намѣреніемъ прыгать, когда двери уступать подъ ударами нападавшихъ.

Все окончилось благополучно, благодаря вмѣшательству одного изъ самыхъ разумныхъ офицеровъ компаніи. Князь Льговъ, собравшійся уѣзжать изъ игорнаго притона, когда началась свалка и драка, вышелъ на улицу и случайно увидѣлъ въ окнѣ блѣдную фигуру наперсника Бровскаго. Онъ увидѣлъ, какъ тотъ кружится, то поглядываетъ внизъ, то прислушивается... Князь догадался, въ чемъ дѣло... За часъ назадъ, во время игры, этотъ юный рядовой показался ему малымъ симпатичнымъ и наивнымъ прислужникомъ шулера.

Князь вернулся тотчасъ назадъ и все уладилъ, усовѣстивъ компанію. Онъ одинъ вошелъ въ горницу Щепина, отворившаго дверь, когда вся компанія уже собиралась разѣзжаться. Онъ объяснилъ Борису, что спасъ его отъ побоевъ съ условіемъ, чтобы онъ прекратилъ всякія отношенія съ Бровскимъ.

Щепинъ охотно обѣщался, считая, что довольно уже наказанъ, такъ какъ былъ на волосокъ отъ смерти. Однако, князь этимъ увѣреніемъ молодого челоуѣка, что онъ рѣшился бы дѣйствительно на самоубійство, не повѣрилъ.

— Въ послѣднюю минуту не хватило бы духу прыгать,— думалъ онъ.

Поэтому все это приключеніе для князя не имѣло теперь того же значенія, что для Щепина. Одинъ считалъ, что оказалъ маленькую услугу—спасъ отъ срамныхъ побоевъ, а другой зналъ, насколько твердо рѣшился прыгать отъ этихъ побоевъ, и слѣдовательно считалъ себя спасеннымъ отъ неминуемой смерти.

Теперь Борисъ живо вспомнилъ все это дикое приключеніе и снова увѣрялъ князя, что обязанъ ему жизнью. Князь повѣрилъ, и отношенія ихъ сразу изменились, стали болѣе искренними.

Щепинъ пробылъ въ Самарѣ три дня и настолько сошелся со Льговымъ, что, простившись съ новымъ другомъ, выѣхалъ обратно въ Крутойарскъ, готовый всячески, не жалѣя себя, служить Льгову въ его дѣлѣ.

По возвращеніи Борису пришлось взять на себя новую роль, которой онъ никогда не игралъ и которая на первыхъ

порахъ показалаась ему крайне трудной. Онъ долженъ былъ лгать и обманывать всѣхъ, за исключеніемъ Нилочки.

Только ей одной рассказалъ онъ всю правду и своимъ восторженнымъ отношеніемъ къ князю только разжегъ страсть Кошевой. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поклялся Нилочкѣ—такъ же, какъ клялся князю въ Самарѣ—положить за нихъ душу, пожертвовать хоть своей жизнью, но добиться того, чтобы они принадлежали другъ другу.

Новая роль лгуна и интригана по отношенію къ матери и къ Мрацкому настолько была не по характеру и не по силамъ Щепина, что онъ, конечно, выдалъ бы себя сразу, если бы и мать, и опекунъ не были ослѣплены собственнымъ самоувѣніемъ и той мѣркой, которой мѣрили Щепина.

Марьяна Игнатьевна не одинаго мгновенія не допускала мысли, что ея Боринька можетъ итти противъ нея, можетъ тайно противодѣйствовать ея планамъ и, вообще, не повиноваться ей.

Мрацкій былъ убѣжденъ, что онъ слишкомъ уменъ и хитеръ, чтобы быть обманутымъ этимъ Борькой. А главное—Мрацкій былъ убѣжденъ, что Щепинъ, не имѣющій никакого состоянія, точно также такими же алчными глазами смотреть на состояніе Кошевой, какъ и онъ самъ со своимъ Ильей.

Борисъ долженъ былъ объясняться и съ матерью, и съ опекуномъ по поводу своего пребыванія въ Самарѣ и свиданій съ княземъ, и такъ какъ еще не привыкъ лгать, то путался и противорѣчилъ себѣ.

Изъ его объясненій и Мрацкій, и Марьяна Игнатьевна вывели одно заключеніе, что Борисъ, по ихъ наущенію, хитрилъ, насколько могъ. Онъ—вѣрный слуга, но большаго отъ него требовать нельзя.

Мрацкій долго ахалъ и качалъ головой, узнавъ отъ Бориса, что князь пріѣдетъ въ Крутойрскъ въ гости, лично къ нему.

— Вотъ дуракъ-то!—думалось Мрацкому.—И въ этомъ не сдумѣлъ ничего придумать, чтобы отдѣлаться отъ такого гостя!

Марьяна Игнатьевна немного разсердилась на сына:

— Пойми ты, Боринька, вѣдь онъ тебя одурачилъ, этотъ нахаль. Ты долженъ былъ сказать, что не можешь принимать его въ гостяхъ въ Крутойрскѣ, такъ какъ ты самъ здѣсь, правильно разсуждая, тоже въ гостяхъ у своей матери.

Борисъ смущался, лгаль, елико умѣлъ, но внутренно смѣялся, думая:

— Какъ бы удивились вы, если бы знали, что самъ я уговорилъ князя прѣхать, не взирая на ваше неудовольствіе.

XX.

Однако, вскорѣ Борисъ долженъ былъ имѣть два неожиданныхъ искреннихъ объясненія съ двумя личностями, которыхъ теперь начиналъ любить одинаково страстно, хотя и разное. Прежде всего ему пришлось покаяться откровенно предъ Нилочкой и выдать тайну матери.

Дѣвушка была сначала изумлена, узнавъ, что завѣтнымъ желаніемъ Марьяны Игнатьевны былъ бракъ ея съ Борисомъ, но затѣмъ Нилочкѣ показалось это совершенно естественнымъ, показалось гораздо болѣе простымъ дѣломъ, нежели самому Щепину.

— Знаешь что, Боринька,—сказала Нилочка, подумавъ,—вѣдь это было бы очень хорошо. Это очень умно и, конечно, могло бы случиться, прѣзжай ты только немножко пораньше,—прежде, чѣмъ я повидала князя.

— Что ты, Богъ съ тобой!—отмахнулся Борисъ.—Да ничего болѣе невозможнаго придумать нельзя! Это матушка изъ любви ко мнѣ такое придумала... Какой же я тебѣ мужъ? Ты—богачка, красавица, а я что жъ такое? Нищій дворянинъ, капраль. И все-жъ-таки, надо сказать по правдѣ,—чей я сынъ? Я сынъ нянюшки, которая за жалованье въ прислуги пошла...

— Какъ тебѣ не стыдно такъ разсуждать!—укоризненно отозвалась Нилочка.—Маяня для меня что мать родная была, и я ее люблю, какъ мать. И только теперь...

Нилочка запнулась.

— Ты хочешь сказать, что теперь меньше любишь ее?—грустно вымолвилъ Борисъ.—И ты права... Зачѣмъ она, выходявъ тебя, идетъ противъ твоего законнаго желанія. Ты полюбила хорошаго человѣка, лучшаго жениха во всей губерніи, и онъ тебя любитъ. Зачѣмъ же матушка идетъ противъ этого ради меня? Она должна любить насъ ровно, она не должна ни мной жертвовать ради твоего счастья, ни тобой—ради моего. Матушка не хорошо поступаетъ, мѣшая твоему браку со Львовымъ, и ты имѣешь право меньше любить ее.

— Если, Богъ дастъ, все устроится,—рѣшила Нилочка,— выйду я за князя, Маяня утѣшится, мы заживемъ очастливо, и я опять буду любить ее постарому. А все-таки скажу, Боря, прїѣзжай ты раньше, когда еще никто моихъ мыслей не заполонилъ, какъ теперь князь, я бы съ удовольствіемъ пошла за тебя.

— Полно, полно!—разсмѣялся Борисъ.—Ты ничего не понимаешь... Развѣ наша любовь такая, при которой вѣнчаются? Мы вѣдь братъ съ сестрой, вмѣстѣ росли. Развѣ ты меня любишь такъ же, какъ князя? Да и потомъ, по правдѣ сказать, ужъ если ты мнѣ все говоришь, то и я тебѣ все скажу. Прїѣзжай я въ Крутоярскъ раньше, случилось бы то же, что и теперь. А теперь захоти ты итти за меня замужъ, я не соглашусь ни за что. Силкомъ повезуть въ церковь—упираться стану.

— Что ты?—изумилась Нилочка.

— Да, вѣрно. Почему ты не можешь итти за меня замужъ, потому и я не могу на тебѣ жениться. Ты любишь другого человѣка, ну, а я...

И Борисъ вдругъ смутился, вспыхнулъ, какъ дѣвушка, и замолчалъ.

— Ты тоже любишь? Кого? Жениться хочешь?—съ изумленіемъ спросила Нилочка.

— Да, люблю, но жениться не могу по многому. Во-первыхъ, я не знаю, любить ли она меня; во-вторыхъ, еще молодъ я слишкомъ. Да и нельзя мнѣ на ней жениться. Я—дворянинъ, а она не моего состоянія. Матушка померла бы съ горя, если бы таковое приключилось... Да, Нилочка, твое дѣло плохо, а мое еще того хуже! Тебѣ горестно, а мнѣ и того горше! Твое дѣло какъ-нибудь да сладится,—я это чувствую, чую, а мое приключеніе совсѣмъ погибельное. Не знаю, что и дѣлать,—хотя бѣжать поскорѣй изъ Крутоярска! Еслибъ не мое желаніе помочь князю и тебѣ, то я бы не остался у васъ, какъ предполагалъ, а поскорѣй бы уѣхалъ въ Петербургъ отъ бѣды.

— Да развѣ та, которую ты любишь, не въ столицѣ, а здѣсь?—удивилась Нилочка.

— Здѣсь...—смущенно и едва слышно выговорилъ Борисъ.

— Здѣсь?! Въ Крутоярскѣ?

— Ну, да... Здѣсь въ Крутоярскѣ.

— Вотъ... выговорила Нилочка, разведя руками, и не знала

что сказать.—Вотъ удивительно! Да кто жъ это можетъ быть?

Борисъ молчалъ, а дѣвушка, подумавъ нѣсколько мгновений, вымолвила, недоумѣвая:

— Годъ продумаешь — и ничего не придумаешь. Кто жъ это въ Крутойрскѣ могъ тебя заставить полюбить себя? Ты мнѣ не скажешь?

— Уволь... Можетъ быть, послѣ скажу, а теперь не могу... Можетъ это пройдетъ—я и самъ не знаю, какъ это приключилось. Удивительно! Въ Петербургѣ за все время службы я могу сказать, что ни на одну дѣвушку глазъ не поднятъ, не только что полюбить, — хотя и были такія, которыя считались даже изрядными невѣстами, но мнѣ полюбить и на умъ не приходило. А тутъ вдругъ сразу какъ-то поразительно все потрафилось. Будто все завертѣлось, и меня завертѣло. И ничего я не разберу, ничего не понимаю, не знаю, что и дѣлать... Знаю только, что жить безъ нея мнѣ было бы не въ моготу! Надо бы скорѣй бѣжать сюда, а я не могу себѣ и вообразить, какъ буду жить, не видая ее. Да, Нилочка, бѣда бѣдовая!

— Да кто же это? Въ Крутойрскѣ? Кто же это?.. — съ изумленіемъ повторяла Нилочка. — Дворовая? Крестьянка? Сосѣдка-барышня, что ли, какая? Этакихъ ты и не видалъ ни одной.

— Уволь, говорю тебѣ... Въ другой разъ скажу.

— И послѣ этого откровеннаго признанія другу въ своей нежданной страсти Борису показалось, что онъ еще болѣе увлеченъ и еще болѣе принадлежитъ той красавицѣ-дѣвушкѣ, съ которой выдается постоянно, но объясниться не въ состояніи.

Аксюта первое время по строжайшему приказанію Анны Павловны Мрацкой постоянно бывала при горницахъ молодого барина и вмѣстѣ съ Никифоромъ проклинала свою должность, — отчасти потому, что Неплюевъ ревновалъ ее, подозрѣвалъ и мучилъ, отчасти и потому, что быть среди двора внизу было свободнѣе и веселѣе.

Но теперь все перемѣнилось. Красивый малый, скромный, ласковый, сердечный, понемногу, самъ того не зная, вытѣснилъ изъ сердца Аксюты ея первую привязанность—простую вspanышку еще не любившаго сердца.

Аксюта вскорѣ, если не уразумѣла, то просто почувяла, что Никифоръ совершенно не такой малый, который бы могъ ей

нравиться. Онъ лишь смѣлымъ и дерзкимъ ухаживаніемъ заставилъ ее думать о себѣ и воображать, что она любитъ его.

Никифоръ,—думалось ей теперь,—извѣстенъ тѣмъ, что уже давно направо и налѣво влюблялся во всѣхъ безъ числа; человѣкъ онъ лукавый, бессердечный, вспыльчивый и мстительный, презрительно и враждебно относящійся ко всѣмъ. Наконецъ этотъ же Никифоръ, если не на дѣлѣ, то на словахъ, готовый даже на убійство, былъ далеко не такой человѣкъ, котораго бы Аксюта могла любить.

Молодой баринъ Борисъ Андреевичъ, наоборотъ, былъ именно таковъ, какой всегда мерещился Аксютѣ.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ дѣвушка была приставлена служить въ горницахъ молодого барина, она уже рада была своей новой должности. Она уже старалась сама предупредить всякое малѣйшее желаніе Щепина, съ удовольствіемъ угождала ему и вмѣстѣ съ тѣмъ начала избѣгать Никифора.

Въ тотъ день, когда Аксютѣ показалось, что Борисъ чудно и непонятно смотритъ на нее, какъ будто и въ немъ есть что-то къ ней большее, чѣмъ простая ласковость,—дѣвушка стала относиться къ Никифору почти враждебно. Нѣсколько грубыхъ словъ злобной ревности окончательно оттолкнули ее отъ него.

И Аксюта, начавъ по цѣлымъ днямъ глубоко раздумывать объ обоихъ молодыхъ людяхъ, разсудила просто:

„Никифоръ Петровичъ балуется. Мало ли кого и гдѣ увѣрялъ онъ въ своей любви, мало ли кого онъ обманулъ. Бывали у него зазнобы всего на одинъ мѣсяцъ, а то и меньше. Со мной дольше тянется, потому что я не поддаюсь, а то бы и меня давно бросилъ. А Борисъ Андреевичъ, какъ называютъ Марьяна Игнатьевна, по сю пору ни на одну дѣвушку ни разу не поглядѣлъ. Если бы онъ полюбилъ кого теперь, такъ было бы въ первый разъ и надолго. Случись этакое съ нимъ, онъ бы меня съ собой увезъ въ Петербургъ... Одно только чудно, — прибавляла Аксюта: — то онъ ласково такъ смотритъ, что, кажется, сейчасъ подойдетъ да обниметь, а то вдругъ насупится, точно разгнѣвается, и день цѣлый слова не скажетъ“.

На другой день по возвращеніи Бориса изъ Самары, влюбленные случайно и неожиданно объяснились.

Придя къ себѣ отъ матери, Борисъ нашель Аксюту сидя-

щею около открытаго комода, куда она клала бѣлье. Дѣвушка сидѣла, печально задумавшись.

Онъ уже видѣлъ ее по утру мелькомъ и, проходя мимо нея, грустно, но и пытливо глянулъ въ лицо красивой дѣвушки. Взглядъ его краснорѣчиво говорилъ:

„Когда же мы объяснимся и уразумѣемъ, что между нами?“

Аксюта поняла этотъ взглядъ, потушилась смущенно и все утро затѣмъ сама себѣ удивлялась. Почему смѣлый Никифоръ, преслѣдуя ее когда-то, ни разу не смутилъ ее своими дерзкими выходками? Онъ ловилъ ее въ домѣ, подстерегалъ въ отдаленныхъ горницахъ или въ саду и обнималъ, цѣловалъ... И дѣвушка оставалась спокойной, не робѣла и не боялась этихъ встрѣчъ. Теперь же скромный и кроткій Борисъ смущалъ ее однимъ своимъ появленіемъ, однимъ взглядомъ. Каждый разъ, что они оставались на-единѣ, сердце Аксюты шибко билось, будто ожидая какой бѣды... бѣды, желаемой всѣмъ сердцемъ.

— Что же мнѣ-то дѣлать?—говорила она сама себѣ.—Не пойму я васъ, дорогой мой,—мысленно обращалась она къ Щепину.

Придя убрать горницу Бориса и уложить въ комодъ принесенное ею бѣлье, она подъ наплывомъ горькихъ думъ забылась, сѣла и глубоко задумалась, такъ что не слыхала, ни какъ онъ вошелъ, ни какъ очутился около нея.

Борисъ сталъ за ней и смущаясь не зналъ, что сдѣлать, даже что сказать... Вывести ли ее изъ забытья, или оставить такъ и любоваться ею хоть часъ, хоть день...

Онъ смотрѣлъ на милый профиль дѣвушки, смуглое лицо съ нѣжнымъ румянцемъ, на ея гладко причесанную черную, какъ смоль, головку, на толстую косу, лежавшую на спинѣ съ вплетенной въ нее красной тесьмой. Недавно сшитый сарафанъ, подаренный Аксютѣ барыней Анной Павловной, новый, ловко сидящій на ея полныхъ плечахъ и груди, удивительно красилъ и безъ того красивую дѣвушку.

Грустно задумчивое выраженіе лица, какая-то беспомощность въ позѣ, а въ особенности полное забытье, въ которомъ находилась Аксюта, какъ бы отрѣшившаяся отъ всего міра Божьяго,—подѣйствовали на молодого Щепина странно и для него самого удивительно и непонятно... Онъ стоялъ, не шелохнувшись, а сердце все сильнѣе стучало въ груди.

И будто кто-то сначала тихо, робко, а затѣмъ рѣшительно, а затѣмъ и грозно понукалъ его...

„Ну же! Что же ты! Сейчасъ же!“—повелительно шепталь чей-то голосъ.

И Борисъ съ ужасомъ сознавалъ, чего отъ него требуютъ... Ему приказываютъ нагнуться, страстно обнять Аксюту, прижать къ себѣ и, ничего не говоря ей, одними жаркими поцѣлуями объяснить ей все...

И почти не отдавая себѣ отчета, что онъ дѣлаетъ, Борисъ нагнулся и обнялъ Аксюту. Дѣвушка вскрикнула и вскочила, какъ разбуженная, но не рванулась, а, напротивъ, крѣпко обвила его шею руками и сама первая прильнула къ нему съ поцѣлуями. И не скоро заговорили оба... Да и не о чемъ было говорить. Сразу оба узнали и поняли все, въ чемъ сомнѣвались.

— Такъ ты тоже меня любишь? Не Никифора?—прошепталь, наконецъ, Борисъ.

— Никогда этого не было, — отозвалась Аксюта. — Думалось... но какъ увидѣла васъ...

И она не кончила; глаза ея, устремленные на Бориса, досказали ему тайну ея сердца.

Вечеромъ Аксюта снова тайкомъ явилась къ Борису.

— Ваша я... ваша... — сказала она. — Приказывайте! На все пойду... Сейчасъ помереть за васъ готова...

XXI.

Никифоръ, убѣдившись, что Аксюта измѣнила ему, любима Борисомъ Щепинымъ и влюблена въ него, былъ въ себя. Онъ не страдалъ, а былъ озлобленъ. Не глубокое искреннее чувство, обманувшееся въ своихъ ожиданіяхъ, заставляло его теперь терзаться,—въ немъ говорило одно оскорбленное самолюбіе.

Съ тѣхъ поръ, что Никифоръ ухаживалъ, постоянно измѣняя и переходя отъ одной привязанности къ другой, ни разу не случилось ему потерпѣть неудачу или быть покинутымъ. Онъ успѣвалъ всегда и всегда первый бросалъ предметъ своей страсти, чтобы перейти къ другому.

Теперь случилось совершенно обратное. Болѣе полугода ухаживалъ онъ за красивой Аксютой. Его настойчивое пре-

слѣдованіе дѣвушки привело лишь къ тому, что она стала относиться къ нему нѣсколько ласковѣе и, заставивъ его думать, сама думала, что любитъ его. Въ дѣйствительности же, чувства не было никакого.

Появленіе Бориса и его первое сердечное слово заставили Аксюту перестать считать Никифора своимъ возлюбленнымъ и всѣмъ сердцемъ отдаться глупому, но прямодушному Борису Щепину.

Никифоръ не скрывалъ самъ отъ себя, что онъ собирался позабавиться ея, какъ игрушкой, и бросить ее, если не черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то черезъ годъ, — а Борисъ, конечно, полюбилъ искренно и сильно. — А что изъ этого выйдетъ? Конечно, то же самое... Въ концѣ-концовъ разойдутся. Онъ уѣдетъ въ столицу, а она останется... Нѣтъ! Кончится хуже, потому что онъ вмѣшается!

Эта первая неудача въ любви повліяла на Никифора еще сильнѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать. Онъ, поклялся теперь себѣ самому уничтожить Щепина, стереть съ лица земли. Конечно, жажда мести не останавливалась и передъ мыслью объ убійствѣ. Эта мысль ни на минуту не испугала Никифора, и вопросъ, которымъ онъ задался, былъ о средствахъ совершенія его.

„Надобно его убить! — думалъ Никифоръ. — Надобно, чтобы его другіе убили, а я бы остался въ сторонѣ. Тогда и отвѣта нѣтъ. Да и Аксюта не будетъ имѣть причины меня возненавидѣть. Надобно, чтобы Сережа Мрацкій и Марьяна Щепина сами убили его... Приказали бы убить! Но какъ это сдѣлать? А вотъ въ этомъ все и дѣло. Докажи себѣ, что уменъ уродился и придумай!“

И нѣсколько дней подъ-рядъ Никифоръ сидѣлъ безвыходно въ своей горницѣ или лежалъ на кровати и переворачивалъ въ головѣ все одинъ и тотъ же вопросъ, дѣлалъ сотни плановъ, — отъ самыхъ простыхъ, до самыхъ хитрыхъ, — но не рѣшался ни на что.

Петръ Ивановичъ Ждановъ, вѣздившій постоянно на охоту за зайцами по первой порошѣ, простудился, застѣлъ дома и отъ тоски сталъ чаще навѣщать побочнаго сына, ради того, чтобы поболтать. Часто Никифоръ запирался, прикидываясь спящимъ, но изрѣдка по неволѣ долженъ былъ впускать отца.

Бесѣды обоихъ, конечно, шли всегда все объ одномъ и томъ же — о крутоярскихъ дѣлахъ, о Нилочкѣ и о томъ, что, если

придется покидать мѣсто опекуна, то дѣваться некуда и жить нечѣмъ.

— И какъ это ты не сѣумѣлъ въ дружбу съ княземъ войти!— сотый разъ сказали однажды Ждановъ, придя къ сыну въ вечеру.

Петръ Ивановичъ охрипъ, сидѣлъ съ повязаннымъ горломъ, съ припаркой изъ мыла и меду, ноги были въ валенкахъ, а на икрахъ были горчишники. Видъ у него былъ самый унылый, кислый.

— Какъ это ты—малый умный, а простого дѣла сдѣлать не можешь?—продолжалъ нить Ждановъ, слезливо глядя на сына.

— Ахъ, батюшка!—нетерпѣливо отозвался Никифоръ.— Когда же вы перестанете? Только одинъ у васъ этотъ разговоръ и есть.

— Да, глупый, ты пойми, вѣдь отъ этого наша жизнь— моя и твоя—въ зависимости! Выйдетъ замужъ Кошечая за Илью или за кого другого, насъ выкинутъ отсюда, какъ щенятъ выкидываютъ. А выйди она за князя Льгова при нашей помощи, мы на-вѣки тутъ останемся. Онъ человѣкъ добрый, сердечный. Я ничего не могу. А ты будто не хочешь, не стараешься.

— Какъ же я буду стараться?—нетерпѣливо воскликнулъ Никифоръ.— Ну, коли вы хитры, придумайте... Научите! Вы, знай, повторяете одно: да сдружись, да повѣнчай ихъ! А вы вотъ скажите, какъ...

— Да, что же... Просто бы выкрали Неонилу Аркадьевну да и повѣнчали. Онъ бы выкрадывалъ, ты бы помогалъ, повѣнчалъ бы его въ церкви—и конецъ! Что жъ тогда Сергѣй Сергѣевичъ подѣлаетъ? Не развѣнчивать же! Очень просто!..

— Просто! Просто! У васъ все просто!—выговорилъ недовольнымъ голосомъ Никифоръ.—Зубами луну достать тоже просто: потянуться да и цапнуть ее за хвостъ. Очень просто!

Но говоря это, Никифоръ вдругъ слегка измѣнился въ лицѣ. Мысль, блеснувшая въ его головѣ, сразу заставила его сморщить брови, поджать губы и пытливо устремить красиво-злые глаза на отца.

Петръ Ивановичъ, знавшій сына хорошо, сразу увидѣлъ, что Никифоръ пораженъ тѣмъ совѣтомъ, который онъ далъ ему. И далъ онъ какъ-то вдругъ, зря... Съ языка сорвалось прежде, чѣмъ въ головѣ разсудилось.

— Что же, Никиша, развѣ я вздоръ сказываю? — вдругъ ухватился Ждановъ за свою собственную мысль и пріободрился. — Ей Богу бы такъ! Научи ты князя похищать Неонилу Аркадьевну и вызовись помогать. Будешь его главнымъ помышленникомъ, онъ тебя озолотитъ... Чего проще!

— Пустое все! — выговорилъ Никифоръ, но при этомъ слегка задумался и на все, что говорилъ Ждановъ, на всѣ его вопросы не отвѣчалъ ни слова.

Петръ Ивановичъ, замѣтивъ, что сынъ усиленно обдумываетъ что-то, замолчалъ и сталъ ждать.

Прошло около получаса и, наконецъ, Ждановъ спросилъ:

— Что жъ, Никиша, ладно я сказываю? Надумаль что?

— Все пустое! — отозвался Никифоръ, но при этомъ усмѣхнулся, и веселое выраженіе промелькнуло на его лицѣ.

— Вотъ и врешь! По лицу вижу, что хитришь. Стыдно тебѣ отъ родного отца таяться! Я жъ тебѣ доброе дѣло посоветоваль, сказалъ, что сдѣлать, а ты лучше меня съумѣешь придумать, какъ все произвести. И таяться отъ меня — не слѣдъ тебѣ, потому что я тоже малость помогу.

— Подумаю! — отозвался Никифоръ. — Надо поразсудить... Коли покажется мнѣ дѣло это возможнымъ, я отъ васъ таяться не стану... Зачѣмъ? Вы не пойдете разбалтывать.

Не смотря на желанія Жданова обсудить тотчасъ же, какъ исполнить предложенный имъ планъ, Никифоръ отказался разсуждать объ этомъ на отрѣзъ и сталъ говорить о пустякахъ.

Когда Петръ Ивановичъ ушелъ отъ сына, чтобы переменить припарки и снять горчишники, которые здорово нарвали ему икры во время бесѣды, Никифоръ, оставшись одинъ, быстро зашагалъ по своей маленькой комнаткѣ.

— Ай, да батька! — говорилъ онъ вслухъ. — Нѣтъ, каковъ батька-то! И вотъ бываетъ дуракъ-то умнѣ умныхъ... Каково придумаль? Не придумаль, а меня придумать заставилъ! Да, самое лучшее дѣло. Пускай они будутъ выкрадывать Нилочку, а ужъ что не выкрадутъ, за это я отвѣчаю. Я все подготовлю, все устрою, а Сережка и Марьяшка все разстроить. А мое-то дѣло устроить все-таки. А я буду въ сторонѣ, только въ придачу еще денегъ наживу отъ Мрацкаго. Нѣтъ, каковъ мой-то родитель! Какъ бываетъ на свѣтѣ: глупые люди по совершенной глупости умныя вещи выдумываютъ!

И весь вечер и часть ночи Никифоръ обдумывалъ планъ, мысль о которомъ подалъ ему отецъ. Все яснѣе представлялось ему, какъ онъ будетъ дѣйствовать и что должно неминуемо произойти изъ хитрой затѣи.

На другой день, около полудня, Никифоръ уже былъ на половинѣ Мрацкаго и велѣлъ доложить о себѣ. Старикъ-лакей Герасимъ заявилъ, что баринъ плохо почивалъ ночь, только что поднялся и врядъ ли допустить къ себѣ молодого барина.

— Ладно, ты все-таки доложи. Скажи, у Никифора Петровича дѣло есть самое спѣшное. Небось меня приметь.

И Никифоръ не ошибся. Черезъ минуту принятый Мрацкимъ, онъ уже сидѣлъ противъ него и объяснялъ, что имѣетъ крайне важное дѣло.

Съ той первой бесѣды между Мрацкимъ и Никифоромъ, когда ехидный опекунъ нанялъ головорѣза служить себѣ и далъ ему мѣшочекъ съ сотней цѣлковыхъ, много разъ видѣлись и говорили они. И теперь отношенія стараго опекуна и молодого малаго были совершенно иныя, въ ихъ бесѣдахъ слышалось равенство.

Никифоръ посмѣлялся по отношенію къ Мрацкому, выражался прямѣе и рѣзче, ничего не скрывая изъ своихъ убѣжденій. Опекунъ, найдя въ молодомъ человѣкѣ настоящаго „сибирнаго“, не боящагося ни Бога, ни чорта, былъ не только доволенъ, что приобрѣлъ такого слугу, но даже началъ находить удовольствіе въ бесѣдахъ съ нимъ.

Въ настоящихъ обстоятельствахъ Мрацкому именно нуженъ такой малый, черезъ котораго онъ могъ бы добиться своей затаенной цѣли. Разумѣется, Мрацкій думалъ и былъ убѣжденъ, что въ этой затѣѣ Никифоръ сложитъ голову, а онъ самъ съумѣетъ остаться въ сторонѣ и пожать плоды подвиговъ „разбойнаго“ малаго.

Удивительнѣе всего было то, что опекунъ, узнавъ Никифора ближе, нисколько не презиралъ его, не боялся и не ужасался тѣмъ, что нашель въ немъ.

„Молодецъ малый!—думалось Мрацкому. — Вотъ кабы мой Илья такой былъ! Мы бы тогда не только женились на Кошевой, а и всякія бы дѣла творили. Разжились бы и въ знатные люди вышли. Молодецъ малый! И подумаешь, что уродился отъ этакого остолопа, какъ Ждановъ. Впрочемъ, вѣрно-то это извѣстно одной караимкѣ“...

XXII.

— Ну, въ чемъ же твое важное дѣло? Повѣстуй!—выговорилъ Мрацкій, когда Никифоръ сѣлъ передъ нимъ.

— Новое дѣло и дѣло спѣшное! Только прошу васъ, Сергѣй Сергѣевичъ, сразу никакого мнѣ отвѣта не давать, потому что отвѣтъ вашъ будетъ неправильный. А вы подумайте денекъ, два, три, разсудите и обсудите все и тогда отвѣтствуйте. Вамъ извѣстно, что я, несмотря на всѣ мои старанія, не могъ съ княземъ сдружиться, не могъ и съ Щепинымъ. Оба они меня чуждаются, да и оба—такія кислыя твари, что гдѣ имъ кутить! Стало быть, дѣло наше проигранное... И вотъ я придумалъ, какъ вывернуться изъ обстоятельствъ. Буду вамъ прямо сказывать! Надобно намъ устроить, чтобы князь Льговъ Неонилу Аркадьевну выкралъ, чтобы тайно съ ней вѣнчаться. А я за все дѣло берусь.

Мрацкій выпучилъ глаза и разинулъ ротъ, но затѣмъ, тотчасъ же догадавшись, вымолвилъ:

— Вѣрно ты хочешь сказать, что будетъ князь похищать Нилочку, не похитить и не обвѣнчается?

Никифоръ разсмѣялся.

— На это вамъ, умному человѣку, и отвѣчать мнѣ не подобаетъ...

— Ну, то-то! Стало быть, что же ты хочешь? Князь явится похитителемъ, ты будешь ему помогать. А тамъ что же? Кто же мѣшать будетъ?

— Вы же...

— Самолично и собственноручно?

И Мрацкій разсмѣялся презрительно.

— Зачѣмъ, Сергѣй Сергѣевичъ! Я же не дуракъ! Вы будете въ этихъ горницахъ сидѣть, но будете знать, въ какіе часы и гдѣ крадутъ Нилочку Аркадьевну. Другіе люди мѣшать будутъ, которыхъ я же достану, а вы только указъ дадите имъ.

— Какой?

— Мѣшать...

— Да какъ мѣшать, дуракъ?

— Вѣстимо, бить воровъ и ловить.

— И только того?

— Нѣтъ-съ... Въ самую эту свалку князя изъ ружья и положить на мѣстѣ.

— Кто же?

Никифоръ разсмѣялся.

— Невѣдомый человекъ, Сергѣй Сергѣевичъ.

— Нѣтъ. Дѣло страшное!—выговорилъ Мрацкій, подумавъ.— Съ губернаторомъ потомъ не развяжешься... Это ты глупо выдумалъ.

Нѣтъ, Сергѣй Сергѣевичъ, вовсе не глупо... Вы за себя боитесь. Такъ поймите: вы дадите приказъ остановать до время Неонилу Аркадьевну, поймать похитителей и въ случаѣ сопротивленія малость поучить ихъ. И больше ничего. А на это у васъ и свидѣтели будутъ,—можете ихъ, сколько хотите, набрать. При нихъ можете приказаніе отдать. А откуда явится ружье и кто князька на мѣстѣ положить, будетъ только для всеобщаго удивленія и аханья. И кто онъ такой, и какъ затесался, и какъ все приключилось—будетъ вовсе непонятно никому. Если бы даже что потомъ и раскрылось, паче чаянія, то все-таки вы въ сторонѣ, а пропадетъ другой человекъ.

— Пропадетъ!..—проворчалъ Мрацкій.—Кабы онъ пропалъ тутъ же, сквозь землю провалился! А вѣдь его возьмутъ, пытать будутъ, судить. Онъ тутъ и скажетъ: „это, молъ, было уговорено у насъ съ Сергѣй Сергѣевичемъ, а теперь я попался, а онъ отпирается“.

— Какая же ему выгода-то выдавать васъ?

— А чертъ тебя знаетъ! Ты, малый,—и Варрава, и Іуда вмѣстѣ.

— Такъ не хотите вы на это итти?—спросилъ Никифоръ рѣшительнымъ голосомъ.

И Мрацкому показалось, что если онъ отвѣтитъ отрицательно, то у этого головорѣза какъ будто есть уже какой-то другой готовый планъ, совершенно противоположный и для Мрацкаго, конечно, невыгодный.

— Если я не соглашусь на это дѣло, то ты все-таки похищеніе устроишь, только уже дѣйствительное. Такъ ли?

Никифоръ не отвѣтилъ, а пожалъ плечами.

Мрацкій потупился и задумался. Онъ былъ пораженъ тѣмъ, что ему ни разу не пришло на умъ, откуда грозила опасность его планамъ. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ ни разу не додумался до этого, до чего уже, можетъ быть, додумался не только Никифоръ, но и самъ князь.

— Какая путаница!—выговорилъ Мрацкій вслухъ.—Какая у насъ въ Крутоярскѣ путаница! Какія чудеса въ рѣшетѣ!

Самъ чортъ ничего не разбереть! Всѣ мы перепутались! Видѣлъ я все здѣсь насквозь, а теперь у меня въ глазахъ рябитъ начало. Смѣялся надъ Марьяной Игнатьевной, что она курамъ во щи угодить, а теперь начинаю думать, что какъ бы и меня не обошли и не нарядили въ дураки. Слушай-ка, Никифоръ, отвѣчай ты по сущей по правдѣ: князь собирается красть Нилочку? Ему это первому на умъ пришло?

— Нѣтъ,—кратко отозвался Никифоръ.

— Ты лжешь!

— Нѣтъ, не лгу. Я это надумалъ — и надумалъ на два образа.

— Или въ мою пользу, или въ его пользу? Или князь будетъ украдывать, да не украдетъ, — или же своруетъ и обвѣнчается.

— Можетъ быть!—отозвался Никифоръ.

— Не отвѣчай такъ! Глупый отвѣтъ!

— А какъ же мнѣ умнѣе отвѣтить?

Наступило вновь молчаніе.

Мрацкій задумался и въ нѣсколько мгновеній сообразилъ все вполнѣ. Онъ убѣдился въ томъ, что ему надо рѣшиться. Онъ былъ увѣренъ, что дѣло о похищеніи Кошевой уже затѣяно княземъ и при помощи Никифора можетъ удасться. И тогда все пропало. Если же онъ дастъ денегъ Никифору,—и, очевидно, въ этомъ не дѣло, — то похититель будетъ убитъ собственнымъ же своимъ помощникомъ, а онъ Мрацкій, въ сторонѣ.

— Ладно, я согласенъ!—выговорилъ онъ вдругъ. И, какъ бы рѣшившись на отчаянный шагъ и взволновавшись, Мрацкій всталъ и началъ медленно ходить по гостиной.

— Вы не смущайтесь, Сергѣй Сергѣевичъ! Вы, стало быть, все-таки не совсѣмъ въ меня вѣруете. Сто разъ вамъ говорю — ничего худого не будетъ! Князька ухлопаютъ на мѣстѣ, а кто ухлопалъ и какъ, какимъ чудомъ совершилось это,—никогда никто не узнаетъ. Люди ваши будутъ клясться и божиться, что сами не знаютъ, какъ потрафилось!..

— Ладно, что жъ дѣлать! Другого выхода нѣтъ! Сколько же тебѣ денегъ дать? Небось заломишь?

— Зачѣмъ... Дайте сто рублей! Довольно будетъ.

— На что собственно?

— А ѣхать въ Самару, вертѣться около князя и подговаривать на похищеніе. Да и на-счетъ свадебныхъ пригото-

лений тоже. Взаимы ему дамъ. У него вѣдь тоже денегъ-то— грошъ!

— Ну, ладно! Зайди въ сумерки, а я еще подумаю.

— Зачѣмъ въ сумерки? Думайте хоть три дня, все равно, только рѣшайтесь твердо! Помните: начнемъ мы ладить воровство Крутоярской царевны, а вы побойтесь мѣшать. Что же изъ этого выйдетъ? Мы ее и украдемъ...

Никифоръ вышелъ бодрый и довольный прошелъ въ свою горницу, но, посидѣвъ немного у себя, вдругъ поднялся съ рѣшимостью въ лицѣ и отправился чрезъ парадныя комнаты къ Щепиной. Горничная дѣвушка доложила о немъ главной мамушкѣ.

— Что ему нужно, двухголовому? — отозвалась Щепина. — Поди, спроси, какое такое дѣло у него до меня?

— Никифоръ заявилъ, что у него есть неотложное дѣло.

Марьяна Игнатьевна впустила къ себѣ молодого малаго, котораго не любила и презирала. Увидя непріязненное лицо Щепиной, Никифоръ сталъ сумрачнѣе и сдѣлалъ видъ, что самъ непріязненно относится къ Щепиной и является какъ бы поневолѣ.

— Дѣло у меня есть до васъ, Марьяна Игнатьевна, — холодно заговорилъ онъ садясь. — Я не имѣю чести быть у васъ въ любимцахъ! За что вы меня не влюбили — Богъ вѣсть. Да это ваше дѣло и мнѣ не любопытно. Я и безъ вашей дружбы проживу на свѣтѣ. Пришелъ я къ вамъ въ краткихъ словахъ пояснить кое-что. Вы бы желали, чтобы Борисъ Андреевичъ сочетался бракомъ съ Неонилой Аркадьевой...

— Что ты врешь! Какъ ты смѣешь этакое врать! — воскликнула Марьяна Игнатьевна.

— Виновать! Такъ и положимъ, что я вру. Но позвольте у васъ спросить, будетъ ли вамъ пріятно, если вдругъ Неонилу Аркадьевну выкрадетъ кто-нибудь и женится на ней. А вы узнаете это тогда, когда вамъ останется только поздравлять новобрачныхъ.

Щепина такъ же, какъ и Мрацкій, была поражена этими нѣсколькими словами. И ей точно также никогда, ни одинаго раза не приходила на умъ возможность такого событія въ Крутоярскѣ: а между тѣмъ она была даже удивлена простотой и удобоисполнимостью того, что ей вдругъ объявили.

„Украдетъ и женится князь, а узнается все поздно, когда уже будутъ поздравлять“, — подумала она.

И Марьяна Игнатъевна была на столько поражена, что долго сидѣла, вытаращивъ глаза на Никифора; молодой же человекъ съ покойнымъ лицомъ молчалъ и ждалъ.

— Что ты врешь?—глухо выговорила Щепина.

Никифоръ пожалъ плечами.

— Какой же это разговоръ, Марьяна Игнатъевна? Я буду говорить, а вы будете отвѣчать: врешь да врешь! Ну, положимъ, что вру, и тогда поясните, зачѣмъ я вру. На что оно мнѣ нужно? То-то вотъ... Я васъ предупредить пришелъ, не изъ любви къ вамъ—лгать не стану, а по совѣстмъ особымъ причинамъ, для меня выгоднымъ. Вотъ и скажите мнѣ. Когда стануть выкрадывать Неонилу Аркадьевну, а она охотно пойдетъ на это, васъ обманывая,—желаете вы быть въ невѣдѣніи того, что творится у васъ подъ носомъ, или желаете знать, когда это будетъ?

Щепина молчала и какъ бы постепенно приходила въ себя.

— Вамъ, конечно, пріятнѣе будетъ все знать, чтобы помѣшать Неонилѣ Аркадьевнѣ всяческими средствами. Ну, вотъ и есть человекъ, который васъ во время предупредить, что, молъ, держите ухо востро, начинается!

— Совѣстмъ, право, не знаю! Ничего не понимаю!—нерѣшительно выговорила женщина.

— Но вотъ въ чемъ дѣло, Марьяна Игнатъевна,—продолжалъ Неплюевъ серьезнымъ дѣловымъ голосомъ. Это все при-сказка, а сказка-то впереди. Я приду васъ впереди увѣдомлю, когда будутъ выкрадывать нашу царевну, впереди скажу, какъ все будетъ подстроено, но вы должны съ своей стороны, если своего счастья желаете, всячески Неонилѣ Аркадьевнѣ помогать, ничему не препятствовать, сборы ея облегчать и даже своего Бориса Андреевича приставить, чтобы онъ ей помогъ.

— Что ты, ошалѣлъ, что ли? Или балуешься?—воскликнула Щепина.

— Нѣтъ, Марьяна Игнатъевна! Выслушайте!

И Никифоръ толково разсказалъ Щепиной, что князь рѣшился похитить Нилочку, которая на это согласна, а что она мѣшать похищенію не должна, такъ какъ все кончится не вѣнчаніемъ, а смертоубійствомъ. Князь Льговъ при этомъ похищеніи будетъ убитъ и самаго главнаго жениха у Неонилы Аркадьевны судьба отниметь. Останутся Илья Мрацкій и ея сынъ—Борисъ.

Щепина сидѣла, какъ бы оглушенная всѣмъ, что сказали Никифоръ, и, наконецъ, понемножку приди въ себя, заговорила:

— На мой толкъ, все это не такъ. Ты больно о себѣ большого мнѣнія, всѣхъ за дураковъ считаешь и меня въ дуры произвелъ! Помогай я Нилочкѣ бѣжать для того, чтобы она съ княземъ обвѣнчалась! Ужъ больно ты простоватъ, Никифоръ, коли думаешь, что я такая дура.

— Совершенно вѣрно, Марьяна Игнатьевна, оно бы такъ и могло быть. Вы—единственный человѣкъ, который может все дѣло испортить, просто двери запереть и не выпустить Неонилу Аркадьевну. А нужно, чтобы вы были въ согласіи, чтобы вы помогли и ничему не препятствовали. Но такъ какъ вы полагаете, что я васъ обманываю, якобы какой наемникъ князя, то я на это вамъ и отвѣчаю: приставьте къ Неонилѣ Аркадьевнѣ помощника, Бориса Андреевича. Что же, по вашему, онъ допуститъ вѣнчаніе? Можете ему строжайшій приказъ дать, что если я васъ обманываю, чтобы онъ не допускалъ обмана. Я вамъ повторяю, что какъ только Неонила Аркадьевна съ княземъ встрѣтятся, такъ сейчасъ же тотъ на мѣстѣ и останется, а она съ Борисомъ Андреевичемъ вернется въ домъ. Ну-съ, вотъ и все! Подумайте и отвѣтъ мнѣ дайте. Отвѣтъ вашъ я желаю простой: предупреждать мнѣ васъ, когда будетъ назначенъ часъ и день для этого воровства, или не предупреждать? Подумайте хорошенько! Мы и безъ васъ можемъ обойтись, но лучше, если вы намъ поможете.

— Да кто „мы“? Вѣдь это ты для Ильи Мрацкаго все вымыслилъ?

— Марьяна Игнатьевна, то не мое дѣло! Мое дѣло—князя похерить, а затѣмъ останутся Илья да вашъ Борисъ, а тамъ уже ваше дѣло будетъ. Захотите вы меня въ помощники съизнова взять, тогда и я свое слово скажу. Не захотите—возжайтесь сами съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ, кто кого обдѣлаетъ. Вотъ и все, Марьяна Игнатьевна. А черезъ денька два я приду къ вамъ за отвѣтомъ, полагаться ли на васъ, или нѣтъ,—будете вы мѣшать Неонилѣ Аркадьевнѣ въ срочный часъ, или помогать.

Никифоръ поднялся и хотѣлъ уходить, но женщина оставила его:

— Стой... Мнѣ нечего думать... Я лучше по твоему буду поступать, а то вы съ Сергѣемъ Сергѣичемъ меня еще хуже

проведете. Я мѣшать не буду Нилочкѣ, но Бориньку къ ней приставлю и прикажу яко бы помогать, докуда можно... До храма... Но не дальше... Вѣнчаться онъ не дастъ.

— Больше ничего отъ васъ мнѣ и не нужно... отвѣтилъ Никифоръ улыбаясь.

XXIII.

— Какъ по маслу!—думалъ Неплюевъ, вернувшись къ себѣ.—А князь и Нилочка даже еще и не знаютъ ничего.

Разумѣется, Никифоръ тотчасъ же прежде всего рѣшилъ переговорить скорѣе съ самой Крутоярской царевной. Это было очень просто и въ то же время очень трудно. Никифоръ часто бывалъ у молодой дѣвушки въ гостяхъ. Она любила говорить съ нимъ, такъ какъ молодой малый забавлялъ ее всякаго рода рассказами и часто смѣшилъ. Но эти разговоры происходили всегда въ присутствіи Марьяны Игнатьевны. Повидаться и переговорить съ Нилочкой наединѣ—было мудрено.

Отправившись къ царевнѣ, Никифоръ долженъ былъ просидѣть около часу, болтая про все, что только приходило ему въ голову, и, наконецъ, воспользовавшись мгновеньемъ, когда Марьяна Игнатьевна отошла въ другой уголъ горницы, онъ тихо произнесъ:

— Неонила Аркадьевна! надо намъ побесѣдовать... Важное дѣло... о князѣ... Освободитесь отъ нея завтра да пришлите за мной.

Тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ Нилочка была бы крайне удивлена подобнымъ предложеніемъ, — оно показалось бы ей странной, неприличной выходкой со стороны Неплюева. Но теперь времена перемѣнились. Съ тѣхъ поръ, что она любила князя, она окружена, если не врагами, то неприязненно-настроенными людьми. Чтобы побѣдить, надо дѣйствовать самой.

Дѣвушка ничего не успѣла отвѣтить и только кивнула головой, но на другой день около полудня горничная явилась просить Неплюева къ барышнѣ.

Явившись, Никифоръ нацѣль дѣвушку одну. Марьяна Игнатьевна отправилась къ сыну въ горницу, вызванная имъ подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ. Разумѣется, Борисъ, по уговору съ Нилочкой, освободилъ ее отъ матери.

Никифоръ прямо и рѣзко спросилъ у дѣвушки, желаетъ ли она выходить замужъ за князя Льгова и, если окончательно рѣшила это, то что она намѣрена дѣлать.

Нилочка отвѣчала тоже прямо и искренно, что съ ея стороны это дѣло рѣшенное, но что она пока не знаетъ, какъ все обойдется.

— Вамъ, конечно, извѣстно, Неонила Аркадьевна, что весь Крутойрскъ противъ этого, отъ опекуновъ вашихъ и Марьяны Игнатьевны до послѣдняго двороваго, который, ради боязни Мрацкихъ, не станетъ вамъ помогать. Возьмите меня къ себѣ въ помощники—и все дѣло обойдется счастливо. А я расскажу вамъ то, что вамъ неизвѣстно, что замышляется противъ васъ.

И Никифоръ нарисовалъ цѣлую картину насильственнаго брака дѣвушки съ Ильей Мрацкимъ, который замышляетъ его отецъ. И онъ сталъ доказывать дѣвушкѣ, что ей единственное спасеніе—рѣшиться бѣжать съ княземъ и тайно обвѣнчаться.

Никифоръ былъ увѣренъ, что дѣвушка испугается такого плана, но, къ его удивленію, Кошечкина отвѣтила просто:

— Я готова, когда угодно. Но пойдетъ ли на это князь? Согласится ли онъ?

— За него я вамъ отвѣчаю!—твердо солгалъ Никифоръ.— Ему нужно только ваше согласіе, а самъ онъ готовъ. Позвольте мнѣ передать ему отъ вашего имени, что вы согласны,—и все будетъ кончено. Если князь самъ не возьмется за все, то я берусь. Завтра я поѣду въ Самару, а послѣ-завтра привезу уже вамъ отвѣтъ. А черезъ недѣлю вы будете уже княгиней Льговой. Только обѣщайте мнѣ одно: въ назначенный день не испугаться и не итти на попятный дворъ.

— Никогда!—вскрикнула Нилочка, и лицо ея оживилось.— Вы, стало быть, меня не знаете.

Никифоръ помолчалъ и съ удивленіемъ присмотрѣлся къ дѣвушкѣ.

— Думалъ, что знаю, Неонила Аркадьевна, а вижу теперь, что ошибался. Тѣмъ лучше, если вы такая смѣлая.

Когда Никифоръ поднялся, сталъ прощаться, дѣвушка выговорила взволнованнымъ голосомъ:

— Если все это удастся, если князь пойдетъ на это и все кончится благополучно, то я буду у васъ въ долгу, Никифоръ Петровичъ! Потребуйте у меня тогда—что хотите! За

то, чтобы быть женой князя, я готова отдать цѣлую вотчину. Въ этомъ я вамъ божусь передъ Богомъ!

И дѣвушка сама не знала, какое громадное значеніе получили эти слова въ глазахъ Никифора. Онъ настолько хорошо зналъ Нилочку, что не могъ ей не вѣрить. А между тѣмъ такое обѣщаніе измѣняло всю его затѣю сразу. Онъ смутился и задалъ себѣ вопросъ: что же дѣлать?

Отъ Мрацкаго онъ могъ получить какую-нибудь тысячу рублей въ награду, да и это было сомнительно. А Нилочка не была способна обмануть. Остается узнать только, захочетъ ли князь, сдѣлавшись ея мужемъ, быть столь же щедрымъ. Вотъ что слѣдовало только выяснить.

Въ тотъ же вечеръ Неплюевъ выѣхалъ въ Самару, а на другой день былъ уже у князя съ визитомъ и былъ имъ принятъ точно такъ же, какъ и прежде: вѣжливо, но холодно.

Разумѣется, Никифоръ не тотчасъ и не прямо съ плеча предложилъ ему свой планъ похищенія Нилочки.

На его прозрачные намеки объ этомъ князь отвѣчалъ гордо, а затѣмъ началъ отшучиваться, явно показывая, что не желаетъ въ такого рода переговоры входить съ такимъ человѣкомъ, какъ Неплюевъ.

— Зачѣмъ я буду затѣвать такое дѣло, — сказалъ наконецъ, князь, — когда черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и скорѣе все можетъ произойти гораздо проще. Г. Звѣревъ въ Петербургѣ и долженъ представиться графу Разумовскому и когда вернется сюда, то отправится въ Крутоярскъ моимъ сватомъ съ письмомъ отъ гетмана.

Никифоръ, конечно, былъ не только удивленъ, но даже пораженъ извѣстіемъ, что Звѣревъ хлопочетъ въ Петербургѣ. Весь его планъ долженъ быть сразу рухнуть. Но въ одну минуту онъ сообразилъ все и взялся за дѣло иначе, самъ удивляясь своей дерзости.

Очень вѣрю, князь, что г. Звѣревъ успѣетъ въ своихъ хлопотахъ. Но будетъ поздно. Если пошло на правду, то я долженъ вамъ признаться во всемъ. Меня послала къ вамъ сама Неонила Аркадьевна сказать вамъ, что надо спѣшить. Она прямо приказала спросить у васъ, готовы ли вы выкрасть ее изъ Крутоярска и тайно вѣнчаться?

— Сама Неонила Аркадьевна?! — изумился князь.

— Да-съ.

— Васъ послала ко мнѣ спросить объ этомъ?

— Да-съ, такъ точно. А причина этому очень простая: не пройдетъ недѣли, Неонила Аркадьевна можетъ сдѣлаться женой Ильи Мрацкаго...

— Какимъ образомъ?!—вскрикнулъ князь.

— Этого я вамъ передать не могу... Какъ это совершится— не знаю. Сергѣй Сергѣевичъ Мрацкій—самый хитрый и дерзкій человѣкъ, какіе когда-либо на свѣтъ родились. Неонилѣ Аркадьевнѣ хорошо извѣстно, что Мрацкій затѣваетъ что-то для нея погибельное и что ей невозможно будетъ спастись отъ этого. Можетъ быть, потомъ и опекуна, и его сына будутъ судить. Да что жъ толку-то? Сама Неонила Аркадьевна говоритъ, что когда она уже станетъ женой Ильи, такъ что же ей судиться? Надо будетъ судьбѣ покориться. Поэтому она и проситъ васъ спасти ее отъ Мрацкихъ.

— Это совершенно иное дѣло!—взволнованно выговорилъ князь.—Но что жъ они могутъ придумать, Мрацкіе? Вѣдь нельзя же насильно вѣнчать.

— Не могу вамъ на это отвѣчать ничего. Что это все они затѣваютъ—я знаю вѣрно, но какъ они исполнять затѣю—не знаю. Мрацкій—такой изувѣръ, что на все пойдетъ. И такъ, князь, что же мнѣ отвѣчать Неонилѣ Аркадьевнѣ?

— Понятно, что я на все готовъ. Но вѣдь я не могу видѣться съ ней. Кто же поможетъ намъ?

— Я, князь. И берусь за все. Головой отвѣчаю, что все кончится благополучно, что мы надумемъ, перехитримъ Мрацкихъ. Но главное—спѣшить надо. Скажите мнѣ только одно: когда вы будете мужемъ Неонилы Аркадьевны, согласитесь ли вы щедро наградить меня за мою услугу?

— Да, но какъ я могу наградить васъ?

— Вы можете подарить мнѣ одну изъ вотчинъ Неонилы Аркадьевны.

— Конечно, съ ея согласія,—отозвался князь, но улыбнулся такъ странно, что Никифоръ почему-то подумалъ:

„Обманеть!“

Никифору показалось, что его предложеніе было для князя даже забавнымъ. Онъ въ одно мгновеніе убѣдился, что этотъ человѣкъ, когда женится на Кошевой, не дастъ ему ни рубля.

И Никифоръ ошибся. Не отъ этого улыбнулся князь. Услыхавъ объ этой уплатѣ за услугу, князь заподозрилъ все. Ему пришло на умъ, что Никифоръ хитритъ и лжетъ, что Мрацкіе ничего не затѣваютъ противъ Нилочки, а что безродный приемышъ

Жданова желаетъ просто устроить похищеніе и самокрутку князя, чтобы поживиться на счетъ состоянія Кошевой.

— Да точно ли васъ послала ко мнѣ Неонила Аркадьевна?—выговорилъ онъ холодно.

— Не знаю, почему вы не хотите мнѣ вѣрить?—обидчиво отозвался Никифоръ.

— Ну, положимъ. Но не ошибается ли Неонила Аркадьевна? Затѣваютъ ли что Мрацкіе? Можетъ быть, у нихъ и на умѣ ничего нѣтъ?

Никифоръ подумаль мгновеніе и отвѣтилъ вопросомъ:

— Стало быть, вы не согласны ни на что? Вы меня заподозрили? Это неудивительно. Но надѣюсь, князь, что вы повѣрите, если услышите отъ самихъ Мрацкихъ, что они затѣваютъ?

— Да, тогда бы я по-неволѣ...

— Согласны ли вы явиться въ Крутоярскъ тайкомъ къ вечеру, пройти въ садъ, пролѣзть по сугробамъ и влѣзть по лѣстницѣ въ окно вышиною всего аршина четыре?—выговорилъ Никифоръ, усмѣхаясь.

— Я васъ не понимаю!—отозвался Льговъ.

Никифоръ повторилъ то же самое и прибавилъ:

— Вы тайкомъ проберетесь и будете спрятаны у меня въ горницахъ. И у меня же Сергѣй Сергѣевичъ будетъ бесѣдовать о своихъ ухищреніяхъ, и вы всё услышите черезъ дверь. Тогда вы повѣрите, что спѣшить надо. Согласны ли вы?

— Конечно!—воскликнулъ князь.

— Извольте въ такомъ случаѣ черезъ два дня къ вечеру пріѣхать на село и прислать за мной. Все остальное—мое дѣло.

Князь согласился тотчасъ, поблагодарилъ Никифора и прибавилъ, смущаясь:

— Признаюсь, я ошибался... Я совершенно иначе судилъ васъ... Извините меня! теперь я вамъ вѣрю. Если же вы помышляете не о счастіи чужихъ вамъ людей, а о своихъ выгодахъ, то вѣдь это совсѣмъ понятно. Всѣ мы такъ же дѣйствуемъ. Своя рубашка къ тѣлу ближе.

— Вѣрно-съ... А коему человѣку чужія рубашки будутъ къ тѣлу ближе, тотъ непременно кончитъ въ жизни тѣмъ, что очутится голый...—пошутилъ Неплюевъ.

Черезъ часъ молодой человѣкъ былъ уже въ пути и размышлялъ раздражительно:

— Эко вѣдь путано-перепутано... Легче бы въ самую му-

дреную картежную игру играть... Ну, вдругъ Звѣревъ въ Питерѣ все обдѣляетъ! Не лучше ли мнѣ и впрямь ихъ повѣнчать, договорившись о вознагражденіи? А Борька?! Останется безъ отплаты. Послѣ его, что ли, убрать со своей дороги. Поздно будетъ! Ахъ, Аксюта!! Всѣ мои дѣла перепутала.

И, наконецъ, Неплюевъ рѣшилъ безповоротно:

— Прежде за себя постой! Не давай себя въ обиду. А тамъ послѣ думай о разживѣ.

XXIV.

Мрацкій, разумѣется, тотчасъ же согласился на лицедѣйство въ горницѣ Никифора, прийти и исповѣдаться въ своей якобы затѣѣ на счетъ насильственного брака сына съ Кошевой.

Когда Никифоръ подробно доложилъ обо всемъ, что узналъ отъ князя, то главное препятствіе для успѣха въ ихъ затѣѣ сначала даже испугало опекуна. Путешествіе Звѣрева въ Петербургъ могло дѣйствительно имѣть успѣхъ, и было совершенно понятно, что князь, ожидая благопріятнаго отвѣта изъ столицы, не найдетъ нужнымъ дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ, т. е. похищать Кошевую.

Мрацкій, разумѣется, былъ того же мнѣнія, что и Никифоръ. Для нихъ оставался единственный исходъ—дѣйствовать безотлагательно и понудить князя, не дожидаясь отвѣта Звѣрева, рѣшиться на похищеніе Нилочки. Но какъ заставить князя Льгова дѣйствовать?

Предложеніе Никифора было умно. Онъ скажется больнымъ, а Сергѣй Сергѣевичъ придетъ бесѣдовать съ нимъ въ его горницу и будетъ говорить о томъ, что онъ черезъ три дня, заранѣе все уже подстроивъ, насильно обвѣнчаетъ Илью съ Нилочкой. Князь Льговъ, спрятанный въ смежной горницѣ, все подслушаетъ. И выборъ у него будетъ одинъ: или уступить возлюбленную Ильѣ, или немедленно похищать ее.

Обдумавъ затѣю, Сергѣй Сергѣевичъ не только согласился на комедію, но даже подивился уму Никифора.

Пришелъ, однако, день, условленный между Никифоромъ и княземъ, а Льговъ не явился. Прошло еще два дня,—а изъ Самары не было ни слуху, ни духу.

Мрацкій уже началъ беспокоиться. Ему все чудилось, что каждый часъ могутъ вмѣстѣ появиться въ Крутойарскѣ Звѣ-

ревъ и Льговъ и привезти съ собой строжайшее предписаніе графа Разумовскаго—выдавать Кошевую за князя.

Мрацкій отъ волненія понемногу дошелъ до полной увѣренности, что многолѣтнія грезы его должны обратиться въ прахъ, и не только его Илья не женится на Кошевой, но не нынче—завтра онъ со всей семьей будетъ изгнанъ изъ Крутоярска, освобожденный отъ опеки княгиней Льговой.

И Мрацкій чувствовалъ, что онъ готовъ на все. Еслибы этотъ же самый сибирный Никифоръ предложилъ ему за извѣстную сумму денегъ, хоть за двѣ или три тысячи рублей, отправиться пришибить или прирѣзать князя въ самой Самарѣ, то онъ тотчасъ бы готовъ былъ согласиться.

Однажды, когда Неплюевъ, по собственному почину, уже собирался вновь въ Самару, къ вечеру на дворѣ Крутоярскихъ палатъ появились сани тройкой, и изъ нихъ вышелъ князь Льговъ. Появленіе его, конечно, какъ и всегда, многихъ удивило и всѣхъ заставило перешептываться во всѣхъ концахъ громаднѣхъ палатъ.

Пріѣздъ этотъ всѣхъ взволновалъ — отъ Нилочки, ея опекуновъ и ея главной мамушки и до послѣдней штатной барыни, до послѣдняго двороваго. Одинъ Мрацкій, увидя князя на подъѣздѣ дома, вздохнулъ свободнѣе.

— Одинъ пріѣхалъ, соколикъ!—вслухъ выговорилъ онъ и радостно хлопнулъ въ ладоши.

Мрацкій сразу понялъ, что если бы былъ удовлетворительный отвѣтъ изъ Петербурга, то князь не пріѣхалъ бы одинъ, а явился бы вмѣстѣ съ Звѣревымъ, чтобы официально свататься.

Явившійся князь велѣлъ доложить о себѣ Борису. Новые друзья встрѣтились и горячо расцѣловались. Князь прямо прошелъ въ горницу къ Щепину и объяснилъ, что пріѣхалъ на сутки по дѣлу, чтобы посоветоваться откровенно съ другомъ.

И съ перваго же мгновенія прибытія Льгова въ крутоярскихъ палатахъ началось нѣчто такое запутанное, замысловатое, такая неразбериха, что не только, по народному выраженію, всѣхъ чортъ веревочкой перевязалъ, но и самъ чортъ, если бы явился въ домъ, то запутался бы въ той сѣти, которую нѣсколько интригановъ соткали, спутали и накинудли на всѣхъ, зацѣпивъ и себя.

На другое утро два человѣка, уже побесѣдовавшіе съ княземъ: Щепинъ и Неплюевъ,—каждый въ свой чередъ, отпра-

вились тайно объясняться съ остальными лицами, помогавшими путать себя въ общую сѣть.

Около полудня всѣ до одинаго были озадачены, всѣ сомнѣвались, всѣ подозрѣвали другъ друга, и всякій, въ свой чередъ, боялся рѣшиться на что-либо. Загадка была во всемъ и во всѣхъ.

Одинъ Никифоръ зналъ ясно; что онъ дѣлаетъ, чего хочетъ и чѣмъ все путаное сочетаніе обстоятельствъ разрѣшится. Главныя лица—опекунъ и мамушка, которыми теперь Никифоръ игралъ, какъ куклами, были однако наименѣ смущены, наиболѣе полагаясь на себя, на свой разумъ и свое превосходство нравственное.

Въ домѣ, какъ наканунѣ вечеромъ, такъ и въ этотъ день, съ утра была рѣчь только объ одномъ—о бѣгствѣ Крутоярской царевны, о похищеніи ея княземъ. Всѣ главные обитатели дома знали это и всѣ скрывали другъ отъ друга. И всѣ были согласны, всѣ желали, чтобы подобное происшествіе совершилось—и какъ можно скорѣй.

Свѣжій, посторонній человѣкъ, который бы появился теперь въ Крутоярскѣ и обладалъ бы не только проникательностью, но и провидѣніемъ, неминуемо спросилъ бы:

— Кто же кого обманываетъ тутъ?

— Всѣ всѣхъ, но вмѣстѣ и себя самихъ.

Въ сущности, одинъ головорѣзь Никифоръ обманывалъ всѣхъ, потому что онъ одинъ зналъ, чѣмъ кончится вся затѣя.

Марьяна Игнатьевна, встрѣтившись съ княземъ, обошлась съ нимъ любезно и ласково, и Мрацкій былъ озадаченъ и удивленъ.

Борисъ узналъ отъ матери, что въ случаѣ чего-либо непредвидѣннаго онъ долженъ всячески помогать князю Льгову, и онъ былъ пораженъ. Передавъ все откровенно Нилочкѣ, какъ онъ дѣлалъ это всегда, онъ привелъ дѣвушку тоже въ совершенное изумленіе.

Князь, найдя во всѣхъ привѣтливость, которой никогда прежде не встрѣчалъ въ Крутоярскѣ, былъ настолько озадаченъ, что даже смутился и сталъ было подозрительно относиться къ Неплюеву, но его обнадеживало и сбивало съ толку участіе въ дѣлѣ Бориса.

Даже Петръ Ивановичъ Ждановъ, даже глупый Илья Мрацкій и тѣ, приглядываясь и прислушиваясь, таращили глаза,

чуяли что-то диковинное въ воздухѣ и нечего понять, конечно, не могли.

Льговъ, по пріѣздѣ, тотчасъ же переговорилъ откровенно съ Борисомъ и правдиво объяснилъ свое неожиданное появленіе въ Крутоярскѣ. Онъ получилъ съ нарочнымъ письмо отъ Звѣрева содержанія для него рокового.

Попытка Звѣрева—дѣйствовать прямо черезъ графа Разумовскаго—окончилась полной неудачей. Гетманъ объяснилъ, что уже давно избралъ для дѣвицы Кошевой достойнаго ея жениха и слѣдующимъ лѣтомъ выпишетъ Крутоярскую царевну въ Петербургъ, чтобы обвѣнчать съ избранникомъ.

Вдобавокъ, на этотъ бракъ милостиво смотрѣла и сама государыня Императрица. Имени этого избранника Звѣревъ не узналъ, но предполагалъ, что это одинъ изъ придворныхъ молодыхъ людей, занимающій крайне высокое положеніе.

Получивъ это извѣстіе, князь не палъ духомъ и рѣшился неотложно дѣйствовать и самымъ смѣлымъ образомъ, хотя бы, какъ говорится, очертя голову. Онъ рѣшился окончательно на то, что уже давно приходило ему на умъ и что на-дняхъ предложилъ ему Неплюевъ, яко бы отъ имени самой Кошевой.

Борисъ удивился не мало тому, что Нилочка послала для переговоровъ въ такомъ дѣлѣ къ князю не его, а Никифора, но, разумѣется, вызвался тайно отъ матери помогать имъ обоимъ, не жалѣя себя.

Въ тотъ же день въ маленькой горницѣ на-верху сошлись вмѣстѣ совѣщаться трое молодыхъ людей: Щепинъ, князь Льговъ и Неплюевъ. Дѣло казалось совершенно простымъ и яснымъ. Они трое собирались провести и обмануть опекуна Мрацкаго и главную мамушку Нилочки, конечно, съ согласія послѣдней. А между тѣмъ и Мрацкій, и Марьяна Игнатьевна знали въ эти минуты, что происходитъ тайное совѣщаніе молодыхъ людей, и знали—о чемъ оно.

Въ то же время Борисъ и Льговъ не знали, что сообщникъ ихъ Никифоръ беретъ много устроить—подпоить сторожей, мимо которыхъ ввечеру придется Нилочкѣ тайкомъ бѣжать, равно беретъ розыскать священника, который бы согласился вѣнчать князя, не имѣя документовъ невѣсты—все это на деньги, полученныя отъ самого обманываемаго имъ опекуна.

XXV.

Условившись съ Щепинымъ и съ Неплюевымъ окончательно въ своихъ дѣйствіяхъ—въ какой день и часть и въ какомъ мѣстѣ ожидать съ тройкой Нилочку,—князь Льговъ собрался уѣзжать.

Когда лошади были уже поданы, а князь спускался по парадной лѣстницѣ на подъѣздъ, главная штатная барыня Лукерья Ивановна явилась передъ нимъ и съ низкимъ поклономъ заявила, что барышня Неонила Аркадьевна покорнѣйше проситъ князя остаться кушать.

Не только князь, но и провожавшіе его Щепинъ и Никифоръ удивились. Борисъ привыкъ уже удивляться, но Никифору это новое для него положеніе показалось подозрительнымъ. Вѣдь онъ ведетъ все, у него въ рукахъ возжи отъ цѣлаго шестерика глупыхъ, бойкихъ, но неразумныхъ коней или, вѣрнѣе, нитки отъ нѣсколькихъ глупыхъ деревянныхъ куколъ, которыхъ онъ заставляетъ ходить, двигаться и прыгать по собственному усмотрѣнію.

Князь остался. Никифоръ тотчасъ же отправился къ Мрацкому, чтобы узнать, кто пригласилъ князя или заставилъ Нилочку пригласить его остаться въ Крутоярскѣ. Откушавъ, князь, конечно, останется на вечеръ, останется и ночевать. Кто же смѣетъ дѣйствовать помимо Никифора, не спросясь у него?

Къ немалому удивленію Никифора, Мрацкій былъ озадаченъ извѣстіемъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ въ присутствіи того же Неплюева старикъ Герасимъ доложилъ барину, что Неонила Аркадьевна проситъ Сергѣя Сергѣевича съ супругой и съ семействомъ откушать сегодня за ея столомъ въ большой залѣ.

— Видишь самъ, что не я ей приказъ посылалъ,—выговаривалъ Мрацкій угрюмо.—Меня самого приглашаютъ. Это, стало быть, Марьяшка хитритъ. А зачѣмъ—невѣдомо! Подика лучше къ ней, попытай ее.

Никифоръ отправился было въ горницы Марьяны Игнатьевны, но встрѣтилъ по дорогѣ своего врага, съ которымъ теперь лукавствовалъ.

Борисъ, не ожидая вопроса, вымолвилъ:

— Матушка сердита, страсть какъ сердита!

И при этомъ Борисъ кротко и весело размѣялся.

— Все порѣшила сама Нилочка, — продолжалъ онъ. — Не сказавши никому, заказала парадный обѣдъ, приказала все приготовить въ большой залѣ и послала Лукерью Ивановну приглашать князя, а потомъ пригласила и всѣхъ къ столу... Петра Ивановича и всѣхъ Мрацкихъ. Совсѣмъ какъ бы именины ея, или рожденіе, или праздникъ какой.

— Ай-да Неонила Аркадьевна! Молодецъ! Пора бы ей давно такъ дѣйствовать! — размѣялся Никифоръ. — Намъ зато можно надѣяться, что у нея и впрямь хватить сердца выйти изъ дому въ условный день и часъ.

Въ эту самую минуту около двухъ молодыхъ людей, разговаривавшихъ въ корридорѣ близъ большой лѣстницы, появилась Аксютя и тихо прошла, не поднимая на нихъ глазъ и даже слегка опустивъ голову.

Оба взглянули на нее. Ни тотъ, ни другой ни слова не сказали дѣвушкѣ, а затѣмъ оба глянули другъ другу въ глаза.

Щепинъ смущенно взглянулъ на Никифора, а этотъ настолько ненавистнымъ взглядомъ смѣрилъ Бориса, что пронизалъ его насквозь. И тутъ только впервые сталъ догадываться наивный Щепинъ, что имѣетъ въ лицѣ Ненлюева страшнаго и даже, пожалуй, опаснаго врага.

Да, передъ нимъ стоялъ его смертельный врагъ — и врагъ не съ нынѣшняго дня, а давнишній! А между тѣмъ онъ не уберегается нисколько отъ него, не замѣчаетъ его, не только не сторонится.

Никифоръ, уйдя къ себѣ, улыбался отвратительной, злобой усмѣшкой, исказившей его молодое и все-таки болѣе или менѣе пригожее лицо.

Борисъ отправился къ Нилочкѣ, но былъ задумчивъ, печаленъ. Какое-то странное чувство сжало ему сердце, будто боязнъ чего-то... Ему было въ сущности все равно, — любить ли его, или ненавидитъ пріемышъ Жданова — побочный сынъ какой-то татарки, или караимки. Но если онъ прочелъ въ глазахъ этого безроднаго головорѣза такую дикую ненависть къ себѣ, то не слѣдуетъ ли подумать объ этомъ?

„Но что же онъ можетъ?“ — выговорилъ, наконецъ, Борисъ вслухъ самъ себѣ. — „Конечно ничего!“

Борисъ нашелъ Нилочку совершенно не такою, какой оставилъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ.

Дѣвушка, объявившая ему, что сама рѣшила парадный обѣдъ

съ гостемъ, была тогда очень весела... Ее забавляла мысль, что она бунтуетъ, показываетъ вдругъ свою собственную волю, не стѣсняясь тѣмъ, что скажетъ или сдѣлаетъ опекунъ.

Теперь же онъ нашель дѣвушку въ углу ея горницы у окна за пяльцами, но она не шила. Опустивъ на худенькія руки свою бѣлокурую головку, Нилочка была точно также въ такомъ же полномъ забытьѣ и отрѣшенная отъ всего міра, какъ когда-то недавно сидѣла Аксютя.

И Борисъ сдѣлалъ почти то же. Онъ постоялъ немного надъ дѣвушкой, потомъ нагнулся, взявъ ея голову въ руки и поцѣловалъ въ лобъ.

Нилочка вздрогнула, но, отнявъ руки отъ лица и увидя Бориса, грустно улыбнулась.

— Испугалъ ты меня!—прошептала она.

— О чемъ ты такъ задумалась и вдругъ? Сейчасъ смѣялась, когда я ушелъ, радовалась, что хозяйничать начала, какъ если бы и опеки надъ тобой не было, а теперь сидишь, будто пришибленная. Случилось что?

— Ничего.

— Такъ что же ты приуныла?

— Мысли такія пришли, что сразу меня захватили,—тихо отозвалась Нилочка.— Я такъ задумалась, что все забыла, не знала гдѣ и сижу... Вотъ что, Боринька,—хоть и не слѣдъ бы мнѣ объ этомъ говорить тебѣ, а все-таки надо. Присядь-ка....

Борисъ сѣлъ на диванчикъ недалеко отъ друга.

Дѣвушка собралась съ мыслями и заговорила:

— Слушай-ка, дѣло простое! Отвѣчай мнѣ, что я тебя спрошу, а если не знаешь, что отвѣчать — подумай, вмѣстѣ перетолкуемъ. Слушай, Маяня говорила тебѣ, что уже давнымъ-давно, много лѣтъ, желала, чтобы ты на мнѣ женился, что съ этими мыслями она такъ и жила? Она и не знала, что когда ты будешь большой и военный, то не захочешь самъ жениться, не знала, что и я къ твоему приѣзду уже всю душу отдамъ другому человѣку? Вѣдь не знала она ничего этого?

— Конечно, не знала! — отозвался Борисъ. — Что жъ дальше?

— Скажи, какъ полагаешь, такой ли человѣкъ Маяня... твоя мать,—поправилась Нилочка,—чтобы вдругъ, сразу, бросить всѣ свои старыя мысли и желанія и согласиться на со-

всѣмъ другое? Можетъ ли она желать теперь, чтобы я вышла за князя Льгова?

— Не знаю, — отозвался Борисъ и протянулъ свои слова, какъ бы соображая, что отвѣчать вмѣсто нихъ.

— Нѣтъ, ты знаешь или, подумавши, узнаешь. Такъ подумай!

— Да, правда твоя, чудно это немножко! — вымолвилъ Борисъ. — Матушка не такова, чтобы нынѣ одного желать, завтра — другого...

— Стало быть, у ней попрежнему тѣ же мысли: авось ты сдашься и я тоже — и обвинчаемся мы... Ну, хоть не сейчасъ, хоть черезъ годъ.

— Да, думаю, что тѣ же.

— Такъ какъ же, Боринька, — воскликнула Нилочка, — по-такаетъ она намъ теперь?! Поясни-ка это! Сказала я ей, что задумала звать князя къ столу, а тамъ просить остаться ввечеру... Вѣдь пойми ты, мнѣ хотѣлось повидать его, поговорить, хоть два-три слова украдкой сказать, хоть поглядѣть на него и глазами ему сказать, что я и люблю его, и на все пойду. Я думала, Маяня... ну, твоя мать... страшно разгнѣвается на все это, а она удивилась, поглядѣла на меня пристально, а потомъ стала улыбаться и говорить: „Что жъ, хорошее дѣло! Веселѣй день проведемъ! Онъ рѣчистый, что-нибудь расскажетъ, позабавитъ насъ“... А затѣмъ, Боринька, черезъ нѣсколько минутъ поглядѣла я на нее, она сидитъ, глядитъ въ окно, задумалась и такое... Ты меня прости, она тебѣ мать! Такое у нея нехорошее, злое лицо, что у меня сердце екнуло. Что же все это?! Разсуди, Боринька. Ты мать любишь, но вѣдь и меня любишь. Разсуди по правдѣ, подумай!.. Что же это все?

Не знаю, Нилочка! Только одно и могу сказать, что она изъ любви къ тебѣ бросила свои прежнія мечтанія, а самой все-таки горько. Другого я ничего придумать не могу.

— Ну, а мнѣ, Боринька, сдается совсѣмъ не то... Не сердись и не смѣйся! Мнѣ сдается, что тутъ все какъ-то во всемъ перепутано, ничего нельзя понять... Ну, посуди ты самъ, хоть бы одно возьми — изъ за-чего Никифоръ бьется, какъ рыба объ ледъ, старается для меня и для князя? Я ему обѣщаніе сдѣлала и сдержу его, но вѣдь это уже послѣ было, когда ужъ онъ затѣялъ все. А начало всего отъ него пошло! А онъ то и дѣло бѣгаетъ къ Сергѣю Сергѣевичу, сидитъ у

него иногда по цѣлому часу... О чемъ они говорятъ? Я это недавно узнала. Разсуди ты все это и успокой меня, если можешь.

Борись собрался отвѣчать, но въ эту минуту въ горницу вошла Марьяна Игнатьевна.

Молодые люди смолкли, но вмѣстѣ съ тѣмъ впились глазами въ фигуру вошедшей Щепиной.

Лицо ея было угрюмо, темнѣе ночи, голова опущена, руки скрещены на груди, и она вошла тихими мѣрными шагами, точно не живой человѣкъ, а какое привидѣніе.

Одно это появленіе, внѣшній видъ Щепиной, прямо и отвѣчали Нилочкѣ на всѣ ея вопросы и сомнѣнія...

Нѣтъ, эта женщина не бросила всѣ свои завѣтныя мечтанія, не уступила... Она съ ними сжилась! А она изъ тѣхъ, которые—когда задумаютъ что, то добьются своего, не оставиваясь ни предъ чѣмъ.

Молодые люди не знали, что Щепина была теперь мрачна потому, что додумалась до подозрѣнія сына въ обманѣ. Она собиралась приказать ему помогать Нилочкѣ только въ дѣлѣ бѣгства изъ дома, но въ случаѣ обмана со стороны Неплюева не допускать полного похищенія и вѣнчаться... А можно ли теперь ей положиться на сына? А если онъ продастъ ее князю Льгову... Родную мать, обожавшую его всю жизнь?! Да, на это похоже...

XXVI.

Парадный обѣдъ прошелъ заурядно. Всѣ были будто стѣснены и поэтому молчаливы. Князь не рѣшился остаться почевать и въ сумерки уѣхалъ.

Съ утра слѣдующаго дня Неплюевъ началъ хлопотать и, дѣйствительно, дѣятельно занялся приготовлениями къ похищенію Крутоярской царевны. Онъ одинъ дѣйствовалъ будто за всѣхъ и все добровольно бралъ на себя. И князь, и Нилочка тотчасъ же незамѣтно для самихъ себя очутились въ полной его зависимости.

Никифоръ два раза побывалъ въ Самарѣ для совѣщанія съ княземъ, одновременно совѣщался и съ Нилочкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оттягивалъ и оттянулъ дѣло неизвѣстно почему. Два раза назначенный день для рокового событія былъ имъ отложенъ. Никифоръ увѣрялъ, что не все готово, а между

тѣмъ ни князь, ни молодая дѣвушка не узнали отъ него истинной причины отсрочекъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Льговъ все-таки подозрительно относился къ Никифору, самъ не умѣя объяснить, почему дѣйствія Неплюева кажутся ему сомнительными. Причинъ сомнѣваться ему въ искренности Никифора не было, однако, никакихъ. Вѣдь самъ же онъ предложилъ князю свое участіе, первый подаль мысль о похищеніи. И тревожное чувство все-таки не покидало Льгова ни на минуту. Отстранить его, конечно, было поздно да и нелѣпо и, наконецъ, опасно.

Такое же сомнѣніе, смущеніе и тревога были въ сердцѣ молодой дѣвушки. Она не боялась того шага, на который рѣшилась, она не сомнѣвалась въ себѣ. Она сомнѣвалась въ успѣхѣхъ задуманнаго дѣла, и, къ ея же собственному удивленію, ей смутно казалось, что все было бы благополучно, если бы не главный его и добровольный устроитель.

Нилочка бессознательно, безъ всякой почти причины, подозрѣвала Никифора такъ же, какъ и князь. У молодой дѣвушки для этого подозрѣнія было лишь одно основаніе: черезъ одну изъ своихъ горничныхъ она знала, что главный заговорщикъ и руководитель ежедневно бываетъ у Мрацкаго и сидитъ у него подолгу.

Однажды ввечеру Нилочка рѣшилась прямо спросить у Неплюева, по какому дѣлу онъ такъ часто бываетъ у Мрацкаго.

Молодой малый разсмѣялся добродушно.

— Ужъ не думаете ли вы, Неонила Аркадьевна, что я хитрю, лукавствую. Я же вамъ на это отвѣтилъ, что считаю Сергѣя Сергѣевича ехиднѣе самого змія. Если можетъ быть какая помѣха въ нашемъ дѣлѣ, то, конечно, отъ него. Поэтому я и подлащиваюся къ нему, чтобы онъ мнѣ повѣдалъ откровенно, какъ преданному лицу, есть ли у него какое подозрѣніе. Если бы вы послушали, что я ему говорю о себѣ и о васъ, такъ ахнули бы! Я вашъ заклятый врагъ! За то и онъ со мной откровенничаетъ. Поэтому я и знаю, что онъ теперь и не помышляетъ о томъ, что мы собираемся учинить.

Конечно, молодая дѣвушка вполне повѣрила объясненію Неплюева и успокоилась. На ея вопросъ, что думаетъ Никифоръ объ успѣхѣхъ ихъ предпріятія, онъ еще добродушнѣе разсмѣялся.

— Помятое дѣло, что убѣдимъ и обвиняемся. Вѣдь это такъ мудрено кажетъ, особливо вамъ, дѣвицѣ. А чего же

проще? Вы выйдете въ садъ и въ поле, а князь прїѣдетъ васъ ждать. А тамъ доѣдемъ до храма, обойдете вокругъ аналой три раза—и всему конецъ. Ловить васъ никто не собирается. Была бы одна помѣха—Марьяна Игнатьевна, да и на ту какакая-то слѣпота нашла...

— Слѣпота ли это?—возразила Нилочка тревожно.

— А что же другое-то?

— Меня смущаетъ Маяня... Она будто все знаетъ и помогаетъ.

Никифоръ махнулъ только рукой на такое странное подозрѣніе.

Черезъ день послѣ этого разговора Неплюевъ былъ вдругъ позванъ къ опекуну.

„Что такое случилось?“—думалось молодому малому, когда онъ шелъ къ Мрацкому.

И нѣсколько озадаченный и смущенный, предсталъ онъ предъ Мрацкимъ.

Вѣроятно, во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ Никифоръ, или въ злобно-умномъ лицѣ его, было что-нибудь особенное, такъ какъ вслѣдъ за княземъ и Кошевой самъ Сергѣй Сергѣевичъ, полный самоуваженія, сталъ опасаться, не проводить ли его за носъ головорѣзъ Никишка.

— Что прикажете?—спросилъ Никифоръ, пытливо взглядываясь въ лицо старика.

— А видишь ли,—улыбнулся ехидно Мрацкій,—мысли такія мнѣ въ голову пришли... Хотѣлъ у тебя спросить: боишься ты меня, или нѣтъ? Побоишься во мнѣ врага нажить, или тебѣ наплевать на такого врага?

— Ужъ, право, не знаю, Сергѣй Сергѣевичъ, что и отвѣчать... Не понимаю, что вы говорите?

— А пришло мнѣ на умъ, Никифоръ, не собираешься ли ты и впрямь обвинять князя съ Нилочкой и магарычъ съ нихъ получить. Княгиня Льгова можетъ больше тебѣ дать, чѣмъ я.

— Какъ же я это сдѣлаю, Сергѣй Сергѣевичъ? Какимъ способомъ?

— Очень просто, надуешь меня...

— А я у васъ спрашиваю, какъ же я это сдѣлаю? Вспомните уговоръ. Вамъ будетъ извѣстно, въ которомъ часу явится князь на тройкѣ, и будетъ извѣстно, когда наша царевна выбѣжитъ изъ дому. И ваши же люди съ вашимъ Герасимомъ

будутъ поджидать, чтобы ихъ ловить. А Герасимъ за васъ душу свою прозакладываетъ. Какъ же я могу надуть васъ?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. Нѣтъ ли тутъ какой загвоздки? Такъ я и хотѣлъ тебѣ впередъ сказать: надуешь ты меня, я себя не пожалѣю, никакихъ денегъ не пожалѣю, а сотру тебя съ лица земли. Такъ-таки ничего отъ тебя и не останется. Въ этомъ вотъ тебѣ Богъ!

И Мрацкій показалъ въ уголь горницы, гдѣ висѣла икона.

Никифоръ помоталъ головой и улыбнулся.

— Удивительныя мысли! Все вамъ извѣстно такъ же, какъ и мнѣ, а вы—Богъ вѣсть что придумываете.

— Вотъ то-то и есть, Никифоръ, что не все мнѣ извѣстно... Ты съ людьми не будешь, ты не говоришь, гдѣ будешь и какъ будешь орудовать. Ты, можетъ, проведешь ихъ другой дорогой да и скажешь, что мои люди прозѣвали.

— Полноте, Сергѣй Сергѣевичъ, вѣдь вы знаете, гдѣ я буду и что я буду дѣлать! Что же, по вашему, мнѣ среди вашихъ людей съ ружьемъ встать да и палить по князю, чтобы пятьдесятъ человѣкъ свидѣтелей на этакое дѣло было? А выдадутъ меня, будутъ судить въ Самарѣ, кто же виноватъ окажется? Какая мнѣ выгода убивать князя? Понятное дѣло, доищутся до того, кто меня нанялъ.

Переговоривъ снова подробно съ Мрацкимъ, Никифоръ вполне успокоилъ его, увѣривъ, что для него вѣрнѣе получить отъ опекуна небольшую сумму денегъ, чѣмъ не вѣсть какія обѣщанія опекаемой и ея возлюбленнаго.

— Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки!—вотъ что, Сергѣй Сергѣевичъ, всякій долженъ знать.

— Ну, а скажи,—кончилъ Мрацкій,—благополучно ли все это окончится... Вѣстимо для насъ, для меня?

Останется ли, хотите вы сказать, князь Льговъ на мѣстѣ? Полагаю, что останется... Можетъ быть, убить и не будетъ, пуля—дура! А ужъ тяжело раненъ навѣрное будетъ. И всякія свои ухищренія бросить. Всякому своя жизнь дорога! Коли и выздоровѣеть, предпочтеть искать себѣ другую невѣсту-приданницу.

— Ну, все-таки лучше бы того... — выговорилъ Мрацкій и запнулся.

— Остаться ему на мѣстѣ?—усмѣхнулся Никифоръ.

— Да, лучше бы...

— Вѣстимо лучше! Да такъ, надо полагать, и будетъ!..

XXVII.

Наконецъ, наступилъ и назначенный день. Еще поутру явился въ Крутоярскъ посланный изъ Самары и привезъ Никифору письмо отъ князя Льгова, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что непременно въ шесть часовъ вечера въ саняхъ, на тройкѣ будетъ ждать въ полѣ за садомъ.

Никифоръ показалъ письмо Нилочкѣ и невольно подивился, глядя на молодую дѣвушку. Она была холодна, какъ ледъ. Лицо ея было спокойно, только глаза блестяли ярче: то потухали, то вновь загорались еще болѣе сильнымъ огнемъ.

„Чудно!—думалось Неплюеву.—Вырослилась здѣсь, какъ малиновка въ клѣткѣ, а все-таки бой! И не на такое дѣло, кажись, пошла бы... На войну пошла бы. Поглядѣть на нее,—просто годится въ царицы-монархини наша Крутоярская царевна“.

Отъ Нилочки Никифоръ прошелъ къ Мрацкому и тоже показалъ ему письмо князя.

— Смотрите, Сергѣй Сергѣевичъ,—прибавилъ онъ,—вы не промахнитесь! Боюсь, вамъ бы не сплеховать!

— Что мнѣ плоховать? Мое дѣло не мудреное,—отозвался Мрацкій.—Мои люди въ срочный часъ въ засадѣ будутъ.

Отъ Мрацкаго Никифоръ прошелъ въ горницы Бориса и точно также предупредилъ его, что ввечеру должно совершиться давно задуманное.

Здѣсь, въ горницѣ Щепина Никифоръ совершенно измѣнился. Говоря съ Борисомъ, онъ сразу сталъ сумраченъ, ни разу не поднялъ глазъ на молодого капрала.

Кратко и сухо объяснившись съ нимъ, онъ глухо прибавилъ:

— Помните же, Борисъ Андреевичъ, ваше дѣло—вмѣстѣ съ Неонилой Аркадьевной выйти изъ дому и провести ее въ конецъ сада и посадить въ сани,—больше отъ васъ ничего не требуютъ. Коли вы въ послѣднюю минуту струсите и не пойдете, то это будетъ съ вашей стороны подлый обманъ!

— Съ чего же вы взяли, что я струшу? И чего мнѣ трусить? Въ церковь я не поѣду, впередъ говорю... Прежде хотѣлъ, а теперь... не могу. Почему, не скажу вамъ,—грустно проговорилъ Борисъ.—Мнѣ одна забота, что я все-таки, выходитъ, рѣшился обманывать родную мать... ну, да Богъ

дать, она простить! За то я угожу и Нилочкѣ, которую люблю, какъ братъ, и князю, котораго тоже люблю... Что жъ можетъ меня остановить?

— Вотъ этого-то я и опасуюсь!—выговорилъ Никифоръ, не поднимая глазъ.—Малодушіе простое вдругъ помѣхой будетъ... Какъ придется итти къ Неонилѣ Аркадьевнѣ, струсите и на понятный, и все дѣло будетъ проиграно. Не можетъ же она одна бѣжать черезъ весь садъ въ потемкахъ?! Ужъ лучше прямо теперь откажитесь, я вмѣсто васъ ее проведу. Тогда вы возьмитесь за мое дѣло—глядѣть здѣсь, чтобы погони не было, а если будетъ, чтобы погонѣ изъ дома помѣшать.

— Нѣтъ, ужъ какъ сказано!—рѣшилъ Борисъ.—Я въ шесть часовъ ровнехонько заставлю Нилочку собраться и итти. И доведу ее до князя. Но дальше я ни шагу. А я такъ боюсь, какъ бы вдругъ у нея робость не явилась.

— Ну, а я думаю, извините, единственный человѣкъ, который намъ все дѣло можетъ испортить—это Борисъ Андреевичъ, который по малодушію въ урочный часъ, вмѣсто того, чтобы помогать, будетъ вотъ тутъ въ горницѣ ахать, ахать да плакать, самъ себя срамить. И ни шагу изъ своей горницы. Отъ васъ это станется!

— Вы не имѣете никакого права говорить такъ, — обидѣлся, наконецъ, Борисъ.—Я даю честное слово, что свое дѣло сдѣлаю. Да и, повторяю, бояться мнѣ некого и нечего! Въ храмѣ меня не будетъ, впередъ говорю...

— Ну, ладно, давай Богъ!—произнесъ Никифоръ по прежнему сумрачно и, не взглянувъ Борису въ лицо, вышелъ изъ его комнаты.

И день этотъ пуще, чѣмъ всѣ прежніе, казался безконечнымъ днемъ для главныхъ обитателей Крутоярскаго дома. Онъ тянулся, какъ вѣчность. Каждый минующій часъ казался цѣлымъ нескончаемымъ днемъ.

Нилочка сидѣла у себя безвыходно, была холодна, спокойна, молчалива и не отрывалась отъ работы въ пяльцахъ. Но то, что она вышивала, было совершенно спутано. Насколько казалось спокойной ея лицо, настолько смутно было на душѣ ея. Она горѣла, какъ въ огнѣ, а сердце замирало и ныло... Мгновениями молодой дѣвушкѣ казалось, что она вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ погибаетъ, что въ этотъ же день окончится ея существованіе и его вмѣстѣ съ ней.

Мысль ея не шла далѣе калитки отъ сада въ поле. Ей ясно представлялось какъ она достигнетъ до того мѣста, гдѣ князь будетъ ждать ее. Но что будетъ далѣе, она никакъ не могла представить себѣ.

Борисъ былъ тоже смущенъ, избѣгалъ разговаривать съ матерью и не рѣшался даже посмотрѣть ей въ лицо, но вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то непонятная тоска грызла его. Съ той минуты, что Никифоръ показалъ ему письмо князя и онъ узналъ, что въ этотъ же вечеръ непременно состоится похищеніе, — странное, необъяснимое чувство напало на молодого человѣка.

Онъ долго просидѣлъ у себя около окна, глядя на покрытую снѣгомъ окрестность, и все представлялось ему унылымъ, печальнымъ. Побывавъ на минуту внизу, въ горницахъ Нилочки, онъ снова вернулся къ себѣ и снова просидѣлъ часа два, не двигаясь и глядя въ окно.

Объяснить себѣ свое нравственное состояніе, какого никогда у него не бывало ни въ Крутоярскѣ, ни въ Петербургѣ, — онъ не могъ.

Марьяна Игнатьевна не знала ничего о письмѣ князя, но все узнала, сообразила. Она прочтала на лицахъ Нилочки и своего сына, что нынѣшній день — яко бы роковой для нихъ.

„Глупыя дѣти, — думала она. — И на умъ не приходитъ имъ, что они — куклы на потѣху умныхъ людей!“

Сергѣй Сергѣевичъ сидѣлъ у себя и былъ угрюмѣе всѣхъ. Онъ всегда вѣрилъ въ успѣхъ своего предпріятія. Одинъ женихъ уже влюбленъ въ Аксюту, другого похерять. Однако, онъ тревожно обдумывалъ послѣдствія того, что теперь, конечно, въ точности будетъ исполнено Никифоромъ. Какъ потомъ отвертѣться? Во-первыхъ, онъ будетъ отчасти въ рукахъ Никифора, у нихъ будетъ общая тайна — преступленіе. А затѣмъ, вопросъ: сойдетъ ли съ рукъ такое дѣло? Всякій пойметъ, кому была выгода отдѣлаться отъ жениха Кошевой, за котораго она сама собралась замужъ и за котораго въ это же время хлопочетъ въ Петербургѣ у гетмана-графа прежній опекунъ.

Мрачкій сидѣлъ у себя угрюмо, погруженный въ свои тяжелыя думы, и изрѣдка шепотомъ повторялъ вслухъ одно и то же.

— Не зарвался ли я? Не возмнилъ ли о себѣ черезчуръ? Не попасться бы мнѣ?

Но затѣмъ онъ вздохнулъ протяжно и прибавилъ мысленно: „Волка бояться — въ лѣсъ не ходить!“

XXVIII.

Наступили сумерки на дворѣ и понемногу стемнѣло совсѣмъ. Потемнѣлъ и домъ. Кое-гдѣ въ горницахъ зажгли огоньки...

Огромный барскій домъ, большой садъ, надворныя строенія, храмъ за рощицей—все имѣло свой обыкновенный, давній и всегдашній видъ.

Но не такъ казалось оно двумъ существамъ, которыя въ эти мгновенья будто томились подъ кровлей крутоярскихъ палатъ, переживая душевныя муки.

Нилочка уже часа два не находила себѣ мѣста. Она двигалась безъ цѣли изъ одной своей горницы въ другую или выходила въ смежныя парадныя комнаты, въ обѣ большія залы, угрюмыя и пустынные, и бродила по нимъ, заглядывая въ окно. Она озиралась на все, на горницы и на окрестность, тревожно и вопросительно, будто силилась узнать или прочесть гдѣ-либо на чемъ-либо отвѣтъ на вопросъ: „что будетъ?“

Въ воображеніи дѣвушки рисовались картины близкаго будущаго, то отрадныя, то ужасныя...

Иногда ей представлялось, какъ она завтра явится сюда съ мужемъ, какъ она, будучи уже по закону княгиней Льговой, смѣло и гордо заговорить съ Мрацкимъ.

Иногда же непонятный страхъ овладѣвалъ ею, и такая гнетущая тоска врывалась въ сердце, какъ еслибъ она собиралась итти добровольно на смерть.

Когда на большихъ часахъ въ анненской гостиной пробило пять и по всѣмъ пустымъ горницамъ дома прозвучало мѣрно пять медленно звенящихъ ударовъ, Нилочка встрепенулась и стала прислушиваться. И каждый ударъ отзывался у нея въ сердцѣ. Съ рожденья слышала она этотъ бой, и никогда звуки эти не казались ей такими, какъ теперь... Это были странные звуки, унылые и зловѣщіе, будто погребальныя...

Слезы навернулись на глаза дѣвушки...

— Когда будетъ бить шесть—что будетъ?—шепнула она, мысленно обращаясь къ этимъ часамъ.

Въ то же время и Борисъ сидѣлъ у себя унылый, хотя съ нимъ была забѣжавшая къ нему Аксюта. Она знала, конечно, черезъ него о сборахъ для бѣгства барышни. Дѣвушка тоже была безъ всякой причины печальна, не имѣя возможности

объяснить себя самой, что именно и почему лежит у нея камень на сердцѣ.

Влюбленные сидѣли въ углу горницы, задумавшись, и давно уже молчали.

Когда начало смеркаться, Борисъ заволновался. Онъ отпустилъ Аксюту и не зналъ, что ему дѣлать. Итти за Нилочкой было рано, а ждать у себя урочнаго времени онъ не могъ отъ волненья.

— Да чего же, наконецъ, я боюсь?—спросилъ онъ себя.— Не Мрацкаго же? Что же онъ можетъ? Ну, увезли изъ-подъ носа опекаемую—и конецъ! А разъ Нилочка обвиняна—ему надо отсюда выбраться съ пожитками, а не командовать. А матушка простить. Да и чудна она! Будто знаетъ все. Приказала мнѣ во всемъ помогать Нилочкѣ, что та попросить, но взяла слово съ меня не уѣзжать изъ Крутоярска.

Нѣсколько ободрившись, Борисъ спустился внизъ и, проходя чрезъ большую залу, увидѣлъ въ полумракѣ маленькую фигурку у окна.

— Боринька, ты? послышался ему голосъ Нилочки, но настолько измѣнившійся, что онъ не сразу призналъ его.

— Я... Къ тебѣ шель...—отозвался онъ и, приблизившись, прибавилъ тихо:—шестой часъ.

— Скоро половина,—глухо вымолвила Нилочка.

— Что же?

— Что?—тоже вопросомъ отвѣтила и дѣвушка.

— Ты не знаешь?

— Знаю... Вѣстимо...

И оба смолкли, стараясь разглядѣть другъ друга въ темнотѣ.

— Оробѣла?—спросилъ, наконецъ, Борисъ.

— Нѣтъ... А страшно...—прошптала Нилочка. Не страшно бѣжать, вѣнчаться... А страшно другое. А что—не знаю.

— И мнѣ такъ-то. Мрацкаго я, вѣстимо, не боюсь. Что жъ онъ можетъ со мной? Я не крѣпостной его. На него у меня есть кулакъ и шпага, смотря по обстоятельствамъ... А я боюсь... чего—самъ не знаю.

— Вотъ... Да... Какъ же, Боринька? Рѣшаться ли? Не отложить ли?

— Пожалуй...

Нилочка схватила Бориса за руку, сильно дернула и произнесла съ укоромъ:

—Стыдно! А еще капраль столичный! Оставайся. Я одна добѣгу до калитки.

— Что ты... Что?.. Ты же говоришь—боюсь.

— Я тебя пытала... Ничего я не боюсь. Да и нечего бояться. А что у меня на сердцѣ жутко, такъ понятное дѣло... Вѣдь мнѣ подѣ вѣнецъ—на всю жизнь! А вотъ чего ты трусишь—этого ужъ никому не понять. Оставайся...

И Нилочка быстро двинулась чрезъ залу, но Борисъ бросился за ней.

— Я тебя одну не пушу!—воскликнулъ онъ.—Я буду здѣсь ждать. Одѣвайся и выходи.

Дѣвушка ушла къ себѣ въ горницы; Щепинъ быстро сбѣгалъ къ себѣ, вернулся внизъ въ плащѣ и въ шляпѣ и сталъ ждать Нилочку у двери на маленькую лѣстницу, которая вела къ выходу въ садъ.

Въ это же самое время къ саду Крутоярской усадьбы подъѣхали сани тройкой и стали, укрытыя кустами ельника, въ полѣ.

Изъ нихъ вышелъ князь Льговъ, прошелъ калитку и сталъ медленно ходить вдоль забора сада.

За полчаса до появленія князя здѣсь же, въ самой чащѣ кустовъ сирени и акаціи, среди глубокихъ сугробовъ тихо и безмолвно сидѣли, укрывался, человекъ двадцать дворовыхъ людей, присланныхъ сюда бариномъ—опекуномъ подѣ начальствомъ его любимца лакея Герасима.

Дворня знала лишь на половину, зачѣмъ ее отрядили. Было приказано повиноваться во всемъ Герасиму въ дѣлѣ препятствованія уѣхать изъ вотчины.

Но куда и зачѣмъ собирается ихъ помѣщица и истинная владѣлица—никто не зналъ. Шагахъ въ полутораста правѣе отъ спрятанной въ засадѣ дворни, тоже въ кустахъ, притаился одинъ человекъ, пришедшій сюда прежде всѣхъ. Это былъ Никифоръ.

Онъ сталъ, пригнувшись и совершенно укрытый отовсюду. Предъ нимъ было ружье, уже положенное на здоровый сукъ и вѣрно направленное, какъ бы съ подставки, на дорожку, по которой взадъ и впередъ медленно и задумчиво шагаль прибывшій князь.

Если Льговъ не подозрѣвалъ, что въ полумракѣ въ сотнѣ шаговъ отъ него скрыто двѣ засады, то и дворня, видящая его, не знала, что по близости отъ нея спрятался чело-

вѣкъ, который также слѣдитъ за княземъ лихорадочнымъ взоромъ.

Благодаря звѣздному небу Никифоръ могъ хорошо видѣть Льгова. Уже два раза принимался онъ, брался за ружье, прикладывался съ прицѣла къ тихо движущейся фигурѣ и слегка трогалъ пальцемъ собачку... Стоило двинуть пальцемъ сильнѣе и остро отточенный кремль, свѣжій порохъ на полкѣ и жеребье, т. е. продолговатая свинцовая пуля, которую онъ чрезъ силу вколотилъ въ стволъ ружья — сдѣлали бы вмигъ свое страшное дѣло.

Но Никифоръ, два раза нацѣлившись въ князя, оба раза усмѣхнулся. Онъ только пробу дѣлалъ: достаточно ли видна мушка на стволѣ и можно ли хорошо направить дуло прямо въ грудь.

— Умный человекъ эту штуку выдумалъ, — думалъ онъ, глядя на ружье.

Вдругъ Никифоръ слегка вздрогнулъ, и его сердце застучало сильнѣе.

„Вотъ!“ — будто сказалъ кто-то ему на ухо.

— Да. Ну такъ что же? — прошепталъ онъ какъ бы въ отвѣтъ. — Что же? Что же? — повторилъ онъ. — Сейчасъ — и готово все будетъ...

Въ полумракѣ на-лѣво выдѣлились двѣ фигуры, мужская и женская, и поспѣшно приближались... Князь увидѣлъ ихъ тоже и двинулся на встрѣчу. Они сошлись вмѣстѣ. Князь взялъ дѣвушку за руки, какъ бы благодаря за рѣшимость и сдержанное слово...

Борисъ стоялъ около нихъ вплотную, но, перемолвившись, всѣ трое двинулись къ калиткѣ, и Щепинъ отдѣлился, идя послѣднимъ...

Въ кустахъ зашумѣли... Послышался шелестъ и хрестъ, затѣмъ и голоса... Дворня изъ засады двинулась сразу...

— Лови, ребята! — крикнулъ Герасимъ.

Бѣглецы стали, какъ вкопанные. Нилочка схватилась за князя, который обнялъ ее одной рукой. Щепинъ выступилъ впередъ...

Въ то же мгновение гулко грянулъ выстрѣлъ. Борисъ ахнулъ, схватился за грудь и повалился на снѣгъ...

Дворня окружила бѣглецовъ, но всѣ до одинаго человека, молча, озирались другъ на друга съ недоумѣніемъ, будто спрашивая:

„Что это?.. Кто?!“.

— Ребята? Кто жь это?—раздался голосъ Герасима.

Через мгновенье всѣ были заняты упавшимъ...

Нилочка была на колѣняхъ около него. Князь тоже нагнулся, какъ бы забывъ о бѣгствѣ и о неожиданно явившейся толпѣ.

— Боринька? Боринька? — плакала дѣвушка.—Что же это такое! Господи!

— Я... это зналъ... — прошепталъ Борисъ... — Конецъ... Скажи...

Но онъ не кончилъ и тяжело вздохнулъ.

— Какъ смѣли это! — съ рыданіемъ вскрикнула Нилочка на толпу и, поднявшись, она грозно замахнулась на всѣхъ.

— Это не мы, барышня!—отозвался Герасимъ.—Богъ вѣсть кто! Непонятно. Пожалуйте скорѣе домой. А барина мы донесемъ. Берите, ребята...

Щепина подняли на руки. И всѣ двинулись къ дому. Нилочка пошла тоже, не думая ни о чемъ... И только пройдя нѣсколько шаговъ, она стала вдругъ озираться, будто искала кого глазами. Она искала князя. Но его не было съ ней.

XXIX.

Въ саду недалеко отъ забора стало тихо и пусто...

Снѣжные сугробы были истоптаны. Сейчасъ здѣсь сновала, шумѣла, голосила цѣлая толпа. Теперь все стихло, и не было ни души... Дворня съ Щепинымъ на рукахъ была уже около дома.

Князь Льговъ уже сѣлъ въ свои сани, пораженный, смущенный, и скакалъ обратно въ Самару. Одинъ!.. Все рухнуло! И спасибо еще, что онъ живъ. Князь догадался и вѣрилъ, что случайно избѣгнулъ смерти. Пуля предназначалась, очевидно, для него.

Спустя съ четверть часа послѣ выстрѣла и сумятицы среди кустовъ шевельнулся кто-то, тяжело вздохнулъ и двинулся изъ сугробовъ.

Это былъ Никифоръ.

Долго просидѣлъ онъ въ своей засадѣ, но не отъ опасенья за себя. Онъ давно видѣлъ, что все кругомъ опустѣло.

Никифоръ сидѣлъ на снѣгу среди чащи подъ наплывомъ

нежданнаго и непонятнаго, какого-то для него новаго чувства. Онъ самъ съ собою шептался, спрашивалъ и отвѣчалъ.

Его собственный выстрѣлъ заставилъ его замереть на мѣстѣ. Онъ былъ увѣренъ, что убилъ Щепина. Ружье съ подставки было намѣчено спокойно и вѣрно прямо въ грудь Бориса и дрогнуть не могло.

И этотъ выстрѣлъ теперъ все еще звучалъ въ ухахъ Никифора... Ему казалось, что онъ теперъ снова живетъ иною жизнью. Снова, а не по прежнему, не по старому. Для него началась новая жизнь. До выстрѣла была одна жизнь, а теперъ началась другая... Этотъ выстрѣлъ раздѣлилъ все на двѣ половины, все... желанія, мечты, всѣ чувства, всѣ мысли. То было до выстрѣла, а это вотъ... послѣ, теперъ...

— Человѣка убилъ!—шепталъ Никифоръ.—Бориса Щепина. Да. Хотѣлъ отплатить за Аксюшу. И отплатилъ.

Но вѣдь тотъ, котораго онъ ненавидѣлъ здѣсь въ Крутоярскѣ,—его вдругъ не стало... Есть мертвое тѣло. И это онъ сдѣлалъ, что есть теперъ мертвое тѣло. Онъ думалъ отдѣлаться отъ врага, а нажилъ преслѣдователя.... Да, Борисъ Щепинъ, котораго унесли дворовые въ домъ,—здѣсь, около него стоитъ невидимкой.

И такъ всегда будетъ! Отнынѣ и навсегда.

— Все пустое!—шепталъ Никифоръ и прибавилъ: — Охъ, лучше бы... съизнова.

Наконецъ, какъ бы овладѣвъ собою вполне, Неплюевъ вышелъ изъ засады и засунулъ ружье среди чащи въ высокій сугробъ. Затѣмъ онъ подошелъ тихо къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Борисъ, поглядѣлъ, вздохнулъ и медленно двинулся къ дому.

Между тѣмъ въ крутоярскихъ палатахъ было всеобщее смятеніе... Страшная вѣсть быстро облетѣла всѣхъ обывателей, и они сбѣжались въ большую залу. Бориса пронесли безъ чувствъ въ горницы барышни.

По дому пронесся одинъ вопль... Только одинъ! Но долго звучалъ онъ потомъ въ ухахъ всѣхъ крутоярцевъ. Этотъ протяжный стонъ вырвался изъ груди Марьяны Игнатьевны.

Скоро всѣ уже знали все подробно и были въ такомъ же недоумѣніи, какъ и Герасимъ.

— Кто! Почему?.. Гдѣ же ружье? У кого нашлось?.. Что сказываетъ Сергѣй Сергѣевичъ?..

Но вскорѣ новая вѣсть ошеломила всѣхъ. Этого будто никто

не предвидѣль. Кто-то объявилъ, что Борисъ Андреевичъ „кончился“.

Дѣйствительно, принесенный и положенный на диванъ, Борисъ пролежалъ съ четверть часа безъ движенія, и только грудь его замѣтно вздымалась. Марьяна Игнатьевна стояла около дивана на колѣняхъ, смотрѣла въ лицо сына широко раскрытыми глазами и съ изумленнымъ лицомъ. Женщина была, казалось, только изумлена — и до такой степени, что, очевидно не понимала ничего происходящаго передъ ней.

Нилочка, тоже стоявшая по близости отъ лежащаго Бориса, не спускала глазъ съ своей „Маяни“. Она была страннѣе, чѣмъ ея сынъ. Нилочка уже предугадывала смутно, чего ждать... Это искаженное изумленіемъ лицо мамушки говорило, что вопросъ, написанный на немъ, такъ и останется навсегда. Она никогда на него сама не отвѣтитъ, а другимъ не повѣрять и даже не услышать, что они будутъ говорить ей.

Борисъ вдругъ двинулся, широко раскрывъ глаза и будто хотѣлъ сказать что-то... Но только грудь высоко вздулась и медленно опустилась. Нилочка поняла, зарыдала и отошла. Марьяна Игнатьевна ничего не замѣтила, стояла все такъ же на колѣняхъ и чрезъ нѣсколько минутъ вымолвила тихо, но недовольнымъ голосомъ:

— Боринька! Что же такъ-то лежать? Скажи что-нибудь! Гдѣ болитъ-то? А?...

И снова наступившее въ горницѣ молчаніе настало надолго...

Въ тоже время на половинѣ Мрацкихъ въ корридорѣ столпились всѣ люди, которые были посланы въ засаду.

Сергѣй Сергѣевичъ только что допросилъ всѣхъ лично, какъ приключилось невѣроятное событіе.

Мрацкому не пришлось разыграть роль взволнованнаго и негодующаго, какъ онъ приготовлялся съ утра... Онъ, дѣйствительно, былъ внѣ себя.

Опросивъ всѣхъ и получивъ все тотъ же отвѣтъ — „не вѣдомо“ и „Богъ его знаетъ“, — Мрацкій ушелъ къ себѣ и метался изъ угла въ уголь, бился, какъ разъяренный звѣрь въ клѣткѣ.

— И не идетъ! Не идетъ! — изрѣдка повторялъ онъ, злобно и нетерпѣливо поглядывая на дверь.

Наконецъ, Герасимъ, тоже взволнованный происшествіемъ, въ которомъ оказался, противъ воли, какъ бы виноватымъ, вошелъ понурившись и доложилъ:

— Никифоръ Петровичъ.

— Давай, давай!—почти закричалъ Мрацкій.

Никифоръ, сильно блѣдный, вошелъ и улыбнулся... Но это была не улыбка, или же Мрацкій отъ роду такихъ улыбокъ не видалъ и она его приковала къ мѣсту, лишила языка. Онъ молча глядѣлъ на Неплюева.

— Ошибочка вышла,—проговорилъ глухо Никифоръ.

Мрацкій какъ бы пришелъ въ себя и едва прошепталъ, задохнувшись отъ гнѣва:

— Ошибочка?!

— Да-съ... Что же? Оба офицеры... Точку въ точку платье и шляпы... Одного росту. Да и ночь на дворѣ... Что же... Мнѣ и самому оно...

Никифоръ вздохнулъ. Мрацкій смѣрилъ малаго съ головы до пятъ и почувствовалъ, что его злоба начинаетъ отливать отъ сердца.

Неплюевъ былъ на себя не похожъ, очевидно, отъ рокового недоразумѣнія, въ которомъ былъ виноватъ отчасти. Вѣдь не отъ раскаянія же въ смертоубійствѣ треплеть его, будто въ лихорадкѣ. Не изъ такихъ этотъ. Сибирный.

— Какъ же вышло-то, скажи!! Что же теперь дѣлать... всему конецъ. Второй разъ князь не сунется...

Неплюевъ молчалъ, но Мрацкій, приглядѣвшись къ нему, вдругъ будто прочелъ что-то на его блѣдномъ лицѣ.

— Ты Каинъ, да и Гуда вмѣстѣ!—глухо прошепталъ онъ.— Пошелъ вонъ, сатана!!

Вечеру настала въ домѣ унылая тишина. Всѣ будто прятались по угламъ.

Сергѣй Сергѣевичъ обошелъ весь домъ и всѣмъ пригрозился, что убійца будетъ найденъ, такъ какъ онъ дастъ знать въ Самару о происшествіи, и въ Крутоярскъ пришлютъ приказныхъ судей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мрацкій распорядился немедленно относительно опекаемой имъ „безобразницы“ и ея мамушки. Марьяна Игнатьевна съ рокового мгновенія, очевидно, потеряла рассудокъ, она даже сердилась и смѣялась, разговаривая съ тѣломъ покойнаго...

Щепину отвели на верхъ, заперли въ отдѣльную горницу, а къ дверямъ приставили двороваго часовымъ и назначили двухъ горничныхъ дежурить по очереди около сумасшедшей.

Нилочка въ своихъ горницахъ, по распоряженію опекуна, очутилась точно такъ же взаперти и подъ стражей шести смѣнявшихся по очереди лакеевъ.

XXIX.

Между тѣмъ весь край волновался изъ-за самозванца Пугачева. Наступилъ конецъ ноября и смута усилилась... Въ Крутоярскѣ жизнь замерла. И прежде бывало всегда скучно и уныло въ большихъ палатахъ; теперь же все, казалось, омертвѣло. Иногда большой домъ, наполненный обитателями, могъ показаться заброшеннымъ и совершенно пустымъ.

Смерть внезапная и загадочно-насильственная всѣми любимого Бориса, безуміе Марьяны Игнатьевны, находящейся какъ бы подъ стражей, и, наконецъ, положеніе самой крутоярской царевны, какъ бы тоже заключенной и отрѣшенной отъ всѣхъ, навели и уныніе, и робость на всѣхъ обитателей дома.

Мрацкій, котораго и прежде всѣ боялись, теперь навелъ на всѣхъ такой страхъ, что даже грезился во снѣ инымъ штатнымъ барынямъ. Главная изъ нихъ, Лукерья Ивановна, подняла однажды ночью всѣхъ на ноги такими страшными воплями, какъ если бы ее рѣзали. Вскочивъ съ постели, она выбѣжала изъ своей горницы и пустилась бѣжать по дому, оглашая его дикими криками. Когда ее поймали, снова уложили, то она не могла объяснить, что съ ней случилось, побоялась даже рассказать свой сонъ. А пригрезилось ей, что ее пришелъ перепиливать пилой самъ Сергѣй Сергѣевичъ.

Всего удивительнѣе было то обстоятельство, что боль въ животѣ у Лукерьи Ивановны отъ пилы, которой Мрацкій пилилъ ее во снѣ, чувствовалась до утра.

Хотя другія штатныя барыни и убѣждали Лукерью Ивановну, что вся бѣда произошла отъ вновь завареннаго кваса, котораго всѣ не въ мѣру отвѣдали, но во всякомъ случаѣ молодой квасъ, подъ вліяніемъ страшныхъ крутоярскихъ событій, преобразился ночью въ стараго опекуна Мрацкаго съ большущей пилой.

Главный дѣятель крутоярскій, всѣми по чутью почитаемый настоящимъ убійцей, былъ мраченъ, сидѣлъ у себя въ горницѣ или отлучался на сутки и болѣе неизвѣстно куда.

Однажды Никифоръ пропалъ на цѣлую недѣлю и, вернув-

шись, не захотѣлъ никому объяснить, гдѣ былъ. Даже Мрацкому отвѣтилъ крѣпко:

— По своимъ дѣламъ!

Отношенія Мрацкаго и Никифора были нѣсколько иныя. Никифоръ относился къ опекуну съ ненавистью, но тщательно скрывалъ это. Причиною была судьба Аксюты. Тотчасъ же послѣ похоронъ Бориса Щепина Анна Павловна, конечно, по приказанію мужа, приказала отнять у Аксюты вновь сшитые и подаренные ей сарафаны, и дѣвушку отправили на скотный дворъ въ помощь бабамъ, ходившимъ за коровами.

Разумѣется, Никифоръ тотчасъ же бросился къ Мрацкому объясниться. Умный и хитрый малый поступилъ наивно и попался въ сѣти Сергѣя Сергѣевича. Онъ искренно, горячо, даже сердечно, что совершенно не шло къ нему, объяснилъ Мрацкому, что давно любитъ Аксюту и просить пощадить ее ради его.

Это было со стороны Неплюева слишкомъ простодушнымъ поступкомъ.

— Такъ вотъ отчего ошибочка произошла? — отвѣтилъ Мрацкій. — Такъ на мои денежки ты отъ своего непріятеля избавился, а не меня отъ моего избавилъ!

Никифоръ сталъ доказывать, что между его страстью къ Аксютѣ и ошибкой, происшедшей при похищеніи Нилочки, нѣтъ ничего общаго, но Мрацкій разсмѣялся ехидно.

— Будь по твоему! Готовъ повѣрить... И въ силу того, что ты меня все-таки отъ лишняго женишка избавилъ, я на тебя гнѣваться не буду. Заключимъ мы съ тобой новое условіе... Избавь меня отъ другого женишка, сятельнаго, и тогда приходи просить объ Аксютѣ. Что пожелаешь, то и будетъ; а пока князь здравствуетъ въ Самарѣ—Аксюта твоя будетъ на скотномъ дворѣ. А коли затянется все это, то черезъ мѣсяцъ либо два такъ твоей Аксютѣ еще горше будетъ. Коли ты доподлинно любишь ее, то изъ-за нея прямо съ ножемъ полѣзешь на князя и прирѣжешь его при всемъ честномъ народѣ.

И съ этой минуты Мрацкій совершенно захватилъ въ руки Никифора своей властью надъ судьбой дворовой дѣвушки, ибо молодой малый, не смотря на явную ненависть къ нему Аксюты, былъ по прежнему влюбленъ въ нее.

Между тѣмъ весь край былъ въ полномъ смущеніи, и смута въ умахъ все усиливалась, неурядицы, разбои и грабежи

учащались. То и дѣло приходили вѣсти о нападеніи скопищъ на усадьбы.

Въ Крутоярскѣ давно появился одинъ старикъ - помѣщикъ, а затѣмъ одна барыня съ двумя дочерьми, попросившія убѣжища, такъ какъ ихъ усадьбы были разгромлены и сожжены.

Разумѣется, и здѣсь, главнымъ образомъ на селѣ, тоже волновались и толковали всякую несообразную крѣпостные крестьяне. Казалось, если бы не тяжелая, желѣзная рука опекуна, то и Крутоярскіе мужики готовы бы были отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей.

Сергѣй Сергѣевичъ давно уже отобралъ въ дворнѣ и среди крестьянъ около дюжины шустрыхъ молодцовъ, положилъ имъ большое жалованье и сдѣлалъ изъ нихъ расторопныхъ сыщиковъ.

И всякій день являлись къ опекуну всякаго рода докладчики. Нѣкоторые докладывали о томъ, что толкуютъ или собираются учинить на селѣ и въ окрестныхъ приписанныхъ къ Крутоярску деревняхъ.

Другіе соглядатаи Мрацкаго посылались имъ и много далѣе: въ Самару, въ сосѣдніе уѣздные города. Всѣмъ выдавалось жалованье по времени огромное, т. е. по пяти рублей ассигнаціями. Кромѣ того всѣ были щедро одѣляемы всякой провизіей, и семьи сыщиковъ попали на совершенно новое положеніе, жили въ довольствѣ и приобрѣли извѣстное значеніе въ усадьбѣ.

Благодаря этой вновь учрежденной командѣ развѣдчиковъ Мрацкій былъ теперь подробно извѣщенъ обо всемъ, что творится во всемъ краѣ, верстъ на двѣсти кругомъ. Онъ зналъ положительно больше о дѣлахъ оренбургскихъ и былъ вѣрнѣе увѣдомленъ, нежели самъ самарскій губернаторъ. Во всякомъ случаѣ, онъ зналъ о самой Самарѣ и о дѣлахъ администраціи губернской больше, чѣмъ знало само начальство.

Мрацкій зналъ, что въ земскихъ судахъ и въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, а равно и среди небольшого войска есть приверженцы вновь явленнаго императора Петра Фодоровича, а этого и не подозрѣвали самарскія власти.

Мрацкій зналъ также, что въ городѣ Ставрополѣ большое скопище калмыковъ, подкрѣпленное крестьянами, собирается взять приступомъ городъ Самару въ то самое время, когда войска будутъ выведены изъ нея по оренбургской дорогѣ на встрѣчу къ идущему самозванцу.

Разумѣется, одновременно, благодаря только двумъ сыщикамъ, которыхъ Мрацкій оставилъ на селѣ и которые не были, конечно, извѣстны за таковыхъ крутоярскимъ крестьянамъ, Мрацкій зналъ наперечетъ всѣхъ главныхъ коноводовъ и смутителей изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Нѣкоторыхъ онъ уже выслалъ подъ конвоемъ въ самарскій острогъ, другихъ, которыхъ считалъ опаснѣе, держалъ взаперти въ подвалахъ палатъ, не рассчитывая, конечно на бдительность самарскихъ властей.

Твердая рука опекуна чувствовалась и на селѣ, и въ подвластныхъ деревняхъ. Кругомъ въ краѣ творились всякія безчинства, иногда и злодѣянія. Въ помѣстьяхъ Кошевой не случилось за все время ни одного насилія и ни одного проступка, не только преступленія.

Невидимый никому Сергѣй Сергѣевичъ, маленькій, худенькій старичокъ, сидящій безвыходно въ своихъ горницахъ, казался повсюду въ окрестности для всѣхъ пугаломъ, — но не простымъ, а пугаломъ-исполиномъ, который однимъ движеніемъ перста можетъ похерить и въ гробъ заколотить сотню человѣкъ.

Между тѣмъ, самъ Мрацкій, за послѣднее время въ особенности, казался озабоченнымъ. Онъ ничѣмъ не занимался, ни разу не развернулъ ни одной бумаги или книги по опекунскому управленію и цѣлые часы сидѣлъ задумавшись. Изрѣдка онъ вздыхалъ.

— И не съ кѣмъ-то посовѣтоваться! — восклицалъ онъ. — Хоть бы одинъ человѣкъ былъ! А пропустить такія времена — стыдъ и срамъ! Пускай другіе простофили зѣваютъ, а тебѣ, Сергѣй Сергѣевичъ, грѣхъ прозѣвать такія времена. Да что грѣхъ... и стыдъ великій! Всю жизнь раскаяваться будешь!

И каждый разъ мысль о томъ, чтобы вызвать къ себѣ Никифора и имѣть съ нимъ такое объясненіе, которое будетъ въ сто-кратъ важнѣе всѣхъ прежнихъ, подолгу, неотступно застревала въ мозгу Мрацкаго, но каждый разъ онъ всѣ свои размышленія кончалъ все тѣми же словами:

— Нельзя! Въ такомъ дѣлѣ сообщника нельзя имѣть. Одинъ будь!

XXX.

Наконецъ, однажды, выслушавъ докладъ трехъ пріѣзжихъ сыщиковъ, изъ которыхъ одинъ — сынъ Герасима, явился изъ дальнихъ мѣстъ, изъ города Бугульмы, Мрацкій узналъ много новаго.

Весь тотъ край былъ, по его словамъ, въ полномъ возстаніи. Бунтъ разгорался, какъ большой пожаръ, захватывая все кругомъ и распространяясь съ неудержимой силой. Во всѣхъ губернскихъ городахъ, даже въ главномъ городѣ края, въ Казани, были смятенія, неурядицы и общая паника среди дворянъ. Въ Казани ожидали вновь назначеннаго изъ Петербурга главнокомандующаго всѣхъ войскъ, собираемыхъ противъ самозванца, генерала Бибикова. Но всѣ, отъ властей до послѣдняго мѣщанина, были глубоко убѣждены, что судьба этого новаго питерскаго генерала будетъ все та же, что и судьба генерала Кара, постыдно бѣжавшаго отъ самозванца. „Разобьетъ государь Петръ Ѳедоровичъ царицыны войска въ пухъ и прахъ,—говорила молва народная.—И станетъ еще сильнѣе, еще грознѣе. И какія полчища ни приведи на него—ничего съ нимъ не подѣлаешь, потому что дѣло его—правое“.

Отъ этого же сыщика узналъ Мрацкій, что во многихъ богатыхъ усадьбахъ полчища бунтовщиковъ съ самимъ самозванцемъ или съ его наперсниками принимались помѣщиками съ хлѣбомъ-солью, при колокольномъ звонѣ, съ хоругвями и съ образами.

Не выдержаль Сергѣй Сергѣевичъ и рѣшился на страшный, роковой и многозначущій шагъ. Утромъ слѣдующаго дня, когда Анна Павловна своей утиной походкой явилась къ мужу, Сергѣй Сергѣевичъ показался ей не то черезчуръ веселымъ, не то черезчуръ пришибленнымъ.

Женщина вытаращила глаза: не тотъ былъ Сергѣй Сергѣевичъ, какимъ бывалъ всегда... Что-то чудное приключилось съ нимъ!

— Ну, Анна Павловна,—заявилъ Мрацкій,—помнишь, говорилъ я тебѣ, начинается война, когда князекъ самарскій вздумалъ свататься за Нилочку. Ну, а теперь, сударыня, начинается нѣчто важнѣющее... Видишь ты вотъ эту голову?—показалъ Мрацкій пальцемъ себѣ на лобъ.—Говори, видишь?

— Вижу, Сергѣй Сергѣевичъ,—глупо отозвалась женщина.—Какъ же мнѣ не видѣть? Ваша эта голова.

— То-то моя!.. Ну, вотъ видишь ли ты, какъ по твоему она: на шеѣ на моей сидитъ?

Анна Павловна склонила голову на сторону, приглядѣлась къ мужу и вздохнула. Изрѣдка мужъ задавалъ ей задачи, и она кое-какъ старалась всегда распутаться и хоть разъ или два на десять ухитрялась сообразить безъ его помощи, въ

чемъ дѣло; но такую задачу, какъ теперь задалъ Сергѣй Сергѣевичъ, конечно, не ей было разрѣшить.

— Не пойму я ничего, Сергѣй Сергѣевичъ!—отозвалась она.

— Еще бы! Тебѣ, да понять! А ты вотъ-что скажи: голова моя на шеѣ у меня, на плечахъ, или нѣтъ?

— Кажись, что такъ...—отозвалась Мрацкая.

— Нѣту, сударыня, голова моя отнынѣ не на шеѣ сидить, а на волоскѣ висить... Понимаешь! Вотъ тебѣ волосокъ, а на волоскѣ голова висить... И вотъ именно моя теперь и повисла на волоскѣ... Повѣсилъ я ее самъ такимъ способомъ. Не нынѣ—завтра такое вы всѣ узнаете въ Крутоярскѣ, что всѣ безъ чувствія пошлепаются и будете такъ трое сутокъ лежать. Ахнетъ вся округа, въ Самарѣ ахнуть, въ Питерѣ ахнуть, что за человѣкъ такой Сергѣй Сергѣевичъ Мрацкій.

И при этомъ маленькій человѣчекъ поднялъ кулакъ надъ головой, будто грозясь и всѣмъ сосѣднимъ губерніямъ, и даже самой столицѣ.

И Анна Павловна, какъ ни была глупа, а увидѣла ясно, что мужъ радостно взволнованъ.

Около полудня, нѣсколько успокоившись, Мрацкій послалъ за Неплюевымъ.

Лакей, ходившій звать молодого человѣка, явился съ отвѣтомъ, что Никифоръ Петровичъ придетъ черезъ часъ. И Мрацкій узналъ, что тотъ былъ въ отсутствіи въ продолженіи четырехъ дней и только сейчасъ вернулся въ Крутоярскъ.

— Гдѣ же онъ былъ? Неизвѣстно?

— Никакъ нѣтъ-съ,—отозвался лакей.—Только не въ Самарѣ... Не оттуда пріѣхали. А ужъ грязны, грязны—страсть! Сказываютъ сами, четверо сутокъ не умывались и трое сутокъ яко бы ничего не кушали. Такъ сами сказываютъ, смѣйтесь.

Лакей, докладывающій объ этомъ, не нашелъ въ этомъ ничего особеннаго, кромѣ смѣшного. Мрацкій взглянулъ на подобную отлучку Неплюева по своему.

„Только удивительно одно,—подумалъ онъ: — чего дуракъ болтаетъ, а не таитъ этакое про себя. Такой малый, какъ ты, Никишка, въ такія времена, какъ нынѣшнія, не будетъ сложа руки сидѣть! Что я чувю, то и ты чуешь! Какъ мнѣ эта мутная вода на руку—рыбку въ ней половить,—какая желается или какая попадется,—такъ и ты, сибирный, въ этой же мутной

водѣ чаешь выловить себѣ что-нибудь, что пригодится на всю жизнь. Ну, вотъ, что жъ дѣлать, и надо намъ вмѣстѣ. Одна голова—хорошо, а двѣ—еще лучше! Ты же у меня, благодаря Создателя, теперь на цѣпочкѣ на крѣпкой, и цѣпочка эта—дѣвка Аксютка! Теперь ты у меня въ полномъ послушаніи. Ошибочекъ, какая была тотъ разъ, не будетъ!“

И Мрацкій сталъ нетерпѣливо дожидаться появленія Неплюева. Прошло довольно много времени, и, наконецъ, старикъ Герасимъ, явившійся съ докладомъ о положеніи двухъ заключенныхъ: Марьяны Игнатьевны и Неонилы Аркадьевны, что дѣлалъ ежедневно,—доложилъ и о томъ, что Никифоръ Петровичъ просить его допустить.

— Зови, зови!—нетерпѣливо выговорилъ Мрацкій.

Молодой человѣкъ рошелъ въ горницу и удивилъ опекуна своимъ лицомъ. Или онъ усталъ съ дороги, или ему нездоровилось, но Никифоръ казался сильно похудѣвшимъ. Глаза его, умные, всегда отчасти загадочные, блестяли сильнѣе обыкновеннаго, но были еще замысловатѣе.

За ними, подъ черными лохмами кудрявыхъ волосъ, ясно чудились Мрацкому такія сокровенныя, диковинныя мысли, которыхъ Никифоръ, конечно, не выложитъ на ладонь, но отъ которыхъ не нынче—завтра не поздоровится многимъ.

— Ну, Никифоръ, давненько мы съ тобой не видались!—встрѣтилъ его опекунъ.

— Дня четыре!—отозвался молодой малый, угрюмо и охрипшимъ голосомъ.

— Что—застудился, что ли?—спросилъ Мрацкій.

— Немножко есть. Дольше трехъ сутокъ подъ крышей не бывалъ. Все подъ чистымъ небомъ...

— Что же такъ?

— Нужно было, Сергѣй Сергѣевичъ!—умышленно загадкой отозвался Никифоръ.

— По своимъ дѣламъ?—усмѣхнулся старикъ.

— Точно такъ, Сергѣй Сергѣевичъ! По своимъ дѣламъ. И за все время не спалъ почти да и не ѣлъ ничего.

— Вотъ какъ! И все по своимъ дѣламъ?—еще ехиднѣе усмѣхнулся Мрацкій.

— Да, Сергѣй Сергѣевичъ, по своимъ дѣламъ!—усмѣхнулся тоже и Никифоръ, но съ такой откровенной непріязнью къ опекуну, какъ будто считалъ уже лишнимъ притворяться и лукавить.

— Ужъ не выкралъ ли ты Аксюту со скотнаго двора?—
вдругъ спросилъ Мрацкій.

— Нѣтъ, зачѣмъ! Ни на что она мнѣ не нужна! Я и мысли
о ней бросилъ.

— Почему такъ?

— Насильно милъ не будешь! Она меня клянеть, сказыва-
ываетъ, что если бы вы приказали ей не только итти ко мнѣ
въ любовницы, а вѣнчаться со мной въ храмѣ, то она на
себя руки наложитъ. Что жъ мнѣ съ такою тварью возжаться,
время терять? А время дорого. А ужъ нынѣшнія времена,
Сергѣй Сергѣевичъ, не то что дороги, а золотыя времена!

Мрацкій почти вздрогнулъ отъ послѣднихъ словъ, какъ
если бы Никифоръ подслушалъ что-либо изъ самыхъ его со-
кровенныхъ мыслей или вывѣдалъ ловко какую его тайну.
Мрацкаго поразило, что молодой парень оцѣнилъ дни, пере-
живаемые ими, точно такъ же, какъ и онъ.

И Мрацкій отпустилъ отъ себя молодого человѣка, поболтавъ
о всякихъ пустякахъ и не сказавъ ни слова о главномъ. „Да,
умень, мерзавецъ!—подумалъ онъ, по уходѣ Неплюева.—
Голова! Иуда и Каинъ! Охъ, обида! Былъ бы у меня таковъ
мой Илья, чего бы мы не натворили! Цѣлое царство бы за-
воевали, а теперь и съ одной крутоярской царевной совладѣть
не можемъ“.

Заявленіе Неплюева настолько поразило Мрацкаго, что онъ
даже не рѣшился заговорить съ нимъ о своемъ важномъ дѣлѣ.
Старикъ дѣйствовалъ, какъ шахматный игрокъ. Увидя новый
неожиданный ходъ соперника, онъ рѣшилъ снова серьезно
обдумать свой ходъ, уже приготовленный было совѣмъ.

XXXI.

Разумѣется, колебаніе Мрацкаго продолжалось недолго, и
въ тотъ же вечеръ онъ послалъ опять за Неплюевымъ.

— Надумались?— загадочно произнесъ Никифоръ, садясь
предъ нимъ.

— Ну, слушай!—твердо и рѣшительно заговорилъ старикъ.—
Авось хватить у тебя ума-разума разсудить мудрѣйшее дѣло,
котораго проще нѣту. Самъ ты говоришь, что золотыя вре-
мена пришли для такихъ, какъ ты, да я... Хочешь ты, мы
вмѣстѣ отъ этихъ временъ себѣ великія выгоды добудемъ? Я

всѣ свои дѣла устрою, какъ мнѣ желательно, а ты разбогатишь, станешь важнымъ помѣщикомъ... Желаетъ ли?

— Помѣщикомъ богатымъ здѣсь мнѣ не стать, Сергѣй Сергѣевичъ, а раздобыть много денегъ, чтобы потомъ изъ этихъ предѣловъ бѣжать и на далекой сторонѣ стать важнымъ помѣщикомъ,—вѣстимо можно.

— Можно, но не легко, все-таки же...

— Вѣстимо.

— Ну, а хочешь, я помогу тебѣ, и станеть оно легкимъ дѣломъ!

— Отчего же...

— Тысячъ пятьдесятъ чистыми деньгами хочешь ты получить?

— Что жъ спрашивать, Сергѣй Сергѣевичъ...

— Ну, такъ вотъ ты ихъ чистоганомъ получишь. И не я тебѣ ихъ дамъ, пойми! Нѣтъ, ты самъ ихъ возьмешь, собственными руками. А ужъ взявши ихъ, пойми, ты мнѣ поможешь въ моемъ дѣлѣ. Понялъ ли?

— Понялъ, а все-жъ-таки лучше скажите съизнова и потолковѣе.

— Видишь ли. Такъ надо обстоятельства подвести, чтобы ты пришелъ въ Крутоярскъ, самъ бы отправился въ нашу кладовую и забралъ бы тамъ всѣ опекунскія деньги, какія есть наличными. А ихъ больше пятидесяти тысячъ. И вотъ ты ихъ возьмешь, положишь въ карманъ, затѣмъ меня отблагодаришь помощью... Обвѣнчаешь Илью съ Нилочкой въ храмѣ Божьемъ, будучи посаженнымъ у крутоярской царевны.

Все показалось просто Никифору, но послѣднее обстоятельство—желаніе Мрацкаго, чтобы онъ, безродный, былъ посаженнымъ Кошевой, показалось ему загадочнымъ.

— Слушай-ка, Никифоръ. Кто такой поднялъ весь край, всю сумятицу произвелъ и на столицу страхъ напустилъ? Кто онъ такой?

— Сказываютъ—донской казакъ, Пугачевъ, Емельянъ Ивановъ.

— Кто сказываетъ?

— Да всѣ, Сергѣй Сергѣевичъ.

— Врутъ всѣ, Никифоръ! Клятвопреступники всѣ, бунтовщики истинные! Нѣтъ никакого Емельяна Пугачева. Все выдумки нѣмецкія, столичныя! Явленъ Россіи и всему міру истинный царь Петръ Ѳедоровичъ, чудомъ спасенный отъ смерти.

— Что вы, Сергѣй Сергѣевичъ?!—вытаращилъ глаза Никифоръ.

— То-то, что вы! Пускай дураки врутъ и турусы на колесахъ расписываютъ. А умнымъ людямъ, какъ я да ты, не подобаетъ истиннаго царя обманнымъ образомъ самозванцемъ звать!—проговорилъ Мрацкій твердо, но при этомъ улыбка его и взглядъ маленькихъ глазъ сразу все объяснили Никифору.

И молодой человѣкъ вдругъ усмѣхнулся, даже отчасти добродушно.

— Что жъ дальше, Сергѣй Сергѣевичъ?

— Будемъ такъ сказывать: великъ государь Петръ Ѳеодоровичъ! И мы за него!

— Ну, а дальше-то что?

— А дальше очень просто. Соберется скопище великое. Нѣту великаго—хоть бы какихъ три-четыре сотни калмыкъ, татаръ и крестьянъ православныхъ. И будетъ оно подъ командою царскаго воеводы состоять. Собереть войско и благоустроить, давши въ руки топоры и дубины, наперсникъ царскій, звать его Неплюевымъ. И по указу Его Императорскаго Величества шаркнетъ на Крутоярскъ. Опекунъ, Сергѣй Сергѣевичъ, со всѣми сожителями встрѣтитъ посланника царскаго съ хлѣбомъ-солью, и пойдутъ празднества. Потребуется воевода царскій что ни-на-есть. И все ему на поднось поднесутъ. Спросить воевода: „есть у васъ деньги“? Скажутъ: „есть, къ вашему удовольствію“. Отворять кладовую и набьютъ себѣ воевода Никифоръ полны карманы. А тамъ объявить онъ царскую волю: указать Петръ Ѳеодоровичъ скорехонько повѣнчать Илью Сергѣевича Мрацкаго на Неонилѣ Аркадьевнѣ Кошевой. Сейчасъ попа и весь причтъ за хвостъ и въ храмъ. Въ два часа времени все будетъ покончено, будетъ надъ всѣмъ помѣщица Неонила Аркадьевна Мрацкая. А мы воеводу послѣ вѣнца и свадебнаго угощенія съ поклонами проводимъ изъ Крутоярска. Хороша ли моя сказка?

— Хороша, Сергѣй Сергѣевичъ, только всякой сказкѣ конецъ полагается, а въ вашей его нѣту.

— Какой конецъ?

— А что послѣ-то будетъ?

— Да ничего.

— Съ Мрацкимъ, съ его сыномъ, съ его невѣсткой, Сергѣй Сергѣевичъ, понятное дѣло, ничего не будетъ. Обвѣнчаются и заживутъ себѣ молодые не мирно и не тихо... Ну,

да это ихъ дѣло! А воевода что?—спросилъ Никифоръ, усмѣхаясь язвительно.

Наступило молчаніе.

Мрацкій понялъ сразу вопросъ, но не зналъ, какъ отвѣчать.

— Воевода?—заговорилъ онъ.—Что же? Кабы у него карманы пусты были! Воевода удѣлить десяточекъ тышенокъ на чиновную братію, да и на волокиту, да на всякихъ судейскихъ крючковъ—и выйдетъ сухъ изъ воды.

— Полагать надо,—нѣтъ, Сергѣй Сергѣевичъ. Воеводѣ съ этими деньгами придется удирать на край свѣта, мѣнять свое отечество и прозвище и на всю жизнь поселиться не вѣсть въ какихъ краяхъ, чуть не въ Нѣмеціи.

— Э... полно врать!—разсердился вдругъ Мрацкій.—Во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, что происходятъ и произойдутъ, въ этой-то сумятицѣ да неразберихѣ—какой чортъ какого лѣшаго розыщеть. Какъ ты полагаешь, если сотня разбойниковъ нападетъ на проѣзжихъ да перебьетъ всѣхъ, узнается ли—кто кого какъ убилъ? И сами-то они не знаютъ промежь себя, кто что натворилъ.

Наступило снова молчаніе и продолжалось долго. Никифоръ тяжело дышалъ, взоръ его блуждалъ кругомъ него, то останавливался на деревянномъ лицѣ Мрацкаго, сидѣвшаго съ опущенными глазами, то бродилъ по стѣнамъ и угламъ горницы. Но, очевидно, Никифоръ ничего не видѣлъ передъ собой, поглощенный одною мыслью, которая заставила шибко биться его сердце и черезъ силу переводить дыханіе.

— Сергѣй Сергѣевичъ,—выговорилъ онъ, наконецъ, совершенно глухимъ голосомъ.—А если въ кладовыхъ нѣту этихъ денегъ или теперь есть, да тогда не окажется?

— Желаетъ, дамъ тебѣ книги, по которымъ самъ все усмотришь,—горячо отвѣтилъ Мрацкій.—За послѣднее время оброкомъ и всякими другими дѣлами собралось въ кладовую пятьдесятъ три тысячи съ сотнями и десятками. И будутъ онѣ лежать сохранно впредь до благополучнаго прибытія царскаго воеводы и посланника. Да самъ ты, олухъ, разсуди, что же мнѣ эти пятьдесятъ тысячъ, когда все состояніе Кошевой будетъ состояніемъ Неонилы Мрацкой!

И снова наступило молчаніе.

— Ну, Сергѣй Сергѣевичъ...—проговорилъ было Никифоръ, но смолкъ и какъ бы не рѣшался продолжать. Затѣмъ молодой

малый быстро поднялся, почти вскочилъ съ мѣста и выговорилъ едва слышно:

— Идетъ!

— Ну, вотъ умница!—отозвался Мрацкій такимъ умышленно равнодушнымъ тономъ, какъ если бы дѣло шло о пустякахъ.

— Не даромъ, стало быть, я бѣгалъ!—проговорилъ Никифоръ какъ бы самъ себѣ.

— Даромъ ты ничего не дѣлаешь,—пошутилъ Мрацкій.

— Что вы затѣяли, то уже готово...

— Какъ такъ?

— Да у меня въ тридцати верстахъ отсюда уже есть команда человекъ въ двѣсти, которая по моему указу хоть на городъ Самару пойдетъ. Но не думалъ я съ нею на Крутоярскъ итти! Видитъ Богъ! Думалъ я съ нею три-четыре усадьбы разгромить и тоже поискать въ нихъ, нѣтъ ли, если не кладовыхъ, то хоть сундуковъ какихъ... Ну, а вы много умнѣ меня надумали, попроще. Какъ сами рассказываете, все въ два часа времени обойдется. Ладно, будь по вашему! Черезъ недѣлю встрѣчайте царскаго воеводу Неплюева, но помните одно, Сергѣй Сергѣевичъ. Вотъ вамъ Богъ!—И Никифоръ перекрестился.—Коли не найду я вашихъ пятидесяти тысячъ въ кладовой, то разгромяю всю усадьбу. И даже того хуже...

Мрацкій усмѣхнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Смѣшного мало, Сергѣй Сергѣевичъ!

— Знаю. Но этого не будетъ. Деньги лежатъ и пролежатъ до тебя въ сохранности.

— Ладно. Такъ и будетъ! Только одного я и опасаюсь, чтобы меня крестьяне крутоярскіе не встрѣтили тоже съ вилами и топорами. Ну, да если насъ числомъ меньше будетъ, такъ за то много мы отчаяннѣе. Либо одолѣй, либо въ острогъ иди.

— Объ этомъ, Никифоръ, не тужи и не думай,—усмѣхаясь, произнесъ Мрацкій.—Завтра по-утру, когда проснешься, позовутъ тебя въ большую залу такъ же, какъ и всѣхъ прочихъ, и ты ахнешь отъ того, что услышишь.

— Что же такое услышу я?..

— Потерпи до завтра. Говорю, ахнешь.

Дѣйствительно на утро всѣ крутоярцы были поражены несказанно всѣмъ, что произошло въ домѣ.

По приказу опекуна, всѣ собрались въ большой залѣ. Ца-

ревна вышла, окруженная своимъ штатомъ, съ Лукерьей Ивановной во главѣ.

Вся семья Мрацкихъ и Ждановъ съ Неплюевымъ явились тоже.

Впереди толпы стояла дворян, а за ней крестьяне челоѣкъ съ полсотни изъ самыхъ умныхъ и дѣльныхъ.

Опекунъ Сергѣй Сергѣевичъ сказалъ рѣчь, въ которой объяснилъ, что въ Оренбургскомъ краю явленъ истинный государь російскій Петръ III Ѳеодоровичъ, который идетъ на столицы возсѣсть на престолъ. Всѣ толки, что это яко бы самозванецъ—измѣнничество. И если будетъ самъ царь или кто-либо изъ его воеводъ шествовать чрезъ Крутоярскъ, то всѣ они обязаны встрѣчу учинить, какъ истинные вѣрноподданные, съ иконами и хоругвями да съ хлѣбомъ солью, при колокольномъ звонѣ.

Всѣ отнеслись къ объявленію Мрацкаго одинаково радостно.

— И слава Богу, что царь! А то сказывали—разбойникъ, душегубъ.

Одна Нилочка поняла все... Новый замыселъ злого опекуна поразилъ ее. Чего хочетъ онъ? Чью погибель затѣялъ опять? Быть можетъ, на этотъ разъ—ея собственную?!

XXXII.

Наступилъ декабрь мѣсяць. Бунтъ въ краѣ былъ въ полномъ разгарѣ. Вѣсти, привозимыя сыщиками крутоярскаго опекуна, были все диковиннѣе. Бунтовали давно не одни татары и всякіе инородцы.

Мрацкій былъ доволенъ вѣстями.

„Все пуще мутится вода,—думаль онъ.—И чѣмъ мутнѣе она будетъ, тѣмъ легче мнѣ дѣло справить“.

Однако, Мрацкаго смущало то обстоятельство, что отъ исчезнувшаго Никифора не было ни слуху, ни духу. Онъ уѣхалъ изъ Крутоярска на другой же день послѣ торжественнаго объявленія Мрацкаго насчетъ явленнаго государя и съ тѣхъ поръ ни разу не извѣстилъ о себѣ опекуна, гдѣ находится и что дѣлаеть.

Дни шли за днями, не принося ничего новаго, и Сергѣй Сергѣевичъ начиналъ уже смущаться. Наконецъ, однажды утромъ явился одинъ изъ сыщиковъ и доложилъ Мрацкому,

что въ ста верстахъ отъ Крутойрскъ появилось большое войско, отраженное государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ подъ начальствомъ графа Чернышева.

На слѣдующій день другой развѣдчикъ привезъ ту же вѣсть. Войско, подъ начальствомъ графа Чернышева, двигалось и было уже верстахъ въ семидесяти. Слухъ ходилъ, что оно отражено царемъ для взятія города Самары.

Войско это состоитъ главнымъ образомъ изъ ставропольскихъ калмыковъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, но съ нимъ много крестьянъ и нѣсколько рядовыхъ солдатъ, имѣющихъ ружья.

Мрацкій былъ нѣсколько смущенъ. Крутойрскъ лежалъ какъ разъ на пути этого войска. Если Сергѣй Сергѣевичъ былъ готовъ принять съ хлѣбомъ-солью царскаго воеводу и своего сообщника Неплюева, то вовсе не былъ готовъ встрѣтить такъ же графа Чернышева, очевидно, такого же истиннаго, какимъ былъ и самъ государь Петръ Ѳеодоровичъ.

Отъ этого графа-самозванца онъ могъ ждать совершенно иного. Если шайка нападетъ на усадьбу, то что же можетъ произойти? А между тѣмъ опекунъ не только не подготовилъ изъ многочисленной дворни и крестьянъ какую-либо команду для отпора разбойниковъ, но, наоборотъ, подготовилъ весь Крутойрскъ—и село, и усадьбу—къ радостной встрѣчѣ любого самозваннаго грабителя и бунтовщика, лишь бы онъ назвался царскимъ воеводой. Взяться тотчасъ за дѣло, набрать команду человекъ въ триста и вооружить ее чѣмъ попало, чтобы дать отпоръ сборщикамъ Пугачева и его наперсниковъ—было бы, конечно, возможно, если бы не торжественное объясненіе опекуна, сдѣланное имъ когда-то въ залѣ. Мрацкій, быть можетъ, первый разъ въ жизни окончательно растерялся и не зналъ, что дѣлать. Какимъ образомъ можно было объяснить всѣмъ въ Крутойрскѣ—отъ главныхъ нахлѣбниковъ и дворовыхъ до послѣдняго крестьянина на селѣ—что онъ только въ томъ случаѣ согласенъ признать государемъ вора-самозванца, если къ нему явится воеводой Никифоръ Неплюевъ, а войско, или шайку подъ командой графа Чернышева онъ, Мрацкій, долженъ теперь почестъ бунтовщиками? Кто же это разсужденіе пойметъ?! Однако на слѣдующій день Сергѣй Сергѣевичъ сразу успокоился и даже возликовалъ.

Новый развѣдчикъ, явившійся къ нему съ докладомъ, объяснилъ, что войско въ полтысячи человекъ идетъ прямо на

Крутоярскъ. Начальствуетъ имъ дѣйствительно графъ Чернышевъ, человѣкъ молодой еще, черноволосый, небольшого роста и очень строгій. По дорогѣ онъ разгромилъ уже двѣ небольшія усадьбы и сжегъ. Сказываютъ, изъ двухъ помѣщиковъ одного повѣсилъ, а другого застрѣлилъ. Барынь и барышень не убиваетъ, а за собой уводитъ и при себѣ велитъ состоять. Но главная диковина для докладчика,—а не для Мрацкаго,—состояла въ томъ, что при этомъ графъ Чернышевъ состоитъ въ помощникахъ крутоярскій молодой баринъ Никифоръ Петровичъ.

Мрацкій чуть не бросился обнимать сыщика за эти извѣстія.

Черезъ часъ все въ крутоярскомъ домѣ ожило. Всѣмъ было оповѣщено отъ имени опекуна, что къ нимъ идетъ царскій воевода графъ Чернышевъ, и что надо готовиться торжественно встрѣтить его. Всѣмъ равно тотчасъ же было извѣстно, что при графѣ Чернышевѣ адъютантомъ состоитъ Неплюевъ.

На слѣдующій день утромъ Мрацкій узналъ, что къ вечеру войско будетъ уже въ Крутоярскѣ, а воевода намѣренъ переночевать, чтобы на утро двинуться на Самару.

Дѣйствительно, въ сумерки появились на селѣ отдѣльныя кучки разнаго сброда, затѣмъ вѣхалъ длинный обозъ. Какъ лошади и сани, такъ и всякаго рода добро, которымъ былъ нагруженъ обозъ—все было имущество, награбленное наканунѣ по усадьбамъ.

Спустилась часть уже цѣлое скопище заняло и переполнило все село. На каждую крестьянскую избу пришлось по нѣскольکو постояльцевъ, но всему скопищу, конечно, мѣста не хватило, и гурьбы калмыковъ и всякихъ инородцевъ остались на улицѣ на всю ночь и грѣлись вокругъ разложенныхъ большихъ костровъ. Село приняло сразу зловѣщій видъ.

Передъ полночью, когда Мрацкій, тщетно ждавшій Неплюева, уже собирался ложиться спать, къ нему явился Герасимъ съ докладомъ. На селѣ, по его словамъ, расположилось самое дикое, воровское скопище. Крестьянъ и солдатъ мало, больше все татары, калмыки и не вѣсть какіе шайтаны. Графа же Чернышева онъ видѣлъ самъ, своими глазами.

— Какъ быть слѣдуетъ воевода, изъ себя пригожій и важный. Говорятъ всѣ, что зѣло лютъ,—докладываль Герасимъ.— Вѣшаетъ, головы рубить, кнутами засѣкаетъ до смерти такъ обстоятельно и распорядительно, что его и свои усердно очень

почитають. Въ одной усадьбѣ молодого помѣщика онъ собственноручно казнилъ, выпаливъ ему въ ухо изъ пистоли.

Неплюева Герасимъ тоже видѣлъ и даже говорилъ съ нимъ.

— Никифоръ Петровичъ, — объяснилъ лакей, — состоитъ при графѣ въ адъютантахъ, всѣ его указы исполняетъ въ точности и очень при немъ тихъ и смиренъ, разговариваетъ перегнувшись. Совсѣмъ я нашего Никифора Петровича не призналъ! Такъ ласковъ, что удивительно! Ужъ когда нашъ головорѣзъ графа боится, такъ чтожъ съ другихъ требовать?!

Однако, главнаго Герасимъ не разузналъ. Мрацкій хотѣлъ увѣриться, чего ждать на утро, что прикажетъ воевода. Герасимъ спрашивалъ Никифора отъ имени Сергѣя Сергѣевича, какія будутъ распоряженія, но Никифоръ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ.

— На утро видно будетъ! — сказали онъ.

Сергѣй Сергѣевичъ, нисколько не успокоенный такими извѣстiями и даже еще болѣе тревожась, рѣшилъ, однако, ложиться спать.

Въ это самое время кто-то такой быстро прошелъ черезъ дворъ, вошелъ въ домъ, поднялся по лѣстницѣ въ лѣвое крыло, гдѣ помѣщалась вся семья главнаго опекуна, и встрѣтился въ корридорѣ съ Герасимомъ.

— Никифоръ Петровичъ! — ахнулъ старикъ-лакей.

— Я, любезнѣйшiй! Онъ самый! Доложи Сергѣю Сергѣевичу.

Герасимъ, всегда презиравшiй и ненавидѣвшiй „Никишку сибирнаго“ и всегда называвшiй его даже при Мрацкомъ просто головорѣзомъ, теперь относился къ нему съ особеннымъ уваженiемъ. Герасимъ, вѣрившiй въ доподлинность воеводы графа Чернышева, рѣшилъ, что — чего добраго не нынѣ — завтра и „Никишка“ этотъ попадетъ въ царскiе воеводы.

XXXIII.

Мрацкiй, конечно, тотчасъ же почти выбѣжалъ въ гостиную, гдѣ его ожидалъ адъютантъ царскаго воеводы. Старикъ приблизился къ молодому человѣку, вопросительно глядя ему въ лицо, какъ бы ожидая, что тотъ объявитъ; — но Никифоръ только улыбался и точно такъ же вопросительно глядѣлъ въ лицо Мрацкаго. Наступила пауза, которая смугила опекуна. Предъ нимъ стоялъ уже не тотъ Никифоръ, что былъ не-

давно для совѣщаній. На цѣлыя двѣ головы выросъ этотъ „сибирный“ и былъ настолько важенъ, какъ если бы самъ исполнялъ роль графа и воеводы.

— Ну, что жъ, Никифоръ?—выговорилъ, наконецъ, Мрацкій тревожно, почти боязливо.

— Ничего, Сергѣй Сергѣевичъ.

— Что скажешь? Что жъ намъ дѣлать, какъ завтра быть? Выходить на него съ образами, съ хлѣбомъ солью, или ждать въ домѣ?

— Никакого приказа отъ его сіятельства еще нѣту!—вымолвилъ Никифоръ, самодовольно ухмыляясь.

— Никифоръ, ты чудишь! Не грѣхъ ли тебѣ! Давай говорить толкомъ.

— Вѣстимо, Сергѣй Сергѣевичъ, мы толкомъ и поговоримъ, только прежде соизвольте вспомнить, что промежъ насъ условлено. Что? Уже и забыли? Возьмите-ка вотъ ключъ отъ кладовой, сходимте туда, вернемся и побесѣдуемъ.

— Охъ, голубчикъ!—вскрикнулъ Мрацкій.—Да это сейчасъ. Изволь! Въ этомъ ли дѣло?

Мрацкій засуетился. Ему не хотѣлось при Никифорѣ доставать ключъ, который былъ въ потайномъ ящикѣ стола, но затѣмъ онъ сообразилъ, что обстоятельства настолько исключительны, что стоитъ ли того о пустякахъ и думать.

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ уже растворилъ столъ, выдвинулъ ящикъ, прижалъ какой-то гвоздикъ—и подъ отскочившей дощечкой оказались ключи. Онъ взялъ въ руки одинъ изъ самыхъ большихъ и, улыбаясь, довольный, почти радостный, обернулся къ Никифору.

— Пожалуй!.. Пятьдесятъ двѣ тысячи съ сотнями, почти пятьдесятъ три!..

И оба вышли изъ горницы, прошли по корридору, спустились по лѣстницѣ и, будучи уже въ подвальномъ этажѣ, подошли къ толстой двери, обитой желѣзомъ. Замокъ нещадно заскрипѣлъ, и тяжелая дверь медленно поддалась впередъ при ихъ усиліяхъ.

— Дверь умница,—весело замѣтилъ Мрацкій.—Туго идетъ при отворѣ. А назадъ сама бѣжить, только пальцемъ ее ткни хоть малость.

Дѣйствительно, снова толкнутая Мрацкимъ дверь легко защелкнулась на тяжелую желѣзную щеколду. Мрацкій зажегъ огня. Никифоръ оглянулся. Они были въ небольшой на сво-

дахъ горницѣ, аршинъ пять въ квадратѣ. По стѣнамъ стояло нѣсколько ящичковъ и два сундука, кованные желѣзомъ.

— Тутъ все дребедень разная, — объяснилъ Мрацкій: — серебряные сервизы да какая-то иностранная посуда, — сказываютъ, яко бы дорогая, — а намъ, братецъ мой, вотъ что всего дороже!..

Мрацкій отворилъ ближайшій сундукъ. Онъ былъ полонъ пачекъ ассигнацій.

— Ну, забирай! Припасъ ли что съ собой?

Никифоръ усмѣхнулся, полѣзъ за пазуху и вынулъ что-то сложенное. Это оказался большой мѣшокъ изъ толстаго полотна.

— Запасливый! — усмѣхнулся Мрацкій.

— Я-то? Конечно!

И оба они начали наполнять мѣшокъ ассигнаціями, золотыми монетами и нѣсколькими мѣшечками съ серебромъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь кладовой снова заскрипѣла, затѣмъ легко захлопнулась, и двѣ фигуры среди темноты направились обратно въ горницу опекуна. Поставивъ свой довольно большой мѣшокъ на полъ у стѣнки, Никифоръ сѣлъ и вымолвилъ:

— Ну-съ, вотъ теперь и разсуждать будемъ! Только скорѣй! Время не терпитъ, да и объяснять мнѣ вамъ много не нужно. Графу все извѣстно. Завтра по утру ждите приказаній явиться къ нему, чтобы объясниться, и возьмите съ собой Илью Сергѣевича. Вы доложите ему о вашемъ желаніи сочетать бракомъ сына съ помѣщицей Кошевой. Доложите, что и она на сей бракъ согласна, а только такъ малость колеблется. Послѣ этого, какъ я полагаю, графъ явится къ вамъ со своими адъютантами къ столу. Переговорите обо всемъ, а на слѣдующій день будетъ назначено и вѣнчаніе парадное Ильи Сергѣевича съ Неонилой Аркадьевной. Вотъ и все. Хорошо бы было, конечно, кабы вы изъ кладовой еще бы десятковъ пять тысячъ выдали и графу. Вы думаете, я вамъ такъ и цовѣрилъ, что въ другихъ-то сундукахъ одна посуда, хотя бы и серебряная?

— Вотъ тебѣ Господь Богъ! Ничего тамъ больше нѣту! — воскликнулъ Мрацкій.

Никифоръ разсмѣялся.

— Полноте, Сергѣй Сергѣевичъ, вѣдь я знаю хорошо отъ батюшки, какіе капиталы каждый годъ приходятъ въ круторяское опекуновское управление со всѣхъ вотчинъ и помѣстій

Неонила Аркадьевна! Сколько этихъ тысячъ должно накопиться въ кладовой! Если я согласился взять вотъ этотъ мѣшечекъ, — ткнулъ Никифоръ пальцемъ къ стѣнѣ, — такъ это по моей ужъ совѣстливости. Не жалѣйте, будетъ съ васъ и того, что все состояніе Кошевыхъ достанется вамъ. Поднесите тысячь пятьдесятъ графу, а то какъ бы не вышло какой бѣды... Подумайте, ну, вдругъ ему придетъ охота штурмомъ взять крутоярскія палаты!? Что тогда будетъ?

— Какъ же это можно, — раздражительно отозвался Мрацкій. — Я его въ качествѣ царскаго воеводы встрѣчаю съ хлѣбомъ-солью, а онъ будетъ насильствовать?

— Да чортъ ему въ вашемъ хлѣбѣ и въ вашей соли, когда онъ можетъ попользоваться всѣмъ, чѣмъ самъ захочетъ! Вѣрно вамъ говорю! Сознавайтесь! Вѣдь опять въ кладовую не пойдемъ... Вѣдь есть у васъ тамъ еще десятки, а то и сотни тысячь? По моему, за двѣнадцать лѣтъ опекунскаго управления доходу-то должно было накопиться тысячь пятьсотъ, а не пятьдесятъ двѣ.

Мрацкій замахалъ руками и разсмѣялся.

— Жалѣю я, что не раскрылъ всѣ сундуки при тебѣ! Самъ бы увидалъ, что тамъ ничего больше нѣту.

— Ну, какъ знаете! Это ваше дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ среди полной тьмы ночи кто-то быстро шагаль черезъ дворъ крутоярскихъ палатъ и повернулъ въ рощицу. На спинѣ его былъ мѣшокъ.

Достигнувъ небольшого домика-сторожки, Неплюевъ вошелъ въ нее, поставилъ свой мѣшокъ на полъ и началъ хлопотать и возиться. Въ какихъ-нибудь четверть часа онъ разобралъ полъ, подъ которымъ оказалось пустое пространство, опустилъ туда мѣшокъ и снова задѣлалъ все.

Никифоръ давнымъ-давно, загодя, вскорѣ послѣ своего условія съ Мрацкимъ, ночью устроилъ и хитро приготовилъ мѣстечко для своего будущаго клада. Двѣ ночи тогда проработалъ онъ тутъ, — за-то теперь въ нѣсколько минутъ все было сдѣлано.

XXXIV.

Рано утромъ поднявшійся Мрацкій не долго ждалъ. Съ села явился какой-то молодой малый, по виду дворовый лакей. Онъ былъ присланъ просить отъ имени графа Чернышева опекуна

господина Мрацкаго и его старшаго сына пожаловать для объясненія въ избу крутоярскаго бурмистра—самую просторную и чистую, гдѣ остановился царскій воевода.

Сергѣй Сергѣевичъ, довольный, съ радостнымъ лицомъ, сталъ собираться, приказавъ и сыну надѣть свое новое платье. Черезъ полчаса оба Мрацкихъ въ легонькихъ саночкахъ уже выѣхали со двора на село и остановились у избы бурмистра. Вокругъ нея стояла цѣлая толпа крутоярскихъ крестьянъ, бабъ и ребятишекъ.

Мрацкій, оглянувъ толпу, смутился. Всѣ лица были непріязненные, насмѣшливыя, злобныя, и никто, ни единый человекъ не ломалъ шапки. Всѣ глядѣли на Мрацкаго и его сына, не какъ на господъ, являющихся въ гости къ воеводѣ, а какъ-то иначе.

Мрацкій хотѣлъ прикрикнуть на толпу и заставить всѣхъ снять шапки, но сдержался.

— Чудно это!—выговорилъ онъ, слегка смущаясь.

Черезъ минуту оба Мрацкіе были уже въ избѣ. Въ углу на лавкѣ сидѣлъ средняго роста черноволосый человекъ лѣтъ за тридцать, съ усами и бородкой. Съ виду это былъ настоящій казакъ, какихъ много видалъ Мрацкій.

У стѣны стояло четверо молодцовъ, одинаково одѣтыхъ въ кафтаны и шальвары съ высокими сапогами. Въ числѣ ихъ былъ и Никифоръ. На другой сторонѣ, на лавкѣ, сидѣлъ крутоярскій батюшка, около него дьяконъ, и оба они были, видимо, перепуганы.

Мрацкій въ сопровожденіи сына вошелъ, быстро оглянулъ всѣхъ, поклонился и произнесъ:

— Имѣю честь явиться къ вашему сіятельству и выразить вамъ мои чувства сердечныя къ Его Величеству Государю, коего вы...

— Ладно, ты не болтай!—оборвалъ его сразу графъ Чернышевъ.—Ты послушай, что я тебѣ скажу. Моя рѣчь будетъ не долга. Сколько ты лѣтъ опекуновалъ и сколько ты за это время себѣ награбилъ, обворовывая сироту?

Мрацкій, смутившись и поблѣднѣвъ слегка, хотѣлъ отвѣчать, но самозванецъ вскрикнулъ:

— Молчи! Мало того, что ты ограбилъ сироту, а еще выдумалъ воровскимъ образомъ совсѣмъ и имущество въ руки забрать, надумалъ вотъ этого дикобраза,—показалъ онъ пальцемъ на Илью,—женить на сиротѣ. Кромѣ того, за все время

опекунства только кровопийствовалъ, православныхъ крестьянъ—подданныхъ Великаго Государя Петра Ѳеодоровича—всячески изводилъ, засѣкалъ, въ Сибирь ссылалъ! Начать тебѣ теперь сказывать все, что ты, собака, за всю жизнь понаторилъ,—до вечера не кончимъ. А мнѣ спѣшить надо... Ну-тко вы, ведите ихъ!

Трое изъ адъютантовъ графа Чернышева двинулись къ Мрацкому. Одинъ Никифоръ стоялъ у стѣны, опустивъ глаза въ землю.

Мрацкій, совершенно блѣдный, почти зеленый, и растерявшийся Илья, ничего не понимавшій, оба почти безсознательно двинулись вонъ изъ избы.

Черезъ нѣсколько мгновений на улицѣ произошла дикая расправа. Оба Мрацкіе—и отецъ, и сынъ—еле живые отъ перепугу, очутились въ рукахъ крестьянъ.

Черезъ нѣсколько мгновений оба уже висѣли, вздернутые на воротахъ избы...

Между тѣмъ графъ Чернышевъ, объяснивъ батюшкѣ и дьякону, чтобы на утро все было готово къ парадному вѣнчанію въ церкви помѣщицы крутоярской, отпустилъ обоихъ.

— Помни, батька,—прибавилъ онъ,—чтобы все было законно! Документы мы тебѣ вручимъ и жениховы, и невѣстины. И все такъ сдѣлай, состряпай и запиши, чтобы бракъ былъ законнѣе всѣхъ, какіе когда-либо ты въ жизни совершалъ.

Священникъ и дьяконъ вышли изъ избы на крыльцо и, оглянувшись на ворота, ахнули. Никакого шума или крику не было на улицѣ, пока они объяснялись съ царскимъ воеводой. А между тѣмъ, здѣсь, на перекадинѣ воротъ уже повисли два мертвыхъ тѣла двухъ человѣкъ, которые сію минуту живые стояли передъ ними.

Едва только самозванецъ и Никифоръ остались одни, какъ послѣдній отошелъ отъ стѣны, сѣлъ на скамью къ столу и произнесъ:

— Ну, Егорка, молодець ты! Не ожидалъ! И откуда у тебя, подлеца, важность берется? Поглядишь—и въ самомъ дѣлѣ ты какой графъ Чернышевъ! И я бы такъ не сзумѣлъ! Одинъ видъ чего стоитъ! Какъ ты сталъ Сережкѣ выговаривать! Теперь одно только: ради Создателя въ домѣ не осрамись. Пуще всего помни: будемъ за столомъ, не пей ты ничего. Помни, что я говорю! Въ случаѣ, если ты мнѣ все

дѣло изгадишь, догадается Кошечья, кто ты таковъ есть, я тебя тутъ же собственными руками придушу!

— Ужъ это вы, Никифоръ Петровичъ, напрасно! — отозвался рязенный графъ. — Сказаль я вамъ — нѣсколько деньковъ продержусь и никакого сраму не будетъ. А тамъ, какъ все уладится, вы ужъ меня изъ этихъ графовъ увольте.

— Понятное дѣло. Какъ сказано. Завтра къ вечеру послѣ вѣнца получишь общанное — и ступай на всѣ четыре стороны.

XXXV.

Около полудня Никифоръ явился въ домъ, къ нему на встрѣчу выбѣжало много дворни, всѣ штатныя барыни. На всѣхъ лица не было, всѣ, казалось, ожидали себѣ того же, что постигло Мрацкихъ. Никифоръ въ нѣсколькихъ словахъ успокоилъ всѣхъ.

— Никому ничего не будетъ, никакой бѣды, только вотъ что: ступайте скажите Аннѣ Павловнѣ и ея дѣтенышамъ, чтобы они сейчасъ же собирались и чтобы къ вечеру ихъ въ домѣ не было. Если кто изъ семьи Мрацкихъ окажется завтра по утру въ домѣ, того повѣсятъ точно такъ же на первой осинѣ.

Затѣмъ Никифоръ велѣлъ доложить о себѣ Нилочкѣ. Когда молодой человекъ вошелъ въ горницу Нилочки, то едва узналъ крутоярскую царевну. Молодая дѣвушка была сильно блѣдна, казалась похудѣвшей, но лицо ея было холодно, спокойно, взглядъ упоренъ и твердъ настолько, что Никифоръ почти не узналъ этихъ давно знакомыхъ ему голубыхъ глазъ.

Сразу догадался молодой малый, что эта дѣвочка-сирота, подъ впечатлѣніемъ всего происходящаго въ домѣ за послѣднее время, постарѣла лѣтъ на десять, стала женщиной и женщиной рѣшительной, съ такой волей, выработанной отчаяніемъ, какой не можетъ проявиться вдругъ въ дѣвочкѣ въ обыкновенныя мирныя времена.

— Неонила Аркадьевна! — заговорилъ Никифоръ. — Я къ вамъ по самому важному дѣлу, какія только въ жизни человѣческой бываютъ. Извольте рѣшить свою судьбу. Я являюсь къ вамъ отъ воеводы Государя Императора, графа Чернышева. Отъ вашего ему отвѣта будетъ все зависѣть, даже — скажу прямо — ваша собственная жизнь... въ зависимости отъ ва-

шихъ же словъ и рѣшенія. Либо все будетъ благополучно, либо и вы погибнете почти такъ же, какъ и Мрацкіе.

Говоря это, Никифоръ пристально смотрѣлъ въ лицо Нилочки и, къ своему удивленію, не замѣтилъ ничего. Бровью не двинула шестнадцатилѣтняя сирота.

— Въ чемъ же дѣло? — выговорила дѣвушка глухимъ шепотомъ.

— Дѣло простое! Позвольте начать издалека...

И Никифоръ подробно, съ чувствомъ, которое казалось неподдѣльнымъ, а искреннимъ, тихимъ и старательно ласковымъ голосомъ сталъ объяснять Нилочкѣ, что онъ давно, съ пятнадцатилѣтняго возраста, любитъ ее.

Онъ никогда, конечно, не смѣлъ мечтать о томъ, чтобы быть претендентомъ на ея руку, подобно, какъ покойный Щепинъ, или князь и даже какъ Илья Мрацкій. Но теперь обстоятельства настолько измѣнились, что онъ, Неплюевъ, рѣшился заговорить о томъ, что таилъ въ себѣ много лѣтъ.

— Я осмѣливаюсь теперь объяснитьсь съ вами, сказалъ Никифоръ, и просить васъ отвѣтствовать, согласны ли вы выйти за меня замужъ?

Нилочка слегка измѣнилась въ лицѣ, чуть-чуть потупилась и молчала.

Я знаю, что васъ останавливаетъ, Неонила Аркадьевна. Вы любили князя Льгова, собирались за него замужъ, и теперь вы надѣетесь, что все это устроится еще легче. Но я долженъ вамъ сказать... прошу васъ приготовиться услышать горькую для васъ вѣсть: вы за князя Льгова теперь замужъ выйти не можете...

— Почему?! — воскликнула Нилочка, поднявъ голову и устремивъ на Неплюева испуганный взглядъ.

— Теперь это стало невозможно, Неонила Аркадьевна... Даже Господь Богъ, не только люди, не могутъ этого дѣла поправить. Вы слышали, что въ Самарѣ былъ большой бунтъ, князь командовалъ всякими охотниками, изъ коихъ составилъ дружину. Была у него битва съ нашими, государевыми войсками. И отъ его дружины не осталось, почитай, ни одного человѣка. Кто убитъ, кто повѣшенъ, а кто убѣжалъ, потому что въ началѣ битвы командиръ былъ... Вы, однимъ словомъ, теперь свободны.

Нилочка мертвенно поблѣднѣла, потомъ взяла себя руками за голову и глухо выговорила:

— Не вѣрю я этому!

— Вѣрно, Неонила Аркадьевна. Князя нѣту! Въ этой самой битвѣ онъ былъ окруженъ... сбить съ коня...

Никифоръ не могъ продолжать, ибо въ эту минуту прямо сидѣвшая предъ нимъ Нилочка тихо опрокинулась на спинку дивана, а затѣмъ соскользнула на бокъ.

Она лишилась чувствъ.

Никифоръ вскочилъ, сталъ звать горничныхъ, но въ комнатахъ не было ни души. Онъ выбѣжалъ въ корридоръ и, наконецъ, случайно встрѣтивъ штатную барыню, Лукерью Ивановну, послалъ ее къ барышнѣ, а самъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ по большой залѣ.

Прошло съ полчаса, и та же Лукерья Ивановна вышла и позвала его.

— Неонила Аркадьевна, ничего, слава Богу, въ себя пришла, просить васъ пожаловать.

Едва только Никифоръ очутился передъ блѣдной, какъ снѣгъ, Нилочкой, она вымолвила слабымъ голосомъ:

— Когда это случилось съ княземъ?... Сколько дней тому... Когда онъ былъ... ну, погибъ когда?

— Да уже дня три-четыре... Ужъ и похоронили, должно быть...—отозвался Никифоръ твердо.

Но едва только дѣвушка выслушала отвѣтъ, какъ опустила глаза, такъ какъ глаза эти ярко блеснули и могли выдать ее.

— Что жъ, нечего дѣлать,—выговорила послѣ паузы Нилочка.—Такова моя судьба! Было у меня четыре жениха, и изъ нихъ остался въ живыхъ только одинъ... Такова, стало быть, судьба! Когда вы хотите вѣнчаться, Никифоръ Петровичъ?—прибавила она ласково, поднимая глаза и улыбаясь.

И Никифоръ не сразу отвѣтилъ. Онъ былъ пораженъ перемѣной, совершившейся сразу въ этомъ красивомъ лицѣ. Глаза сіяли, легкій румянецъ набѣжалъ уже на блѣдныя щеки, улыбка была не дѣланная, а искренняя. Нилочка казалась довольной и счастливой.

„Что жъ это?—невольно подумалъ онъ.—Чудно. Вотъ бабья-то любовь!“

— Вы мнѣ всегда нравились —заговорила Нилочка.—Если бы не князь, то я бы, конечно, предпочла васъ и Боринькѣ, и Ильѣ Сергѣевичу. А теперъ и такъ все къ тому же свелось... Когда же мы будемъ вѣнчаться?.

— Если вы согласны меня осчастливить, то завтра же!— воскликнуть Неплюевъ.

— Я совершенно согласна. Да и пора, давно пора! Нуженъ мнѣ покровитель! Времена такія наступаютъ страшныя. А вѣдь я здѣсь одна. Никого не осталось, всѣ на томъ свѣтѣ! А Марьяна Игнатьевна заживо мертвая.

— Такъ позвольте сегодня же просить васъ пригласить къ столу графа Чернышева, одного изъ его адъютантовъ и меня.

— Конечно! Я сейчасъ распоряжусь...

Никифоръ не вышелъ, а выбѣжалъ изъ крутоярскаго дома. Онъ чувствовалъ себя самымъ счастливымъ смертнымъ.

„Ничего не понимаю,—думалось ему.—Какъ просто! Неужели этакъ любить? Узнала о смерти князя и въ полчаса успокоилась... Ничего не понимаю! Вонъ она, дѣвичья любовь! Не даромъ я ни во что ставилъ ее!“

И, повернувъ изъ парадныхъ горницъ въ правое крыло, къ себѣ, Никифоръ не вошелъ, а ворвался въ горницу, гдѣ жилъ Ждановъ.

Петръ Ивановичъ, давно снова хворавшій, страдавшій отъ болей въ ногахъ, сидѣлъ въ углу горницы и при видѣ Никифора вскрикнулъ:

— Слава Создателю! Я сижу здѣсь брошень, некому стакану воды подать! По утру я только узналъ о тебѣ и все ждалъ. Живъ ты?

— Какъ видите.

— Ну, садись, рассказывай.

— Да что жъ рассказывать?

— Про все... Про Мрацкихъ, про царя, про воеводу этого... Говори!

Никифоръ сѣлъ и, смѣясь, произнесъ:

— Это все пустое. А вотъ что, батюшка, любопытно, что мы остались въ Крутоярскѣ на всю жизнь! Завтра и Крутоярскъ, и все будетъ принадлежать Неонилѣ Аркадьевнѣ Неплюевой. А свекоръ ея будетъ важно разгуливать по всѣмъ горницамъ! Какъ ни верти, а все-таки свекоръ! И все это ему за то, что не бросилъ мальчишку побочнаго, а пріютилъ и воспиталъ!

И Никифоръ положилъ руку на плечо Жданова. Лицо его было ласково и стало красиво. Счастіе и восторгъ преобразили его.

XXXVI.

Между тѣмъ, пока пораженный вѣстями Ждановъ пыталъ и разспрашивалъ сына, за что казнили Мрацкаго съ сыномъ, какія вѣсти о подвигахъ Государя Петра III, Нилочка сидѣла, запершись въ своей комнатѣ, и писала письмо.

Написавъ его, она быстро одѣлась и вышла въ садъ. Какая-то штатная барыня попалась ей навстрѣчу.

— Что вы? Куда вы, барышня? Избави Богъ! По всему саду татарва бродить... Убить могутъ! Развѣ это можно?

И женщина схватила Нилочку за руку.

— Не ваше дѣло! Ступайте къ себѣ! — повелительно выговорила Кошешая и, оттолкнувъ женщину, вышла изъ дому.

Пройдя по дорожкѣ, расчищенной отъ снѣга, она повернула къ надворнымъ строеніямъ, миновала ихъ и черезъ внутренній дворъ пошла далѣе. Выйдя въ рожицу, она пробѣжала ее и, наконецъ, очутилась близъ храма, около маленькаго домика, гдѣ жилъ дьячокъ.

— Барышня! — воскликнулъ вышедшій къ ней навстрѣчу маленькаго роста человѣчекъ, съ рыжей бородкой и рыжими, длинными волосами, лежавшими на плечахъ.

— Я, Михайлычъ! Сослужи мнѣ службу, и вѣки-вѣчные не забуду. Знаешь, что тутъ творится?

— Знаю, барышня, знаю... Страсти Господни! Вамъ бы уѣхать. Въ Самару, что ль...

— Не могу, Михайлычъ. Ужъ собиралась. За мной при-смотри отъ разбойниковъ... Поймаютъ... Слушай меня. Я посижу тутъ, а ты сбѣгай на скотный дворъ, разыщи Аксюту и приведи сюда.

— Слушаю, барышня, слушаю!

— Только скорѣй, Михайлычъ, скорѣй!

— Въ одну минуту!

И дѣвушка осталась въ маленькомъ домикѣ, гдѣ пицали двое дѣтей, а дьячокъ вышелъ и бѣгомъ пустился черезъ рожицу.

Не болѣе, какъ минутъ черезъ двадцать, Нилочка увидѣла въ окно ворочающагося дьячка, а вмѣстѣ съ нимъ и дѣвушку, въ которой трудно было бы признать Аксюту. Она была въ нагольномъ тулупѣ, въ огромныхъ грязныхъ сапогахъ и въ какомъ-то драпомъ сѣромъ платкѣ, накинутаго на голову.

Когда она появилась предъ Нилочкой, дѣвушка едва узнала ее,—настолько Аксюта похудѣла, измѣнилась въ лицѣ и по-дурнѣла.

— Слушай, Аксюта, — взмолилась Нилочка, — хочешь ли ты меня спасти отъ петли, почитай, отъ смерти. Кромѣ тебя некого мнѣ просить...

— Для васъ, голубушка, на все пойду! — выговорила Аксюта.

И снова удивилась Нилочка. Голосъ дѣвушки былъ другой: разбитый, хриплый.

— Возьми вотъ это письмо и вотъ деньги! Раздобудь себѣ подводу и ступай въ Самару, да только такъ, чтобы тебя никто не видалъ, а то задержать — и все пропадетъ.

И Нилочка объяснила Аксютѣ, что она должна тайкомъ выбраться изъ Крутоярска, доѣхать до Самары, розыскать князя Льгова и передать ему записку.

— Больше ничего, Аксюта. Но этимъ дѣломъ ты меня отъ смерти спасешь. Пойми ты это!

— Будьте спокойны, барышня! Сейчасъ же, прямо отсюда. Никакой лошади не надо! Прямо вотъ въ поле пѣшкомъ до деревушки Карповки. А тамъ найду лошадку и къ вечеру буду въ Самарѣ. А гдѣ стоитъ князь, я знаю, мнѣ Борисъ Андреевичъ часто рассказывалъ...

И при этихъ словахъ слезы градомъ полились по лицу Аксюты... Черезъ минуту она оправилась, отерла лицо, спрятала письмо Нилочки за пазуху и выговорила твердо:

— Будьте спокойны, барышня, къ вечеру буду у князя!

Къ тремъ часамъ Нилочка, довольная, слегка блѣдная, но все-таки улыбающаяся, пожалуй, радостная, сидѣла въ Анненской гостиной съ штатными барынями, одѣтая въ свѣтлое шелковое платье.

Она ждала гостей: царскаго воеводу, графа Чернышева и его двухъ адъютантовъ, изъ которыхъ одинъ былъ уже ея какъ бы нареченнымъ женихомъ.

Нилочка задумалась, перебирая въ головѣ все пережитое за послѣднее время.

„Много ли прошло времени—всего какихъ-нибудь мѣсяца три,—а сколько воды утекло!“

Царскій воевода графъ Чернышевъ и его адъютантъ явились и были представлены крутоярской царевнѣ ея женихомъ.

И предъ столомъ, и во время обѣда гости удивили и всѣхъ

штатныхъ барынь, и Петра Ивановича своимъ поведениемъ. Одна Нилочка не была удивлена, хотя чувствовала себя стѣсненной съ гостями.

И графъ, и его адъютантъ вели себя не только скромно и порядливо, не только вѣжливо, но даже черезчуръ по холопски смирно. Оба, вдобавокъ, будто повиновались Неплюеву, а въ обращеніи съ Кошевой робѣли, конфузились и запинались въ бесѣдѣ...

И только разъ графъ Чернышевъ обмолвился. Говоря объ Самарѣ, онъ замѣтилъ:

— Городъ губернской. Улицы какія! Кабаки—и тѣ въ казенныхъ домахъ. А мой любимый все-таки на той сторонѣ Волги. Тамъ, какъ ни налижися—будочникамъ въ лапы не попадешь.

Всѣ удивились было, но находчивый Никифоръ объяснилъ, что графъ сказываетъ это про мужиковъ. Самъ же въ Самарѣ не бывалъ никогда, да въ своемъ графскомъ состояніи и не можетъ будочниковъ бояться или въ кабаки ходить.

XXXVII.

Къ вечеру Неплюевъ выпроводилъ обоихъ гостей и остался съ Нилочкой вдвоемъ у нея въ горницахъ.

Дѣвушка была любезна съ нимъ, казалась довольной и спокойной, и только изрѣдка какая-то тѣнь набѣгала на ея худенькое лицо, будто утомленное всѣмъ пережитымъ за послѣднее время.

Никифоръ, оставшись съ дѣвушкой наединѣ, снова началъ говорить ей объ своей давнишней къ ней страсти, которую долженъ былъ таить ото всѣхъ.

— Напрасно, — сказала, наконецъ, Нилочка. — Все-таки слѣдовало мнѣ тогда закинуть словечко. Почему знать, что бы было, кабы я давно это знала... А скажите мнѣ, Никифоръ Петровичъ,—вдругъ, будто рѣшаясь, выговорила дѣвушка:—зачѣмъ мы спѣшимъ съ вѣнчаньемъ? Нельзя ли обождать день-два?.. Приготовить все получше...

Никифоръ взволновался сразу.

— Зачѣмъ же откладывать?!

— Да вотъ приготовиться. У меня и платья подвѣчнаго нѣтъ.

— Стоит ли изъ-за этого ждать, Неонила Аркадьевна?!

— А мнѣ бы очень... очень хотѣлось.

— Нѣтъ, ужъ извините... Я не могу... Да и графу надо выступать дальше, походомъ.

— А вы хотите, чтобы онъ былъ у насъ на свадьбѣ? Развѣ безъ него нельзя обвиняться?

— Простите, Неонила Аркадьевна, а я такъ полагаю, что вы хитрить хотите. Я же отлично понимаю, что, какъ графъ отсюда съ войскомъ выступить, вы откажетесь вѣнчаться со мной. Вѣдь я не дуракъ! Я знаю, вы меня не любите теперь, и могу только надѣяться, что потомъ полюбите, по пословицѣ—стерпится, слюбится.

— Какой же вы подозрительный. Ну, такъ я вамъ скажу, что вы ошибаетесь совсѣмъ. Еслибъ я не захотѣла за васъ итти замужъ, то не испугалась бы никакихъ угрозъ. А только вотъ что я еще скажу...

Нилочка подумала и снова заговорила.

— Видѣли вы Марьяну Игнатьевну съ тѣхъ поръ, что она заперта?

— Нѣтъ-съ, не видалъ съ того самаго вечера, что приключилось это диковинное и неразгаданное несчастье съ ея сыномъ.

— У меня до васъ просьба, Никифоръ Петровичъ. Самая простая.

— Что прикажете?

— Повидайте мою бѣдную Маяню.

— Зачѣмъ?—спросилъ Никифоръ страннымъ голосомъ, и лицо его потемнѣло.

— Мнѣ хочется, чтобы вы съ ней побесѣдовали о чемъ-нибудь и хорошенько ее разглядѣли... Вы умный человѣкъ и можете увидѣть и рѣшить,—какъ по вашему: придетъ ли она когда въ себя, или на вѣки-вѣчные лишена разума? Вотъ что мнѣ хочется знать.

— Извольте, Неонила Аркадьевна,—глухо отозвался Никифоръ.—Хотя мнѣ и не очень по душѣ видѣть безумную женщину. Но для васъ... Извольте. Когда прикажете...

— Да хоть сейчасъ... Я васъ провожу къ ней.

— Не поздно ли? Ночь вѣдь...

— Для бѣдной Маяни нѣтъ ни ночи, ни дня. Она всегда лежитъ на постели.

— Вы бываете у нея?

— Нѣтъ. Никогда. Тяжело видѣть мнѣ ее. Я не могу. Другіе всѣ бываютъ.

— Говорить она?

— Говорить... Но все такое... Не совсѣмъ понятное... Рѣдко понятно, и то надо догадаться. Чаще всего спрашиваетъ, что Бороинька и когда пріѣдетъ изъ столицы на побывку...

Никифоръ не отвѣтилъ, и наступило молчаніе.

— Такъ какъ же?—выговорила, наконецъ, Нилочка.

— Что-съ?

— Пойдемъ мы къ Маянѣ?

— Пойдемте. Извольте. Только я долго сидѣть у нея не буду. Тяжело, какъ вы сами сказываете.

— Зачѣмъ долго? Вы сразу увидите все... И можете мнѣ сказать: есть ли надежда на ея выздоровленіе. Минуть десять довольно. А я васъ подожду у дверей ея горницы.

XXXVIII.

Нилочка встала и двинулась. Неплюевъ, нѣсколько угрюмый, послѣдовалъ за дѣвушкой. Пройдя гостиныя и обѣ залы, они поднялись въ слѣдующій этажъ и скоро были у дверей горницы, гдѣ уже давно жила безвыходно сумасшедшая.

Дверь оказалась запертой снаружи.

Нилочка позвала горничную изъ сосѣдней комнаты.

— Ты, Саша, теперь дежурная?—спросила она.

— Точно такъ-съ.

— Съ какихъ поръ?

— Съ утра. Я днемъ дежурю, а Маланья по ночамъ. Такъ всегда-съ.

— Когда ты входила къ Марьянѣ Игнатьевнѣ?

— Разъ десять была и въ сумерки была,—солгала Саша.

— Что она?.. Какъ сегодня?..

— Ничего-съ... Все такъ же-съ...

— Тиха?.. Молчитъ?..

— Да-съ. Какъ всегда... Будто все спятъ. Покушаютъ и опять лягутъ и глаза закроютъ. И лежатъ... Рѣдко когда Бориса Андреевича кличутъ. Иногда, бываетъ, васъ тоже поминаютъ... А то вотъ ихъ... Больше никого...

— Меня?—чуть не вскрикнулъ Никифоръ.

— Да-съ, васъ,—отвѣтила Саша.

Никифоръ вдругъ сталъ еще утрюмѣ и, наконецъ, вымолвилъ, обращаясь къ Нилочкѣ:

— Право, не знаю, Неонила Аркадьевна, зачѣмъ вамъ желательно... Пожалуй, она признаетъ меня... А вѣдь она не любила меня. Будетъ ей, пожалуй, неприятно увидѣть.

— Гдѣ же ей васъ узнать, Никифоръ Петровичъ,—замѣтила горничная.—Она никого какъ есть не признаетъ.

— Ну, извольте...—вздохнувъ, сказалъ Неплюевъ.

Горничная отомкнула замокъ. Никифоръ вошелъ въ комнату, а Нилочка осталась за дверью, судорожнымъ движеніемъ замкнула замокъ и припала головой къ дверямъ, трепетно прислушиваясь.

Лицо дѣвушки сразу поблѣднѣло, грудь высоко вздымалась и сердце стучало молотомъ.

„Господи! На что я иду, на какое дѣло!“—думалось ей.

Въ горницѣ безумной была полная тишина.

„А если ничего не будетъ?..“—мысленно ужаснулась дѣвушка, прислушиваясь и трепетно ожидая.

Въ дверь сильно толкнули.

— Пустите!..—раздался громкій голосъ Никифора.

И онъ сталъ кулакомъ стучать въ дверь.

— Пустите! Неонила Аркадьевна!—крикнулъ Никифоръ.— Не глушите! Даромъ не сойдемъ. Я понялъ... Вижу... Что жъ? Я ее зарѣжу—вотъ и все... Отворите... Отворите...

— Барышня, слышите... испугалась горничная.

Нилочка дрожала всѣмъ тѣломъ, но глаза ея сіяли страшнымъ блескомъ. И ужасъ, и радость вмѣстѣ дико оживили ея красивый взглядъ...

Въ горницѣ поднялся шумъ... Завязалась, очевидно, борьба... Никифоръ крикнулъ еще разъ: „отворите!“—но сдавленнымъ отъ усилій голосомъ... Онъ отбился...

Вмѣстѣ съ тѣмъ у самой двери сталъ ясно слышаться и другой голосъ, страшный, хрипливый, шипящій, бормотавшій безсвязныя слова.

Горничная въ испугъ бросилась бѣжать отъ дверей, а Нилочка ничего уже не слышала отъ ужаса, который проникъ въ нее. Ея надежда сбывалась. Онъ не уйдетъ отъ нея!.. Онъ силенъ, но она, отъ безумья и жажды мести, еще сильнѣе.

Дѣвушка знала, что дѣлала, и въ чемъ была ея послѣдняя

надежда на спасенье отъ брака съ безроднымъ негодяемъ, ненавистнымъ ей.

Она знала, что у Марьяны Игнатьевны давно уже одна утѣха: имѣть большой ножикъ подъ подушкой... Когда-то ей не давали его, несмотря на слезныя просьбы, но затѣмъ, по приказанію Мрацкаго, дали, и женщина успокоилась... Она забавлялась ножикомъ по цѣлымъ днямъ, гладила его, цѣловала и называла по имени Мрацкаго и Неплюева.

Нилочка вынула ключъ изъ замка, спрятала себѣ за пазуху и, боясь лишиться чувствъ отъ леденящаго ее ужаса, отошла отъ дверей горницы, но тотчасъ же она опустила на полъ безъ силъ и почти безъ сознанія...

Объ дверь билась... Въ горницѣ происходила яростная дикая борьба... Наконецъ, раздался сильный, отчаянный вопль... То былъ голосъ Никифора.

XXXIX.

Шестнадцатилѣтняя сирота, крутоярская царевна, спасла себя отъ позорнаго насильственнаго брака.

Женщина, безумная во всемъ, что было обыденной жизнью, была разумна въ одномъ—въ ясномъ сознаніи жажды мести. Въ мигъ узнала она врага... Одолѣть ее было бы не подь силу и троемъ, не только одному... И врагъ жизнью уплатилъ матери за жизнь безвинно погубеннаго имъ сына ея.

Графъ Чернышевъ, при извѣстїи о страшной и удивительной гибели своего адъютанта, не только не напалъ на крутоярскія палаты, но уѣхалъ тотчасъ на подводѣ... бѣжалъ. Скопище его было объято необъяснимымъ страхомъ и тотчасъ поднялось тоже и очистило село...

Однако, чрезъ часъ по исчезновеніи толпы бунтовщиковъ, все разъяснилось. Изъ Самары шла дружина охотниковъ изъ дворянъ и мѣщанъ съ сотней солдатъ подъ командой князя Льгова...

Священникъ не даромъ все заготовилъ въ храмѣ для вѣнчанья... Ему пришлось предъ сумерками дѣйствительно вѣнчать крутоярскую царевну.

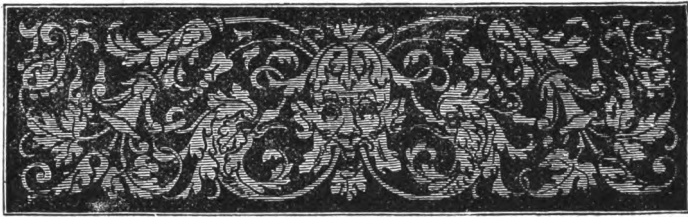

ДОНСКІЕ ГИШПАНЦЫ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

I.

Была темная осенняя ночь. Все небо заволочло непроницаемой пеленой тумана. Накрапывалъ мелкій дождь, и легкій, но студеный вѣтеръ проносился порывами черезъ голую, глухую равнину, кое-гдѣ проросшую мелколѣсьемъ.

Только въ одномъ мѣстѣ, на высокомъ берегу рѣки, виднѣлись огоньки жилья.

Весь берегъ на протяженіи полверсты былъ занятъ большимъ селомъ, въ концѣ котораго, при выгздѣ въ поле, стояла маленькая, убогая деревянная церковь. На противоположномъ концѣ, по крутому скату внизъ къ рѣкѣ, темнѣлъ густой садъ; вверху, на краю его, примыкая обширнымъ дворомъ къ избамъ крестьянъ, расположилась большая барская усадьба. И только тутъ, въ двухъ-трехъ окошкахъ, виднѣлся свѣтъ.

Деревня давно уже спала, такъ какъ было за-полночь.

Да и въ барскомъ домѣ огонекъ, мерцавшій въ окошкахъ, былъ, очевидно, ночникъ или лампадка. Тишина въ усадьбѣ свидѣтельствовала о томъ, что и въ ней уже давно все спитъ мертвымъ сномъ.

Около полуночи, по извилистому проселку, не смотря на темноту, двигался шибкой рысью, а иногда и вскачь, верховой. Судя по его кафтану подъ накинутымъ поверхъ армякомъ, по лохматой шапкѣ на бекрень, судя по его молодцоватой посадкѣ, даже по его нагайкѣ, которой онъ шлепалъ то и дѣло свою измученную лошадь, можно было подуматъ, что скачетъ казакъ.

Въ дѣйствительности это былъ дворовый человѣкъ, охотникъ, доѣзжачій, посланный теперь гонцомъ.

Дорога, невидимая глазомъ, была ему, вѣроятно, хорошо извѣстна, такъ какъ окружающая темь не мѣшала его быстрой ѣздѣ. На всѣхъ поворотахъ проселка, вездѣ, гдѣ были канавы или мостики, онъ заранѣе пріостанавливалъ лошадь, даже не приглядѣвшись, какъ человѣкъ, который знаетъ дорогу наизусть.

Выбравшись изъ мелколѣся, гдѣ его лошадь изрѣдка спотыкалась на торчащія по дорогѣ корни деревьевъ, онъ припустился еще шибче черезъ поле, за которымъ была уже усадьба.

Проскакавъ съ полверсты, онъ прищурился и сталъ пытливо вглядываться впередъ, но не увидалъ, а скорѣе догадался, что дорога передъ нимъ потемнѣла еще болѣе. Стало быть, начинается большой и густой садъ усадьбы.

— Ишь, темь какая,—пробурчалъ онъ.—Вѣдь не видишь ни зги, а чутьемъ знаешь только, что доѣхалъ.

Онъ снова пристально присмотрѣлся; ему показалось, что онъ ошибся, что до усадьбы было еще далеко. Но темная полоса впереди, темнѣе темносѣраго неба, очевидно, говорила о томъ, что онъ приближается къ густой чащѣ деревьевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, налетавшій порывами вихрь гналъ ему на встрѣчу по землѣ сухіе листья.

— Погромецъ! Слава Создателю! Доскакалъ!—проговорилъ верховой вслухъ.—Мало ли что могло быть, подумалъ онъ тотчасъ. Лошадь могла пасть, искалѣчиться въ темнотѣ. Тогда бы пѣшкомъ иди. А нѣшто сорокъ, пятьдесятъ версть можно скоро отшагать. Все дѣло пропало бы, а Михайло Петровичъ со свѣту бы сжилъ.

Когда передъ всадникомъ показалась темная ограда изъ саженнаго частокола, онъ пріостановилъ лошадь и пустилъ ее шагомъ. За частоколомъ шумѣлъ густой и высокій садъ.

— Погромецъ!—проговорилъ верховой, ухмыляясь и трянувъ головой.—Чудное прозвище! Истинно погромное мѣсто, погромляетъ все кругомъ. Да и нашему бы барину слѣдъ было тоже свою усадьбу по примѣру братца назвать тоже Погромецемъ. Да еще прозвать бы—Большой Погромецъ, потому что мы почище Антона Петровича разгромяли все, что ни попадись намъ подъ руку. Теперь только малость притихли.

И помолчавъ нѣсколько мгновений, верховой вздохнулъ и прибавилъ вслухъ:

— Долго ли эта жизнь протянется?—Всѣ сказываютъ, не одобровать нашимъ сіятельнымъ господамъ. Нашъ-то еще хитерь, а этотъ, братецъ его, совсѣмъ простъ. Безъ всякой опаски орудуеть и концовъ не хоронить.

Шагомъ проѣхалъ верховой вдоль всего сада и скоро былъ у воротъ большой каменной бѣлѣющей среди ночи усадьбы.

Дворовыя собаки почуяли въ темнотѣ чужого и звонко залили. Тотчасъ же повсюду кругомъ раздался лай, деревенскіе псы вторили барскимъ.

У отворенныхъ воротъ усадебнаго двора шевельнулась фигура, и мужикъ въ тулупѣ, съ дубиною въ рукахъ, поднялся на встрѣчу верховому.

— Кто будетъ?—крикнулъ онъ.

— Свои,—отозвался всадникъ.—Тимошка, графа Михайла Петровича.

— Здорово, Тимофей Иванычъ.—Гонцомъ пуцентъ?

— Гонцомъ.

— Сейчасъ перебуду всѣхъ.

— Дѣло спѣшное. Буди.

Собаки окружили верхового и заливались громко сиплымъ лаемъ. Сторожъ насилу унялъ ихъ. Всадникъ не вѣхалъ во дворъ, а передалъ лошадь сторожу и пошелъ пѣшкомъ. Собаки снова окружили его, но онъ окликнулъ ихъ по именамъ, и самые большіе псы скоро признали въ немъ „своего“, очевидно, изрѣдка бывавшаго на этомъ дворѣ.

Черезъ нѣсколько мгновений въ прихожей дома уже засвѣтился огонекъ, зашевелились люди. Раздались голоса:

— А, Тимофей Иванычъ!

— Изъ Придонска?

— Сейчасъ доложимъ.

— Да есть ли у тебя указъ ночью будить? Не подведи насъ,—прибавилъ одинъ голосъ въ дверяхъ изъ столовой.

— Иди, буди. Строжайшій указъ. Смотри, сейчасъ все поднимется на ноги!—отозвался прибывшій.

— Сѣдлатъ будутъ!

— Полагательно будутъ.

— Вона какъ!

— Ахъ, грѣхи тяжкіе!

Пріѣзжій сѣлъ на ларь въ прихожей, снялъ съ себя армякъ, немного промокшій, отряхнулъ шапку, потомъ попросилъ тряпку и началъ обтирать забрызганные грязью сапоги. На

опросы десятка столпившейся челяди онъ отвѣчалъ не весело.

— Что дѣлать! Жисть такая. Пятьдесятъ верстѣ скакаль безъ отдыха, ни кормя, ни поя. Мнѣ-то что, не впервой. Скотину жаль. Сколько разъ просили барина подставу учинить между нами и вами, не хочеть. Зачѣмъ, говорить, я буду конецъ казать. Подстава, вишь, „конецъ“ будетъ, а концы хоронить надо.

— Какой же конецъ,—возразилъ кто-то.—Вѣстимое дѣло, между двумя баринами-братцами должна быть подстава. Разсыльные скачуть, что ни день. Для своего обихода нужна бы подстава.

— Это не такой конецъ, чтобы его хоронить.

— Береженаго Богъ бережетъ,—отозвался пріѣзжій и прибавилъ тише: А то еще сказывается: пуганая ворона куста боится.

Челядь размѣялась тихо и опасливо.

Въ эту минуту вышелъ въ прихожую маленькій и толстенькій старичекъ и крикнулъ:

— Тимоша, къ барину!

Пріѣзжій поднялся, еще разъ тряпкой посуше обтеръ забрызганныя голенища и двинулся во внутреннія комнаты. Пройдя черезъ темныя горницы, вслѣдъ за маленькимъ чело-вѣкомъ, онъ увидалъ свѣтъ въ пріотворенную дверь.

— Туда, что ли? сказалъ онъ.

— Да, онъ въ постели, не встаетъ, отозвался лакей.— Догадка есть, а все-таки хочеть тебя путемъ опросить, вставать ли ему?

Тимошка вошелъ въ небольшую горницу, освѣщенную одной свѣчкой. На постели сидѣлъ смуглый брюнетъ, лѣтъ сорока, коротко остриженный и обритый. Лохматыя черныя брови, орлиный носъ, большой и мясистый, замѣтно выдающіяся скулы, весь складъ лица обличали въ немъ сразу чуждое происхождение.

— Видать—не русскій! подумалъ бы всякій.

II.

— Тимошка?!—вопросительно воскликнулъ онъ при появленіи молодца.

— Я, ваше сіятельство.

— Сѣдлатъ что ли?

— Сѣдлатъ, ваше сіятельство.

Смотри, обманешь ты меня съ братцемъ. Братца изругаю, какъ нельзя хуже, да и тебѣ достанется,—шутливо и весело произнесъ онъ. Добро бы лѣто было. А то вишь погода. Мокрота. Для меня нѣтъ хуже этой погоды. Опять кости разболются.

— Михайло Петровичъ приказаль ни мало не медля.

— Ладно, дѣлать нечего. Афанасій!—крикнулъ баринъ, выльзая изъ-подъ одѣяла и спуская голыя ноги въ туфли,—Афанасій! Сѣдлатъ! Живо!

— Сколько прикажете?—отозвался появившійся въ дверяхъ маленькій старикъ.

— Сколько?—повторилъ баринъ, обращаясь къ прибывшему.

— Десятка полтора надоть.

— Вона какъ! Ладно. Слышишь, Афонька, укажи чтоль всѣ двадцать коней. А мнѣ буланаго. А то въ эту темь шею сломишь. Ну, пошелъ, живо!

— Да, темно,—отозвался гонецъ.—Не знаю, какъ и прилетѣлъ я. Хоть и знаешь дорогу, а все, неровень часъ, полетишь вверхъ пятками и коня искалѣчишь.

— Ну, теперъ рассказывай, а я живо.

Баринъ принялся быстро одѣваться, а прибывшій заговорилъ:

— Дали знать барину нынче утромъ, то, бишь, выходитъ вчера поутру, что въ самую полночь выѣдетъ изъ Острогоска, путемъ къ себѣ, въ Харьковъ, баринъ, князь, фамилію, виновать, не упомню, мудрена. Замѣшкался онъ въ пути и, не глядя на эту темь, будетъ ѣхать на Валуйки. Рывдванъ большущій, добра всякаго много, а ужъ кони, сказываютъ, диво-дивное. Все московскіе, по сту рублей конь, сказываютъ.

— Всегда такъ сказываютъ,—усмѣхнулся баринъ, натягивая высокіе сапоги.—Ну, и не одинъ, вѣстимо?

— Какъ можно. Не одинъ. При немъ до дюжины однихъ стражниковъ верховыхъ. Стало, выходитъ, коли въ рывдванѣ шестерикъ или восьмерикъ, да ихъ дюжина, выходитъ, вотъ два десятка коней. Да коли каждый конь по сту рублей, такъ вонъ оно что выходитъ. Сами смекните... Да въ рывдванѣ-то, сказываютъ, страсть, чего только нѣтъ. Изъ Москвы, вишь, подарки везетъ къ себѣ. Сказывали, въ Острогоскѣ, на постояломъ дворѣ, хвастался онъ, всѣхъ гостинцевъ домо-чадцамъ на тысячу рублей везетъ.

— И все-то враки, все-то враки,—повторялъ баринъ, одѣваясь и тряся головой.—Всегда такъ-то. А тамъ, смотришь, четверка коней, рублей по пятнадцати штука. А поклажи, халатъ старый, да одна табакерка вызолоченная, съ живописью, подъ стекломъ, супруги или просто голенькой барышни, а цѣною въ двадцать пять рублей. Ну да не лихъ, все-таки, наше дѣло не дремать и на его пути расположиться.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, на сей разъ особый случай... Важный! Графъ приказывалъ мнѣ не жалѣть коня, оттого я и гналъ. Я четырехъ часовъ въ пути не былъ. Выѣхалъ часу въ десятомъ, а теперь, пойдѣ, не болѣе часу ночи. Даромъ коня морить Михайло Петровичъ не приказалъ бы.

Между тѣмъ, вся усадьба уже гудѣла. Въ домѣ и на дворѣ ходили, говорили. Изъ конюшенъ выводили осѣдланыхъ лошадей, кое-гдѣ мелькали огоньки въ фонаряхъ. Во флигелѣ, примыкавшемъ къ дому, кричала челядь, шелъ громкій споръ.

— Полно вамъ, — раздался, наконецъ, зычный голосъ. — Опять заспорили. Сказано, чередъ блюда. Ну, и не путайся! А то на спинѣ очередь отсчитаю. Павлушкинъ чередъ въ прошлый разъ былъ выѣзжать, а онъ хворалъ, стало быть, теперь ему ѣхать. А Васька за него ѣздитъ. Ну, живо! Поворачивайся! — командовалъ тотъ же голосъ. — Живо!.. Одѣнется баринъ, да на дворъ выйдетъ прежде васъ, такъ будетъ трезвонъ.

Черезъ нѣсколько мгновений на дворѣ уже шумѣло до полсотни голосовъ, окружая осѣдланыхъ лошадей. У подъѣзда конюхъ держалъ высокога и крупнаго битюга, съ турецкимъ сѣдломъ, для самого барина.

Въ это время вышелъ на крыльцо низенькій человекъ, котораго баринъ называлъ Афонькой. За нимъ вынесли челоуѣкъ десять охалку ружей, пистолетовъ и ножей.

— Гей, разбирай! — громко крикнулъ Афанасій на весь дворъ.

Куча молодцовъ шагнула къ крыльцу, и живо каждый получилъ по кинжалу и по пистолету. Только пятерымъ достались короткія винтовки, которыя они перекинули на перевязяхъ за спину.

— Телятева нѣтъ еще?—спросилъ Афанасій.

— Нѣту,—отозвался голосъ.

— Чего онъ копається?

— Онъ завсегда копається.

— Завсегда послѣ всѣхъ придетъ.

— Командиръ, какъ ему не поломаться.

— Врете, черти, раздался голосъ въ темнотѣ. Вотъ онъ я. При сборахъ-то я всегда послѣдній, — прибавилъ онъ, приближаясь къ крыльцу, — за то въ дѣлѣ первый. А вы, дармоѣды, одѣваться, снаряжаться первые, а тамъ, гляди, нагайкой васъ впередъ подгоняй. Ну, къ конямъ, садись!

Командиръ отряда, дворовый изъ донскихъ казаковъ, огромнаго роста и плечистый, по имени Телятевъ, взялъ изъ рукъ крестьянина фонарь и поднялъ высоко надъ головой. Освѣщая всю толпившуюся у крыльца кучку людей, онъ быстро, привычнымъ окомъ, оглянулъ всю свою команду и вымолвилъ:

— Павлушка, ты зачѣмъ? Не твой чередъ.

— Въ прошлый разъ хворалъ я, потому теперь вышелъ.

— Правда, запамятовалъ. Ты, Архипъ, зачѣмъ винтовку нацѣпилъ? Снимай долой. Ты, олухъ, и изъ пистоли куда стрѣлять не выучился, а туда же винтовку сцапалъ. Передай Егоркѣ. Егорка, бери, отдай ему, дураку, пистоль. Съ него бы и дубины довольно. А ты что въ лаптяхъ?—крикнулъ онъ, обращаясь къ ближайшему.

— Сапогъ ахнулъ, надѣтъ нельзя. Стелька отвалилась...

— Ну, ладно. Пошелъ, садись.

Вся куча отхлынула отъ крыльца къ лошадямъ, повскакала въ сѣдла и стала оправляться.

— Готово?—крикнулъ съ крыльца Телятевъ.

— Готово. Совсѣмъ!..—раздались голоса.

Телятевъ двинулся и сѣлъ на своего прыгавшаго на мѣстѣ коня, невдалекѣ отъ отряда.

— Ну, ровняйся, графская гвардія, подѣзжай!—крикнулъ онъ шутиливо.

Вся конная команда рванулась къ крыльцу и выровнялась двумя шеренгами передъ домомъ. Телятевъ снова объѣхалъ всѣхъ, осмотрѣлъ и замѣтилъ только одному крайнему:

— Зачѣмъ Стрижа осѣдлали? Вѣдь хромаетъ.

— Пересталъ, теперь ничего, — отозвался сидѣвшій на Стрижѣ.

Телятевъ сталъ впереди, немного отѣхавъ отъ команды. Конь его не стоялъ и вертѣлся на мѣстѣ.

Въ это время на крыльцѣ задвигались, на дворъ вышелъ самъ баринъ.

— Здорово, молодцы! — крикнулъ онъ звонкимъ голосомъ.

— Здравствовать вашему сіятельству! — рывкнули конные.

— Дѣло, ребята, важнѣющее. Знай и понимай всякій. Сказываетъ посланецъ отъ брата Михайла Петровича, что рѣдкостный случай выпалъ. Стало, не зѣвать и не малодушествовать. За утро получите вина, пироговъ и по гривнѣ на брата. Кто сплхуетъ, тому завтра сто розогъ. Нечего бы это и сказывать, сами знаете, да все лучше лишній разъ напомнить. Такъ ли, Телятевъ?

— Точно такъ-съ, Антонъ Петровичъ, — отозвался Телятевъ. — У нихъ память сорочья.

Баринъ сѣлъ ловко на своего коня, снялъ шапку и перекрестился, команда сдѣлала то же самое. Баринъ двинулся впередъ, за нимъ, на сажень держась позади, поѣхалъ Телятевъ, а за тѣмъ вся конница вереницей, по два въ рядъ.

Топотъ конный огласилъ ночную тишь. Отрядъ миновалъ ворота и исчезъ во тѣмѣ ночи. На крыльцѣ остались лишь трое людей съ маленькимъ человѣчкомъ, Афанасьемъ.

— Вонъ оно, — выговорилъ старикъ. — Тоже крестится, Бога призываетъ. Вона, какъ господа-то. Нѣшто Богъ на эдакое дѣло воззреть? Грѣхъ это одинъ.

И старикъ-лакей вздохнулъ тяжело.

— Сказывалъ мнѣ, надысь, въ городѣ, Афанасій Ивановичъ, купецъ одинъ... — заговорилъ шопотомъ другой дворовый, — что все это потому творится, что они оба, что нашъ, что Михайло Петровичъ, не російскаго роду. Дворяне — дворяне, графы — графы, а все-же-таки они не изъ христіанскаго племени.

— Дѣдушка таковъ былъ — полугишпанецъ, полутурка. А они-то нѣтъ. Они-то, почитай, русскіе.

— Крещены по нашему, — отозвался третій.

— А покойный родитель ихъ, Петръ Антоновичъ, сказываютъ, всю жизнь другой вѣры держался, — замѣтилъ первый.

— Все враки, — мотнулъ головой Афанасій. — Я его помню. Тоже православный былъ. Его и государь Петръ Ѳедоровичъ жаловалъ особливо. А ужъ дѣдушка-то ихъ, куда важный былъ. Я его малость помню. Вотъ онъ такъ, дѣйствительно, гишпанецъ былъ настоящій, воистину.

— Турка?.. Вона.

— Гишпанецъ, тебѣ говорить.

— Оно все одно... Собака тоже вотъ — псой зовется.

— А я такъ полагаю, что будъ живъ теперь графъ Петръ

Антоновичъ, — заговориль, вздыхая, Афанасій, — не даль бы онъ сыновьямъ озорничать такъ-то по большимъ дорогамъ.

— Сами не махонькіе, Афанасій Ивановичъ. Знають, что дѣлають!.. — произнесъ одинъ изъ дворовыхъ, сердито смѣясь. — А угодять подъ судъ и расправу царскую... Чтожъ? Намъ же лучше.

— Это вѣрно! И давай Богъ! Пущай! — отозвались всѣ.

Дворня графа была двухъ сортовъ. Крѣпостные дворовые, уроженцы Погромца, и приписные къ вотчинѣ — изъ всякаго праздношатающаго люда, изъ бродягъ, бѣглыхъ, быть можетъ, и острожниковъ. Графъ давалъ гостепрѣимство этой „сволокъ“, но за то немедленно зачислялъ этихъ шатуновъ въ свой конный отрядъ. Они всѣ были въ рукахъ графа, подъ страхомъ быть выданными властямъ, и поневолѣ повиновались. Да и терять имъ было нечего, такъ какъ всѣ были безсемейные, какъ бы безъ роду и племени. Дворовые Погромца, помнившіе иное время при отцѣ и дѣдѣ графа, конечно, относились съ презрѣніемъ къ приписаннымъ бродягамъ, ко всему конному отряду и даже сторонились отъ нихъ.

— Мы потомственные графскіе, а вы съ борка да съ сосенки, — говорили они. — Мы тутешніе, а вы какіе, можетъ, спбирные.

III.

Въ самыя послѣдніе годы XVII столѣтія, въ тѣ дни, когда великій преобразователь Россіи покинулъ свое отечество, въ маленькомъ мѣстечкѣ Голландіи, Саардамъ, проявился плотникъ русскаго происхожденія, по имени Петръ Михайловъ.

Вокругъ этого простого рабочаго на верфяхъ кораблестроенія появились всякіе чужеземцы разныхъ европейскихъ странъ.

Верфи кишили людомъ со всего свѣта и всякимъ сбродомъ. Тутъ появлялись и нѣмцы, и французы, и итальянцы, и испанцы, не говоря уже о датчанахъ и англичанахъ.

Инкогнито русскаго плотника сохранялось не долго. Хотя онъ и не желалъ быть признаннымъ, но поступалъ слишкомъ опрометчиво и ребячески, и на первыхъ же порахъ самъ себя выдалъ.

Онъ жилъ въ одной горницѣ крошечнаго домишки простого рабочаго, питался самой незатѣливой пищей, ходилъ въ бѣлыхъ парусиновыхъ матросскихъ штанахъ и красной шерстя-

ной курткѣ, на головѣ носилъ неуклюжую, съ огромными полями, шляпу, много пилъ пива и много курилъ. Тратилъ онъ на себя въ день столько же, сколько и другіе рабочіе на верфяхъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первые же дни онъ купилъ себѣ для забавы яликъ, за который заплатилъ, не торгуясь, 450 гульденовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выкупилъ изъ долговой ямы мужа женщины, у которой было съ десятокъ маленькихъ дѣтей, при чемъ заплатилъ 300 гульденовъ.

При малѣйшемъ спорѣ, при малѣйшей вспышкѣ, онъ не церемонился, и ссора доходила до драки. Будучи силенъ, онъ давалъ иногда жестокія оплеухи и затрещины разнымъ глупымъ румяно-бѣлымъ фламандцамъ. На него жаловались, но синдикатъ его не трогалъ.

Не прошло мѣсяца и, разумѣется, личность Петра Михайлова стала загадочною; была окружена ореоломъ какой-то таинственности. Тогда нашлись ловкіе люди, преимущественно не голландцы, которые успѣли сблизиться съ простымъ плотникомъ.

Вскорѣ явилось русское посольство, съ почетомъ принятое саардамскими властями. Но всѣ эти вельможи въ золотыхъ кафтанахъ, важные и сановитые явились поклониться въ ту маленькую хижину, въ которой жилъ плотникъ Петръ Михайловъ.

Инкогнито русскаго царя прекратилось. Но за это время онъ уже успѣлъ полюбить нѣкоторыхъ иностранцевъ, которые выказали ему свою дружбу, когда еще онъ якобы считался простымъ рабочимъ.

Въ числѣ этихъ новыхъ пріятелей и ловкихъ людей былъ юркій, смѣлый, но хитрый и двоедушный полуиспанецъ, полу-португалецъ, по имени Антонъ Эммануиль, по фамиліи Виръ или Вьеръ.

Знакомство произошло на особый ладъ.

Еще до пріѣзда русскаго посольства, однажды въ праздникъ густая толпа окружала домикъ, въ которомъ жилъ русскій. Слухъ уже носился, что этотъ плотникъ родственникъ русскаго царя.

Праздная толпа окружила его обиталище, чтобы поглядѣть на него.

Михайловъ вышелъ. Онъ спѣшилъ куда-то, а между тѣмъ чрезъ эту плотную толпу не было почти возможности про-

лѣзть. Его обступали, останавливали, хватали даже за платье и за руки и разглядывали какъ диковиннаго звѣря.

Протиснувшись до половины толпы, раздосадованный видомъ этихъ глупыхъ фигуръ, лѣзущихъ на него, Петръ Михайловъ, какъ всегда, вдругъ взбѣлся и началъ прокладывать себѣ дорогу кулаками направо и налево.

Нѣкто Цимзень, плотный мѣщанинъ, высокій, тучный, краснолицый, не успѣлъ разглядѣть русскаго и побѣждалъ за нимъ въ толпѣ. Догнавъ, онъ ухватилъ его крѣпко за руку и сталъ наивно молить:

— Стой, стой! Дай поглядѣть хорошенько.

Петръ Михайловъ обернулся. Послѣдняя капля, видно, переполнила чашу терпѣнья.

— На вотъ, гляди!—воскликнулъ онъ.

И двѣ здоровенныя оплеухи по широкой фізіономіи голландца огласили площадку и толпу. Толстый голландецъ едва устоялъ на ногахъ. Онъ обозлился и полѣзъ уже на него, чтобы отплатить русскому тѣмъ же.

Но въ это время высокій, худощавый, красивый молодой человѣкъ съ южнымъ типомъ лица бросился между русскимъ плотникомъ и оскорбленнымъ голландцемъ. Это былъ Вирь.

— Стой!—воскликнулъ онъ, заслоня Петра.— Не обижайся. Это тебѣ честь великая. Коли ужъ правду сказываютъ, что Михайловъ царскаго рода, то ты теперь дворянинъ. Онъ тебя по обычаю предковъ пожаловалъ въ рыцари.

Праздной толпѣ почему-то особенно понравилось это объясненіе. Гулкій хохотъ раздался кругомъ и всѣ зѣваки подхватили:

— Цимзень рыцарь! Цимзень рыцарь!

Случай этотъ завязалъ знакомство между Михайловымъ и иностранцемъ Виромъ.

Когда именитые сановники явились поклониться русскому царю, въ толпѣ, окружавшей посольство, стоялъ и мѣщанинъ Цимзень.

Русскій царь вспомнилъ объ обидѣ, причиненной голландцу, и попросилъ извиненія. Голландецъ добродушно отозвался, что считаетъ себя возведеннымъ въ дворянское сословіе и проситъ прислать ему изъ Россіи такую грамоту за царскою подписью и гозударственной печатью.

Разумѣется, испанецъ Вирь, остроумно услужившій рус-

скому царю, сталъ его приближеннымъ, а затѣмъ послѣдовалъ за нимъ въ Россію и сдѣлался его деньщикомъ.

Черезъ десять лѣтъ, онъ былъ уже полковникъ русской службы, и впослѣдствіи сдѣлался генераль-полицеймейстеромъ новаго города, выстроеннаго на его глазахъ, на Невѣ.

Разумѣется, испанецъ Виръ или Вьеръ, ставъ русскимъ дворяниномъ, прибавилъ къ своей фамилии частицу, обозначающую дворянство на Западѣ. Онъ сталъ Де-Виръ. Затѣмъ частица слилась съ фамиліей, и уже въ Россіи явилась новая дворянская фамилія Девьеровъ.

Генераль Девьеръ, хитрый и ловкій пролазь, не упустилъ никакого случая дѣлать блестящую карьеру.

Замѣтивъ, что изъ всѣхъ лицъ, окружающихъ императора, одна личность пойдетъ далеко, будетъ первымъ другомъ царя, онъ поспѣшилъ породниться съ этимъ фаворитомъ.

Девьеръ женился на княжнѣ Аннѣ Даниловнѣ Меншиковой. Но именно это родство его и погубило.

При воцареніи императрицы Екатерины Первой, Девьеръ былъ приближеннымъ и любимцемъ государыни. Въ первый же годъ ея царствованія, онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, чинъ, о которомъ давно мечталъ; затѣмъ, въ началѣ зимы 1726 года, онъ былъ пожалованъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Но въ концѣ зимы онъ навлекъ уже на себя гнѣвъ своего шурина, всемогущаго временщика, князя Ижорскаго. Графъ Девьеръ думалъ, что рука Меншикова остановится, не поднимется на зятя, и ошибся.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нѣсколько русскихъ родовитыхъ вельможъ,—Толстой, Бутурлинъ, Нарышкинъ, Долгорукій и другіе, а вмѣстѣ съ ними и новый русскій дворянинъ, испанецъ Девьеръ, были осуждены, наказаны, лишены чиновъ и сосланы въ разныя трупобы.

Девьеръ съ семействомъ, какъ главный врагъ князя Меншикова, былъ сосланъ въ Якутскъ. И только черезъ пятнадцать лѣтъ жизни въ ссылкѣ снова появился онъ въ Москвѣ, прощенный вновь вступившей на престолъ императрицею, дочерью того, кому онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ.

За все царствованіе Елизаветы Петровны графъ Девьеръ пользовался ея расположеніемъ, былъ возведенъ въ чинъ генерала-аншефа и получилъ богатые помѣстья въ награду.

Старшій сынъ его, названный въ честь великаго импера-

тора Петромъ дѣлалъ тоже блестящую карьеру, благодаря отцу и покровительству государыни. Въ краткое царствование императора Петра Ѳеодоровича графъ Петръ Антоновичъ Девьеръ былъ приближеннымъ лицомъ къ злополучному монарху.

И благодаря именно этому обстоятельству—въ царствованіе Екатерины Второй, вся семья Девьеровъ принуждена была удалиться изъ столицы.

Петръ Антоновичъ вскорѣ скончался. На свѣтѣ остались два его сына, уже не сановники, а простые дворяне, помѣщики Воронежской губерніи, Антонъ и Михайлъ Петровичи. Отъ прежняго блеска сохранилось лишь небольшое состояніе, а связей и „дворской“ силы не осталось почти и слѣда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и къ несчастію—осталось и давало себя чувствовать, главное: кровь, нравъ, происхожденіе.

Воронежскіе помѣщики съ испанскою, а можетъ быть, на половину и мавританскою кровью въ жилахъ, отличались отъ всѣхъ другихъ захолустныхъ дворянъ-помѣщиковъ красивымъ южнымъ типомъ лица, черными какъ смоль, курчавыми волосами, черными какъ уголь глазами, мотовымъ блескомъ худыхъ, скуластыхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, воронежскіе помѣщики, поселившіеся близъ Дона, отличались своей распушенной жизнью, крутымъ нравомъ, дикими вспышками, произволомъ, самодурствомъ и жестокостью. „Донскіе гишпанцы“ было прозвище, которое они заслужили въ средѣ помѣстнаго дворянства, и стали вскорѣ далеко извѣстны кругомъ.

За послѣдніе годы, по смерти отца, генерала, графа Петра Антоновича, оба сына стали еще неукротимѣе. Худая слава еще шибче побѣжала о нихъ, переходя и въ сосѣднія намѣстничества.

Графъ Антонъ Петровичъ Девьеръ жилъ въ своей усадьбѣ въ селѣ Погромецъ, при рѣкѣ Осколѣ, недалеко отъ города Валуйки.

Младшій, графъ Михайло Петровичъ, жилъ въ другой усадьбѣ, выстроенной имъ самимъ на Дону, отчего и вотчина была названа Придонскомъ.

Михайло Петровичъ темными путями, о которыхъ много было толковъ, сталъ въ нѣсколько лѣтъ богаче брата своего. Онъ уже скупилъ три большихъ имѣнія вокругъ своего, хотя за главное изъ нихъ все еще въ продолженіе трехъ лѣтъ не

могъ разсчитаться съ тѣмъ помѣщикомъ, который продалъ ему имѣніе.

У Антона Петровича, человѣка уже сорока пяти лѣтъ, былъ сынъ Михайль. Этотъ представитель четвертаго поколѣнія полуйспанскаго, полумавританскаго рода, уже измѣнилиъ своимъ родичамъ и внѣшностью, и характеромъ.

Молодой Миша былъ совершенной противоположностью отца и дяди. Бѣлокурый и голубоглазый, портретъ своей матери, онъ былъ особенно добродушенъ, тихъ отъ природы, и донельзя стыдливъ и скромнень.

Крутое обращеніе съ нимъ отца только развило природныя задатки, и молодой двадцатидвухлѣтній графъ Михайль былъ называемъ въ шутку „Мишенькой“ и отцомъ, и сосѣдами. Онъ былъ неуклюжъ, косолапъ въ походкѣ и движеніяхъ, медлителень и тугъ въ ображеніи и въ рѣчахъ.

Если многіе смѣялись надъ нимъ, зато многіе любили и даже боготворили его. Такъ, съ обожаніемъ относилась къ нему вся дворня и всѣ крестьяне села Погромецъ.

Барченокъ и „графчикъ“ Михайло Антоновичъ былъ общій заступникъ за всѣхъ передъ отцомъ, когда могъ, когда удавалось ему разжалобить отца. Не смотря на крутое обращеніе съ сыномъ, графъ Антонъ Петровичъ все-таки любилъ сына, какъ единственнаго будущаго представителя рода.

Графъ Михайль Петровичъ, хотя и былъ женатъ уже второй разъ, не имѣлъ дѣтей. Современемъ все состояніе обоихъ Девьеровъ должно было сосредоточиться въ рукахъ этого скромнаго голубоглазаго барчука, уже утерявшаго въ себѣ всѣ признаки южнаго происхожденія.

IV.

Маленькій и толстенькій старичокъ-лакей, по имени Афанасій, тотчасъ послѣ отъѣзда барина, среди ночи, отправился въ мезонинъ большого дома.

Поднимаясь по маленькой, скрипучей лѣстницѣ, онъ ухмылялся добродушно.

— Выпуцу соколика изъ клѣтки, — бормоталъ онъ. — Нѣтъ худа безъ добра. Батюшка-родитель на головорѣзныя дѣла отправился, а мы на любовныя полетимъ.

Афанасій отворилъ дверь, прошелъ большую комнату и

перешель въ другую поменьше. Здѣсь, въ углу, у кіота съ образами горѣла лампадка, а невдалекѣ отъ кіота, на постели спалъ, молодецки прихрапывая, двадцатидвухлѣтній барчукъ.

Афанасій подошелъ къ спящему, взялъ его за плечо и сталъ бережно теревить.

— Мишенька, а Мишенька! Вставай, проснись!

Молодой человѣкъ не сразу пришелъ въ себя.

— Жаль будить-то, крѣпко спить. Да для него же,--бормotalъ вслухъ Афанасій.—Мишенька!.. Вставай, голубчикъ. Пользовайся.

— А? Что? Кто это? отозвался, проснувшись, Миша.— Ты, Афоня? Что тебѣ.

— Вставай живо, одѣвайся.

— Что? Зачѣмъ? Аль бѣда какая? Батюшка гнѣвается, чтоль?

— Нѣтъ, слава тебѣ, Создателю, не гнѣвается.

— Спать?

— Нѣтъ, и не спить. Въ уѣздѣ.

— Что ты?

И молодой человѣкъ вскочилъ и сѣлъ на постели, уже совершенно очнувшись отъ сна. Лицо его стало весело, голубые глаза блеснули ярче.

— Вставай, одѣвайся. Къ любушкѣ своей махни. Я сейчасъ распоряжусь телѣжку заложить.

— Да полно, можно ли? Успѣю ли? Въ какомъ уѣздѣ? Въ короткомъ можетъ быть?

— Небось, небось, родимый. Я не дуракъ, знаю, что дѣлаю. Прискакалъ отъ дядюшки Михайла Петровича Тимошка гонцомъ. Дѣло важнѣющее; версть, гляди, за сорокъ, голово-рѣзь будетъ. Оттуда онъ, какъ всегда, забравши въ полонъ, что попадется, отправится въ Придонскъ, а куда-то ужъ будетъ, гляди, черезъ сутки. Вотъ ты и сѣздишь къ своей любушкѣ. Вѣрно сказываю, вставай живо.

— Ахъ, ты, Господи,—воскликнулъ молодой человѣкъ и сталъ радостно и страстно креститься.—Слава Тебѣ, Господи! Вотъ не ждалъ, не чаялъ. Я сейчасъ въ одну минуту. А ты поскорѣй распорядись телѣжкой. Да зачѣмъ телѣжку? Осѣдай моего Казака.

— Пристанешь. Нешто можно шестьдесятъ версть тебѣ скакать. Ты не доѣзжай, аль гонецъ какой. Умаешься. А въ телѣжкѣ на подорогѣ покормишь, не въ первый разъ.

— Верхами-то скорѣе, Афоня.

— Ни-ни. Спѣшить некуда, къ разсвѣту все будешь у нихъ. А ранѣе разсвѣта и непригоже. Развѣ можно молодцу пріѣзжать въ домъ къ дворянамъ ночью. А часовъ въ девять утра, какъ долго ни корми, все будешь въ Софьинѣ. И будешь молодцомъ, не уставши. А Казакъ-то такъ растрясеть тебя, что доскакавши разнюнишься, расползешься. Одѣвайся скорѣе, да выходи. За грунтовыми сараями я самъ тебя буду ждать съ телѣжкой.

— Спасибо, Афоня, я сейчасъ.

Лакей уже выходилъ изъ горницы, когда молодой человѣкъ снова окликнулъ его.

— Афоня!

— Чего?

— А ты съ опаской. Я всякій разъ боюсь. Выдастъ кто изъ конюховъ, тогда отъ батюшки тебѣ и мнѣ не уйти. Мнѣ-то еще ничего, посижу въ холодной денька три. А вѣдь тебя и розгами наказать могутъ.

— Да ну ужъ, не твое дѣло. Кто тебя родителю выдавать будетъ? Могли бы, такъ тебѣ бы родителя всегда выдавали.

— А все страшно, Афоня, найдется предатель.

— Захотѣлъ бы ты, соколикъ, — вернувшись снова въ горницу и притворивъ за собой дверь, шопотомъ заговорилъ лакей, — захотѣлъ бы, такъ тебѣ кровопійцу родителя твоего дворня тутъ давно бы какимъ ни на есть способомъ затянула бы въ петлю иль утопила бы въ рѣчкѣ. И сталъ бы ты править нами бариномъ, безъ всякаго страха и безъ всякихъ бѣдъ и напастей. Вотъ что!

— Полно, полно, Афоня! замахалъ обѣими руками молодой человѣкъ. Но при этомъ онъ не выказалъ никакого удивленія.

Видно было, что подобное слышалъ онъ отъ лакея въ со-тый разъ.

Молодой человѣкъ началъ быстро одѣваться по дорожному, но вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ другое платье, комнатные сапоги, бѣлье и все это связалъ въ узелокъ. Все было сдѣлано имъ быстро, аккуратно. Очевидно, нечаянное путешествіе, вдругъ среди ночи, предпринималось имъ не впервые.

Афанасій, надѣвъ шапку и тулупъ, отправился на кснний дворъ. Поймавъ одного изъ конюховъ, который не успѣлъ еще снова лечь спать послѣ ночныхъ сборовъ отряда, Афанасій поманилъ его къ себѣ изъ сарая и затѣмъ шопотомъ вымолвилъ:

— Ванюха, сослужи мнѣ службу, благо барина нѣтъ. Нужно мнѣ дѣльце справить. Заложу ты мнѣ телѣжку, коня выбери получше, ну хоть Козыря гнѣдого, да съ телѣжкой и выѣзжай за грунтовые сараи. Я прежде барина назадъ верну, все скрыто и останется. А коли кто изъ своихъ конюховъ и запримѣтитъ, такъ нѣшто выдадутъ меня?

— Вѣстимо нѣтъ. Изволь, я сейчасъ.

Черезъ четверть часа за околицей большого сада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ бѣлѣлись каменные оранжереи, стояла запряженная телѣжка. Высокая, красивая лошадь нетерпѣливо дергала возжи и рыла копытомъ землю.

Въ небольшую калитку близъ грунтоваго сарая вышелъ Афанасій.

— Ну, спасибо. Попридержи малость, покуда я сяду.

— Да полно, Афанасій Ивановичъ, отозвался конюхъ. Чего? Полно мороку-то пуцать. Нѣшто я не знаю, для кого телѣжка-то? Аль ты меня за Иуду полагаешь? Чудной человѣкъ! Кто же повѣритъ, что ты на старости лѣтъ по ночамъ летать-скакать будешь. А ты пойди-ка въ домъ, да скажи летуну, чтобы приходилъ сюда безъ опаски. Нѣшто я барчука нашего дорогого выдамъ нашему мучителю?

— Ну, ну, что же,—отозвался виновато Афанасій.—Вѣстимо, не мнѣ. Да вѣдь опасаясь, братецъ. Жаль барчука-то, коли оцетинится на него самъ графъ. А знаешь, такъ обожди. Нечего и рядиться. Я пойду въ домъ, да его и выплю.

Афанасій снова пролѣзъ въ калитку, а черезъ нѣсколько минутъ вышелъ молодой графъ и оглядѣлся.

— Пожалуйте. Здѣсь!—отозвался конюхъ, держа лошадь за узды.

— Спасибо, Ванюха!—сказалъ Миша, сядя въ телѣжку.— Пускай!

— Да не лучше ли мнѣ съ вами, баринъ? Кто же будетъ раскладывать, да кормить на привалѣ? Позвольте мнѣ съ вами. Я за васъ помереть готовъ, а не то что! Въ Воскресенскомъ распрягу и покормлю лошадь, а вы соснете.

— Да я не знаю, право,—нерѣшительно отозвался барчукъ.

— Право, позвольте. Вы въ Воскресенскомъ часокъ другой отдохнете, поспите, а я займусь лошадкой. Аль вы во мнѣ вѣры не имѣете?

— Ну, садись!—рѣшительно выговорилъ молодой чело-

вѣкъ.—И то, правда, эдакъ-то лучше. А то въ прошлый разъ такъ изморился въ дорогѣ, что едва могъ разговоры вести.

Конюхъ пустилъ лошадь. Она нетерпѣливо дернула и взяла рысью съ мѣста, а конюхъ уже на ходу вскочилъ въ телѣжку. Не смотря на темь, телѣжка лихо покатила по ровной дорогѣ.

V.

Диковинно и странно слагалась и, наконецъ, теперь окончательно сложилась жизнь двадцатидвухлѣтняго графа Михаила Антоновича. Онъ выросъ и сталъ юношей въ этой степной глуши.

Смутно помнилъ онъ большой городъ, гдѣ жилъ съ отцемъ и дѣдомъ, когда былъ еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Все, что было до переѣзда въ Погромецъ, было покрыто для него какой-то пеленой.

Плохо помнилъ онъ дѣда, мало помнилъ мать, которую давно потерялъ. Одно только зналъ онъ, что онъ очень похожъ на нее лицомъ, но и это говорила не память, это говорили всѣ окружающіе.

Онъ зналъ, что она была добрая, тихая, много вытерпѣла отъ его отца, даже отъ него и въ могилу сошла. Но это тоже говорили окружающіе его люди.

Самъ онъ помнилъ только одну страшную сцену, помнилъ мать на полу, упавшую отъ удара, нанесеннаго отцемъ. Помнилъ онъ, какъ бросился къ ней и обнялъ рученками... но отецъ схватилъ его тотчасъ за волосы и отшвырнулъ такъ далеко, что онъ расшибся, вывихнулъ ногу и хромалъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Здѣсь, въ Погромецѣ, жизнь пошла настолько просто, однообразно, дни чередовались настолько похожіе одинъ на другой, что многія воспоминанія Миша не могъ опредѣлить годами.

Онъ не зналъ, напримѣръ, десяти лѣтъ отъ роду, или четырнадцати—пятнадцати, началъ онъ ѣздить верхомъ, что, однако, было теперь его страстью.

То же самое было и съ другой его страстью, удить рыбу. Онъ помнилъ, какъ первый разъ ему устроили удочку, какъ сталъ онъ садиться на берегъ рѣки и по цѣлымъ часамъ проводить время, слѣдя за поплавкомъ. Но когда это случилось, онъ сказать не могъ.

Отецъ любилъ его, но не баловаль, очень рѣдко ласкаль. Мальчикъ, а затѣмъ юноша, всегда боялся отца. Когда къ нему протягивалась рука отца, невольный трепеть проходилъ по спинѣ. Эта рука нѣсколько разъ такъ звѣрски обошлась съ нимъ, что когда она тянулась къ нему для ласки, то будила въ его памяти слишкомъ страшныя минуты.

Помимо того случая, когда онъ ребячески-наивно бросился на помощь къ упавшей матери, случилось ему еще разъ пять-шесть попасть подъ руки отца въ минуты дикаго бѣшенства. Такъ, однажды, отецъ за волосы проволокъ его черезъ всю залу и почти втащилъ по лѣстницѣ въ мезонинъ, гдѣ посадилъ на трое сутокъ на хлѣбъ и на воду.

Его дядька, этотъ самый маленькій и толстенькій старичокъ Афанасій, замѣнившій ему мать, явился тотчасъ же съ хлѣбомъ и водой въ горницу мезонина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вытащилъ изъ кармана принесенные тайкомъ въ бумажкѣ гречневую кашу и кусокъ мяса, а изъ другого кармана пузырекъ съ квасомъ.

Впослѣдствіи это повторялось каждый разъ, когда отецъ приказывалъ запереть ребенка на верхъ на хлѣбъ и на воду. Но въ этотъ памятный разъ случилось нѣчто особенное, за что ребенокъ особенно полюбилъ своего Афоню.

Накормивъ мальчугана, Афоня слазилъ опять въ карманъ, досталъ еще бумажку, а развернувъ ее, залился слезами и началъ всхлипывать на всю горницу.

Мальчуганъ удивился и пристально смотрѣлъ, что окажется еще съѣдобнаго въ бумажкѣ. Онъ ждалъ варенья... Но когда Афоня развернулъ бумагу, то въ ней оказался пучокъ барчуковыхъ свѣтло-бѣлокурыхъ волосъ. Афоня собралъ ихъ на лѣстницѣ.

— Вотъ онъ, злодѣй, батюшка твой,—всхлипывалъ Афоня, поливая бумажку и волосы слезами.—Вотъ онъ, злодѣй, что твоихъ волосиковъ надралъ.

Мальчуганъ невольно сталъ смѣяться.

— А я думалъ, Афоня, что ты мнѣ сахарнаго чего принесъ. А это что? Не бѣда. Выростутъ другіе.

Но, однако, лицо и слезы Афони подѣйствовали на ребенка, и онъ кинулся къ нему на шею, крѣпко обнялъ его и кончилъ тѣмъ, что сталъ тоже всхлипывать. Но плакалъ онъ не о волосахъ своихъ, а отъ чувства, впервые сказавшагося

въ его сердцѣ, съ тѣхъ поръ, что перестала обнимать его покойница-мать.

Чѣмъ болѣе подрастала молодой малый, тѣмъ мягче относился къ нему отецъ. Но тутъ явились другія невзгоды, другія страданія, уже не за себя, а за другихъ. Будучи шестнадцати и, наконецъ, уже двадцати двухъ лѣтъ, Миша не могъ безъ замиранія сердца смотрѣть на расправу отца съ холопами.

Тѣ вспышки дикой злобы и безумнаго гнѣва, которыя бывали у графа Антона Петровича, сынъ даже постигнуть не могъ. Иногда, когда было возможно, онъ робко заступался за жертву отца, но рѣдко удавалось ему защитить кого-либо.

Наконецъ, два года назадъ и въ его жизни наступили смутные дни. Среди однообразной обстановки, молодость взяла свое и привела къ драмѣ.

Молодой графчикъ плѣнился дворовой дѣвушкой Алёнкой. Отношенія были самыя ребяческія, но неосторожность барчука привела къ тому, что эта дорогая Алёнка была безъ вины жестоко наказана розгами и сослана куда-то, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Погрома.

Миша съ полгода горевалъ по своей возлюбленной. Первая юношеская привязанность скоро пройти не могла. Но время взяло свое... Теперь же наступили иные смутно-радостные дни, съ серьезной страстной тревогой на сердцѣ.

Миша уже съ полгода былъ безумно, отчаянно влюбленъ въ молодую дѣвушку, дочь сосѣда-помѣщика.

Однажды, отецъ отпустилъ его въ гости во время рождественскихъ праздниковъ къ сосѣдкѣ, старушкѣ Калитиной.

Такъ какъ были святки, то у старушки оказалось до двадцати человѣкъ съѣхавшихся гостей изъ ближайшихъ имѣній. Въ числѣ прочихъ былъ и вновь поселившійся въ Воронежскомъ намѣстничествѣ, бывшій гвардейскій офицеръ, Херасковъ, вмѣстѣ съ своей семнадцатилѣтней дочерью.

И здѣсь, за три дня пребыванія у Калитиной, молодой Девьеръ и Соня Хераскова полюбили другъ друга со всѣмъ пыломъ юности.

Сблизились они непостижимо быстро. Въ воскресенье, когда встрѣтились они, то косились другъ на друга изъ подлѣбья и не сказали между собой ни слова, но только за нихъ много говорили глаза ихъ. А въ среду утромъ, когда они разставались на усыпанной песочкомъ дорожкѣ сада Кали-

тиной, среди сугробовъ, въ рождественскій морозъ, то уже горячо цѣловались и плакали навзрыдь.

Въ три дня влюбились они другъ въ друга и поклялись, что никакія силы земныя не смогутъ ихъ разлучить никогда.

— Это не Алѣнка... Эту не сошлешь!..—думалъ и будто грозился мысленно отцу добродушный Миша.

VI.

Въ Воронежскомъ намѣстничествѣ еще не было большого почтового тракта, подобнаго тѣмъ, которые недавно провели въ намѣстничествахъ, ближайшихъ къ столицамъ.

Однако, отъ Воронежа до Харькова пролегла дорога, которая была больше обыкновеннаго проселка. Часть ея на протяженіи отъ Острогожска до Валукъ шла густымъ лѣсомъ.

Въ одномъ мѣстѣ, верстъ за двадцать отъ всякаго жилья, было два холма, заросшихъ густой и непроницаемой чащей, а между ними глубокая лощина, гдѣ протекала рѣчка, впадающая въ Осколь. Мѣсто это было особенно глухое, мрачное, даже среди бѣла дня. Ночью же оно казалось совершенно темной ямой, такъ какъ въ обѣ стороны возвышались крутые холмы, сплошь заросшіе вѣковыми деревьями.

Мѣсто это пользовалось дурной славой во всей окрестности. Здѣсь испоконъ вѣка всегда „шалили“ и люди, и нечистая сила. Крестьяне не рѣшались проѣзжать здѣсь въ одиночку даже въ сумерки. Ночью же никто не пускался въ путь, за исключеніемъ важныхъ проѣзжихъ дворянъ и сановниковъ, полагавшихся на свой конвой.

Окрестный народъ, старожилы, до столѣтнихъ стариковъ включительно, всѣ знали много разсказовъ о томъ, какія бѣды и какія невѣроятныя приключенія съ проѣзжими бывали здѣсь. Много разбойниковъ прославилось своими подвигами въ этомъ урочищѣ.

Но и врагъ человѣческой не любилъ это мѣсто и шутилъ съ людьми всякія шутки, завлекалъ, заводилъ и погублялъ христіанскія души. А души убитыхъ и погубленныхъ здѣсь въ свой чередъ бродили и пугали живыхъ людей.

Хотя урочище это начальствомъ называлось „Перебой“, но народъ звалъ его по своему „Чертово днище“.

За послѣднее время, въ Воронежской губерніи, въ осо-

бенности на дорогахъ, прилегающихъ къ городамъ Остро-гожску и Валуйкамъ, снова появились разбойничьи шайки, дерзкія и отважныя, которыя безбоязненно нападали на всѣхъ, преимущественно на проѣзжихъ дворянъ.

Объ этихъ вновь появившихся разбойникахъ уже шла переписка между намѣстникомъ и столицей.

Ходили странные слухи. Говорили, будто бы эти разбойники, никто иные, какъ дворовые одного богатаго помѣщика. Говорили, что и самъ помѣщикъ не гнушается участвовать въ разбояхъ. Наконецъ, за послѣднее время уже называли этого помѣщика по имени.

Это былъ одинъ изъ двухъ графовъ Девьеровъ.

Общественное мнѣніе было встревожено этой вѣстью, но не удивлено.

— На то они и Донскіе гишпанцы, чтобы грабительствовать, — говорили дворяне.

Но, однако, доказательствъ на это не было никакихъ.

Два раза, двое сановитыхъ людей, однажды, даже губернаторскій товарищъ, ѣхавшій въ свое намѣстничество въ Пензу, были остановлены въ лѣсу близъ Острогожска и ограблены до послѣдней нитки цѣлой многолюдной шайкой конныхъ и вооруженныхъ разбойниковъ.

Однако, послѣ тщательныхъ розысковъ, нигдѣ не отыскалось ни имущества, ни угнанныхъ лошадей. Все это сгинуло съ лица земли.

Воронежскій генераль-губернаторъ Чертковъ зналъ, конечно, что гласъ народа обвиняетъ въ невѣроятномъ для дворянъ дѣяніи обоихъ графовъ Девьеровъ или одного изъ нихъ, но, не имѣя ни малѣйшихъ уликъ, никакихъ мѣръ принять, конечно, не могъ. Всякому проѣзжему оставалось только самому бередь себя въ пути по намѣстничеству.

Именно, въ самомъ урочищѣ Перебой и остановилась теперь, среди темной ночи, конница изъ Погромца.

Пролетѣвъ на рысяхъ верстъ двадцать слишкомъ, отрядъ Девьера появился здѣсь около четырехъ часовъ утра. Тьма была еще полная, до разсвѣта было далеко.

Ночь безлунная и туманная была настолько темна, что въ трехъ шагахъ разстоянія нельзя было разглядѣть всадника на конѣ.

— Лихое мѣсто. Не чистое... А насъ все еще миловало здѣсь... — перешептывались люди Девьера.

— И впрямь Чортово дно,—проговорилъ, озираясь, графъ Антонъ Петровичъ.

Графъ слѣзъ съ лошади и отдалъ ее одному изъ молодцовъ, который отошелъ съ ней въ сторону. Въ то же время спѣшившійся Телятевъ досталъ большую суконную попону и, разыскавъ барина среди тьмы, подошелъ къ нему:

— Ваше сіятельство! Тутъ будетъ сыровато. Вамъ малость одняться изъ этого Чортова Днища на пригорокъ.

— Нѣтъ. Не надо..Я совсѣмъ не лягу. Стели тутъ. Какой ужъ сонъ!

— Да вѣдь вы, почитай, не почивали,—отозвался Телятевъ. Мы-то залегли вчера еще съ солнцемъ вмѣстѣ. А вы, небось, только успѣли глаза закрыть, какъ Тимошка прибылъ. Приляжьте. Я не проморгаю.

— Да не хочется.

Телятевъ послалъ попону на землю, между кустовъ, и графъ опустился на нее, самодовольно покряхтывая. Это кряхтенье будто говорило слугѣ:—„А вѣдь славно, что мы тутъ! Сейчасъ что будетъ-то?“ Телятевъ такъ и понялъ барина.

— Да. Лихачи мы,—выговорилъ онъ.—Проскакали версть двадцать слишкомъ въ темь эдакую, почти въ два часа времени. Другой бы себѣ тутъ шею свернулъ..

— Да... А вотъ скоро ли... Сидѣть-то сколько намъ. Можетъ, до утра. А днемъ опасно свои рожи казать... Особливо мнѣ. Моя-то рожа на все намѣстничество вѣдома всякому.

— Коли запоздаетъ до разсвѣта—пропустимъ.

— Должно быть. Эдакаго другого гуся не дождешься цѣлый годъ. Ты знаешь ли, дурень, кто это ѣдетъ. Братецъ графъ на прошлой недѣлѣ сказывалъ, что будетъ князь Кейкуатовъ проѣздомъ здѣсь, предводитель, изъ Петербурга, съ деньгами, и обѣщалъ мнѣ дать знать. Ну, вотъ это, я чаю, онъ и долженъ быть. Съ гостинцами домой ѣдетъ. А у него свой конный заводъ, братецъ. Кони первые на весь Донъ... А ты—пропустите.

— Ради опаски сказываю... Ужъ очень и безъ того поговаривать стали... За эвототъ годъ очень стали на насъ кивать. Вотъ подъ Вознесеніе разгромили въ Нижнедѣвицкѣ усадьбу барскую невѣдомые люди. А на кого свалили! Сказываютъ, Девьеровы графскіе люди то настряпали. А мы и не знаемъ, какая такая эта усадьба. Слава на насъ пошла...

— Пушай врутъ,—усмѣхнулся графъ.—Это лучше. За то,

когда что и нашихъ рукъ дѣло — многіе скажутъ: пустое, моль, на Девьера валять все зря. Кивай да кивай на насъ. А у насъ въ Придонскѣ всѣ концы всегда въ водѣ. Сто лѣтъ провожаемъ, не попадемся.

— Давай Богъ! — отозвался Телятевъ, но въ голосѣ командира отряда не было увѣренности и довольства, напротивъ, звучало какое-то странное чувство. Казалось, что онъ далеко не сочувствуетъ затѣямъ своего барина-графа.

Девьеръ, не смотря на свое заявленіе, что спать не хочетъ, началъ, сидя, подремывать... Телятевъ отошелъ отъ барина и отправился осмотрѣть расположеніе своей команды. Приходилось окликать народъ, такъ какъ ни зги не видно было. Десятка два молодцовъ стояли въ разсыпную въ кустахъ, спѣшившись и держа лошадей подъ уздцы. Голоса отвѣчавшихъ на окликъ отличались всѣ однимъ оттѣнкомъ — грубоватымъ недовольствомъ.

Половина отряда была въ самой лоцинѣ, другая на пригоркѣ, какъ бы въ резервѣ.

Телятевъ сдѣлалъ обходъ, усѣлся на пнѣ и вздохнулъ.

— „Чудное дѣло! — думалось ему. — Не подходящіе мы люди для бариновыхъ этихъ дѣловъ. На всѣхъ насъ, молодцовъ троицхъ не выищешь, чтобы любили это разбойное дѣло. Вонъ у Михайла Петровича не то... Головорѣзы всѣ на подборъ. Да онъ и дѣлится. У него всѣ при деньгахъ и всего много. А нашъ-то гривну наравить на десятерыхъ дать, а себѣ сотни рублей наживаетъ. Да и опять, не графское это занятіе. Вотъ былъ Степанъ Разинъ, иль Пугачевъ. Такъ вѣдь они были не изъ графовъ російскихъ. Родитель, да и дѣдъ нашихъ двухъ братьевъ генералами были, вельможами дворскими при царицахъ. А дѣтки, вишь, въ придорожные коршуны пошли“.

Въ глубокой и темной лоцинѣ была полная тишина. Нельзя было и предположить, что въ ней рассыпались около двадцати человѣкъ и двадцати коней. Лишь изрѣдка хрустѣлъ хворостъ подъ копытами двинувшейся лошади или раздавалось ржанье и храпъ, но затѣмъ снова надолго наступало затишье.

Наконецъ, вдали, на верху горы, съ которой шель извилинами крутой спускъ, послышался неясный шумъ... Скоро до слуха сталъ долетать стукъ колесъ, трель лошадиныхъ копытъ и громыханье экипажа. Затѣмъ, показались среди тьмы три тусклыхъ огонька, медленно двигавшихся вдоль горы, то

исчезая въ лѣсной чащѣ, то снова мигая бѣлесоватымъ свѣтомъ. Отрядъ, стоявшій въ засадѣ, ожилъ на мгновение.

— Садись—вполголоса скомандоваль самъ графъ.—А вы! Тамъ? Не заснули?—прибавилъ онъ въ противоположную сторону, гдѣ шелъ подъемъ изъ лощины, и гдѣ расположился другой десятокъ молодцевъ. Вамъ не соваться, покуда не позовуть. Обойдется и безъ васъ. Но и дрыхать никто не могли.

— Будьте спокойны!—отозвался оттуда одинъ голосъ.

— Слушаться команды!..—вполголоса крикнулъ Телятевъ.— Не зѣвать, да и зря не лѣзть.

И полная тишина воцарилась снова.

VII.

По крутому спуску съ холма тихо и осторожно двигались проѣзжіе. Изъ лощины виднѣлись только три двигавшіеся огонька, но за ними вплоть слышался топотъ копытъ и громыхаль экипажъ. Черезъ нѣсколько минутъ, съ половины спуска, шумъ и стукъ проѣзжихъ сталъ раздаваться уже отчетливѣе, три огонька можно было уже разглядѣть. Это были три фонаря въ рукахъ верховыхъ, ѣхавшихъ впереди. За ними, въ полутьмѣ, яснѣе обозначился шестерикъ лошадей и темная колыхавшаяся масса—большой рыдванъ, на которыхъ, кой-гдѣ, кой-что свѣтилось и сіяло въ лучахъ огней. Будто искры вспыхивали и тухли, то на сбруѣ коней, то на бокахъ кареты. Осторожно, медленно подвигаясь внизъ, экипажъ, наконецъ, спустился совсѣмъ въ лощину и остановился.

Графъ Девьеръ, не спускавшій глазъ съ рыдвана, уже собрался скомандовать своимъ молодцамъ, какъ вдругъ раздался среди проѣзжихъ зычный голосъ:

— Прикажете обождать, аль подниматься?

— Обожди!—громко и сильно отозвался чей-то голосъ съ половины спуска.

— Ахъ ты!—чуть не вслухъ воскликнулъ Девьеръ.—Вылѣзъ и пѣшкомъ идетъ!—Вотъ было маху-то даль!

То же самое подумалъ и Телятевъ, собиравшійся уже по первой командѣ барина броситься къ стоявшему экипажу.

— „Да. Могли сглупить,—прибавилъ онъ мысленно.—Поди, не на легкѣ баринъ пѣшкомъ идетъ. Деньги-то всѣ на немъ! Карету бы ограбили, а его-то и ищи-свищи. Знамо дѣло, утекъ бы въ чащу и спрятался до утра.“

Всѣ молодцы точно также поняли, почему не раздается команда и чего баринь-графъ ждетъ.

Между тѣмъ, одна изъ упряжныхъ лошадей вдругъ почувяла то, чего не видать было глазомъ. Она почувяла во тѣмъ присутствіе другихъ себѣ подобныхъ существъ. Лошадь заржала, и сразу, съ двухъ сторонъ, отозвались ей изъ лощины.

— Ишь ты... Кони, стало, пасутся тутъ,—выговорилъ кучеръ съ козелъ, обращаясь къ кому-то изъ своихъ.—Должно, здѣсь луговина. Въ ночномъ кони...

— Да, ночное... — пробормоталъ Девьеръ, ухмыляясь.— Только иное... Вотъ сейчасъ спознаешь, какое ночное.

Въ самомъ концѣ спуска вдругъ мелькнулъ еще огонекъ, а вокругъ него кучка гѣшихъ людей. Густая чаща мѣшала ранѣ видѣть этотъ фонарь и только теперь, когда гѣшие вошли въ лощину, маленькій огонекъ, несомый надъ самой землей, освѣтилъ людей, шагавшихъ кучкой. Они уже близились къ экипажу.

Валяй, ребята!—раздался громовой крикъ графа и огласилъ все Чортово днище; но самъ онъ не тронулся съ мѣста.

Молодцы, по командѣ барина, бросились сразу со всѣхъ сторонъ. Раздались крики, затрещалъ хворостъ, зашуршали кусты, и произошла сумятица.

Въ нѣсколько мгновеній, по командѣ Телятева, конные молодцы спѣшились и орудовали лихо и быстро. Они молча хватали всѣхъ поднявшихся въ руки, безъ разбора валили на землю и вязали бичевой. Потерявшіеся отъ неожиданности, проѣзжіе только вскрикивали, пугливо причитали и молились.

Но вдругъ раздался выстрѣлъ!.. Затѣмъ, другой...

— Ой... Убили! Охъ! — отчаянно вскрикнулъ Телятевъ, падая на землю.

Девьеръ пришпорилъ коня и вылетѣлъ изъ своей засады въ общую свалку.

— Пали! Бей! — крикнулъ онъ...

Но выстрѣловъ не послѣдовало. Не въ кого было стрѣлять! Всѣ лежали перевязанные на землѣ. Выпалить, очевидно, самъ проѣзжій князь, котораго въ первую минуту упустили въ кусты. Теперь онъ выстрѣлилъ, подшибъ Телятева, но самъ уже лежалъ на землѣ, сбитый съ ногъ. Двое молодцевъ сидѣли на немъ верхомъ и крутили руки назадъ, обвивая веревкой.

— Кто палиль?—крикнулъ Девьеръ.

— Вотъ! Онъ самъ! Баринъ!—раздались голоса ихъ.

— Охъ... Помираю... Убили!—простоналъ Телятевъ, корчась на землѣ!..

— Объискивай! — крикнулъ Девьеръ молодцамъ, которые вязали проѣзжаго барина.—Выпотроши рыдванъ! Высыпай всѣ ящики на землю.

Одинъ изъ молодцевъ подаль графу большой и толстый портфель, вытасченный изъ кармана барина.

— Все ли?

— Вотъ еще часы, да табакерка.

— Больше ничего нѣтъ?

— Чисто. Ничего.

— Ну, оттащи ихъ, ребята, отъ дороги, чтобы не глядѣли. Давай фонари сюда. Свѣти. Выгребай рыдванъ. Вали все въ кучу.

Всѣхъ связанныхъ оттащили въ сторону отъ дороги. Запасный отрядъ, вызванный въ подмогу, принялъ лошадей своихъ товарищей подъ уздцы, а сами они занялись рыдваномъ.

Всѣ ящики и важи изъ-подъ сидѣній и съ кузова, и съ крыльевъ—все, чѣмъ былъ какъ бы оснащентъ весь экипажъ—все отвязывалось, тащилося на-земь и вскрывалось или взрѣзывалось топорами и ножами. При свѣтѣ двухъ фонарей графъ самъ занялся разборомъ всей клади, но почти все выбрасывалось и мало что удостоивалось его выбора. Вся поклажа состояла изъ платья и бѣлья, мужского и женскаго. Только въ одномъ ящикѣ нашелся тяжелый ларець, а въ немъ, когда крышка была взломана, сверкнули золотыя вещи, серьги, кольца и столбики червонцевъ...

Графъ взялъ все, что въ немъ было, и высыпалъ въ кожаный мѣшокъ, который висѣлъ у него на перевязи.

Молодцы ничѣмъ не воспользовались. Это было строго запрещено графомъ.

— Надо концы прятать. Награбленный товаръ всегда выдасть челоуѣка головою,—было разъ навсегда объяснено графомъ.

Пока одни вываливали поклажу для осмотра, другіе занялись отпряжкой лошадей изъ экипажа, но сбрую снимали и бросали на-земь.

Послѣ этого вся команда снова повскакала на своихъ коней и двинулась, ведя въ поводу упряжныхъ.

Графъ остался въ лошинѣ съ двумя молодцами.

— Ну, ты!.. обратился онъ къ одному изъ нихъ.—Поди, глянь, что Телятевъ. Коли живъ, то пристрѣли. Живого оставлять нельзя...

— Ваше сіятельство... Помилосердуйте!..—взмолился молодець.—Я ни въ жисть не смогу своего брата эдакъ...

— Ну, безъ разговоръ!.. А то самому пулю въ лобъ залѣплю. Ступай!..

Молодець двинулся въ темнотѣ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый, и тихо спросилъ:

— Ты что?.. Какъ тебѣ?

— Охъ, помираю... Подъ самое сердце хватилъ,—простоналъ раненый, лежавшій на спинѣ.

— Какъ же быть-то намъ, Телятевъ!—сказалъ молодець, нагибаясь ближе къ раненому.—Можешь съѣсть на лошадь?..

— Нѣтъ. Оставьте... Помираю...

— Коли не можешь ѣхать, то графъ указалъ тебя прикончить. Какъ же быть-то? Я этого не могу. Ужъ самъ бы, изувѣрь, творилъ такое.

Раненый молчалъ.

— Чтожъ намъ дѣлать?.. Ты бы ужъ самъ что ли? Сдѣлай милость!—шепталъ молодець, нагибаясь.—Тебѣ самому-то себя ничего... А у меня рука не подымается.

— Каинъ!—произнесъ Телятевъ.—За всю мою службу... Охъ!..

— Чтожъ намъ дѣлать-то? Родной, посуди... Онъ указалъ. Не то мнѣ пулю въ лобъ...

— Я помру... до утра...

— Нѣту. Что пустое болтать. Или садись, да поѣзжай съ нами. Либо кончайся...

— Помилосердуйте!..

— На вотъ пистоль. Кончай... Ставь къ уху...

— Охъ, Господи. Грѣхъ... Самому на себя руки класть...

Телятевъ досталъ изъ-за пояса пистолеть, медленно поднялъ руку и приставилъ его себѣ къ уху...

— Господи, прости и помилуй грѣшную душу!—прошепталъ молодець, крестясь.

Раздался и сверкнулъ во тьмѣ выстрѣлъ... Лежащаго перевернуло. Онъ выронилъ пистолеть и размахнулъ руками, потомъ прохрипѣлъ протяжно и стихъ.

Молодець вернулся къ графу.

— Ну что? Вѣрно ли?—спросилъ Девьеръ.

— Самъ себя покончилъ, — отозвался молодецъ.

Девьеръ велѣлъ обоимъ парнямъ садиться на лошадей, а самъ двинулся тихонько въ кусты и подползъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали рядомъ связанные проѣзжіе. Онъ прислушался. Они тихо перешептывались между собой.

— Деньги — дѣло наживное, — говорилъ одинъ.

— Вотъ до утра пролежимъ. Проѣдетъ кто, освободить.

— За разбойничье здоровье свѣчку угоднику поставимъ! — шутиливо замѣтилъ третій.

— Вѣстимо. Могли всѣхъ и барина самого перебить какъ щенятъ.

Графъ перешелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Телятевъ, ощупалъ его въ темнотѣ, прислушался — нѣтъ ли дыханія, поднялъ руку лежащаго; она упала тяжело...

— Не первый и не послѣдній! — проворчалъ Девьеръ, и, отойдя, сѣлъ на лошадь и двинулся.

Прошелъ часъ полной тишины... Убѣдившись, что разбойники скрылись, перевязанные проѣзжіе заговорили громче и стали переклинаться и толковать о томъ, какъ избавиться отъ своихъ путъ.

— Надо бы самимъ ослобониться. До утра лежать — озябнешь, окостенѣешь совсѣмъ, — говорилъ одинъ.

— А гдѣ баринъ? Эй, братцы... Баринъ-то дорогой гдѣ? Давай его кликать. Живъ ли онъ — кричалъ другой.

— Баринъ! Баринъ! А баринъ! — раздалось нѣсколько голосовъ.

— Здѣсь я... Связанъ! Должно и вы всѣ тоже, — отозвался голосъ въ сторонѣ.

— Сейчасъ, ваше сіятельство, всѣ ослобонимся, — почти весело закричалъ молодой парень, фореиторъ. — Я зубами бичеву давно грызу. Сейчасъ руку лѣвую опростаю... Съ нея все дѣло и пойдетъ... Всѣ развяжемся...

И проѣзжіе начали бодрѣе перекликаться въ темнотѣ.

— Развязаться — развяжемся... А вотъ, какъ отсюда выбраться?

— Обида... Эдакихъ коней, да угнали!..

— А поклажу-то... Всю переворошилъ, злодѣй.

— Кого жъ это, ребята, убили? Слышь палилъ кто-то...

— Молился онъ не замать его... А убили! Только не изъ нашихъ.

Наконецъ, мальчуганъ-форейторъ распутался и вскочилъ на ноги.

— Готово! — вскрикнулъ онъ. — Вишь темъ... Гдѣ вы?..
Одного развяжу, да пойдѣмъ скорѣе съ барина пути снимать.

VIII.

Часовъ въ восемь утра, молодой Миша въѣхалъ въ небольшую деревушку, за которой виднѣлся маленькій барскій домъ, деревянный, простой, но красивый и новенькій, весь съ иголочки.

Это было имѣнье прапорщика гвардіи Хераскова. Нынѣшній владѣлецъ имѣнья только что купилъ его, выстроилъ вновь усадебный домъ и переименовалъ деревушку Рѣшетню въ Софьино, по имени своей любимой и единственной дочери.

Петръ Ивановичъ Херасковъ приобрѣлъ это имѣнье у пріятеля еще въ Петербургѣ заглазно. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ прожилъ съ дочерью и нѣсколькими дворовыми въ двухъ избахъ въ продолженіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ, пока не выстроилъ барскаго дома.

Съ тѣхъ поръ прошло уже семь лѣтъ, а Софьино, благодаря заботливому хозяину, казалось все еще какъ бы съ иголочки, выстроеннымъ сейчасъ.

Причина, побудившая Хераскова поселиться въ Воронежской губерніи, была сильная, еще дѣтская привязанность къ двоюродной сестрѣ, которая была замужемъ за графомъ Михаиломъ Петровичемъ Девьеромъ.

Первое время Херасковъ постоянно ѣздилъ въ Придонскъ и, къ великому своему огорченію, видѣлъ, насколько любимая имъ двоюродная сестра была несчастлива съ своимъ крутымъ мужемъ.

Одинъ разъ графинѣ Девьеръ случилось даже бѣжать изъ Придонска и укрываться цѣлый мѣсяцъ у Хераскова, такъ какъ мужъ погрозился зарѣзать ее.

Затѣмъ, около двухъ лѣтъ тому назадъ, Петръ Ивановичъ вдругъ узналъ, что графиня скончалась. Не прошло недѣли, какъ онъ былъ въ Придонскѣ, видѣлъ ее. Она была очень грустна, но не хворала.

Это событіе очень удивило его, равно какъ и многихъ сосѣдей Девьера. Болѣе всего удивляло всѣхъ то обстоятельство,

что графиня была похоронена чрезъ сутки по кончинѣ и безъ всякой торжественности. Только нѣсколько человѣкъ изъ дворни видѣли, какъ гробъ пронесли изъ усадьбы на кладбище. Ни приглашеній на похороны, ни обычнаго въ этихъ случаяхъ поминнаго обѣда, ни присутствія сосѣднихъ священниковъ для соборнаго отпѣванія, — ничего не было.

Не прошло нѣсколькихъ дней послѣ похоронъ, какъ уже молвь народная разнесла повсюду слухъ, странный и безсмысленный, что графиня никогда не умирала, что она сгнула, а на кладбище снесли и въ яму опустили пустой гробъ.

Съ именемъ графовъ Девьеровъ соединилось столько рассказней срамныхъ и ужасныхъ, что и на этотъ рассказъ никто не обратилъ вниманія. Скоро всѣ и забыли о доброй и мягкосердой барынь-помѣщицѣ.

Вспоминалъ ее и горевалъ попрежнему одинъ Петръ Ивановичъ. Онъ даже собирался продать Софьино и уѣхать подалеже отъ Воронежскаго намѣстничества.

Затѣмъ, однажды дочь его, гостившая у помѣщицы Калитиной, встрѣтилась съ молодымъ графомъ Девьеромъ и вскорѣ призналась отцу во всемъ.

Петръ Ивановичъ, обожавшій дочь, ужаснулся этой случайности. Имя Девьера стало ему настолько ненавистнымъ, что онъ не допускалъ и возможности чего-нибудь серьезнаго.

— Съ ними избави Богъ родниться! — заявилъ онъ дочери. — Они не русскіе дворяне, они гишпанцы и злодѣи.

Однако, Хераскову полюбился молодой Девьеръ, и онъ позволялъ ему изрѣдка навѣщать ихъ.

Когда, въ это утро, телѣжка съ двумя сѣдоками показалась на деревнѣ и быстро приблизилась къ воротамъ усадьбы, въ верхнемъ этажѣ дома, у окна, стояла молодая дѣвушка лѣтъ семнадцати, черноволосая, съ неправильными чертами лица, но съ чрезвычайно свѣженькимъ, бѣлымъ и румянымъ личикомъ. Кровь съ молокомъ! Она давно стояла у окна и тоскливо смотрѣла на пасмурную, сѣрую и голую окрестность.

Мысли ея, какъ и всегда, а въ особенности часто за послѣднее время были далеко отъ дома и витали въ усадьбѣ, именуемой Погромецъ.

Это и была обожаемая дочь дворянина Хераскова. Уже около девяти мѣсяцевъ, со времени встрѣчи съ молодымъ Девьеромъ у старушки-помѣщицы, Соня Хераскова всей душой отдалась и принадлежала своему ненаглядному Мишѣ. Въ три

дня разгорѣлась эта любовь, и съ тѣхъ поръ только усиливалась и пускала глубокіе корни.

Разлука и возможность видаться не болѣе одного раза въ мѣсяцъ только раздували огонь страсти. Противодѣйствіе со стороны графа Девьера, не позволявшаго сыну ѣздить къ Херасковымъ, а равно противодѣйствіе самого Хераскова, не желавшаго родниться съ бѣшенными „гишпанскими“ дворянами, только усиливали страсть въ молодыхъ людяхъ. Таковъ виднo законъ природы.

За послѣднее время судьба нѣсколько благопріятствовала молодой дѣвушкѣ. Отецъ, подъ вліяніемъ ея тоскливаго настроенія, усугубившагося осенью, уже начиналъ сдаваться.

Повидавъ лѣтомъ раза четыре молодого Девьера, Херасковъ, какъ человѣкъ неглупый, долженъ былъ поневолѣ замѣтить, что графъ-сынъ мало похожъ на графа-отца и на своего дядю.

Ни внѣшностью, ни характеромъ, молодой Михаилъ Девьеръ не походилъ на нихъ. Мягкосердіемъ и добродушіемъ онъ былъ даже прямой противоположностью ихъ. Словомъ, онъ за лѣто понравился Хераскову почти противъ воли.

Когда наступила осень и единственная дочь особенно загрустила, начинала таять, прихварывать, Херасковъ серьезно встревожился. Онъ уже началъ думать и повторять русскую пословицу: суженаго конемъ не объѣдешь.

Да и чѣмъ виноватъ сынъ, коли у него отецъ—человѣкъ нехорошій.

Несчастливая судьба его любимой двоюродной сестры, умершей какъ-то таинственно послѣ многихъ лѣтъ терзаній, уже не становилась поперекъ дороги въ мысляхъ Хераскова.

— „Если она, думалось ему, была несчастлива съ своимъ лютымъ супругомъ Михаиломъ Петровичемъ, то почему же Соня будетъ также несчастна съ молодымъ Михаиломъ, который совершенно не похожъ на дядю?“

И Херасковъ началъ самъ съ собой спорить, увѣрять себя, что если Сонѣ будетъ плохо въ домѣ свекра, то можно зятя съ дочерью перевести къ себѣ въ усадьбу на жительство.

— Кто другой уступитъ графамъ Девьерамъ, а я за себя постою, ихъ не побоюсь!—думалъ и говорилъ Херасковъ.

Недѣли за три до этого дня, Херасковъ уже объяснилъ своей Сонѣ, что онъ, пожалуй, непрочъ согласиться ѣхать сватать ее къ графу Девьеру, но что надо подумать еще, обождать малость.

— Вотъ прїѣдетъ Михаилъ Антоновичъ, перетолкуемъ съ нимъ,—прибавилъ онъ.

Посылать гонца къ молодому Девьеру Херасковъ ни за что не хотѣлъ, и Сонѣ приходилось ждать, чтобы самъ Миша навѣстилъ ихъ.

И вотъ теперь, когда она стояла у окна, тоскливо озираясь кругомъ усадьбы, вдругъ появилась на деревнѣ телѣжка, шибкою рысью приближалась къ дому и, наконецъ, влетѣла во дворъ.

Соня вскрикнула и опрометью бросилась внизъ.

Не успѣлъ молодой Девьеръ выйти изъ телѣжки, какъ уже люди, высланные барышней къ нему на встрѣчу, окружили его съ поклонами.

— Барина дома нѣтъ, уѣхалъ въ поле. Барышня дома. Пожалуйте,—объяснили ему.

Девьеръ былъ обрадованъ этимъ извѣстіемъ. Онъ успѣстъ хоть нѣсколько минутъ побесѣдовать наединѣ съ своей возлюбленной.

Зайдя въ одну изъ комнатъ для гостей, въ которыхъ прїѣзжіе останавливались обыкновенно или же только приводили въ порядокъ свой туалетъ, Миша переодѣлся и черезъ четверть часа явился въ гостиную. Здѣсь сидѣла на диванѣ Соня, а при ней старушка, родственница Хераскова, подслѣповатая и глуповатая, но чрезвычайно добрая женщина.

Ее всѣ знали подъ именемъ Сусанны Казиміровны, фамилія же была никому неизвѣстна, да ею никто и не интересовался.

Ея имя и отчество, сильный акцентъ въ произношеніи русскаго языка, нѣкоторые анекдоты, которые она любила рассказывать изъ жизни саксонско-польскихъ королей,—все свидѣтельствовало, что старушка или полька, или нѣмка. Какимъ образомъ она приходилась родственницей Хераскову, никто не зналъ, и тоже ни для кого это не было любопытно.

Къ молодому Девьеру старушка относилась, какъ и ко всѣмъ, добродушно, а за послѣднее время, узнавъ отъ обожаемой ею Сони, чѣмъ можетъ современемъ стать этотъ молодой человекъ для нея, она тоже „влюбилась“ въ Мишу, по словамъ Хераскова.

При появленіи Девьера молоденькая хозяйка встала, волнуясь и краснѣя. Молодые люди поздоровались.

Миша подошелъ почтительно къ ручкѣ Сусанны Казимі-

ровны и усѣлся противъ обѣихъ, тоже конфузясь и съ румянцемъ на лицѣ.

— Къ вамъ по дорогѣ,—забормоталъ онъ.—Надо было по дѣлу. Батюшка послалъ. Недалече отсюда дѣло. Вотъ я и завернулъ на часочекъ времени.

Эта фраза была обычной, сакраментальной. Миша каждый разъ повторялъ ее и лгалъ, чтобы объяснить свой визитъ. Но Соня отлично знала, что онъ является нарочно къ нимъ въ тѣ минуты, когда можно въ отсутствіе отца обманомъ выѣхать изъ дома.

Послѣ нѣсколькихъ пустыхъ фразъ, Миша по одному слову Сони понялъ, что у нея есть о чемъ переговорить съ нимъ наединѣ.

Сусанна Казиміровна, не смотря на тугое пониманіе многихъ явленій жизни, поняла, однако, очень хорошо слово дѣвушки и догадалась, что ея отсутствіе будетъ особенно приятно обоимъ.

— Надо мнѣ приказать, чтобы дали графу покушать съ дороги,—сказала она. И, поднявшись, старушка выпорхнула изъ гостиной, точно ей было двадцать лѣтъ.

IX.

Молодые люди остались вдвоемъ и, какъ всегда, смутились, увидя себя однихъ.

— Ну, что батюшка вашъ? — говорила Соня. — Опять уѣхали тайкомъ.

— Да, вѣстимо, тайкомъ. Онъ выѣхалъ въ ночь по какому-то дѣлу, а я, конечно, тотчасъ же всталъ и прискакалъ. Къ вечеру надо быть дома, чтобы вернуться прежде него, а то разгнѣвается. Пожалуй, отлучась—велить записать меня.

— На счетъ насъ разговоръ съ нимъ вы не имѣли?

— Никакихъ!.. — грустно отозвался Миша.

— Ну, а у насъ, Михайло Антоновичъ, слава Богу, много новаго. Новаго то-исъ всего только одно, да такое одно, что вы ахнете.

— Что же?—взволновался Миша.

— Батюшка даетъ свое согласіе, собирается къ вашему родителю сватомъ.

— Господи!—вскочилъ Девьеръ съ своего мѣста.

— Да, да, согласіе даетъ, собирается. Только съ вами хотѣлъ разъ повидаться и переговорить.

И молодая дѣвушка, вся пунцовая отъ счастья, начала быстро и подробно рассказывать возлюбленному, какъ понемногу ей удалось убѣдить и переломить упрямство отца.

Молодые люди переговорили обо всемъ толково: какъ быть, чего ждать, на что надѣяться. Когда въ дверяхъ снова показалась Сусанна Казиміровна, то все было уже переговорено.

Лица молодыхъ людей, взволнованныя и раскраснѣвшія, свидѣтельствовали о томъ, что бесѣда ихъ имѣла для нихъ чрезвычайное значеніе. А быть можетъ и совѣсть была у нихъ чернѣе сажи изъ-за совершеннаго преступленія... взятаго и отданнаго обоудно поцѣлуя.

Девьеръ перешелъ въ столовую и сѣлъ завтракать. Молодая хозяйка и родственница сѣли около стола и угощали гостя.

Вскорѣ на дворѣ раздался стукъ колесъ. Молодой человекъ тотчасъ всталъ изъ-за стола и вышелъ въ прихожую на встрѣчу къ хозяину.

Херасковъ, уже поднявшійся на крыльцо, зналъ о пріѣздѣ молодого Девьера. Онъ ласково встрѣтилъ гостя, обнялся съ нимъ, расцѣловался, и Девьеръ сразу увидалъ, что между нимъ и Херасковымъ въ отношеніяхъ есть уже перемѣна къ лучшему.

Петръ Ивановичъ расцѣловался съ дочерью, а затѣмъ обернулся къ гостю съ словами:

— Покушай, дорогой гостюшка, да приходи ко мнѣ. Побесѣдовать надо намъ съ тобою о нѣкоемъ дѣлѣ.

И Херасковъ добродушно подмигнулъ дочери.

Разумѣется, молодой человекъ, чрезъ силу проглотивъ еще кусокъ какого-то мяса, объявилъ, что съ него достаточно, и поспѣшилъ въ комнату хозяина.

Херасковъ сидѣлъ за столомъ, гдѣ были разложены всякія бумаги и книги. Онъ что-то писалъ карандашемъ. При появленіи молодого человека, онъ снялъ очки, отложилъ отъ себя бумагу и карандашъ, и вымолвилъ ласково:

— Ну, бери стулъ, Михайло Антоновичъ, садись и прислушай.

Молодой человекъ повиновался.

Когда онъ сѣлъ у стола, въ смущеніи глядя въ лицо Хе-

раскову, тотъ опустилъ глаза на столъ и заговорилъ съ чувствомъ, ровнымъ и тихимъ голосомъ:

— Слушай меня, любезный графъ, со всѣмъ твоимъ размышленіемъ и отвѣчай правду. Не ставь меня, человѣка уже немолодого, почитай даже старика, а ровно и дочушку мою, коя тебѣ дорогой человѣкъ,—въ неблаговидное для насъ переплетеніе обстоятельствъ. Правдивые твои отвѣты дѣлу не повредятъ, а помогутъ. А будешь ты лгать и обходами меня брать, будешь хитрить и неправду отвѣтствовать, кромѣ бѣдоваго для насъ всѣхъ ничего не выйдетъ. Любитесь вы съ моей дочерью?

— Да,—едва слышно отозвался Девьеръ.

— И шибко любитесь оба, и ты и она? Почитай давно. Съ самыхъ рождественскихъ праздниковъ, со святокъ?

— Да,—снова чуть слышно отозвался Девьеръ.

— Знаю, въ этомъ-то во всемъ ты будешь отвѣтствовать правдиво. Да и я знаю, что это все правда. А вотъ погоди, что дальше ты будешь отвѣчать. Знаешь ли ты къ примѣру, молодець, что у моей Сони всего иждивенія самая малость? Невѣста она не богатая. Знаешь или нѣтъ, что за ней рублей—одинъ въ столѣ, другой на столѣ, а третій по свѣту идетъ и братцевъ за собой зоветъ. Знаешь, аль нѣтъ?

— Этого... Нѣтъ-съ, не знаю...!—глуповато отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, такъ вотъ, долженъ знать. У ней помимо этой деревнишки ничего не будетъ. Да и это послѣ моей смерти. Вотъ что. Понялъ ты?

— Понимаю, да только мнѣ это совсѣмъ не любопытно. У меня отъ батюшки будетъ. Да я объ этомъ не думаю...

— Ну, ладно. Теперь отвѣтствуй. Только помни, не кривить. Если я поѣду къ твоему родителю сватомъ, останусь я въ дуракахъ, аль нѣтъ? откажетъ мнѣ наотрѣзъ графъ Антонъ Петровичъ Девьеровъ, носъ мнѣ утретъ или нѣтъ? Выгонитъ онъ меня изъ дому, иль согласіе дастъ? Нутка? Отвѣтствуй.

Молодой человѣкъ молчалъ и ежился на своемъ стулѣ.

— Вишь ты,—вымолвилъ Херасковъ,—собирается молодець съ духомъ, чтобы соврать.

— Нѣтъ, зачѣмъ?—встрепенулся Девьеръ.

— Такъ, стало быть, по твоему, онъ обрадуется сватовству?

Молодой человекъ опять заволновался, промычалъ что-то, но ни слова не сказалъ.

— Стало быть, врать не можешь, а отвѣтствовать тоже не хочется. По твоему, стало, онъ откажетъ?

— Нѣтъ,—воскликнулъ Девьеръ.

— Такъ согласится, будетъ радъ сватовству?

— Не знаю, Петръ Ивановичъ, какъ передъ Богомъ, не знаю. Но полагаю, что спервоначала приметъ онъ на себя важный видъ. Такой у него норовъ!

— То-то вотъ...

— Что дѣлать! Ну, а въ концѣ концовъ онъ дастъ свое согласіе,—рѣшительно произнесъ Девьеръ и заговорилъ горячо:—Вѣдь я уже раза два пыталъ батюшку, и онъ хвалилъ Софью Петровну, говорилъ, что она изъ себя пригожа и нравомъ тихая. Однажды заходила рѣчь у насъ женить меня на какой-то княжнѣ изъ Харьковскаго намѣстничества, очень богатой. Но батюшка мнѣ сказалъ:—чорта ли намъ въ деньгахъ.—У насъ свои есть, своихъ куры не клюютъ. А надо дѣвицу степенную и ко мнѣ почтительную.

— Такъ какъ же. По твоему, стало быть, если я приѣду, то не останусь въ дуракахъ? Отвѣчай по совѣсти.

— Вотъ какъ передъ Богомъ, Петръ Ивановичъ, ничего не могу сказать навѣрное. Но сдается мнѣ, что приметъ васъ батюшка добропорядочно, вѣжливо, никакого отвѣта сразу не дастъ, но въ концѣ концовъ согласится. Ужъ я постараюсь на всѣ лады его поломать.

— Ну ладно, вотъ и все. Такъ я явлюсь въ Погромецъ. Сборы мои будутъ не долгіе. Не пройдетъ недѣли, какъ я буду у васъ. Ты, тѣмъ временемъ, объяснись съ отцомъ напрямки, скажи, что желалъ бы жениться на моей Сонѣ. Что онъ тебѣ на это скажетъ, ты тотчасъ мнѣ перешли съ посланнымъ. Коли онъ откажетъ наотрѣзъ, разгнѣвается, будетъ браниться, ты такъ и отпиши, меня не подводи.

— Слушаю-съ.

— Ну, а теперь о другомъ дѣлѣ, голубчикъ мой, совсѣмъ якобы къ этому дѣлу неподходящемъ, но, однако, для меня имѣющемъ завоздку. Отвѣчай ты мнѣ по совѣсти, какія такія ночныя поѣздки и уѣзды совершаетъ твой родитель, да и твой дядюшка? Вѣдомо ли тебѣ, что во всемъ намѣстничествѣ, да даже и въ сосѣднихъ, во всей области, молвь народная бѣгаетъ, что графы Девьеры какими-то темными дѣлами за-

нимаются. И какими, никто доподлинно не знаетъ. Прости, что тебѣ говорю это прямо. Прежде не сталъ бы сыну про отца такую рѣчь заводить, но теперь оно мнѣ знать необходимо. Знаешь ли, что болтають? Самъ намѣстникъ воронежскій, генераль Чертковъ, сказывалъ, тому мѣсяца два будетъ, что ему сумнительно, не занимается ли твой дядюшка въ Придонскѣ дѣланьемъ денегъ. Вонъ оно что. Да и твой родитель будто бы ему помогаетъ.

По изумленному лицу молодого человѣка, по его глазамъ, широко раскрытымъ, Херасковъ увидалъ, что Миша не понималъ ничего изъ его словъ.

— Сказываютъ, они деньги дѣлають, ты не понимаешь?

— Никакъ нѣтъ-сь.

Херасковъ разсмѣялся.

— Знаешь ты, какія вотъ деньги на Руси теперь пошли, бумажки, именуются „ассигнаціями“. Видалъ вѣдь ты ихъ?!

— Какъ же-сь. Сѣренькіе клочечки. Вотъ хоть пять рублей.

— Ну коли видалъ, стало быть, знаешь. Ну вотъ есть люди, которые таковыя билетки не изъ палатъ государственныхъ получаютъ, а сами дѣлають.

— Вотъ какъ!—произнесъ Миша.

— Да. А знаешь ли ты, что начальство сдѣлаеть, коли узнаеть, кто этимъ дѣломъ занимается?

— Нѣтъ.

— Въ Сибирь, голубчикъ, ссылають, въ каторгу. Или въ острогъ сажаютъ. Дворянства, чиновъ и отличій и всякихъ правъ лишаютъ при этомъ. Такъ, что какой ни на есть графъ или хоть генераль съ орденами, прямо въ одинъ мигъ станеть простымъ крестьяниномъ. Хуже того. И крестьянскихъ-то нравъ у него нѣтъ, будетъ онъ ссыльнымъ каторжникомъ.

— Она какъ!—воскликнулъ Девьеръ.

— Ты этого никогда не слыхалъ?

— Никакъ нѣтъ-сь.

— Ну вотъ ты и разсуди; если то, что сказываютъ про твоего родителя и дядюшку, суцая правда, то чѣмъ дѣло-то это пахнетъ, какъ ты думаешь?

— Ужь я тутъ, Петръ Ивановичъ, не судья и не разборщикъ. Я тутъ ничего и сообразить не могу,—произнесъ наивно молодой человѣкъ, разводя руками.

— Такъ ты, стало, мнѣ на этотъ предметъ ничего отвѣчать не можешь?

— Ничего-съ.

— Ну, ладно. Спасибо и за то, что ты въ этомъ не участвуешь. А погубять они себя, такъ что же? Ты и будешь тогда сразу наслѣдникомъ обоихъ. Тѣмъ лучше для насъ. Мы заживемъ мирно, тихо и благополучно, а они двое въ Якутскъ поѣдутъ. Ну, теперь конецъ, пойдѣмъ въ диванную къ дочери.

Молодой человекъ пробылъ еще часа два въ гостяхъ, и затѣмъ сталъ спѣшить домой, чтобы успѣть къ вечеру быть уже дома до возвращенія отца.

Послѣднія слова, которыя сказали ему на прощанье Херасковъ, заставили встрепенуться его сердце.

— Давай поскорѣ мнѣ отвѣть. А я въ долгій ящикъ откладывать не стану, голубчикъ. Черезъ три-четыре дня соберусь и выѣду въ Погромаецъ.

X.

Конный отрядъ Девьера крупной рысью, иногда и вскачь, несся почти безъ роздыха. Приходилось за ночь успѣть добраться до усадьбы Михаила Петровича, куда обыкновенно отправлялся Антонъ Девьеръ послѣ своихъ подвиговъ. Чужія угнанныя лошади были „поличнымъ“, или какъ братья выражались „концемъ“, который надо было скорѣ хоронить.

На зарѣ, когда чуть брезжилъ свѣтъ пасмурнаго и сырого осенняго утра, отрядъ вѣвзжалъ въ большое село, расположенное на берегу Дона.

Отдѣльно отъ крестьянъ, въ полуверстѣ разстоянья, виднѣлась большая усадьба на голомъ мѣстѣ безъ единого дерева, не только сада.

Графъ Михайлъ Петровичъ самъ лѣтъ десять назадъ выстроился здѣсь на пустынномъ и песчаномъ берегу Дона, а все посаженное имъ ради предполагавшагося сада—погибло и не было возобновлено.

— И безъ аллеекъ да цвѣточковъ проживу,—объяснилъ Михайлъ Петровичъ.—Кто хочет гулять—вонъ лѣсъ. Лучше всякаго сада.

Большой каменный домъ съ флигелями и службами стоялъ въ глубинѣ широкаго и просторнаго двора, прислонясь къ холму, поросшему густымъ лѣсомъ. Здѣсь непроницаемая

чаща на цѣлую версту въ окружности была не тронута владѣльцемъ. Топоръ за всё 10 лѣтъ ни разу не стукнулъ въ лѣсу. Ни единой вѣтки никто не тронулъ здѣсь, и поэтому, не смотря на близость жилья, въ лѣсу водились и всякая птица и всякій звѣрь.

Тому назадъ лѣтъ семь въ Придонскѣ вдругъ появилось много народу. Было пригнано до двухъ сотенъ человекъ рабочихъ изъ-за Дона. Вскорѣ закипѣла работа около усадьбы.

Крестьяне Придонска говорили, что баринъ хочетъ вырубить весь лѣсъ сразу, но, однако, ошиблись... Близъ усадьбы начались земляныя работы. Что дѣлали пригнанные рабочіе—объ этомъ шель говоръ лишь втихомолку. Былъ строжайшій указъ отъ барина-графа не болтать и даже не смѣть любопытствовать, какой такой работой занять пришлый народъ.

Разумѣется, крестьяне Придонска все-таки узнали вскорѣ въ чемъ дѣло.

Графъ раскапывалъ холмъ. Въ надеждѣ найти золотую руду, онъ рылся въ землѣ подъ лѣсомъ и должно быть далеко ушелъ въ глубь, такъ какъ цѣлое лѣто сотни возовъ съ землей ежедневно проѣзжали отъ лѣсу къ рѣкѣ. И многое множество земли было высыпано въ батюшку тихій Донъ. Зачѣмъ не валили землю рабочіе среди поля, никто понять не могъ.

Казалось, что баринъ хочетъ, чтобы не оставалось слѣдовъ отъ его затѣи...

Не смотря на строгій указъ молчать о томъ, что они дѣлаютъ, наемные рабочіе молчали, пока работали. Отпущенные и рассчитанные осенью, они разнесли вѣсть далеко кругомъ, что вырыли въ Придонскѣ цѣлое подземелье. Пущенный слухъ объ исканіи руды былъ, конечно, уловкой графа Девьера.

У него явилась прихоть имѣть около дома другую подземную усадьбу въ нѣсколько отдѣлений. Подъ холмомъ былъ домъ съ горницами, были сараи и конюшни съ стойлами, погреба и кладовыя.

Еслибъ графъ Михаилъ Петровичъ захотѣлъ теперь, то могъ бы въ три дня исчезнуть съ лица земли со всѣмъ своимъ имуществомъ, съ дворней, экипажами, конями и со всѣмъ скарбомъ отъ мебели до посуды.

Теперь обитатели всего околodka, даже всего уѣзда, знали, что у графа Девьера существуетъ огромное помѣстительное

подземелье, но, однако, никто изъ знакомыхъ его, даже никто изъ крестьянъ села—никогда въ немъ не бывалъ.

Одна дворня имѣла доступъ туда, но приносила страшную клятву барину и цѣловала крестъ—никому ничего никогда не сказывать—подъ страхомъ смерти.

Три года назадъ, на масляной недѣлѣ, одинъ изъ любимыхъ кучеровъ барина сталъ болтать подъ хмѣлькомъ на деревнѣ о томъ, какія въ подземной усадьбѣ богатыя горницы. На первой недѣлѣ великаго поста кучеръ говѣлъ по указу графа, исповѣдывался, причастился и, затѣмъ, пропалъ безъ вѣсти. Съ тѣхъ поръ никто его не видѣлъ. Одни увѣряли, что кучеръ сосланъ въ Сибирь, другіе говорили, что онъ утопленъ ночью въ рѣкѣ. Большинство же дворовыхъ было убѣждено, что баринъ поселилъ кучера на жительство въ той самой усадьбѣ, которую онъ спяна расхваливалъ на деревнѣ му-жикамъ.

— Можетъ, еще живетъ тамъ, мается безъ свѣта Божьяго! А можетъ ужъ и померъ давно.

Графъ Михаилъ Петровичъ, однако, всегда смѣялся звонко, когда гости и пріятели спрашивали у него про его подземную усадьбу. Онъ сознавался всѣмъ, что одинъ нѣмецъ изъ столицы, прожившій у него лѣто, сбиль его съ толку, а онъ „сдуру“ дался въ обманъ. Нѣмецъ увѣрялъ, что въ этомъ мѣстѣ непременно найдется золотая или серебряная руда. Обѣщаль онъ графу несмѣтныя сокровища. Вотъ и начали рыться. Рыли да рыли цѣлое лѣто, истратили тысячу рублей на землекоповъ, и никакой руды не нашли и бросили.

— А народъ глупъ!—объяснилъ Михаилъ Петровичъ.— Сейчасъ соврали—подземелье рою... Тамъ вишь и горницы, и конюшни, и всякое такое. Да на кой же мнѣ прахъ все это? На землѣ-то тѣсно что ли?

— А большущія ворота эти куда ведутъ?—спросилъ однажды Миша дядю, указывая на огромныя, желѣзныя двери, которыя виднѣлись въ стѣнѣ оранжереи, примыкавшей въ свой чередъ къ дому.

Такъ какъ за стѣной этой оранжереи, стоящей въ землѣ наружнымъ бокомъ, уже начинался холмъ и лѣсъ, то Мишѣ двери эти показались какъ бы входомъ въ подземелье. Въ нихъ можно было не только пройти четыремъ или пяти чело-вѣкамъ врядъ, но можно было легко проѣхать и каретѣ съ парой лошадей.

Но на вопросъ племянника, графъ отвѣчалъ шуткой. Однако, для крестьянъ села улика была на лицо. Они спрашивали себя: „Какимъ образомъ могли въ одну ночь, даже въ часъ времени,—когда вздумается только графу—безслѣдно исчезать изъ дому или изъ усадьбы,—люди, животные и громоздскіе предметы“.

— У насъ сквозь землю воистину провалиться можно!— говорили на селѣ и въ усадьбѣ всѣ обитатели Придонска.— То и дѣло проваливаются какъ въ преисподнюю—и люди, и кони...

Крестьяне графа Михаила Петровича его не любили, а дворовые втайнѣ даже ненавидѣли. А между тѣмъ, баринъ былъ не жестокъ съ рабами, а сравнительно съ другими сосѣдними помѣщиками могъ даже считаться хорошимъ и добрымъ бариномъ. Причина, не сознаваемая самими холопами, была та, что они не могли уважать своего барина-графа, а поневолѣ должны были презирать его.

За послѣдніе годы это общее презрѣніе усугубилось впоследствии появленія въ усадьбѣ „женки“, по имени Марѳуши.

Наложница графа, явившаяся послѣ странной и сомнительной смерти графини, была простая дѣвка изъ сосѣдняго села, дочь кабатчика, некрасивая, даже не молодая и къ тому же извѣстная дурнымъ и зазорнымъ поведеніемъ еще съ отроческихъ лѣтъ.

Что нашель графъ въ этой презираемой всѣми въ околodкѣ „Марѳуткѣ“—обитатели Придонска понять не могли, охали и дивовались.

И теперь часто поминали всѣ покойную графиню, добрую, ласковую, внимательную къ нуждамъ своихъ рабовъ. И всѣ въ усадьбѣ и на селѣ не хотѣли примириться съ мыслью, что графиня умерла; всѣ говорили:— „Это дѣло темное!“

XI.

Въ полусумракѣ разсвѣта, конный отрядъ, съ графомъ Антономъ во главѣ, пронесся рысью по деревнѣ и вѣхалъ въ большой дворъ усадебнаго дома.

Крестьяне села, разбуженные топотомъ лошадей, выглядывали въ окошки. Всѣ сразу догадались, что за конница скачетъ и какихъ коней ведутъ подручными наѣздники графа-брatца.

Все другое, казалось бы, простили крестьяне своимъ гос-

подамъ. Всякое безобразіе объяснили бы они словами:— „Что же! На то и баре, чтобы прихотничать и баловаться!“

Единственное, что для крестьянъ споконъ вѣка, изъ рода въ родъ, большущее злодѣяніе, чуть не равное смертоубійству, было именно то, чѣмъ теперь занимались ихъ господа-графы,—конокрадство!

Крестьяне, выглядывавшіе изъ своихъ избъ, хорошо поняли, что кони неосѣдланые, которые скачутъ взятые подъ уздцы наѣздниками графа Антона Петровича, кони угнанные, сворованные.

Графъ Антонъ слѣзъ съ лошади у крыльца, приказалъ своимъ молодцамъ передать приведенныхъ коней съ рукъ на руки конюхамъ Придонскимъ, а самимъ отправляться и отдыхать.

— Часа черезъ два двинемся домой,—прибавилъ онъ.

Братья, усмѣхаясь, поцѣловались.

— Ну что?—спросилъ Михаилъ Петровичъ.—Не обмануль я тебя, стоило тревожиться иль нѣтъ?

— Вѣстимо, стоило,—весело отвѣчалъ Антонъ Петровичъ.— Увидишь. По полсотни рублей за штуку взять можно. Должно быть, столичнаго какого завода, въ нашихъ краяхъ такихъ нѣту. А вотъ здѣсь тоже кое-что есть.

Графъ снялъ сумку и бросилъ ее на столъ. Сумка грузно шлепнулась.

— Ого!—произнесъ Михаилъ Петровичъ.—Червонцы, что ли?

— Вѣстимо, не камни. Прежде всего, братецъ, распорядись конями.

Да,—отозвался хозяинъ,—надо поглядѣть, да и вести.

— Нѣтъ, гдѣ ужъ глядѣть. Послѣ насмотришься. Ты прикажи скорѣе на мѣсто отвести.

— Ладно. Вишь какой сталъ опасливый!—разсмѣялся Михаилъ Девьеръ, и, позвавъ слугу, онъ приказалъ послать къ себѣ старшаго конюха Евграфа. Когда тотъ появился, онъ встрѣтилъ его двусмысленной улыбкой.

— Понялъ, зачѣмъ вызываю?—вымолвилъ онъ.

— Точно такъ-съ,—усмѣхнулся Евграфъ.

— Ну, вотъ и веди по одному коню на маленькій дворикъ къ оранжереѣ. Да чтобы всѣ кони сквозъ землю провалились... эдакъ, въ полчаса времени.

— Слушаю-съ—отозвался конюхъ.

— Ну, ты какъ поживаешь?—обратился графъ Михаилъ къ брату.—Почитай съ недѣлю не видались.

— Все собирался къ тебѣ, да погода сыровата. А у меня кости начинаютъ болѣть. Ну, вотъ прежде всего сумку очистимъ. Барышъ пополамъ.

— Зачѣмъ? Давай лучше иначе подѣлимъ. Кони мои, а сумка твоя пускай будетъ.

— Маху дашь, братецъ, — усмѣхнулся графъ Антонъ. — Коней по-полста рублей не продашь, выручишь рублей триста, не болѣе. А тутъ въ сумкѣ до пятисотъ наберется, а то и больше. Я ночью пересыпалъ горстями и серебро, и золото. Самъ не знаю, что тамъ. Не считалъ.

— И пушай, твое счастье. Сколько есть, столько и твое. А мнѣ довольно коней.

— Ну, теперь вотъ что обсудимъ, братецъ, — заговорилъ снова графъ Антонъ. — Доподлинно онъ князь, проѣзжій-то?

— Такъ сказывали.

— Пойди, родни много въ Москвѣ и въ Питерѣ?

— Вѣстимо.

— Сойдетъ ли намъ это дѣло съ рукъ?

— Вотъ на! — воскликнулъ графъ Михаилъ. Это еще что за опросы? Почему не сойти?

— Да такъ, братецъ... Душа у меня не на мѣстѣ...

— Не впервой вѣдь. Что ты?!

— Такъ-то такъ. Да у меня на сердцѣ что-то щемить. Вотъ какъ сказываютъ, предчувствіе, что приключится со мною ли однимъ, съ нами ли обоими, какое худое.

— Все вздоръ, братецъ, ничего не приключится, не впервой. А ты вотъ пошли сына въ Валуйки. Князь тамъ теперь, поди застрялъ на долго безъ лошадей, да безъ денегъ. Пускай твой сынокъ проживетъ денька два, три, разнюхаетъ, много ли господа дворяне тамъ шумятъ, и что этотъ князь затѣваетъ.

— Это хорошо, — отозвался Антонъ Петровичъ. — Пошлю непременно. Только вѣдь онъ у меня глуповать.

— Ничего. Дѣло не мудреное. Авось не наглупить. А что глуповать онъ, самъ ты виноватъ, содержишь его, якобы красную дѣвицу. Женилъ бы, что ли. Развернется молодецъ, намъ въ помощь будетъ. Молодая жена всякаго парня растревожитъ живо. Не будетъ какъ сонный бродить.

— Да я, братецъ, и то собираюсь женить его, благо самъ просится.

— Ну, вотъ и хорошее дѣло, коли просится. А на комъ?

— На Херасковой дѣвицѣ. Она—его зазноба...

Графъ Михайль Петровичъ пристально посмотрѣлъ въ лицо брата и повторилъ страннымъ голосомъ:

— На Херасковой?

— На дочкѣ Петра Ивановича.

— Знаю, не мало онъ мнѣ надоѣдалъ своими посѣщеніями.

Ужъ не знаю, братецъ, родниться ли намъ черезъ твоего Мишу опять съ ними, Херасковыми. Онъ человекъ вѣдь неспокойный, прилипчивый, артачиться любить. Ну, а впрочемъ какъ знаетъ.

Графъ Михайль Петровичъ замолчалъ и задумался.

Братъ смотрѣлъ на него нѣсколько мгновений и потомъ произнесъ:

— Ну, а какъ у тебя?

— Что?

— Ну, да энта?..

— Да кто энта?

— Ну, да самъ знаешь, про кого спрашиваю. Какъ ея здоровье?

— Мареуши, чтоль?

— Нѣтъ, Мареуша Савишна знаю, что въ своемъ здоровьѣ.

А та, другая, то-ись...

Наступило молчаніе.

Михайло Петровичъ дернулъ плечомъ, фыркнулъ и прибавилъ полунасмѣшливо:

— Вотъ что я тебѣ, братецъ, скажу. Стало не въ мѣру безпокойно и мнѣ, и Мареушѣ. Есть вотъ такіе покойники на свѣтѣ, братъ Антонъ Петровичъ, отъ коихъ спокойствія трудно получить. Вотъ, сказываютъ, покойники ходятъ по ночамъ. Души вишь ихъ къ намъ являются, насъ пужать. Ну я бы, братецъ, сейчасъ же предпочелъ такую покойницу имѣть. Пущай бы ходила въ полночь, я бы ее крестомъ живо успокоилъ бы. А вотъ съ такой покойницей, какъ моя, не знаю, какъ и быть. Все меня смущеніе беретъ. Особенно же послѣднее время тревожусь.

— Что же такое?—съ удивленіемъ спросилъ графъ Антонъ.

— Да то, братецъ, что я примѣчаю и у себя, да и у тебя, нѣкое удивительное происхожденіе. И мои холопы меня, и твои холопы тебя,—ты что думаешь,—не жалуютъ. Вотъ что, братецъ. Волками да лисицами глядятъ и зубы скалятъ.

— Это вездѣ такъ. Какіе же рабы своихъ господъ любятъ?

— Нѣтъ, братецъ, не вездѣ такъ. Мои меня какъ разъ предадутъ. Да и твои тоже тебя за алтынъ сбить рады.

Вошедшій лакей доложилъ господамъ, что кушать готово, и братья пошли въ столовую.

Черезъ часъ послѣ этого графъ Антонъ снова сѣлся на лошадь. Отрядъ его уже выступалъ шагомъ по дорогѣ домой.

Графъ Михайлъ провожалъ брата, и, когда тотъ уже былъ въ сѣдлѣ, крикнуть ему:

Не забудь Мишку послать въ городъ, а тамъ ко мнѣ его пришли съ докладомъ.

XII.

Поздно вечеромъ подъѣхалъ молодой Девьеръ къ околицѣ сада. Изъ темноты близъ оранжереи выскочила фигура и замахала руками. Это былъ дядька барчука.

Миша сразу оробѣлъ и выскочилъ изъ телѣжки на ходу.

— Пріѣхаль!! И ужъ спрашивалъ объ тебѣ!—выговорилъ Афанасій тревожно.

— Что ты, Афоня.

— Пріѣхаль. Лѣшій его задави! Я ужъ тутъ часа съ два караулю. И не знаю, что и будетъ теперь.

— Когда пріѣхаль-то?

— Да ужъ давно, засвѣтло. Какъ пріѣхаль, такъ тебя спросилъ. Сказали мы, на охоту, моль, собрались. До потемокъ все было хорошо. А теперь сейчасъ сказываетъ: „хороша, моль, охота въ темноту!“ А потомъ говорилъ: человекъ шесть перепорю, съ ними и сыночка. А тебя, Афонька, ужъ не собрать ли въ дорогу Сибирную, чтобы не умничалъ и мальчишкѣ не потакалъ...

— Ну и мнѣ, стало быть, свое получать придется,—весело прибавилъ съ телѣжки конюхъ.

— Ну, что же, сударь, идите,—кончилъ Афанасій, разведя руками.

Молодой человекъ вошелъ въ калитку. Молча прошли они съ дядькой весь садъ, молча вступили въ домъ. Но здѣсь на крыльцѣ Афанасій вспомнилъ что-то, вернулъ барчука назадъ, полѣзъ въ кусты и сталъ шарить.

— Что ты?—спросилъ Миша.

— Что? Вѣстимо, что. Ужъ ты отъ страху и разумъ потерялъ. На-ко вотъ, нацѣпляй.

И среди темноты старикъ началъ надѣвать на молодого барина ружье, пантронташъ, сумку и прибавилъ вовсе не шутливымъ голосомъ:

— Тутъ всякаго добра много, и рябчики и тетерева и кулики всякіе. Самые свѣжіе. Сегодня утромъ Василій настрѣлялъ. Шагай, да храбрѣе объясняйся.

Молодой Девьеръ, сразу преобразившійся въ охотника, вошелъ въ домъ и двинулся черезъ прихожую въ залу.

Графъ Антонъ Петровичъ сидѣлъ въ креслахъ и слушалъ докладъ управителя съ хутора. Молодой человѣкъ робко подошелъ къ отцу.

— А!—произнесъ графъ.—Съ поля? Похоже. Чтожъ? Очень похоже! Чортъ твою душу знаетъ, лицедействуешь ты, ломаешься или и впрямь лазалъ за дичью. Ей Богу! Дичь-то есть, вонъ она,—прибавилъ онъ шаря въ ягдташъ,—только я полагаю, что и тутъ тоже дичь!—ткнулъ онъ пальцемъ въ лицо сына.— Вотъ тутъ на языкѣ тоже дичь будетъ. Гдѣ охотился, сказывай. Близъ его хутора вотъ, показалъ онъ на управителя.

— Да-съ,—едва слышно проговорилъ Миша.

— Въ болотѣ?

— Да-съ.

— Вотъ въ этихъ-то сапогахъ.

На молодомъ человѣкѣ были тѣ же легкіе сапоги, въ которыхъ онъ сидѣлъ въ гостяхъ у Хераскова, а затѣмъ, уѣзжая, не перемѣнилъ. Тутъ только онъ вспомнилъ о нихъ и понялъ свою ошибку.

— Я переобулся,—выговорилъ онъ.

— Гдѣ? сейчасъ наверхъ къ себѣ лазилъ?

— Да-съ.

— А доспѣхи на верху не оставилъ, въ нихъ пришелъ показаться. Полно дичь пороть. Никакой у тебя охоты нѣтъ. Да и не таковъ ты, чтобы настрѣлять столько птицы. Ты только въ сидячую корову попадешь, коли такая найдется на свѣтѣ. Ну, мы это дѣло послѣ обсудимъ, а теперь раздѣвайся и приходи. Дѣло у меня есть до тебя.

Молодой человѣкъ сходилъ къ себѣ наверхъ, вернулся со страхомъ къ отцу и къ своему удивленію нашелъ графа въ совершенно иномъ настроеніи духа, болѣе веселомъ и добродушномъ.

— Слушай, Мишутка, обоими ушами. Завтра по утру дамъ я тебѣ порученіе, кое ты долженъ исполнить умнѣйше. А

наглупишь, я и не знаю, что съ тобой сдѣлаю. Пора тебѣ мнѣ помогать. Что ты все дѣвчонкой какой-то юлишь по сю пору. Только и умѣешь, какъ сказывается, голубей гонять. Пора за дѣло, братецъ ты мой. Ну вотъ, слушай.

И графъ объяснилъ сыну, что онъ на утро долженъ ѣхать въ городъ Валуйки, остановиться на постояломъ дворѣ и постараться повидать какъ можно больше жителей города. Ничего самому ему не слѣдъ болтать, а сказать, что пріѣхалъ онъ по своему дѣлу. И побольше разузнавать, что болтають въ городѣ.

— И коли станутъ тебѣ обыватели валуйскіе рассказывать про нѣкоторое приключеніе съ однимъ княземъ въ пути, продолжалъ Девьеръ, какъ того князя разбойники ограбили, то ты все это подробнѣйше выслушивай, на усъ мотай, все сбереги и все привези, ничего по дорогѣ не растеряй. Понялъ ты?

— Понялъ-съ.

— Чтобы мнѣ черезъ тебя знать всѣ толки и пересуды. Что кто болтаетъ! А главное знать, что тотъ князь ограбленный затѣваетъ. Хочетъ ли жаловаться или нѣтъ, выѣхали ли далѣе или сидитъ гдѣ въ Валуйкахъ. Понялъ ты все иль нѣтъ?

— Понялъ-съ. А коли отвѣтять, что его никто и не ограблялъ?

— Дуракъ ты. Вотъ и видно, что ты оголтѣлый дуракъ. Ну, а коли отвѣтять, что этотъ князь никогда и на свѣтъ не рождался, тогда что?

Молодой человѣкъ не понялъ.

— Эхъ, дурья голова. Не въ меня уродился, въ свою матушку пустоголовую. Совсѣмъ у тебя матушкина голова. А ея голова была вѣкъ пуста, какъ бутылъ какая, выпитая. Звонъ одинъ, да и тотъ стеклянный. Да, посуда, братецъ, у тебя на плечахъ, посудина, а не голова. Видно, придется мнѣ опять все повторять. Слушай.

И графъ Антонъ Петровичъ снова подробно, насколько могъ толково, объяснилъ сыну даваемое ему порученіе.

На этотъ разъ Миша понялъ, что фактъ ограбленія князя Кейкуатова уже извѣстенъ и что ему остается только разузнать въ Валуйкахъ, какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на весь уѣздъ.

— Коли справишь мнѣ это дѣло, какъ слѣдуетъ, сынокъ,

проси, чего хочешь, ни въ чемъ не будетъ отказа. Вотъ какъ скажу. Захочешь ты, къ примѣру, жениться и въ томъ отъказа не будетъ.

Молодой Девьеръ такъ встрепенулся, такъ зарумянилось его лицо и блеснули глаза, что графъ невольно всмотрѣлся пристальнѣе въ сына.

— Эге! вона какъ! Я мѣтко попалъ. Собираешься?

Миша пробормоталъ что-то въ отвѣтъ.

— Вижу, вижу. У тебя уже на примѣтъ есть невѣста-то? Да ну, отвѣчай.

— Есть. Коли вы позволите, то я, конечно... Но безъ вашего согласія я не стану. Если ваша милость будетъ, — началъ путать молодой человѣкъ.

— Кто же такая?

Миша разинулъ ротъ, но запнулся. Боязнь произнести фамилію охватила его всего.

— Да ну, не мямли. Весь въ покойницу. Начнетъ говорить, сначала ротъ разинетъ, затѣмъ черезъ часъ прощелкаетъ что-то птицей, а тамъ часовъ черезъ пять и слово выпалить. Ну, говори, какъ ее звать?

— Хераскова, — произнесъ едва слышно молодой человѣкъ.

— Хераскова? Такъ. Все та же? Ишь вѣдь застряла какъ. Это та, съ которой вы рядились на Святкахъ у Калитиной, она козой, а ты медвѣдемъ или нѣчто такое. То-то ты братъ и есть: „отъ козы барабанщикъ“.

И графъ началъ громко хохотать. Приглядѣвшись еще разъ къ сыну, онъ еще болѣе расхохотался и выговорилъ:

— Ей-ей, вотъ такъ. Вѣрно сказала. Такъ я тебя и буду звать, ей-Богу. Какъ есть, братецъ, ты своимъ видомъ „отъ козы барабанщикъ“.

Миша сидѣлъ ухмыляясь, краснѣя, но не отъ смущенья, а отъ тихой радости, такъ какъ имя Херасковой не произвело въ отцѣ того, чего онъ боялся.

— Пускай ломается и потѣшается надо мною, — смутно думалось молодому человѣку, — лишь бы отъказа не было.

— Ну, что же, — заговорилъ Девьеръ, подумавъ. — Почему жъ не она. Они дворяне, онъ человѣкъ честный. И опять, не впервой Девьерамъ на Херасковой жениться. Твоя тетушка покойная, если бы не дура была, такъ по сю пору жива бы была. Ее братецъ училъ, училъ, руки обколотилъ. Ну, можетъ, и тебѣ придется такъ-то съ твоей супруженькой.

Ладно. А покуда за дѣло. Завтра снаряжайся съ разсвѣтомъ въ Валуйки, седи тамъ по малой мѣрѣ двое сутокъ, перевидай весь городъ, собери все, что будутъ толковать, и все привози сюда. Ну, а теперь спать пора.

Графъ всталъ и, не простясь, не глядя на сына, зашагалъ усталыми шагами въ свою спальню.

Миша бодро, весело, чуть не въ припрыжку побѣжалъ къ себѣ наверхъ и чуть не сбиль съ ногъ стоявшаго и поджидавшаго его на порогѣ Афанасія.

— Что! — воскликнулъ дядька, едва успѣвъ отскочить отъ влетѣвшаго въ горницу барчука. — Что, что?

— Ничего, слава Богу, Афоня, слава Богу, ничего. Мало того. Лучше. Согласіе даль мнѣ на бракъ.

— Чей?

— Да мой, мой. Съ Херасковой, съ Соней.

— Что ты?

— Ей-Богу! Иди сюда, все расскажу. Завтра въ Валуйки ѣхать. Важнѣющее порученіе даль.

— И драть никого не будутъ?

— Никого. Зачѣмъ драть? Иди.

И молодой человѣкъ втащилъ за руку своего Афоню въ спальню, усадилъ на свою кровать, сѣлъ около него и началъ громко, часто, восторженно рассказывать дядькѣ, единственному человѣку, котораго онъ любилъ, помимо своей Сони, всѣ подробности за весь день.

Изрѣдка онъ прибавлялъ:

— Да ты пойми, Афоня, пойми ты! Ты не понимаешь. Ты пойми, почувствуй!

— Охъ, чувствую, чувствую! — восклицалъ Афанасій и крестился, повторяя какъ бы въ припѣвъ рѣчамъ барчука. — Слава Создателю! О-ахъ, слава Тебѣ!

ХІІІ.

Прошло два дня...

Въ Погромцѣ было особенно тихо, и въ барскомъ домѣ, и во всей усадьбѣ. Вся дворянъ и крестьяне на деревнѣ передавали другъ другу вѣсть, что баринъ, Антонъ Петровичъ, хвораетъ, лежитъ въ постели.

Въ дѣйствительности, Девьеръ не хворалъ и не лежалъ, а сидѣлъ безвыходно въ своей спальнѣ, угрюмый, сумрачный.

Ему все мерещилось, что ограбленіе князя Кейкуатова не сойdetь съ рукъ.

Онъ нетерпѣливо ждалъ сына съ вѣстями изъ города. На третій день онъ съ ранняго утра каждыя полчаса подходилъ къ окнамъ, выходящимъ во дворъ, и глядѣлъ вдаль на дорогу, не ѣдетъ ли сынъ.

Около полудня Девьеръ увидалъ экипажъ, обрадовался было на мгновеніе, но затѣмъ снова насупился. Ёхала карета четверней, а сынъ отправился на тройкѣ въ маленькомъ тарантасѣ.

— Кто бы это могъ быть?—досадливо произнесъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на дворъ вѣхала старая подержанная карета на крестьянскихъ лошадяхъ съ упряжью, коегдѣ подвязанною веревочками.

Изъ кареты вышелъ молоденькій офицеръ въ простомъ мундирѣ Напольнаго полка, а за нимъ, при его помощи и содѣйствіи двухъ лакеевъ, слѣзшихъ съ запятокъ, выползла маленькая, худенькая старушка.

О гостяхъ немедленно доложили графу.

— Приѣхала барыня, Лукерья Павловна Калитина, съ внукомъ, прапорщикомъ.

— Чортъ бы ее побралъ, старую вѣдму,—отозвался угрюмо графъ.—Проведи ихъ въ горницы-гостиныя. Подайте кушать, коли хотять, а про меня скажи, что хвораю. Въ сумерки приму, если полегчаетъ.

Приѣзжая, получивъ этотъ отвѣтъ, отозвалась добродушно:

— Ну, что же, коли хворааетъ графъ, пуцай его, мы обождемъ.

Маленькая старушка, съ молодымъ офицеромъ, прошла въ противоположную половину дома и заняла три горницы—гостиную и двѣ спальни.

На предложеніе покушать, Калитина согласилась.

Когда люди графа вышли изъ горницы, она обратилась къ офицеру:

— Васенька, какъ ты полагаешь, хворааетъ онъ взаправду или притворствуетъ?

— Конечно, бабушка, притворствуетъ,—отозвался тотъ.

— Такъ какъ же намъ быть!

— А вотъ, помѣстимся здѣсь обывателями, да и будемъ жить, пока онъ не выздоровѣетъ.

— Какъ же такъ, Васенька?

— Да такъ, бабушка. Коли вы взяли меня въ помощь, то

положитесь на меня. Проживемъ тутъ день, два, три, хоть недѣлю, хоть двѣ.

— Что ты, Васенька! Какъ же это такъ?

— Будемъ жить, покуда онъ не выздоровѣетъ.

— А выгнать, Васенька?

— А это мы посмотримъ,—разсмѣялся офицеръ.—Нѣтъ ужъ, бабушка, коли я взялся за это дѣло, такъ онъ отъ меня не отвертится. Я вамъ сказываю, вы глушь деревенская. Да вы не обижайтесь! Вы—деревня. Не вы, собственно, бабушка, а всѣ вы, помѣщики. Ну, а я московскій, мнѣ на Девьера наплевать. Я здѣсь такой содомъ подниму, что онъ тотчасъ всѣ деньги на столъ выложить. Вы ужъ, бабушка, только слушайтесь. Сказываю вамъ, коли онъ выздоровѣетъ и въ сумерки приметъ,—объяснимся и деньги получимъ. Будетъ болѣть, мы будемъ тутъ жить. Проболеетъ онъ недѣлю, проживемъ недѣлю. Проболеетъ мѣсяцъ, проживемъ мѣсяцъ.

— Да это же нѣ можно.

— Не только не можно, а должно.

Вошедшій съ приборами лакей прекратилъ бесѣду приѣзжихъ.

Лукерья Павловна Калитина была та самая старушка, въ домъ которой, болѣе полгода тому назадъ, молодой Девьеръ встрѣтился съ Херасковымъ и влюбился въ Соню.

Калитина была очень любима и уважаема въ уѣздѣ. Это была чрезвычайно маленькая и худенькая старушка, съ лицомъ сморщеннымъ и желтоватымъ. Когда-то красивые глаза, большіе, черные, теперь какъ-то ввалились внутрь и стали неопредѣленнаго цвѣта. Отъ беззубаго рта тонкія губы тоже ввалились внутрь, и носъ вслѣдствіе этого какъ бы вытянулся впередъ какимъ-то птичьимъ клювомъ.

Лукерья Павловнѣ было, по ея счету, семьдесятъ лѣтъ. Но всѣ ея знакомые уже болѣе пятнадцати лѣтъ слышали, что ей „все семьдесятъ да семьдесятъ“ и были убѣждены, что старухѣ около девяноста лѣтъ.

Судя по ея воспоминаніямъ юности, оно такъ и выходило. Она хорошо помнила, что была больно наказана родителями за то, что стала разглашать въ городѣ, гдѣ она жила,— а въ какомъ городѣ, старушка не помнила,— что при бракосочетаніи царевича Алексѣя Петровича было императоромъ несправедно и незаконно поступлено. Надо было всѣхъ російскихъ дѣвицъ представить въ столицу, чтобы царевичъ выбиралъ себѣ жену

самъ. Тогда бы онъ безпремѣнно выбралъ ее, Лукерью Павловну, за ея красоту, а не женился бы на нѣмкѣ.

Если старуха уже была дѣвушкой-невѣстой, когда вѣнчался царевич Алексѣй Петровичъ, стало быть, теперь ей было, конечно, около девяноста лѣтъ.

Лукерья Павловна всячески потѣшала теперь своихъ приятелей и знакомыхъ, которыхъ у нея было видимо-невидимо, тѣмъ, что какъ бы не сознавала сама, что стала дряхлой старухой. Шестидесяти лѣтъ отъ роду она еще ходила пѣшкомъ за пятнадцать и двадцать верстъ отъ дома. Она страстно любила бродить по лѣсу, собирать ягоды и грибы, при чемъ дѣлала тоже не менѣе сорока верстъ. А купаться она любила до тѣхъ поръ, пока льдомъ не покроется рѣчка. Теперь, вдругъ, удивительныя приключенія пошли съ ней!

— И что это такое приключилось! Должно, напылило въ глаза. Ничего я не вижу,—говорила она иногда.—Все какія-то мушки да таракашки черныя въ глазахъ прыгаютъ.

— Годы уже ваши такіе—отзывался кто-нибудь.

Но при этомъ отзывался въ первый и въ послѣдній разъ, такъ какъ подобное замѣчаніе приводило добрую старушку въ неподдѣльную ярость.

— Какіе такіе мои годы? Что ты врешь? Тебѣ, молокососу, всякіе годы великими кажутъ!—объяснила она, хотя бы говорившему было и пятьдесятъ лѣтъ.—Щенку козель—корова!—прибавляла она иногда себѣ подъ носъ, не рѣшаясь громко произнести дерзость.

Иногда случалось старухѣ, а теперь все чаще, жаловаться, что погода пошла на Руси совсѣмъ дрянная, сырая и холодная, отъ которой ломота въ костяхъ заводится или расслабленіе.

— Не могу я уразумѣть,—говорила она,—что это такое у меня съ ногами дѣется. Слабость какая-то, колѣнки трясутся. Постоишь или походишь самую малость и, смотришь, пристала. Надо бы начать натирать чѣмъ на ночь.

Если какой наивный человѣкъ замѣчалъ ей, что эти явленія зависятъ отъ преклонныхъ лѣтъ барыни, то Лукерья Павловна накидывалась на него точно также яростно.

— Преклонные годы! Какіе же мои годы? Какой-нибудь восьмой десятокъ. Важность какая! Вотъ въ прежнее время люди по двѣсти лѣтъ жили. У меня дѣдушка былъ, ста семидесяти лѣтъ померъ. А вотъ вы нарождаетесь сахарныя, лы-

комъ шитые, и на тесемочкѣ у васъ душа-то въ тѣлѣ держится. Вотъ вамъ мои года преклонными и сдаются.

Разумѣется, друзья Лукерьи Павловны знали слабую струну старушки и старались обходить вопросъ о годахъ. Иные, посмѣиваясь, совѣтовали старушкѣ „сухой водой“ глаза протирать, а ноги мазать подсолнечнымъ масломъ съ примѣсью толченыхъ цѣлковыхъ.

Разъ старушка впрямь заставила свою ключницу толочь въ ступѣ три новенькихъ серебряныхъ рубля. Ключница выбилась изъ силъ и доложила барынѣ что она, по своему глупству, никакъ барынина приказа исполнить не можетъ.

Старушка попробовала сама потолочь, но призадумалась и сообразила, что надъ нею подшутили.

Всѣ знакомые Лукерьи Павловны, за исключеніемъ вопроса о годахъ, не знали въ Калитиной ни единого недостатка, и во всемъ околоткѣ почти всѣ равно любили и уважали старушку.

Поэтому, за послѣднее время, въ приключившейся съ ней бѣдѣ, весь уѣздъ молчаливо принялъ ея сторону, а многие предлагали ей свои услуги въ ея мудреномъ дѣлѣ.

XIV.

Тому назадъ мѣсяцевъ восемь старушка, желая перебраться на житье въ городъ Валуйки, стала продавать свое маленькое имѣнье.

Графъ Антонъ Девьеръ пріѣхалъ къ ней, объяснилъ, что слышалъ о продажѣ вотчины и въ качествѣ сосѣда не прочь купить. Цѣна, которую желала получить Калитина, три тысячи рублей, была по словамъ Девьера пустымъ дѣломъ.

Графъ пригласилъ старушку къ себѣ въ Погромець. Она пріѣхала и нашла у него подьячихъ изъ города. Тотчасъ же была написана подходящая бумага и когда старушка подписала ее, то графъ Антонъ Петровичъ поцѣловалъ за это у ней ручку. Затѣмъ онъ объяснилъ барынѣ, чтобы она уже не возвращалась къ себѣ въ вотчину, такъ какъ съ минуты подписанья бумаги имѣнье принадлежитъ ему. Онъ предложилъ ей ѣхать прямо въ Валуйки и тамъ дожидаться полученія денегъ черезъ чиновника земскаго суда.

— У меня въ наличности здѣсь этихъ денегъ не обрѣтается,—сказалъ графъ.—Но о такой пусташной суммѣ не

стоитъ и толковать. Черезъ три дня получите, сударыня, изъ Валуйскаго суда.

Калитина выѣхала отъ графа въ Валуйки, прожила тамъ мѣсяць, напрасно ожидая чиновника съ деньгами. Послала она навѣдаться въ судъ, кого слѣдовало. Посланецъ объяснилъ, что дѣйствительно все дѣло подьячими оборудовано, что вотчина по закону принадлежитъ уже графу Девьеру, и онъ уже введенъ во владѣніе.

Что же касается до денегъ, не полученныхъ барыней, то это до судейскихъ дьяковъ и подьячихъ не касалось.

Проживъ еще мѣсяць въ городѣ, Калитина раза три посылала гонцовъ въ Погромець, и каждый разъ гонецъ возвращался съ отвѣтомъ графа, что деньги въ скорости будутъ барынѣ переданы.

Когда прошло около трехъ мѣсяцевъ, старушка собралась въ Погромець. Графъ Антонъ Петровичъ любезно принялъ ее, цѣловалъ ручки и просилъ извиненія, что запоздалъ, ибо „совсѣмъ изъ ума вонъ!“ Объявъ тотчасъ же деньги прислать, графъ сбылъ старуху изъ своей усадьбы къ сосѣдямъ.

Прошло еще два мѣсяца, и старушка переѣзжала отъ сосѣда къ сосѣду. Живя у Хераскова, она, по его совѣту, написала графу письмо и дала знать о своемъ мѣстопробываніи, но денегъ все-таки никакихъ не пришло.

Петръ Ивановичъ Херасковъ предложилъ свои услуги Калитиной съѣздить за деньгами къ Девьеру, но она не захотѣла вмѣшиваться своего пріятеля въ щекотливое дѣло.

— Обожду, отдасть,—сказала она.—Не обманщикъ же онъ. Дворянинъ и графъ.

Наконецъ, старушка снова поѣхала въ Погромець. Люди сказали ей, что баринъ уѣхалъ въ Воронежъ и вернется не ближе какъ черезъ мѣсяць. Калитина отправилась ждать въ Валуйки.

Прошелъ этотъ мѣсяць, старушка опять пріѣхала въ Погромець. Графъ Девьеръ точно такъ же любезно принялъ ее, цѣловалъ ручки, рассыпался во всякихъ любезностяхъ, угощалъ всѣмъ, чѣмъ могъ, даже на гитарѣ сыгралъ и спѣлъ что-то очень чувствительно.

На вопросъ старушки о деньгахъ онъ отвѣчалъ:

— Безпремѣнно. Обожди, родная, только самую малость. Черезъ мѣсяць уплачу все до копѣчки и все новенькими

крестовыми рублями самаго истиннаго чекана. Какъ золото горѣть будетъ.

Наконецъ, наступила осень, а Лукерья Павловна, живя въ городѣ, никакихъ денегъ, разумѣется, не получала, продолжая тщетно надѣяться.

На ея счастье въ городѣ Валуйки вступилъ новый на смѣну прежняго Напольный полкъ, въ которомъ оказался молоденькій офицерикъ, по фамилии Калитинъ.

Узнавъ, что есть въ городѣ старушка однофамилица, молодой человѣкъ тотчасъ къ ней явился. Стали они, юноша девятнадцати лѣтъ и старушка почти девяностолѣтняя, считаться родней. Вдругъ, къ немалому удовольствію обоихъ, оказалось, что дѣдушка офицера былъ Макарь Кондратьевичъ, воевода въ какомъ-то городѣ при Каспійскомъ морѣ.

Лукерья Павловна вскрикнула. Тамъ, гдѣ-то, далеко, въ головѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще чуть-чуть брезжилъ свѣтъ памяти, сказалося что-то и говорило: „двоюродный братецъ! Важный человѣкъ! Каспицкій воевода!“

— Да, да, — воскликнула Лукерья Павловна.—Помню я, соколикъ, хорошо помню. Была я молода, все у насъ въ семьѣ толковали, что есть у родителей моихъ такой племянникъ, что Каспицкій воевода. Такъ мы его и звали. И помню я, соколикъ, что оныя слова „Каспицкій воевода“ такъ меня напужали, что я нѣсколько ночей сподрядъ видѣла что-то такое сѣрое, шерстяное, что меня все изъ-подъ кровати моей за одѣяло дергало. И оно самое мнѣ мерещилось быть Каспицкимъ воеводой. Вѣрно помню. Стало быть, если ты внученокъ этого Каспицкаго воеводы, то мнѣ ты приходишься правнучкомъ. А коли ты мнѣ правнучекъ, то, стало, когда я помру, годковъ черезъ двадцать-тридцать, то все мое иждивеніе твоимъ будетъ.

Внучекъ обрадовался родству, но не зная слабой струны старушки, невольно подивился, что она собирается еще столько лѣтъ прожить на свѣтѣ.

Разумѣется, черезъ нѣсколько дней послѣ первой встрѣчи бабушки и внука, внучекъ узналъ о томъ, какъ тянетъ уплату графъ Девьеръ, и вызвался помочь бабушкѣ.

Молодой Калитинъ, несмотря на свою юность, былъ отъ природы очень смѣль, даже дерзокъ и былъ своей рѣшительностью въ дѣлахъ извѣстенъ въ полку.

— Мы, бабушка, этого Девьера такъ наладимъ, что онъ

намъ въ два часа времени деньги отдасть, — заявилъ молодой человѣкъ.

И вотъ послѣдствіемъ этого рѣшенія и былъ пріѣздъ въ Погромецъ дряхлой старухи и юнаго офицера.

Хозяинъ, узнавъ отъ людей, что съ старушкой Калитиной пріѣхалъ молодой офицеръ-внучекъ, усмѣхнулся насмѣшливо.

— Старая дура! наняла и притащила какого-то щенка, хочеть имъ меня напугать. Я васъ такъ турну, что отъ тебя, старой насѣдки, и отъ цыпленка твоего пухъ полетитъ.

Первый день Калитина со внукомъ просидѣли, не выходя, въ своей гостиной. Хозяинъ не принималъ ихъ, сказываясь больнымъ. Прошелъ еще день, пріѣзжіе сидѣли точно также, только вышли и погуляли по саду послѣ обѣда.

Графъ Антонъ Петровичъ сидѣлъ безвыходно въ спальнѣ, но по разсѣянности на второй день ввечеру вышелъ въ залу. Пройдясъ, онъ громко приказалъ что-то, затѣмъ вспомнилъ про гостей и плюнулъ сердито.

— Ахъ, чортъ ихъ возьми! Изъ ума вонъ. Ну, да наплевать.

И онъ вернулся къ себѣ въ спальню, громко бранясь.

Молодой человѣкъ слышалъ изъ горницы голосъ хозяина и хитро усмѣхнулся.

— Вѣдь это онъ притворствуетъ, соколикъ мой. Вишь разгуливаетъ, а намъ сказывается хворающимъ, — замѣтила Калитина.

— Ничего, бабушка, пуцай сказывается. Вѣдь что же? Тутъ не холодно и опять-таки кушать намъ подаютъ. Время теперь пасмурное, не до прогулокъ. А не все ли равно, гдѣ жить, что въ Валуйкахъ, что тутъ.

— Какъ же такъ, соколикъ?

— Да такъ, бабушка. Говорю вамъ, что мы будемъ тутъ жить, пока онъ не выздоровѣетъ и не рассчитается.

— А прогнать онъ насъ.

На это молодой человѣкъ махнулъ только рукой, такъ какъ этотъ вопросъ старушка повторяла почти постоянно, по сту разъ на день.

XV.

На слѣдующее утро домъ въ Погромецѣ нѣсколько оживился. Пріѣхалъ изъ города молодой графъ.

При его появленіи на дворѣ, старушка, любившая „граф-

чика Мишеньку“, какъ она его называла, почти забыла, что она сама въ гостяхъ и выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Мишенька мой! Какъ я тебѣ рада! Милости прошу,—заговорила Лукерья Павловна.—Пожалуй, пожалуй!

— Что вы, бабушка,—шепнулъ сзади офицеръ.— Вы и забыли, что вы не у себя.

— Ахъ, и то правда. Прости, Мишенька.

Миша тоже обрадовался встрѣтить ту самую добрую старушку, благодаря которой онъ познакомился съ своей Соней. Онъ, конечно, зналъ, какое дѣло у ней до отца, и что отецъ оттягиваетъ уплату уже скоро девять мѣсяцевъ.

— Долгъ отца вѣдь почти „ровесникъ“ любви съ Соней,—думалось часто Мишѣ.

— Помоги, родной, у тебя душа чистая,—заговорила Лукерья Павловна.—Третій день сидимъ. Хворааетъ якобы твой родитель. Скажи ты ему, мы все равно не уѣдемъ. Вотъ спроси у него.

— Да-съ, господинъ графъ,—вымолвилъ офицеръ,—доложите вашему родителю, что я приѣхалъ съ бабушкой по сему дѣлу и что мы должны безпремѣнно получить деньги. А безъ нихъ мы отсюда не ѣдемъ.

— Хорошо, хорошо,—быстро заговорилъ Миша, и, снявъ верхнее платье, онъ поспѣшно двинулся къ отцу.

Графъ Антонъ Петровичъ нетерпѣливо ждалъ сына въ дверяхъ столовой. Лицо его было сердито.

— Чего съ ними разболтался. Осель! Я вторья сутки отъ нетерпѣнья не ѣмъ и не сплю. Ну, какія вѣсти? Иди, что ли.

Миша прошелъ за отцомъ въ его кабинетъ и подробно, толково передалъ все, что узналъ важнаго въ городѣ.

А въ городѣ Валуйкахъ было дѣйствительно особенное волненіе.

Князь Кейкуатовъ съ нѣсколькими людьми дворовыхъ приѣхалъ въ городъ на крестьянскихъ лошадяхъ, которыхъ досталъ гдѣ-то въ ближайшей къ Чортову Днищу деревушкѣ. Онъ былъ ограбленъ какими-то разбойниками до нитки, дочиста. Всѣ лошади были угнаны, а всѣ деньги и золотыя вещи, какія нашлись въ ящикахъ, все было взято. Остальное имущество зря разбросано въ оврагѣ.

— На кого же думаютъ?—спросилъ графъ.

Миша смутился и завертѣлъ языкомъ.

— Да ну, чего мычишь-то,—отвѣчай!..

— Да я ужъ и не знаю, батюшка. Ко мнѣ очень приста-
вали всѣ господа дворяне, не знаю ли я. Вамъ же извѣстно,
что я якобы не знаю ничего. Ну, вотъ, когда я одного се-
кундъ-майора Похвистнева... Знаете его...

— Ну?

— Когда я его спросилъ, почему ко мнѣ пристають, онъ
мнѣ прямо такъ и бухнулъ.

— Да что?

— Да какъ есть все.

— Да что, дуракъ?!—закричалъ чуть не на весь домъ графъ
Антонъ Петровичъ.

— На насъ, конечно, думаютъ.

— На тебя, что ли?—разсмѣялся графъ.

— Нѣтъ-съ, на васъ, да на дядюшку.

— Дурьи головы.

— Вотъ и я, такъ-то отвѣчалъ, дурьи головы. А секундъ-
майоръ Похвистневъ ткнулъ меня пальцемъ въ голову, да
сказываетъ: голова-то дурья, да только не у насъ, а вотъ
эта. То-ись моя, стало быть. А главная причина, батюшка,
что въ смятенъе всѣхъ привела, что князь этотъ привезъ съ
собою изъ Чортова Днища раненаго молодца. А молодецъ
этотъ, сказываютъ, нашъ Телятевъ.

— Врешь! прокричалъ графъ Антонъ Петровичъ страшнымъ
голосомъ и, вскочивъ съ мѣста, бросился къ сыну и схватилъ
его за плечи. Врешь!—прооралъ онъ оглушительно на сына.

Миша оторопѣлъ, оглохъ на мгновение и забормоталъ что-то.

— Говоришь, Телятевъ въ Валуикахъ?

— Да-съ.

— Привезенъ этимъ княземъ?

— Да-съ.

— Живой? Живой?

— Раненый, батюшка.

— Живой? Чортъ ты эдакій. Говори. Вѣдь живой?

— Живой, батюшка.

— Ахъ, ты!

Графъ ударилъ себя кулакомъ въ лобъ, слегка пошатнулся
и шлепнулся въ близъ стоящее кресло. Затѣмъ онъ поднялъ
оба кулака и началъ стучать себя отчаянно въ голову, при-
говаривая:

— Ахъ, ты сатана! Именно сатана! Искушитель! Эдакое
глупство! Вѣдь какъ нацѣлилъ, прямо въ ухо палилъ. Пуля-то

башку наскрость должна бы пронзить. Что же это? Навождение дьявольское. Вотъ оно! Не даромъ сердце мое тосковало. Иди, бѣги, зови сюда Сеньку и Прошку. Скорѣй!—дико закричалъ графъ.

Молодой Девьеръ вскочилъ, рысью пробѣжалъ до прихожей и приказалъ позвать двухъ конюховъ. Но затѣмъ онъ отъ волненія не утерпѣлъ и самъ побѣжалъ на сосѣдній дворъ, гдѣ были конюшни.

Черезъ нѣсколько мгновеній явились за Мишей оба конюха, тѣ самые двое, которые остались послѣдними въ оврагѣ около барина и были свидѣтелями, какъ командиръ отряда покончилъ съ собой изъ пистолета.

Молодцы были перепуганы, блѣдны и взволнованы. Страшный видъ барина окончательно поразилъ ихъ. А въ чемъ было дѣло—имъ не сказалъ графчикъ, боясь отца.

— Вы! Какимъ мы Телятева оставили тамъ въ лѣсу, на дорогѣ,—крикнулъ Девьеръ.—Живымъ аль мертвымъ?

— Мертвымъ, ваше сіятельство, какъ есть, совсѣмъ мертвымъ,—отозвался одинъ дрожащимъ голосомъ.—Онъ себѣ въ ухо выпалилъ.

— Ну, а онъ живъ,—прокричалъ графъ.—Живъ.

Конюхи молчали.

— Онъ стало быть тебя надулъ. Холостымъ зарядомъ въ себя палилъ. Ты всему и причина. И я тебя завтра разсужу по своему... Ну, убирайтесь вонъ. Мерзавцы! Предатели!..

Графъ махнулъ рукой, сѣлъ въ кресло и, понурившись, глубоко задумался.

Но чрезъ часъ графъ вдругъ успокоился, заходилъ изъ угла въ уголъ по горницѣ и сталъ говорить вслухъ, на половину обращая рѣчь якобы къ стоявшему у дверей сыну, а на половину какъ бы обращаясь къ кому-то отсутствующему.

— Ну живъ? Ну что же? Ты скажешь, прикажу, молъ, пытать его! Подъ пыткой на Девьера укажетъ! Ну и укажетъ. Я не отвѣтчикъ, коли мои холопы на меня клеветуютъ на дыбѣ. Ты меня потянешь? Тяни. Не боюсь я твоего суда. Уликъ нѣтъ. Мои здѣшніе не посмѣютъ сказать, что я съ ними былъ. Ну вотъ! А что дворовые мои—разбойники и грабители. Вѣрно! Которые изъ нихъ, разузнавай самъ,—я не знаю. А былъ ли я съ ними въ ту пору ночью... Это врешь, никто не покажетъ и никто не докажетъ. Я спалъ въ постели, а дворня грабительствовала.

И через нѣсколько минутъ Антонъ Петровичъ, уже совершенно успокоившись, ласково обернулся къ сыну. Онъ былъ даже въ хорошемъ расположеніи духа.

— Ну, спасибо, Мишка, ты мнѣ все таково дѣловито и толково исполнилъ, что проси теперь чего хочешь. Да впрочемъ что же! Знамо, что тебѣ нужно. Вчера тутъ гонецъ былъ отъ Хераскова. Пріѣзжаетъ онъ на сихъ дняхъ ко мнѣ въ гости. Понятное дѣло, зачѣмъ. Почитай, никогда не бываль, а теперь ѣдетъ. Да и въ письмѣ своемъ прямо сказываетъ, по дѣлу, касающемуся до тебя. Ну, стало, сватать. Ну что же, я не прочь... Женись себѣ! Да и дядюшка твой пристаесть, что пора тебя женить. Авось ты малость развернешся.

Затѣмъ графъ задумался и вдругъ вскрикнулъ:

— Слушай. Не хочу я видѣть эту старую дуру съ какимъ-то щенкомъ. Сладъ ты мнѣ, голубчикъ, дѣло. Скажи, что я хвораю и поручилъ тебѣ объясниться съ ними. Спроводи ты эту старуху и ея найденыша-внучка. Скажи, деньги пришлю завтра въ Валуйки. Не впервой ей „завтремъ“ сыту быть!

Миша замылся и проворчалъ:

— Слушаю-съ.

Но по лицу его видно было, что порученіе это онъ исполнить не съумѣеть.

XVI.

Отпущенный отцомъ, Миша тотчасъ побѣжалъ къ себѣ на верхъ, зная заранѣе, что его ждалъ дядька.

Разумѣется, старикъ уже давно съ нетерпѣніемъ хотѣлъ узнать отъ своего дорогого графчика, какія онъ привезъ вѣсти изъ города, а главное, какъ самъ „выцарапался“ изъ порученія, даннаго отцомъ, какъ дѣйствовалъ и заслужилъ ли одобреніе.

— Все слава Богу, Афоня!—объявилъ Миша дядькѣ. Но затѣмъ изъ его разказовъ оказалось, что все благополучно по отношенію лично къ нему, дѣла же отца были не совсѣмъ хороши.

Телятевъ,—живой и въ городѣ,—было извѣстіемъ тревожнымъ. Однако и старикъ-дядька отнесся къ этому факту такъ же, какъ и графъ.

— Скажутъ: дворня графская балуетъ въ уѣздѣ. А онъ въ сторонѣ останется.

Побесѣдовавъ съ дядькой, Миша вспомнилъ о Калитиныхъ и отправился внизъ.

И молодой человекъ, разумѣется, не сумѣлъ исполнить порученіе своего отца. Явившись для переговоровъ о деньгахъ къ гостямъ, онъ только конфузился и мямлилъ, отчасти отъ непривычки вести дѣловые разговоры, отчасти потому, что самъ сознавалъ всю незаконность поступка отца. Къ тому же онъ самъ искренно, сердечно уважалъ и любилъ Лукерью Павловну.

Молодой Калитинъ сразу увидалъ и понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Отстранивъ бабушку, онъ вступилъ въ разсужденія съ Мишей и объяснилъ ему коротко и ясно:

— Скажите вашему родителю, что мы пріѣхали за полученіемъ слѣдующей бабушкѣ суммы и безъ этого изъ усадьбы вашей не уѣдемъ.

— Какъ это?—испугался Миша, зная, что чья-либо угроза его отцу немислима и даромъ съ рукъ не сходила никому.— Батюшка разгнѣвается,—замѣтилъ онъ.

— И пускай гнѣвается на здоровье,—заявилъ молодой человекъ.—Мы сами тоже гнѣваемся.

— Да вѣдь вы не знаете,—началъ было Миша и запнулся, не зная, какъ объяснить офицеру, что противорѣчіе его отцу можетъ кончиться плохо.

— Ничего я не знаю, господинъ графъ Девьеръ, и знать не хочу—отвѣтилъ Калитинъ уже рѣзко.—А лучше всего доложите вашему родителю, чтобы онъ меня принялъ и со мною лично переговорилъ.

Миша отправился къ отцу и передалъ ему свой разговоръ, стараясь какъ можно болѣе смягчить выраженія офицера.

Девьеръ только улыбнулся и, наконецъ, сказалъ сыну:

— Ну такъ поди, объясни имъ, чтобы они велѣли закладывать себѣ лошадей и уѣзжали по добру, по здорову.

— Онъ сказываетъ, что они не уѣдутъ, пока не получатъ своихъ денегъ.

Графъ вытаращилъ глаза на сына.

— Что ты врешь? вымолвилъ онъ.

— Точно такъ-съ. Нѣсколько разъ господинъ Калитинъ повторялъ мнѣ это порученіе вамъ. Говорить, что проживемъ хоть недѣлю у васъ, хоть мѣсяць, а не уѣдемъ, не получивъ денегъ.

— Что-о!—протянулъ Антонъ Петровичъ. — Да я ихъ...

Измѣнившись въ лицѣ, онъ поднялся съ мѣста. Собираясь идти къ гостямъ, онъ уже сдѣлалъ два шага, но вдругъ остановился.

— Боюсь, — выговорилъ онъ, и смолкъ. — Ей-ей боюсь!.. — снова повторилъ онъ послѣ паузы.

— Миша съ удивленіемъ смотрѣлъ на отца.

— Нѣтъ, нельзя, — проговорилъ графъ и снова сѣлъ въ кресло. — Боюсь я мальчишки этого. Съ ней ничего съ одной, а съ нимъ боюсь.

Миша, понимая на свой ладъ слова отца, смотрѣлъ на него разина ротъ отъ изумленія.

— Что же это такое, — развелъ руками Девьеръ. — Подъ судъ попадешь изъ-за эдакой дряни. Изъ-за старушенки, да изъ-за щенка подъ судъ угодить. Спасибо. Вотъ что, Миша, лоуди ты опять. Скажи ты этому щенку, что я боюсь до смерти, коли я приду съ нимъ объясниться, то черезъ четверть часа времени у меня въ домѣ два покойника будутъ. Старуха отъ страху помретъ, а онъ отъ побой.

Миша пошелъ съ диковиннымъ порученіемъ отца и тяжело вздыхалъ по дорогѣ.

Девьеръ остался среди комнаты и потиралъ рукой объ лобъ, какъ бы придумывая исходъ изъ затруднительнаго обстоятельства.

Сынъ явился смущенный и объяснилъ:

— Сказаль-сь.

— Ну?

— Онъ смѣется-сь. Я сказалъ: батюшка васъ убить можетъ. А онъ отвѣчалъ: у меня шпага, да вотъ пара пистолей. Коли вашъ батюшка меня положить сразу, то живъ останется. Коли онъ только меня ранить, то я его положу мертвымъ.

— Да что же это такое? — какъ бы растерявшись, произнесъ Девьеръ.

И онъ вдругъ шагнулъ вонъ изъ комнаты, прошелъ быстро столовую, потомъ корридоръ и, отворивъ дверь въ горницу, гдѣ сидѣли гости, остановился на порогѣ.

Старушка поднялась, наивно и добродушно собираясь сказать какое-то привѣтствіе. Молодой офицеръ тоже собирался раскланяться и поздороваться, но, взглянувъ въ лицо графа, быстро отошелъ въ уголокъ комнаты. Онъ взялъ въ руки шпагу, вытащилъ ее изъ ноженъ и сталъ какъ бы защищая то окно, гдѣ былъ раскрытый ящикъ съ двумя пистолетами.

— Это что?—закричалъ графъ.—Ко мнѣ въ домъ пріѣхаль гостемъ, да угрожаешь разбоемъ.

— Никакого разбоя нѣтъ, а самозащита одна,—выговорилъ Калитинъ.

Лицо его совершенно измѣнилось. Изъ розовенькаго, добродушнаго и почти дѣвичьяго, оно сдѣлалось блѣдное, искаженное гнѣвомъ.

— Ишь остервенился, — невольно подумалъ про себя Девьеръ.

— Мы, графъ, пріѣхали съ бабушкой получить слѣдующія ей съ васъ деньги за продажу вотчины и просимъ васъ немедленно эти деньги вынести и отдать. Въ противномъ случаѣ мы будемъ здѣсь ожидать ихъ и не уѣдемъ, пока не получимъ.

— Да я тебя, щенокъ, только трону пальцемъ, такъ мокренко останется!—крикнулъ Девьеръ.

— А я тебя, старый песь,—вскрикнулъ Калитинъ прерывающимся голосомъ,—такъ трону, что и мокроты не будетъ.

И съ этими словами Калитинъ взялъ въ лѣвую руку пистолеть изъ ящика и взвелъ курокъ.

Антонъ Петровичъ стоялъ внѣ себя отъ ярости и трясся всѣмъ тѣломъ. Старушка вскрикнула, отскочила въ сторону и начала махать руками на своего внука.

— Стой, стой! Умру, уморите! Богъ съ нимъ, уѣдемъ скорѣе, Васенька, уѣдемъ. Христа ради уѣдемъ.

— Вы уѣзжайте, а я не уѣду. Я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло. Застрѣлю я его тутъ, я правъ буду передъ цѣлымъ уѣздомъ. До него и такъ власти добираются за разныя темныя дѣла!—прокричалъ Калитинъ.

Графъ Девьеръ при этихъ словахъ замѣтно поблѣднѣлъ...

Миша, стоявшій за отцомъ, не помнилъ себя отъ перепуга. Онъ бессознательно уцѣпился вдругъ за рукавъ отца и потянулъ его.

— Батюшка, уходите, идите,—проговорилъ онъ, не зная самъ, что говорить.

— Вотъ только ради тебя! Что ты просишь!—вымолвилъ Антонъ Петровичъ.—Для тебя брошу щенка. Не то бы его въ прахъ обратилъ.

И Девьеръ быстрыми шагами вышелъ изъ горницы и пошелъ къ себѣ. Миша побѣжалъ за отцемъ.

Но не успѣли они достигнуть кабинета, какъ Миша дорогой

опаматовался совѣмъ и все сообразилъ. То, что онъ понялъ, его поразило. Отецъ, котораго боялся весь уѣздъ, теперь на его глазахъ просто струсилъ.

Графъ тотчасъ же сталъ искать въ ящикахъ большого стола ключи. Затѣмъ онъ отперъ шкафъ, въ которомъ помѣщались всякаго рода дорогіе для него предметы. Миша за всю свою жизнь только въ третій разъ видѣлъ этотъ шкафъ открытымъ.

— Ну, сынокъ, слушай. Часа черезъ полтора, два времени, когда они успокоятся, ты мнѣ старушенцію поведи гулять. Уведи куда ни на есть и займи разговоромъ, а меня оставь перетолковать съ этимъ щенкомъ.

Говоря это. Девьеръ вынулъ ящикъ въ которомъ были точь въ точь такіе же пистолеты, что привезъ съ собой Калитинъ. Графъ досталъ другой ящикъ. Тамъ оказались порохи и пули. Онъ началъ заряжать оба пистолета.

— Что вы, батюшка, Господь съ вами! Изъ-за такого пустяка! Итти на смертоубійство! — заговорилъ Миша, какъ потерянный, — онъ можетъ васъ и ранить, и убить. А вы его убьете, тоже бѣда. Онъ у васъ въ гостяхъ, офицеръ, дворянинъ. Плюньте, заплатите.

— Заплатите! Дуракъ! Да коли у меня нѣтъ этихъ денегъ? Что ты думаешь, у меня червонецъ-то цѣлый амбаръ, что-ли.

— Вещи какія отдайте, — выговорилъ Миша.

— Какія вещи?

— Наберется. У матушки покойницы, сказывали вы, камня самоцвѣтные были. Ну вотъ чайникъ стоитъ у васъ, — показалъ Миша въ шкафъ. — Вѣдь это тоже серебро.

— Глушій, камни самоцвѣтные твоей покойницы давно въ трубу вылетѣли, а этому чайнику красная цѣна двадцать рублей. Дурья голова!

Но вдругъ Девьеръ бросилъ пистолетъ, хлопнулъ себя по головѣ и воскликнулъ:

— Вотъ такъ блинъ! Ай да Миша! Ахъ, ты умница-разумница!

И графъ треснулъ здорово сына по плечу.

— Умница ты, а я дуракъ! И не зналъ, что ты такая умница. Вотъ колѣно-то мы отмочимъ. Вся губернія хохотать будетъ.

XVII.

Графъ быстрыми шагами направился въ свою спальню, досталъ изъ связки, которую захватилъ съ собой, большой ключъ и сталъ отворять старинный дубовый шкафъ, стоявшій близъ кровати.

— Слыхалъ ли ты, что тутъ есть? — обернулся онъ къ сыну, собираясь отворить дверку.

— Никакъ нѣтъ, батюшка.

— Слыхалъ ли ты, что великая императрица Екатерина Алексѣевна... да не эта, а Первая Екатерина... когда она произвела твоего прадѣда въ графское достоинство, подарила ему серебряный сервизъ, который у него потомъ отобралъ Меншиковъ на себя. Когда сослали князя въ Березовъ, сервизъ отписали въ казну, а государь Петръ Ѳедоровичъ возвратилъ его обратно моему родителю. Слышалъ ли ты это?

— Слышалъ, батюшка.

— А видалъ ли сервизъ?

— Николи не видалъ.

— Знаю, и никто не видалъ его. Гляди вотъ.

Графъ отперъ дверь шкафа, и глазамъ удивленнаго Миши представился цѣлый серебряный сервизъ большого размѣра, на большомъ серебряномъ подносѣ.

— Плохъ, что ли? выговорилъ графъ.

Миша пробормоталъ что-то.

— Ему, сынокъ, пять-шесть тысячъ цѣна самая маленькая. Ну ступай къ этой старой вѣдьмѣ, скажи ей и ценку этому, хотятъ ли они получить вмѣсто денегъ серебряный сервизъ, который вдвое дороже стоитъ. Ступай. Нѣтъ, постой. Захвати вотъ молочникъ, покажи. Коли онъ не дуракъ, пойметъ.

Миша побѣждалъ съ молочникомъ въ рукахъ, а графъ кликнулъ людей.

— Позвать ко мнѣ Кондратьева, — приказалъ онъ. — Живо!..

Оставшись одинъ, Девьеръ зашагалъ по комнатѣ, весело посвистывая.

— Вотъ такъ умница Миша. Да и я тоже не дуракъ. Вотъ колѣно-то будетъ удивительное. Это не то, что въ оврагѣ разбойничать. То дѣло простое, а это умнѣющій фокусъ.

Миша, а за нимъ дворовый, замѣнившій Телятева въ качествѣ командира конныхъ молодецвъ, одновременно вошли въ комнату.

— Ну?—обернулся графъ къ сыну.

— Они сказываютъ,—весело заговорилъ Миша,—что коли деньги нельзя получить, то они готовы удовольствоваться сервизомъ. Только просятъ его посмотреть.

— Вѣстимо. На вотъ, тащи весь подносъ.

Миша бросился къ шкафу съ особеннымъ рвеніемъ. Ему до смерти хотѣлось поскорѣе устроить затруднительное дѣло, которое свалилось совершенно неожиданно на его голову и которое могло помѣшать осуществленію его завѣтной мечты. Каждую минуту могъ подѣхать сватомъ Петръ Ивановичъ Херасковъ. А тутъ отецъ гнѣвный, разсерженный! Гость офицеръ, на видъ совсѣмъ мальчишка, оказался кремень-молодецъ. Онъ первый, съ тѣхъ поръ, что существуетъ эта усадьба, грозился въ ней самому хозяину.

Миша взялъ подносъ, потащилъ его къ себѣ, но съ изумленіемъ въ лицѣ обернулся къ отцу.

Балюшка, его не сдвинешь. Онъ, должно, прибить гвоздями. Графъ расхохотался.

— Да, прибить гвоздями. Въ немъ, братъ, почитай до двухъ пудовъ вѣсу. Коли ты и вытащишь его съ полки, то все бухнешь на полъ. Позови людей.

Миша бросился за лакеями, а графъ обернулся къ конюху.

— Кондратьевъ, докажи мнѣ сегодня, что ты годенъ на должность Телятева. Чтобы къ вечеру десятокъ молодецвъ былъ готовъ выѣзжать. Могу ли я на тебя положиться?

— Будьте безъ сумѣнія, постараюсь, — отозвался Кондратьевъ, опуская глаза въ землю и слегка мѣняясь въ лицѣ. Въ голосъ его было смущеніе и тревога.

Двое людей, приведенныхъ Мишей, взялись за подносъ и при нѣкоторомъ усилии сняли его съ полки. Дѣйствительно, сервизъ изъ массивнаго серебра на толстомъ подносѣ былъ очень тяжелъ.

— Несите это старой барынѣ въ горницу, — приказалъ графъ.—А тамъ скажите Афонькѣ, чтобы въ кладовой достала два большущихъ футляра отъ этого сервиза и тоже бы несъ къ барынѣ. Ну а ты, Миша, иди сюда.

Графъ сѣлъ за столъ, достала бумагу и съ нѣкоторымъ трудомъ началъ писать на ней.

Миша сталъ около стола, довольный, улыбающійся. Глаза его сіяли счастьемъ.

— Умница ты, Миша, рѣдкая умница. Не знаю, чѣмъ мнѣ

тебя наградить. Опять забылъ. Вѣдь не нынче, завтра прѣдетъ господинъ Херасковъ сватомъ.

— Точно такъ-съ. Онъ можетъ каждую минуту пожаловать.

— Ну вотъ, вотъ. Сейчасъ и за свадьбу. Дай дописать.

Графъ написалъ нѣсколько строкъ крупнымъ почеркомъ, довольно неровнымъ. Видно было, что онъ въ грамотѣ не силенъ.

— Ну вотъ, Миша, гляди. Ты читать умѣешь, такъ прочти самъ, что тутъ начертано.

Миша взялъ листъ и съ усиленіемъ, съ запинкой прочелъ слѣдующее:

„Симъ удостовѣряю, я нижеподписавшаяся дворянка Лукерья, Павлова дочь, Калитина, что всѣ деньги, слѣдующія мнѣ за продажу графу Антону, Петрову сыну, Девьеру за имѣнье мое, находящееся въ воронежскомъ намѣстничествѣ Валуйскаго уѣзда, при урочищѣ Оскольники, а всего три тысячи рублей, сполна получила, въ чемъ и подписуюсь“.

— Ну вотъ, снеси эту бумажку старой вѣдьмѣ и вели ей расписаться.

Миша взялъ листъ бумаги, прихватилъ чернильницу и перо и въ десятый разъ отправился бѣгомъ въ горницы гостей.

Онъ нашелъ Лукерью Павловну веселой и довольной. Она сидѣла и кончикомъ шерстяного платка терла чайникъ, который лежалъ у ней на колѣняхъ. Молодой Калитинъ, напѣвая, весело разгуливалъ по комнатѣ.

Старушка и внучекъ уже перетолковали, осмотрѣли подробно сервизъ, офицеръ объяснилъ бабушкѣ, что такого поворота дѣла и ожидать было нельзя.

Графъ, по мнѣнію офицера, или съ перепугу, или по инымъ какимъ причинамъ, захотѣлъ такъ отплатить ей, Калитиной, чтобы она вѣкъ довольна была и его добромъ поминала. Этотъ сервизъ чистаго серебра долженъ былъ стоить, по увѣренію Калитина, непременно тысячь семь.

— Такъ что, бабушка, — прибавлялъ онъ, разводя руками, — и понять ничего нельзя. Чортъ его знаетъ, что такое. Должно быть, не нуженъ онъ ему ни на что. А продать такую посудину въ деревенской глуши некому и мудрено. Вотъ онъ и сбываетъ ее за вотчину. А я вамъ съѣзжу въ столицу, продамъ его за семь тысячъ, а ужъ за шесть-то безпремѣнно.

— Тебѣ, голубчикъ, и пойдуть. Женишься, — воскликнула

Калитина.—Твои денежки! Безъ тебя я никогда бы ихъ не получила.

— Ну тамъ, бабушка, видно будетъ.

Разумѣется, когда Миша принесъ листъ и объяснилъ, въ чемъ дѣло, офицеръ прочелъ все написанное графомъ. Онъ прочелъ не такъ, какъ Миша, а быстро, твердо и ровно. Онъ остановился только два раза, чтобы прибавить отъ себя:

— Тутъ ошибка въ грамотѣ. Ну, что же, не далась грамота вашему родителю, вотъ и все. Бумага все-таки годится. Ну-ка, бабушка, вздохните, перекреститесь, да и садитесь трудиться. Пишите свое званіе, имя, отчество и фамилію.

— О-охъ!—вздохнула Лукерья Павловна.—Надо, Васенька, съ сердцемъ собраться.

— То-то и я говорю. Графчикъ обождетъ. Нутка, садьте.

Офицеръ усадилъ старушку на кресло, положилъ ея руку на столъ, всунулъ перо въ пальцы, подложилъ листъ и, оглядѣвъ съ обоихъ сторонъ, спросилъ:

— Покойно ли? Можете ли чертить?

— Испробую. Я, Васенька, годовъ пятнадцать въ эдакой оказіи не бывала. Боюсь, литеры-то я не всѣ помню. Литеръ-то вѣдь много всѣхъ. Ихъ всѣ не упомнишь.

— Ну, я вамъ буду сказывать, а вы пишете. Ну-ка, съ Богомъ начинайте.

И офицеръ началъ диктовать буквы по порядку, одна за другой, а старушка ставила ихъ отдѣльными крючками.

Такимъ образомъ, послѣ трехъ передышекъ, черезъ четверть часа времени появилось цѣлыхъ двѣ строчки крючковъ, изъ которыхъ сложилась подпись:

„Вдова секундъ-майора Гликерія, Павлова дочь, Калитина руку приложила.“

Едва только старушка успѣла подписать и положила перо, какъ въ горницу внесли два большихъ ящика, обитыхъ сафьяномъ.

— Это что же?—удивился молодой человѣкъ.

— Это футляры,—отозвался Миша,—футляры отъ сервиза. Такъ всегда они и лежали въ прежнее время.

Офицеръ отворилъ одинъ изъ ящичковъ и ахнулъ.

— Ишь ты какая затѣя. Николи и не приходилось мнѣ видѣть. Каждому предмету свое мѣсто и каждый-то предметъ, какъ орѣхъ въ скорлупу, войдетъ. Чудно. Да вѣдь за эти два футляра сто рублей отдать должно.

— И побольше,—замѣтил старикъ Афанасій, появившійся въ дверяхъ горницы.

Миша поднялъ глаза, услыжавъ голосъ любимаго дядьки, и увидалъ, что его старый Афоня дѣлаетъ ему какіе-то знаки.

Миша приблизился къ старику и вопросительно взглянулъ на него.

— Идите, что ль,—шепнулъ Афоня.

Онъ взялъ за руку барчука и выговорилъ:

— Бѣги къ себѣ, я сейчасъ приду. Дѣльце есть.

— Такъ пойдемъ.

— Нѣту, вмѣстѣ боюсь. Родитель тутъ въ прихожей. За-видитъ. А ты ступай одинъ. Какъ онъ въ кабинетъ—я къ тебѣ!..

XVIII.

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ поднялся въ горницу Миши, нетерпѣливо ожидавшаго дядьку, и, затворивъ за собою дверь, выговорилъ:

— Мишенька, сервизъ-то энтотъ стоитъ страшнѣющихъ денегъ. Сказывали мнѣ, годовъ тому будетъ двадцать, твой дѣдушка съ бабушкой, что ему цѣна тысячъ десять. Ну-съ, а сколько по твоему долженъ родитель твой Калитиной?

— Всего три тысячи.

— За что же онъ двадцать отдаетъ? Серебро тѣ же рубли?

— Не знаю, Афоня.

— То-то, не знаешь. А я вотъ знаю! Кондратьева родитель вызывалъ, приказалъ молодецъ къ вечеру готовить. За-чѣмъ же?

— Ну?

— Размысли.

— Не знаю, Афоня.

— То-то ты ничего не знаешь. Барыня съ внучкомъ отсюда поѣдутъ, а молодцы ее въ лѣсу у Акулькина брода выждутъ, обоихъ ухлопаютъ, а сервизъ обратно привезутъ.

— Полно, Афоня, что ты!

— Что ты, что ты,—передразнилъ старикъ барчука.—Ма-хонькій ты младенецъ, вотъ что.

— Такъ что же намъ дѣлать?

— Вотъ то-то я и говорю: что намъ дѣлать? Я такъ полагаю, что намъ нечего дѣлать. Коли убойными дѣлами будетъ родитель твой прохлаждаться, такъ попадетъ въ скорости.

Увезутъ его отъ насъ куда подальше, а ты напимъ бариномъ будешь. И хорошее дѣло! Только жаль мнѣ очень старушку. Ей и такъ умирать скоро. Въ чемъ душа держится. Ужъ дать бы ей помереть своей смертью. А мальчуганъ-то, чортъ съ нимъ, мы его не знаемъ, какой онъ такой. Пушай отболривается. А старушку ужъ больно жаль. Какъ бы намъ это дѣло сварганить?

— Какое дѣло?

— Да чтобы старушка жива осталась.

Миша развелъ руками.

— Вѣдь это ты, Афоня, все выдумалъ. Нѣшто это возможное дѣло?

— Ну, вижу я, ты мнѣ не въ помощь. Я самъ пойду, что надумаю. А ты молчокъ, вотъ что. Смотри.

Афанасій быстро вышелъ изъ горницы, а Миша, еще за нѣсколько минутъ счастливый и довольный, снова сумрачный и встревоженный сѣлъ на подоконникъ и задумался.

— Неужто же и въ самомъ дѣлѣ?—прошепталь онъ вслухъ.— Не можетъ сего быть. Афонѣ отъ старости невѣсть что въ голову лѣзеть. А Кейкуатовъ? Все то же!

Спустившись внизъ, Миша не мало удивился, увидя отца вмѣстѣ съ гостями уже въ столовой. Графъ весело болталъ, шутилъ, рассказывалъ офицеру, какія у него гончія и борзья, рассказывалъ про придворную охоту, на которой присутствовалъ пажемъ при государѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ.

Молодой Калитинъ тоже весело и любезно спорилъ о чемъ-то съ Девьеромъ и добивался, чтобы графъ непременно обѣщаль пріѣхать куда-то.

— Вы увидите, какое поле мы устроимъ,—прибавилъ Калитинъ.

Старушка сидѣла довольная, глядѣла на обоихъ собесѣдниковъ и радовалась. Оба бесѣдовали, какъ если бы тому назадъ часъ ничего не случилось въ домѣ.

Чрезъ нѣсколько времени Лукерья Павловна приказала закладывать свою карету, но графъ возсталъ противъ этого.

— Нѣту, сударушка, на радости, что мы съ вами покончили, я васъ ранѣе вечера не отпущу. Вы у меня откушаете, потомъ я вашему внуку покажу мой конный дворъ. А тамъ мы поужинаемъ и наливочки выпьемъ, сынка моего поздравимъ. Онъ у меня, почитай, нареченный женихъ. А тамъ ужъ ввечеру вы и поѣдете.

— Темно будетъ,—заявилъ Калитинъ.

— Наплевать, что темно. Я вамъ шесть человѣкъ провожатыхъ съ фонарями дамъ. По дорогѣ будетъ свѣтло какъ днемъ. Не первый разъ мнѣ гостей отпускать въ ночь. Я вамъ свой конвой дамъ въ десятокъ человѣкъ.

Послѣ нѣкотораго препирательства гости согласились и остались, рѣшивъ выѣхать въ сумерки.

Миша былъ очень доволенъ, что гости останутся цѣлый день. Онъ предполагалъ успѣть рассказать своей добръющей Лукерьѣ Павловнѣ, что каждый мигъ ожидаетъ господина Хераскова и что не далѣе какъ черезъ сутки онъ будетъ уже обьявленъ женихомъ своей Сони.

Гости прошли въ кабинетъ графа. Миша посидѣлъ съ гостями, но, посланный отцомъ зачѣмъ-то въ столовую, онъ напнулся на Афанасія.

Суровое и озабоченное лицо старика удивило его.

— Ты что, Афоня?

— Что? Глупая твоя голова! Да все то же. Вишь теперь до ночи ихъ оставилъ. Аль ты совсѣмъ махонькій? Вѣдь онъ строить.

— Что строить?

— Что? Вѣстимо дѣло, что. Строить имъ прихлопку. А я по сю пору ничего надумать не могу. Опять тебѣ говорю, мальчуганъ чортъ съ нимъ, онъ намъ чужой человѣкъ. А старушку-то больно жалъ.

— Что же тутъ дѣлать,—развелъ руками Миша.—Я полагаю, Афоня, тебѣ все грезится.

— Ахъ ты, бездонная твоя голова. Младенецъ неповинный. Говори ты мнѣ, хочешь ты добръющую старушку отъ смерти упасти!

— Вѣстимо, Афоня.

— Ну такъ ладно, помни это. Будь ввечеру готовъ тайкомъ отъ отца, верхомъ садиться и скакать, сломя голову.

Миша вернулся къ гостямъ нѣсколько смущенный и озадаченный. Предложеніе дядьки его тревожило, потому что уѣхать безъ позволенія отца, да еще вечеромъ, было опасно.

— А помилуй Богъ,—думалъ молодой малый,—разгнѣвается въ этихъ-то обстоятельствахъ, когда каждую минуту можетъ пріѣхать Петръ Иванычъ. За что же я себя загублю. Разгнѣвается и откажетъ Хераскову.

Графъ горячо спорилъ о чемъ-то съ офицеромъ, поэтому

Миша подсѣлъ къ Калитиной и сталъ, говоря съ ней, глядѣть на нее съ участіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе дядьки казалось ему совершенно бессмысленнымъ.

— Неужели же вотъ эту самую добрую старушку да убьютъ сегодня вечеромъ по приказанію родителя, ради возврата отданнаго ей сервиза?!

И Миша отчаянно таращилъ глаза на Лукерью Павловну, ежился на стулѣ, и вздыхалъ ежеминутно, какъ еслибъ ему было душно въ горницѣ.

Калитина невольно замѣтила что-то особенное въ своемъ любимцѣ.

— Что съ тобой, соколикъ-графчикъ? — спросила она.

— Ничего-съ!...

— Застудился, что ли, въ Валуйкахъ. Испей липоваго цвѣту на ночь, да оботрися маковымъ маслицемъ. Особенно поясницу... Тебѣ дядька это сдѣлать можетъ...

А Миша вздохнулъ снова и подумалъ:

— Маковое маслице! Какое тутъ маслице... Ахъ, бѣдная! Неужто ее убьютъ сегодня на дорогѣ.

Миша сталъ представлять себѣ, какъ молодцы отца нападутъ среди тьмы ночи на Калитиныхъ и какъ кто-нибудь изъ нихъ выстрѣлитъ или пырнетъ ножемъ въ старушку... А тамъ ее найдутъ въ лѣсу, мертвую, хоронить будутъ... А душа ее, пожалуй, здѣсь въ Погромцѣ бродитъ по полуночи начнетъ и къ нему въ мезонинъ придетъ...

— Охъ, Господи! Страсти какія — воскликнулъ Миша въ полголоса и, испугавъ старуху своимъ восклицаніемъ, безъ всякаго объясненія выскочилъ изъ горницы.

— Чудной онъ у васъ, — замѣтила Калитина графу. — А славный парень. Люблю я его.

Въ корридорѣ Миша наскочилъ на Афанасія, и дядька, ухвативъ его за руки, зашепталъ ему на ухо быстро и радостно.

— Ничего не будетъ! Я, Мишенька, отъ Кондратьева. Уломалъ. Усовѣстилъ. Обѣщается грѣха на душу не брать. На образъ божился.

— Что же? Что?...

— Офицера ухлопаютъ; сервизъ сграбятъ, а Лукерью Павловну будто ненарокомъ въ живыхъ оставятъ. Кондратьевъ говоритъ: дамъ ей тукманку легонькую въ затылокъ, она старая

ошалѣть на часъ времени, а послѣ отдышется. А я, молю, скажу, барину—убили обѣхъ. Вотъ!

— Ну, слава Богу!—перекрестился Миша.

XIX.

Около сумерекъ карета Калитиной была уже подана, а два огромныхъ футляра съ многоцѣннымъ сервизомъ были въ нее поставлены, и старушка начала собираться. Гостепріимный хозяинъ, графъ Антонъ Петровичъ, всякими любезностями затянулъ однако отѣздъ гостей до наступленія ночи.

Онъ самъ повелъ старушку къ каретѣ, расцѣловался три раза съ молодымъ офицеромъ и окруженный десяткомъ своихъ дворовыхъ стоялъ у дверцы, пока Калитины усаживались. Старушка обкладывала себя подушками, а офицеръ долго возился, не зная, куда дѣвать, изъ-за футляровъ, свои ноги.

Вокругъ кареты было четверо верховыхъ съ большими фонарями на шестахъ, которые они высоко держали надъ головами. За каретой графъ хотѣлъ по обѣщанію отправить полдюжины конвойныхъ; но молодой Калитинъ объяснилъ графу, что его званію офицера оскорбительна такая предосторожность.

— У насъ шалютъ на дорогахъ, грабителей много,—заявилъ теперь графъ. — А вѣдь у васъ что въ каретѣ-то? Цѣлое состояніе.

— За то, графъ, у меня шпага и пистолеты.

— И! полно, молодець, хвастать да похваляться! Бери конвой, сказалъ Девьеръ съ какимъ-то страннымъ смѣхомъ. Онъ вспомнилъ, какъ этимъ оружіемъ пугнулъ его молодой человекъ нѣсколько часовъ тому назадъ, и злоба шевельнулась въ немъ.

— Я не похваляюсь... отозвался Калитинъ.

— Это хорошо, продолжалъ графъ, на одного или двухъ человекъ. А какъ нагрянетъ дюжина грабителей, головорѣзовъ, такъ что жѣ вы подѣлаете съ вашими двумя пистолетами?

— Коли двухъ застрѣлю—остальные не полѣзутъ, а бросятся въ разсыпную!—заявилъ Калитинъ.

— Бери лучше конвой,— снова шутливо предлагалъ Девьеръ.—Какой ты воинъ. Вы изъ пеленокъ недавно.

Разумѣется, эти послѣднія слова заставили Калитина наотрѣзъ отказаться отъ предложенія.

— Благодарю и не допущу, графъ, — сурово отвѣтилъ онъ.—Я за бабушку и за сервизъ отвѣчаю. Вотъ фонари— это другое дѣло, пускай ѣдутъ передъ нами. Поѣдемъ пошибче при огнѣ.

— Фонари тутъ не при чемъ, сударь мой, — снова подсмѣиваясь, настаивалъ Девьеръ.—Случись какая бѣда, шаркни кто изъ лѣсу, хоть медвѣдь что ли, такъ мои фонарщики, говорю тебѣ впередъ, побросаютъ свои огни и первые укачутъ отъ кареты.

— Ну и чортъ съ ними тогда. Мои пистолы отъ меня не укачутъ?—отвѣчалъ офицеръ.

— Ишь вѣдь какой, усмѣхнулся графъ, пожимая плечемъ.

— И при этомъ лицо его оживилось довольствомъ.

Экипажъ съ четырьмя передовыми молодцами, освѣщавшими дорогу, загромыхалъ и двинулся рысцей со двора усадьбы.

Часа черезъ два послѣ проводовъ, карета старушки-помѣщицы уже тихо подпрыгивала и постукивала, тащась шагомъ по грязной осенней дорогѣ, пролежавшей по глухому лѣсу.

За все время молодой человѣкъ и старушка почти не сказали между собою ни слова. Лукерья Павловна начинала было бесѣду, но офицеръ отвѣчалъ односложно или отмалчивался. Кончилось тѣмъ, что старушка обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Не прихворнулъ ли ты, Вася?

— Нѣту,—угрюмо отозвался офицеръ.

Причина, побудившая молодого человѣка угрюмо молчать, была простая.

Молодецъ, видно, заднимъ умомъ былъ крѣпокъ и только теперь, вступивъ среди тьмы ночной въ дремучій лѣсъ, сталъ смутно предчувствовать или догадываться... Онъ разбиралъ все поведеніе графа Девьера по ниточкѣ, все, что тотъ за весь день говорилъ, все, что дѣлалъ. Вопросы одинъ другого удивительнѣе задавалъ теперь себѣ молодой человѣкъ.

— Какъ было отдать сервизъ тысячъ въ семь, восемь, вмѣсто долга въ три тысячи?—спрашивалъ онъ себя мысленно.—Зачѣмъ было задерживать насъ въ усадьбѣ до ночи? Почему было сегодня вечеромъ, ужъ коли такъ хозяинъ любезенъ, не попросить насъ остаться ночевать до завтрашняго утра? Зачѣмъ было любезно предлагать конвой, а вмѣстѣ съ тѣмъ подшучивать надъ нимъ при всей дворнѣ? Наконецъ

главное: разные темные слухи, которые ходят про обоихъ графовъ Девьеровъ, что они на всякое худое способны.

Чѣмъ больше углублялась карета въ глухой лѣсъ, чѣмъ тише ѣхала, покачиваясь въ колеѣ, изрѣзанной большущими корнями столѣтнихъ деревьевъ, не позволявшими ѣхать рысью, тѣмъ сильнѣе овладѣвали молодымъ Калитинимъ смущеніе и какой-то суевѣрный страхъ. „Шпага и два пистолета, что же это противъ десятка молодцевъ, которые могутъ напасть среди этого лѣса?“ думалось ему. „Неужели же здѣсь, теперь, неожиданно-негаданно придется умереть, быть убитымъ?“

Молодой человекъ не выдержалъ и вдругъ, обернувшись къ старушкѣ, взявъ ее за руки, потянулъ къ себѣ и сталъ цѣловать ее.

— Что ты, родимый?!—воскликнула Лукерья Павловна.

— Простите, бабушка, я васъ погубилъ. И себя и васъ погубилъ. Я столичный житель... Мнѣ просто не вдомекъ было. Теперь вижу, какая глушь тутъ и какая дорога... Все понять...

— Что ты, Христось съ тобой.

— Сердце мое чуетъ, бабушка, что поступилъ я какъ малый, неразумный дѣтенышъ. Хуже того. Поступилъ глупѣе, чѣмъ какая курица поступила бы. А теперь дѣло конченное.

— Да чего ты?—переспрашивала старушка.

— Опасаюсь я, бабушка, что подстроилъ намъ западно этотъ изувѣръ. Въ этомъ самомъ лѣсу грянуть на насъ его молодцы, отнимутъ сервизъ, да и насъ не пощаждать, убьютъ.

Лукерья Павловна не отозвалась ни единымъ словомъ на рѣчи внука. И только черезъ минуту она вздохнула и вымолвила:

— А Богъ-то на что, Вася?!

— Ахъ да, Богъ. Вѣстимо. Только на Бога-то, бабушка, надѣйся, а самъ-то не глупи. Дураковъ-то и Господь Богъ не защищаетъ!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Калитинъ.

Старушка не отвѣчала ничего, но послѣ небольшой паузы перекрестилась три раза, потомъ въ темнотѣ кареты перекрестила своего внука и произнесла:

— Вотъ, Вася, какъ передъ Богомъ скажу тебѣ. Все то ты пустяки болтаешь. Ничего худого съ нами не будетъ. У меня сердце вѣрный податчикъ. За всю жизнь мнѣ все хорошее и худое подавало. И вотъ теперь, соколикъ мой, ни-

чего-то оно мнѣ такого погибельнаго не сказываетъ. Доѣдемъ стало быть мы благополучно до двора.

— Давай Богъ!—отозвался молодой человѣкъ.

Но едва только успѣлъ онъ произнести это слово, какъ кучеръ съ козелъ экипажа крикнулъ испуганнымъ голосомъ:

— Что такое? Кто вы? Чего вамъ?

Словъ этихъ Калитинъ почти не понялъ, настолько взволновали они его сразу. Но онъ понялъ оттѣнокъ голоса кучера. Въ этомъ голосѣ былъ такой перепугъ, что, послѣ его двухчасового думанья объ опасности, эти нѣсколько словъ сразу заставили встрепенуться все его существо, а сердце будто стукнуло, будто крикнуло:

— „Вотъ! Вотъ оно!“

Въ нѣсколько мгновений произошло нѣчто, чего Калитинъ долго не могъ забыть.

Передъ каретой на дорогѣ съ двухъ сторонъ появилось нѣсколько человѣкъ пѣшихъ и верховыхъ. Всадники бросились къ лошадямъ и схватили ихъ подъ уздцы. Пѣшіе были у дверецъ кареты, тащили кучера съ козелъ, боролись сзади съ лакеями, таща съ запятокъ.

Фонарщики, заголосивъ благимъ матомъ, какъ бы по командѣ, ускакали по дорогѣ. Освѣщенная дотолѣ хоть мало, мѣстность сразу исчезла изъ глазъ и все погрузилось во тьму. И среди этого непроницаемаго мрака ночи шла отчаянная свалка. Калитинъ слышалъ топотъ скачущихъ и удаляющихся коней, вопли перепуганныхъ людей и ждалъ... Дверца кареты съ его стороны отворилась. Онъ увидѣлъ и различилъ смутно движущіяся фигуры. Ихъ было нѣсколько. Онъ напрягъ зрѣніе и сталъ различать все яснѣе.

— Вылѣзай, вы!—крикнулъ кто-то молодому человѣку и чья-то рука протянулась въ карету, схватила офицера за обшлагъ мундира и потащила на себя.

Пистолеты офицера уже были наготовѣ, но сжаты между колѣнами. Сберегая выстрѣлы, онъ наудачу изъ всей силы ткнулъ шпагой въ налѣзавшаго.

Фигура дико рывкнула, застонала и повалилась на землю. Но, вслѣдъ за упавшимъ, другой бросился въ карету, а со стороны Калитиной тоже растворилась дверка и тоже лѣзъ другой человѣкъ.

— Не тронь. Вишь топорь!—прооралъ голосъ кучера.

Калитину показалось, что топорь простучалъ по кузову

кареты, а мгновеніе спустя зазвенѣлъ на чемъ-то другомъ. Кучеръ рубиль... Снова пронесся стонъ и снова кто-то повалился на дорогу.

Офицеръ взялся за пистолеты и выпалилъ мимо старушки въ человѣка, влѣзавшаго съ ея стороны. Фигура безъ крика, безъ одинаго звука кубаремъ вывалилась на дорогу.

— Что же дѣлать? — быстро, какъ молнія, мелькнуло въ головѣ офицера: что же дѣлать? Остался одинъ выстрѣлъ!

Но въ тотъ же моментъ съ обѣихъ сторонъ кареты появилось еще больше народа. Крики, гвалтъ и сумятица усилились. Завязалась остервенѣлая схватка. Но въ карету не лѣзъ никто.

Молодой человѣкъ глядѣлъ во всѣ глаза и ничего не могъ понять. Наконецъ онъ услышалъ слова:

— Ахъ вы злодѣи! Разбойники! Грабили вѣдь, грабили! Въ топоры ихъ! Валяй. Не жалѣй. До смерти. Въ топоры!

Не сразу понялъ молодой человѣкъ, что вокругъ ихъ экипажа происходитъ борьба изъ-за нихъ и что кто-то одолеваетъ, кто-то кого-то валить, бьетъ и приказываетъ вязать. Но кто?

Калитинъ держалъ въ рукахъ пистолеть, наготовѣ, чтобы стрѣлять въ первую фигуру, которая двинется ближе и снова полѣзетъ въ экипажъ.

И вотъ высокая фигура движется прямо къ каретѣ, подходит къ самой дверцѣ. Калитинъ хочетъ уже выпалить, но снова его удерживаетъ мысль:

— „Вѣдь послѣдній, послѣдній выстрѣлъ. Потомъ-то что же?“

— Убью, не подходи!—крикнулъ онъ во все горло.

— Небось. Я не изъ грабителей. Ихъ одолѣли. Кто вы такіе? — отзывается голосъ. — На васъ напали? Разбойники?

Молодой человѣкъ невольно опустил пистолеть, но, еще ничего не понимая, не отвѣчалъ ни слова.

— Кто вы такіе? Куда ѣдете? Что тутъ было? Грабить вѣдь васъ собирались?

— Да, грабить. Кто вы?

— Я помѣщикъ здѣшній, Херасковъ. Вы кто такіе?

Этого слова было достаточно. Калитинъ бросилъ пистолеть и выскочилъ вонъ изъ кареты.

XX.

Оказалось, что дворянинъ Петръ Ивановичъ Херасковъ, по пути въ село Погромецъ къ графу Девьеру, съ сумерекъ и до ночи застрѣлъ въ лѣсу. По дорогѣ экипажъ Хераскова сломался, и онъ просидѣлъ среди лѣса нѣсколько часовъ, пока люди не съѣздили въ сосѣднюю деревушку. Они вернулись съ мужиками и телѣгами, въ которыя Херасковъ переложилъ свое имущество и двинулся далѣе.

Но тутъ, едва только тронулся онъ съ мѣста, какъ услышалъ выстрѣлъ и крики и тотчасъ же бросился съ своими людьми и въ сопровожденіи десятка крестьянъ, которыхъ созвали, чтобы охранять до утра его покинутый экипажъ. И вся гурьба бросилась на помощь, вѣрно предположивъ нападеніе на проѣзжихъ.

Узнавъ, что передъ нимъ стоитъ офицеръ Калитинъ, Херасковъ спросилъ, не родня ли онъ Лукерѣ Павловнѣ?

— Какже-съ. Да мы же это и есть. Бабушка вотъ въ каретѣ.

Тутъ только вспомнивъ о бабушкѣ, офицеръ бросился къ ней. Старушка лежала безъ движенія и безъ сознанія.

— Что такое? Помилуй Богъ, — закричалъ Калитинъ. — Ужъ не ранили ли, не убили ли?

По счастью скоро выяснилось, что со старушкою отъ испуга сдѣлался обморокъ. Не скоро пришла она въ себя и, очнувшись, глядѣла странными глазами.

Кто-то изъ народа, прибѣжавшаго съ Херасковымъ, разыскалъ брошенный на дорогѣ фонарь и его зажгли. Снова дорога, лѣсъ и экипажъ были освѣщены.

Тутъ только вполнѣ сознательно осмотрѣлся молодой чело-вѣкъ и узналъ все происшедшее.

Оказалось, что шесть чело-вѣкъ разбойниковъ, лошади которыхъ бродили вблизи дороги, были всѣ въ рукахъ у проѣзжихъ. Двое изъ нихъ лежало на землѣ, одинъ мертвый, другой тяжело раненый, а четверо легко пораненные топорами были связаны по рукамъ и ногамъ. Остальные скрылись.

— Всѣхъ была куча! заявилъ Херасковъ, — но многіе уползли шибко раненые.

Послѣ минутнаго совѣщанія, Херасковъ посовѣтовалъ, чтобы Калитины продолжали путешествіе, взявъ съ собою въ охрану

крестьянъ, чтобы выбраться благополучно изъ лѣсу. Самъ же Херасковъ рѣшилъ, переложивъ всѣ свои вещи на одну телѣгу, въ другую положить захваченныхъ разбойниковъ и продолжать свой путь въ Погромець.

— А тамъ я, при помощи графа Девьера, отправлю ихъ въ городъ, — сказалъ онъ.

— Лучше и не надо! Лучше не выдумаешь! — отозвался грубо одинъ изъ связанныхъ молодцевъ. И онъ злобно расхохотался.

Калитины, горячо отблагодаривъ своего спасителя, двинулись далѣе, окруженные гурьбой мужиковъ съ топорами и дубинами въ рукахъ. Люди Хераскова освободили немножко вторую телѣгу отъ вещей и положили въ нее кучей четырехъ связанныхъ молодцевъ.

— Эдакъ на базаръ телятъ да свиной возить — подшутить лакей Хераскова.

Убитаго никто не тронулъ и даже не убралъ съ дороги. Раненаго оттасили въ сторону, и Херасковъ выговорилъ гнѣвно:

— Ну, околѣвай, песъ. Вашему брату хоть тоже велить помогать Господь въ Писаніи своемъ, да я, грѣшный человекъ, сердоболія на себя не возьму. Есть такіе грѣхи, которые на пользу добрымъ людямъ. Спасеть тебя кто, тѣмъ лучше. Подохнешь — туда тебѣ и дорога.

И черезъ нѣсколько времени двѣ телѣги, въ которыхъ ѣхалъ Херасковъ съ людьми и везли захваченныхъ грабителей, двинулись въ противоположную сторону.

На дворѣ было все еще темно и до разсвѣта далеко, когда дворянинъ Херасковъ въѣхалъ во дворъ усадьбы графа Девьера. Онъ приказалъ телѣгу съ разбойниками оставить въ деревнѣ на отвѣтственности бурмистра. Къ телѣгѣ онъ приставилъ карауломъ двухъ человекъ изъ своихъ дворовыхъ, а третій отправленъ въ Валуйки донести тотчасъ начальству и требовать солдатъ для полученія съ рукъ на руки злодѣевъ.

Затѣмъ Херасковъ уже самъ подъѣхалъ къ крыльцу усадьбы графа. Онъ приказалъ не будить хозяина, такъ какъ самъ, утомившись отъ пути и отъ всѣхъ приключеній, желалъ заснуть.

Дѣйствительно, едва только раздѣлся онъ и легъ въ постель той самой горницы, гдѣ наканунѣ жили Калитины, какъ заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Но не успѣлъ выспаться дворянинъ Херасковъ.

Чуть брезжилъ свѣтъ въ окнахъ, когда въ горницу явился самъ хозяинъ и сталъ будить его.

— Вставай, гость нежданный, — говорилъ графъ Девьеръ, и голосъ его былъ не мягокъ, а показался проснувшемуся прїѣзжему даже грубымъ.

Херасковъ приподнялся съ постели, протирая глаза.

— Прости, что разбудилъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Виновать не я. Наболванилъ ты, себя и вина.

— Что? — вымолвилъ, изумляясь и отчасти холодно, Херасковъ.

— Наболванилъ, говорю...

— Что ты, графъ. Иль ума рѣшился?

— Ну, одѣвайся и приходи ко мнѣ, Илья богатырь, лѣсной добродѣй. Перетолкуемъ и увидимъ, что намъ дѣлать.

И Девьеръ, повернувшись на каблукахъ, вышелъ вонъ изъ горницы, сильно хлопнувъ за собой дверью.

Херасковъ просидѣлъ нѣсколько мгновеній въ постели, недоумѣвая. Затѣмъ будто какая-то догадка пришла ему въ голову. Но онъ выговорилъ вслухъ:

— Фу! вздоръ какой. Нѣшто это можетъ быть. Слухи есть, да неужели же такъ потрафилось? Да вѣдь сервизъ-то его, говорилъ офицеръ. Вѣдь офицеръ валилъ на него. Правда, обинякомъ, но я такъ понялъ. А теперь этотъ злится и лѣзетъ на меня. Что за притча?!

Херасковъ быстро одѣлся, и не прошло четверти часа, какъ онъ уже былъ въ кабинетъ Девьера.

— Садись, будь все-таки гостемъ, милости просимъ, — рѣзко выговорилъ Девьеръ. — Я уже увѣдомленъ о твоемъ приключеніи, какъ ты ночнымъ спасителемъ сдѣлался. Только не осуди за правдивое слово. Не очень разумно, сударь ты мой, бухать въ колоколь, не глядя въ святцы, да въ будничнѣй день трезвонъ воскреснѣй разводить на всю деревню. Ты кого привезъ-то, кого захватилъ якобы разбойниковъ?

— Якобы, — произнесъ Херасковъ. — Хорошо, господинъ графъ, это слово „якобы“. Вѣдь я подоспѣлъ, когда Калигинъ уже двухъ уложилъ.

— Что жъ изъ этого? Нѣшто не могъ трусливый щенокъ зря палить по проѣзжимъ. Какъ онъ еще тебя не ухлопалъ судру, да въ темнотѣ.

— Да ты дай разсказать, графъ.

— Разказывай, послушаемъ, — разсмѣялся досадливо Девьеръ.

Херасковъ подробно разказалъ все происшествіе, начавъ со случая съ его экипажемъ, у котораго разсыпалось колесо, и окончивъ проводами Калитиныхъ, которымъ онъ далъ конвоемъ крестьянъ, пригнанныхъ изъ деревни.

— Что же, не разбойники, по твоему, — прибавилъ онъ.

— Вѣстимо нѣтъ. Да что съ тобой толковать! — вдругъ воскликнулъ Девьеръ. — Знаешь ли ты, кто эти люди, что ты перевязалъ и сюда доставилъ? Это мои люди. За тѣхъ двухъ, что вы убили, вы отвѣтъ дадите. А этихъ четырехъ я уже указалъ освободить.

— Какъ освободить? Что вы?

— Да такъ. Нечего переспрашивать. Иль ты махомъкій, иль ты русской рѣчи не разумѣешь. Моихъ освободили, а твоихъ стражниковъ перевязали, да на ихъ мѣсто положили. Я такъ этого дѣла не оставлю. Двухъ людей убили, четырехъ якобы разбойниковъ связали, всѣхъ коней распустили. Гдѣ я ихъ теперь отыщу? Ихъ безпремѣнно покрали, да угнали твои же мужики, Калитинскіе конвоиры. Нѣтъ, сударь мой, я этого дѣла безъ отместки пропустить не могу. Ты можешь сейчасъ же съѣзжать съ моего двора. А твоихъ разбойниковъ холоповъ повезу въ Валуйки.

— Такъ люди, графъ, были твои? — протяжно, съ разстановкой выговорилъ Херасковъ.

— Мои, мои.

— И ты сего не таишь, прямо самъ сказываешь?

— А то не сказывать? Почему же не сказывать? Прямо сказываю. И ѣду, тебѣ говорятъ, прямо въ земскій судъ въ Валуйки. Я не позволю себя порочить зря... Моихъ людей дворовыхъ выдавать за грабителей! Что надумалъ!

Херасковъ всталъ съ мѣста, пріосанился и выговорилъ, сурово глядя на Девьера:

— Ладно. Такъ поѣдемъ. Я такъ и быть уже въ телѣгѣ поѣду. Не вмѣстѣ же намъ ѣхать судиться. Это дѣло надо доподлинно разъяснить.

Херасковъ вышелъ изъ кабинета хозяина, зашелъ въ горницу, одѣлся и, выйдя на дворъ усадьбы, приказалъ попавшемуся на встрѣчу человѣку закладывать свою телѣгу и выѣзжать за нимъ на деревню. Онъ не хотѣлъ ни минуты оставаться въ домѣ Девьера.

Еще телѣга не была готова и подана, когда мимо него въ каретѣ четверней великолѣпныхъ лошадей проѣхалъ графъ. За нимъ въ бричкѣ везли связанныхъ двухъ дворовыхъ чело­вѣкъ Хераскова, которыхъ онъ поставилъ сторожами въ деревнѣ.

Графъ низко раскланялся съ дворяниномъ Херасковымъ изъ окна кареты и, насмѣшливо улыбаясь, проговорилъ:

— До свиданія, сударь мой. Нонѣ или завтра свидимся. Я тебя выучу разбойничать! — крикнулъ онъ, высунувшись изъ экипажа, когда карета уже проѣхала мимо.

Херасковъ не разсердился, улыбнулся и покачалъ головой.

— Что же это? И впрямь разбойникъ голый. Ну, братецъ мой, не сдобровать тебѣ. Мнѣ такъ сдается, пришелъ твой конецъ отважничать.

Но вдругъ дворянинъ остановился и ахнулъ.

— Ахъ ты, Господи! Главное-то и позабылъ. Что же теперь дѣлать? Ахъ, Соничка! Вотъ приключеніе-то. Да.

Херасковъ остановился и стоялъ задумчиво, разводя руками.

— Да. Вотъ такъ посватался! — произнесъ онъ наконецъ. — Вотъ тебѣ и сватовство! Вотъ тебѣ и свадьба! Что же теперь дѣлать?

Въ это время подъѣхала телѣжка. Херасковъ сѣлъ въ нее и крикнулъ:

— Въ Валуйки! Да погоняй!..

А черезъ нѣсколько мгновеній онъ снова выговорилъ вслухъ:

— Да, посватался. Ай да свать!

XXI.

Скверная дорога, тихая ѣзда и довольно далекое разстояніе до города дали возможность графу Девьеру достаточно пораздумать о своихъ дѣлахъ и обсудить свое новое положеніе.

До сихъ поръ въ продолженіе чуть ли не десяти лѣтъ многія его и братнины шалости и проказы, какъ они называли свои поступки, все сходили съ рукъ. Но братья не замѣтили, что подъ вліяніемъ удачи они становились все смѣлѣе и дерзче въ своихъ дѣяніяхъ.

Тому назадъ года два никогда бы не рѣшились они напасть и ограбить кого-нибудь изъ сановниковъ, ѣдущихъ въ вотчину изъ столицы. Только въ силу привычки, что все сходитъ съ рукъ, кончили они такими смѣлыми выходками.

И вотъ теперь какъ-то почти неожиданно и негаданно у графа Антона Петровича Девьера было на рукахъ два крупныхъ дѣла: ограбленье столичнаго князя и нападеніе на всѣмъ уважаемую мѣстную дворянку.

Вдобавокъ на этотъ разъ у него явился обвинитель въ лицѣ упрямаго, умнаго и, на его несчастіе, всѣми уважаемаго, доблестнаго дворянина.

Чѣмъ ближе приближался графъ Девьеръ къ Валуйкамъ, тѣмъ болѣе смущался. Хорошо, если можно будетъ задобрить и подкупить мѣстное уѣздное начальство и мѣстнаго предводителя Шидловскаго.

А если Валуйскія власти побоятся и князя Кейкуатова и Хераскова? А главное—два дѣла. Заразь два.

Глубоко задумавшись, Девьеръ не замѣтилъ, какъ приближился къ городку. Онъ очнулся, когда направо и налево показались кузницы и избенки.

Карета поѣхала шагомъ, такъ какъ дорога стала еще хуже. Улицы маленькаго, грязнаго и сѣренькаго городишки были въ несравненно худшемъ положеніи, нежели глухіе проселки. Такъ было во всѣхъ городахъ и городишкахъ всей имперіи. Когда въ маѣ мѣсяцѣ во всѣхъ проселкахъ уже бывало сухо и проѣзды были легки, въ такихъ городишкахъ, какъ Валуйки, еще стояли непролазныя лужи и топи.

Повернувъ за уголъ на большую улицу, примыкавшую къ мѣстному собору, Девьеръ выглянулъ и ахнулъ.

— Это что такое?

Онъ посмотрѣлъ въ окно, потомъ въ другое и еще болѣе изумился. На всемъ протяженіи улицы, почти черезъ домъ или два, у каждаго воротъ стоялъ большой рыдванъ, или коляска, телѣжка, фургонъ...

Въ Валуйкахъ былъ очевидно сѣздъ дворянъ. Оживленіе было особенное. На улицѣ сновали дворовые проѣзжихъ, точь въ точь, какъ бывало, когда собиралось все уѣздное дворянство на выборы.

— Что за притча!—воскликнулъ Девьеръ вслухъ.—Иль въ имперіи приключилось что неожиданное? Не императрица ли померла? Иль война какая? Да мнѣ ничего не давали знать. Чудно!

Карета двигалась еле-еле, покачиваясь изъ стороны въ сторону, подпрыгивая на рытвинахъ, а графъ сидѣлъ и горѣлъ какъ на угольяхъ. Нетерпѣніе его достигло высшей степени. Еслибы не грязь по колѣно, онъ выскочилъ бы изъ экипажа и вбѣжалъ въ ближайшій домикъ спросить перваго попавшагося, что значить этотъ сѣздъ въ городѣ.

Но вотъ, на его счастье, изъ какого-то переулка выѣхала телѣжка, и въ ней сидитъ офицеръ. Онъ ѣдетъ на встрѣчу.

— Спрошу,—сказалъ Девьеръ.—Онъ долженъ знать.

Когда экипажи повстрѣчались, Девьеръ крикнулъ кучеру:

— Стой!

И, поклонившись молодому красивому офицеру въ гвардейской формѣ, онъ обратился съ вопросомъ:

— Позвольте, государь мой, спросить. Не терпится мнѣ узнать. Что за причина сего необычнаго людства въ городѣ?!

Офицеръ вѣжливо раскланялся и, улыбаясь, выговорилъ:

— Неожиданный сѣздъ. По приглашенію генераль-губернатора созваны сюда не только валуйскіе дворяне, а даже изъ другихъ уѣздовъ. Вотъ я всего двѣ недѣли, какъ изъ столицы пріѣхалъ въ вотчину къ матушкѣ на побывку. А вмѣсто отдыха попалъ вотъ въ эту трущобу и сию здѣсь третій день,—разсмѣялся офицеръ.

— Да что же за причина?—спросилъ Девьеръ.

— Ахъ, вы, стало быть, проѣзжіи, не здѣшній помѣщикъ, не знаете. Сѣздъ дворянскій, чтобы обсудить важнѣющее дѣло. Одного изъ своихъ, такъ выразиться надо, братьевъ-дворянъ разсуживать будутъ за противныя дѣйствія.

— Кого же, позвольте узнать?..

— Здѣшняго помѣщика, графа Девьера.

— Что?—едва слышно, шопотомъ, какъ бы самъ себѣ, произнесъ Девьеръ.

Слово было сказано такъ тихо, что сидѣвшій за сажень отъ него въ телѣжкѣ офицеръ даже не могъ ничего слышать. Онъ поклонился, считая бесѣду оконченной и велѣлъ кучеру ѣхать.

Графъ ни слова не сказалъ своимъ людямъ, и карета его стояла, не двигаясь, среди улицы. Антонъ Петровичъ сидѣлъ въ ней не только блѣдный, но съ зеленоватымъ лицомъ, распавшимся ртомъ, а глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

Онъ что-то шепталъ какъ помѣшанный, что-то спрашивалъ,

самъ отвѣчалъ, путался въ словахъ. Онъ имѣлъ видъ не только потерявшагося человѣка, но помѣшаннаго.

Однако натура взяла свое. Прирожденная дерзость и самоувѣренность проснулись тотчасъ же. Онъ потеръ себѣ лобъ рукой, тряхнулъ головой и довольно спокойнымъ голосомъ крикнулъ кучеру:

— Пошелъ прямо къ дому предводителя!..

Черезъ нѣсколько минутъ карета Девьера остановилась около дома получше другихъ на видъ, который принадлежалъ предводителю дворянства Шидловскому.

Поравнявшись съ воротами, Девьеръ увидаль на дворѣ дома четыре красивыхъ экипажа. Онъ вошелъ, велѣлъ о себѣ доложить и ждалъ въ передней.

Когда онъ вошелъ, въ горницахъ дома слышался гулъ голосовъ, по крайней мѣрѣ, полдюжины гостей. Когда же лакей, отправившійся докладывать о немъ, достигъ этихъ горницъ, шумъ и гулъ сразу прекратились и наступила мертвая тишина.

Послѣ этой паузы послышался сдержанный смѣхъ, но веселый, звонкій. Черезъ мгновение вышелъ въ прихожую предводитель, но какой-то смущенный, и съ растеряннымъ видомъ сталъ мѣшковато просить Девьера пожаловать.

Самъ того не зная и не желая, будто велѣніемъ судьбы, графъ Девьеръ попалъ въ тотъ домъ, гдѣ остановились пріѣзжіе: губернаторскій товарищъ Солнцевъ, предсѣдатель уголовной палаты Карташевъ, а съ ними нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ второстепенныхъ властей.

Едва Девьеръ вошелъ въ гостиную, какъ „поручикъ правителя“ Солнцевъ поднялся на встрѣчу гостю и, не здороваясь, не подавая руки, произнесъ:

— По видимости, графъ, вы пріѣхали по собственнымъ причинамъ, такъ какъ я долженъ былъ послать за вами только сегодня ввечеру. А если вы пріѣхали случайно, то, стало быть, не знаете, не вѣдаете ничего касательно своей особы.

— Да что же мнѣ вѣдать?— съ легкимъ волненіемъ, но дерзко отозвался Девьеръ, мѣряя глазами обступившую его кучку гостей.

Солнцевъ заговорилъ медленно и официально:

— Я вамъ поясню. По указу генераль-губернатора Василія Андреевича Черткова и по порученію правителя Воронежскаго намѣстничества Осипа Ивановича Хорвата, я, поручикъ правителя, командированъ сюда. Въ ордерѣ, данномъ мнѣ совмѣстно

съ г. предсѣдателемъ уголовной палаты, Карташевымъ, указано было пригласить на съѣздъ въ Валуйки предводителей Воронежскаго намѣстничества, господъ: Карабанова, Тевяшева, Станкевича, Цурикова, Веригина, Донецъ-Захаржевскаго и Веневитинова. Въмѣстѣ съ ними указано мнѣ было прибыть на мѣсто для строжайшаго разслѣдованія дѣла, всѣмъ невѣроятнаго, всему дворянству поразительнаго! Князь Кейкуатовъ, находящійся теперь здѣсь, жаловался генераль-губернатору на ограбленіе его ночью на трактѣ изъ Острогожска въ Валуйки и обвиняетъ при семь васъ, графъ.

— Что же? Онъ въ бѣлой горячкѣ, видно...—выговорилъ Девьеръ сдавленнымъ голосомъ.

— У него есть свидѣтель, очевидецъ. И этотъ-то очевидецъ и показываетъ противъ васъ. Вашъ же дворовый, Телятевъ именемъ. Онъ цѣловалъ въ церкви крестъ и евангеліе предъ показаніемъ всего до васъ относящагося.

Девьеръ поблѣднѣлъ какъ полотно и не отвѣчалъ ни слова. Его лицо и его фигура все сказали ясно и неопровержимо гурьбѣ обступившихъ его дворянъ.

Поручикъ правителя обернулся ко всѣмъ и произнесъ:

— Позвольте мнѣ узнать ваше мнѣніе. Я бы полагалъ просить графа Девьера расположиться во флигелѣ дома господина Шидловскаго, по близости къ намъ, впредь до разсмотрѣнія всего дѣла.

— Конечно.

— Разумѣется.

— Вѣстимое дѣло,—отозвалось нѣсколько человекъ.

— У меня есть свой постоянный дворъ, гдѣ я всегда останавливаюсь,—вымолвилъ Девьеръ тѣмъ же сдавленнымъ глухимъ голосомъ, только глаза его страшно сверкали.

— Здѣсь будетъ удобнѣе—отозвался Солнцевъ.

— Я не желаю. Я желаю остановиться тамъ, гдѣ всегда останавливаюсь,—произнесъ Девьеръ громче.

— Въ такомъ случаѣ,—тоже громче заговорилъ Солнцевъ,—по власти, мнѣ данной господиномъ генераль-губернаторомъ черезъ правителя Воронежскаго намѣстничества, я объявляю васъ арестованнымъ и указываю вамъ на жительство флигель господина предводителя.

Девьеръ сдѣлалъ движеніе, Солнцевъ продолжалъ спокойно и холодно:

— Полноте, графъ, не вздумайте сопротивляться. Это бу-

деть малодушнымъ поступкомъ. У насъ здѣсь есть команда. Да если бы ея и не было, то мы дворовыми людьми можемъ заставить васъ исполнить приказаніе, идущее свыше. Я долженъ былъ нынче вечеромъ послать къ вамъ въ Погромецъ отдѣленіе изъ двухъ чиновниковъ, офицера и команды, чтобы привезти васъ сюда. Вы пожаловали сами, тѣмъ лучше. Менѣе зазорно, менѣе сраму. Теперь же покорнѣйше приглашаю васъ отправиться во флигель и расположиться тамъ. Съ завтрашняго утра мы начнемъ разслѣдованіе дѣла. Князь Кейкуатовъ живетъ напротивъ, а вашъ дворовый Телятевъ у него, уже двигается, хотя съ трудомъ. И все дѣло не замедлитъ разъясниться.

Девьеръ стоялъ, какъ истуканъ, блѣдный, опустивъ голову, руки его дрожали. Онъ какъ бы начиналъ терять сознание того, что слышитъ и видитъ.

Онъ не помнилъ, какъ кто-то, а это былъ предводитель Шидловскій, взялъ его подъ руку, вывелъ изъ дома, проводилъ черезъ дворъ и ввелъ во флигель.

XXII.

Когда Девьеръ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что стоитъ среди большой горницы, совершенно пустой, за исключеніемъ дюжины соломенныхъ стульевъ. Въ комнатѣ было очень свѣжо. Какой-то мужикъ растапливалъ печь. Дрова трещали, пламя гудѣло.

Девьеръ выглянулъ въ окно. У крыльца флигеля, гдѣ онъ очутился, стояли два солдата съ ружьями.

— Это что?—будто крикнулъ ему кто-то или какъ бы стукнуло, ударило его по сердцу. Кровь хлынула ему въ голову, и загудѣло въ ушахъ.

— Что это такое тутъ?—воскликнулъ онъ, показывая въ окно.—Зачѣмъ это? Кто это?—обернулся онъ къ истопнику.

— Вамъ чего, баринъ?—глухо откликнулся тотъ.

— Кто это у крыльца? У дверей солдаты. Зачѣмъ?

— Не могу знать, баринъ. Сейчасъ поставили. Меня сначала тоже не хотѣли пропускать съ дровами, да указъ вышелъ отъ господъ губернскихъ меня одного пропустить, а болѣ никого. Если вамъ что понадобится, вы токмо кулачкомъ постучите вотъ въ стѣнку, я сейчасъ и прибѣгу...

— А мои люди?

— Не приказано пущать никого. Я вамъ все услужу, вы будьте спокойны. Только въ стѣнку вотъ... кулачкомъ...

— Господи!—простоналъ Девьеръ, потомъ шагнулъ, уцѣпился за попавшійся стулъ и упалъ на него въ изнеможеніи.

— Не боюсь! Не дамся! Врете! Телятевъ. Что мнѣ Телятевъ? Врете! Бараны! Ослы! Вамъ ли со мною справиться!—шепталъ онъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ силы все болѣе оставляли его, и онъ началъ какъ-то сипло дышать. Но вдругъ онъ снова вскочилъ со стула и бросился къ окну.

— И этотъ... О, дьяволы!—проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

На дворъ предводителя вѣхалъ дворянинъ Херасковъ и, выйдя изъ телѣги, вошелъ въ домъ.

Разслѣдованіе дѣла о нападеніи графа Девьера на князя Кейкуатова началось въ тотъ же день. Но пріѣхавшій дворянинъ Херасковъ заявилъ другое дѣло, тоже до властей касающееся.

Явились уже два дѣла, которыя приходилось одновременно разслѣдовать. Черезъ сутки появился еще новый обвинитель и очевидецъ, молодой офицеръ Калитинъ, вызванный Херасковымъ.

Такимъ образомъ были два свидѣтеля, очевидца: раненый, но выздоравливающий конюхъ Телятевъ и дворянинъ Херасковъ. Имъ въ помощь явились ограбленный князь Кейкуатовъ и, избѣгнувшій случайно ограбленія, а быть можетъ, и смертоубійства, офицеръ Калитинъ.

Каждый день засѣдала комиссія изъ предводителей дворянства и предсѣдателя уголовной палаты.

Графъ Девьеръ, изъ-подъ ареста, являлся на допросы всегда при двухъ солдатахъ, которые смѣнялись на часахъ у крыльца домика.

Всякій день рассылались гонцы въ разныя стороны, и всякій день появлялись новыя причастныя къ дѣлу лица и свидѣтели. Вся конная команда графа Девьера была уже на лицо въ Валуйкахъ.

Вмѣстѣ съ ними явился изъ Погромца и Миша, испуганный, потерянный.

Ему позволили повидаться съ отцомъ въ присутствіи пред-

водителя Шидловскаго, но затѣмъ просили поселиться въ другомъ домѣ.

Черезъ недѣлю все, что было въ Валуйкахъ дворянъ, сразу поднялось. Лошади были заложены, и цѣлая вереница экипажей въ пятнадцать шагомъ двинулась изъ Валукъ въ городъ Воронежъ.

Впереди ѣхалъ поручикъ правителя, Солнцевъ, за нимъ въ своей каретѣ, но съ двумя солдатами на запяткахъ и съ унтеръ-офицеромъ на козлахъ, графъ Девьеръ. За его каретой протянулся весь поѣздъ экипажей господъ предводителей Воронежскаго намѣстничества.

Черезъ сутки ѣзды по непроходимой топи и грязи всѣ въѣхали въ губернский городъ. Графъ Девьеръ былъ поселенъ подъ стражей на постояломъ дворѣ, но ровно черезъ сутки былъ переведенъ въ мѣстный острогъ.

Со словъ правителя намѣстничества Хорвата, всѣ ужъ знали и говорили, что графъ Антонъ Петровичъ Девьеръ будетъ лишенъ правъ состоянія и наказанъ ссылкой въ Сибирь.

Поручикъ правителя доложилъ все дѣло намѣстнику, намѣстникъ послалъ съ бумагами верхового гонца къ генераль-губернатору. Черезъ двое сутокъ поручикъ правителя получилъ строжайшій выговоръ съ угрозой быть отставленнымъ отъ должности и службы. Онъ сдѣлалъ непростительный промахъ, не вызвавъ къ разслѣдованію дѣла брата подсудимаго, графа Михаила Петровича Девьера.

И теперъ Солнцеву строжайше предписывалось единымъ духомъ и „по всей скорости, въ обстоятельствахъ возможной“, взять отрядъ изъ Воронежскаго Напольнаго полка, посадить всѣхъ на обывательскихъ коней, самому принять команду надъ ними и скакать въ Придонскъ.

Правитель намѣстничества объяснилъ своему товарищу, что онъ долженъ дѣйствовать рѣшительно и круто, и исполнить два порученія. Одно легкое, другое мудреное.

Первымъ дѣломъ предписывалось ему арестовать графа Михаила Петровича Девьера и въ экипажѣ подъ конвоемъ вооруженныхъ солдатъ доставить въ Воронежъ.

Второе заключалось въ томъ, чтобы заняться обслѣдованіемъ всей мѣстности въ вотчинѣ и разузнать посредствомъ разспросовъ, и даже пристрастія и батоговъ, точно ли существуетъ въ Придонскѣ большое подземелье.

Если таковое найдется, то освидѣтельствовать его подробно

и донести, что окажется. Если будетъ сопротивленіе со стороны дворовыхъ или крестьянъ графа Михаила Девьера, то не затрудняться. Дѣйствовать угрозами и розгами, а если то не поможетъ, то дозволялось „почестъ все село за бунтовщицье“ и поступать со всѣми яко съ бунтарями, укрощая огнестрѣльнымъ оружіемъ.

XXIII.

Многочисленная команда пѣшихъ солдатъ на коняхъ со всякими смѣшными и забавными приключеніями шумно, говорливо, даже какъ-то весело, поскакала изъ Воронежа въ Острогжскъ, а изъ городка, отдохнувъ ночь, прямо въ вотчину графа Михаила Девьера.

Когда поручикъ правителя прямо прискакалъ на дворъ барской усадьбы, то его поразила чрезвычайная тишина и безлюдье какъ на деревнѣ, такъ въ особенности въ усадьбѣ. Не смотря на шумъ и гвалтъ, произведенные всей командой, никто не появлялся къ нимъ на встрѣчу.

Солнцева вошелъ въ домъ. Домъ былъ пустъ. Онъ послалъ солдатъ во флигель, вездѣ все было пусто.

— Что за диковина!—воскликнулъ онъ.—Точно вымерла вся усадьба.

Но тутъ Солнцева вспомнилъ вдругъ, что говорилъ ему при слѣдствіи раненый конюхъ.

„Баринъ графъ Михайло Петровичъ коли захочетъ“,—говорилъ Телятева,—„то можетъ со всей своей дворней и со всѣми пожитками укрыться въ оное подземелье, такъ какъ оно, сказываютъ, большущее“.

Солнцева тотчасъ же отрядилъ нѣсколько человекъ на село, дабы притащить кого-либо изъ крестьянъ.

Когда солдаты привели сѣдого какъ лушь старика-крестьянина, Солнцева взялъ его въ домъ, обласкалъ и объяснилъ:

— Ничего, не пужайся, вамъ ничего не будетъ. У насъ дѣло до одного вашего помѣщика. Ему можетъ быть худо, а вамъ отъ того ничего не приключится.

Старикъ лѣтъ девяноста, но бодрый и умный, смѣло и твердо объяснилъ начальству, что онъ готовъ всячески служить.

— Есть у васъ, какъ болтаетъ народъ во всемъ уѣздѣ, подземелье?

— Есть, родной мой.

— Стало быть, графъ Михайль Петровичъ съ дворней скрылся тамъ?

— Нѣту, отецъ родной. Могъ бы укрыться, да не такъ приключилось. Вся дворня его отъ страху суда и начальства разбѣжалась, кто куда попало. Есть, которые въ лѣсу обрѣтаются. Можешь переловить.

— А самъ онъ гдѣ? Убѣжалъ? — воскликнулъ Солнцевъ, боясь сугубаго отвѣта передъ генераль-губернаторомъ за свою оплошность.

— Нѣту, золотой мой, приказаль долго жить.

— Померъ?

— Померъ, отецъ мой.

— Что ты врешь, старикъ!

— Такъ сказываютъ, отецъ родной, что померъ. А намъ оно, конечно, сумнительно. Да и батюшка егѣ въ лицо не видалъ.

— Да гдѣ же онъ померъ-то?

— Здѣсь, въ домѣ. Позвали батюшку, а гробъ ужъ и заколоченъ. Тому четвертый день похоронила его на кладбищѣ, его женка Марѣутка, а сама удрала на тройкѣ и съ поклажей. Ее не словить ужъ...

— Что ты, старый! — изумлялся Солнцевъ. — Быть не можетъ. Неужели померъ!?

— Ей-ей, золотой мой. Токмо я на себя брать оное не стану, по всей по правдѣ доложу. Померъ и похоронили, только ты, государь мой, въ обманъ не давайся и эту мороку не допускай на себя. Мы тебѣ, все село, поможемъ. Намъ всѣмъ охота отъ нашего лиходѣя избавиться и во владѣніе молодого графчика выйти. Дѣйствуй, родной мой, дѣйствуй.

— Да что же мнѣ дѣлать! — отчаянно воскликнулъ Солнцевъ какъ бы себѣ самому.

— А вотъ что, родной. Первымъ дѣломъ пойдемъ мы въ подземелье, что тамъ окажется. А тамъ чудеса въ рѣшетѣ будутъ, вѣрно тебѣ сказываю. А ужъ коней-то тамъ будетъ видимо невидимо. А то, гляди, и заключенные окажутся. А апосля того, родной мой, укажешь вырыть покойника-то обратно, и посмотришь, что въ гробу-то лежитъ. И грѣха меньше, да и мороку-то разрушимъ.

По указанію старика, Солнцевъ съ командой выломаль огромную желѣзную дверь въ оранжереѣ, и вступилъ въ тем-

ное подземелье. Но едва только прошли они темнымъ ходомъ шаговъ тридцать, какъ показался свѣтъ.

Кто-то съ двумя фонарями шелъ на встрѣчу, и черезъ нѣсколько мгновений какіе-то люди, съ виду конюхи, бросились Солнцеву въ ноги.

— Не губи, ваше вельможество, мы подневольные! — завопили голоса. — Укажи миловать. Мы тебѣ все покажемъ и отдадимъ.

Подземелье оказалось довольно просторнымъ и въ немъ около дюжины великолѣпныхъ лошадей, которыхъ тотчасъ вывели на воздухъ. Лошади были со словъ конюховъ изъ послѣдняго грабежа и принадлежали князю Кейкуатову.

— Много у насъ перебивало такихъ коней, — заявилъ одинъ изъ конюховъ, — а долго не держали. Ночью приводили, ночью и сбывали съ рукъ. А эти вотъ маленечко застряли.

На допросъ Солнцева, есть ли что еще въ подземельѣ, трое конюховъ подземельныхъ примолкли, замялись, но затѣмъ опять бросились въ ноги.

— Что такое?

— Не губи, родной! — опять завопили они. Мы не при чемъ.

— Да ну васъ къ чорту. Сказано разъ, что вамъ ничего не будетъ. Говори. Будете таить, хуже вамъ будетъ.

— Есть, государь мой, есть. Томится въ заключеніи, вотъ уже почитай который годъ, барыня наша.

— Какая барыня! — воскликнулъ Солнцевъ.

— Барыня, кою баринъ хоронилъ, а она жива. Хоронили-то чурку, а она тутъ.

Солнцевъ въ ужасѣ тотчасъ же бросился по указанію конюховъ и въ глубинѣ подземнаго корридора ему показали дверку, которую пришлось ломать, такъ какъ ключей не было.

Въ небольшой подземной горницѣ со стѣнами, обдѣланными тесомъ, при свѣтѣ фонаря, оказалась лежащая на постели женщина.

На вопросы Солнцева она отвѣчала едва слышно, слабымъ разбитымъ голосомъ, но отвѣчала толково. Она объяснила, что она жена Михаила Петровича, графиня Девьеръ, рожденная Хераскова... Поили и кормили ее хорошо, случалось, по ночамъ и выпускали погулять на свѣтъ Божій. Однако сколько времени томилась она въ подземельѣ, графиня не могла сказать.

— Здѣсь всегда была ночь, — слабо произнесла она. — Богъ вѣдаетъ. Полагаю, что года цѣлые прошли.

При помощи людей, Солнцевъ вынесъ женщину на рукахъ и осторожно пронесъ подземельемъ. Затѣмъ устроилъ ее въ усадьбѣ въ одной изъ горницъ.

Она была страшно худа, желта лицомъ, но въ глазахъ было много жизни. Послѣ переноски она впала въ легкое безпамятство, но затѣмъ очнулась и еще болѣе толково и просто отвѣчала на вопросы пораженнаго всѣмъ случившимся Солнцева.

Она повторила, что не знаетъ, за что была заключена мужемъ въ подземную тюрьму. Сказывалъ ей однажды конюхъ, что графъ женился на другой. Позволеніе гулять ночью „по землѣ“ и „подъ небомъ“ давалось очень рѣдко и всегда приводило къ обмороку, однако несказанно облегчало ея участь.

— А то бы, вѣстимо, не прожила,—сказала она.

Разумѣется, Солнцевъ тотчасъ же послалъ гонца въ Валуйки, другого въ Воронежъ, прося указанія, какъ дѣйствовать.

Первый прибывшій былъ молодой графъ Девьеръ, но, черезъ два дня, около удивительно быстро оправлявшейся женщины, былъ уже ея двоюродный братъ и другъ, Петръ Ивановичъ Херасковъ, а равно и пріѣхавшая съ нимъ дочь.

XXIV.

Черезъ годъ, послѣ суда человѣческаго и Божьяго надъ двумя братьями графами Девьерами, въ Придонскѣ жилъ новый помѣщикъ, молодой графъ Михаилъ Антоновичъ, съ женой, графиней Софьей Петровной, и съ теткой, воскреснувшей почти изъ мертвыхъ.

Его тестъ Херасковъ часто гостилъ въ Придонскѣ, но проживалъ въ Погромцѣ, управляя и хозяйничая отъ имени своего зятя.

Графъ Антонъ Девьеръ былъ уже не графомъ, а ссыльнымъ поселенцемъ въ Камчаткѣ.

Судьба другого графа Девьера была и осталась загадкой. Слухъ въ Придонскѣ, что баринъ Михаилъ Петровичъ похоронилъ на кладбищѣ вмѣсто себя бревно, а самъ бѣжалъ, укрываясь отъ суда, долго упорно держался во всей окрестности.

Власти принуждены были вырыть гробъ. Но при этомъ присутствовали только два чиновника изъ Воронежа, а съ ними графъ Михаилъ Антоновичъ, дворянинъ Херасковъ и

мѣстный священникъ. Крышку гроба вскрыли и нашли въ немъ мертвое тѣло; но одежда была не дворянская, а крестьянская. Лицо же было настолько уже изуродовано разложениемъ, что ни молодой Миша, ни Херасковъ, ни священникъ, не могли положительно сказать, кому принадлежитъ тѣло.

Одежда смущала всѣхъ; но болѣе всего смущала Хераскова и Мишу голова мертвеца. Графъ Михайлъ Петровичъ волосы носилъ коротко остриженные и черные какъ вороново крыло. У мертвеца волосы были много длиннѣе и съ сильной просѣдью. Ростомъ, когда смѣрили мертвеца, онъ оказался на цѣлую четверть длиннѣе, или выше, нежели былъ графъ Михайлъ Петровичъ.

— Что же, предать тѣло землѣ, а дѣло волѣ Божьей!— сказалъ одинъ изъ чиновниковъ.— Коли не померѣ, да сказывается мертвымъ, такъ и считать его мертвымъ. Вамъ, графъ, пользоваться наслѣдствомъ и управлять, да по дядюшкѣ панихиды справлять. Коли онъ живъ, все лучше для спасенія души его.

И теперь, когда дворянинъ Херасковъ пріѣзжалъ повидаться съ дочерью, зятемъ и обожаемой имъ воскреснувшей двоюродной сестрой, то часто ввечеру полушутя, полусерьезно, онъ говорилъ зятю и дочери:

— А что, дорогіе мои. Вдругъ вотъ такъ-то будемъ мы сидѣть и внезапно явится къ намъ и раскланяется таково вѣжливо графъ Михайлъ Петровичъ, да и скажетъ: уходите-ка вы отсюда по добру, по здорову. Никогда я не помиралъ и хочу владѣть моею вотчиной.

— А мы ему скажемъ, — вступалась графиня Софья Девьеръ, — зачѣмъ вы тетушку уморить хотѣли. Пожалуйте въ Сибирь.

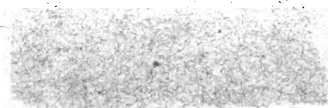
— Да, это вѣрно. Изъ-за меня онъ и померѣ или сказался умершимъ, — прибавляла старая графиня-тетка. — Побоялся отвѣта.

Молодой графъ Девьеръ при упоминаніи объ отцѣ или дядѣ всегда задумывался и ничего не говорилъ, даже не глядѣлъ въ лица говорившимъ, а опускалъ глаза или отворачивался.

— Чудно это!.. думалось Хераскову.— Примѣчательно есть что-то... таковое, что онъ таитъ отъ насъ.

PG3470

.S2

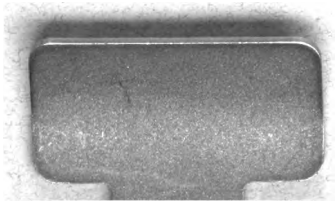
1894

t.13

A000002164908

A000002164908